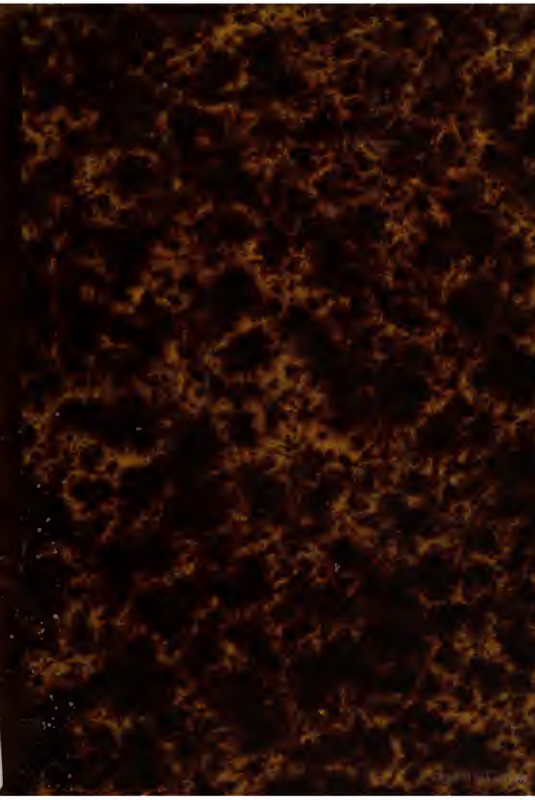

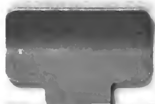

NAZIONALE
BIBLIOTECA
CENTRALE V. E. II
GOGOL
B
2946
ROMA

ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ

Ф. ШЛОССЕРА.

ИЗДАНІЕ

В. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА.

ТОМЪ VII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.

1868.

Одобрено цензурою. С.-Петербургъ, 10 января 1863 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ СЕДЬМАГО ТОМА.

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

III. Время крестовыхъ походовъ. (*Продолженіе*).

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

III. ВРЕМЯ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

III. ИСТОРІЯ ВАЖНѢЙШИХЪ ГОСУДАРСТВЪ ЕВРОПЫ

ДО ТРЕТЬЯГО КРЕСТОВАГО ПОХОДА.

---

4. Исторія Франціи по вступленіи на престолъ Филиппа I-го.

Предѣлы Франціи, исторія которой была доведена нами до вступленія на престолъ Филиппа I (т. VI. стр. 66), въ царствованіе этого короля и его ближайшихъ преемниковъ ограничивались, собственно говоря, провинціями Артуа, Пикардіей, Иль де Франсомъ, Шампаньей, Орлеануа, Мэномъ, Анжу, Туренью, Берри, Ниверну, Бурбоннуа и Оверныю; въ другимъ частяхъ государства королевская власть не имѣла почти никакого значенія, и при второмъ преемникѣ Филиппа, изъ рукъ короля ускользнули графства Мэнъ и Анжу. Герцогство Бургундія было почти самостоятельнымъ и по смерти Филиппа формально отказалось повиноваться королю. Нормандія, при Вильгельмѣ Завоевателѣ соединилась съ Англіей; Бретань находилась въ зависимости отъ норманновъ, но по своимъ законамъ, языку и нравамъ составляла совершенно отдѣльное государство; къ югу отъ нея простирались владѣнія герцоговъ аквитанскихъ и графовъ Пуату, почти необращавшихъ вниманія на

французскаго короля. Южнѣе ихъ до самаго Прованса лежали земли графовъ тулузскихъ, или, какъ обыкновенно называли ихъ по имени ихъ резиденціи, графовъ сенъ-жилльскихъ, присоединившихъ къ своимъ владѣніямъ Руэргъ и готскую мархію и называвшихъ себя герцогами нарбоннскими; Дофинэ и Провансъ имѣли особыхъ государей, а пространство отъ Соны до Монпелье занимало приходившее тогда въ упадокъ королевство арелатское. Даже въ другихъ провинціяхъ вассалы повиновались королю только до тѣхъ поръ, пока находили это для себя выгоднымъ; въ случаѣ нападеній короля они скрывались въ замки и спокойно выжидали тамъ окончанія срока службы королевскихъ вассаловъ или истощенія скудныхъ средствъ короля.

Значеніе французскаго короля еще болѣе унизилось при Филиппѣ I. Тотчасъ по вступленіи па престолъ онъ хотѣлъ наказать сына графа Бальдуина V Фландрскаго, убившаго въ одномъ сраженіи брата и завладѣвшаго его землями, и возвратить Фландрію дѣтямъ убитаго, какъ законнымъ наслѣдникамъ. Но онъ былъ разбитъ и принужденъ признать за похитителемъ право на отнятыя имъ владѣнія. Еще болѣе повредилъ онъ своему значенію, начавъ изъ легкомыслія споръ о законности своего брака. Въ 1090 году онъ удалилъ свою жену, Б е р т у, чтобы вступить въ бракъ съ женою Фулька IV графа анжуйскаго, Б е р т р а д о ю, на которой и женился, не обращая вниманія на церковные законы. Чрезъ этотъ поступокъ онъ разсорился не только съ папою Урбаномъ II, но и со всѣмъ французскимъ духовенствомъ. Соборъ французскихъ епископовъ объявилъ второй бракъ недѣйствительнымъ и отлучилъ отъ церкви самого короля, не хотѣвшаго разстаться съ Бертрадою (1095 г.). Филиппъ долго противился требованіямъ церкви и ея главы, но наконецъ принужденъ былъ покаяться и дать обѣщаніе развестись съ Бертрадой (1104 г.); впрочемъ онъ продолжалъ жить съ ней въ связи.

По смерти Филиппа, въ 1108 г., на престолъ вступилъ сынъ его отъ перваго брака, Л ю д о в и к ъ VI или Т о л с т ы й, бывшій

въ послѣдніе годы его соправителемъ. Онъ нашелъ государство въ самомъ жалкомъ состояніи; уваженіе вассаловъ къ королю совершенно пало, а въ сѣверной Франціи, которая по своей образованности почти на цѣлое столѣтіе отстала отъ южной, господствовала страшная грубость нравовъ и отсутствіе всякаго нравственно-религіознаго чувства. Грабежи и убійства, нарушенія святости браковъ, похищеніе замужнихъ женщинъ, полное презрѣніе къ церковнымъ проклятіямъ и всевозможныя жестокости, подобныя которымъ мы находимъ только у гуроновъ и ирокезовъ, были самыми обыкновенными явленіями; о нѣкоторыхъ изъ вельможъ королевства намъ разсказываютъ изумительныя черты грубаго и нагло выставляемаго на видъ невѣрія, которое въ подобную эпоху непремѣнно должно было соединяться съ суевѣріемъ. Впрочемъ этотъ нравственный упадокъ общества много содѣйствовалъ возстановленію королевскаго могущества; когда ни свѣтская, ни духовная власть не могли обуздать зла, сама чрезмѣрность бѣдствій, естественно, наводила на мысль о необходимости поддерживать короля, чтобы произвести въ общественномъ положеніи переворотъ, который былъ невозможенъ безъ усиленія его власти. Увеличенію королевскаго могущества способствовали и другія обстоятельства, въ особенности относящееся къ этому времени образованіе городскихъ общинъ. Древнее римское муниципальное право сохранилось только въ Лангедокѣ, не принадлежавшемъ къ французскому королевству, и въ этой странѣ мы находимъ древнѣйшіе слѣды раздѣленія націи на три сословія, уцѣлѣвшагося до самой революціи; всѣ города другихъ провинцій были подчинены духовнымъ или свѣтскимъ феодальнымъ владѣтелямъ. Гнетъ испытываемыхъ ими насилій пробудилъ однако въ жителяхъ городовъ стремленіе къ свободѣ, а король, ради личныхъ выгодъ, оказалъ имъ дѣятельную поддержку. Въ то время, какъ и всегда, никто не осмѣливался отрицать королевскихъ правъ, и только примѣненіе ихъ на практикѣ встрѣчало сопротивленіе; поэтому король могъ давать муниципальныя привилегіи даже тѣмъ городамъ, гдѣ не имѣлъ никакой власти,

а граждане уже сами заботились о сохраненіи вновь пріобрѣтенныхъ правъ. Такимъ образомъ во Франціи возникло мало по малу множество городскихъ общинъ, которыя хотя и несли нѣкоторыя повинности въ пользу прежнихъ владѣтелей, но управлялись своими выборными чиновниками. Это представляло королю двойную выгоду, потому что города не могли ни злоупотреблять во вредъ ему своей свободой, ни отстаивать ее противъ него, а тогдашніе духовные и свѣтскіе вассалы часто нуждались въ помощи короля противъ безпокойныхъ городовъ. Вмѣстѣ съ свободою развилась и наглость горожанъ, а сосѣдніе сеньоры не рѣдко оказывали имъ помощь, для того чтобы привлечь къ себѣ какой нибудь городъ или нанести вредъ противникамъ. Вслѣдствіе того, король имѣлъ возможность въ одно и тоже время завладѣть доходами съ городовъ и судебными пошлинами, прежде собиравшимися съ нихъ въ пользу аббатовъ и епископовъ.

Эти взаимныя отношенія сословій государства, въ соединеніи съ тѣмъ важнымъ обстоятельствомъ, что французскіе короли, въ отличіе отъ германскихъ императоровъ, сохраняли свое наслѣдственное герцогство, значительно возвысили королевскую власть и могущество еще въ царствованіе Людовика VI, гораздо прежде, чѣмъ аббатъ Сугерій сдѣлался совѣтникомъ короля и ввелъ въ дѣйствіе новыя превосходныя учрежденія. Поэтому между началомъ и концомъ правленія Людовика замѣчается громадная разница. Въ началѣ царствованія онъ долженъ былъ торопиться своимъ коронованіемъ для того, чтобы не дать архіепископу реймскому, имѣвшему право совершать эту церемонію, времени объявить себя противъ него, такъ какъ нѣкоторые изъ вельможъ хотѣли еще болѣе ограничить его власть и даже совершенно устранить его отъ престола, не смотря на то, что еще при жизни отца всѣ сословія государства признали его королемъ. Онъ дѣйствовалъ чрезвычайно расчетливо, и, вмѣшиваясь въ споры мелкихъ вассаловъ, какъ посредникъ, или какъ воюющій, къ концу царствованія такъ возвысилъ свое значеніе и могущество, что сдѣлался страшнымъ для самыхъ

сильныхъ изъ французскихъ вассаловъ. Онъ смирилъ даже Теобальда (Тибо), графа Шампани, Блуа и Шартра, имѣвшаго почти столько же доходовъ и вассаловъ, какъ и самъ король, и расчитывавшаго на поддержку англійскаго короля Генриха I, его дяди со стороны матери.

Въ послѣдніе годы жизни Людовика VI преобладающее вліяніе на управленіе государствомъ получилъ аббатъ Сенъ-Дени, Сугерій, человѣкъ, одаренный самыми разнородными способностями. Во время своего политическаго поприща онъ не только вновь основалъ могущество французскихъ королей, но и въ другихъ отношеніяхъ оказалъ своей родинѣ безсмертныя заслуги. Исторія жизни Сугерія составляетъ въ то же время исторію утвержденія монархической власти во Франціи и соединенія разрозненныхъ частей государства въ одно цѣлое. Во Франціи человѣкъ, подобный Сугерію, имѣлъ гораздо болѣе простора для дѣятельности, чѣмъ Вибальдъ въ Германіи, потому что былъ не простымъ секретаремъ императора и сеймовъ, а настоящимъ государственнымъ человѣкомъ и экономистомъ. Онъ получилъ первоначальное образованіе въ знаменитомъ тогда сомюрскомъ училищѣ и, поступивъ въ монастырь Сенъ-Дени, сдѣлался довѣреннымъ лицомъ своего аббата. Аббатъ употреблялъ его для ходатайства по важнымъ монастырскимъ дѣламъ предъ королемъ и предъ папой на соборахъ, и во время этихъ переговоровъ Сугерій успѣлъ пріобрѣсти довѣріе ихъ обоихъ. Сдѣлавшись впослѣдствіи архиваріусомъ монастыря, онъ всегда имѣлъ въ памяти старинные обычаи, которые, по тогдашнимъ понятіямъ, какъ священный завѣтъ предковъ, считались выше позднѣйшаго законодательства, и никогда не упускалъ этого изъ виду. Живя въ эпоху, когда одни мирныя искусства, безъ военной опытности, не имѣли никакого значенія, онъ убѣдилъ аббата отправить его настоятелемъ въ Тури, и тамъ въ продолженіе трехъ лѣтъ сражался во главѣ монастырскихъ вассаловъ противъ графа Гуго де Пюизе. Этотъ тираннъ, для удовлетворенія своей страсти къ хищничеству и разрушенію, попи-

равшій всѣ требованія справедливости, долженъ былъ уступить наконецъ нападеніямъ Сугерія, не смотря на поддержку нормандскихъ бароновъ, графа Теобальда Шампанскаго и другихъ подобныхъ ему феодаловъ. Уничтоженіе разбойничьяго вертепа Гуго значительно возвысило власть короля, который три раза лично являлся на помощь энергическому настоятелю. Назначенный въ 1123 году аббатомъ Сенъ-Дени, Сугерій обратилъ все свое вниманіе на финансы монастыря, и первымъ его дѣломъ было отнять принадлежавшія монастырю помѣстья и пошлины изъ рукъ евреевъ, которымъ они были отданы на откупъ. Послѣ представленія ко двору Сугерій сталъ неразлученъ съ королемъ, а потому монастырь его сдѣлался центромъ государственной дѣятельности и свѣтской суеты, за что св. Бернаръ сильно укорялъ аббата-министра. Послѣ того, Сугерій сталъ избѣгать всего сколько нибудь соблазнительнаго для набожныхъ людей, и началъ вести тихую, спокойную жизнь, такъ что единственною честолюбивою мыслью его, какъ аббата, было украшеніе монастырской церкви. Это доставило ему также случай содѣйствовать оживленію во Франціи искусствъ и возбужденію стремленій къ болѣе изящнымъ формамъ жизни, хотя нельзя не сознаться, что, украшая церковь, онъ обращалъ болѣе вниманія на цѣнность матеріаловъ, чѣмъ на художественное достоинство украшеній. Онъ украсилъ церковь массою благородныхъ металловъ и драгоцѣнныхъ каменьевъ, между которыми не было однако алмазовъ, вѣроятно потому, что французы еще не умѣли отдѣлывать ихъ. Множество драгоцѣнностей, употребленныхъ имъ на церковь, замѣчательно для насъ еще потому, что объясняетъ намъ, отчего въ продолженіе многихъ столѣтій драгоцѣнные металлы имѣли въ Европѣ такую высокую цѣнность въ сравненіи съ другими предметами. Тысячи церквей поглощали подобнымъ образомъ огромныя массы золота и серебра. Съ другой стороны, это имѣло то благодѣтельное вліяніе, что рѣдкость благородныхъ металловъ незамѣтно задерживала слишкомъ быстрое развитіе общественныхъ отношеній и торговли.

Какъ государственный человѣкъ, Сугерій, съ искусствомъ, которое сдѣлало бы ему честь и во всякую другую эпоху, то покровительствовалъ городамъ, то принималъ сторону мелкихъ землевладѣльцевъ противъ сильныхъ бароновъ, то защищалъ могущественныхъ епископовъ отъ ихъ сосѣдей или наоборотъ. Онъ успѣлъ обуздать графовъ западной Франціи, присвоивавшихъ себѣ власть надъ монастырями и съ твердостью отвергалъ или сдерживалъ притязанія духовной власти на право вмѣшательства въ свѣтскія дѣла. Въ этомъ отношеніи самымъ опаснымъ противникомъ его былъ св. Бернаръ, который съ жаромъ и священнымъ вдохновеніемъ мистика нападалъ на министровъ и на философовъ своего времени. Но Сугерій не смущался этимъ, и, взявъ въ руки, при преемникѣ Людовика VI, все управленіе государствомъ, поставилъ французское духовенство въ такое положеніе, въ какое съ трудомъ могли возвратить его французскіе короли слѣдующей эпохи. „Въ его рукахъ, говоритъ одинъ лѣтописецъ, находилась раздача и лишеніе духовныхъ должностей, потому что отъ его согласія зависѣло посвященіе избраннаго священника, и отъ мановенія его руки — назначеніе аббатовъ. Епископы покорялись ему безъ всякой ненависти и сопротивленія. Они являлись къ нему по первому его призыву и возвращались домой съ радостной мыслью, что между духовенствомъ нашелся человѣкъ, который въ состояніи одинъ за всѣхъ нести на себѣ бремя правленія. Самъ папа былъ исполненъ такого уваженія къ Сугерію, что всѣ распоряженія его во Франціи считались въ Римѣ превосходными и совершенно правильными.“ Впослѣдствіи Сугерій, подъ предлогомъ чисто церковнаго дѣла, но не теряя изъ виду политическихъ цѣлей, привлекъ къ себѣ и могущественнаго апостола и пророка той эпохи, чтобы съ помощью его обуздать бароновъ, которые, недовольствуясь свѣтскими титулами, хотѣли завладѣть и высшими духовными званіями; по крайней мѣрѣ нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ достигъ цѣли, благодаря лишь прямодушной поддержкѣ св. Бернара. Какъ политическій дѣятель, Сугерій убѣдилъ короля женить сына и преемника, Людовика VII,

на Элеонорѣ, дочери и наслѣдницѣ Вильгельма IX герцога гіеннскаго, или аквитанскаго, чтобы присоединить къ короннымъ землямъ эту провинцію и принадлежавшія герцогу графства Пуату и Сентонжъ. Этотъ бракъ былъ несчастливъ и имѣлъ результатъ, котораго совершенно не ожидали и не имѣли въ виду; при жизни Сугерія Людовикъ VII не смѣлъ и думать о расторженіи брака, но впослѣдствіи исполнилъ свое намѣреніе и эти земли отошли къ Англіи, такъ какъ Элеонора вступила въ новый бракъ съ наслѣдникомъ англійскаго престола, Генрихомъ II. Женитьба сына на Элеонорѣ была послѣднимъ сколько нибудь замѣчательнымъ правительственнымъ дѣйствіемъ Людовика VI. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ (1137 г.).

Людовикъ VII еще прежде принималъ участіе въ управленіи, и потому со вступленіемъ его на престолъ въ политикѣ французскаго правительства не произошло никакой перемѣны. Вліяніе Сугерія еще болѣе усилилось и вскорѣ всѣми дѣлами сталъ управлять онъ одинъ. Въ царствованіе Людовика VII во Франціи обнаруживается сильное стремленіе къ занятіямъ архитектурою, живописью и искусствомъ рѣзьбы, которому особенно покровительствовалъ Сугерій. Но это возрожденіе любви къ искусствамъ было скорѣе естественнымъ слѣдствіемъ хода событій, чѣмъ результатомъ личныхъ стараній мудраго аббата, потому что и умозрительныя науки, которыя Сугерій вовсе не думалъ поощрять, были съ особеннымъ рвеніемъ изучаемы тогда французами. Около того времени распространилась во Франціи новая философія, которая была, правда, создана софистами и поддерживалась тщеславіемъ ученыхъ и молодежи, но тѣмъ не менѣе обусловливалась самымъ ходомъ вещей и пріучила человѣческій умъ къ новымъ процессамъ мышленія (т. VI. стр. 153 и 345). Напрасно св. Бернаръ, слѣдуя внушеніямъ набожности, старался препятствовать критическому изслѣдованію религіозныхъ и научныхъ истинъ и преслѣдовать тщеславіе ученыхъ, которое по свойству человѣческой природы способствовало тогда, какъ и всегда, успѣхамъ умственнаго развитія.

Преслѣдованіе его было вдвойнѣ неразумно, потому что тщеславію софистовъ благопріятствовало и направленіе тогдашней образованности и степень развитія европейскихъ народовъ. Новые мудрецы распространили кругъ своихъ занятій на всѣ отрасли человѣческаго знанія; Абеляръ и его ученики, введя Платона и Аристотеля въ школы и церковь, возбудили дѣятельность человѣческой мысли, а съ той минуты, какъ она проснулась, было безумно стараться ограничить тогдашнее болѣе развитое поколѣніе той умственной пищей, которую въ его младенческомъ состояніи предлагала ему церковь, и задерживать развитіе критическаго направленія разума аллегорическими игрушками. Это сознавали тогда и въ Италіи, потому что знаменитѣйшія духовныя лица римской церкви отправлялись во Францію, для того чтобы почерпать новую мудрость въ самомъ источникѣ.

Впрочемъ, Сугерій и король своей свѣтской властью помогли св. Бернару въ его борьбѣ съ развитіемъ человѣческаго разума, остановить которое можетъ только рука одного промысла; но за то, когда дѣло касалось существенныхъ правъ короля, они не боялись ни его, ни папы, какъ это и обнаружилось въ 1140 году при замѣщеніи архіепископства буржскаго. Иннокентій II слишкомъ поспѣшно назначилъ епископомъ одного духовнаго, отвергнутаго королемъ. Людовикъ запретилъ посвящать папскаго кандидата и поклялся честью, что тотъ никогда не получитъ сана епископа. Св. Бернаръ гремѣлъ противъ короля своими проповѣдями, папа отлучилъ его отъ церкви и наложилъ интердиктъ на его невинныхъ подданныхъ. Теобальдъ графъ шампанскій, бывшій во враждѣ съ Людовикомъ по совершенно другому поводу, старался силою оружія привести въ исполненіе папское опредѣленіе, — но все было напрасно. Только послѣ трехъ лѣтъ интердикта св. Бернару удалось примирить короля съ папой. Условія, на которыхъ король помирился съ папой, намъ неизвѣстны; но мы знаемъ, что онъ согласился признать отвергнутаго имъ прежде епископа.

Вслѣдъ за окончаніемъ этого спора въ государствахъ западной

Европы распространилось извѣстіе объ успѣхахъ Зенги на востокѣ, и св. Бернаръ, славившійся уже тогда своими проповѣдями и помогшій папѣ овладѣть Римомъ, взялъ на себя проповѣдывать романскимъ народамъ новый всеобщій крестовый походъ. Его проповѣди имѣли желанный успѣхъ, но за то лишили его репутаціи святости, потому что ни одно изъ его предсказаній и пророчествъ не исполнилось. Сначала Бернаръ дѣйствовалъ на умы письмами и рѣчами, которыя онъ говорилъ въ разныхъ мѣстахъ, а впослѣдствіи, воспользовавшись тѣмъ, что король чувствовалъ угрызенія совѣсти, по поводу злодѣйствъ, совершенныхъ его вассалами во время одной изъ феодальныхъ войнъ, склонилъ и его въ пользу этого предпріятія. Подготовивъ такимъ образомъ общественное мнѣніе, онъ явился (1146 г.) на одно многолюдное собраніе въ Везелэ, чтобы, подобно папѣ Урбану въ Клермонѣ, восторженностью своей рѣчи и торжественностью религіозныхъ обрядовъ возбудить энтузіазмъ духовныхъ и свѣтскихъ вассаловъ. Зная вполнѣ характеръ эпохи и образъ мыслей своихъ соотечественниковъ, святой Бернаръ рѣдко ошибался въ своихъ расчетахъ. Такъ было и въ Везелэ: не только самые могущественные вассалы французскаго короля, но даже бывшіе въ Везелэ графы фландрскій, монферратскій и туринскій дали обѣтъ итти въ Палестину, а св. Бернаръ, не смотря на то, что привезъ съ собою множество крестовъ, долженъ былъ разрѣзать на куски свою одежду, чтобы удовлетворить всѣхъ, желавшихъ получить отъ него крестъ. Когда крестовый походъ былъ окончательно рѣшенъ, вожди крестоносцевъ приступили къ необходимымъ приготовленіямъ и прежде всего вступили въ сношенія съ константинопольскимъ императоромъ Мануиломъ I. Мануилъ былъ очень расположенъ къ тампліерамъ, и французскій король прибѣгнулъ къ ихъ посредничеству, для установленія дружескихъ сношеній съ греками. Онъ вполнѣ достигъ цѣли и французы встрѣтили въ Константинополѣ такой радушный пріемъ, какого во все время крестовыхъ походовъ не испытывалъ никакой другой народъ. На время отсутствія Людовикъ пору-

чилъ управленіе государствомъ двумъ опытнымъ въ дѣлахъ духовнымъ, аббату Сугерію и архіепископу реймскому Самсону, давъ имъ въ помощь, по опредѣленію собранія, находившагося подъ вліяніемъ Бернара, одного воина, или свѣтскій мечъ, какъ выражаются историки того времени. Это третье лицо должно было служить представителемъ особы короля и быть военнымъ главою государства, а двумъ духовнымъ были ввѣрены надзоръ за судопроизводствомъ и управленіе финансами, иностранными сношеніями и дѣлами духовенства. Такъ какъ человѣкъ, избранный сословіями государства, отказался отъ предложенной ему должности, то король, неизвѣстно съ согласія сословій, или нѣтъ, назначилъ правителемъ королевства графа Рауля де Вермандуа. Назначеніе этого человѣка тѣмъ болѣе удивительно, что онъ былъ тогда отлученъ отъ церкви и такимъ образомъ произошло то странное явленіе, что человѣкъ, исключенный изъ общества вѣрующихъ, стоялъ во главѣ правленія вмѣстѣ съ аббатомъ и архіепископомъ.

Такъ какъ всѣ безпокойныя головы въ королевствѣ отправились вмѣстѣ съ королемъ въ Палестину и, слѣдовательно, до ихъ возвращенія не было особенной необходимости въ военной власти, а архіепископъ Самсонъ былъ избранъ регентомъ только для виду и въ угоду высшему духовенству, то все управленіе сосредоточилось въ рукахъ Сугерія. Сугерій съ замѣчательнымъ искусствомъ управлялъ Франціей. Изъ его переписки съ королемъ и французскими феодалами мы съ изумленіемъ видимъ, до какой глубины политической мудрости и до какого совершенства въ искусствѣ управленія достигали и въ тѣ смутныя времена нѣкоторыя отдѣльныя личности. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что, какъ человѣкъ миролюбивый и справедливый, онъ пользовался даже уваженіемъ людей, которые не боялись самого короля. Даже сильнѣйшій изъ вассаловъ королевства, графъ анжуйскій Готтфридъ Плантагенетъ, повиновался его приказаніямъ. Готтфридъ былъ наслѣдственнымъ великимъ сенешаломъ или первымъ судьей и генералиссимусомъ королевства, владѣлъ Анжу и Мэномъ и, какъ зять

англійскаго короля, Генриха I, имѣлъ надежду сдѣлаться наслѣдникомъ англійскаго престола. Не смотря на то, онъ признавалъ аббата Сугерія своимъ начальникомъ и въ письмахъ къ нему употреблялъ слѣдующія выраженія: „Знайте, что я по милости божіей здоровъ и готовъ исполнять приказанія моего короля. Поэтому я прошу васъ, какъ человѣка, которому преданъ всей душой, при первой же необходимости призвать меня на службу. Вы найдете меня готовымъ на все, чего вы отъ меня потребуете, и я буду служить еще ревностнѣе, чѣмъ въ присутствіи самого короля.“

Пользуясь отсутствіемъ графовъ, Сугерій возстановилъ королевскія права даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ прежде на нихъ не обращали никакого вниманія. Приготовляясь къ крестовому походу, сословія королевства вошли въ неоплатные долги, и Сугерій искусно воспользовался этимъ для того, чтобы увеличить королевскія имѣнія и расширить власть короля. Наконецъ онъ привелъ въ такой порядокъ управленіе финансами и содержаніе королевскаго двора, что не только покрылъ значительныя издержки Людовика во время похода въ Палестину, но имѣлъ достаточно денегъ, чтобы выдавать королевскимъ войскамъ постоянное жалованье и подарки, содержать въ исправности королевскіе замки и крѣпости и кромѣ того сберечь значительную сумму, которая впослѣдствіи весьма пригодилась королю. На это онъ ассигновалъ всѣ штрафныя деньги и судебныя пошлины, покрывая текущіе расходы изъ другихъ источниковъ. Эти доходы состояли изъ суммъ, уплачиваемыхъ прево, или старшинами городовъ, за арендуемыя или управляемыя ими государственныя имущества, изъ регалій епископствъ, остававшихся незамѣщенными и съ которыхъ, точно такъ же какъ и при переходѣ леннаго имущества къ ближайшему наслѣднику, взималась извѣстная сумма; изъ такъ называемаго tallagium (taille) или налоговъ, собираемыхъ съ несвободныхъ жителей государственныхъ имѣній или за пользованіе нѣкоторыми помѣстьями, изъ взимаемыхъ каждые три года налоговъ на монету, вино и хлѣбъ и наконецъ изъ подушной подати съ евреевъ.

Порядокъ, возстановленный въ финансахъ Сугеріемъ, могъ сохраняться только до тѣхъ поръ, пока нарушители общественнаго спокойствія были задерживаемы крестовымъ походомъ вдали отъ родины. Но когда нѣкоторые изъ нихъ возвратились домой, прежнія мѣры оказались недостаточными и Сугерій не могъ возстановить спокойствія даже созваніемъ общаго собранія государственныхъ сословій. Потому онъ настоятельно просилъ короля поспѣшить возвращеніемъ во Францію. „Мы, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, со слезами и мольбами обращаемся къ твоему высокому сану, твоей любви и благосклонности и заклинаемъ тебя узами нашей взаимной вѣрности не откладывать долѣе твоего возвращенія, чтобы не сдѣлаться виновнымъ предъ Богомъ въ нарушеніи клятвы, данной тобой при короновании." О клеветахъ, которыя распускали противъ него завистники, окружавшіе короля, онъ такъ мало заботился, что въ своихъ письмахъ даже не упоминаетъ о нихъ ни слова. Напротивъ, Сугерій убѣждалъ короля не дѣйствовать слишкомъ опрометчиво въ спорѣ съ женой и не дѣлать никакихъ приготовленій къ разводу, не переговоривъ предварительно съ нимъ: онъ предвидѣлъ нѣкоторыя изъ послѣдствій расторженія этого брака и то вліяніе, которое оно въ продолженіе трехъ столѣтій оказывало на судьбу Франціи. Бракъ Людовика съ легкомысленной Элеонорой былъ несчастливъ съ самаго начала, потому что оба они не сходились характерами. Не смотря на то, король долгое время былъ такъ страстно влюбленъ въ жену, что даже взялъ ее съ собой въ крестовый походъ. Этимъ онъ повредилъ и себѣ и успѣху всего предпріятія; нѣкоторые изъ вельможъ послѣдовали его примѣру, а такъ какъ ихъ жены взяли съ собой многочисленную женскую прислугу, то скоро въ войскѣ исчезли всякій порядокъ и дисциплина. Кромѣ заботъ о безопасности воиновъ во время похода, на немъ лежала еще труднѣйшая обязанность оберегать цѣломудріе легкомысленной женщины. Это только ускорило окончательный разрывъ между ними. Элеонора вскорѣ соскучилась съ мужемъ, который былъ противенъ ей по

своей строгой нравственности и про котораго она сама говорила, что это монахъ, а не король. Вступивъ на дорогѣ въ связь съ другими, которые болѣе нравились ея легкомысленному и чувственному сердцу, она возбудила ревность короля и окончательно разошлась съ нимъ во время его пребыванія въ Антіохіи. Съ этого времени Людовикъ сталъ содержать ее подъ военно-полицейскимъ надзоромъ и вскорѣ сталъ выражать сомнѣнія относительно законности своего брака съ Элеонорою, которая была его родственницею, о чемъ прежде никто и не думалъ. Онъ былъ ея родственникомъ въ шестомъ колѣнѣ, а по тогдашнимъ понятіямъ браки допускались только между родственниками въ седьмомъ колѣнѣ. Совѣсть Сугерія была не такъ щекотлива, и онъ до самой смерти не давалъ согласія на расторженіе брака. Но когда онъ умеръ (1152 г.), св. Бернаръ взялся уговорить епископовъ, собранныхъ для этой цѣли Людовикомъ. Расторженіе брака послѣдовало въ томъ же году и король былъ такъ честенъ, что возвратилъ имущество жены; но передъ тѣмъ, пользуясь правомъ собственности, срылъ всѣ крѣпости въ ея владѣніяхъ, такъ какъ будучи сюзереномъ онъ имѣлъ право запретить постройку новыхъ укрѣпленій, но не могъ требовать уничтоженія уже существующихъ.

Руки Элеоноры тотчасъ же стали добиваться три французскихъ феодала: Теобальдъ, графъ шампанскій, и сыновья незадолго передъ тѣмъ умершаго графа анжуйскаго и мэнскаго, Готтфрида Плантагенета. Теобальдъ и одинъ изъ сыновей Готтфрида хотѣли даже силою привести въ исполненіе свое намѣреніе, и Элеонора съ трудомъ избѣгла ихъ преслѣдованій. Она поспѣшила выйти за мужъ за другаго сына Готтфрида, Генриха Плантагенета, который ей нравился, и уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по расторженіи перваго брака сдѣлалась его женой. Генрихъ, какъ наслѣдникъ отца, былъ самымъ могущественнымъ вассаломъ въ королевствѣ Людовика. Онъ владѣлъ значительной и почти совершенно независимой областью, и какъ наслѣдственный великій сенешалъ, былъ первымъ судьей и начальникомъ военныхъ силъ Франціи.

Кромѣ того его отецъ, женившись на вдовѣ германскаго императора Генриха V, Матильдѣ, дочери послѣдняго мужескаго потомка англо-норманнскаго королевскаго дома, пріобрѣлъ для своей фамиліи право на англійскій престолъ. Хотя по смерти англійскаго короля его родители были лишены права на престолъ узурпаторомъ Стефаномъ, но право на престолонаслѣдіе въ Англіи было торжественно признано за нимъ черезъ годъ послѣ женитьбы его на Элеонорѣ. Онъ наслѣдовалъ послѣ отца Нормандію, которою Готтфридъ завладѣлъ во время войны съ Стефаномъ, а, женившись на Элеонорѣ, пріобрѣлъ ея обширныя владѣнія и княжества, такъ что соединилъ въ своихъ рукахъ тринадцать графствъ. Король Людовикъ не могъ равнодушно видѣть этого и, получивъ извѣстіе о бракѣ своего перваго вассала и перваго сановника королевства, тотчасъ же схватился за оружіе, потому что по французскому феодальному праву для этого требовалось согласіе короля. Онъ имѣлъ тайнаго союзника въ англійскомъ королѣ Стефанѣ, который незадолго передъ тѣмъ былъ принужденъ отстранить отъ наслѣдства роднаго сына и признать это право за молодымъ Генрихомъ Плантагенетомъ. Пока былъ живъ Стефанъ, война была ведена съ большимъ ожесточеніемъ; но едва онъ умеръ и Генрихъ сдѣлался англійскимъ королемъ, какъ заключенъ былъ миръ, по которому Генрихъ сохранилъ всѣ владѣнія во Франціи и только обязался давать на нихъ Людовику одну ленную присягу. Миръ былъ непродолжителенъ, потому что вскорѣ послѣ того Генрихъ предъявилъ мнимыя права жены на графство тулузское, а Людовикъ никакъ не могъ согласиться, чтобы и безъ того могущественный вассалъ его еще болѣе усилился. Впрочемъ, Генрихъ нашелъ въ графѣ тулузскомъ Раймундѣ V, который былъ кромѣ того герцогомъ нарбоннскимъ и маркграфомъ прованскимъ, достойнаго соперника; въ то же время Людовикъ приказалъ двумъ своимъ братьямъ сдѣлать вторженіе во владѣнія Генриха, и англійскій король долженъ былъ согласиться на миръ и отказаться отъ своихъ притязаній.

Значеніе французскаго короля, упавшее послѣ брака Генриха съ Элеонорой, снова возвысилось вслѣдствіе двойнаго спора, начатаго папой Александромъ III съ германскимъ императоромъ Фридрихомъ Барбароссой и Генрихомъ. Отношенія Александра къ этимъ двумъ государямъ заставили его щадить короля французскаго и оказывать ему всевозможныя почести, какъ лицу, которое могло быть впослѣдствіи посредникомъ между спорящими. Изъ союза съ Людовикомъ папа извлекъ ту выгоду, что Генрихъ предпочелъ смириться предъ церковной властью, чтобы предупредить отлученіе отъ церкви, которое папа грозилъ привести въ исполненіе при посредствѣ Людовика. Выгоды же Людовика состояли въ томъ, что онъ пріобрѣлъ, въ ущербъ германской имперіи, нѣкоторыя земли, владѣтели которыхъ во время безпрерывныхъ итальянскихъ войнъ Фридриха Барбароссы отчаявались въ защитѣ императора, или не одобряли его самовольныхъ и рѣзкихъ распоряженій во время тогдашнихъ распрей въ церкви. Впрочемъ, французскій король снова поссорился съ Генрихомъ, не смотря на то, что въ 1160 году одна изъ дочерей Людовика вышла за мужъ за старшаго сына Генриха, а другая была обручена со вторымъ его сыномъ. Отношенія между обоими королями запутались еще болѣе вслѣдствіе того, что Генрихъ то изъявлялъ притязанія на нѣкоторые французскіе города и области, какъ сенешалъ и вассалъ Людовика, то не хотѣлъ и слышать о какой бы то ни было зависимости отъ короля. Долго съ равнымъ искусствомъ и твердостью спорили между собой оба короля, и Генрихъ, пріобрѣвшій своему дому Бретань женитьбой своего третьяго сына на единственной дочери герцога бретанскаго Конана IV, одержалъ бы верхъ, если бы не поссорился съ двумя старшими сыновьями, Готтфридомъ и Ричардомъ. Они перешли на сторону Людовика, и въ 1168 г. Генрихъ долженъ былъ заключить съ французскимъ королемъ договоръ, по которому уступилъ сыновьямъ свои владѣнія во Франціи. Одинъ изъ нихъ, Генрихъ, получилъ графства Анжу и Мэнъ, а другой, Ричардъ, сдѣлался герцогомъ гіеннскимъ и графомъ

Пуату. Вскорѣ завязался новый жаркій споръ по поводу сыновей англійскаго и дочерей французскаго короля. Генрихъ удалилъ отъ старшаго сына его жену, а объ его поступкахъ съ другой дочерью Людовика, невѣстой его втораго сына, распространились вскорѣ слухи, обидные для чести самой принцессы и обоихъ королей. Вслѣдствіе того между отцомъ и сыновьями, Англіей и Франціей, вспыхнула кровопролитная война. Напрасно старался папа уладить дѣло. Обѣ партіи страшно свирѣпствовали другъ противъ друга, пока архіепископу санскому не удалось склонить ихъ къ примиренію (1174 г.).

О примиреніи Людовика съ Генрихомъ папа заботился такъ ревностно потому, что положеніе дѣлъ въ Палестинѣ, казалось, требовало присылки новой помощи съ Запада, а объ этой помощи нельзя было и думать, пока продолжалась распря между королями. По возстановленіи мира, они обязались формальнымъ договоромъ въ Нонанкурѣ итти спасать тѣснимыхъ турками единовѣрцевъ на Востокѣ и торжественно возвѣстили это рѣшеніе своимъ подданнымъ и вассаламъ. Дѣйствительно ли Людовикъ имѣлъ намѣреніе вторично отправиться на Востокъ, неизвѣстно. Онъ такъ мало цѣнилъ внѣшній блескъ королевскаго достоинства, что дворъ его составлялъ тогда весьма рѣзкій контрастъ съ блескомъ императорскаго двора, къ которому Фридрихъ Барбаросса пріучилъ нѣмцевъ; но съ другой стороны, въ личной храбрости онъ не уступалъ ни одному изъ королей той эпохи. Людовикъ и Генрихъ Англійскій рѣшились такъ поспѣшно предпринять крестовый походъ, вслѣдствіе извѣстія о значительныхъ успѣхахъ греческаго императора Мануила въ войнѣ съ султаномъ иконійскимъ. Но Мануилъ претерпѣлъ вскорѣ рѣшительное пораженіе, а оба короля были задержаны дома внутренними дѣлами своихъ королевствъ. Походъ былъ отложенъ, а со смертью Людовика (1180 г.) исчезла и всякая надежда на приведеніе въ исполненіе нонанкурскаго договора, потому что его сынъ и преемникъ, Филиппъ II, занялся осуществленіемъ совершенно другихъ плановъ и, исполнивъ

ихъ впослѣдствіи, заслужилъ титулъ Августа, или собирателя королевства.

5. Исторія Англіи отъ Вильгельма I до вступленія на престолъ Генриха II.

Завоеваніе Англіи норманнами (т. V. стр. 281) произвело въ этой странѣ совершенный переворотъ, ближайшія причины котораго скрывались въ личномъ характерѣ Вильгельма Завоевателя. Потому мы начинаемъ исторію норманнскаго владычества въ Англіи характеристикой этого короля, которая находится у одного англійскаго писателя двѣнадцатаго вѣка и, не смотря на свои недостатки, выражаетъ господствовавшее въ слѣдующемъ столѣтіи мнѣніе о Вильгельмѣ. „Вильгельмъ Завоеватель, говоритъ Генри Гёнтингдонъ, былъ храбрѣе всѣхъ нормандскихъ графовъ, могущественнѣе всѣхъ англійскихъ королей и достохвальнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. Онъ былъ въ одно и тоже время благоразуменъ и хитеръ, богатъ и корыстолюбивъ, славолюбивъ и достоинъ славы, благосклоненъ къ духовенству и суровъ съ нимъ, когда встрѣчалъ сопротивленіе. Онъ сажалъ князей и графовъ въ темницы, изгонялъ епископовъ и аббатовъ изъ помѣстій, не пощадилъ роднаго брата и не терпѣлъ никакого противорѣчія. У самыхъ могущественныхъ отнималъ онъ огромныя количества золота и серебра и принуждалъ всѣхъ искать защиты въ замкахъ. Уличеннымъ въ поимкѣ оленя или кабана, онъ выкалывалъ глаза, какъ будто бы былъ отцомъ дикихъ животныхъ, а чтобы сдѣлать изъ Нью Фореста (Новаго Лѣса) охотничій паркъ и жилище для дичи, разрушалъ церкви и селенія, изгоняя жителей. Въ глубинѣ сердца всѣ его ненавидѣли, потому что онъ отнималъ чужое имущество не по нуждѣ, а изъ корыстолюбія, но Вильгельмъ смѣялся надъ ихъ гнѣвомъ и всякій, хотѣвшій пользоваться его милостью или дорожившій своей жизнью, долженъ былъ повиноваться каждому его мановенію.

Какъ жаль, что человѣкъ, который ничто иное какъ прахъ и пепелъ, можетъ сдѣлаться столь гордымъ, что, не думая о смерти, считаетъ себя выше другихъ! Вильгельмъ наслѣдовалъ отъ предковъ Нормандію, завоевалъ Мэнъ и поставилъ въ зависимость отъ себя Бретань, а въ Англіи власть его была такъ обширна, что во всемъ королевствѣ не было акра земли, цѣнности и владѣтеля котораго онъ не зналъ. Его власти подчинились также Шотландія и Уэльсъ и Вильгельмъ съ такою строгостью поддерживалъ въ странѣ миръ и порядокъ, что молодая дѣвушка, обвѣшанная золотомъ, могла безопасно путешествовать по всему королевству."

Правленіе Вильгельма было деспотизмомъ, основаннымъ на военной силѣ. Онъ ввелъ въ Англіи строгую феодальную систему, подобной которой не существовало ни въ одномъ изъ тогдашнихъ европейскихъ государствъ, потому что ее нигдѣ не проводили систематически, а Вильгельмъ дѣйствовалъ въ духѣ строгой послѣдовательности и безграничнаго самовластья. Онъ поднялъ и обогатилъ норманновъ на счетъ англосаксовъ, и, нуждаясь въ сильныхъ баронахъ, которые могли бы содержать многочисленныя дружины и отвѣчать ему за покорность округовъ, находившихся въ ихъ управленіи, уничтожилъ, на сколько это было для него необходимо, національную свободу побѣжденныхъ. Но онъ не позволялъ развиться аристократической формѣ правленія; напротивъ, военная власть, державшая въ покорности англосаксовъ и низшіе классы народа, лежала тяжелымъ гнетомъ и на норманскихъ вельможахъ его королевства. Впослѣдствіи, при болѣе слабыхъ преемникахъ Вильгельма, бароны съ жадностью хватались за всякую возможность освободиться отъ наложеннаго на нихъ ига, и, не будучи въ состояніи достигнуть этой цѣли безъ поддержки народа, должны были сами содѣйствовать постепенному возстановленію и обезпеченію правъ націи. Это движеніе и борьба придаютъ исторіи Англіи особенный интересъ, который еще болѣе возвышается тѣмъ, что введенная Вильгельмомъ феодальная система и способъ, которымъ онъ упрочилъ ее въ завоеванномъ королевствѣ, находились въ

совершенномъ противорѣчіи съ уцѣлѣвшими древнегерманскими формами демократической монархіи.

Вильгельмъ съ самаго начала упрочилъ свое самодержавіе, конфисковавъ и объявивъ государственными доменами всю частную собственность англосакской королевской фамиліи и приверженцевъ Гаральда, павшихъ въ битвѣ при Гестингсѣ. Послѣ того частыя возстанія саксовъ доставили ему случай и поводы истребить почти всю англосакскую аристократію, раздать ихъ должности и помѣстья норманнамъ и, на ряду съ древними законами и учрежденіями націи, ввести строгую феодальную систему. Онъ не вызывалъ прямо этихъ возстаній, но и не имѣлъ намѣренія предупреждать ихъ, потому что дѣйствовалъ всегда чрезвычайно самовластно и замѣщалъ всѣ должности норманнами, буйный характеръ и хищничество которыхъ были извѣстны ему очень хорошо. Впрочемъ, онъ отнималъ земли и у норманновъ, оставлявшихъ свои помѣстья, и передавалъ ихъ другимъ. Вообще Вильгельмъ всячески старался упрочить значеніе и могущество короля; для этого онъ содержалъ довольно многочисленное наемное войско, организовалъ военную службу такимъ образомъ, что могъ въ самое короткое время собрать значительное войско, принуждалъ могущественныхъ коронныхъ вассаловъ являться ко двору каждые три года и самъ измѣнилъ непонравившіяся ему постановленія введеннаго имъ феодальнаго права. Важнѣйшая изъ этихъ перемѣнъ состояла въ томъ что подвассалы (вальвассоры), подчинявшіеся въ остальной Европѣ только своимъ феодальнымъ владѣтелямъ, оставаясь къ нимъ въ прежнихъ отношеніяхъ, были поставлены въ непосредственную зависимость отъ короны. Это распоряженіе доставило англійскимъ королямъ такое могущество, котораго французскіе короли достигли только черезъ нѣсколько столѣтій и которымъ обладали, но не умѣли пользоваться первые германскіе императоры. Держа такимъ образомъ въ покорности гордыхъ бароновъ, уже успѣвшихъ во всей остальной Европѣ сдѣлаться самостоятельными владѣтелями, Вильгельмъ старался усилить могущество короны увели-

ченіемъ правильныхъ налоговъ и произвольными поборами. Кромѣ доходовъ съ государственныхъ имуществъ, которыя всегда отдавались имъ въ аренду съ торговъ, онъ открылъ много новыхъ источниковъ доходовъ. Каждый владѣтель леннаго имущества, кромѣ обязанности служить королю, платилъ опредѣленную подать въ знакъ того, что получилъ помѣстье въ подарокъ отъ короля. Несовершеннолѣтній наслѣдникъ лена поступалъ подъ опеку самого короля, который нерѣдко продавалъ ее съ торговъ, а такъ какъ до совершеннолѣтія подопечнаго опекунъ получалъ за него всѣ доходы, то это было средствомъ обирать несовершеннолѣтнихъ вассаловъ. Король собиралъ также maritagium или подать за позволеніе наслѣдницѣ лена вступать въ бракъ; подать эта простиралась иногда до десяти тысячъ марокъ съ одного лица. Нерѣдко наслѣдница откупалась цѣною большей части своего состоянія отъ брака, который устроивалъ для нея король, или покупала его отсрочку. При объявленіи совершеннолѣтія или перемѣнѣ леновъ платилось такъ называемое relievum. Другой видъ налога составляло auxilium, которое платилось вассалами только въ случаѣ плѣна ихъ феодальнаго владѣтеля, посвященія въ рыцари его старшаго сына или выхода въ замужество его старшей дочери; но Вильгельмъ и его преемники отыскали множество другихъ предлоговъ ко взиманію этого налога. Scutagium или подать, платимая вмѣсто исполненія личной военной повинности, составляла важный источникъ королевскихъ доходовъ. Къ этому нужно прибавить таможенныя пошлины, дорожный сборъ, значительную прибыль отъ конфискацій, доходы незамѣщенныхъ епископствъ, подушную подать съ евреевъ, подарки, денежныя пени, плату за открыто продававшіяся по опредѣленной таксѣ помилованіе или ходатайство короля передъ судомъ, а также налогъ на монету, tallagium (т. VII. стр. 12) и другіе, отчасти произвольно взимаемые, налоги. Ежегодные доходы Вильгельма полагаютъ обыкновенно въ 13 милліоновъ гульденовъ или около 8 милліоновъ р. с. Эта цифра служитъ доказательствомъ тогдашняго богатства Англіи, и тѣмъ болѣе замѣчательна, что

сто лѣтъ спустя страна, не смотря на всѣ усилія, не могла доставить необходимой суммы для выкупа захваченнаго въ Германіи короля (Ричарда I.)

Расчитывая на введенную имъ систему управленія, свое богатство и значительныя военныя силы, Вильгельмъ полагалъ возможнымъ оставить побѣжденному народу его старинный судъ и самоуправленіе, такъ какъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касалось его выгодъ, онъ могъ силою привести въ исполненіе свою волю. Вильгельмъ сохранилъ и древнее англосакское учрежденіе присяжныхъ, предоставивъ баронамъ право суда надъ своими вассалами. И то и другое скорѣе увеличило, чѣмъ уменьшило его значеніе. Какъ на суды бароновъ, такъ и на общинные суды англосаксовъ (т. V. стр. 246) можно было аппелировать въ судъ графства, гдѣ дѣла рѣшались отъ имени короля его графомъ или намѣстникомъ, шерифомъ, который собиралъ столь важныя для короля денежныя пени и уже по одному этому удерживалъ въ предѣлахъ законности суды первой инстанціи. Впрочемъ, военный деспотизмъ короля, напоминая самымъ сильнымъ вассаламъ о ихъ подданствѣ, придалъ особенную прочность существовавшимъ тогда формамъ народнаго суда и самоуправленія и способствовалъ укорененію въ Англіи любви къ порядку, справедливости и добродѣтели, составляющей единственныя прочныя основы политической свободы. Потому жаль, что мы не имѣемъ болѣе подробныхъ и точныхъ свѣдѣній о внутреннемъ состояніи государства при Вильгельмѣ. Свойства почвы и распредѣленіе недвижимой собственности извѣстны намъ въ точности, потому что Вильгельмъ приказалъ составить подробную перепись всѣхъ помѣстій, съ показаніемъ ихъ цѣнности, именъ владѣльцевъ и количества доходовъ, сохранившуюся до нашего времени подъ именемъ Думсдэйбукъ (Domesdaybook) или книги страшнаго суда. Но за то взаимныя отношенія сословій и личныя права народа еще не объяснены удовлетворительно, не смотря на всѣ изслѣдованія ученыхъ. Права и происхожденія трехъ сословій свободныхъ людей, упоминаемыхъ въ Думсдэйбукѣ и ясно отличаемыхъ отъ приписанныхъ

къ землѣ несвободныхъ, не могутъ быть опредѣлены съ точностью. Точно также мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, въ какихъ отношеніяхъ къ государству находилось отдѣльное отъ ирловъ и теновъ (т. V. стр. 246) свободное сословіе англосакскаго народа, кёрлы, и не обратились ли эти свободные земледѣльцы и граждане въ крѣпостныхъ еще до норманнскаго завоеванія. Второе предположеніе разъяснилось бы само собою, если бы встрѣтилось какое нибудь указаніе въ законахъ, носящихъ имя Вильгельма и теперь всѣми признаваемыхъ за законы Эдуарда Исповѣдника. Напротивъ, настоящее крѣпостное состояніе, которое должно отличать отъ болѣе древняго рабства, упоминается въ первый разъ подъ 1180 годомъ и поэтому всѣ ученые держатся того мнѣнія, что сословіе крѣпостныхъ образовалось въ Англіи уже послѣ норманнскаго завоеванія.

Мы невольно удивляемся Вильгельму Завоевателю, хотя и не можемъ питать никакого уваженія и любви къ человѣку, который не пренебрегалъ никакими средствами для удовлетворенія своей жадности и властолюбія. Уничтожая одно, онъ въ тоже время создавалъ многое вновь и никогда не позволялъ себѣ, изъ личныхъ видовъ, отмѣнять древнія учрежденія, которыя еще могли быть полезны. Правда, страсть къ охотѣ заставляла его совершать ужасныя жестокости. Такъ, за ловлю животнаго въ королевскихъ лѣсахъ онъ предавалъ смертной казни, обращалъ цѣлые округи Англіи въ охотничьи парки, а въ Гемпширѣ превратилъ въ пустыню огромное пространство земли, такъ называемый Нью Форестъ (Новый Лѣсъ), для того чтобы развести на немъ лѣсъ. Впрочемъ, этотъ безчеловѣчный поступокъ не остался безъ хорошихъ послѣдствій для народа, привыкшаго къ порядку и самостоятельной дѣятельности. Эти жестокости, повторяемыя преемниками Вильгельма, должны были, при слабыхъ правителяхъ, создать эпоху, когда общая и пламенная любовь народа къ суду и справедливости одержала и въ правительственной сферѣ полную побѣду надъ матеріальной и грубой силою. Этому содѣйствовалъ самъ Вильгельмъ ревностными

заботами о полиціи и безопасности. а въ особенности энергіей, съ которой онъ давалъ чувствовать сильнымъ баронамъ ихъ зависимость отъ него. Господствовавшее прежде мнѣніе, будто бы онъ далъ народу Великую Хартію (Magna charta) или гражданскія права, уже давно признано ошибочнымъ. Съ какой твердостью дѣйствовалъ Вильгельмъ въ отношеніи къ духовенству и римскому папѣ, было уже упомянуто выше (т. V. стр. 283). Притязаніямъ папы Григорія VII онъ противился энергичнѣе всѣхъ другихъ тогдашнихъ государей (т. VI. стр. 274). Своимъ совѣтникомъ и руководителемъ дипломатическихъ переговоровъ Вильгельмъ избралъ искуснаго богослова и юриста Ланфранка (т. VI. стр. 347), котораго сдѣлалъ въ 1070 году архіепископомъ кентербѐрійскимъ и главою англійскаго духовенства. Какія услуги оказывалъ ему Ланфранкъ своими юридическими тонкостями, можно видѣть изъ слѣдующаго анекдота. Однажды Ланфранкъ посовѣтовалъ ему посадить въ темницу его своднаго брата Одона, который, будучи въ одно и тоже время епископомъ Баіё и графомъ кентскимъ, могъ сдѣлаться опаснымъ для короля. Когда же Вильгельмъ не рѣшался на то изъ уваженія къ духовному сану епископа, Ланфранкъ сказалъ ему: „Арестуй его не какъ епископа Баіё, а какъ графа кентскаго.“ Ланфранкъ велъ также переговоры съ Римомъ и убѣдилъ папу Николая II снять съ Вильгельма отлученіе отъ церкви, а потомъ склонилъ Александра II оказать ему поддержку при завоеваніи Англіи (т. V. стр. 281 и 283).

Вильгельмъ, скончавшійся въ 1087 году, оставилъ трехъ сыновей: Роберта Куртгёза, Вильгельма II и Генриха I. Старшій, Робертъ, отличался храбростью, которую и доказалъ во время перваго крестоваго похода, но при этомъ былъ чрезвычайно легкомысленъ и совершенно неспособенъ управлять государствомъ. Это не могло скрыться отъ взоровъ такого хитраго и проницательнаго государственнаго человѣка, какимъ, по инстинкту, былъ его отецъ, тѣмъ болѣе, что Вильгельмъ былъ достаточно опытенъ, чтобы видѣть, что введенная имъ система управленія могла держаться только личностью правителя. Потому онъ отдалъ

Роберту еще прежде обѣщанную ему Нормандію, но вмѣстѣ со своимъ другомъ Ланфранкомъ принялъ мѣры, чтобы онъ былъ отстраненъ отъ англійскаго престола, а королемъ Англіи былъ признанъ второй сынъ, Вильгельмъ, походившій во всемъ на отца. Исполненію этого плана много способствовало то обстоятельство, что, когда умиралъ Вильгельмъ, младшіе сыновья были при немъ, а Робертъ находился въ отсутствіи.

По смерти Вильгельма I въ Англіи тотчасъ же начались волненія, вызванныя отстраненіемъ Роберта отъ престола и отчасти деспотическимъ характеромъ новаго короля. Большинство бароновъ, въ томъ числѣ епископъ Баіё, Одонъ, и другой сводный братъ умершаго короля приняли сторону Роберта и дѣло могло бы принять неблагопріятный оборотъ для Вильгельма II, если бы Робертъ не испортилъ всего своимъ обыкновеннымъ легкомысліемъ. Тогда Вильгельму было уже не трудно подавить движеніе. Водворивъ въ Англіи спокойствіе, онъ хотѣлъ преслѣдовать брата и въ Нормандіи; но посредниками между ними явились вассалы, которые, имѣя лены отъ обоихъ братьевъ, были принуждены измѣнить кому нибудь изъ нихъ. Помирившись другъ съ другомъ, Робертъ и Вильгельмъ начали сообща войну съ младшимъ братомъ, чтобы отнять его владѣнія. Вскорѣ послѣ того безпокойный Робертъ, по порученію брата, велъ переговоры съ шотландскимъ королемъ, признававшимъ себя вассаломъ англійскаго короля, но уже въ 1094 году возобновилъ войну съ Вильгельмомъ, и эта распря продолжалась до тѣхъ поръ, пока Робертъ, отправляясь въ крестовый походъ, не заложилъ Вильгельму свое герцогство на пять лѣтъ. Онъ получилъ за Нормандію всего десять тысячъ марокъ, что доказываетъ незначительную цѣнность, въ тогдашнее время, обширныхъ владѣній въ сравненіи съ цѣнностью звонкой монеты. Это подтверждается еще тѣмъ, что около того же времени Готтфридъ Бульонскій заложилъ родовыя владѣнія за чрезвычайно незначительную сумму, и что въ 1177 году графство Маршъ было продано англійскому королю Генриху II за шесть тысячъ марокъ. Въ то

самое время, когда цѣлыя княжества продавались за 10 тысячъ марокъ, за боеваго коня платили 15 марокъ. Робертъ покрылъ издержки похода, предпринятаго имъ въ защиту христіанства, собственными средствами, хотя никогда не могъ расчитывать уплатить долгъ; братъ же его, Вильгельмъ, слѣдовалъ совершенно другимъ началамъ. Вильгельмъ, совершавшій и прежде страшныя притѣсненія для того, чтобы имѣть возможность содержать многочисленное наемное войско, самъ собралъ съ Нормандіи сумму, которую далъ брату подъ залогъ ея. Такимъ образомъ онъ отнялъ у норманновъ деньги, которыя Робертъ могъ достать для себя только взаймы, и даже воспользовался этимъ случаемъ для своего обогащенія, захвативъ золотую и серебряную утварь и драгоцѣнные каменья, которыми набожность его предковъ украсила церкви.

Робертъ возвратился изъ Палестины въ 1100 году, женившись на дорогѣ на дочери одного апулійскаго графа. Этотъ бракъ доставилъ ему необходимыя для выкупа его герцогства деньги, а въ тоже время ему открылись виды на пріобрѣтеніе всего королевства его брата, который около этого времени былъ, по несчастному случаю, убитъ на охотѣ (1100 г.); но и на этотъ разъ онъ испортилъ все своимъ легкомысліемъ. Сначала онъ пропустилъ удобное время, оставаясь безъ всякаго дѣла въ Италіи, и позволилъ предупредить себя брату, Генриху I, который тотчасъ по полученіи извѣстія о смерти Вильгельма завладѣлъ королевскими сокровищами и черезъ три дня былъ провозглашенъ королемъ. Если бы Робертъ имѣлъ сколько нибудь твердости и терпѣнія, то могъ бы даже тогда завладѣть властью, или покрайней мѣрѣ, долгое время оспаривать ее у брата, потому что по возвращеніи былъ съ восторгомъ встрѣченъ въ Нормандіи, а въ Англіи въ его пользу высказались весьма многіе. Онъ началъ войну съ Генрихомъ и произвелъ высадку въ Англію, но, наскучивъ военными дѣйствіями при самомъ началѣ похода, заключилъ договоръ, по которому отказался отъ короны за ежегодный платежъ извѣстной суммы. Черезъ два года онъ отказался и отъ этого и, только пожертвовавъ своими привер-

женцами гнѣву Генриха и истощивъ свои средства, возобновилъ войну, но попался тогда въ плѣнъ и долженъ былъ согласиться на самый унизительный миръ. Его жестокій братъ не могъ лишить его жизни, потому что тогдашніе юридическіе обычаи Англіи, въ противоположность суровому нынѣшнему законодательству, не допускали смертной казни. Робертъ былъ ослѣпленъ и до самой смерти, послѣдовавшей черезъ двадцать восемь лѣтъ, содержался въ самомъ строгомъ заключеніи. Такую же печальную участь испыталъ и сынъ Роберта, Вильгельмъ Клитонъ, который, избѣгнувъ преслѣдованій дяди, былъ радушно принятъ французскимъ королемъ, Людовикомъ VI, и Фулькомъ V, графомъ анжуйскимъ. Людовикъ и Фулькъ нѣсколько лѣтъ вели войну съ Генрихомъ, чтобы возвратить Вильгельму Нормандію, а когда это не удалось, Людовикъ отдалъ ему въ ленъ графство Фландрію, которое было тогда такъ же значительно, какъ и его родовое герцогство. Но принужденный постоянно бороться съ внутренними и внѣшними врагами, Вильгельмъ не былъ радъ жизни и умеръ въ 1128 году, въ цвѣтѣ лѣтъ.

Правленіе Генриха, насильственно овладѣвшаго престоломъ, было непрерывнымъ рядомъ жестокостей и притѣсненій. Говорятъ, что въ началѣ царствованія онъ далъ націи Великую Хартію, которою отказывался отъ произвольныхъ притѣсненій своего отца и нарушеній правъ вассаловъ; но, не говоря уже о томъ, что это не вполнѣ достовѣрно, намъ положительно извѣстно, что онъ не сдержалъ обѣщанія и скорѣе увеличилъ, чѣмъ уменьшилъ произвольные налоги, введенные Вильгельмомъ Завоевателемъ. За то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ вновь подтвердилъ странѣ сохраненіе древнихъ англосаксскихъ судебныхъ учрежденій и законовъ Эдуарда Исповѣдника, хотя въ его царствованіе древній французскій языкъ сдѣлался господствующимъ при дворѣ и во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, а все судебное сословіе въ Англіи пополнялось норманнскими духовными. Впрочемъ, учрежденія англосаксовъ и норманновъ, по своему существу, были такъ сходны

другъ съ другомъ, что взаимное сліяніе ихъ произошло чрезвычайно скоро. Кромѣ того, благодаря вліянію норманнскихъ юристовъ, въ англійскихъ судахъ, а чрезъ ихъ посредство и въ народѣ, распространилось такое знаніе права и такая внимательность къ юридическимъ формамъ, что именно въ этомъ обстоятельствѣ нужно искать объясненія, почему впослѣдствіи, когда англичане дѣйствительно получили Великую Хартію, они гораздо бдительнѣе другихъ націй охраняли свои политическія права. Въ Англіи каждый привыкъ обращать вниманіе на слова и мелочныя опредѣленія, о которыхъ въ остальной Европѣ, кромѣ Рима, никто не заботился, и бережливо охранять уже добытыя права. Но въ то время какъ правленіе Генриха оказывало извѣстную долю полезнаго вліянія на народъ, бароны совершенно одичали подъ жестокимъ гнетомъ этого воинственнаго деспота и погрузились въ такое состояніе варварства, подобное которому мы встрѣчаемъ только у дикихъ тюркскихъ народовъ. Однажды зять короля приказалъ ослѣпить сына одного изъ бароновъ, находившагося у него въ заложникахъ, и за то король отдалъ родныхъ своихъ племянниковъ на жертву мстительности оскорбленнаго барона, который велѣлъ выколоть имъ глаза и отрѣзать носъ.

За исключеніемъ нѣсколькихъ побочныхъ сыновей, Генрихъ имѣлъ только двухъ законныхъ дѣтей, сына и дочь, Матильду, которая была въ первый разъ замужемъ за императоромъ германскимъ, Генрихомъ V, но не имѣла отъ него дѣтей. Лишившись сына, король старался доставить престолъ дочери и, созвавъ для этого, въ 1126 году, блестящее собраніе англійскихъ бароновъ, потребовалъ, чтобы они признали Матильду его наслѣдницей и подтвердили это признаніе клятвой. Черезъ два года пожалованіе Фландріи Вильгельму Клитону такъ встревожило Генриха, что онъ, не взирая на самыя тяжелыя условія, помирился съ старымъ графомъ анжуйскимъ, Фулькомъ V, который до тѣхъ поръ, вмѣстѣ съ Людовикомъ VI, воевалъ противъ него за возстановленіе правъ Вильгельма Клитона. Средствомъ примиренія былъ бракъ

Матильды съ сыномъ Фулька, Готтфридомъ, который отличался красотой, но едва вышелъ изъ отрочества и былъ десятью годами моложе невѣсты. Готтфридъ обыкновенно носилъ на шлемѣ вѣтку дрока (planta genest) и получилъ, вслѣдствіе того, прозвище Плантагенета, которое перешло и на основанную имъ новую королевскую династію Плантагенетовъ.

Бракъ Матильды съ Готтфридомъ Плантагенетомъ съ самаго начала поставилъ короля въ двойное затрудненіе. Бароны королевства сочли себя освобожденными отъ присяги, данной ими въ пользу Матильды, думая, что необходимо было спросить ихъ согласія и на бракъ Матильды, какъ прежде на объявленіе ея наслѣдницей, а неравенство возрастовъ двухъ супруговъ возбудило между ними такіе раздоры, что Матильда скоро возвратилась въ Англію и въ продолженіе двухъ лѣтъ бракъ казался расторгнутымъ. Но впослѣдствіи онъ былъ торжественно возстановленъ и Генрихъ получилъ отъ собранія англійскихъ бароновъ вторичное подтвержденіе однажды установленнаго порядка престолонаслѣдія. Когда у Матильды родился сынъ, впослѣдствіи король Генрихъ II, то, повидимому, не было никакого сомнѣнія, что онъ наслѣдуетъ престолъ дѣда. Однако возникшія вскорѣ послѣ того несогласія между Матильдой и ея отцомъ и вліяніе духовенства, которымъ искусно воспользовался одинъ родственникъ короля, помѣшали осуществленію этихъ надеждъ, и одинъ изъ немногихъ человѣколюбивыхъ поступковъ Генриха повредилъ его внуку болѣе всѣхъ безчисленныхъ его жестокостей и несправедливостей. Онъ принялъ горячее участіе въ двухъ своихъ племянникахъ, сыновьяхъ его сестры и Стефана, графа Блуа и шартрскаго, которые были принуждены уступить отцовскія владѣнія старшему брату, и далъ одному изъ нихъ, Генриху, поступившему въ духовное званіе, сначала богатое аббатство Гластонбёри, а потомъ епископство винчестерское, а другому, Стефану, не только отдалъ въ ленъ графство Мортэнъ въ Нормандіи, но устроилъ и бракъ его съ богатѣйшей наслѣдницей Франціи, единственной дочерью графа

Евстафія Булонскаго. Она принесла мужу, кромѣ графства булонскаго много другихъ помѣстій и владѣній и, какъ племянница короля, доставила Стефану значительное вліяніе при королевскомъ дворѣ. Потому Генрихъ сильно настаивалъ на томъ, чтобы Стефанъ, въ присутствіи всѣхъ бароновъ, торжественно обязался признать Матильду и ея сына единственными законными наслѣдниками престола. Стефанъ далъ клятву и не думалъ измѣнять ей до тѣхъ поръ, пока Генрихъ незадолго до смерти не поссорился съ Матильдой и Готтфридомъ Плантагенетомъ. Прервавъ всѣ сношенія Матильды съ Англіей, Генрихъ немедленно отправился въ Нормандію, чтобы противодѣйствовать всякому вліянію, которое дочь его могла имѣть на Нормандію изъ Анжу, и Стефанъ тотчасъ рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы пріобрѣсти корону. Достигнуть цѣли было тѣмъ легче, что Генрихъ умеръ въ Нормандіи (1135 г.), въ разгарѣ спора съ дочерью. Прежде чѣмъ Матильда прибыла въ Англію и ея сводный братъ, Робертъ Глостеръ, принявшій ея сторону, успѣлъ что нибудь сдѣлать въ ея пользу, Стефанъ овладѣлъ королевской казной, укрѣпилъ замки и навербовалъ многочисленныя толпы такъ называемыхъ брабансоновъ или фландрскихъ и бретанскихъ наемниковъ, смотрѣвшихъ на военную службу какъ на ремесло и продававшихъ свои услуги то тому, то другому владѣтелю. Ему помогло то обстоятельство, что тогда была еще жива его престарѣлая мать, глубоко уважаемая англичанами за ея набожность. Согласія духовенства и своего коронованія архіепископомъ кентербэрійскимъ онъ добился благодаря вліянію брата, Генриха Винчестерскаго, и ложной клятвѣ одного изъ его приверженцевъ. Гуго Бигодъ, сенешалъ королевства, предъ лицомъ всѣхъ бароновъ сказалъ явную ложь, поклявшись, что онъ присутствовалъ при томъ, какъ покойный король добровольно освободилъ вельможъ отъ присяги Матильдѣ и ея сыну.

Чрезъ три недѣли по смерти Генриха Стефанъ былъ признанъ королемъ всей Англій. Хотя этому содѣйствовало вліянія его брата

и матери, но главной причины успѣха слѣдуетъ искать въ томъ обстоятельствѣ, что невыносимыя угнетенія трехъ послѣднихъ королей заставляли всѣхъ желать новой хартіи, а Стефанъ, бывшій не въ состояніи сохранить за собой престолъ безъ поддержки бароновъ, народа и духовенства, съ самого начала обѣщалъ дать подобныя привилегіи. Онъ, дѣйствительно, далъ хартію и присягнулъ ей (1136 г.) въ Оксфордѣ, въ торжественномъ собраніи сословій государства. Такъ какъ отъ военнаго деспотизма предшественниковъ Стефана болѣе всего терпѣли духовныя лица, а братъ короля, епископъ винчестерскій, Генрихъ, былъ душой всего предпріятія, то въ изданной Стефаномъ хартіи на духовенство было обращено особенное вниманіе; впрочемъ, въ ней не были забыты и другія сословія. Стефанъ обѣщалъ не изъявлять притязаній на доходы епископствъ, остававшихся незамѣщенными, а каждый разъ немедленно замѣщать ихъ, согласно дѣйствующимъ каноническимъ правиламъ; далѣе онъ далъ слово никогда не присвоивать себѣ произвольно лѣсовъ духовныхъ или свѣтскихъ владѣтелей для того, чтобы потомъ, какъ это дѣлалъ Генрихъ, возвратить ихъ за выкупъ, поклялся отмѣнить значительный налогъ, регулярно взимавшійся его предшественниками подъ именемъ данегельда (т. V. стр. 262) и наконецъ обѣщалъ еще многое, но, какъ выражается одинъ писатель слѣдующаго столѣтія, сдержалъ весьма немногія изъ своихъ обѣщаній. Ближайшія послѣдствія его хартіи были не очень утѣшительны, потому что тотчасъ же всѣ англійскіе бароны и епископы стали, по примѣру Стефана, укрѣплять свои замки, а Робертъ Глостеръ, подчинившійся новому королю для сохраненія своихъ помѣстій, сталъ готовиться къ предстоявшей войнѣ и строить значительныя укрѣпленія. До тѣхъ поръ частныя феодальныя войны были почти неизвѣстны въ Англіи, за исключеніемъ распрей уэльскихъ бриттовъ и шотландцевъ съ пограничными стражами; но со времени изданія хартіи Стефана, на островѣ повторились тѣ же явленія, какъ и въ остальныхъ европейскихъ государствахъ. „Свѣтскіе и духовные владѣтели, говорится въ одной

хроникѣ, строили замки, занимали ихъ дьявольскимъ народомъ, притѣсняли горожанъ и крестьянъ и, для полученія денегъ, предавали истязаніямъ всякаго, попадавшагося имъ въ руки; они брали съ городовъ деньги, чтобы не предавать ихъ огню, и, собравъ съ нихъ контрибуцію, зажигали ихъ. По дорогѣ можно было проѣхать цѣлый день и не встрѣтить живой души; города опустѣли и поля оставались невоздѣланными. Никогда еще страна не испытывала такихъ бѣдствій. Если въ какомъ нибудь городѣ замѣчали издалека приближеніе двухъ или трехъ всадниковъ, то всѣ жители разбѣгались отъ страха передъ разбойниками. Въ правленіе Стефана положеніе еще ухудшилось и народъ громко говорилъ, что Христосъ и святые отступились отъ нихъ." Въ этомъ и заключается разница между военно-деспотическимъ и военно-аристократическимъ правленіемъ. Когда Стефанъ вздумалъ обуздать зло, безпокойные бароны составили противъ него союзъ и во главѣ ихъ сталъ Робертъ Глостеръ, который, присягая королю, сдѣлалъ странную оговорку, объявивъ, что обязывается хранить вѣрность королю только до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ держать свои обѣщанія и сохранять королевское достоинство. Въ то же время напалъ на Англію шотландскій король, Давидъ I. Но Стефанъ успѣлъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія, какъ опасно оно ни было. Пріобрѣтя искуснымъ образомъ дѣйствій расположеніе духовенства, онъ, благодаря вліянію этого сословія, получилъ перевѣсъ надъ бунтовщиками, потомъ со всѣмъ войскомъ бросился на шотландцевъ, одержалъ надъ ними блистательную побѣду и принудилъ ихъ къ миру. Рѣшительное сраженіе съ шотландцами въ эту войну извѣстно въ исторіи подъ именемъ битвы знамени, потому что англичане сражались подъ покровомъ кароччіо, заключавшаго въ себѣ ихъ національную святыню. Разсказы объ этомъ англійскихъ историковъ даютъ намъ возможность составить болѣе вѣрное заключеніе о происхожденіи и распространеніи этихъ употребительныхъ въ средніе вѣка священныхъ колесницъ, которыя болѣе всего извѣстны намъ изъ исторіи ломбардскихъ войнъ (т. VI. стр. 195).

„Англичане. говорится въ лѣтописяхъ, поставили по серединѣ повозки корабельную мачту, названную ими штандартомъ, и помѣстили на ея оконечности серебряный сосудъ съ тѣломъ Христа (св. причастіемъ) и мощами св. Петра, и два священныхъ значка, для того чтобы Христосъ, присутствуя своимъ тѣломъ, былъ ихъ предводителемъ на войнѣ, предпринятой въ защиту церкви и отечества.“ Сраженіе это замѣчательно еще потому, что въ немъ мы ясно видимъ различіе между горными шотландцами, оставшимися вѣрными древнимъ обычаямъ, и норманнами, имѣвшими рыцарское вооруженіе. Горцы, составлявшіе, на основаніе своей древней привилегіи, первую боевую линію шотландскаго войска, были полуодѣты и бросились съ однимъ наступательнымъ оружіемъ на закованные въ желѣзо и потому неуязвимые ряды норманновъ.

Блистательная побѣда Стефана надъ шотландцами внушила ему мысль ограничить и духовенство, которое до тѣхъ поръ онъ щадилъ изъ политическихъ соображеній; но вслѣдствіе того вспыхнула продолжительная и кровопролитная война. Къ противодѣйствію духовенству Стефана побудило постоянное увеличеніе свѣтской власти этого сословія и употребленіе имъ во зло своихъ доходовъ, потому что наконецъ и епископы стали строить укрѣпленные замки и изъ-за стѣнъ ихъ угрожать королю и народу. Стефанъ могъ тѣмъ скорѣе расчитывать на успѣхъ, что уже тогда самая мысль объ епископахъ-воинахъ была также ненавистна англійскому народу, какъ и впослѣдствіи. Дѣйствительно, королю удалось отнять у епископовъ замки, но самъ онъ ничего отъ этого не выигралъ, потому что, со времени разрыва съ духовенствомъ, положеніе его совершенно измѣнилось. Духовенство, до тѣхъ поръ составлявшее его главную опору, перешло на сторону Матильды и ея сына; такимъ образомъ составилась страшная партія, тайно и явно подкапывавшаяся подъ могущество и значеніе Стефана: даже родной братъ его, епископъ винчестерскій, руководясь скорѣе внушеніями сословнаго духа, чѣмъ чувствомъ братской любви, сталъ во главѣ его враговъ и сдѣлался тѣмъ опаснѣе для короля, что не-

задолго передъ тѣмъ самъ Стефанъ добылъ для него званіе папскаго легата въ Англіи и, слѣдовательно, доставилъ ему громадное вліяніе.

Матильда не замедлила воспользоваться этими обстоятельствами и въ 1139 году, высадившись, въ сопровожденіи графа Роберта Глостера, на англійскій берегъ, начала кровопролитную и опустошительную войну съ Стефаномъ. Современники не находятъ достаточно ужасныхъ красокъ для изображенія бѣдствій этой междоусобной войны, во время которой всѣ города держали сторону короля. Стефанъ высылалъ противъ ожесточенныхъ враговъ своихъ свирѣпыхъ брабансоновъ и въ продолженіе двухъ лѣтъ страна была такъ истощена, что обѣ стороны, для предупрежденія медленной гибели, должны были рѣшиться покончить споръ однимъ ударомъ. Поводомъ къ этому была осада города Линкольна, жители котораго, какъ и всѣ горожане, принадлежали къ числу ревностныхъ приверженцевъ короля и были осаждены Робертомъ Глостеромъ. Они условились съ Стефаномъ, который долженъ былъ подойти къ нимъ на помощь изъ Лондона, произвести одновременное неожиданное нападеніе на осаждавшихъ и такимъ образомъ уничтожить Роберта и Матильду. Планъ этотъ не удался, потому что Стефанъ былъ задержанъ на пути разливомъ одной рѣки, и Робертъ имѣлъ время стянуть къ себѣ значительныя подкрѣпленія и съ равными почти силами выступить противъ короля. Рѣшительная битва произошла на рѣкѣ Трентѣ; обѣ стороны дрались съ одинаковымъ мужествомъ; Стефанъ не только исполнялъ всѣ обязанности предводителя, но и показалъ себя храбрымъ воиномъ, однако было разбитъ и взятъ въ плѣнъ (1141 г.).

Послѣ побѣды Матильда была признана королевой и распря навсегда бы прекратилась, если бы упорство приверженцевъ Стефана, а еще болѣе высокомѣріе новой повелительницы не придали дѣлу другаго оборота. Матильда ни за что не соглашалась освободить Стефана и тогда, когда приверженцы его давали ей обѣщаніе принудить Стефана оставить Англію; она отвергла даже

просьбы Генриха Винчестерскаго за сына Стефана, хотя ей слѣдовало бы для собственныхъ выгодъ уважить ходатайство вліятельнаго епископа. Она хотѣла управлять въ духѣ отца и потому лишилась всякой популярности. Нація требовала возстановленія законовъ Эдуарда Исповѣдника, потому что норманнское завоеваніе и деспотизмъ трехъ послѣднихъ королей научилъ англичанъ цѣнить достоинства англосаксскихъ законовъ, или скорѣе, оттого, что народъ былъ еще близокъ къ естественному состоянію и потому находилъ неурядицу, господствовавшую при послѣднихъ англосакскихъ короляхъ, гораздо болѣе сносною, чѣмъ покровительство деспотическихъ законовъ. Сами норманны, будучи недовольны какимъ нибудь изъ своихъ королей, вторили голосу народа, требуя возстановленія сакскихъ законовъ. Матильда не обращала на это вниманія и своимъ неблагоразуміемъ и жестокостью вооружила противъ себя всю націю, а въ особенности горожанъ и Генриха Винчестерскаго. Горожане съ ужасомъ видѣли возобновленіе царствованія Генриха I и тѣмъ сильнѣе оплакивали прежняго защитника, а Генрихъ сознавалъ, что слишкомъ увлекся политическими соображеніями, покинувъ брата и перейдя на сторону его противниковъ. Неудовольствіе обнаружились прежде всего въ Лондонѣ (лѣтомъ 1142 г.). Жители этого города, имѣвшаго уже тогда сильное вліяніе на судьбу государства, внезапно схватились за оружіе и сдѣлали попытку взять въ плѣнъ королеву, поселившуюся въ Лондонѣ. Предпріятіе ихъ не удалось, но послужило сигналомъ къ повсемѣстному возобновленію войны. Вскорѣ счастливая случайность возстановила равновѣсіе между партіями. Робертъ Глостеръ, единственный человѣкъ, бывшій въ состояніи сражаться въ открытомъ полѣ за дѣло королевы, былъ взятъ въ плѣнъ приверженцами Стефана и вымѣненъ ими на короля.

Война продолжала свирѣпствовать въ теченіе пяти лѣтъ. Для Стефана, который какъ богатѣйшій человѣкъ въ Англіи легко могъ возстановлять свои силы послѣ каждаго пораженія, война была не такъ обременительна, какъ для Матильды, мужъ которой,

Готтфридъ, овладѣлъ въ 1144 году Нормандіей и не хотѣлъ рисковать своимъ состояніемъ и вассалами въ невѣрномъ предпріятіи противъ Англіи. Готтфридъ имѣлъ кромѣ того поводъ опасаться, что сынъ его Генрихъ, посланный по просьбѣ Роберта въ Англію, сдѣлавшись англійскимъ королемъ, забудетъ свои родовыя владѣнія и станетъ считать ихъ обыкновенными провинціями; по крайней мѣрѣ о существованіи подобнаго опасенія можно заключать по удивительной заботливости, съ которою онъ хотѣлъ опредѣлить на будущее время политическое устройство, законы и обычаи графства Анжу. Въ 1150 году онъ отозвалъ изъ Англіи жену и сына, такъ что Робертъ одинъ продолжалъ войну; но онъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и Стефанъ былъ оставленъ въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока Генрихъ не получилъ, по смерти отца (1151 г.), Анжу и Нормандію и не утвердился въ земляхъ, доставшихся ему вслѣдствіе брака съ Элеонорою, владѣтельницей Гіенни и Пуату. Въ соединеніи съ приверженцами матери, онъ произвелъ, въ 1153 году, новое нападеніе на Англію. Обстоятельства благопріятствовали его предпріятію. Стефанъ поссорился тогда не только съ друзьями но и съ духовенствомъ, которое онъ оскорбилъ, изгнавъ изъ королевства архіепископа кентербсрійскаго Теобальда, присутствовавшаго безъ позволенія короля на соборѣ въ Реймсѣ. Король былъ наказанъ за то интердиктомъ. Стефанъ смѣялся надъ этимъ наказаніемъ, но за то не могъ осуществить своего желанія и заставить признать сына, Евстафія, наслѣдникомъ престола. Духовенство и всѣ бароны, не смотря на угрозы, объявили ему, что останутся до конца вѣрными ему самому, но считаютъ законнымъ наслѣдникомъ престола сына Матильды. Въ 1153 году Генрихъ высадился въ Англію, и такъ какъ Евстафій вскорѣ умеръ, то Стефанъ заключилъ мирный договоръ, по которому призналъ Генриха будущимъ наслѣдникомъ. Этотъ договоръ былъ подтвержденъ торжественной клятвой всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ вассаловъ, и на слѣдующій годъ, по смерти Стефана (1154 г.), Генрихъ безпрепятственно вступилъ на англійскій престолъ.

6. Англія, въ царствованіе Генриха II.

Генрихъ II, съ которымъ на англійскій престолъ вступила новая династія Плантагенетовъ, съ самаго начала увидѣлъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ нѣкоторымъ насильственнымъ мѣрамъ. Онъ разрушилъ укрѣпленные замки бароновъ и выгналъ изъ Англіи хищныхъ наемниковъ, принятыхъ на службу Стефаномъ. Впрочемъ, для защиты своихъ владѣній во Франціи онъ долженъ былъ не только снова навербовать наемныя войска, но и возобновить притѣсненія и насилія, которыя терпѣла Англія въ царствованіе Генриха I. Онъ съ безграничною суровостью поступилъ съ Нормандіей и конфисковалъ всѣ тамошніе лены, розданные его предшественникам", или долженствовавшіе перейти не къ прямымъ наслѣдникамъ; въ Англіи Генрихъ совершалъ всевозможныя притѣсненія, которыя, при тогдашнемъ политическомъ устройствѣ страны, могъ дѣлать безпрепятственно, и добывалъ нужныя ему деньги путемъ обыкновенныхъ и уже извѣстныхъ намъ (т. VII. стр. 22) злоупотребленій при взиманіи налоговъ. Помилованіе осужденныхъ, денежныя пени, королевское право опеки надъ малолѣтними вассалами и наслѣдницами леновъ составляли для него обильные источники доходовъ. Съ дворянства, обязаннаго нести военную службу, при всякомъ удобномъ случаѣ, безъ нужды и безъ всякаго уваженія къ требованіямъ справедливости, взимался scutagium (подать со щита), и этотъ налогъ былъ такъ значителенъ, что доставлялъ съ одной Англіи 124 тысячи фунтовъ серебра. Впрочемъ, постоянныя войны съ Франціею, въ которыя Генрихъ былъ вовлеченъ своимъ бракомъ съ Элеонорою и пріобрѣтеніемъ вслѣдствіе того Гіенни и Пуату, важны для всемірной исторіи только по своимъ конечнымъ результатамъ; гораздо больше значенія имѣетъ распря Генриха съ Томасомъ Беккетомъ, завоеваніе Ирландіи и его споры съ сыновьями, потому что на этихъ трехъ событіяхъ вертится вся тогдашняя исторія Англіи.

Распря Генриха съ архіепископомъ кентербёрійскимъ Томасомъ Беккетомъ составляетъ для той эпохи повтореніе исторіи германскаго императора Генриха IV, но находится въ тѣсной связи съ разгаданными Беккетомъ планами короля поставить духовенство въ прежнюю зависимость отъ короны. Кто желаетъ изслѣдовать споръ между королемъ и главой англійскаго духовенства только съ политической точки зрѣнія, оставивъ въ сторонѣ личный характеръ противниковъ, тотъ долженъ вернуться къ царствованію Вильгельма Завоевателя. Предъ желѣзной волей Вильгельма склонялось все, даже самъ Григорій VII. Съ епископами и аббатами Вильгельмъ поступалъ такъ же произвольно и самовластно, какъ съ графами и баронами; даже первое духовное лицо въ королевствѣ, братъ его, Одонъ де Баіё, бывшій въ то же время легатомъ римскаго престола, сдѣлавшись подозрительнымъ Вильгельму, подвергся заключенію и лишился своихъ сокровищъ. Законы Вильгельма ограничивали не только вліяніе римскаго двора, но и богатство англійскаго духовенства; онъ провелъ рѣзко опредѣленную границу между свѣтскими и духовными дѣлами и очень искусно исключилъ духовенство изъ участія въ судахъ, гдѣ до тѣхъ поръ оно пользовалось преобладающимъ вліяніемъ, благодаря своей учености и знанію системы римскаго права. Въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, сынъ его, Вильгельмъ, шелъ по стопамъ отца. Это былъ человѣкъ, не обращавшій никакого вниманія на нравственное значеніе христіанскаго ученія, но за то не имѣвшій и наклонности къ суевѣрію; онъ нисколько не заботился о требованіяхъ основанной на общественномъ мнѣніи церковной дисциплины и нарушалъ всѣ обычныя формы съ наглостью, которая показалась бы намъ невѣроятной, если бы мы не имѣли въ подтвержденіе положительнаго свидѣтельства одного изъ современниковъ той эпохи. Когда по смерти Ланфранка онъ долго оставлялъ незамѣщенною кентербёрійскую каѳедру, чтобы пользоваться ея огромными доходами, англійскіе епископы обратились къ нему за позволеніемъ устроить по церквамъ молебствія для того, чтобы Богъ внушилъ ему даровать церкви

пастыря. „Молитесь, о чемъ хотите, отвѣчалъ онъ улыбаясь и со скрытымъ гнѣвомъ, я же буду дѣлать, что мнѣ нравится, и никакая молитва не измѣнитъ моей воли.“ Никто не зналъ и не понималъ его такъ хорошо, какъ хитрый другъ его отца, Ланфранкъ, и пока онъ оставался архіепископомъ кентербюрійскимъ и примасомъ королевства, свѣтская и духовная власть находились въ мирѣ и согласіи, но распря и раздоры возникли тотчасъ же, какъ только, черезъ четыре года по смерти Ланфранка, примасомъ сдѣлался Ансельмъ. Ансельмъ, проникнутый сознаніемъ важности и достоинства христіанскихъ епископовъ, совершенно справедливо, хотя быть можетъ слишкомъ горячо, ратовалъ противъ употребленія церковныхъ имуществъ для мірскихъ цѣлей и даже осмѣливался противорѣчить королю; за то онъ долженъ былъ покинуть Англію, хотя и считался у современниковъ первымъ авторитетомъ въ богословіи, философіи и законовѣдѣніи (т. VI. стр. 347). По смерти Вильгельма II ему дозволено было возвратиться, но согласіе его съ Генрихомъ I продолжалось только до тѣхъ поръ, пока онъ нуждался въ архіепископѣ противъ своего брата Роберта и его приверженцевъ. Когда Генрихъ окончательно утвердился на престолѣ, споръ возобновился; на этотъ разъ дѣло шло объ инвеститурѣ (т. VI. стр. 276), которой до тѣхъ поръ никто не оспаривалъ у англійскихъ королей. Впрочемъ, Генрихъ дѣйствовалъ мягче, чѣмъ его предшественникъ. Онъ отправлялъ въ Римъ пословъ и если сначала не позволялъ архіепископу, также отправившемуся въ Римъ, возвратиться, то все таки позволилъ ему поселиться въ нормандскомъ монастырѣ Бекъ, а впослѣдствіи переѣхать даже въ Кентербюри и наконецъ, нуждаясь по своимъ дѣламъ во Франціи въ поддержкѣ папы, согласился на свиданіе съ нимъ и былъ вынужденъ сдѣлать ему неслыханныя до тѣхъ поръ уступки. Онъ обѣщалъ воздержаться отъ всякихъ притѣсненій и вымогательствъ, которыя позволяли себѣ относительно церкви его предшественники, и отказался отъ инвеституры, а взамѣнъ того получилъ право требовать отъ епископовъ ленной присяги на ихъ свѣтскія владѣнія. По той

же причинѣ, по какой онъ уступилъ въ дѣлѣ объ инвеститурѣ, Генрихъ позволилъ (чего не допускалъ еще ни одинъ англійскій король) папѣ созывать въ королевствѣ, черезъ посредство легата, церковные соборы и даже согласился на то, чтобы папа, по поводу спора о старшинствѣ двухъ первыхъ епископовъ Англіи, пригласилъ ихъ въ Римъ и постановилъ окончательное рѣшеніе по этому дѣлу. Преемникъ Генриха, Стефанъ, пошелъ ещё далѣе. Въ своей хартіи онъ даровалъ духовенству чрезвычайно обширныя права и выпросилъ у папы Иннокентія II достоинство папскаго легата для своего брата Генриха, епископа винчестерскаго, но скоро долженъ былъ раскаяться въ своемъ поступкѣ. Пользуясь этимъ благопріятнымъ оборотомъ, римскій дворъ сталъ вмѣшиваться во всѣ дѣла англійской церкви и ея духовенства, а духовное сословіе, подъ руководствомъ Генриха, расчитывая на внутреннія смуты и помощь изъ Италіи, совершенно освободилось изъ подъ власти короля. На выборахъ епископовъ папское вліяніе заступило мѣсто вліянія короля, посылки легатовъ сдѣлались самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, безбрачіе духовенства было введено повсюду и во всѣхъ сколько нибудь значительныхъ процессахъ стали аппелировать въ Римъ; однимъ словомъ, церковь была приведена въ такое же положеніе, въ какомъ она находилась въ другихъ европейскихъ государствахъ.

Генрихъ II, желавшій возстановить все въ такомъ видѣ, въ какомъ оно находилось при его дѣдѣ, не могъ примириться съ этимъ порядкомъ вещей. Желая возстановить неограниченную власть короля и въ церковныхъ дѣлахъ, онъ думалъ скорѣе всего достигнуть цѣли, назначивъ примасомъ Англіи (1162 г.) совершенно преданнаго ему канцлера, Томаса Беккета. Духовенство было очень недовольно назначеніемъ Беккета, который до тѣхъ поръ принималъ участіе въ изданіи всѣхъ мѣръ, ограничивавшихъ могущество духовенства; но оно обманулось въ этомъ человѣкѣ, такъ же какъ король, и только престарѣлая Матильда, какъ это видно изъ переписки Беккета, разгадала его еще прежде. Когда Беккетъ сдѣ-

лался архіепископомъ кентебёрійскимъ, ему предстоялъ выборъ между постыдной покорностью и честной борьбою на жизнь или на смерть; сообразно своему личному характеру и духу той эпохи, онъ избралъ послѣднее. Тотчасъ по избраніи въ архіепископы, Беккетъ сложилъ съ себя званіе канцлера, отказался, какъ глава англійскаго духовенства, отъ всѣхъ удовольствій свѣта и обратился къ чисто монашеской простотѣ въ одеждѣ, пищѣ и питьѣ, тогда какъ прежде утопалъ въ блескѣ и роскоши. Уже по одной этой внѣшней перемѣнѣ Генрихъ сталъ догадываться о намѣреніяхъ Беккета и наконецъ окончательно поссорился съ нимъ, когда (въ 1163 г.) потребовалъ отъ него уничтоженія церковнаго суда. По укоренившимся въ послѣднее время воззрѣніямъ духовное лицо могло подлежать только суду своего епископа и лишь по снятіи съ него епископомъ духовнаго званія, въ видѣ наказанія, становилось подсуднымъ свѣтскому суду по тѣмъ преступленіямъ, которое оно могло совершить послѣ того. Генрихъ хотѣлъ отмѣнить этотъ законъ, обезпечивавшій безнаказанность всякому духовному, пока онъ принадлежалъ къ клиру, и вмѣсто того постановить, чтобы всякій преступникъ изъ духовнаго званія, если епископъ найдетъ его виновнымъ, былъ лишаемъ имъ духовнаго сана и немедленно предавался свѣтскому суду для наказанія. Въ то же время Генрихъ требовалъ отъ духовенства обѣщанія подчиняться законамъ, изданнымъ при его отцѣ. Епископы, и во главѣ ихъ Беккетъ, упорно сопротивлялись его требованіямъ. Но король былъ неистовъ и страшенъ, а свѣтскіе вельможи и даже народъ держали его сторону, такъ что онъ могъ воспользоваться баронами, чтобы провести законымъ путемъ то, чего хотѣлъ добиться своей желѣзной волей. Въ Англіи всѣ церковныя дѣла, касавшіяся въ то же время и государства, рѣшались не на церковныхъ соборахъ, а на собраніяхъ бароновъ королевства, гдѣ епископы засѣдали не какъ духовныя лица, а какъ бароны. Поэтому на собраніи въ Кларендонѣ (1164 г.), когда король захотѣлъ дать своему желанію силу закона, они были пересилены большинствомъ голосовъ. Самъ То-

масъ Беккетъ не смѣлъ противиться и вмѣстѣ съ другими подписалъ постановленія собранія. Такимъ образомъ сеймъ въ Кларендонѣ окончательно рѣшилъ вопросъ о подчиненіи духовенства власти короля и народа. Главныя основанія шестнадцати кларендонскихъ статей, столь важныхъ для исторіи среднихъ вѣковъ, заключались въ слѣдующемъ: духовенство вполнѣ подчиняется судебной власти короля и можетъ аппелировать только къ нему; епископамъ запрещается уѣзжать за границу безъ позволенія короля; впредь безъ его согласія ни одинъ изъ его вассаловъ или слугъ не можетъ быть подвергнутъ отлученію отъ церкви и ни одинъ отлученный не обязанъ давать ручательства въ своихъ будущихъ убѣжденіяхъ, а подвергается церковному суду только для снятія съ него проклятія; споры о томъ, есть ли какая нибудь собственность церковное имущество или свѣтскій ленъ, рѣшаются двѣнадцатью присяжными; помѣстья епископовъ объявляются ленами короля и уравниваются во всемъ со свѣтскими бароніями, но за то, когда палата пэровъ обращается въ уголовный судъ, епископы не исключаются изъ ея состава, а удаляются изъ нея только передъ произнесеніемъ приговора; епископства и аббатства, сдѣлавшіяся вакантными, остаются, до замѣщенія ихъ, во власти короля, который пользуется всѣми доходами съ нихъ; избраніе епископовъ и аббатовъ совершается знатными духовными лицами, назначенными королемъ, въ его капеллѣ и съ его согласія, и избранный долженъ принести ему ленную присягу; наконецъ, церковь не должна удерживать никакого имущества, доставшагося королю.

Но едва принятіе кларендонскихъ постановленій уладило, повидимому, этотъ споръ, какъ Беккетъ снова бросилъ королю перчатку. Онъ сталъ громко обвинять себя въ томъ, что вслѣдствіе своей уступчивости сдѣлался измѣнникомъ церкви, надѣлъ одежду кающагося и убѣдилъ папу освободить его самого отъ клятвы и объявить недѣйствительными всѣ сдѣланныя коронѣ уступки. Король поступилъ тогда гораздо благороднѣе; правда, онъ наложилъ секвестръ на помѣстья Беккета, но тотчасъ же снялъ

его, какъ только архіепископъ перемѣнилъ на время свое мнѣніе, а впослѣдствіи даже позволилъ ему безпрепятственно выѣхать изъ Англіи. Когда Беккетъ снова сталъ упорствовать, Генрихъ созвалъ въ Нортгэмптонъ собраніе сословій королевства и на этомъ съѣздѣ, по совѣту своего мудраго верховнаго судьи, не касаясь главныхъ пунктовъ спора, предъявилъ архіепископу столько новыхъ требованій, что остальные епископы просили Беккета сложить съ себя санъ, чтобы предотвратить бурю, грозившую церкви, и не вовлекать духовенство въ трудную и опасную борьбу съ свѣтскими вассалами, примкнувшими къ королю. Томасъ нашелъ это несогласнымъ съ своими убѣжденіями, но, не осмѣливаясь все таки противорѣчить королю, бѣжалъ во Францію (1165 г.). Здѣсь въ англійскомъ архіепископѣ приняли самое живое участіе король Людовикъ VII и папа Александръ III, жившій тогда во Франціи. Не обращаясь ни къ тому, ни къ другому, Генрихъ заставилъ англійскихъ епископовъ совершенно отказаться отъ Беккета и подписать его приговоръ. Противъ интердикта и отлученія отъ церкви, которыми угрожалъ папа, онъ обезпечилъ себя строгими распоряженіями и запрещеніями. Всякая переписка съ папой и Беккетомъ была запрещена подъ страхомъ наказанія, опредѣленнаго за государственную измѣну, за всякую попытку обнародовать папскую буллу объ отлученіи было постановлено изгнаніе виновниковъ и всѣхъ его родственниковъ, а всѣмъ духовнымъ, находившимся за границей, было приказано, подъ угрозой конфискацій всѣхъ имѣній и доходовъ, возвратиться въ Англію, какъ можно скорѣе. Беккетъ обратился къ престарѣлой матери короля, но, не смотря на все уваженіе къ духовнымъ, она была слишкомъ ревностной поборницей королевскихъ правъ, чтобы сдѣлать что нибудь въ его пользу. Французскій король былъ также не въ состояніи помочь ему. Старанія перваго были слишкомъ двусмысленны, а папа, видя твердость Генриха, начиналъ уже колебаться. Тѣмъ не менѣе, когда Генрихъ, повидимому, самъ протягивалъ руку архіепископу, Беккетъ выказалъ себя еще надменнѣе и упорнѣе, такъ

что всѣ попытки примиренія не могли имѣть успѣха. Вся Европа принимала живое участіе въ спорѣ короля съ архіепископомъ; знаменитые ученые и государственные люди предпринимали поѣздки, заводили переписку и прибѣгали къ самымъ хитрымъ уловкамъ, для того чтобы какъ нибудь уладить дѣло. Дѣйствительно, друзьямъ мира удавалось три раза склонять короля Генриха къ уступчивости и обѣщанію забыть все прошлое; но каждый разъ упорство себялюбиваго епископа препятствовало примиренію. Читая со вниманіемъ переписку, относящуюся до этого дѣла, точно такъ же какъ письма аббата Сугерія (т. VII. стр. 13) и корреспонденцію императора Фридриха II съ его канцлеромъ, мы съ изумленіемъ видимъ, какимъ искусствомъ, глубокою политической мудростью, богатствомъ въ изобрѣтеніи способовъ и основательнымъ знаніемъ главныхъ юридическихъ пунктовъ обладали нѣкоторыя личности этой мрачной эпохи. Но это не исключало возможности появленія самовластнаго и жестокаго тиранна, даже среди англичанъ, такъ ревниво охранявшихъ свои политическія права. Для того, чтобы досадить архіепископу, Генрихъ II предавалъ его родственниковъ самымъ жестокимъ мученіямъ. Онъ изгналъ изъ Англіи всѣхъ ихъ безъ различія пола и возраста, не исключая даже грудныхъ дѣтей. Повергнувъ такимъ образомъ въ нищету около четырехъ сотъ человѣкъ, онъ поступилъ еще возмутительнѣе съ сыновьями и дочерями одного изъ вассаловъ, который оскорбилъ его: онъ приказалъ ослѣпить первыхъ, а дочерямъ отрѣзать носы и уши.

При упрямой настойчивости Беккета и деспотическомъ характерѣ Генриха примиреніе между ними было бы очень трудно, если бы король не нуждался въ поддержкѣ папы для завоеванія Ирландіи и не долженъ былъ, какъ мы увидимъ ниже, опасаться своихъ родныхъ сыновей и ихъ матери. Эти обстоятельства принудили его отложить распрю, и въ 1170 году Беккетъ возвратился въ свое епископство. Но, судя по ходу дѣла и характеру противниковъ, миръ между ними не могъ быть продолжителенъ. Дѣйствительно, Беккетъ, едва вступивъ въ должность, наложилъ проклятіе на

многихъ знатныхъ приверженцевъ короля за исполненіе его воли. Генрихъ не могъ допустить этого, но по неблагоразумію нѣкоторыхъ королевскихъ слугъ дѣло приняло оборотъ, совершенно неожиданный для короля. Четверо королевскихъ рыцарей задумали испугать епископа, а когда это не удалось, страшнымъ образомъ отмстили за короля старому себялюбивому прелату. Вооруженные мечами и сѣкирами, они ворвались въ церковь Беккета и умертвили его у подножія алтаря (1170 г.). Странно, хотя и не совсѣмъ лестно для характеристики духовенства, что оно почти не обращало вниманія на нравственные результаты этого убійства, но преимущественно имѣло въ виду политическую сторону вопроса и воспользовалось ею для своихъ выгодъ. Убійцы не подверглись никакому другому наказанію, кромѣ того, что ихъ обязали совершить странствіе въ Іерусалимъ, а когда они умерли въ Палестинѣ, то ихъ похоронили со всѣми почестями. Усердіе этихъ рыцарей повредило королю Генриху болѣе, чѣмъ сколько могли бы это сдѣлать все англійское духовенство и самъ папа, потому что своимъ безчеловѣчнымъ поступкомъ они выставили короля осквернителемъ святыни и сдѣлали изъ архіепископа какого-то мученика и святаго. Въ убійствѣ обвиняли короля и, не смотря на выраженную имъ скорбь и посольство въ Римъ, всѣ его попытки снять съ себя подозрѣнія въ сообщничествѣ остались безплодными. Онъ съ трудомъ избѣгнулъ церковнаго проклятія и только тогда былъ объявленъ совершенно невиннымъ, когда подписалъ договоръ, славный и выгодный для папы и духовенства, но унизительный для королевскаго достоинства (1172 г.). Генрихъ долженъ былъ всенародно подтвердить въ церкви подъ присягою свою невинность и обѣщаться исполнять условія договора; умерщвленный былъ причисленъ папой къ лику святыхъ, богомольцы стали тысячами стекаться къ его гробницѣ и самъ Генрихъ, въ 1174 году, долженъ былъ, ради своихъ личныхъ интересовъ, отправиться туда на богомолье. Договоръ, заключенный съ папой, возстановилъ независимость церкви; но хитрые королевскіе юристы послѣднею, нови-

димому случайно прибавленною, статьею договора удержали за королемъ право суда надъ духовенствомъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого договора было постоянное вмѣшательство римскаго двора въ дѣла Англіи и безпрестанныя посылки туда папскихъ легатовъ, производившихъ въ Англіи такія вымогательства, что лѣтописецъ Гервасій довольно остроумно замѣчаетъ объ одномъ изъ нихъ: что онъ въ совершенствѣ исполнилъ свое назначеніе истреблять и насаждать, потому что истребилъ всѣ деньги въ чужихъ карманахъ и посадилъ ихъ въ свои ящики.

Еще до окончанія переговоровъ съ папой, Генрихъ распространилъ предѣлы королевства завоеваніемъ Ирландіи. Исторія этого острова начинается прекрасной поэтической эпохою, скрытой отъ нашихъ взоровъ непроницаемой завѣсой; древняя гэльская или шотландская образованность, т. е. цивилизація безъ роскоши, соединенная съ нѣкоторымъ благосостояніемъ, но не богатствомъ, распространилась, вмѣстѣ съ пѣснями веселой невинности и геройскаго одушевленія, изъ Ирландіи по Гебридскимъ островамъ до Шотландіи, гдѣ впослѣдствіи вся старина слилась и исчезла въ имени Оссіана, какъ нѣкогда древняя цивилизація греческихъ островов—въ имени Гомера (т. V. стр. 229, 287 и 291). Съ началомъ хищническихъ набѣговъ скандинавовъ погибли послѣдніе остатки древнѣйшей культуры. Уже въ пятомъ вѣкѣ съ распространеніемъ христіанства въ Ирландіи начинаетъ возникать новая образованность, сосредоточивавшаяся въ монастыряхъ и создавшая толпы ученыхъ и неутомимыхъ миссіонеровъ, которые внесли въ Германію и Францію сѣмена болѣе возвышенной и нравственной цивилизаціи (т. V. стр. 235 и 361). Вслѣдствіе постоянныхъ набѣговъ норманновъ, эта образованность также пришла въ упадокъ и стала ограничиваться одними внѣшними формами христіанства; сношенія съ остальнымъ міромъ были прерваны, и съ того времени Ирландія совершенно пала. Отрѣзанная отъ сообщеній съ Римомъ, опустошаемая междоусобными войнами и наконецъ раз-

дѣленная между пятью вождями или, какъ ихъ называли, королями, Ирландія казалась легкой добычей для предпріимчивыхъ сосѣдей. Это печальное состояніе страны и чрезвычайно оживленная торговля привозимыми изъ Англіи рабами, которая могла быть прекращена только завоеваніемъ, внушили Генриху II мысль завладѣть островомъ. Въ 1154 г. онъ вынудилъ у папы Адріана IV, который былъ англичанинъ, позволеніе совершить это предпріятіе. Въ дарственной граматѣ, присланной Адріаномъ, ему поручалось силой оружія возвратить Ирландію въ нѣдра великой латинской церкви, и самъ Генрихъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что папская булла даетъ ему болѣе правъ на завоеваніе острова, чѣмъ одно оружіе. Слѣдуя совѣтамъ матери, онъ въ теченіе семнадцати лѣтъ не хотѣлъ пользоваться этимъ правомъ, пока наконецъ въ 1171 году не представился ему благопріятный случай завоевать островъ. Нѣсколько англійскихъ вассаловъ возстановили на престолѣ изгнаннаго лейнстерскаго владѣтеля Дермота и завоевали для него еще одно сосѣднее государство. Впослѣдствіи одинъ изъ нихъ, Стронгбоу, сдѣлавшись зятемъ и наслѣдникомъ Дермота (1170 г.), еще болѣе расширилъ свои владѣнія. Король Генрихъ былъ слишкомъ проникнутъ господствовавшими въ то время принципами политической мудрости, чтобы позволить своему вассалу сдѣлаться независимымъ владѣтелемъ внѣ предѣловъ государства. Онъ запретилъ своимъ баронамъ и графамъ переселяться въ Ирландію, а уже находившимся тамъ приказалъ вернуться въ Англію, подъ опасеніемъ потери леновъ. Эти мѣры имѣли полный успѣхъ, потому что графъ Стронгбоу не обладалъ ни духомъ предпріимчивости, ни мужествомъ, основаннымъ на самостоятельности характера, и вслѣдствіе того предпочелъ шаткой независимости спокойное обладаніе страною подъ верховнымъ владычествомъ англійскаго короля. Онъ подчинился приказаніямъ Генриха и призналъ ирландское королевство его леномъ; между тѣмъ Генрихъ самъ воспользовался тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ, чтобы покорить весь островъ. Онъ снарядилъ значительный флотъ съ нормандскимъ

экипажемъ, высадился въ Ирландію во главѣ своихъ вассаловъ западнаго берега и безъ большаго труда обратилъ островъ въ англійскую провинцію (1171 г.). Принявъ присягу туземныхъ князей, онъ опредѣлилъ на общемъ собраніи отношенія къ себѣ новыхъ вассаловъ и освободилъ ирландское духовенство отъ прежней обременительной для него обязанности угощать князей и владѣтелей острова во время ихъ путешествій. За то впослѣдствіи духовенство всегда содѣйствовало упроченію англійскаго владычества. Впрочемъ, обращенію острова въ англійскую колонію много содѣйствовало то обстоятельство, что онъ представлялъ предпріимчивымъ англійскимъ искателямъ приключеній возможность пріобрѣтать себѣ помѣстья на счетъ туземнаго гэльскаго населенія.

Ирландія покорилась очень легко и Генрихъ нашелъ тамъ мало занятій для своей неутомимо-дѣятельной натуры, которая не давала ему успокоиться и отдохнуть и кидала съ одного конца государства на другой, отъ одного предпріятія къ другому. Онъ почти всегда заѣзжалъ своихъ лошадей, и нерѣдко, по возвращеніи съ охоты, приводилъ въ отчаяніе придворныхъ, разговаривая съ ними по цѣлымъ часамъ стоя. Но за то гораздо больше хлопотъ надѣлали ему его жена и сыновья, въ теченіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ причинявшіе множество безпокойствъ и заботъ, хотя трудно рѣшить что̀ было тому виною: легкомысліе, непостоянство и горячность его жены, или самъ онъ. Генрихъ совершенно пренебрегалъ Элеонорой, характеръ которой извѣстенъ намъ изъ исторіи Франціи, и, переходя отъ одной привязанности къ другой, постоянно держалъ любовницъ въ своихъ охотничьихъ замкахъ. Своими поступками и образомъ жизни онъ совершенно отдалилъ отъ себя жену и четырехъ сыновей, которыхъ имѣлъ отъ нея. Онъ очень любилъ старшаго изъ нихъ, Генриха, приказалъ короновать его заранѣе и радовался при видѣ того, съ какимъ достоинствомъ молодой человѣкъ принималъ въ первый разъ своихъ придворныхъ, окруженный полнымъ блескомъ королевскаго сана; но потомъ онъ сталъ смотрѣть

на него съ завистью и старался всячески ограничить его. Точно также поступалъ онъ и съ остальными: Ричардомъ Львиное Сердце, сдѣлавшимся впослѣдствіи королемъ, Готтфридомъ, получившимъ въ ленное владѣніе Бретань, и Іоанномъ, наслѣдовавшимъ Ричарду подъ именемъ Іоанна Безземельнаго. Сначала онъ окружалъ ихъ чрезмѣрной любовью, потакалъ ихъ страстямъ и испортилъ благородную и прекрасную натуру Ричарда, воспитывая его въ самомъ грубомъ обществѣ; потомъ онъ далъ имъ независимыя владѣнія въ той части королевства, гдѣ даже самыя пѣсни поэтовъ дышали убійствами, кровью и пожарами, а одинъ изъ знаменитѣйшихъ между ними, Бертранъ де Борнъ, своими сирвентами (сатирическими стихотвореніями) возбуждалъ принцевъ противъ отца и одну страну противъ другой, и когда это удалось ему, съ крикомъ радости полетѣлъ въ битву, какъ на пиръ. Слишкомъ рано сдѣлавъ своихъ сыновей независимыми владѣтелями и предоставивъ ихъ самымъ дурнымъ вліяніямъ, онъ хотѣлъ обращаться съ ними, какъ съ дѣтьми, отнималъ у нихъ женъ и невѣстъ, отдавалъ другимъ уступленныя имъ графства и нарушалъ права ихъ друзей. Само собой разумѣется, они взялись за оружіе. Большинство бароновъ было въ дружбѣ съ принцами и поддерживало ихъ противъ отца; остальные приняли бы сторону самого дьявола, если бы онъ повелъ ихъ воевать, а короли французскій и шотландскій соединились съ возставшими, видя въ томъ превосходный случай расширить свои королевства на счетъ Англіи.

Тѣснимый своими сыновьями, Генрихомъ, Ричардомъ и Готтфридомъ, большинствомъ вассаловъ и обоими сосѣдями, Генрихъ снова прибѣгнулъ къ помощи наемныхъ войскъ и принялъ въ службу отъ 10 до 20 тысячъ храбрыхъ, но жестокихъ и хищныхъ брабансоновъ. Платежъ имъ жалованья истощалъ финансы короля, но за то врядъ ли какое нибудь феодальное войско той эпохи могло противиться этимъ храбрецамъ, которыми предводительствовалъ человѣкъ, съ быстротой молніи переносившійся съ одного конца своего обширнаго королевства на другой. Въ соединеніи съ побочнымъ

сыномъ, Вильгельмомъ Длиннымъ Мечомъ, Генрихъ велъ войну необыкновенно счастливо. Король шотландскій, Вильгельмъ, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ въ одномъ сраженіи, а французы, терпѣвшіе на войнѣ постоянныя неудачи, въ 1174 году заключили миръ. Возставшіе вассалы были вскорѣ принуждены покориться, а наконецъ и сами принцы помирились съ отцомъ, который, слѣдуя своей обыкновенной методѣ устрашать слабыхъ враговъ жестокостью и располагать къ себѣ сильныхъ уступчивостью, предложилъ имъ чрезвычайно выгодныя условія. Они были прощены и кромѣ того получили каждый опредѣленный доходъ и по двѣ крѣпости. Генрихъ не хотѣлъ прощать только женѣ и цѣлые годы держалъ ее въ строгомъ и суровомъ заключеніи. Но всего болѣе потерпѣлъ отъ этой войны король шотландскій. Онъ подвергался во время плѣна самымъ грубымъ оскорбленіямъ, былъ исключенъ изъ мирнаго договора Генриха съ сыновьями, лишился потому всѣхъ выгодъ союза съ ними, и только цѣною тяжкихъ условій купилъ свободу. Онъ долженъ былъ признать себя вассаломъ англійскаго короля и, въ залогъ вѣрности, впустить англійскіе гарнизоны въ пять шотландскихъ крѣпостей (1175 г.). Конечно, этотъ вынужденный миръ продолжался только до тѣхъ поръ, пока существовала необходимость, которою онъ былъ вызванъ; но еще непродолжительнѣе было согласіе Генриха съ сыновьями. Принцы жили и потомъ въ постоянной враждѣ между собой, и Генрихъ, видя колеблющуюся вѣрность дружныхъ съ ними вассаловъ, долженъ былъ еще долгое время держать наемныя войска.

Два поступка Генриха во время его войны съ внутренними и внѣшними врагами объясняются только затруднительностью его тогдашняго положенія, потому что совершенно не соотвѣтствуютъ его характеру. Первымъ изъ нихъ было вышеупомянутое странствіе къ гробницѣ Томаса Беккета, гдѣ онъ подчинился унизительному обряду покаянія; Генрихъ провелъ цѣлыя сутки въ постѣ и молитвѣ при мощахъ святаго и даже заставилъ монаховъ бичевать себя. Повидимому онъ имѣлъ намѣреніе расположить къ себѣ этимъ на-

пу, духовенство и простой народъ. Вторымъ замѣчательнымъ дѣйствіемъ Генриха была совершенная отмѣна въ англійскихъ и французскихъ владѣніяхъ такъ называемаго береговаго права, которое продолжало существовать до нашихъ временъ на нѣкоторыхъ берегахъ Нѣмецкаго моря. Вѣроятно, онъ хотѣлъ оказать услугу своимъ друзьямъ нидерландцамъ и жителямъ нижней Германіи, изъ среды которыхъ вербовалъ своихъ наемниковъ и которые тогда почти одни занимались въ значительныхъ размѣрахъ плаваніемъ по морямъ, омывающимъ берега Англіи. Наемныя войска не только служили Генриху для обузданія его сыновей, но и давали ему возможность дѣйствовать въ своемъ королевствѣ гораздо самовластнѣе всѣхъ современныхъ ему королей и императоровъ. Онъ сдѣлался такъ могуществененъ, что въ 1176 г. могъ отнять у англійскихъ и нормандскихъ бароновъ всѣ крѣпости и занять ихъ собственными войсками. Съ сыновьями онъ жилъ въ ссорѣ до самой смерти; но, къ счастью, старшій изъ нихъ умеръ бездѣтнымъ въ 1183 году, а третій, также вскорѣ умершій, оставилъ сына Артура, съ которымъ Генрихъ помирился, признавъ за нимъ въ ленномъ владѣніи графство Бретань, родовую собственность его матери. Младшему изъ законныхъ сыновей Генриха, Іоанну Беззѣмельному, въ годъ смерти старшаго брата было всего семнадцать лѣтъ, и старый король могъ надѣяться имѣть болѣе покоя въ своемъ семействѣ. Но Ричардъ продолжалъ съ нимъ распрю и сдѣлался болѣе опаснымъ врагомъ для него, чѣмъ прежде всѣ трое; впослѣдствіи Іоаннъ послѣдовалъ примѣру брата, и оба принца нашли энергическаго союзника въ новомъ королѣ французскомъ, Филиппѣ Августѣ.

Не смотря на постоянныя смуты и войны, продолжавшіяся до самой его смерти, и на неодолимую наклонность къ произволу и несправедливости, Генрихъ оказалъ важныя услуги въ дѣлѣ гражданскаго устройства и судопроизводства. Онъ раздѣлилъ все королевство на шесть судебныхъ округовъ, которые, въ извѣстныя времена, были объѣзжаемы королевскими судьями. Это постанов-

4*

леніе нанесло смертельный ударъ праву патримоніальнаго (вотчиннаго) суда бароновъ, всѣ замки которыхъ были въ то самое время заняты королевскими гарнизонами. Въ царствованіе Генриха было изложено письменно, подъ наблюденіемъ перваго судьи Англіи, ученаго Ральфа Гленвиля, національное обычное право, и такимъ образомъ для руководства судей былъ составленъ сборникъ законовъ, который, будучи подписанъ Гленвилемъ, получалъ оффиціальное значеніе. Другой юристъ, епископъ элійскій, Ричардъ, принимавшій при Генрихѣ постоянное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, написалъ сочиненіе о Court of Exchequer (судъ шахматной доски) или судѣ казначейской камеры, сохранившееся до нашего времени и объясняющее намъ многое въ тогдашнемъ устройствѣ судебной части въ Англіи. Наконецъ Генрихъ издалъ много дѣльныхъ постановленій относительно военной службы и употреблялъ самыя энергическія мѣры для поддержанія національной милиціи. Чрезъ это онъ доставилъ классу мелкихъ землевладѣльцевъ, которыхъ и тогда въ Англіи было больше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ странахъ Европы, силу и значеніе, которыхъ они не имѣли ни въ какомъ другомъ государствѣ. Этими разнородными постановленіями, обезпечивавшими порядокъ въ королевствѣ и безопасность гражданъ, Генрихъ оказалъ важныя услуги промышленности, въ которой англичане стали уже тогда оказывать большіе успѣхи.

IV. ВТОРОЙ И ТРЕТІЙ КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

И СОВРЕМЕННЫЯ ИМЪ СОБЫТІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ, ИТАЛІИ, АНГЛІИ И ФРАНЦІИ.

---

1. Второй крестовый походъ и исторія Востока до начала третьяго крестоваго похода.

Послѣ паденія Эдессы, святому Бернару удалось до того воодушевить нѣмцевъ и французовъ къ борьбѣ за вѣру, что оба эти народа рѣшились предпринять противъ мухаммеданъ національный походъ подъ предводительствомъ своихъ государей, Конрада III и Людовика VII; обѣ націи снарядили многочисленныя и хорошо вооруженныя войска. Нѣмцы выступили въ походъ въ концѣ апрѣля 1147 г., французы—двумя мѣсяцами позже. Сопровождаемый своимъ племянникомъ—будущимъ императоромъ Фридрихомъ Барбароссою, — сводным братомъ своимъ, епископомъ Оттономъ фонъ Фрейзингенъ, герцогомъ Вельфомъ VI и многими другими нѣмецкими князьями, Конрадъ двинулся, черезъ Венгрію, въ греческую имперію. Здѣсь царствовалъ, съ 1143 г., Мануилъ I, женатый на сестрѣ Конрада, Иринѣ. Благовравная, благочестивая нѣмецкая принцесса не могла вполнѣ привязать къ себѣ чувственнаго императора, но онъ содержалъ ее прилично и окружалъ почетомъ. Кро-

мѣ родственныхъ узъ, Конрада и Мануила связывали общіе интересы относительно Рожера II Сицилійскаго (т. VI. стр. 406); поэтому они еще прежде вели между собою дѣятельные переговоры, и нѣмцы, повидимому, могли расчитывать, что найдутъ у грековъ хорошій пріемъ, тѣмъ болѣе, что самъ Мануилъ просилъ у западныхъ народовъ помощи противъ невѣрныхъ и къ тому же далъ своему государству такую воинственную обстановку, что въ случаѣ крайности могъ отразить силу силой. Случилось однако не то. Нѣмецкое войско, состоявшее изъ 70 т. тяжело вооруженныхъ всадниковъ, не считая легко вооруженныхъ и пѣхотинцевъ, было страшно по своей многочисленности, а слишкомъ хорошо извѣстная склонность рыцарей къ грабежу, естественно, должна была сильно озабочивать грековъ. Строгая дисциплина Конрада не могла разувѣрить ихъ. Уже въ Филиппополѣ дѣло дошло до крови, а при Адріанополѣ, племянникъ Конрада, Фридрихъ Барбаросса, забывъ всякое приличіе и свои отношенія къ чужому правительству, распорядился какъ въ непріятельской землѣ. Повѣривъ слуху, будто греческіе солдаты изъ корысти убили одного больнаго нѣмца, онъ вернулся въ Адріанополь, сжегъ монастырь, пріютившій больнаго, и началъ открытую войну съ греческими войсками. Съ этихъ поръ уже не было возможности возстановить довѣріе. Всевозможныя посольства, письма и дружескія увѣренія не могли водворить прочнаго мира, а предлагаемое Мануиломъ свиданіе обоихъ государей не состоялось, такъ какъ Конрадъ требовалъ, чтобы Мануилъ выѣхалъ ему на встрѣчу изъ столицы, чего никакъ не могъ допустить греческій придворный этикетъ. Среди кровавыхъ стычекъ Конрадъ дошелъ до Константинополя, сталъ на нѣсколько дней лагеремъ на мѣстѣ нынѣшнихъ Перы и Галаты и переправился въ Азію врагомъ греческаго императора.

Въ Азіи, между Конрадомъ и его братомъ, Оттономъ, возникло разногласіе о томъ, какимъ путемъ итти въ Палестину. Конрадъ указывалъ на путь первыхъ крестоносцевъ, черезъ Фригію и Антіохію, какъ на кратчайшій. Оттонъ хотѣлъ, чтобъ войско двинулось

вдоль морскаго берега чрезъ Эфесъ, на томъ основаніи, что этотъ путь, хотя и болѣе длинный, представлялъ менѣе затрудненій въ продовольствіи. Конрадъ не уступилъ, и Оттонъ, со многими князьями, отдѣлился отъ него. Оба отряда, не подозрѣвая того, пошли на гибель. Недовѣрчивые, корыстолюбивые и вѣроломные греки не впускали Оттона ни въ одинъ изъ приморскихъ азіатскихъ городовъ; его войско, дурно и за огромныя деньги снабжаемое припасами и намѣренно сбиваемое съ пути, было изнурено коварствомъ грековъ: только незначительная часть его достигла сирійской границы. Еще неблагороднѣе поступили греки съ войскомъ Конрада. По тайному соглашенію съ иконійскимъ султаномъ, съ которымъ Мануилъ только что заключилъ двѣнадцатилѣтній миръ, греки завели Конрада въ пустынныя страны Фригіи и тамъ покинули его. Недостатокъ припасовъ, совершенное незнаніе мѣстности, многочисленные отряды легко вооруженныхъ турецкихъ всадниковъ, имѣвшихъ огромный перевѣсъ надъ тяжело вооруженными рыцарями, довели нѣмцевъ до отчаянія. Конрадъ весьма скоро принужденъ былъ пуститься въ обратный путь; но его войску предстояли невыразимыя страданія и затрудненія и почти все оно погибло самымъ жалкимъ образомъ. Въ этомъ страшномъ положеніи, Конрадъ выказалъ мужество и энергію, восхваляемыя не только друзьями, но и врагами. Съ остатками войска, изъ котораго уцѣлѣла едва десятая часть, онъ, наконецъ, достигъ Никеи; но и здѣсь греки не лучше обошлись съ нѣмцами, принуждая ихъ, для спасенія жизни, продавать не только послѣднее имущество, но даже оружіе.

Незадолго до этого прибылъ въ Константинополь съ французскимъ войскомъ Людовикъ VII и нашелъ несравненно болѣе дружественный пріемъ. Греческіе историки говорятъ, что съ нимъ все устроилось гораздо лучше, чѣмъ съ исполински сильнымъ Конрадомъ и его упрямымъ племянникомъ, мечтавшими о себѣ слишкомъ многое. Однако и французамъ пришлось терпѣть отъ низкаго барышничества и непомѣрнаго высокомѣрія грековъ. Ничто не могло такъ порадовать мелочныхъ и тщеславныхъ византійцевъ,

какъ то, что при свиданіи ихъ императора съ Людовикомъ стулъ французскаго короля былъ ниже кресла Мануила. Впрочемъ, ихъ изумляли у французовъ, какъ и прежде у нѣмцевъ, сопровождавшія войско женщины, ѣздившія верхомъ по мужски, безъ дамскаго сѣдла. Особенно привлекала общее вниманіе одна изъ нихъ, безъ сомнѣнія королева Элеонора, блиставшая вышитою золотомъ одеждою и за свой мужественный характеръ прозванная греками второю Пентесилеей царицей амазонокъ. Когда бо́льшая часть французскаго войска переправилась въ Азію, Мануилъ снова завелъ рѣчь о присягѣ, которой требовалъ еще прежде, прося помощи у западныхъ государей. Это требованіе породило новыя неудовольствія: однако, по зрѣломъ размышленіи, на него согласились, такъ какъ походъ чрезъ невѣдомыя страны Азіи былъ невозможенъ безъ содѣйствія грековъ. И такъ, бароны Людовика приняли присягу на вѣрность греческому императору, а онъ торжественно обѣщалъ дать французскому войску опытныхъ проводниковъ и, по возможности, заботиться о его продовольствіи. Въ Никеѣ Людовикъ встрѣтился съ Конрадомъ и по его совѣту рѣшился не слѣдовать ни по одному изъ путей, на которыхъ пострадали нѣмцы, но итти промежуточной дорогой, держась, однако, ближе къ берегу. Конрадъ съ остатками войска присоединился къ французамъ, но скоро между обѣими націями возникли недоразумѣнія; къ тому же Конрадъ не могъ перенести мысли, что стоитъ во главѣ войска, которое считалъ недостойнымъ себя; поэтому, пользуясь полученнымъ въ это время отъ Мануила дружелюбнымъ письмомъ, онъ отдѣлился въ Эфесѣ отъ французовъ и отправился въ Константинополь, чтобъ провести тамъ зиму. Своимъ нѣмцамъ онъ предоставилъ отправиться въ Палестину, какъ кому угодно, обѣщая принять начальство надъ ними въ будущемъ году, когда прибудутъ нижне-германскія ополченія, имѣвшія намѣреніе слѣдовать за крестоносцами. Въ Константинополѣ онъ вполнѣ примирился съ зятемъ, а Мануилъ не жалѣлъ ни денегъ, ни почестей, чтобъ пріобрѣсти его расположеніе.

Изъ Эфеса французы двинулись на Лаодикею. На этомъ пути

они нашли въ изобиліи продовольствіе и фуражъ, но подобно нѣмцамъ страшно потерпѣли отъ вѣроломства грековъ и преслѣдованій легкой турецкой конницы. Особенно значительныя потери понесли они въ бассейнѣ рѣки Меандра, извилины которой заставляли ихъ дѣлать частыя переправы. Едва преодолѣвъ эти затрудненія и совершивъ среди тяжкихъ лишеній утомительный переходъ, они вступили въ ущелистыя горы, орошаемыя Ликусомъ, гдѣ каждую высоту и спереди и съ тылу занимали турки. Неосторожность графа Готтфрида де Ранконъ, начальствовавшаго авангардомъ, едва не предала всего войска въ руки непріятелей. Вмѣсто того, чтобы, по условію, ждать прибытія остальныхъ войскъ, онъ двинулся впередъ и такимъ образомъ далъ туркамъ возможность занять трудно доступную высоту между двумя частями французскаго войска. Все погибло бы безвозвратно, если бы не замѣчательная храбрость и примѣръ короля, спасшіе главный отрядъ; однако потеря французовъ была весьма значительна. На дальнѣйшемъ походѣ, тысячи крестоносцевъ погибли отъ голода и враговъ. Пройдя горы и достигнувъ памфилійскаго города Сатталіи, истощенный остатокъ войска встрѣтилъ еще бо́льшія затрудненія. Обѣщанныхъ греками кораблей не оказа́лось, а припасы, весьма неудовлетворительные, нужно было покупать на вѣсъ золота; начался голодъ, появились заразительныя болѣзни, и спасшіеся отъ меча турокъ умирали здѣсь массами самой жалкой смертью. Наконецъ Людовикъ оставилъ городъ и съ знатнѣйшими баронами поплылъ въ Антіохію. Съ греческимъ градоначальникомъ Сатталіи было заключено условіе, по которому онъ, получивъ впередъ деньги, долженъ былъ перевезти оставшихся крестоносцевъ въ Тарсъ, а оттуда доставить моремъ въ Антіохію. Вѣроломный грекъ не сдержалъ обѣщанія, такъ что Людовикъ давно уже былъ въ Палестинѣ, а войско все еще голодало и бѣдствовало въ Сатталіи и наконецъ, безъ греческой помощи, среди ужаснѣйшихъ страданій, пробилось въ Антіохію. Почти въ то же время (весною 1148 г.)

прибылъ въ Палестину моремъ Конрадъ. Около него собрались остатки нѣмецкаго войска съ Оттономъ фонъ Фрейзингенъ.

Въ то время, какъ ополченія западныхъ христіанъ гибли, дѣйствуя безъ плана и единства, а ихъ братья, греки, соединялись съ невѣрными, Нуреддинъ, управляя государствомъ согласно требованіямъ справедливости и религіи, покорилъ всѣ земли нѣкогда принадлежавшія Гамаданидамъ. Не подчинялся ему только Дамаскъ, прежняя столица Сиріи, гдѣ тогда правилъ потомокъ атабега Тогтекина (т. VI. стр. 399), или, правильнѣе, его министръ Анаръ. Но Анаръ боялся могущественнаго властителя Алеппо гораздо болѣе, чѣмъ христіанъ, и Нуреддинъ могъ смѣло расчитывать, что, рано или поздно, покоритъ и этотъ городъ. Такія отношенія между Нуреддиномъ и Анаромъ подали надежду обоимъ западнымъ государямъ, — около которыхъ между тѣмъ опять собралось значительное войско,—завладѣть Дамаскомъ и такимъ образомъ возстановить сношенія между Палестиною и христіанами Арменіи и Эдессы. Посовѣтовавшись съ баронами іерусалимскаго королевства, они рѣшились на это предпріятіе, и въ іюлѣ 1148 года двинулись противъ Дамаска, вмѣстѣ съ юнымъ сыномъ Мелизенды, Балдуиномъ III, и войсками его бароновъ. Но они нашли Анара готовымъ къ защитѣ; такъ что даже львиное мужество Конрада— однажды, во время осады, однимъ ударомъ отсѣкшаго турку голову съ частью лѣваго плеча и лѣвою рукою—не могло ничего сдѣлать. При осадѣ столь значительной крѣпости исполинская сила и личная храбрость вождя имѣли гораздо менѣе значенія, чѣмъ знаніе мѣстности и умѣнье искусно пользоваться обстоятельствами. Поэтому успѣхъ предпріятія обусловливался главнымъ образомъ содѣйствіемъ многочисленныхъ потомковъ западныхъ завоевателей Палестины и Сиріи — пуллановъ. Но они-то и оказались предателями. Побуждаемые тайными обѣщаніями враговъ, пулланы давали своимъ западнымъ единовѣрцамъ пагубные совѣты и тѣмъ не только уничтожили результаты первыхъ удачныхъ нападеній, но и принудили христіанъ къ постыдному отступленію. Еще позорнѣе окон-

чилось нападеніе на пограничную египетскую крѣпость Аскалонъ, предпринятое обоими государями, для того чтобы загладить испытанную неудачу. Они не нашли у города обѣщаннаго пулланами войска и, тщетно прождавъ восемь дней, должны были отступить. Такимъ образомъ, благодаря измѣнѣ собратьевъ по вѣрѣ, самые мужественные воины того времени дважды испытали неудачу и съ потерями и стыдомъ должны были оставить обѣ попытки, предпринятыя ими для выгодъ этихъ же самыхъ людей. Впрочемъ, неудачному окончанію похода могли способствовать и взаимныя отношенія обоихъ королей, не хотѣвшихъ, не смотря на всѣ несчастія, укротить своей гордости. Осенью 1148 г. поплыли на родину нѣмцы со своимъ государемъ. Тогда же оставило Палестину и большинство французовъ; но Людовикъ прозимовалъ въ Іерусалимѣ и вернулся во Францію весною 1149 г. Вслѣдствіе неудачнаго окончанія похода, принимаемаго лѣтописцами того времени за божеское наказаніе, со всѣхъ сторонъ посыпались упреки на святаго Бернара, возбудившаго походъ и предсказавшаго ему счастливый исходъ. Онъ оправдывался въ проповѣдяхъ и частныхъ письмахъ, а также въ особомъ окружномъ посланіи, сваливая вину на грѣхи крестоносцевъ. Однако послѣ этого похода между греческимъ и германскимъ императорами установились сношенія; они видѣлись на обратномъ пути въ Ѳессалоникѣ и заключили союзъ противъ Рожера II Сицилійскаго, бывшаго въ войнѣ съ Мануиломъ и считавшагося Конрадомъ за узурпатора и врага имперіи.

Между тѣмъ, въ Палестинѣ христіане терпѣли неудачу за неудачей. Нуреддинъ, разбивъ и умертвивъ въ одной изъ стычекъ Раймунда Антіохійскаго, опустошилъ его владѣнія, потомъ взялъ въ плѣнъ Іосцелина II Эдесскаго и овладѣлъ его замками. Наконецъ, молодой король Бальдуинъ III разсорился съ своею матерью Мелизендою, и при небольшомъ іерусалимскомъ дворѣ начались раздоры, скоро перешедшіе въ явную войну. Къ счастью, венеціанцы сочли для себя полезнымъ вступиться за прибрежье, а Бальдуинъ обладалъ всѣми свойствами, какія можно было тре-

бовать отъ хорошаго государя въ тѣ рыцарскія времена и въ восточныхъ странахъ, постоянно угрожаемыхъ врагами. Въ полномъ блескѣ выказался его воинственный характеръ въ 1153 году, когда онъ смѣлымъ походомъ противъ египетской крѣпости Аскалона поднялъ и собственное значеніе и мужество своихъ рыцарей. Этотъ походъ одинъ изъ блистательнѣйшихъ подвиговъ западнаго рыцарства на Востокѣ: крѣпость, которую еще во времена Готтфрида Бульонскаго не могли одолѣть соединенныя силы европейцевъ, сдалась послѣ семимѣсячнаго сопротивленія рыцарямъ маленькаго іерусалимскаго королевства. Впрочемъ, осаждавшимъ весьма много помогли два обстоятельства: неудачныя дѣйствія египтянъ для освобожденія крѣпости и то, что Нуреддинъ занятъ былъ предпріятіемъ, отвлекшимъ его силы отъ христіанскихъ границъ. Въ слѣдующемъ, 1154 году, этотъ опасный врагъ христіанъ покорилъ Дамаскъ и сталъ тогда грозою іерусалимскаго королевства. Къ счастью, онъ не могъ вполнѣ довѣрять служившимъ у него воинственнымъ курдамъ, а между тѣмъ императоръ Мануилъ предпринялъ походъ въ Сирію, чтобы отмстить за тяжкое оскорбленіе, нанесенное ему Райнольдомъ, тогдашнимъ княземъ Антіохіи. Появленіе Мануила не принесло, однако, никакой пользы іерусалимскому королевству, хотя онъ и намѣревался двинуться, вмѣстѣ съ Балдуиномъ, противъ Нуреддина. Смиривъ Райнольда, онъ отказался отъ этой мысли, такъ какъ событія въ европейскихъ провинціяхъ имперіи требовали скорѣйшаго его возвращенія. Бальдуинъ продолжалъ одинъ войну съ Нуреддиномъ. Воюя съ перемѣннымъ счастьемъ, онъ оспаривалъ у врага каждый шагъ земли и оставилъ по себѣ славу отличнаго короля и рыцаря (1162 г.); объ этомъ свидѣтельствовала не только общая скорбь вассаловъ и подданныхъ послѣ его смерти, но и самъ Нуреддинъ, открыто признавшій его достоинства. Разсказываютъ, что убѣждаемый друзьями воспользоваться сокрушеніемъ христіанъ для нападенія на Палестину, Нуреддинъ отвергъ это предложеніе, сказавъ, что должно оказать вниманіе и уваженіе къ справедливой скорби христіанъ, такъ какъ

они лишились короля, неимѣвшаго себѣ равнаго между современниками.

Братъ и преемникъ Бальдуина, Амаларихъ I (1162—1173 г.), шелъ по его стопамъ и вначалѣ былъ даже счастливѣе его. Но походами противъ Египта онъ приготовилъ паденіе іерусалимскаго королевства, такъ какъ эти предпріятія содѣйствовали, по крайней мѣрѣ отчасти, паденію Фатимидовъ и возвышенію новаго властителя, уничтожившаго владычество христіанъ въ Палестинѣ. Въ Египтѣ, по смерти визиря Афдала (т. VI. стр. 399), власть халифовъ все болѣе и болѣе клонилась къ упадку, а достоинство визиря сдѣлалось яблокомъ раздора для честолюбивыхъ сановниковъ и любимцевъ государя, быстро смѣнявшихъ другъ друга и въ сущности отличавшихся одинъ отъ другаго только бо́льшими или ме́ньшими жестокостями и грабительствами. При послѣднемъ Фатимидѣ, Адхедъ Лединъ Аллахѣ, визиремъ сдѣлался Шаверъ, достигшій власти насиліемъ, но вслѣдъ затѣмъ насильственно свергнутый Даргамомъ (1162 г.). Это произвело совершенный переворотъ не только въ Египтѣ, но и въ странахъ далѣе на востокъ, до самаго Евфрата. Шаверъ просилъ помощи у Нуреддина, и, получивъ ее, возвратился въ Египетъ съ курдскими наемными войсками, которыми начальствовали два храбрѣйшихъ, извѣстныхъ исторіи, курда: Ширку и его племянникъ, Саладинъ. Даргамъ искалъ спасенія въ союзѣ съ Амаларихомъ, обѣщая ему значительную дань, но еще до прибытія христіанскихъ войскъ въ Египетъ былъ убитъ своими подчиненными, и Шаверъ вновь сдѣлался визиремъ. Между ними и его союзниками не замедлила вспыхнуть распря, такъ какъ ему было невозможно выполнить своего обязательства и уступить ихъ повелителю третью часть государственныхъ доходовъ. Онъ обратился къ Амалариху и получилъ отъ него помощь на тѣхъ же условіяхъ, какъ и его предшественникъ. Амаларихъ явился съ войскомъ въ Египетъ и окружилъ курдовъ, но потомъ дозволилъ имъ отступить со всѣми военными почестями (1164 г.). Возстановленіе сношеній между христіанами и египтянами было тѣмъ непріятнѣе для сирійскихъ му-

хаммеданъ, что они давно уже ненавидѣли въ египтянахъ раскольниковъ шіитовъ, и что Амаларихъ, повидимому, не думалъ ограничиться однимъ оборонительнымъ союзомъ. Поэтому халифа багдадскаго убѣдили объявить противъ Египта родъ крестоваго похода. Сильное мухаммеданское войско, подъ предводительствомъ Ширку и Саладина, вторглось во владѣнія Фатимидовъ. Египетъ затрепеталъ; но Амаларихъ подоспѣлъ на помощь со всѣми своими силами и спасъ государство. Впрочемъ, онъ заставилъ дорого заплатить за помощь. Халифъ долженъ былъ даже подчиниться неслыханному до тѣхъ поръ условію: лично поклясться христіанскому послу въ исполненіи договора (1167 г.). Находящіяся у христіанскихъ историковъ описанія этой аудіенціи и внутренности дворца халифовъ въ Каирѣ обнаруживаютъ здѣсь туже роскошь и великолѣпіе, которыя всегда составляли отличительную черту восточныхъ дворовъ и о поддержаніи которыхъ ревниво заботились даже тогда, когда государство приходило въ совершенный упадокъ. Амаларихъ скоро освободилъ Египетъ отъ враговъ, считавшихъ его вѣрною добычею. Передъ выступленіемъ, онъ постарался извлечь новыя выгоды изъ оказанной имъ услуги, но при этомъ переступилъ предѣлы благоразумія. По договору съ Шаверомъ онъ выговорилъ себѣ не только ежегодную дань въ сто тысячъ золотыхъ, но и право держать въ Каирѣ гарнизонъ и назначать особыя власти для тамошнихъ христіанъ. Вслѣдъ за тѣмъ, увлекаемый мыслью о своемъ могуществѣ, онъ задумалъ покорить ослабѣвшій Египетъ, вторгся въ него въ 1168 г. и быть можетъ успѣлъ бы въ своемъ намѣреніи, еслибъ не жестокость и хищничество его воиновъ, доведшія внзря до отчаянія. Въ крайности Шаверъ рѣшился просить помощи у своего прежняго врага, и Нуреддинъ поспѣшилъ послать сильное войско подъ начальствомъ тѣхъ же людей, отъ которыхъ дважды спасъ Шавера Амаларихъ. Соединенныя войска Нуреддина и египтянъ были не подъ силу Амалариху, и онъ поспѣшно отступилъ, узнавъ о прибытіи Ширку и Саладина.

Такимъ образомъ Египетъ, уже съ давнихъ поръ бывшій добы-

чею сильнѣйшихъ сосѣдей, попалъ изъ подъ зависимости Амалариха во власть Ширку и его племянника (1168 г.). Ближайшимъ слѣдствіемъ этого было паденіе визиря, такъ тяжко оскорбившаго прежде обоихъ курдовъ. Шаверъ, обвиненный въ предательскихъ замыслахъ, былъ убитъ по приказанію Саладина. Его замѣстилъ сначала Ширку, вскорѣ умершій (1169 г.), а потомъ Саладинъ. Нѣкоторое время Саладинъ правилъ именемъ безсильнаго халифа, но потомъ уничтожилъ послѣднюю тѣнь власти Фатимидовъ и, сдѣлавшись полнымъ обладателемъ Египта, основалъ новую династію, названную, по имени его отца, Эюба, Эюбидами. Не политическія соображенія побудили Саладина къ этому шагу: при неопредѣленныхъ отношеніяхъ къ Нуреддину, котораго онъ все еще называлъ господиномъ и повелителемъ, съ его стороны было бы гораздо благоразумнѣе скрывать свое могущество за именемъ призрачнаго государя. Имъ руководили религіозныя побужденія: ревностный суннитъ, всю жизнь заботившійся о строгомъ выполненіи религіозныхъ обязанностей, онъ считалъ грѣхомъ продолжать терпѣть въ Египтѣ секту шіитовъ. Щадя Фатимида Адхеда, заболѣвшаго въ эпоху смерти Ширку, онъ вначалѣ не провозгласилъ аббасидскихъ халифовъ, а удовольствовался тѣмъ, что велѣлъ тайно вычеркнуть имя Адхеда изъ хотбы (т. V. стр. 175). Но лишь только умеръ послѣдній Фатимидъ (1171 г.), онъ, не медля, искоренилъ въ Египтѣ шіитское ученіе и обряды, замѣнивъ ихъ суннитскими. Тогда же принялъ онъ и достоинство аббасидскаго сановника. Отношенія его къ Нуреддину, сдѣлавшіяся весьма не естественными со времени назначенія его визиремъ, стали еще болѣе натянутыми съ тѣхъ поръ, какъ онъ уничтожилъ господство Фатимидовъ: повидимому, война между обоими властителями была неизбѣжна. Дѣйствительно, и тотъ и другой начали дѣлать приготовленія къ ней, но смерть Нуреддина (1173 г.) избавила Саладина отъ непріятности воевать противъ бывшаго властелина и благодѣтеля. Новый порядокъ въ Египтѣ до того тревожилъ палестинскихъ грековъ, что Амаларихъ лично отправился (1171 г.)

въ Константинополь, чтобъ убѣдить храбраго Мануила дѣйствовать общими силами противъ соединенныхъ, повидимому, Египта и Сиріи; но онъ не достигъ цѣли, а между тѣмъ со смертью Нуреддина могущество Саладина сдѣлалось несравненно болѣе грознымъ. Большинство вождей Нуреддина, недовольное регентствомъ, которое онъ назначилъ малолѣтнему сыну, предложило новому правителю Египта принять надъ ними власть. Саладинъ не заставилъ себя ждать и, занявъ Дамаскъ и другіе сирійскіе города, грозилъ христіанамъ соединить Египетъ со всѣмъ государствомъ Нуреддина.

Въ годъ смерти Нуреддина умеръ и Амаларихъ; ему наслѣдовалъ тринадцатилѣтній сынъ его, **Бальдуинъ IV**. Нѣкоторые изъ сирійскихъ мухаммеданскимъ властителей, а также племянникъ Нуреддина, правившій въ Мосулѣ, были готовы соединиться съ наслѣдникомъ Амалариха противъ Саладина; но счастье благопріятствовало этому восходящему солнцу, а несогласія христіанъ облегчали Саладину его предпріятія. Часть аристократіи іерусалимскаго королевства, и въ томъ числѣ одинъ изъ первыхъ сановниковъ, коннетабль **Гумфридъ Торонскій**, находились въ тайныхъ сношеніяхъ съ Саладиномъ. Король страдалъ проказой, томившей его цѣлую жизнь, и черезъ нѣсколько лѣтъ до того усилившейся, что онъ не въ состояніи былъ управлять государствомъ; потому бароны призывали на престолъ многихъ западныхъ государей, и этимъ еще болѣе усложняли затрудненія и готовили себѣ новыя невзгоды. Между тѣмъ, могущество Саладина крѣпло и возрастало. Вмѣсто того, чтобъ управлять именемъ сына Нуреддина, онъ тотчасъ послѣ перваго удачнаго похода въ Сирію объявилъ себя независимымъ и принялъ титулъ султана. Проводя время въ религіозныхъ упражненіяхъ и военныхъ занятіяхъ, выказывая истинно рыцарскій характеръ и отличаясь великодушіемъ и щедростью, онъ привязывалъ къ себѣ и мухаммеданъ и христіанъ. Слава его росла съ каждымъ днемъ, а вмѣстѣ съ нею увеличивалось и его значеніе. Однако, потерпѣвъ троекратную неудачу

при нападеніи на Алеппо, онъ на нѣкоторое время успокоился. Но неудавшееся покушеніе ассасиновъ на его жизнь побудило его предпринять походъ въ горы, и успѣшная месть вновь возродила въ немъ утраченное довѣріе въ самого себя. Возвратясь въ Египетъ, онъ укрѣпилъ важнѣйшіе города и, пользуясь тѣмъ, что большинство несогласной между собою палестинской аристократіи выступило въ походъ противъ сына Нуреддина, напалъ съ лучшими своими войсками на Аскалонъ, оплотъ христіанства со стороны Египта (1177 г.). Опасность была велика, и потому Бальдуинъ, не взирая на страшную болѣзнь и на малочисленность бывшаго въ его распоряженіи войска, немедленно двинулся противъ врага. Сначала онъ держался въ крѣпости и, повидимому, рѣшился только обороняться; но страшныя опустошенія окрестностей войсками Саладина внушили ему отчаянную мысль дать сраженіе несравненно сильнѣйшему непріятелю. Онъ вышелъ изъ города и, недалеко отъ Аскалона, близъ Рамлы, одержалъ блистательную побѣду; все непріятельское войско, исключая нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, было перебито или взято въ плѣнъ; самъ Саладинъ едва избѣгнулъ плѣна. Но тѣмъ не менѣе это сраженіе доставило выгоду только ему одному. Бальдуинъ не могъ воспользоваться побѣдой, потому что главныя его силы были заняты на другомъ краю государства; въ Саладинѣ же, пораженіе при Аскалонѣ, точно такъ какъ нѣкогда неудача при Алеппо, возбудило только стремленіе новыми подвигами доказать единовѣрцамъ, что онъ избранный Богомъ защитникъ ихъ ученія, какимъ онъ считалъ себя самъ и какимъ его уже въ то время выставляли мухаммеданскіе поэты и духовенство. Послѣ несчастной битвы при Рамлѣ, онъ обратился противъ своихъ единовѣрцевъ, покорилъ Счастливую Аравію и началъ войну съ наслѣдниками Нуреддина въ Алеппо и Мосулѣ, одинъ изъ которыхъ заключилъ союзъ съ христіанами и тѣмъ далъ предлогъ Саладину напасть на него во имя ислама. Въ 1183 г. Саладинъ взялъ Алеппо, и хотя попытка его противъ Мосула не удалась, но походъ все таки доставилъ ему

славу, потому что тогда покорились ему всѣ другіе города на Евфратѣ и Тигрѣ и вся эта часть мухаммеданскаго міра соединилась вокругъ него, какъ центра религіи.

По мѣрѣ того какъ мухаммедане соединялись, а Саладинъ распространялъ свою славу и владычество, небольшое іерусалимское королевство приходило въ упадокъ вслѣдствіе постоянныхъ внутреннихъ раздоровъ. Страшная болѣзнь короля Бальдуина до того усилилась, что глаза, руки и ноги его отказывались служить, и самъ онъ, по дѣйствовавшему уложенію, не могъ долѣе править государствомъ. Старшая сестра его, Сибилла, имѣла отъ своего умершаго мужа, маркграфа Вильгельма Монферратскаго, нѣкогда приглашеннаго въ Палестину баронами, малолѣтняго сына Бальдуина V; это былъ ближайшій родственникъ короля, и Сибиллѣ предстояло, въ случаѣ удаленія брата, сдѣлаться правительницею государства въ качествѣ регентши. Судьба королевства зависѣла отъ того, кто будетъ ея вторымъ мужемъ. Всѣ понимали это, и потому совѣщались о томъ, кто изъ сильныхъ владѣтелей Европы могъ бы быть помощью и защитою государству; бароны были почти готовы предложить руку Сибиллы герцогу бургундскому, какъ вдругъ король совершенно неожиданно выдалъ сестру за рыцаря Гвидо Люзиньяна (1180г.). Гвидо былъ храбръ, но не соединялъ въ себѣ ни одного изъ условій, требуемыхъ отъ правителя, не обладая ни проницательностью, ни опытностью, ни значеніемъ, ни богатствомъ. Обстоятельства требовали для государства главы, которому бы охотно повиновались всѣ вассалы, а въ лицѣ его на престолъ вступилъ человѣкъ, не внушавшій никому ни малѣйшаго довѣрія. Могло ли распадавшееся христіанское государство противостоять при подобномъ правителѣ угрожавшему нападенію Саладина. Это сознавали даже во время похода Саладина противъ Мосула и Алеппо, и потому въ собраніи духовенства, дворянства и выборныхъ отъ горожанъ постановили всеобщій налогъ на имущество, чтобъ по возможности приготовиться встрѣтить опасность. Положено было взимать со всѣхъ

цѣнностей и недвижимыхъ имуществъ, не исключая церковныхъ и монастырскихъ имѣній, по одному проценту со ста, сверхъ того владѣльцы мѣстечекъ и селеній должны были уплатить извѣстную сумму съ каждаго стада, которую имъ предоставлялось взыскать, по соразмѣрной раскладкѣ, съ земледѣльцевъ. Даже бѣдные должны были платить этотъ всеобщій налогъ. Для взиманія его, въ каждомъ городѣ были избраны четверо гражданъ, назначавшихъ по совѣсти цифру взноса каждаго; кто считалъ себя обиженнымъ ихъ назначеніемъ, могъ подъ присягою оцѣнить самъ свое имущество; сборщики обязывались клятвою хранить въ строгой тайнѣ количество имущества каждаго. Собранныя такимъ образомъ деньги должны были храниться у лицъ, избранныхъ представителями сословій, и могли быть употребляемы исключительно для обороны государства.

Хотя, какъ видно изъ установленія этого налога, въ Палестинѣ понимали значеніе опасности, но при господствѣ раздоровъ и неурядицъ, нечего было и думать о спасеніи. Вскорѣ бразды правленія перешли изъ однѣхъ безсильныхъ и нетвердыхъ рукъ въ другія. Вначалѣ Гвидо, къ отчаянію большей части вассаловъ, принималъ значительное участіе въ управленіи; но вскорѣ никто не захотѣлъ служить подъ его знаменами, и самъ король перемѣнилъ обращеніе съ нимъ. Прежнее безумное покровительство король замѣнилъ теперь преслѣдованіями, и, короновавъ своего пятилѣтняго племянника, Бальдуина V, ввѣрилъ управленіе государствомъ врагу Гвидо, графу триполійскому Раймунду. Вскорѣ затѣмъ умеръ Бальдуинъ IV (1184 г.), а черезъ два года послѣ него и его племянникъ. Тотчасъ по смерти Бальдуина IV, Раймундъ заключилъ съ Саладиномъ перемиріе на четыре года и, пока былъ правителемъ, поддерживалъ спокойствіе. Но едва умеръ Бальдуинъ V, раздоры возобновились съ новою силой. Сибилла успѣла доставить корону своему мужу и тѣмъ погубила государство. Аристократія раздѣлилась на двѣ враждебныхъ партіи; даже гроссмейстеры обоихъ орденовъ были между собою несогласны, а Раймундъ убѣдилъ своихъ

приверженцевъ провозгласить королемъ мужа сестры Сибиллы, Гумфрида Торонскаго, который былъ еще неспособнѣе Гвидо и потому вполнѣ годился играть роль простаго орудія въ чужихъ рукахъ. Къ довершенію несчастья, одинъ изъ вассаловъ государства позволилъ себѣ нарушить заключенное съ Саладиномъ перемиріе и тѣмъ ускорилъ его нападеніе на почти беззащитное государство. Это былъ Райнольдъ Антіохійскій, еще прежде навлекшій на себя сильное наказаніе дерзкимъ оскорбленіемъ императора Мануила (т. VII. стр. 60). Онъ напалъ на мухаммеданскій караванъ молельщиковъ, шедшій въ Мекку, заковалъ въ цѣпи пилигримовъ и завладѣлъ ихъ имуществомъ. Немедленно заключивъ миръ съ мосульскимъ владѣтелемъ, Саладинъ двинулся со всѣми силами противъ іерусалимскаго королевства (1187 г.). Общая опасность заставила Раймунда и короля Гвидо примириться, но не уничтожила взаимнаго недовѣрія между ними, а какъ, сверхъ того, Раймунда уже давно подозрѣвали въ тайныхъ сношеніяхъ съ Саладиномъ, то со стороны христіанъ нельзя было и ожидать энергическихъ и благоразумныхъ мѣръ. Когда Саладинъ подошелъ съ войскомъ къ Тиверіадскому озеру, христіане положили дать рѣшительное сраженіе, вопреки доводамъ Раймунда, убѣждавшаго дѣйствовать оборонительно, не рискуя всѣмъ противъ такого страшнаго противника. Неразумное мнѣніе получило перевѣсъ, и 5 іюля 1187 г. произошла битва при Гиттнмѣ, которою Саладинъ не только затмилъ побѣду христіанъ при Аскалонѣ, но и уничтожилъ ихъ владычество въ Палестинѣ. Его противники потерпѣли совершенное пораженіе, ихъ лучшіе воины и всѣ государственные сановники были убиты или взяты въ плѣнъ; только трое бароновъ спаслись бѣгствомъ, и самъ король попалъ въ руки непріятеля. Саладинъ, приписавшій эту блистательную побѣду, — точно такъ какъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ свое спасеніе послѣ аскалонскаго пораженія, — божеской милости, обошелся съ плѣнниками ласково и благородно, но собственноручно умертвилъ князя Райнольда, котораго поклялся убить за нарушеніе имъ перемирія. Всѣ взятые въ плѣнъ тампліеры и іоан-

ниты были убиты по его приказанію или куплены фанатиками изъ мухаммеданъ, которые думали умерщвленіемъ ихъ пріобрѣсти заслугу предъ Богомъ.

Черезъ четыре недѣли послѣ этой побѣды, весь берегъ отъ Триполи до Аскалона, за исключеніемъ только города Тира, и почти вся внутренность королевства были въ рукахъ невѣрныхъ. Имъ сдался бы и Тиръ, еслибъ не явился, какъ будто посланный небомъ, избавитель, который удержалъ городъ за христіанами и соединилъ вокругъ себя спѣшившихъ съ запада пилигримовъ. Это былъ Конрадъ Монферратскій, братъ перваго мужа Сибиллы. Онъ отличался храбростью еще въ Константинополѣ, гдѣ былъ однимъ изъ мужественнѣйшихъ сподвижниковъ Мануила—а потомъ сохранилъ престолъ одному изъ его наслѣдниковъ, Исааку II Ангелу. Но, получивъ отъ Исаака въ награду ничтожный орденъ и руку принцессы императорскаго дома, Конрадъ, цѣнившій свои заслуги выше, оставилъ императорскую службу, подъ предлогомъ даннаго имъ обѣта и затруднительнаго положенія палестинскихъ христіанъ. Онъ еще во время поспѣлъ въ Тиръ и спасъ городъ своей храбростью. Саладинъ отступилъ отъ Тира, и, добившись сдачи Аскалона взамѣнъ обѣщанія освободить слѣдующею весною короля, началъ въ сентябрѣ осаду Іерусалима. Спустя двѣ недѣли городъ капитулировалъ и сдался 3 октября 1187 г. По условію, всѣ жители дѣлались военноплѣнными рабами, но каждый, внеся выкупъ, назначенный для мужчины въ десять, а для женщины въ пять золотыхъ, могъ въ теченіе сорока дней оставить Іерусалимъ и Палестину; кромѣ того, за опредѣленную общую сумму предоставлялась свобода всѣмъ бѣднымъ въ числѣ семи тысячъ человѣкъ. Саладинъ вступилъ въ городъ въ пятницу, и притомъ въ годовщину чудеснаго путешествія Мухаммеда изъ Іерусалима на небо (т. V. стр. 25). Онъ не запятналъ своего торжества ни одною изъ жестокостей, обыкновенно сопровождающихъ на Востокѣ взятіе городовъ, а напротивъ, дѣйствовалъ чрезвычайно кротко, обходился съ выкупившимися снисходительно и щедро, велѣлъ проводить ихъ до берега подъ

конвоемъ и съ возможными попеченіями и наконецъ даровалъ свободу тѣмъ, которые не имѣли средствъ заплатить выкупъ, но дозволилъ жить въ городѣ только сирійскимъ и армянскимъ христіанамъ.

Въ то время, какъ Саладинъ основывалъ свое египетско-сирійское государство и уничтожалъ владычество христіанъ на Востокѣ, на Западѣ папы употребляли всевозможныя усилія, чтобъ доставить помощь тѣснимымъ единовѣрцамъ. Но старанія ихъ были тщетны. Людовикъ VII Французскій и Генрихъ II Англійскій не могли предпринять обѣщаннаго похода, а наслѣднику перваго, Филиппу Августу, препятствовала война съ Генрихомъ. Только когда Іерусалимъ вторично попалъ въ руки невѣрныхъ, примирились оба государства и короли ихъ обязались предпр иять, общими силами, крестовый походъ. Тогда же произнесъ подобный обѣтъ и императоръ Фридрихъ Барбаросса. Но пока три государя готовились къ походу, папѣ удалось отправить множество рыцарей на защиту Тира, снова осажденнаго Саладиномъ. Они спасли Тиръ и соединились надъ начальствомъ короля Гвидо, получившаго такимъ образомъ возможность помѣряться съ невѣрными въ открытомъ полѣ и даже приступить въ 1189 г. къ осадѣ крѣпости Птолемаиды или Акры. Въ то же время приготовились, наконецъ, и три первенствующихъ европейскихъ народа, съ своими государями: Фридрихомъ Барбароссою, Филиппомъ Августомъ и преемникомъ Генриха II, Ричардомъ Львиное Сердце, къ блистательнѣйшему изъ всѣхъ крестовыхъ походовъ.

2. Послѣдніе годы Фридриха Барбароссы и его крестовый походъ.

Едва возстановивъ и упрочивъ императорское значеніе благоразумнымъ миромъ съ ломбардцами и усмиреніемъ Генриха Льва, Фридрихъ Барбаросса разсорился съ главою церкви и частью гер-

манскаго духовенства. По смерти Александра III (1181 г.) папой сдѣлался Луцій III. Тотчасъ по своемъ избраніи, онъ былъ изгнанъ изъ Рима возставшими римлянами и выбралъ своимъ мѣстопребываніемъ сперва Велетри, а потомъ Верону. Въ 1183 г. между нимъ и императоромъ возникли разногласія по поводу избранія трирскаго епископа; сверхъ того папа не хотѣлъ возстановить епископовъ, отрѣшенныхъ во время раздоровъ императора съ Александромъ III. Съ другой стороны, императоръ и сынъ его, король Генрихъ VI, оскорбили папу въ лицѣ его друга, архіепископа кёльнскаго Филиппа. Этотъ прелатъ, нѣкогда весьма преданный императору, отказалъ въ повиновеніи Генриху VI, требовавшему у него отчета по поводу ограбленія аугсбургскихъ купцовъ, и вошелъ въ тайныя сношенія съ изгнаннымъ Генрихомъ Львомъ и его тестемъ, англійскимъ королемъ; Генрихъ VI смирилъ прелата и наложилъ на него денежную пеню. Самого папу императоръ сильно раздражилъ тѣмъ, что тотчасъ послѣ блестящаго празднества въ Майнцѣ отправился въ Италію, съ цѣлью женить своего сына на Констанціи и доставить ему этимъ бракомъ неаполитанское королевство, а заодно обратить въ свою собственность имѣнія Матильды, уже занятыя имъ, какъ государственное имущество и часть стариннаго вельфскаго наслѣдства. Поэтому, по прибытіи Фридриха въ Ломбардію, Луцій не только рѣшительно отказался короновать его сына королемъ Италіи, но грозилъ самому Фридриху отлученіемъ отъ церкви, по поводу спора о трирскомъ епископѣ и имѣніяхъ Матильды. Однако, онъ не осмѣлился исполнить угрозы, потому что веронцы объявили, что не позволятъ ему оставаться въ ихъ городѣ, если онъ начнетъ процессъ съ императоромъ. Луцій умеръ въ 1185 году; но его смертью не окончился раздоръ между императоромъ и папою: преемникъ его, Урбанъ III, шелъ по его слѣдамъ, но столь же мало, какъ и Луцій, могъ помѣшать Генриху жениться на Констанціи и сдѣлаться королемъ Италіи. Фридрихъ привлекъ на свою сторону миланцевъ, предоставивъ имъ различныя льготы, и въ январѣ 1186 г.

бракосочетаніе было съ большимъ блескомъ отпраздновано въ Миланѣ. При этомъ Фридрихъ велѣлъ миланскому епископу короновать своего сына королемъ Италіи. Новый король отправился даже въ римскую область, чтобы въ союзѣ съ возставшими римлянами ограбить папу и его приверженцевъ. Уже тогда Генрихъ выказалъ варварство и жестокость, сдѣлавшіе его впослѣдствіи столь страшнымъ и ненавистнымъ для современниковъ. Такъ, напримѣръ, онъ приказалъ бить и топтать ногами одного прелата, утверждавшаго, что онъ, какъ духовный, зависитъ только отъ папы. Поэтому Фридрихъ поступилъ весьма благоразумно, отправивъ буйнаго молодаго человѣка въ Германію и оставшись, на нѣкоторое время, одинъ въ Италіи.

Въ Германіи, между тѣмъ, тринадцать епископовъ, вліятельнѣйшими изъ которыхъ были: Конрадъ Майнцскій, Фолькмаръ Трирскій, Филиппъ Кёльнскій и Бертольдъ Мецскій, составили формальный заговоръ. Генрихъ долженъ былъ уничтожить ихъ замыслы, но не имѣлъ для того ни опытности, ни достаточнаго значенія. Поэтому Фридрихъ самъ перешелъ черезъ Альпы и скоро подавилъ возстаніе. Нѣкоторые изъ епископовъ были изгнаны, остальные, за исключеніемъ Филиппа Кёльнскаго, покорились, а Конрадъ Майнцскій даже написалъ отъ имени германскаго духовенства посланіе къ папѣ, въ которомъ прямо противорѣчилъ всему, что было сдѣлано заговорщиками, и отнималъ у папы всякую надежду на помощь изъ Германіи. Сношенія съ Филиппомъ, Фридрихъ сдѣлалъ для папы невозможными, занявъ войсками всѣ альпійскіе проходы изъ Италіи въ Германію. Въ то самое время, какъ германское духовенство покидало папу, римляне заперли для него свой городъ, а когда онъ хотѣлъ утолить свой гнѣвъ отлученіемъ императора отъ церкви, веронцы не позволили ему оставаться у себя. Такимъ образомъ Урбанъ не могъ ничего предпринять противъ императора и умеръ безсильнымъ врагомъ его, осенью 1187 г. По смерти его, надѣясь легко справиться съ архіепископомъ Филиппомъ, Фридрихъ назначилъ походъ противъ него и кёльнскихъ гражданъ, ревностно

стоявшихъ за своего пастыря, а также противъ его союзниковъ, англійскаго короля и утрехтскаго епископа. Но здѣсь встрѣтилось неожиданное затрудненіе. Лотарингскіе рыцари, на которыхъ преимущественно расчитывалъ въ этомъ случаѣ Фридрихъ, не считали себя обязанными къ подобному походу и отказались участвовать въ немъ, не обращая вниманія на гнѣвъ императора и на его жалобы, что на старости лѣтъ ему приходится видѣть униженіе императорскаго достоинства. Однако Филиппъ и кёльнцы покорились, когда вскорѣ пришла поразившая всю Европу вѣсть о взятіи Іерусалима и когда не только англійскій и французскій короли, но и самъ германскій императоръ, не смотря на свою старость, дали обѣтъ предпринять крестовый походъ. Филиппъ, принеся императору повинную, попалъ въ милость, а кёльнцы заплатили штрафъ.

Не зрѣлое размышленіе внушило шестидесятилѣтнему Фридриху рѣшимость предпринять крестовый походъ, а внезапный порывъ сердца. Подобное предпріятіе, очевидно, не входило въ планъ его жизни, и онъ даже не помышлялъ о немъ въ то время, когда уже англійскій и французскій короли, окончивъ свои приготовленія, начали съ нимъ переговоры о проходѣ чрезъ Германію. Только весною 1188 г. вдохновенныя слова папскаго легата побудили его принять участіе въ крестовомъ походѣ. Слѣдовательно, рѣшеніе его было результатомъ благороднаго энтузіазма, овладѣвшаго его геройскимъ сердцемъ, и слѣдствіемъ внезапнаго порыва религіознаго негодованія. Но, рѣшась на дѣло, онъ повелъ его со всею обдуманностью пожилаго человѣка и опытностью полководца, воевавшаго цѣлую жизнь съ перемѣннымъ счастьемъ. Его крестовый походъ былъ величайшимъ изъ военныхъ предпріятій германскаго народа въ средніе вѣка, а самъ онъ показалъ себя при этомъ лучшимъ полководцемъ послѣ Карла Великаго. Это доказывается не столько организаціей предпріятія и распоряженіями во время похода, сколько тѣмъ, что предпріятіе, славное и по началу дѣйствительно грозное для враговъ, обратилось въ ничто со смертью Фридриха. Одинъ страхъ, овладѣвшій Саладиномъ и окружавшими

его при извѣстіи о намѣреніи Фридриха служитъ доказательствомъ, какъ высоко цѣнились мужество и военные таланты императора всѣми христіанскими народами и невѣрными. Мухаммедане, по словамъ ихъ собственныхъ историковъ, при извѣстіи о приготовленіяхъ императора, считали Сирію потерянною для себя, и самъ Саладинъ говорилъ, что походъ Фридриха — худшее, что могло случиться. Впрочемъ, до начала похода Фридрихъ отправилъ къ Саладину посольство, чтобъ объявить ему объ уничтоженіи мирнаго договора, незадолго передъ тѣмъ заключеннаго съ нимъ императоромъ, въ качествѣ главы приморскихъ торговыхъ городовъ Италіи. Къ иконійскому султану, съ которымъ онъ еще прежде былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, Фридрихъ отправилъ также посольство для переговоровъ о проходѣ черезъ Малую Азію. Султанъ не только далъ всевозможныя обѣщанія, но и послалъ къ императору почетное посольство, изумившее Европу великолѣпіемъ и многочисленностью свиты; наконецъ Фридрихъ вошелъ въ переговоры и съ государями Венгріи и Греціи.

Трудности предпріятія были извѣстны Фридриху по походу, нѣкогда совершенному имъ съ дядей, Конрадомъ III; поэтому онъ считалъ весьма вѣроятною возможность не вернуться изъ святой земли и хотѣлъ устроить германскія дѣла, чтобъ передать ихъ сыну въ совершенномъ порядкѣ. Для этого, прежде всего онъ весьма благоразумно постановилъ условія, на которыхъ дозволялось участвовать въ походѣ. Потомъ во имя религіи и государственнаго спокойствія потребовалъ отъ Генриха Льва, возвратившагося изъ изгнанія и уже оспаривавшаго у своего преемника саксонское герцогство, жертвы, которой, по строгой справедливости, нельзя было отъ него требовать. Генриху предоставлено было на выборъ: отправиться съ императоромъ въ походъ, отказаться отъ отцовскаго наслѣдія или снова удалиться на три года изъ отечества. Онъ выбралъ послѣднее и опять отправился въ Англію. Удаливъ, въ лицѣ Генриха, величайшую опасность, грозившую спокойствію государства, Фридрихъ двинулся къ Везеру, чтобъ

разрушить находившіеся тамъ разбойничьи замки и, наконецъ, рѣшилъ различные споры, возникшіе между императорскими князьями. Въ маѣ 1189 г. онъ двинулся въ святую землю, внизъ по Дунаю, черезъ Венгрію. Войско, изъ котораго онъ съ самаго начала удалилъ весь сбродъ, состояло изъ тридцати тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ было не менѣе пятнадцати тысячъ рыцарей. Венгерскій король Бела III дружелюбно принялъ Фридриха и его войско; но иная встрѣча ждала ихъ въ Греціи. Тамъ царствовалъ Исаакъ II Ангелъ, человѣкъ робкій, трусливый, получившій престолъ не по праву рожденія и не за заслуги, а случайно, и, какъ всѣ подобные люди, весьма обманывавшійся на счетъ себя и своего положенія. Въ особенности озабочивали его отношенія Фридриха къ неаполитанцамъ и сицилійцамъ, старинным врагамъ грековъ. По обычаю слабыхъ характеровъ, онъ не противился открыто походу нѣмцевъ черезъ Грецію, но старался всячески вредить имъ происками и вѣроломствомъ: онъ то приказывалъ хватать пословъ Фридриха, запирать города, закрывать лавки, дѣлать засѣки и подстерегать нѣмцевъ въ тѣснинахъ; то притворялся дружелюбнымъ, писалъ двусмысленныя письма и скрывалъ свое коварство подъ покровомъ пустыхъ церемоній. Фридрихъ смѣялся надъ всѣми этими мелочными ухищреніями противъ его многочисленнаго войска и коварству грековъ противопоставлялъ силу и твердость, поддерживая, въ то же время, строжайшую дисциплину и обуздывая склонность рыцарей къ грабежу. Но наконецъ явная измѣна Исаака заставила его прибѣгнуть къ насилію. Онъ взялъ приступомъ Адріанополь, занялъ всю страну до Македоніи, расположился съ войскомъ на зимнихъ квартирахъ, какъ въ собственныхъ владѣніяхъ, и написалъ греческому императору, что для переѣзда нѣмецкаго войска ему нужно въ такомъ-то мѣстѣ столько-то кораблей, которые должны пристать въ Азіи тамъ-то. Въ мартѣ 1190 г. его войско переправилось на греческихъ корабляхъ; но онъ выбралъ путь черезъ Дарданеллы (Геллеспонтъ), а не черезъ Константинопольскій проливъ.

Со стороны иконійскихъ сельджуковъ Фридрихъ ждалъ дружелюбной встрѣчи, однако уже при Меандрѣ онъ встрѣтилъ тѣ же враждебныя дѣйствія, какъ и прежніе крестоносцы. Но турки ошиблись, если расчитывали на одинаковые результаты. Императоръ былъ готовъ встрѣтить ихъ нападенія и подвигался впередъ такъ осторожно и благоразумно, что даже въ опаснѣйшихъ мѣстахъ потери его были незначительны. Болѣе всего помогали ему воинская опытность, годами пріобрѣтенная Фридрихомъ на несчастной для его соотечественниковъ итальянской почвѣ, мужество старательно сформированнаго войска и, въ особенности, умное расположеніе войскъ на походѣ: во время марша пѣхота, больные и багажъ находились въ срединѣ, прикрытые съ обѣихъ сторонъ кавалеріей. Впрочемъ, западные историки этого похода, большею частью бывшіе участниками въ немъ, утверждаютъ совершенно серьезно и весьма положительно, что имъ помогалъ земнымъ оружіемъ и святой Георгій во главѣ небеснаго воинства. Поэтому, примѣняясь къ духу того времени, мы должны упомянуть и о появленіи ангеловъ и святыхъ при взятіи Іерусалима Готтфридомъ Бульонскимъ и при всѣхъ другихъ предпріятіяхъ крестоносцевъ!

Въ первый разъ со времени начала крестовыхъ походовъ, значительное западное войско прошло черезъ Малую Азію почти не испытавъ урона, исключая потери въ лошадяхъ. Чтобъ оцѣнить величіе человѣка, предводительствовавшаго этимъ войскомъ, надо вспомнить, что онъ шелъ по непроходимымъ дорогамъ, въ незнакомой и частью совершенно пустынной странѣ, безпрерывно тревожимый сотнями тысячъ легкихъ турецкихъ всадниковъ, превосходно знавшихъ мѣстность, что ему часто приходилось страдать отъ голода и жажды, тѣмъ болѣе, что тогда нечего было и думать о такомъ военномъ порядкѣ и управленіи, какіе возможны въ наше время. Однако, даже въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ Фридрихъ сохранялъ твердость, обусловливавшуюся его истиннымъ мужествомъ, врожденной силой и проницательностью. Однажды, когда войско находилось среди сельджукскихъ владѣній, всѣ съѣст-

ные припасы были истощены и войску предстояла, повидимому, неизбѣжная голодная смерть, одна непріятельская орда предложила нѣмцамъ свободный пропускъ и достаточное продовольствіе за выкупъ по золотому съ человѣка. Фридрихъ отвергъ предложеніе пословъ, сказавъ, что не привыкъ пролагать себѣ дорогу золотомъ. Въ половинѣ мая, онъ подошелъ къ многолюдной Иконіи, столицѣ сельджукскихъ турокъ, открывъ себѣ доступъ къ ней блистательной побѣдой. Иконія была плохо укрѣплена и потому легко могла быть взята. Но султанъ удалился въ крѣпкую цитадель, лежавшую въ центрѣ города, расчитывая, вѣроятно, напасть на нѣмцевъ въ то время, какъ они будутъ грабить городъ, или задержать ихъ осадою цитадели. Фридрихъ разстроилъ оба плана. Онъ послалъ въ городъ сына, а самъ съ большею частью войска расположился вблизи лагеремъ, и потомъ, обогащенный добычей, немедленно двинулся далѣе, заставивъ султана, передъ выступленіемъ, дать заложниковъ. Фридрихъ и его войско преодолѣли всѣ затрудненія и въ земляхъ христіанскаго государя Арменіи, владѣвшаго горными проходами въ Киликію и вначалѣ дѣйствовавшаго весьма двусмысленно. Строгая дисциплина, которою Фридрихъ удерживалъ свое многочисленное войско отъ всякихъ насилій, и благочестіе добрыхъ нѣмцевъ, вполнѣ соотвѣтствовавшее характеру воинства, ополчившагося за вѣру, тронули и привязали къ нимъ армянъ, которые хотя со свойственною имъ хитростью и остались въ сношеніяхъ съ Саладиномъ, но приняли нѣмецкихъ крестоносцевъ и провели ихъ невредимыми черезъ горы Киликіи.

Въ этой странѣ нѣмцы испытали самую ужасную потерю, которая только могла постичь ихъ. Императоръ утонулъ въ рѣкѣ Каликаднѣ или Салефѣ, неосторожно купаясь подобно Александру Великому, точно также подвергшемуся страшной опасности въ этой самой рѣкѣ (т. II. стр. 318), или же переправляясь черезъ быстрый потокъ (10 іюня 1190 г.). Со смертью Фридриха исчезло какъ бы волшебствомъ все прежнее счастье, и самымъ яснымъ образомъ обнаружилось, что нѣмецкіе крестоносцы были обязаны единственно талантамъ своего

предводителя тѣмъ, что до тѣхъ поръ избѣгли участи своихъ предшественниковъ. Часть превосходнаго войска Фридриха немедленно возвратилась домой, остальные пошли далѣе, подъ начальствомъ втораго сына императора, Фридриха Швабскаго, но многіе изъ нихъ погибли въ продолжительномъ походѣ, а большинство оставшихся сдѣлалась жертвою чумы въ Антіохіи; послѣдніе жалкіе остатки войска, изнуренные и обезсиленные, достигли лагеря христіанъ, осаждавшихъ Акру. Здѣсь умеръ ихъ предводитель въ первомъ мѣсяцѣ слѣдующаго года. „Если бы превосходное и храброе воинство Фридриха, говоритъ одинъ лѣтописецъ того времени, было доведено до цѣли и соединилось съ англійскими и французскими крестоносцами, какой народъ, какая страна, какой государь, да и какая, хотя бы соединенная, храбрость всѣхъ восточныхъ государей могли устоять противъ силы Италіи, пылкости Франціи, военнаго искусства и, что выше всего этого, смѣлаго мужества Германіи и ея непобѣдимаго государя? Но божья, а не людская сила и мудрость управляютъ міромъ." Единственнымъ памятникомъ этого похода остался нѣмецкій рыцарскій орденъ, основанный вторымъ сыномъ императора. Герцогъ Фридрихъ съ прискорбіемъ видѣлъ, что его соотечественники не допускаются въ больницы и не получаютъ никакихъ пособій отъ іоаннитовъ и тампліеровъ, что эти рыцари, такъ богато надѣленные имѣніями въ Германіи, встрѣчаютъ недружелюбно даже своихъ нѣмецкихъ братьевъ по ордену. Поэтому въ бытность подъ Акрою онъ основалъ орденъ нѣмецкихъ рыцарей, имѣвшій вначалѣ ничтожное значеніе въ сравненіи съ двумя другими, но впослѣдствіи заслужившій тѣмъ большую славу своими стараніями распространить христіанство и нѣмецкую образованность на сѣверовостокѣ Европы.

3. Крестовый походъ королей: французскаго Филиппа Августа и англійскаго Ричарда Львиное Сердце.

Изъ трехъ западныхъ государей, участвовавшихъ въ третьемъ походѣ, первымъ выступилъ въ путь Фридрихъ Барбаросса, не

смотря на то, что рѣшился на это предпріятіе позднѣе другихъ. Но короли Генрихъ II Англійскій и Филиппъ Августъ Французскій, гораздо прежде давшіе обѣтъ итти въ крестовый походъ, давно уже начали сборы. Еще до завоеванія Іерусалима Саладиномъ папа Луцій III послалъ къ обоимъ королямъ трехъ прибывшихъ къ нему изъ Палестины депутатовъ, настоятельно прося ихъ привести въ исполненіе данное обѣщаніе. Но именно въ то время оба государя были весьма мало расположены къ походу. Генрихъ, снова разсорившійся съ сыномъ, отвѣчалъ папскимъ посланнымъ чрезъ собранныхъ представителей государственныхъ сословій, что для блага государства полезнѣе, чтобъ онъ не выпускалъ изъ рукъ бразды правленія и защищалъ народъ отъ нападеній сосѣдей вмѣсто того, чтобъ сражаться на Востокѣ. Филиппъ Августъ столь же мало хотѣлъ и могъ думать о дальнемъ походѣ. Онъ составилъ планъ отнять у англичанъ ихъ владѣнія во Франціи и съ самаго вступленія на престолъ готовился къ осуществленію этого плана. Нужныя для этого деньги доставила ему облеченная въ форму закона эксплуатація евреевъ, жившихъ во Франціи. Этому несчастному народу приходилось терпѣть въ тѣ времена безпрестанныя перемѣны въ своемъ матеріальномъ положеніи; евреи то жили въ богатствѣ, пріобрѣтенномъ банкирскими занятіями и ростовщичествомъ; то подвергались, изъ религіозной ненависти и корыстолюбія, жесточайшимъ преслѣдованіямъ, отнятію нажитаго состоянія и даже угрозамъ лишенія жизни. Въ началѣ отецъ Филиппа Августа далъ евреямъ права и привилегіи, потомъ изгналъ ихъ и наконецъ снова сдѣлался въ высшей степени благосклоннымъ къ нимъ. Филиппъ Августъ, имѣя нужду въ деньгахъ, изгналъ евреевъ изъ Франціи, велѣлъ немилосердно гнать ихъ за границу, конфисковалъ ихъ недвижимое имущество и объявилъ всѣ обязательства христіанъ относительно ихъ уничтоженными, подъ условіемъ уплаты ему пятой части. На деньги, добытыя этимъ способомъ, онъ снарядилъ войска, съ которыми воевалъ противъ англійскаго короля. Не смотря на данный обѣтъ, оба государя, вѣроятно, нескоро покончили бы эти войны, еслибъ

ихъ не принудило къ тому настроеніе умовъ ихъ подданныхъ. Вѣсть о паденіи Іерусалима, распространенная, безъ сомнѣнія, въ преувеличенномъ видѣ папскими и генуезскими посланіями и жалобами выгнанныхъ изъ Палестины христіанъ, вновь воспламенила воинственно-религіозную ревность англичанъ и французовъ и короли должны были удовлетворить хотя обѣщаніями общему настроенію. По этому, сойдясь въ Жизорѣ, на границѣ Нормандіи, подъ старымъ вязомъ, гдѣ съ давнихъ поръ обыкновенно происходили свиданія французскихъ королей съ герцогами норманнскими, они заключили миръ и обязались вмѣстѣ отправиться на Востокъ (январь, 1188 г.). Серьезно ли они думали о крестовомъ походѣ, или онъ былъ для нихъ только предлогомъ для сбора податей, къ чему оба короля немедленно приступили, —рѣшить трудно. Правда, они тотчасъ же начали переговоры съ нѣмцами, венграми и греками о проходѣ чрезъ ихъ владѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ возобновили и нападенія другъ на друга и съ такою яростью опустошали чужія владѣнія, что даже священный жизорскій вязъ былъ уничтоженъ въ это время. Наконецъ французскіе рыцари, принявшіе крестъ, рѣшительно отказались воевать противъ христіанъ, а Генрихъ былъ поставленъ семейными распрями въ невозможность вредить сосѣду. Тогда, уступая необходимости, оба государя заключили миръ. Вслѣдъ затѣмъ Генрихъ умеръ (іюль, 1189 г.).

Еслибъ онъ остался живъ, то, вѣроятно, обѣщанный имъ и французскимъ королемъ крестовый походъ не состоялся бы никогда. Но его сынъ, Ричардъ Львиное Сердце, былъ созданъ именно для такого предпріятія. Взросши на родинѣ своей матери, то есть въ той части Франціи, гдѣ тогда процвѣтала рыцарская поэзія трубадуровъ, и самъ принадлежа къ ихъ числу, Ричардъ представлялъ въ своемъ характерѣ странную смѣсь разнородныхъ качествъ, отличавшихъ поэтовъ той страны и того времени. Съ живымъ религіознымъ чувствомъ, жаждою дѣятельности, непоколебимымъ геройскимъ мужествомъ, доставившемъ ему прозваніе Львинаго Сердца, въ немъ соединялись грубость, жестокость, алчность,

вспыльчивость и сластолюбіе, такъ что онъ могъ служить олицетвореніемъ и дурныхъ и хорошихъ сторонъ среднихъ вѣковъ, будучи склоненъ то къ самому возвышенному и прекрасному, то къ самому низкому и подлому. Для подобной натуры ничего не могло быть привлекательнѣе приключеній рыцарскаго похода на Востокъ. Еще за нѣсколько лѣтъ до смерти отца онъ принялъ крестъ, и какъ только умеръ Генрихъ, потребовалъ свиданія съ Филиппомъ Августомъ и не только сговорился, какъ его отецъ, объ общемъ крестовомъ походѣ, но заключилъ формальный договоръ о времени и порядкѣ приведенія его въ исполненіе. Короли условились выступить въ началѣ слѣдующаго лѣта (1190 г.), соединиться въ Мессинѣ и оттуда плыть въ Палестину. Морской путь былъ избранъ потому, что Ричардъ, помогая Генриху Льву, принялъ къ себѣ изгнаннаго епископа трирскаго и будучи въ дурныхъ отношеніяхъ къ императору Фридриху Барбароссѣ и его намѣстнику, Генриху VI, считалъ путь черезъ Германію неудобнымъ для себя.

16 сентября 1190 г. прибылъ въ Мессину Филиппъ Августъ, а черезъ восемь дней Ричардъ. Едва пробыли они вмѣстѣ нѣсколько дней, какъ гордость Ричарда разрушила и безъ того не весьма прочное согласіе между королями. Впрочемъ, этому способствовалъ отчасти и ходъ событій въ Сициліи. По смерти послѣдняго норманнскаго короля Сициліи, Вильгельма II (1189 г.), королевство должно было достаться Констанціи и ея мужу, Генриху VI; но государственныя сословія не хотѣли и слышать о чужеземномъ владычествѣ и присягнули графу Танкреду Лечче, единственному мужскому представителю королевскаго дома. Танкредъ былъ сынъ Роберта, побочнаго сына Рожера II (а не сводный братъ Констанціи); Вильгельмъ далъ ему, какъ послѣдней мужской отрасли норманнской династіи, графство Лечче; не успѣвъ еще упрочить свою власть, Танкредъ былъ сильно озабоченъ прибытіемъ обоихъ королей и вѣроятностью ихъ зимовки въ Сициліи, такъ какъ Филиппъ Августъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ германскимъ императоромъ и его сыномъ, а Ричардъ былъ братъ вдовы Вильгельма II, Іоанны, которую

Танкредъ лишилъ вдовьей части наслѣдства и держалъ въ заточеніи. Однако Филиппъ обошелся съ Танкредомъ дружественно и даже льстиво, такъ что былъ принятъ имъ въ самую Мессину. Ричардъ, напротивъ, немедленно и съ угрозами сталъ требовать освобожденія сестры; Танкредъ исполнилъ требованіе, но не впустилъ англичанъ въ Мессину, а заставилъ расположиться лагеремъ внѣ города. Не довольствуясь освобожденіемъ сестры, Ричардъ потребовалъ для нея, какъ вдовьей части, значительнаго графства, золотаго трона, большаго золотаго стола и другихъ драгоцѣнностей, перечисленіе которыхъ лучше всего показываетъ блескъ норманнскаго сицилійскаго двора. Впрочемъ, не смотря на запальчивость этой распри, дѣло, вѣроятно, не перешло бы въ открытую вражду, если бы Ричардъ и его рыцари не оскорбляли сицилійскаго народа. Населеніе острова Сициліи, въ то время богатаго и цвѣтущаго, было смѣшаннаго происхожденія и состояло изъ потомковъ грековъ и мавровъ и частью изъ итальянцевъ и норманновъ; первые вели себя смирно въ отношеніи къ обоимъ королямъ, а норманны, носившіе, подобно крестоносцамъ, рыцарское вооруженіе, держали себя гордо. Ихъ ссоры съ англійскими рыцарями и ихъ упорнымъ королемъ перешли въ открытую войну. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ, Ричардъ напалъ на безумно дерзкую мысль штурмовать Мессину,— городъ, имѣвшій болѣе пятидесяти тысячъ жителей и занятый французами, видимо расположенными защищать противъ ярости англійскаго короля мѣсто, давшее имъ гостепріимство. Смѣлость Ричарда увѣнчалось однако успѣхомъ; французы, по приказанію своего болѣе спокойнаго и хладнокровнаго короля, остались нейтральными, а городъ былъ взятъ и разграбленъ при страшной рѣзнѣ. Тогда Ричардъ поссорился съ самимъ Филиппомъ II. Онъ велѣлъ выставить на стѣнахъ Мессины свое знамя, а Филиппъ оскорбился тѣмъ, что знамя его вассала развѣвается въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится его главная квартира. Хотя Ричардъ, уступая доводамъ своихъ бароновъ, согласился помѣстить французское знамя рядомъ со своимъ и уступить французамъ половину занятыхъ стѣнъ, но распря между ко-

ролями длилась до тѣхъ поръ, пока не былъ заключенъ договоръ, точно опредѣлявшій вассальныя отношенія и время отбытія изъ Сициліи. Ричардъ заключилъ договоръ и съ Танкредомъ, не смотря на интриги Филиппа. Танкредъ заплатилъ Іоаннѣ опредѣленную сумму и обручилъ одну изъ своихъ дочерей съ ея племянникомъ, герцогомъ Артуромъ Бретанскимъ.

Въ концѣ марта (1191 г.), вышелъ въ море Филиппъ Августъ, а вслѣдъ за нимъ и Ричардъ. Первый благополучно прибылъ въ Палестину 13 апрѣля; а флотъ Ричарда былъ разбитъ бурею между Кипромъ и Критомъ, и такъ какъ владѣтель Кипра дурно обошелся съ потерпѣвшими крушеніе, то Ричардъ рѣшился отмстить ему. Кипромъ управлялъ тогда греческій принцъ Исаакъ, овладѣвшій имъ насильственно и обходившійся съ жителями чрезвычайно жестоко и деспотически. Смертельно ненавидимый подданными, онъ съ одними наемниками не могъ противиться неодолимымъ рыцарямъ, во главѣ которыхъ стоялъ герой Ричардъ, и былъ взятъ въ плѣнъ; англичане заняли островъ. Въ Палестинѣ, куда Ричардъ прибылъ въ началѣ іюня, со времени освобожденія Гвидо не произошло ничего замѣчательнаго. Конрадъ Монферратскій отстоялъ отъ нападеній Саладина Тиръ, жители котораго признали его своимъ владѣтелемъ, а потомъ присоединился къ Гвидо, осаждавшему Акру. У Гвидо съ прибывшими съ запада крестоносцами набралось до тридцати тысячъ войска, въ томъ числѣ около двухъ тысячъ всадниковъ. Получивъ извѣстіе о вступленіи Фридриха Барбароссы въ Малую Азію, Саладинъ съ своей стороны собралъ отовсюду огромныя толпы единовѣрцевъ. Такимъ образомъ подъ Акрою начался бой за честь и вѣру, веденный съ обѣихъ сторонъ съ равнымъ одушевленіемъ. Стычки происходили ежедневно и, кромѣ того, насчитываютъ десять большихъ сраженій, данныхъ до прибытія подъ Акру Фридриха Швабскаго. Какъ ни малы были остатки германскаго войска, приведеннаго Фридрихомъ, но все же они придали христіанамъ новыя силы, и съ прибытіемъ ихъ осада пошла успѣшнѣе. Но Фридрихъ умеръ отъ дѣйствія кли-

6*

мата, ополченіе его разсѣялось, а незадолго до прибытія Филиппа Августа между Конрадомъ Монферратскимъ и Гвидо вспыхнула вражда, и по смерти жены Гвидо никто не хотѣлъ признавать его королемъ; Конрадъ же предъявилъ притязанія на корону, основывая свои права на томъ, что обвѣнчался съ похищенною имъ свояченицею Гвидо, бывшею въ замужствѣ за Гумфридомъ Торонскимъ. Споръ между ними былъ еще не рѣшенъ, когда прибылъ подъ Акру Филиппъ Августъ.

Французскій король принялъ сторону своего союзника и вассала Конрада, такъ какъ Гвидо, имѣнія котораго лежали въ Гіенни, былъ вассаломъ Ричарда. Гвидо немедленно оставилъ лагерь и отправился на островъ Кипръ искать помощи у своего сюзерена. Ричардъ, обязанный вступиться за него, былъ весьма радъ случаю выступить противъ Филиппа, имѣя на своей сторонѣ нѣкоторую долю права. Прибывъ подъ Акру, онъ потребовалъ, чтобъ Конрадъ подчинился приговору войска; но Конрадъ, считая свое дѣло рѣшеннымъ, не хотѣлъ и слышать о судѣ; однако, опасаясь запальчивости Ричарда, отправился въ Тиръ. Черезъ годъ онъ былъ зарѣзанъ двумя ассасинами, принявшими, съ цѣлью совершить это злодѣяніе, христіанство и успѣвшими подъ личиною благочестія втереться въ домъ Конрада. Неизвѣстно, что̀ вызвало ихъ на этотъ поступокъ. Враги Ричарда видятъ въ этомъ его руку, что, по всей вѣроятности, несправедливо. Вакантное королевское достоинство Ричардъ отдалъ графу Г е н р и х у II Шампанскому, женившемуся на вдовѣ Конрада, а Гвидо Люзиньяна вознаградилъ за то островомъ Кипромъ. Какъ только Филиппъ Августъ и Ричардъ сошлись вмѣстѣ, между ними возобновилась старинная непріязнь и соперничество; но теперь Филиппъ былъ въ явномъ проигрышѣ. Ричардъ превосходилъ его всѣми рыцарскими и воинскими качествами и, едва прибывъ въ лагерь, далъ дѣлу оборотъ, значительно унизившій славу Филиппа. Будучи несравненно сильнѣе, смѣлѣе и привычнѣе къ войнѣ, чѣмъ его соперникъ, Ричардъ умѣлъ передать свою дикую храбрость всему войску, такъ что черезъ шесть

недѣль по его прибытіи приведена была къ концу осада, длившаяся цѣлыхъ два года и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не подвинутая ни на шагъ впередъ. 12 іюля 1191 г., защитники города сдались на капитуляцію. Они получили свободный выходъ, но должны были оставить въ городѣ все имущество, провіантъ, склады оружія, стоявшіе въ гавани корабли и, сверхъ того, дать заложниковъ въ обезпеченіе того, что Саладинъ заплатитъ наличную сумму денегъ, дастъ свободу почти двумъ тысячамъ плѣнныхъ христіанъ и возвратитъ святой крестъ, доставшійся ему въ сраженіи при Гиттимѣ. Городъ и добычу Филиппъ и Ричардъ раздѣлили между собою. Съ выступавшимъ мухаммеданскимъ гарнизономъ и его государемъ Ричардъ обходился несравненно дружелюбнѣе, чѣмъ съ единовѣрцами. Особенно обхожденіе его съ нѣмцами и ихъ князьями было до того возмутительно, что съ тѣхъ поръ они стали считать его врагомъ націи, надѣясь при случаѣ отплатить ему тою же монетою. Онъ не только не далъ имъ доли въ добычи, но позволилъ себѣ неслыханную дерзость противъ герцога Леопольда VI Австрійскаго, которую иные относятъ, впрочемъ, къ началу слѣдующаго года и къ другому случаю. Герцогъ, занявъ въ городѣ домъ, выставилъ на немъ свое знамя; Ричардъ, узнавъ это, не только выгналъ герцогскихъ людей, но сорвалъ знамя и бросилъ его въ грязь. Леопольдъ былъ слишкомъ слабъ, чтобъ отмстить; онъ удалился изъ города и вначалѣ слѣдующаго года вернулся въ Европу. Всѣ его соотечественники и всѣ итальянцы оставили Палестину, такъ какъ имъ не было возможности оставаться въ войскѣ, находившимся подъ вліяніемъ англійскаго короля, и гдѣ ихъ всячески тѣснили и оскорбляли.

Обходясь такъ грубо съ союзниками, Ричардъ въ тоже время былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Саладиномъ. Они походили другъ на друга грубостью и мужествомъ, великодушіемъ и хищничествомъ, жестокостью и минутными вспышками благородства, а въ безпрестанныхъ стычкахъ успѣли оцѣнить взаимное искусство и физическую силу. Вслѣдъ за прибытіемъ Ричарда подъ

Акру, они по рыцарски обмѣнялись посольствами, дѣлали другъ другу подарки, и вообще между ними установились такія странныя отношенія, что въ Филиппѣ Августѣ не только проснулась старая зависть, но и возникли, весьма естественно, подозрѣнія. Это утвердило его въ прежнемъ намѣреніи возвратиться въ Европу при первомъ удобномъ случаѣ. Онъ видѣлъ, что весь блескъ, доставляемый ему значеніемъ его государства и вассальными отношеніями англійскаго короля, служилъ только къ возвышенію соперника въ глазахъ христіанъ и невѣрныхъ, такъ такъ рыцарскія и поэтическія свойства Ричарда производили на турокъ и курдовъ и на христіанскихъ рыцарей несравненно сильнѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ основательный, государственный умъ Филиппа, цѣнить котораго они не умѣли. Впрочемъ, была и политическая причина, побуждавшая Филиппа вернуться скорѣе въ Европу: подъ Акрою умеръ графъ Филиппъ Фландрскій, а какъ онъ былъ бездѣтенъ, то французскому королю представлялся отличный случай захватить его графство. Поэтому, избравъ предлогомъ незначительную болѣзнь, онъ въ концѣ іюля отправился домой, поручивъ начальство надъ оставшеюся въ Палестинѣ частью войска герцогу бургундскому Гуго и давъ англійскому королю клятвенное обѣщаніе не тревожить его владѣній. Прибывъ во Францію, онъ тотчасъ началъ войну съ своимъ тестемъ, Бальдуиномъ Геннегаускимъ, ближайшимъ наслѣдникомъ умершаго графа фландрскаго, и успѣлъ добиться уступки графства Артуа, сдѣлавшагося съ тѣхъ поръ постояннымъ владѣніемъ младшихъ принцевъ королевскаго дома.

По отъѣздѣ Филиппа, Ричардъ потребовалъ у Саладина выполненія условій, заключенныхъ при капитуляціи Акры, назначалъ для того нѣсколько сроковъ, и наконецъ послалъ сказать, что если по прошествіи опредѣленнаго времени условія не будутъ выполнены, то онъ казнитъ всѣхъ бывшихъ въ его власти заложниковъ и плѣнныхъ мусульманъ. Саладинъ, вѣроятно считавшій подобное варварство невозможнымъ, не обратилъ вниманія на угрозу; но Ричардъ выполнилъ ее, приказавъ изрубить нѣсколько тысячъ мухаммеданъ.

И замѣчательно, что со стороны лѣтописцевъ того времени не раздалось рѣшительно ни одного возгласа противъ этого звѣрства: нѣкоторые даже хвалили его. Саладинъ, могшій соперничать съ Ричардомъ не только въ великодушіи, но и въ жестокости, отвѣчалъ избіеніемъ множества христіанъ. Однако эта бойня только на весьма короткое время прервала дружескія отношенія обоихъ воителей, повидимому созданныхъ другъ для друга. Черезъ шесть недѣль по взятіи Акры, Ричардъ возобновилъ военныя дѣйствія, но не двинулся прямо на Іерусалимъ, главную цѣль похода, а сталъ готовиться къ нападенію на этотъ городъ тогда, когда уже рвеніе рыцарей охладѣло и многіе возвратились домой. Рядомъ безпрерывныхъ стычекъ дошелъ онъ берегомъ до Аскалона, пріобрѣтая каждую пядь земли цѣною крови. Саладинъ, отступая шагъ за шагомъ, уничтожалъ каждый оставляемый городъ, чтобъ не допустить христіанъ укрѣпиться въ немъ, какъ и въ Тирѣ и Акрѣ. Все время съ осени до весны слѣдующаго года (1192 г.), Ричардъ занимался возстановленіемъ крѣпостей Яффы и Аскалона. Это промедленіе, естественно, производило невыгодное впечатлѣніе на тѣхъ, которые руководились однимъ энтузіазмомъ, не помышляя о какомъ бы то ни было планѣ и не обладая никакими познаніями въ военномъ дѣлѣ. Но за то Саладинъ сознавалъ всю опасность имѣть подобнаго противника въ главѣ западнаго войска, и легко можетъ статься, что, дѣйствительно, одно имя Ричарда, — долгое время послѣ того употреблявшееся у мусульманъ, какъ угроза, лишало мужества воиновъ Саладина. Не разъ турецкіе всадники трепетали при одномъ видѣ его и поспѣшно обращались въ бѣгство, съ крикомъ „король Ричардъ идетъ!“ За то Ричардъ сражался съ безумною отвагою, такъ что если онъ уцѣлѣлъ, то только благодаря необычайной силѣ и ловкости, позволявшимъ ему носить тяжелую броню, которую не брало никакое оружіе. Наконецъ, Саладинъ увидѣлъ необходимость во что бы ни стало удалить этого человѣка съ театра войны, и потому далъ полномочіе своему брату, Аделю, вступить съ нимъ въ переговоры. Между Аделемъ и Ричардомъ не замедлили возникнуть

дружескія отношенія и пріязнь, но переговоры не окончились ничѣмъ, Кому-то изъ нихъ пришла при этомъ въ голову забавная мысль покончить войну бракомъ Аделя съ сестрою Ричарда, Іоанною, привезенною имъ изъ Сициліи. По проекту этого договора Адель и Іоанна должны были быть признаны владѣтелями Палестины, Ричардъ уступалъ имъ завоеванные города, а Саладинъ Іерусалимъ и остальную часть страны. Саладинъ понялъ всю несостоятельность подобнаго плана и, къ величайшему изумленію своихъ сподвижниковъ, принялъ его. Онъ разсудилъ совершенно вѣрно, что дѣло, пущенное въ ходъ, рушится не только вслѣдствіе несогласія Іоанны, мнѣнія которой даже еще не спрашивали, но главнымъ образомъ вслѣдствіе разности вѣръ и препятствій со стороны духовенства. Дѣйствительно, какъ только это предложеніе сдѣлалось извѣстнымъ, оно возбудило такое всеобщее негодованіе, что Ричардъ долженъ былъ прибѣгнуть къ объясненію, что онъ имѣлъ въ виду обращеніе Аделя въ христіанство. Впрочемъ, вслѣдъ за тѣмъ, онъ опять обнаружилъ подобное же невниманіе и равнодушіе къ священнѣйшимъ общественнымъ и религіознымъ понятіямъ своего времени, посвятивъ въ рыцарство одного изъ родныхъ Саладина и, такимъ образомъ, принявъ мухаммеданина въ христіанскую корпорацію, основными элементами которой были защита вѣры и столь чуждое восточнымъ народамъ и ихъ гаремамъ уваженіе къ женщинамъ.

Находясь въ дружескихъ отношеніяхъ къ невѣрнымъ, Ричардъ въ то же время постоянно ссорился съ французами и ихъ предводителемъ, герцогомъ бургундскимъ. Онъ долго переносилъ непріятности отъ французовъ, имѣя въ виду походъ противъ Іерусалима, мысль о которомъ не оставляла его. Даже извѣстіе о непріязненныхъ дѣйствіяхъ его брата Іоанна въ Англіи и французскихъ провинціяхъ не могла заставить его отказаться отъ своего плана и возвратиться въ Европу. За ѣдкія сирвенты (т. VII. стр. 49), которыми преслѣдовали его герцогъ бургундскій и его товарищи, онъ мстилъ, какъ поэтъ, столь же злыми стихами. Наконецъ онъ при-

близился на разстояніе нѣсколькихъ миль къ Іерусалиму, но въ тотъ самый моментъ, когда считалъ себя достигшимъ вѣнца славы, принужденъ былъ, почти со слезами на глазахъ, отступить, потому что французы объявили невозможнымъ завоеваніе Іерусалима и потребовали собранія военнаго совѣта, на которомъ искусственно подобранные посредники рѣшили, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ не слѣдуетъ дѣлать приступа. Въ этомъ тяжеломъ положеніи Ричардъ старался спасти, по крайней мѣрѣ, свою честь. Чтобъ не бросить среди войны беззащитныхъ палестинскихъ христіанъ и святыя мѣста на произволъ невѣрныхъ, онъ рѣшился начать съ Саладиномъ переговоры, для заключенія мира или перемирія. Но, ведя переговоры, онъ не прекращалъ войны; къ этой эпохи относится, между прочимъ, самый блистательный изъ безумно дерзкихъ подвиговъ Ричарда, доставившихъ ему прозвище Львинаго Сердца. Онъ стоялъ у Яффы съ отрядомъ не болѣе какъ въ тысячу человѣкъ и съ одиннадцатью всадниками, какъ вдругъ ихъ окружилъ вдесятеро сильнѣйшій непріятель, имѣвшій до семи тысячъ регулярной кавалеріи. Малочисленный англійскій отрядъ сомкнулся и мужественно отражалъ непріятельскія нападенія. Но Ричарду не нравился такой спокойный отпоръ; съ горстью всадниковъ бросился онъ на непріятеля и, опрокидывая рядъ за рядомъ, спасъ одного изъ спутниковъ, упавшаго съ коня и уже окруженнаго, выручилъ другаго, почти взятаго въ плѣнъ, и пробился почти невѣроятнымъ образомъ черезъ войско враговъ, тысячами окружавшихъ его, но не осмѣлившихся напасть на него.

Вскорѣ послѣ этой встрѣчи, Ричардъ заключилъ на три года перемиріе, распространявшееся на его сирійскихъ и палестинскихъ единовѣрцевъ (сентябрь 1192 г.). Христіане удерживали Антіохію, Триполи, Акру, Яффу и всѣ другіе приморскіе города, но Аскалонъ долженъ былъ быть срытъ; доступъ къ святому гробу былъ открытъ всѣмъ христіанамъ, но чтобъ досадить французамъ, Ричардъ включилъ въ договоръ условіе, что каждый пилигримъ долженъ имѣть видъ за подписью его или Генриха, носившаго ти-

тулъ іерусалимскаго короля. Въ началѣ октября Ричардъ отправился въ Европу, съ очевиднымъ намѣреніемъ возвратиться въ Палестину, и послѣдовавшая черезъ пять мѣсяцевъ смерть Саладина (1193 г.) обѣщала успѣхъ новому походу; но положеніе дѣлъ въ Европѣ помѣшало Ричарду и Филиппу Августу отправиться на Востокъ, а значительныя силы крестоносцевъ, двинувшіяся изъ Германіи (1197 г.), не могли сдѣлать ничего значительнаго, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Между тѣмъ, папа не переставалъ проповѣдывать, что крестовые походы священный долгъ христіанскаго рыцаря, а настроеніе, породившее ихъ, все болѣе и болѣе усиливалось въ Европѣ, такъ что Палестина, вѣроятно, была бы снова завоевана въ началѣ слѣдующаго столѣтія, если бы въ это самое время двѣ другія страны не открыли новаго поприща для дѣятельности искателей приключеній и набожно воинственной ревности благочестивыхъ душъ. На югѣ Франціи папской церкви грозили опасностью еретики, сдѣлавшихся извѣстными подъ именемъ альбигойцевъ, а въ византійской имперіи, греческаго императора замѣнилъ государь, принадлежавшій къ западной церкви; слѣдовательно, въ обѣихъ странахъ не было недостатка въ поводахъ къ борьбѣ за вѣру, содѣйствовать же истребленію альбигойцевъ или поддерживать оружіемъ въ греческой имперіи латинскую церковь считалось столь же славнымъ подвигомъ, какъ участвовать въ крестовомъ походѣ. Поэтому воспламененная церковью религіозная ревность европейскихъ рыцарей обратилась на обѣ эти страны. Такимъ образомъ ходъ событій заставляетъ насъ бросить взглядъ на исторію главныхъ западныхъ государствъ и греческой имперіи.

4. Германія и Италія отъ смерти Фридриха Барбароссы до убіенія Филиппа Швабскаго.

Царствованіе сына Фридриха Барбароссы, Генриха VI, началось войною съ Генрихомъ Львомъ, стариннымъ врагомъ гогенштауфен-

ской династіи. Вслѣдъ за выступленіемъ Фридриха въ крестовый походъ, Генрихъ Левъ нарушилъ данное слово и осенью 1189 г. возвратился въ Германію, надѣясь, въ отсутствіе стараго императора и большинства имперскихъ князей, возстановить свое прежнее могущество. Первыя дѣйствія его были удачны и славны. Съ нимъ соединились архіепископъ бременскій Гартвигъ, одинъ изъ знатнѣйшихъ владѣтелей сѣверной Германіи, и многіе князья Гольштейна, Мекленбурга и Саксоніи, такъ что прежде чѣмъ императоръ успѣлъ собрать войска, онъ уже покорилъ Любекъ, Лауэнбургъ и нѣсколько другихъ городовъ, вновь укрѣпилъ свою резиденцію Брауншвейгъ и разрушилъ до основанія Бардевикъ, самый значительный торговый городъ сѣверной Германіи. Когда императоръ подступилъ съ военными силами имперіи къ Брауншвейгу, настала зима и страшные холода принудили его распустить войско. Казалось, что императору долго придется усмирять смѣлаго и хитраго герцога, а на эту борьбу ему не хватало времени, потому что недавняя смерть Вильгельма II, короля неаполитанскаго и сицилійскаго, требовала его присутствія въ Италіи. Поэтому, ему хотѣлось уладить, какъ можно скорѣе, германскія дѣла мирнымъ путемъ; Генрихъ Левъ, неожиданно покинутый частью союзниковъ, былъ согласенъ на это. Архіепископы Филиппъ Кёльнскій, незадолго до того помирившійся съ императоромъ, и Конрадъ Майнцскій взялись быть посредниками, и такимъ образомъ состоялся мирный договоръ, по которому Генрихъ получалъ прощеніе и пріобрѣталъ половину Любека, а взамѣнъ того обязывался разрушить въ четырехъ мѣстахъ стѣны Брауншвейга, срыть Лауэнбургъ и отдать въ заложники двухъ старшихъ сыновей. Вѣроятно, императоръ добился этихъ уступокъ, которыхъ, повидимому, требовала его честь, какими нибудь тайными обѣщаніями; однако онъ не думалъ держать слова, Генрихъ также не считалъ себя связаннымъ этимъ договоромъ, и потому враждебныя дѣйствія вскорѣ возобновились.

Послѣ заключенія мира, императоръ, не теряя времени, поспѣшилъ въ Италію, чтобъ воспользоваться затрудненіями, причиненны-

ми неаполитанскому королю Танкреду прибытіемъ въ Сицилію французскихъ и англійскихъ крестоносцевъ (въ концѣ 1190). Но его задержали дѣла въ Ломбардіи и папа Целестинъ III, а тѣмъ временемъ другъ его, Филиппъ Августъ, уѣхалъ изъ Мессины. Целестинъ никакъ не хотѣлъ допустить, чтобы германскіе императоры, усилясь пріобрѣтеніемъ Неаполя, получили еще большее вліяніе и значеніе въ Сициліи; поэтому онъ отсрочивалъ свое собственное посвященіе, чтобъ Генрихъ не могъ требовать отъ него коронованія. Императоръ рѣшился принудить его къ этому помощью римскаго народа, и чтобъ склонить римлянъ на свою сторону, пожертвовалъ имъ вѣрнѣйшими союзниками отца, жителями Тускулума. Со времени блистательной побѣды Христіана Майнцскаго, жители Рима и Тускулума были въ постоянной враждѣ, но Тускулумъ, занятый императорскимъ гарнизономъ, былъ внѣ опасности. Теперь римляне, имѣя въ своей власти папу, обѣщали Генриху заставить Целестина короновать его, если онъ выведетъ войска изъ Тускулума. Генрихъ согласился и отдалъ городъ на жертву мстительнымъ врагамъ. Римляне яростно напали на беззащитный Тускулумъ, истребили жителей и сожгли городъ. Немногіе изъ оставшихся въ живыхъ тускуланцевъ построили себѣ хижины, и на этомъ мѣстѣ возникъ потомъ новый городъ, названный Фраскати по матеріаламъ, послужившимъ для постройки первыхъ жилищъ (frasche — вѣтвь). Римляне заставили папу совершить обрядъ посвященія, и тогда онъ короновалъ императора (апрѣль 1191 г.). Генрихъ отправился изъ Рима въ южную Италію, покоряя одинъ городъ за другимъ, и уже приступилъ къ осадѣ Неаполя, но здѣсь войска его, подобно многимъ прежнимъ нѣмецкимъ войскамъ, сдѣлались жертвою климата. Воины умирали тысячами отъ заразительныхъ болѣзней, а къ этому присоединилась еще измѣна молодаго Генриха Брауншвейгскаго, взятаго въ Италіи. Императоръ принужденъ былъ снять осаду и спѣшить въ Германію (сентябрь 1191 г.), куда привелъ только весьма немногихъ изъ своихъ спутниковъ. Жена его, Констанція, отправившаяся въ Салерно, чтобъ от-

туда предъявить права свои на Неаполь, попалась въ руки враговъ. Жители Салерно, старые республиканцы, не сочувствовали притязаніямъ Генриха и потому, или сами предали Констанцію, или устроили такъ, что адмиралъ Танкреда захватилъ ее въ городѣ. Танкредъ обошелся съ нею очень хорошо и даже, вслѣдствіе увѣщаній папы, отправилъ ее на слѣдующій годъ къ мужу.

Въ Германіи императоръ нашелъ своего стараго врага Генриха Льва, сынъ котораго спасся бѣгствомъ отъ наказанія за измѣну, воюющимъ съ сосѣдями. Онъ не только помогъ имъ, но старался повредить вельфской партіи союзомъ съ французскимъ королемъ. Съ этой цѣлью онъ уговорилъ пфальцграфа рейнскаго Конрада, брата Фридриха Барбароссы, выдать за Филиппа Августа свою единственную дочь, которая, какъ вѣроятная наслѣдница пфальцграфства и будущая владѣлица обширныхъ имѣній отца, была самою богатою невѣстою въ Европѣ. Но сама она не хотѣла и слышать объ этомъ бракѣ, желая выйти за сына Генриха Льва, Генриха, съ которымъ еще прежде была помолвлена, и, при содѣйствіи матери, тайно обвѣнчалась съ своимъ женихомъ. Планъ императора былъ разстроенъ, но женитьба эта принесла ему существенныя выгоды. Онъ видѣлъ въ ней средство избавиться отъ врага, который могъ сильно вредить его предпріятіямъ противъ Танкреда; фамилія же Вельфовъ, желавшая тогда пріобрѣсти пфальцграфство, была побуждаема къ примиренію, какъ собственнымъ интересомъ, такъ и новымъ родствомъ. Весною 1194 г. заключенъ былъ договоръ, по которому обѣ партіи примирились, а молодой Генрихъ Брауншвейгскій, въ благодарность за обѣщанное ему пфальцграфство, согласился принять участіе въ итальянскомъ походѣ императора. Ближайшимъ слѣдствіемъ союза между Вельфами и Гогенштауфенами было то, что первые были связаны во время самоуправства императора съ Ричардомъ Львиное Сердце; по крайней мѣрѣ только такимъ образомъ можно объяснить себѣ, что они не дѣйствовали при этомъ случаѣ такъ, какъ предписывалъ имъ долгъ родства и благодарности.

На возвратномъ пути изъ Палестины Ричардъ, въ октябрѣ 1192 года, присталъ къ Далмаціи, потому что, не довѣряя Филиппу Августу, не хотѣлъ ѣхать черезъ Францію. Онъ хотѣлъ отправиться тою же дорогою, которою незадолго передъ тѣмъ спасся изъ Неаполя его племянникъ, сынъ Генриха Льва, т. е. пробраться черезъ Далмацію, Иллирію, Венгрію и Богемію въ Брауншвейгъ, а оттуда проѣхать черезъ сѣверную Германію въ Англію. Но и на этомъ пути, не смотря на принятую имъ одежду пилигрима, ему слѣдовало быть крайне осторожнымъ; во первыхъ, онъ оскорбилъ въ Палестинѣ всю нѣмецкую націю, а во вторыхъ, въ то время каждый путешественникъ долженъ былъ имѣть пропускъ или паспортъ, если не хотѣлъ быть принятымъ за бродягу, такъ что даже такое лицо, какъ архіепископъ Филиппъ Кёльнскій, должно было запасаться имъ для проѣзда изъ Рима въ Германію. У Ричарда не было пропуска. Его племенникъ благополучно добрался до дому только потому, что былъ строго вѣренъ принятому костюму; Ричардъ же дѣйствовалъ съ обычною неосторожностью, обращая на себя всеобщее вниманіе своимъ обхожденіемъ и многочисленною свитою и возбуждая алчность совершенно ненужною пышностью. Его путешествіе было непрерывнымъ рядомъ неосторожностей: съ нимъ было столько людей, что между Аквилеей и Фрейзингеномъ не менѣе четырнадцати рыцарей его свиты попались въ плѣнъ, и все таки ихъ оставалось столько, что ни въ то время, да и никогда, никто не рѣшился бы пропустить чрезъ свои владѣнія, безъ предварительнаго разрѣшенія, такую массу вооруженныхъ людей. Уже въ Далмаціи, Ричардъ дважды измѣнилъ себѣ, и былъ вынужденъ направиться на Аквилею, съ тѣмъ чтобъ оттуда итти чрезъ графство Гёрцъ, Каринтію и Зальцбургъ. И въ Гёрцѣ и въ Зальцбургѣ онъ съ большимъ трудомъ ушелъ отъ преслѣдованій тамошнихъ владѣтелей, а потомъ чтобъ пройти въ Богемію, выбралъ дорогу, которая привела его въ одно изъ предмѣстій Вѣны, резиденціи смертельно обиженнаго имъ герцога Леопольда Австрійскаго. Здѣсь онъ былъ узнанъ по драгоцѣнному

перстню однимъ изъ людей Леопольда, бывшимъ въ походѣ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, герцогъ схватилъ Ричарда и заключилъ его въ тюрьму, въ Вѣнѣ (декабрь 1192 г.). Когда это сдѣлалось извѣстнымъ, общественное мнѣніе такъ сильно высказалось въ пользу Ричарда, что папа даже отлучилъ отъ церкви Леопольда. Въ плѣнникѣ видѣли только пилигрима и защитника вѣры и, сообразно духу времени, обращали исключительное вниманіе на религіозную и моральную сторону дѣла, оставляя въ сторонѣ политическія соображенія, играющія въ наше время главную роль. Но Генрихъ VI не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на общественное мнѣніе. Онъ вытребовалъ плѣнника къ себѣ и обошелся съ нимъ крайне жестоко, не только потому, что считалъ Ричарда врагомъ государства, и вслѣдствіе его отношеній къ Генриху Льву и Танкреду, своимъ личнымъ противникомъ, но преимущественно имѣя въ виду заставить его подданныхъ заплатить огромный выкупъ. Ричардъ былъ отправленъ въ крѣпость Трифельсъ, въ рейнской Баваріи, и тамъ заключенъ въ отвратительную тюрьму. Англичане высказали въ этомъ случаѣ замѣчательное участіе къ нему, и эта любовь подданныхъ, въ связи съ веселымъ нравомъ Ричарда и общимъ мнѣніемъ о поступкахъ Генриха, послужила тэмою для множества поэтическихъ произведеній, значительно расширившихъ кругъ средневѣковыхъ рыцарскихъ сказаній. Знаменитѣйшая изъ этихъ поэмъ воспѣваетъ вѣрность друга Ричарда, пѣвца Блонделя, отыскавшаго, послѣ долгихъ странствованій и поисковъ, темницу короля, проникшаго къ нему переодѣтымъ и содѣйствовавшаго его освобожденію. Англичане послали въ Германію депутацію, королева мать осаждала папу просьбами о заступничествѣ, вела съ нимъ дѣятельную переписку, и Целестинъ, дѣйствительно, дѣлалъ всевозможное въ пользу Ричарда. Но Генрихъ былъ непреклоненъ. Наконецъ самъ Ричардъ наскучилъ плѣномъ и, вступивъ въ переговоры, условился заплатить за свое освобожденіе громадную для того времени сумму, полтораста тысячъ марокъ, изъ которыхъ императоръ долженъ былъ удѣлить герцогу Леопольду двадцать ты-

сячъ. По постановленіямъ феодальнаго права выкупъ должны были заплатить английское рыцарство и духовенство, и они выполнили это съ готовностью, изумившею нѣмцевъ. Всѣ классы народа были обложены огромными податями, церковные сосуды были расплавлены для обращенія въ монету, и даже съ гробницъ святыхъ было взято все серебро и золото. Сторговавшись между собою, Ричардъ и Генрихъ сдѣлались друзьями, императоръ подарилъ Ричарду королевство арелатское, а Ричардъ не задумываясь призналъ Англію леномъ императора, будучи, вѣроятно, убѣжденъ, что Генрихъ такъ же мало будетъ въ состояніи пользоваться своимъ правомъ на Англію, какъ онъ самъ подареннымъ ему королевствомъ, только титулъ котораго принадлежалъ германскому императору. Впрочемъ, ни тотъ, ни другой, повидимому, не придавали этимъ пустымъ церемоніямъ больше значенія, чѣмъ онѣ заслуживали. Въ концѣ 1193 года Генрихъ получилъ часть выкупа, слѣдовавшую ему, по договору, впередъ, но тѣмъ не менѣе не выпускалъ Ричарда, такъ какъ Филиппъ Августъ и братъ Ричарда, Іоаннъ, желавшій завладѣть престоломъ, обѣщали ему еще бо́льшую сумму, если онъ задержитъ плѣнника. Но тогда подняли ропотъ приверженцы Вельфовъ, а имперскіе князья, участвовавшіе въ заключеніи договора, стали рѣзко упрекать императора въ алчности и вѣроломствѣ, и Генрихъ, волею неволею, долженъ былъ освободить Ричарда (февраль 1194 г.).

Добытыя отъ англичанъ деньги послужили императору для новаго похода въ Италію, въ которомъ нѣмцы, какъ нація, отказались принимать участіе. Обстоятельства благопріятствовали успѣху предпріятія. Генрихъ Левъ состарился и жилъ въ уединеніи, гдѣ и умеръ, годъ спустя (1195 г.), а сынъ его, Генрихъ, нуждался въ расположеніи императора; наконецъ по особенному счастью, въ февралѣ 1194 г. умеръ, единственный опасный противникъ, Танкредъ Сицилійскій, оставивъ несовершеннолѣтняго сына. Для скораго и легкаго покоренія Неаполя и Сициліи императору не доставало только флота: но онъ досталъ его такъ же просто какъ и деньги,

обманувъ генуезцевъ и пизанцевъ, бывшихъ въ то время могущественнѣе всѣхъ на морѣ. Онъ надѣлилъ ихъ столь обширными правами и привилегіями и надавалъ такихъ обѣщаній, что они уже изъ одного этого могли бы видѣть, какъ мало думалъ онъ объ исполненіи обѣщаннаго. Пизанцамъ онъ еще въ предшествовавшемъ году обѣщалъ доступъ въ среднюю Италію, безпошлинную торговлю по всему государству, третью часть сокровищъ Танкреда и многое въ томъ же родѣ. Генуэзцамъ же прямо объявилъ, что предпринимаетъ походъ противъ Сициліи, единственно ради чести, а по окончаніи его отдастъ имъ весь островъ. Ослѣпленные своею алчностью торговцы забыли, что выполнить эти обѣщанія, или нѣтъ, было въ его власти и что онъ, пользуясь вѣчною враждою между обоими городами, легко могъ лишить одного посредствомъ другаго всѣхъ дарованныхъ имъ правъ. Они помогли ему въ походѣ противъ Неаполя и Сициліи (1194 г.) всѣми своими морскими силами. Генрихъ, имѣя за себя, сверхъ того, права жены и значительное войско, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ овладѣлъ норманнскимъ королевствомъ и обезчестилъ свое счастье возмутительными произволомъ и варварствомъ. Молодому сыну Танкреда онъ выкололъ глаза и отослалъ со всѣмъ семействомъ въ Германію. Множество знатнѣйшихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, подъ предлогомъ дѣйствительнаго или вымышленнаго заговора, было схвачено и казнено со страшною жестокостью. Заслуженному адмиралу Маргаритоне, нѣкогда взявшему въ плѣнъ Констанцію, выкололи глаза; другихъ сажали на колъ, жгли, сдирали кожу и зарывали живыми въ землю. Генрихъ не оставилъ въ покоѣ даже могилъ Танкреда и его отца и велѣлъ разрыть ихъ, чтобы снять съ труповъ короны. Одинъ итальянскій историкъ того времени называетъ Генриха вторымъ Нерономъ; но за то одинъ изъ мухаммеданскихъ владѣтелей въ Африкѣ прислалъ ему дары изъ уваженія къ тому, что въ восточныхъ государствахъ называется энергіей. Огромная добыча, взятая тогда Генрихомъ и его войскомъ, свидѣтельствуетъ объ изумительной роскоши и богатствѣ сицилійцевъ того времени и процвѣтаніи

торговли и промышленности, которыми островъ былъ обязанъ своему, замѣчательно густому, населенію. Эти сокровища, наполнившія кладовыя Трифельса, составляютъ разительный контрастъ съ нѣмецкою бѣдностью. Дѣйствительно, при сынѣ Генриха, обладаніе Неаполемъ и Сициліей придало Гогенштауфенамъ болѣе могущества и блеска, чѣмъ всѣ остальныя, несравненно обширнѣйшія владѣнія. Отправляясь въ Германію, Генрихъ оставилъ въ южной Италіи Констанцію съ недавно родившимся сыномъ, будущимъ императоромъ Фридрихомъ II. Но, какъ будто желая сдѣлать нѣмецкое владычество особенно ненавистнымъ для сицилійцевъ, поручилъ управленіе королевствомъ епископу гильдесгеймскому, человѣку, непонимавшему, да и совершенно неспособному понимать характеръ смѣшаннаго и, подобно всѣмъ южнымъ европейскимъ народамъ, раздражительнаго и подвижнаго населенія. Въ сѣверной Италіи онъ назначилъ намѣстникомъ Тосканы брата своего, Филиппа, которому далъ потомъ герцогство швабское и котораго женилъ на вдовѣ старшаго сына Танкреда, дочери греческаго императора Исаака Ангела. Генуезцевъ, какъ уже выше сказано, онъ наградилъ за помощь по своему, объявивъ имъ исполненіе обѣщанія рѣшительно невозможнымъ и, во время ихъ раздоровъ съ пизанцами, отнявъ у нихъ и тѣ права, которыми они до того пользовались въ Сициліи.

Задобривъ вывезенными изъ Италіи сокровищами бѣдную деньгами нѣмецкую аристократію, Генрихъ заставилъ ее избрать своимъ преемникомъ только что родившагося и еще не крещеннаго сына (1196 г.) и вслѣдъ затѣмъ надулъ множество народа самою мастерскою штукою своей хитрой, себялюбивой политики. Въ то время, во всѣхъ частяхъ государства было возбуждено самое пламенное участіе къ судьбамъ Палестины, и граждане, рыцари и князья наперерывъ стремились къ новому крестовому походу. Генрихъ рѣшился воспользоваться этимъ энтузіазмомъ для подавленія возстанія, вспыхнувшаго въ Апуліи вскорѣ по его отъѣздѣ. Дѣлая видъ, будто самъ желаетъ принять участіе въ крестовомъ походѣ,

Генрихъ убѣдилъ крестоносцевъ отправиться въ Апулію, соединиться тамъ и оттуда ѣхать моремъ въ Палестину, на приготовленныхъ имъ корабляхъ. По прибытіи въ Апулію, онъ воспользовался крестоносцами для подавленія возстанія, и затѣмъ отправилъ ихъ на Востокъ, самъ же остался въ неаполитанскомъ королевствѣ, съ которымъ и на этотъ разъ обошелся какъ съ завоеванной страной. Съ неслыханнымъ звѣрствомъ наказывалъ онъ знать за такъ называемыя политическія преступленія; въ Капуѣ, онъ велѣлъ привязать къ лошадиному хвосту и гонять въ такомъ положеніи по улицамъ города зятя Танкреда, графа Ричарда Ачерру, и послѣ того повѣсить его за ноги, чтобъ продлить мученія. Эти варварскіе поступки не только сдѣлали его ненавистнымъ для подданныхъ, но и разсорили его съ женою; отношенія къ ней, если вѣрить нѣкоторымъ писателямъ, перешли даже въ явную вражду. Утвердиться въ Неаполѣ и править имъ среди такихъ обстоятельствъ было тѣмъ затруднительнѣе, что королевство давно уже находилось въ положеніи, при которомъ самому лучшему правителю едва ли было возможно сохранить тишину и порядокъ. При обоихъ предшественникахъ Танкреда, придворныя смуты почти не прерывались, а продолжительное царствованіе Вильгельма II уничтожило всякій порядокъ. Танкредъ имѣлъ всѣ качества хорошаго государя, но управлялъ слишкомъ мало времени, чтобъ исправить все зло, сдѣланное его предшественниками. Въ Сициліи, гдѣ населеніе состояло изъ смѣси самыхъ безпокойныхъ націй, господствовали сильнѣйшія распри, а апулійцы, по выраженію одного изъ лучшихъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ, были самымъ ненадежнымъ народомъ, неимѣвшимъ ни мужества, ни силы на войнѣ и не могшимъ оставаться спокойнымъ среди мира, а между тѣмъ стремившимся къ необузданной свободѣ. Въ такомъ положеніи, нѣмцы, облеченныя полною властью въ чужой землѣ, не могли, да и не хотѣли управлять иначе, какъ мечомъ и кнутомъ. Звѣрство и жестокость съ одной стороны, ненависть и ожесточеніе съ другой, росли со дня на день. Они уже достигли высшей степени, какъ вдругъ Генрихъ, напившись чего-то холод-

наго, заболѣлъ въ Мессинѣ и умеръ 32 лѣтъ отъ роду (сентябрь 1197 г.). Сыну его еще не было трехъ лѣтъ, и потому Констанція осталась, по закону, правительницею своего родоваго королевства. Желая успокоить скорѣе волненіе и полагаясь больше на своихъ соотечественниковъ, чѣмъ на нѣмцевъ, она прежде всего велѣла толпамъ нѣмецкихъ чиновниковъ и солдатъ удалиться изъ Неаполя и Сициліи. Они вернулись въ Германію нагруженные добычею и зараженные пороками, и, благодаря имъ, цѣлыя страны и цѣлыя сословія были зачумлены нравами, усвоенными въ богатой и цвѣтущей землѣ. Они же распространили, безъ сомнѣнія не имѣвшій никакого основанія, слухъ, будто Генрихъ отравленъ Констанціей. Эти люди имѣли такое же воинственное настроеніе, какъ войска Филиппа II Македонскаго и его сына Александра Великаго, легіоны Цезаря, преторіанцы императоровъ, солдаты Валленштейна и бонапартисты нашего времени, и подобно послѣднимъ сообщили свой образъ мыслей цѣлой націи. Поэтому мы не должны удивляться, встрѣчая между нѣмецкими писателями того времени тѣ же явленія, какія теперь видимъ между французскими. Оттонъ фонъ Санктъ-Блазіенъ, человѣкъ, которому надо вѣрить больше, чѣмъ кому либо изъ писателей той эпохи, судитъ о Генрихѣ не съ нравственной, а съ политической точки зрѣнія и видитъ въ немъ только нѣмца, отстаивавшаго и поднявшаго національную честь. „Во вѣки, говоритъ онъ между прочимъ, будутъ сожалѣть всѣ народы Германіи о ранней кончинѣ императора; потому что Генрихъ не только обогатилъ свое отечество сокровищами другихъ странъ и своимъ военнымъ могуществомъ сдѣлалъ его страшнымъ для всѣхъ сосѣднихъ народовъ, но на вѣчныя времена сдѣлалъ бы свой народъ первымъ въ мірѣ и возстановилъ древній блескъ государства, еслибъ не помѣшала ему слишкомъ ранняя кончина.“

Смерть Генриха VI произвела большія перемѣны въ Германіи и Италіи. Спустя три мѣсяца, умеръ папа Целестинъ III, и папскій престолъ занялъ одинъ изъ величайшихъ людей, правившихъ церковью, Иннокентій III, еще бывшій тогда въ цвѣтѣ лѣтъ.

Онъ тотчасъ уничтожилъ нерховное господство императоровъ надъ Римомъ (о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже), составилъ сильный союзъ тосканскихъ городовъ и принудилъ Констанцію не только отказаться отъ правъ, данныхъ папами прежнимъ сицилійскимъ королямъ, но и предоставить папскому престолу нерхониое господстно надъ королевствомъ и опеку надъ сыномъ. Итальянцы также воспользонались тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ, чтобъ сбросить нѣмецкое иго. Братъ Генриха, Филиппъ Швабскій, отправившійся за молодымъ Фридрихомъ, чтобъ принезти его въ Германію для корононанія, и уже доѣханшій до Тосканы, не смѣлъ ѣхать далѣе. Такимъ образомъ, молодой принцъ остался у матери въ Сициліи и потерялъ права, признанныя за нимъ германскимъ народомъ. Протинъ него поднялись заклятые враги гогенштауфенскаго дома, архіепископы трирскій и кёльнскій, а дядя его, Филиппъ, не смотря на сною добросонѣстность, не имѣлъ донольно значенія, чтобъ отстоять права племянника. Прежде чѣмъ Филиппъ воротился нъ Германію и былъ признанъ приверженцами сноего дома правителемъ государства, его протинники приступили къ избранію новаго императора. Выборъ ихъ палъ сначала на Бертольда V, герцога церингенскаго; но императорское достоинство показалось ему слишкомъ дорогимъ, и онъ охотно уступилъ его Филиппу за одиннадцать тысячъ марокъ изъ трифельскихъ сокронищъ. Тогда Вельфы избрали императоромъ нтораго сына Генриха Льва, Оттона IV, братъ котораго, пфальцграфъ Генрихъ, участвоналъ нъ то время нъ крестовомъ походѣ. Оттонъ еще прежде получилъ отъ дяди своего Ричарда Львиное Сердце, графство іоркское, а когда англичане не захотѣли, чтобъ онъ имъ владѣлъ, графство Пуату; тогда же Ричардъ послалъ нъ Германію денегъ, чтобъ поддержать его избраніе. Этотъ выборъ принудилъ Филиппа измѣнить систему дѣйствій, и онъ рѣшился уже не остаивать пранъ племянника, а, согласио требованію друзей, взять корону для себя. Было очевидно, что споръ о престолѣ долженъ рѣшиться войною, а въ этомъ случаѣ во гланѣ гогенштауфенскаго войска непремѣнно долженъ былъ

стоять государь. По этимъ соображеніямъ Филиппъ принялъ предложенное своей партіей императорское достоинство и былъ коронованъ однимъ итальянскимъ архіепископомъ въ Майнцѣ, архіепископъ котораго находился тогда въ крестовомъ походѣ; при этомъ случаѣ папскій легатъ снялъ съ него отлученіе отъ церкви, которому онъ былъ подвергнутъ за какой-то насильственный поступокъ въ Италіи. Оттонъ же былъ коронованъ въ Ахенѣ архіепископомъ кёльнскимъ, то есть тамъ, гдѣ слѣдовало, и тѣмъ, кому слѣдовало. Сверхъ того онъ имѣлъ за себя согласіе папы, неодобрявшаго распоряженія легата. Оттонъ былъ признанъ Вестфаліей и нижне-рейнскими провинціями, а за Филиппа объявили себя южная и восточная Германія. На его же сторонѣ было большинство имперскихъ князей, и кромѣ того, владѣя трифельскими сокровищами, онъ имѣлъ болѣе средствъ для веденія войны чѣмъ Оттонъ.

Германія страшно пострадала во время борьбы двухъ партій. Съ самаго начала Боннъ и другіе города кёльнскаго епископства, а также вся страна по берегамъ Мозеля были опустошены; въ тоже время война свирѣпствовала въ Веттерау и Бергштрассе. Вскорѣ неурядица достигла высшей степени въ странѣ, гдѣ не было ни судей, ни права, а къ довершенію несчастья, умеръ Конрадъ Майнцскій, вернувшійся изъ Палестины и старавшійся прекратить вражду (1200 г.). Его смерть усилила раздоръ, такъ какъ каждая партія назначала своего епископа. Послѣ многолѣтней борьбы, перевѣсъ началъ рѣшительно склоняться на сторону Филиппа, и даже папа началъ съ нимъ переговоры. Иннокентію было рѣшительно все равно, къ какому дому будетъ принадлежать императоръ; онъ думалъ только о томъ, какъ бы выгнать нѣмцевъ изъ Италіи и, вопреки вормскому конкордату (т. VI. стр. 333), распространить свое вліяніе на церковныя дѣла въ Германіи. Филиппъ согласился отстранить майнцскаго архіепископа, выбраннаго его партіей, обѣщалъ выдать дочь за одного изъ папскихъ племянниковъ, и Иннокентій явился посредникомъ и судьей между им-

ператорами (1206 г.), къ великому изумленію Оттона, только что получившаго помощь отъ своего дяди, англійскаго короля Іоанна. Папа послалъ въ Германію двухъ кардиналовъ, чтобъ убѣдить Оттона сложить съ себя корону; но когда онъ съ неудовольствіемъ отвергъ всѣ предложенія, сдѣланныя въ этомъ духѣ, то Иннокентій, сбросивъ маску, объявилъ себя за Филиппа и торжественно снялъ съ него отлученіе. Это дало дѣлу рѣшительный оборотъ, и, безъ сомнѣнія, побѣда осталась бы за Гогенштауфенами, еслибъ въ слѣдующемъ году (1208 г.) Филиппъ не былъ убитъ въ Бамбергѣ пфальцграфомъ **Оттономъ фонъ Виттельсбахомъ**, племянникомъ Виттельсбаха, получившаго отъ Фридриха Барбароссы Баварію. Такимъ образомъ императоръ Оттонъ остался безспорнымъ обладателемъ государства. Филиппъ палъ жертвою частной мести. Онъ обѣщалъ отдать дочь свою за пфальцграфа Оттона фонъ Виттельсбаха и не сдержалъ слова. Что потомъ произошло между ними и что побудило Оттона къ убійству, неизвѣстно. Разсказываютъ, хотя, повидимому, безъ малѣйшаго основанія, что когда Оттонъ посватался за другую принцессу, Филиппъ далъ ему письмо къ отцу дѣвицы, въ которомъ описывалъ пфальцграфа человѣкомъ буйнаго нрава; Оттонъ, по подозрѣнію, вскрылъ письмо и, узнавъ его содержаніе, рѣшился убить Филиппа. По древнему обычаю, для произнесенія приговора надъ нимъ составленъ былъ особый судъ, опредѣлившій изгнать его изъ предѣловъ государства, конфисковать его имѣнія и срыть его родовой замокъ. Преслѣдуемый совѣстью и приговоромъ, онъ долго бродилъ безъ крова и пристанища, пока, наконецъ, не былъ пойманъ имперскимъ маршаломъ и казненъ. Однако черезъ десять лѣтъ его родные добились того, что трупъ его былъ погребенъ съ почестью. Кромѣ Оттона фонъ Виттельсбаха, родъ котораго былъ однимъ изъ знатнѣйшихъ въ Германіи, въ убійствѣ Филиппа участвовали и другіе князья, хотя, для чести націи, это старались скрыть. Намъ извѣстны только двое изъ участниковъ: епископъ Экбертъ Бамбергскій, съ братомъ,

и маркграфъ Генрихъ Андехскій; первый изъ нихъ былъ смѣщенъ, а второй изгнанъ.

Тотчасъ по убіеніи Филиппа, Оттонъ былъ признанъ императоромъ противною партіею и папою, и чтобъ упрочить свою власть, женился на дочери Филиппа, Беатрикѣ. До чего было необходимо покончить распрю и неурядицу, можно видѣть изъ отзыва современника Оттона фонъ Санктъ-Блазіенъ о войскахъ Филиппа. По смерти императора, они разошлись по домамъ, неся съ собой пожары и опустошенія; они дѣйствовали на родинѣ, какъ дикіе разбойники, грабили и жгли города, обкрадывали деревни и монастыри и сдѣлали дороги до того опасными, что не было возможности путешествовать безъ оружія и сильнаго конвоя.

5. Англія и Франція въ концѣ двѣнадцатаго и началѣ тринадцатаго столѣтій.

Ричардъ Львиное Сердце, отправляясь въ Палестину, предоставилъ вліяніе на управленіе, изъ всѣхъ родныхъ, только старой своей матери, Элеонорѣ, но не сдѣлалъ и ее правительницей государства. Ближайшими родственниками его были: братъ Іоаннъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Безземельнаго (Lackland), вѣроятно, потому, что при смерти отца не имѣлъ лена, а быть можетъ и вслѣдствіе отрѣшенія его отъ престола папою; малолѣтній сынъ его брата Готтфрида, Артуръ Бретанскій, и два побочныхъ брата, изъ которыхъ одинъ, Вильгельмъ Длинный Мечъ, владѣлъ графствомъ Салисбёри, а другой, Готтфридъ, былъ духовнымъ. Брата своего, Іоанна, Ричардъ тотчасъ по смерти отца щедро надѣлилъ графствомъ и помѣстьями, но не счелъ благоразумнымъ позволить ему въ свое отсутствіе управлять государствомъ, а напротивъ, взялъ съ него обѣщаніе удалиться на три года изъ Англіи во французскія провинціи. Управленіе государствомъ онъ поручилъ двумъ епископамъ: своему любимцу, епископу

элійскому Вильгельму Лоншану и епископу Гуго Дергэмскому. Первый, человѣкъ властолюбивый и склонный къ насилію, скоро оттѣснилъ своего сотоварища и сталъ управлять государствомъ до того произвольно, что возбудилъ всеобщее неудовольствіе. Это дало поводъ Іоанну, которому Ричардъ позволилъ остаться въ Англіи, вмѣшаться въ государственныя дѣла, тѣмъ болѣе, что въ это время въ Англіи не было матери, предпринявшей, не смотря на свои годы, дальнее путешествіе въ Новару за невѣстою Ричарда, Беренгаріею, чтобъ отвезти ее въ Сицилію. Лоншанъ не хотѣлъ дозволить вернуться въ Англію родному брату Ричарда, Готтфриду, удаленному изъ отечества за безпокойный характеръ и избранному тогда въ архіепископы іоркскіе; онъ не обращалъ вниманія на требованія папы и духовенства и, когда Готтфридъ пріѣхалъ въ Англію, велѣлъ схватить его. Тогда общее негодованіе разразилось: дворянство и духовенство поднялись, а Іоаннъ сталъ во главѣ ихъ и, изгнавъ ненавистнаго правителя, занялъ его мѣсто.

Этотъ переворотъ совершился, повидимому, не безъ согласія короля; по крайней мѣрѣ, какъ только дошло въ Мессину извѣстіе о насильственныхъ дѣйствіяхъ любимца, онъ поручилъ архіепископу руанскому произвести надъ нимъ слѣдствіе. Но вскорѣ дѣйствія Іоанна показали, что онъ подкапывается подъ власть брата. Прежде всего онъ вошелъ въ сношенія съ Филиппомъ Августомъ, просилъ руки его сестры и, вѣроятно, воспользовался бы предложеніемъ Филиппа нарушить права брата и объявить своимъ леномъ англійскія провинціи во Франціи, если бы ему не помѣшала мать. Не успѣвъ въ этомъ, онъ началъ переговоры съ Лоншаномъ и, надѣясь съ его помощью достичь всего, хотѣлъ вернуть изъ изгнанія этого ненавидимаго всѣми человѣка, низложеніе котораго нѣкогда ставилось ему въ заслугу. Друзья всѣми силами старались отклонить его отъ опаснаго намѣренія, но онъ только тогда уступилъ ихъ просьбамъ, когда они подкрѣпили ихъ значительною денежною суммою. Наконецъ, во время плѣна Ричарда, онъ заключилъ формальный союзъ съ его непримиримымъ врагомъ, Филиппомъ Ав-

густомъ, принялъ отъ него въ ленъ всѣ англійскія владѣнія во Франціи и хотѣлъ силою заставить присягнуть себѣ вассаловъ, оставшихся вѣрными Ричарду. Въ тоже время, вмѣстѣ съ Филиппомъ Августомъ онъ предлагалъ германскому императору значительную сумму, съ тѣмъ чтобъ тотъ не выпускалъ изъ плѣна Ричарда. Однако Ричардъ спасся, какъ было сказано выше, отъ алчности императора и вѣроломства брата. Возвратясь въ Англію (1194 г.), онъ предалъ Іоанна суду пэровъ и объявилъ его лишеннымъ леновъ и права на наслѣдіе престола. Тогда Іоаннъ постыдно покинулъ бывшихъ своихъ союзниковъ, даже умертвилъ французовъ, присланныхъ ему на помощь Филиппомъ, и, цѣною подлой измѣны, возвратилъ себѣ всѣ имѣнія и права. Онъ былъ слишкомъ ничтоженъ, чтобъ быть опаснымъ для Ричарда и слишкомъ жалокъ, чтобъ быть имъ ненавидимымъ.

Тотчасъ по возращеніи, Ричардъ началъ съ Франціей войну, длившуюся нѣсколько лѣтъ и неимѣвшую другихъ результатовъ, кромѣ убійствъ и опустошенія. Она была тѣмъ гибельнѣе для Франціи, что въ то же время война за наслѣдство графини нарбонской, Эрменгарды, опустошала южныя провинціи. Эта замѣчательная женщина въ теченіе пятидесяти лѣтъ съ необыкновеннымъ умомъ управляла своими владѣніями, сама предсѣдательствовала въ судахъ и даже предводительствовала въ сраженіяхъ вассалами; особенно прославилась она тѣмъ, что ея блестящій дворъ былъ сборнымъ мѣстомъ трубадуровъ и что при немъ происходили поэтическіе суды любви (т. VI. стр. 340). Въ 1192 г. она удалилась въ Арагонію, гдѣ и умерла черезъ два года, подаривъ свои владѣнія Петру де Лара, у котораго ихъ началъ оспаривать графъ Фуа и каркассонскій и его сюзеренъ, графъ тулузскій. Петръ нашелъ помощь у арагонскаго короля Альфонса II и нѣсколько лѣтъ воевалъ съ противниками, причемъ владѣнія Эрменгарды были страшно разорены. Въ то время, какъ югъ терпѣлъ такія бѣдствія, на сѣверѣ шла опустошительная война между Ричардомъ и Филиппомъ Августомъ, изрѣдка, когда истощалось

терпѣніе вассаловъ, прерываемая кратковременными перемиріями. Этими промежутками оба короля пользовались для того, чтобъ, правдою и неправдою, поправлять разстроенные финансы. Ричардъ установилъ въ 1194 г. налогъ на каждый турниръ, а въ 1196 г. своими притѣсненіями произвелъ въ Лондонѣ возстаніе. Филиппъ точно также тѣснилъ подданныхъ всевозможными налогами и повинностями, позволилъ, къ отчаянію французовъ, за огромныя деньги, изгнаннымъ евреямъ вернуться во Францію, и вообще не отступалъ ни передъ чѣмъ, когда нужны были деньги. Болѣе пропродолжительное перемиріе было заключено тогда, какъ взялись за дѣло уполномоченные Иннокентіемъ III, Фулькъ де Нёльи и Петръ Капуанскій, старавшіеся организовать новый крестовый походъ. Стараніями этихъ двухъ монаховъ былъ заключенъ, въ январѣ 1199 г., за три мѣсяца до смерти Ричарда, пятилѣтній миръ. Ричардъ умеръ, какъ жилъ. Обнаруживая и въ послѣднее время, какъ и во всю жизнь, такую же смѣсь великодушія, дикаго одушевленія, высокомѣрія, грубости и варварства, онъ погибъ въ то время, когда изъ алчности воевалъ противъ одного вассала, отъ руки человѣка, отца и братьевъ котораго онъ умертвилъ. Этотъ человѣкъ смертельно ранилъ его во время штурма одного изъ городовъ этого вассала. Умирая, Ричардъ велѣлъ перерѣзать весь гарнизонъ, а убійцѣ, въ припадкѣ великодушія, даровалъ жизнь и свободу. О Ричардѣ жалѣли его храбрые, но дикіе и жестокіе воины, потерявшіе въ немъ заботливаго отца и славнаго предводителя; но еще болѣе сожалѣло о немъ братство рыцарей-пѣвцовъ, къ которому онъ принадлежалъ; пѣсни, въ которыхъ они оплакиваютъ его смерть, принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ провансальской поэзіи.

Смерть Ричарда дала хитрому Филиппу значительный перевѣсъ надъ Англіей. Ричардъ не оставилъ дѣтей, и ему наслѣдовалъ Іоаннъ Безземельный, не имѣвшій ни ума, ни храбрости, ни правилъ, ни добродѣтели. Къ тому же англичане еще прежде ненавидѣли его, а его первыя правительственныя дѣй-

ствія были далеко не таковы, чтобъ изгладить это чувство. Противъ него возсталъ его племянникъ, графъ Артуръ Бретанскій, вмѣстѣ съ вассалами Анжу, Мэна и Турени, такъ какъ, по обычаю этихъ странъ, сынъ старшаго брата считался болѣе близкимъ наслѣдникомъ, чѣмъ младшій братъ. Филиппъ Августъ призналъ Артура законнымъ наслѣдникомъ англійскихъ владѣній во Франціи и по этому поводу между Англіей и Франціей началась война. Но Филиппъ, между тѣмъ, разсорился съ папой, а Іоанну хотѣлось покончить счеты по наслѣдству съ сыномъ своей сестры, германскимъ императоромъ Оттономъ IV. Такимъ образомъ обоимъ было выгодно прекратить войну, и, дѣйствительно, черезъ годъ (1200 г.) они заключили миръ, по которому Іоаннъ былъ признанъ владѣтелемъ всѣхъ англійскихъ леновъ во Франціи, а взамѣнъ того обязался не помогать императору Оттону противъ союзника и друга Филиппа Августа, Гогенштауфена Филиппа. Такимъ образомъ Артуръ остался, по этому договору, при одной Бретани и становился вассаломъ дяди, но по особенной статьѣ договора французскій король оградилъ его отъ произвола Іоанна и взялъ подъ свою защиту. Заключивъ миръ, Іоаннъ хотѣлъ отмстить отпавшимъ отъ него во время войны вассаламъ Пуату и для того прибѣгнулъ къ судебному процессу, обнаружившему его коварство и безсиліе, такъ какъ подъ личиною и формою законности онъ скрывалъ величайшую несправедливость. Вмѣнивъ вассаламъ въ измѣну помощь, которую нѣкогда они оказали ему противъ отца, онъ потребовалъ ихъ къ суду; а какъ однимъ изъ судебныхъ доказательствъ былъ поединокъ, то онъ подобралъ значительное число бойцевъ, противъ которыхъ обвиненные, по всей вѣроятности, не устояли бы. Но вассалы отказались явиться на судъ, утверждая, что подобному обвиненію могъ подвергнуть ихъ отецъ Іоанна, а никакъ не онъ: они дѣйствовали дружно и настойчиво, и потому Іоаннъ долженъ былъ отказаться отъ процесса. Вслѣдъ за тѣмъ, побуждаемый страстью, онъ совершилъ почти неслыханное дѣло, похитивъ невѣсту одного изъ самыхъ знатныхъ своихъ васса-

ловъ во Франціи, и обвѣнчался съ нею. Чтобъ понять неприличіе подобнаго поступка, нужно вспомнить, что отношенія сюзерена къ вассалу были почти такія же, какъ отца къ сыну. Какъ бы по данному знаку поднялось тогда большинство французскихъ вассаловъ; Филиппъ Августъ, какъ верховный сюзеренъ, взялъ ихъ сторону; Альбертъ Бретанскій присоединился къ возставшимъ. Іоаннъ выступилъ противъ союзниковъ и въ этой войнѣ, въ первый и единственный разъ въ жизни, былъ необыкновенно счастливъ. Но и самое счастье было для него пагубно, потому что онъ осквернилъ его отвратительнымъ поступкомъ. У замка Мирабеля онъ разбилъ на голову противниковъ и взялъ въ плѣнъ знатнѣйшихъ изъ нихъ, въ томъ числѣ Артура, и умертвилъ его (1202 г.). Какимъ именно образомъ былъ убитъ Артуръ, оскорбившій, впрочемъ, дядю, неизвѣстно. По однимъ, самымъ враждебнымъ историкамъ, Іоаннъ убилъ его собственноручно, а по другимъ, приказалъ убить его своему оруженосцу, котораго за эту услугу наградилъ рукою наслѣдницы бароніи Мульгревъ. Этотъ позорный поступокъ доставилъ Филиппу Августу рѣшительный перевѣсъ надъ нимъ. Французскій король, какъ сюзеренъ Іоанна, потребовалъ его къ суду и при этомъ или приговорилъ его за неявку къ лишенію всѣхъ леновъ во Франціи, или же, воспользовавшись тѣмъ, что всѣ отъ него отпали и даже англійскіе вассалы отказались слѣдовать за нимъ во Францію, началъ процессъ конфискаціей имѣній. Въ теченіе двухъ лѣтъ Филиппъ занялъ всѣ владѣнія Іоанна въ южной и западной Франціи, и наконецъ отнялъ у него даже Нормандію. Іоаннъ спокойно смотрѣлъ изъ Англіи на успѣхи противника, тѣснилъ и мучилъ подданныхъ и проводилъ время въ распутствѣ. Наконецъ онъ, повидимому, рѣшился предпринять что-то, но, едва вступивъ во Францію и предавъ огню одинъ городъ, вернулся въ Англію и заключилъ миръ, по которому изъ всѣхъ своихъ владѣній во Франціи удержалъ только наслѣдственныя земли матери (1206 г.).

Утративъ всякое уваженіе подданныхъ своимъ жалкимъ образомъ дѣйствій въ войнѣ противъ Филиппа Августа, Іоаннъ почти въ

то же время началъ распрю съ папою Иннокентіемъ III. Этотъ раздоръ былъ лично для него источникомъ всевозможныхъ несчастій, но англичане обязаны ему основаніями государственнаго устройства, развившагося и выработавшагося у нихъ съ теченіемъ времени. Въ 1205 году возникъ сильный споръ по поводу избранія новаго архіепископа кентерберійскаго. Августинскіе монахи, составлявшіе кентерберійскій причтъ, приступили къ избранію, не пригласивъ на выборы викарныхъ епископовъ, но при этомъ разсорились между собой: одни изъ нихъ выбрали втораго настоятеля своего монастыря, а другіе рекомендованнаго королемъ епископа норвичскаго. Съ согласія Іоанна рѣшеніе спора предоставили папѣ и послали въ Римъ депутацію изъ четырнадцати монаховъ, съ которыхъ Іоаннъ предварительно взялъ клятвенное обѣщаніе поддерживать его кандидата. Иннокентій съумѣлъ, однако, измѣнить образъ мыслей депутатовъ, такъ что они, не обращая вниманія на избирательныя права своихъ собратій, допустили папу самовластно поставить архіепископомъ кентерберійскимъ жившаго въ Римѣ англичанина Стефана Ленгтона (1207 г.). Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ страшно разгнѣвался и, по обыкновенію деспотовъ, заставилъ вмѣстѣ съ виновными страдать и невинныхъ. Отмѣнивъ сдѣланный въ Римѣ выборъ, онъ запретилъ депутатамъ возвращаться въ Англію, выгналъ собратій ихъ изъ монастыря, завладѣлъ доходами епископства и отдалъ его имѣнія въ управленіе свѣтскимъ вассаламъ. Иннокентій долго старался склонить Іоанна къ отмѣнѣ этого рѣшенія, но, видя, что король упорствуетъ, наложилъ на Англію интердиктъ (мартъ 1208 г.). Эти мѣры, по всей вѣроятности, остались бы безъ послѣдствій, если бы тиранство Іоанна не поставило всего англійскаго духовенства въ необходимость искать у папы защиты противъ свѣтской власти. Поэтому интердиктъ соблюдался духовенствомъ со строгостью, такъ что въ теченіе двухъ лѣтъ въ Англіи не совершалось богослуженія и церковныхъ требъ. Іоаннъ жестоко преслѣдовалъ духовенство за его упорство: изгонялъ епископовъ, сажалъ ихъ въ

темницы, отнималъ церковныя имѣнія и однажды освободилъ отъ суда одного обвиненнаго въ убійствѣ священника, говоря, что всякій, убившій духовное лицо, его другъ.

Такъ какъ папа грозилъ гораздо опаснѣйшимъ отлученіемъ отъ церкви и разрѣшеніемъ подданныхъ отъ присяги, то Іоаннъ старался принять мѣры, чтобъ быть въ состояніи сопротивляться. Онъ окружилъ себя наемниками, бралъ у вассаловъ въ заложники дѣтей, налагалъ обременительныя подати и простеръ свой деспотизмъ до того, что преслѣдовалъ и наказывалъ за всякое сопротивленіе, не обращая вниманія на законъ и право. При этомъ онъ до крайности злоупотреблялъ и безъ того уже невыносимыми законами о лѣсахъ и охотѣ; приказалъ срубить загороди у королевскихъ лѣсовъ и пустить дичь по всѣмъ землямъ; не позволилъ держать гончихъ собакъ и, наконецъ, запретилъ ловлю птицъ по всей Англіи. Въ 1209 г. онъ началъ войну противъ своего вассала, шотландскаго короля, для того чтобъ взять съ него значительную сумму денегъ, которую раздѣлилъ между своими хищными героями, считавшими Англію своей добычею. Деспотъ преслѣдовалъ даже науки, процвѣтавшія въ то время въ Оксфордѣ; когда однажды онъ постановилъ приговоръ противъ нѣсколькихъ лицъ, принадлежавшихъ къ училищу, всѣ профессора и студенты, числомъ до трехъ тысячъ, ушли изъ города и разсѣялись по разнымъ мѣстамъ. Этой тиранніей Іоаннъ лучше всего помогалъ главному своему врагу, папѣ. Иннокентій не торопился и спокойно ждалъ цѣлые годы дѣйствій своего интердикта и королевскихъ преступленій. Но вскорѣ онъ увидѣлъ, что нѣкоторые люди, на которыхъ онъ надѣялся, преклоняются предъ властью, и что даже духовные и ученые — какъ и теперь — готовы были за деньги и награды проповѣдывать міру, такъ называемыя, высшія начала, оправдывающія даже самыя отвратительные поступки. По словамъ этихъ людей, жестокость короля была послѣдовательностью, а нарушеніе имъ правъ — возвышенностью духа, неостанавливающейся для достиженія великихъ цѣлей передъ мелочами, страшными только для робкихъ умовъ.

Одинъ изъ нихъ, важный духовный, выразилъ этотъ взглядъ въ слѣдующихъ словахъ: „королевская власть есть произведеніе гнѣвнаго божества; государь долженъ править подданными желѣзною розгою, смирять вассаловъ и вельможъ оковами и разбивать всѣхъ, какъ глиняные сосуды.“ Слѣдовательно, деспотизмъ англійскаго короля, надъ которымъ папа уже въ 1209 г. произнесъ отлученіе отъ церкви, не имѣлъ недостатка въ защитникахъ: ему помогали искусные и опытные люди, и если онъ впослѣдствіи упалъ такъ низко, то причиною тому было вовсе не могущество папы и господствовавшее суевѣріе, не его собственные жестокость и деспотизмъ, а совершенная ничтожность его характера. Это доказываютъ, между прочимъ, его удачные походы противъ Ирландіи и Уэльса (1210 и 1211 г.). Въ обѣихъ странахъ сопротивленіе было подавлено, и воля побѣдителя сдѣлалась закономъ. Въ Ирландіи Іоаннъ обогатился, введя въ обращеніе англійскую монету, а походъ противъ Уэльса онъ предпринялъ только для того, чтобъ наложить пеню на всѣхъ рыцарей, которые не явятся на призывъ. Преслѣдуемые Іоанномъ епископы отправились во Францію, гдѣ Филиппъ принялъ ихъ съ распростертыми объятіями.

Всѣ англійскіе вассалы, ожесточенные деспотизмомъ короля, вошли въ сношенія съ французскимъ королемъ, а папа послѣ долгихъ колебаній рѣшился на крайнюю мѣру. Въ 1212 г., повторивъ отлученіе отъ церкви, онъ объявилъ Іоанна низвергнутымъ съ престола и подарилъ Филиппу Августу королевство, котораго Іоаннъ сдѣлался недостоинъ по своимъ нехристіанскимъ поступкамъ. Разумѣется, это дареніе было только формою, такъ какъ все зависѣло отъ того, будетъ ли Филиппъ въ состояніи поддержать свои права силою оружія. Самъ папа вовсе не имѣлъ намѣренія сдѣлать Англію подвластною французскому королю: это было только средствомъ подчинить Іоанна своей волѣ. Въ предшествовавшемъ году онъ посылалъ въ Англію хитраго кардинала Пандульфа, подъ предлогомъ переговоровъ о примиреніи, а въ сущности для того, чтобы вывѣдать положеніе дѣлъ, и. на основаніи сообщенныхъ Пандульфомъ свѣдѣній, со-

ставилъ новый планъ дѣйствій. Расчетъ его основывался на тогдашнемъ положеніи Англіи и на личности Іоанна. Филиппъ Августъ двинулъ всѣ свои силы въ Нормандію, а Іоаннъ объявилъ поголовное ополченіе и велѣлъ войскамъ собраться къ берегу, запретивъ кораблямъ выходить изъ гаваней. Оба государя грозили каждому, не явившемуся на призывъ, самымъ ужаснымъ изъ средневѣковыхъ наказаній: помѣщеніемъ въ разрядъ такъ называемыхъ вильдфанговъ (т. V. стр. 358). Тогда Иннокентій вторично послалъ въ Англію Пандульфа съ двумя тампліерами, чтобы, сообразно своему хитрому плану, побѣдить Іоанна посредствомъ страха. Французскихъ сооруженій Іоанну нечего было опасаться: въ то время Англія могла выставить гораздо больше войска, чѣмъ какая нибудь другая страна такихъ же размѣровъ, а къ тому же Іоаннъ заключилъ оборонительный союзъ съ графомъ Вильгельмомъ Голландскимъ; сверхъ того, въ Англіи находились въ то время пфальцграфъ Генрихъ, братъ германскаго императора и сенешалъ Оттона IV, съ ихъ вассалами. Но Пандульфъ показалъ презрѣнному и трусливому королю письма тѣхъ изъ его вельможъ, на которыхъ онъ болѣе всего полагался, и указалъ на папу, какъ на единственнаго его защитника противъ его собственныхъ вассаловъ. Это подѣйствовало. Іоаннъ струсилъ. Ему не хотѣлось, чтобы подданные сами заставили его соблюдать законы, и онъ предпочелъ продолжать свою тиранію, сдѣлавшись вассаломъ папскаго престола. Только этимъ объясняется, почему этотъ государь, не будучи оставленъ подданными и не угрожаемый серьезно врагами, подчинился самымъ тяжелымъ условіямъ, предписаннымъ папой (1213 г.). Онъ долженъ былъ не только воротить изгнанныхъ духовныхъ и заплатить значительныя суммы въ вознагражденіе за конфискацію ихъ имѣній, но и принять, съ самыми унизительными церемоніями, свое независимое государство, какъ ленъ отъ папы, обязавшись при томъ платить ему ежегодную дань. Разумѣется, Филиппъ Августъ получилъ отъ папы приказаніе прекратить военныя дѣйствія; но онъ не хотѣлъ, чтобы его приготовленія къ войнѣ остались безплодными, и считалъ об-

стоятельства слишкомъ благопріятными (какъ увидимъ ниже), чтобъ послушаться Иннокентія. Отвѣтъ, данный имъ папскому легату, отлично обрисовываетъ господствовавшія тогда начала государственнаго права и отношенія королей того времени къ ихъ рыцарямъ. Филиппъ отвѣчалъ, что онъ не признаетъ верховной власти папы надъ Англіей, такъ какъ Іоаннъ вовсе не имѣлъ права подчинять ее ему, потому что ни одинъ король не можетъ обратить своего королевства въ ленъ безъ согласія бароновъ, обязанныхъ защищать государство; если же папа допуститъ подобную несправедливость, то подастъ этимъ весьма дурной примѣръ всѣмъ королямъ.

Совершенно другой исходъ имѣла столь же сильная распря, бывшая прежде у Филиппа Августа съ тѣмъ же самымъ папою и обусловливавшаяся почти тѣми же обстоятельствами. Сравненіе отношеній обоихъ королей къ Иннокентію тѣмъ интереснѣе и поучительнѣе, что въ исторіи мало примѣровъ, доказывающихъ такъ ясно и очевидно, до какой степени ходъ событій зависитъ отъ свойствъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, и не только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ проявляется одна внѣшняя власть, но даже тамъ, гдѣ дѣло идетъ о вопросахъ совѣсти и права. Филиппъ Августъ былъ вовлеченъ по поводу своего супружества въ такой же сильный раздоръ съ Иннокентіемъ, какъ Іоаннъ за избраніе епископа. По понятіямъ того времени, оба государя должны были уступить, или, правильнѣе, согласиться по требованію Рима возстановить попранныя ими начала естественнаго права; но каждаго изъ нихъ борьба привела къ совершенно различнымъ результатамъ. Іоаннъ, потерявъ и честь и значеніе, сдѣлался рабомъ римскаго первосвященника, а Филиппъ не только съумѣлъ сохранить достоинство короля и отстоять свои свѣтскія права отъ всякаго вмѣшательства, но даже расширилъ ихъ, искусно обращая въ свою пользу папское могущество.

По смерти первой жены, Филиппъ, руководясь денежными расчетами, рѣшился вступить во второй бракъ, и подобно тому, какъ нѣкогда его дѣдъ Генрихъ I и германскій императоръ Генрихъ IV

изъ такихъ же видовъ женились на русскихъ княжнахъ, — обратился въ Данію, такъ какъ датскій король, по своимъ отношеніямъ къ богатымъ и торговымъ остзейскимъ городамъ, имѣлъ много наличныхъ денегъ, въ которыхъ ему почти вовсе не было нужды. Филиппъ просилъ руки Ингеборги, сестры датскаго короля Канута VI, и получилъ ее. Бракосочетаніе совершилось въ августѣ 1193 г., но на слѣдующій день, когда новая королева должна была короноваться, король отвергъ ее, подъ предлогомъ неодолимаго отвращенія къ ней, удержавъ однако ея деньги. Въ это время онъ составилъ новый проектъ женитьбы на дочери нѣмецкаго пфальцграфа Конрада (т. VII. стр. 93), и легко можетъ быть, что это политическое соображеніе на столько же было причиною его страннаго поступка, какъ и непріятное чувство имѣть изъ-за денегъ женою женщину, совершенно необразованную и даже не знавшую его языка. Собравъ епископовъ королевства, онъ приказалъ имъ развести себя, и какъ ни ничтоженъ былъ предлогъ, какъ ни умоляла бѣдная Ингеборга епископовъ защитить противъ Филиппа святость только что совершеннаго таинства, пастыри церкви слишкомъ боялись короля, чтобъ противиться его требованію. Даже когда папа Целестинъ III, у котораго Канутъ просилъ защиты, отдалъ дѣло на пересмотръ собору французскаго духовенства, епископы вели себя, по выраженію одного современнаго писателя, какъ нѣмыя собаки, несмѣвшія лаять, боясь за свою шкуру. Ингеборга не согласилась вернуться въ Данію, и тогда король заключилъ ее въ монастырь, гдѣ съ нею обходились чрезвычайно дурно. Твердый и безстрашный Иннокентій III, сдѣлавшись папою, энергически вступился за несчастную королеву, но ни его представленія, ни убѣжденія возбужденнаго имъ духовенства не имѣли ни малѣйшаго вліянія на Филиппа. Между тѣмъ, дочь пфальцграфа не захотѣла сдѣлаться женой французскаго короля; тогда Филиппъ составилъ планъ новаго брака, который долженъ былъ тѣсно сблизить его съ германскимъ императоромъ, и женился на Маріи Агнесѣ (1196 г.), дочери герцога Бертольда Меранскаго, владѣв-

шаго прежними вельфскими землями и потому ревностнаго приверженца Гогенштауфеновъ. Иннокентій долго медлилъ приступать къ крайнимъ мѣрамъ, однако, побуждаемый со всѣхъ сторонъ, сдѣлалъ наконецъ рѣшительный шагъ и подвергъ Францію интердикту (1199 г.). Но онъ имѣлъ дѣло не съ Іоанномъ: Филиппъ, принявъ для борьбы съ папою почти тѣже мѣры, какъ и англійскій король, повелъ дѣло совершенно иначе. Онъ отрѣшилъ отъ мѣстъ всѣхъ духовныхъ, намѣревавшихся выполнять папскій эдиктъ, и конфисковалъ ихъ имѣнія; сверхъ того, раздоръ съ церковью послужилъ ему благовиднымъ предлогомъ къ поборамъ со свѣтскихъ подданныхъ: онъ лишилъ бароновъ, оказавшихся непослушными, части ихъ имѣній и обложилъ города огромными налогами. Наконецъ, когда папа согласился, на извѣстныхъ условіяхъ, признать разводъ и велѣлъ своему легату созвать съ этой цѣлью соборъ, Филиппъ и тогда не захотѣлъ подчиниться предписаніямъ подданныхъ (1201 г.). Внезапно выйдя изъ собранія, онъ взялъ къ себѣ на лошадь находившуюся тутъ Ингеборгу, ускакалъ съ нею въ Парижъ и оставилъ ее при себѣ, но обходился съ нею не лучше прежняго. Впрочемъ, онъ не разошелся и съ Агнесой и до самой ея смерти жилъ открыто съ двумя женами. Пока была жива Марія Агнеса, онъ оставался въ ссорѣ съ папою, но отлученіе отъ церкви не имѣло ни малѣйшаго результата. По смерти Маріи Агнесы (1201 г.) Иннокентій даже призналъ законными обоихъ ея дѣтей. Только черезъ двѣнадцать лѣтъ Филиппъ совершенно сошелся съ несчастною Ингеборгой и обходился съ нею какъ съ женою, но и тогда онъ дѣлалъ это не вслѣдствіе папскихъ увѣщаній, или побужденій долга и чувства, а какъ умный правитель, прислушивавшійся къ голосу народа.

Впослѣдствіи Филиппъ искусно воспользовался противъ Іоанна папской властью, на которую не обращалъ никакого вниманія въ собственныхъ дѣлахъ. Іоаннъ послѣ постыднаго примиренія съ папой поступилъ совершенно согласно съ видами умнаго и энергическаго французскаго короля, тѣмъ что навлекъ на себя новый по-

зоръ. За присягу Иннокентій наградилъ Іоанна обѣщаніемъ поддерживать его противъ свѣтскихъ и духовныхъ васалловъ, соединившихся для защиты своихъ правъ, и простилъ часть денегъ, назначенныхъ въ вознагражденіе духовенству. Прямымъ послѣдствіемъ этого было то, что высшее духовенство стало во главѣ недовольныхъ; душою движенія сдѣлался смертельно ненавидимый королемъ архіепископъ кентерберійскій Ленгтонъ, котораго папа хотѣлъ даже, по просьбѣ Іоанна, исключить изъ духовнаго сословія. Иннокентій положительно заявилъ свое намѣреніе отстаивать короля противъ народа и архіепископа и приказалъ духовенству, при всякомъ поводѣ къ неудовольствію на короля, не слушая ничьихъ внушеній, обращаться прямо въ Римъ. Такимъ образомъ Іоаннъ былъ на время огражденъ противъ вельможъ, а существовавшія между ними тайныя сношенія могли получить какое нибудь значеніе только при другихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Эти обстоятельства были вызваны отношеніями Іоанна къ французскому королю. Противъ Франціи заключенъ былъ союзъ между Оттономъ IV, противникомъ гогенштауфскаго императора, союзника Филиппа Августа, и англійскимъ королемъ; къ нимъ примкнули графы фландрскій и булонскій, герцогъ брабантскій и другіе нидерландскіе владѣтели. Союзники вторглись во Францію съ двухъ сторонъ. Ничтожный англійскій король, начавшій дѣло съ страшнымъ шумомъ, отправился въ Гіеннь и Пуату, единственныя оставшіяся за нимъ владѣнія во Франціи, и оттуда пошелъ далѣе, но немедленно былъ отраженъ съ позоромъ. Оттонъ же со всѣми силами сѣверной Германіи, къ которымъ присоединились англійскія вспомогательныя войска и нидерландскіе союзники, двинулся съ сѣверовостока и сошелся съ Филиппомъ Августомъ при Бувинѣ (Bouvines или Bovines) въ Генвегау. Здѣсь произошло, 27 іюля 1214 г., кровопролитное сраженіе, въ которомъ союзныя войска занимали весьма невыгодную позицію, а нѣмцы кромѣ того пропустили благопріятное время для нападенія, потому что по какому-то странному понятію о чести хотѣли опрокинуть отрядъ самого короля. Занимая

центръ и имѣя, по обычаю того времени, кароччіо съ имперскимъ орломъ (т. VII. стр. 32), они только тогда устремились на непріятелей, когда къ Филиппу подоспѣли его лучшія войска, храбрыя милиціи городовъ съ священнымъ знаменемъ Франціи. При первомъ напорѣ французы были опрокинуты, и самъ король сбитъ съ коня копьемъ, но, не смотря на то, нѣмцы должны были отступить передъ вновь сомкнувшимся непріятелемъ. Они продолжали бой подъ начальствомъ храбраго императора даже тогда, когда ихъ союзники были уже разбиты на голову на обоихъ флангахъ, и одни съ храбрыми брабантцами удержались на полѣ битвы, съ котораго наконецъ удалились, непобѣжденные. Союзное войско тотчасъ разстроилось и разошлось по домамъ; множество плѣнныхъ, богатая добыча и слава побѣды надъ значительно сильнѣйшимъ войскомъ были наградою мужества французовъ. Въ числѣ плѣнныхъ находились два знатныхъ владѣтеля: графы булонскій и фландрскій. Первый умеръ въ плѣну, а второй получилъ свободу черезъ одиннадцать лѣтъ на очень тяжелыхъ условіяхъ.

Блистательная побѣда при Бувинѣ, имѣвшая результатомъ заключеніе мира между Англіей и Франціей, при посредничествѣ папы, не только освободила Филиппа Августа отъ внѣшнихъ враговъ, но и дала ему возможность поправить финансы, такъ какъ онъ до тѣхъ поръ держалъ плѣнниками взятыхъ графовъ и рыцарей, пока они не соглашались уплатить ему возможно большой, по своему состоянію, выкупъ. Напротивъ, для Іоанна это сраженіе было гибельно не только по своимъ непосредственнымъ результатамъ, но и по своему вліянію на его тайныхъ враговъ въ Англіи. Вслѣдъ за этимъ пораженіемъ архіепископъ Ленгтонъ указалъ собравшимся баронамъ и епископамъ на прежнюю хартію, напомнилъ имъ о правахъ, данныхъ народу Эдуардомъ Исповѣдникомъ и подтвержденныхъ Генрихомъ I, и склонилъ ихъ къ клятвенному обѣщанію начать противъ Іоанна войну, если онъ по возвращеніи не возстановитъ этихъ правъ. Вскорѣ они возстали противъ короля и началась междоусобная война, прерываемая однако перемиріями,

такъ какъ Іоаннъ старался продлить время до полученія помощи отъ папы. Иннокентій поручилъ своему легату прекратить распрю полюбовною сдѣлкой, но, между тѣмъ, жители Лондона приняли сторону бароновъ, и почти всѣ бывшіе на службѣ у короля покинули его. Безсильный Іоаннъ увидѣлъ себя вынужденнымъ уступить, и въ іюнѣ 1215 г. подписалъ знаменитую грамату свободы или великую хартію (magna charta), расчитывая, что успокоитъ возставшихъ письменнымъ обѣщаніемъ, а потомъ будетъ дѣлать то, что ему вздумается.

Великая хартія не была полнымъ государственнымъ уложеніемъ, и только съ теченіемъ времени, благодаря искусному и умному примѣненію, сдѣлалась основаніемъ дѣйствительно свободной конституціи. Въ тогдашнемъ видѣ она опредѣляла отношенія къ правительству и особѣ короля только тѣхъ класовъ народа, которые въ ту эпоху уже имѣли права. Подданные частныхъ владѣльцевъ (крѣпостные), неимѣвшіе никакихъ правъ, не получили ихъ и по великой хартіи. Впрочемъ, въ Англіи число ихъ весьма уменьшилось и постоянно уменьшалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастало число горожанъ, мелкихъ вассаловъ и небогатыхъ свободныхъ земледѣльцевъ. Вольные горожане и земледѣльцы были включены, вмѣстѣ съ баронами и епископами, въ общій разрядъ вольныхъ людей королевства, для которыхъ, въ силу первой статьи хартіи, установлялись заключавшіяся въ граматѣ льготы. Для всѣхъ подтверждались прежнія права по имуществу и состоянію и возстановлялся прежній судебный порядокъ. Владѣтель Уэльса и король шотландскій, бывшіе въ союзѣ съ баронами, получили также льготы; для нихъ, какъ и для бароновъ, возстановлялись всѣ права, которыми они пользовались до Генриха II. Содержаніе великой хартіи можно въ общихъ словахъ передать такимъ образомъ: король отказывается за себя и своихъ преемниковъ отъ всѣхъ ограниченій чьихъ либо правъ, сдѣланныхъ норманскими королями до него и въ особенности имъ самимъ, и обязуется возстановить въ полной силѣ порядокъ управленія и судопроизводства, основанный

на англосакскихъ и норманнскихъ обычаяхъ. Изъ отдѣльныхъ статей великой хартіи, самыми важными были: точное опредѣленіе налоговъ, устраненіе злоупотребленій, сопровождавшихъ взиманіе ихъ, установленіе чрезвычайныхъ налоговъ не иначе какъ съ согласія парламента, т. е. собранія представителей высшаго духовенства, бароновъ, и вольныхъ собственниковъ (freeholders), предоставленіе свободы торговли и промышленности, запрещеніе произвольныхъ арестовъ и конфискаціи имущества и возстановленіе прежняго порядка судопроизводства.

Планъ короля отстранить мгновенную опасность клочкомъ пергамена, съ тѣмъ чтобъ потомъ не заботиться о немъ, англичане разстроили тремя средствами, безъ сомнѣнія, достаточно сильными для поддержанія хартіи, но изъ которыхъ третье имѣло такой характеръ, что частое пользованіе имъ могло замѣнить деспотизмъ анархіей. Это и случалось каждый разъ, какъ оно вступало въ силу. Первыми двумя средствами были удаленіе всѣхъ иностранныхъ чиновниковъ и королевскихъ служителей и распущеніе иностранныхъ наемныхъ войскъ, при помощи которыхъ тиранствовалъ Іоаннъ. Послѣднее средство заключалось въ томъ, что баронамъ было предоставлено избрать изъ своей среды комитетъ изъ двадцати пяти лицъ, обязанный наблюдать за королемъ и его чиновниками, останавливать его при каждомъ нарушеніи хартіи и призывать націю къ вооруженному возстанію, если въ теченіе сорока дней право не будетъ возстановлено. Это постановленіе, повидимому, водворяло въ Англіи олигархію и въ другое время могло бы дать страшное значеніе высшему дворянству; но при тогдашнихъ обстоятельствахъ оно послужило къ упроченію народной свободы.

Не смотря на торжественную присягу новому уложенію, Іоаннъ вовсе не думалъ держать своихъ обѣщаній. Онъ не выполнилъ пункта, самаго важнаго для его тайныхъ замысловъ и, не желая выпускать изъ рукъ оружіе и отдаться во власть баронамъ, не распустилъ наемныхъ войскъ. Такимъ образомъ, новая междоусобная война была неизбѣжна. По совѣту своихъ наемниковъ,

Іоаннъ сталъ готовить противъ подданныхъ и мірское и духовное оружіе. Онъ укрѣплялъ замки, снабжалъ ихъ провіантомъ, заготовлялъ военныя машины и оружіе, нанималъ новыя войска во Франціи и Нидерландахъ и въ тоже время осаждалъ папу просьбами о помощи. Иннокентій принялъ его сторону и, какъ верховный сюзеренъ Англіи, издалъ буллу, которою уничтожалъ великую хартію и предавалъ отлученію отъ церкви всѣхъ ея защитниковъ. Бароны, повидимому, были не такъ дѣятельны, какъ ихъ противники. Они прилежно занимались турнирами, а Іоаннъ, тѣмъ временемъ, двинулся къ южному берегу, ожидая вновь набранныхъ солдатъ. Когда они прибыли, онъ снова началъ войну противъ бароновъ, опустошая ихъ владѣнія огнемъ и мечомъ. Папа сильно помогъ ему, произнеся отлученіе отъ церкви надъ главою движенія, архіепископомъ Ленгтономъ, и баронами, хотя и не назвалъ ихъ поименно. Силы, собранныя Іоанномъ, или, по крайней мѣрѣ, которыя онъ, какъ нѣкогда Вильгельмъ Завоеватель, могъ легко собрать въ ту эпоху бродячаго рыцарства, вѣроятно были дѣйствительно громадны, потому что недовольные англичане совершенно потеряли довѣріе къ самимъ себѣ и, чтобъ избѣжать грозившаго зла, создали себѣ новую, не меньшую опасность. Отъ одного тирана они обратились къ другому, отъ своего короля, — къ королю французскому Филиппу Августу, заботившемуся о законѣ, правѣ и обычаѣ такъ же мало, какъ и самъ Іоаннъ. Они предложили корону, на которую Іоаннъ, нарушивъ присягу, не имѣлъ болѣе правъ, не самому французскому королю, а его сыну, Людовику VIII, расчитывая, что онъ прежде всего обратится на французскія провинціи Іоанна, и что тотъ, лишившись помощи рыцарей Гіенни и Пуату, будетъ совершенно въ ихъ рукахъ. Расчетъ этотъ былъ вѣренъ; онъ же помогъ ихъ потомкамъ въ борьбѣ противъ Стюартовъ. Союзъ англичанъ съ Филиппомъ Августомъ ставилъ Іоанна въ весьма затруднительное положеніе, но и тутъ Иннокентій дѣйствовалъ, какъ вѣрный союзникъ. Онъ послалъ легата къ французскому королю съ тѣмъ, чтобъ положительно запретить ему вмѣши-

ваться во внутреннія дѣла Англіи. Филиппъ въ то время нуждался въ папѣ, но вывернулся посредствомъ хитрости, заставивъ своего сына въ присутствіи легата отказать ему въ повиновеніи. Въ маѣ 1216 г. Людовикъ высадился у Сандвича, а въ іюнѣ короновался въ Лондонѣ королемъ Англіи. Обѣ стороны воевали съ большимъ упорствомъ, и эта междоусобная война, вмѣстѣ съ корыстолюбіемъ иностранцевъ, едва не довела Англіи до конечной гибели. Іоаннъ поступалъ съ королевствомъ какъ съ завоеванною землею, его наемники безчинствовали самымъ возмутительнымъ образомъ, а папскій легатъ облагалъ штрафомъ духовныхъ, принявшихъ сторону Людовика, набивая, подъ предлогомъ справедливости, и свой собственный и папскій карманы. Опустошительная война длилась уже болѣе года, а конца ей еще не было видно, какъ вдругъ, къ великой радости англичанъ, Іоаннъ умеръ (октябрь 1216 г.).

Сыну и наслѣднику его, Генриху III, было тогда всего девять лѣтъ, — и это было великимъ счастіемъ для Англіи. При умномъ руководителѣ, молодой король могъ гораздо лучше служить видамъ бароновъ, чѣмъ французскій принцъ, который, сдѣлавшись, по смерти отца, французскимъ и англійскимъ королемъ, безъ сомнѣнія, былъ бы несравненно сильнѣе ихъ. Къ тому же у бароновъ начались уже съ Людовикомъ и его войсками несогласія, а опека надъ молодымъ королемъ досталась въ руки человѣка, умѣвшаго превосходно устроить дѣла. Это былъ графъ Вильгельмъ Пемброкъ, маршалъ или главнокомандующій Іоанна. Онъ не медля короновалъ Генриха, объявилъ себя правителемъ или, какъ говорятъ англичане, протекторомъ государства, и вошелъ въ переговоры съ возставшими баронами. Большинство бароновъ отступилось отъ Людовика и онъ долженъ былъ содержать себя грабежомъ и на собственныя средства. Заключивъ короткое перемиріе, онъ отправился во Францію за подкрѣпленіями, но вслѣдъ за тѣмъ былъ разбитъ на морѣ и на сушѣ. Пемброкъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ воспользоваться отчаяннымъ положеніемъ противника иначе, какъ для его удаленія, и, не препятствуя отступленію его во Фран-

цію, заключилъ съ нимъ миръ (сентябрь 1217 г.), по которому всѣ плѣнные получили свободу. Людовикъ, за уплату военныхъ издержекъ, отказался отъ правъ на Англію, а Пемброкъ обязывался не только объявить амнистію всѣмъ его сторонникамъ, но и возстановить ихъ права и привилегіи, какъ уже условился съ ними заранѣе. Удовлетворяя требованіямъ враговъ покойнаго короля, Пемброкъ тѣмъ самымъ освобождалъ своего питомца изъ подъ зависимости папскаго престола; вассальныя отношенія къ папѣ уничтожились сами собою, какъ совершенно несовмѣстимыя съ тѣми обширными льготами, которыя получалъ народъ, тѣмъ болѣе, что англичане такъ же мало признавали обязательства, принятыя Іоанномъ относительно папы, какъ папа ихъ великую хартію. Вскорѣ послѣ того, когда спокойствіе, право и судопроизводство были совершенно возстановлены въ королевствѣ, протекторъ умеръ (1219 г.). Для молодаго короля это было несчастіемъ, имѣвшимъ вліяніе на всю его послѣдующую судьбу.—

Когда Іоаннъ своимъ постыднымъ образомъ дѣйствій губилъ самого себя, честь и значеніе королевской власти, создавая вмѣстѣ съ тѣмъ, противъ воли и безсознательно, свободу англійскаго народа, Филиппъ, проживішй семью годами долѣе его (до 1223 г.), упрочивалъ хитрою политикою могущество и силу своего престола и заслужилъ имя Августа. Имя это, данное однимъ льстецомъ, придворнымъ историкомъ, осталось за Филиппомъ, и не совсѣмъ безосновательно, если подъ этимъ именемъ разумѣть исключительно собирателя государства. Коварно удалясь изъ Палестины, онъ завладѣлъ графствомъ Артуа, и, нарушая данную клятву, постоянно вредилъ противнику. Потомъ (1223 г.), женивъ младшаго сына на наслѣдницѣ булонскаго графства, онъ пріобрѣлъ своему дому и это владѣніе, а женясь изъ-за денегъ на датской принцессѣ, отвергъ ее, но удержалъ приданое. Пользуясь ничтожествомъ англійскаго короля, Филиппъ подъ личиною справедливости захватилъ всѣ принадлежавшія Англіи провинціи, исключая Гіенни и Пуату, а впослѣдствіи простеръ руку на самую Англію, и наконецъ, умѣлъ

извлечь всевозможныя выгоды изъ побѣды при Бувинѣ. Послѣдніе годы его жизни отличались заботливостью о лучшей части народа. Онъ понялъ, что преобладаніе феодаловъ и независимость множества наслѣдственныхъ владѣтелей, большею частью тиранновъ, могли быть подавлены только усиленіемъ средняго сословія, и сдѣлался благодѣтелемъ и защитникомъ этого класса. Онъ укрѣплялъ города стѣнами и рвами, чтобъ обезопасить ихъ отъ нападеній рыцарей, проводилъ дороги для удобства торговли и промышленности и притомъ употребляя на это не выжатыя изъ народа деньги, но собственныя сбереженія. Заботясь вообще о правѣ и обычаѣ только тогда, когда это было выгодно, онъ дѣйствовалъ справедливо и безкорыстно въ отнятыхъ у Англіи провинціяхъ, а въ Нормандіи явился даже горячимъ защитникомъ привилегій, которымъ угрожалъ Іоаннъ. Онъ зналъ, что этимъ привяжетъ къ себѣ жителей страны, которую не легко было покорить оружіемъ. Наконецъ онъ уничтожилъ должность великаго сенешала (т. VII. стр. 11), сдѣлавшуюся наслѣдственною и весьма опасною; но образцомъ его умной, основанной на тонкомъ эгоизмѣ, политики служитъ сдѣланное имъ для парижскаго университета. Въ наукѣ онъ держался политики пріобрѣтенія, которая теперь въ такомъ ходу и губитъ все дѣйствительно возвышающее человѣка, но за то чрезвычайно выгодна для внѣшнихъ интересовъ государства. Филиппъ, употребляя всевозможныя старанія, чтобъ сдѣлать этотъ университетъ наиболѣе посѣщаемымъ въ Европѣ, не только возбуждалъ наградами профессоровъ, неимѣвшихъ внутренняго призванія къ наукѣ, но даже покровительствовалъ безчинству иностранныхъ студентовъ. Когда однажды пьяные нѣмецкіе студенты затѣяли ссору съ народомъ и прево (городской голова) арестовалъ ихъ, Филиппъ строго наказалъ его и всѣхъ участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ гражданъ, изъявъ при этомъ изъ вѣдомства городскаго суда всѣхъ, принадлежащихъ къ университету. Разумѣется, все это онъ дѣлалъ для того, чтобы иностранные студенты не ушли изъ города и, давая привилегіи университету, вовсе не думалъ о наукахъ, а же-

лалъ только, чтобы университетъ имѣлъ многочисленныхъ посѣтителей. Вслѣдствіе его стараній, парижскій университетъ получилъ огромное значеніе. Туда стремились ученые всѣхъ націй, такъ что Парижъ сдѣлался средоточіемъ теологіи и философіи, подобно тому какъ Болонья была центромъ правовѣдѣнія, а впослѣдствіи и филологіи. Вліяніе парижскаго университета на средневѣковую образованность особенно замѣчательно потому, что тамъ, впервые, оставили аравитянъ, бывшихъ до того всемірными учителями, и обратились къ греческой и римской древности, какъ къ истинному источнику всякаго знанія.

V. ПОСЛѢДНІЕ КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

И СОВРЕМЕННЫЯ ИМЪ СОБЫТІЯ.

---

1. Папа Иннокентій III.

Въ концѣ двѣнадцатаго столѣтія императоръ Генрихъ VI, говорятъ, и кажется не безъ основанія, хотѣлъ возстановить всемірную монархію Карла Великаго или Оттоновъ, а въ началѣ тринадцатаго, папа Иннокентій III старался возобновить и, по возможности, распространить іерархическую систему Григорія VII или, говоря словами Данте, строгую теократію тѣхъ, которые желали обратить въ терновникъ виноградную лозу Петра. Обстоятельства благопріятствовали папѣ болѣе чѣмъ императору, да и самъ онъ имѣлъ болѣе средствъ для достиженія цѣли. Еслибъ мы захотѣли представить обширную дѣятельность Иннокентія во всемъ ея объемѣ, намъ пришлось бы углубиться не только въ исторію философіи того времени. но и въ исторію самаго догмата католической церкви, въ исторію каноническаго права и церковнаго управленія. Это вывело бы насъ на почву, лежащую внѣ предѣловъ всемірной исторіи. Напротивъ, вліяніе Иннокентія на перемѣны, происшедшія тогда въ Италіи, его участіе въ борьбѣ за германскій престолъ, по смерти Генриха VI, и отношенія къ четвертому крестовому по-

ходу не только входятъ въ политическую исторію, но, по своему значенію, принадлежатъ къ ея важнѣйшимъ эпизодамъ.

Отношенія Иннокентія къ германскимъ императорамъ Филиппу, Оттону IV и Фридриху II, мы отчасти уже видѣли, а отчасти увидимъ въ исторіи Фридриха, поэтому здѣсь мы разсмотримъ двѣ другія стороны политической дѣятельности папы. Италія не только опять стала въ послѣднее время главною страною цивилизованнаго міра, но должна была сдѣлаться и остаться центромъ всемірнаго владычества, въ силу каждой изъ двухъ средневѣковыхъ системъ свѣтскаго и духовнаго господства (т. VI. стр. 456). Одна изъ этихъ системъ, система гибеллиновъ, возникла при Карлѣ Великомъ, была проводима Оттонами и силою водворена Гогенштауфенами; Данте защищалъ ее, какъ философъ, въ книгѣ о монархіи и, какъ поэтъ, въ своемъ безсмертномъ твореніи; другая, или гвельфская система, была создана Григоріемъ VII и продолжаема всѣми его преемниками. Въ силу послѣдней, Римъ долженъ былъ быть столицей теократіи, папа іерархомъ, итальянцы оружіемъ іерархіи, свѣтскіе элементы служить, а духовные повелѣвать. Первая система, напротивъ, хотѣла оставить государство и мечъ свѣтскому элементу, сдѣлать Римъ столицею обѣихъ властей, соединить Германію и Италію въ одно, укрощать трезвой воздержностью сѣвера похоти и страсти юга, противопоставить мечъ свѣтскимъ злоупотребленіямъ посоха, а посохомъ удерживать мечъ въ ножнахъ. Непреложными божественными предопредѣленіями, говорили защитники этой системы, верховная власть предоставлена императору, божественное всемогущество въ духовныхъ дѣлахъ — папѣ. Всякій по собственному опыту знаетъ, какъ трудно въ жизни раздѣлять то, что въ точности раздѣляется разумомъ; по этому мы не будемъ доискиваться, въ какой мѣрѣ Иннокентій проводилъ одну изъ этихъ системъ, но постараемся изслѣдовать, что онъ дѣлалъ въ свое правленіе и какими доводами оправдывается каждый отдѣльный его шагъ.

Иннокентій III былъ изъ рода графовъ Сеньи, прослушалъ

курсъ въ Парижѣ и Болоньи, получилъ, благодаря своему знатному происхожденію, на двадцать девятомъ году кардинальскую шапку и тридцати семи лѣтъ (1198 г.) наслѣдовалъ Целестину III, сдѣлавшемуся папой на восемьдесятъ пятомъ году жизни. Новый папа нашелъ Италію притѣсненною и ожидавшею спасителя и защитника отъ звѣрства нѣмцевъ, Неаполь и Сицилію осиротѣлыми, а римско-христіанскій міръ занятымъ мыслею о новомъ крестовомъ походѣ. Благопріятнѣе этихъ обстоятельствъ ничего нельзя было желать дѣятельному, энергическому человѣку рыцарскаго происхожденія. Въ самомъ дѣлѣ, по вступленіи на престолъ, Иннокентій сдѣлалъ рѣшительный шагъ къ возстановленію іерархической системы Григорія VII, заставивъ присягнуть себѣ префекта города, назначаемаго императоромъ и представлявшаго въ Римѣ, хотя и безъ большаго значенія, нѣмецкое герцогство. Уничтоживъ верховную императорскую власть надъ Римомъ, Иннокентій поступилъ точно также во всѣхъ городахъ папской области, которыми управлялъ независимый отъ папы сенаторъ, подчинилъ себѣ этого сановника и разрѣшилъ вассаловъ и жителей отъ присяги ему. Вслѣдъ затѣмъ онъ завладѣлъ имѣніями Матильды, прогнавъ двухъ нѣмецкихъ князей, правившихъ въ Анконѣ и Сполето, и такимъ образомъ основалъ самостоятельное папское государство. Чтобы помѣшать на будущее время возстановленію императорскаго владычества въ средней Италіи, онъ убѣдилъ тосканскіе города составить федерацію, подобную той, которая давно уже существовала въ Ломбардіи. Изъ всѣхъ этихъ городовъ одна Пиза оставалась на сторонѣ императора, которому была обязана своимъ возвышеніемъ. Однако хитрые тосканцы организовали свой союзъ, называемый обыкновенно гвельфскимъ, не вполнѣ согласно желаніямъ папы, такъ что онъ утвердилъ его только подъ извѣстными условіями и строго запретилъ городамъ своихъ владѣній приступать къ нему.

Въ Сициліи, Иннокентій воспользовался малолѣтствомъ короля Фридриха II и заставилъ его мать и опекуншу отказаться отъ правъ,

которыя были предоставлены прежними папами норманнскимъ королямъ и по которымъ свѣтская власть пользовалась большимъ вліяніемъ на духовныя дѣла. Констанція была въ затруднительномъ положеніи, вслѣдствіе волненій, возбужденныхъ въ королевствѣ варварствомъ ея мужа и своеволіемъ нѣмецкихъ войскъ и чиновниковъ, и нуждалась въ папской защитѣ. Когда она обратилась въ Римъ, Иннокентій согласился совершить бывшій въ употребленіи со времени Роберта Гискара и Рожера I обрядъ пожалованія ея леномъ, но также съ условіемъ, чтобы она отказалась отъ помянутаго права. Вслѣдъ затѣмъ она умерла (1198 г.), установивъ по завѣщанію регентство, во главѣ котораго долженъ былъ стоять папа. Иннокентій принялъ предоставленную ему власть и началъ дѣйствовать весьма двусмысленно относительно своего подопечнаго. Пославъ въ Сицилію легата, онъ распоряжался управленіемъ совершенно по своему усмотрѣнію и готовилъ малолѣтнему королю весьма опаснаго соперника въ графѣ Вальтерѣ Бріенскомъ. Вальтеръ былъ женатъ на дочери короля Танкреда, имѣвшей притязанія на княжество тарентское и графство Лечче, такъ какъ ея мать, Сибилла, подчинилась Генриху VI только подъ условіемъ отдать эти владѣнія ея дѣтямъ. Генрихъ не сдержалъ обѣщанія, отправилъ Сибиллу со всѣмъ семействомъ въ Германію и звѣрски обошелся съ ея сыномъ. Этотъ сынъ умеръ въ плѣну, но всѣмъ другимъ папа выхлопоталъ у Филиппа Швабскаго свободу и отдалъ Вальтеру Лечче и Тарентъ. Все это можно было считать дѣломъ только одной справедливости; но Вальтеръ, по всей вѣроятности имѣлъ дальнѣйшіе планы, и это не могло быть неизвѣстно папѣ. Безъ сомнѣнія, Иннокентій расчитывалъ при помощи Вальтера ослабить норманнское государство внутренними волненіями, и такимъ образомъ держать его въ зависимости. Но умные сицилійцы поняли намѣренія папы и соединились съ герцогомъ Марквардомъ Анконскимъ, игравшимъ важную роль въ Сициліи еще при Генрихѣ VI и пріѣхавшимъ туда тотчасъ по смерти Констанціи. Маркварды, имѣвшій многочисленныхъ друзей и самъ человѣкъ

дѣятельный, могъ быть весьма опасенъ Иннокентію; большая часть острова уже подчинилась ему, но судьба избавила отъ него папу: онъ умеръ въ 1202 г. Братья его продолжали борьбу, и одинъ изъ нихъ, Дипгольдъ, взялъ въ плѣнъ Вальтера Бріеннскаго, который и умеръ отъ раны. Тогда папа, чтобъ не потерять всего, заключилъ съ Дипгольдомъ миръ (1206 г.), предоставивъ ему участіе въ управленіи и утвердивъ тѣмъ свое вліяніе на Сицилію, продолжавшееся даже по истеченіи срока его регентства.

Дѣйствуя такимъ образомъ въ Италіи, Иннокентій въ то же время старался устроить новый крестовый походъ, которому казалось все благопріятствовало. Сыновья Саладина, раздѣлившіе по смерти отца его обширное государство, постоянно ссорились между собой, такъ что если бы не такіе же раздоры между сражавшимися въ Палестинѣ христіанскими владѣтелями и рыцарскими орденами, то трудно было бы выбрать для похода время удачнѣе того, когда отправились въ Палестину германскіе крестоносцы, съ помощью которыхъ Генрихъ VI подавилъ возстаніе въ южной Италіи (1197 года). Значительное число этихъ крестоносцевъ, предводимое императорскимъ канцлеромъ Конрадомъ Вюрцбургскимъ, въ началѣ дѣйствовало довольно удачно; но потомъ вѣроломство сирійскихъ бароновъ, алчность нѣмцевъ и особенно смерть Генриха VI разстроили все дѣло. Имперскіе князья поспѣшно возвратились въ Германію, чтобъ принять участіе въ борьбѣ между Филиппомъ и Оттономъ, а іерусалимскій король А м а л а р и х ъ II заключилъ съ турками перемиріе на три года (1197 г.). Положеніе дѣлъ въ Палестинѣ осталось какъ и было; повидимому, не доставало только новаго Петра Аміенскаго, чтобъ вторично отнять Іерусалимъ у невѣрныхъ. Иннокентій не хотѣлъ пропустить благопріятнаго времени. Сдѣлавшись папою, онъ сталъ дѣятельно помогать снова появившимся въ то время проповѣдникамъ крестоваго похода, посылалъ легатовъ и письма къ государямъ, князьямъ и епископамъ своей церкви и принималъ мѣры, чтобы добыть нужныя для похода деньги. Роль новаго апостола и провозвѣстника священной войны взялъ

на себя съ 1195 г. священникъ Фулькъ изъ Нёльи, уже давно славившійся краснорѣчіемъ, проповѣдями противъ ростовщичества и распутства, святостью и чудесами и пріобрѣвшій большую извѣстность послѣ сцены, бывшей у него съ Ричардомъ Львиное Сердце. Онъ увѣщевалъ Ричарда думать о крестовомъ походѣ не прежде, какъ пристроивъ трехъ своихъ дочерей: тщеславіе, алчность и сластолюбіе; но Ричардъ не остался въ долгу, и, обратясь къ окружающимъ, сказалъ смѣясь: „хорошо, я послушаюсь этого лицемѣра и выдамъ дочерей за мужъ: тщеславіе за надменныхъ тампліеровъ, алчность за цистерцинскихъ монаховъ, а сластолюбіе за епископовъ." Фулькъ съ неутомимою ревностью проповѣдывалъ походъ, и въ этомъ ему сильно помогали лучшіе ученики парижскаго университета, имѣвшіе потомъ большое значеніе въ Европѣ какъ ученые, кардиналы и государственные люди, а именно: будущіе кардиналы Стефанъ Ленгтонъ и Робертъ Курсонъ, оба товарища и друзья Иннокентія, Вальтеръ Лондонскій, Жанъ де Нивель, Петръ де Руси, Евстафій де Флэ и многіе другіе. Иннокентій, сдѣлавшись папою, сталъ дѣятельно помогать своимъ друзьямъ. Онъ объявилъ, что жертвуетъ на крестовый походъ десятую часть своихъ доходовъ и обложилъ все духовенство западной церкви сборомъ на это предпріятіе по полтора процента со всѣхъ церковныхъ доходовъ; когда же стали говорить, что онъ возьметъ эти деньги себѣ, Иннокентій приказалъ, чтобы каждый епископъ, при содѣйствіи одного іоаннита и одного тампліера, раздавалъ собранныя суммы крестоносцамъ своей епархіи. Наконецъ онъ послалъ легатовъ проповѣдывать походъ. Но они не имѣли большаго успѣха; особенно не посчастливилось посланному во Францію кардиналу Петру Капуанскому, имѣвшему порученіе по семейнымъ дѣламъ Филиппа, весьма мало гармонировавшее съ задачею убѣдить короля предпринять крестовый походъ. Кардиналу поручено было развести Филиппа съ Маріей Агнесой и заставить его сойтись съ Ингеборгой; но, очевидно, при характерѣ Филиппа этого нельзя было достигнуть мирнымъ путемъ, а при ссорѣ короля съ папой нечего было и ду-

мать о его содѣйствіи походу. Но дипломатія папскаго кабинета, вопреки обычаю среднихъ вѣковъ, не склонявшаяся передъ мечомъ, нашла и тутъ способъ соединить два взаимно противоположныхъ дѣла. Папа велѣлъ легату отстаивать Ингеборгу, а другое порученіе передалъ Фульку. Облеченный папскимъ полномочіемъ, Фулькъ отправился сначала въ Провансъ, на собраніе капитула вліятельнаго цистерцинскаго ордена, а потомъ вернулся въ собственную Францію на блистательный турниръ въ Шампани (1199 г.). Его воодушевленныя рѣчи такъ сильно подѣйствовали на бывшихъ тамъ владѣтелей и рыцарей, что нѣкоторые приняли крестъ тутъ же, а другіе спустя нѣсколько времени. Въ числѣ нихъ были графъ Тибо Шампанскій, графъ Людовикъ Блуа и Шартрскій, графы Симонъ де Монфоръ, и Рено де Монмирайль, епископъ труаскій, маршалъ Шампани, Готтфридъ де Виллыгардуэнъ, описавшій походъ, и много другихъ знатныхъ бароновъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ силы крестоносцевъ значительно увеличились присоединеніемъ къ нимъ графа Бальдуина Фландрскаго и Геннегаускаго и графа Гуго де Сенъ-Поль съ ихъ вассалами. Союзники рѣшились отправиться въ Палестину моремъ, такъ какъ прежніе походы доказали неудобство сухопутныхъ экспедицій; но у нихъ не было кораблей. Цѣлый годъ прошелъ въ переговорахъ о томъ, какъ добыть суда, наконецъ согласились отправить депутацію изъ шести рыцарей къ итальянскимъ приморскимъ городамъ, для заключенія договора о перевозкѣ крестоносцевъ. Въ депутаты выбрали самыхъ умныхъ изъ крестоносцевъ, и такъ какъ въ то время Генуя и Пиза вели между собой кровавую войну, то депутація обратилась къ Венеціи, что дало всему дѣлу совершенно неожиданный оборотъ.

2. Прежняя исторія Венеціи.

Въ пятомъ вѣкѣ, когда готы подъ предводительствомъ Алариха и гунны подъ предводительствомъ Аттилы опустошали север-

ную Италію (т. IV. стр. 491 и 506), многіе жители спаслись на небольшіе острова (лагуны), образуемые устьями Бренты и раздѣленные другъ отъ друга узкими каналами. Тамъ они жили вначалѣ бѣдными рыбаками; каждый островъ составлялъ отдѣльную республику, имѣвшую демократическое устройство. Но мало по малу торговля обогатила ихъ, и по завоеваніи сѣверной Италіи лонгобардами они сочли необходимымъ соединиться для взаимной защиты; поэтому, въ концѣ седьмаго столѣтія они избрали общаго главу, дожа (dux), который созывалъ общее народное собраніе, назначалъ должностныхъ лицъ и судей въ каждую республику, утверждалъ выбираемыхъ народомъ священниковъ и былъ верховнымъ судьей. Жилъ онъ на островѣ Ріальто. При Карлѣ Великомъ, когда возникающее государство должно было льстить то грекамъ, то латинянамъ, туда переселились многія знатныя семейства изъ сосѣднихъ странъ; тогда же стали возникать первые элементы аристократіи, такъ какъ съ того времени судъ гражданскій и уголовный, производившійся прежде всею общиною, былъ порученъ двумъ трибунамъ, ежегодно смѣнявшимися по выбору. Но дожъ все таки остался верховнымъ судьею.

Въ это время торговля и богатство венеціанцевъ становятся весьма значительными; неразборчивые въ средствахъ къ наживѣ, они дѣлаются главными торговцами невольниковъ на Средиземномъ морѣ, а также ведутъ транзитную торговлю между африканскими мухаммеданами, испанцами и сицилійцами съ одной стороны и прибрежьями Адріатическаго моря, греками, славянами, нѣмцами и ломбардцами съ другой. Вскорѣ они покоряютъ весь морской берегъ Истріи и дѣлаютъ завоеванія въ Далмаціи. Особенно хотѣлось имъ завладѣть далматскимъ городомъ Зарою. Дожи всячески поощряли эти воинственныя предпріятія, дававшія имъ возможность направить противъ внѣшнихъ враговъ соперничество сильныхъ фамилій, которыя, подобно дворянству другихъ итальянскихъ городовъ, постоянно ссорились между собой. Въ концѣ одиннадцатаго столѣтія, богатство и морскія силы венеціанцевъ были уже такъ ве-

либи. что только благодаря ихъ помощи греческіе императоры, которыхъ они, не безъ причины, охотно держались (т. VI. стр. 124 и 209), могли отразить нападенія Роберта Гискара (т. VI. стр. 296). Одинъ современникъ говоритъ о нихъ въ весьма поэтическихъ выраженіяхъ: „сильные богатствомъ и числомъ, венеціанцы живутъ на самыхъ водахъ моря, такъ что изъ одного дома въ другой можно попасть только на лодкахъ и ни одинъ народъ не сравнится съ ними въ морскомъ бою и въ искусствѣ управленія кораблемъ. Поэтому къ нимъ обратился Алексѣй, когда на него напалъ храбрый, искусный въ морской войнѣ народъ, норманны." Въ благодарность за оказанную помощь, Алексѣй не только далъ венеціанцамъ обширныя торговыя привилегіи въ своемъ государствѣ, но и предоставилъ владѣть, подъ покровительствомъ Греціи, Далмаціей и Кроаціей. Далмація была, незадолго до того, покорена венгерскимъ королемъ Каломаномъ, но Алексѣй допустилъ по крайней мѣрѣ дипломатически расширеніе венеціанскихъ владѣній. признавъ за дожемъ, по особому договору, титулъ герцога Далмаціи и Кроаціи. Вскорѣ (1112 г.) венеціанцы завладѣваютъ Зарой и, воюя съ Венгріей, проникаютъ до Бѣлграда. Занятые въ этихъ странахъ войною, они успѣваютъ извлечь огромныя выгоды изъ рвенія западныхъ народовъ къ крестовымъ походамъ, обогащаются перевозкою крестоносцевъ и торговлей съ Востокомъ, пріобрѣтаютъ на сирійскомъ берегу привилегіи, право взимать пошлины, гавани и части городовъ. Въ самой Греціи Калоіоаннъ былъ вынужденъ подтвердить и даже расширить права, данныя имъ его отцомъ Алексѣемъ, а Мануилъ, тѣснимый норманнами при Рожерѣ II, предоставилъ имъ неограниченную свободу торговли и льготу отъ податей. Впослѣдствіи хитрые купцы, для распространенія своего вліянія, воспользовались войной Фридриха Барбароссы съ ломбардцами, и, возбудивъ сначала итальянскіе города противъ императора, выступили потомъ посредниками между ними и наконецъ успѣли сдѣлать свой городъ мѣстомъ конгресса.

Незадолго до того (1171 г.) у венеціанцевъ была война съ

греками, примѣчательная тѣмъ, что послужила поводомъ къ первому значительному измѣненію во внутреннемъ устройствѣ Венеціи. Дожъ Виталій Микіели II, установивъ чрезвычайный налогъ, снарядилъ флотъ изъ 120 кораблей и повелъ его въ Архипелагъ, но позволилъ грекамъ обмануть себя, вступивъ въ переговоры, упустилъ благопріятное время, лишился отъ чумы множества людей и кораблей, принужденъ былъ вернуться, ничего не сдѣлавъ, и, къ довершенію несчастья, занесъ чуму въ Венецію. Вообразивъ, что Микіели намѣренно употребилъ во зло свою власть, чтобъ погубить государство, народъ, приведенный въ отчаяніе, возсталъ, убилъ его и постановилъ не только ограничить власть дожа особой коллегіею, но и совершенно измѣнить внутреннее устройство республики (1172 г.). Въ шесть мѣсяцевъ новое устройство было проектировано, принято и введено въ дѣйствіе. Въ чемъ, собственно, оно заключалось, намъ неизвѣстно, да и вообще управленіе и внутреннее устройство Венеціи, съ различными коллегіями, судами, должностями и выборами, были всегда до того искусственны и запутаны, что объ нихъ нѣтъ возможности говорить вкратцѣ и не вдаваясь въ ученыя изслѣдованія. Главною особенностью въ устройствѣ, введенномъ по смерти Виталія Микіели, было ограниченіе власти дожа нѣкоторыми новыми учрежденіями, изъ которыхъ впослѣдствіи развилось аристократическое, а потомъ олигархическое правленіе. Въ то время былъ учрежденъ большой совѣтъ изъ 480 ежегодно избираемыхъ членовъ; онъ представлялъ собою власть народнаго собранія и принималъ постановленія дожа; сверхъ того дожъ былъ ограниченъ еще малымъ совѣтомъ, или синьоріей. Неизвѣстно, тогда ли былъ установленъ и страшный совѣтъ сорока (Quarantia), составлявшій высшую судебную инстанцію для гражданскихъ дѣлъ и собственно уголовное судилище для всѣхъ важнѣйшихъ преступленій и захватившій въ свои руки все управленіе. Выборъ дожа, производившійся народомъ, перешелъ тогда къ большому совѣту. Изъ учрежденій 1172 г. развилось впослѣдствіи господство строгой аристократіи, обратившееся потомъ

въ страшную олигархію. Однако переговоры съ депутатами французскихъ крестовосцевъ показали, что даже въ теченіе нѣкотораго времени аристократы успѣли воспользоваться новыми учрежденіями для достиженія своихъ цѣлей. Демократіи въ то время не смѣли еще совершенно уничтожить; въ важнѣйшихъ случаяхъ требовалось согласіе всего народа, удержавшаго за собой право утверждать выборъ дожа, такъ что вновь избираемаго дожа представляли народу со словами: „Вотъ вашъ дожъ, если вамъ угодно."

Незадолго до прибытія крестовосцевъ, венеціанцы совершенно примирились съ греками. Уже самъ Мануилъ I долженъ былъ раскаяться въ своемъ образѣ дѣйствій относительно Венеців, третій изъ императоровъ, быстро смѣнявшихся по его смерти, Исаакъ II Ангелъ, заключилъ тѣсный союзъ съ республикой и утвердилъ за ней всѣ прежнія привилегіи, а его преемникъ, Алексѣй III, предоставилъ венеціанцамъ еще бо́льшія права и совершенно освободилъ ихъ отъ всякихъ пошлинъ.

3. Обзоръ византійской исторіи во время первыхъ крестовыхъ походовъ.

Алексѣй I, которымъ началась въ падающей греческой имперіи новая династія Комненовъ (т. VI. стр. 237), былъ во все свое царствованіе (1081—1117 г.) занятъ внутренними волненія и внѣшними войнами. Западныя провинціи государства подвергались нападеніямъ норманнскихъ герцоговъ Роберта Гвискара и сына его, Боэмунда (т. VI. стр. 296). Съ сѣвера вторгались дикіе печенѣги и куманы, а на востокѣ были отняты никейскими и иконійскими сельджуками обширныя провинціи (т. VI. стр. 379). Крестовые походы, начавшіеся при Алексѣѣ, измѣнили положеніе дѣлъ: они надолго отстранили опасность со стороны Востока и снова возвысили значеніе государства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они были гибельны для грековъ, умноживъ въ государствѣ число иностранныхъ ва-

емниковъ и до невѣроятности расплодивъ живишихъ въ столицѣ иностранцевъ, что было для Византіи столько же вредно, какъ для Англіи умноженіе черни въ Лондонѣ. Еще прежде въ Константинополѣ цѣлыя улицы были заселены венеціанцами, генуезцами и пизанцами, судившимися по своимъ законамъ, а турки и арабы составляли въ немъ почти отдѣльное торговое государство; теперь же цѣлыя массы крестоносцевъ водворялись тамъ на жительство, вмѣсто того, чтобы отправляться въ Палестину или возвращаться на родину. Вслѣдствіе этой увеличивающейся смѣси населенія, національный характеръ все болѣе и болѣе утрачивался; управлять становилось труднѣе, а значеніе командующаго войсками усиливалось. Алексѣю доставили престолъ наемные варвары (т. VI. стр. 235); съ ихъ же помощью утвердился и сынъ его, Іоаннъ или Калоіоаннъ, лучшимъ и надежнѣйшимъ слугою котораго былъ турокъ, главнокомандующій его войскъ. При помощи этого турецкаго полководца младшій сынъ Калоіоанна, Мануилъ I, овладѣлъ престоломъ, оттѣснивъ братьевъ. Калоіоаннъ и Мануилъ, сами отличные полководцы, не испытали опасности подобныхъ отношеній, но тѣмъ не менѣе въ ихъ царствованія подготовилось то, что обнаружилось тотчасъ по смерти Мануила, когда офицеры, разнородная чернь столицы и армія, повиновавшіеся тому, кто ей платилъ, сдѣлались настоящими господами государства. Впрочемъ, Калоіоаннъ, съ воинскою дѣятельностью котораго мы уже познакомились въ его сирійскомъ походѣ (т. VI. стр. 430), энергически защищалъ государство извнѣ, и при томъ управлялъ съ кротостью, рѣдкою въ византійскихъ императорахъ.

Мануилъ I, царствовавшій съ 1143 по 1180 г., съ самаго начала окружилъ себя западными рыцарями, уважалъ ихъ храбрость, старался подражать имъ и самъ считался однимъ изъ храбрѣйшихъ и искуснѣйшихъ рыцарей христіанства. Знаменитѣйшимъ изъ окружавшихъ его иностранцевъ былъ Конрадъ Монферратскій, развившій въ Константинополѣ исполинскую энергію, обнаруженную имъ впослѣдствіи въ борьбѣ съ Саладиномъ (т. VII.

стр. 83). Царствованіе Мануила было почти непрерывнымъ рядомъ войнъ, неизбѣжныхъ по географическому положенію имперіи и занимавшихъ его то въ Европѣ, то въ Азіи. Наученный неудачами крестоносцевъ, онъ для своихъ частыхъ малоазійскихъ походовъ, по примѣру древнихъ римлянъ, прокладывалъ постоянныя военныя дороги, которыя могли итти въ уровень съ гигантскими сооруженіями древности и были удобны и безопасны. Для войны съ сельджуками у него былъ составленъ обширный планъ, часть котораго онъ уже весьма удачно привелъ въ исполненіе; но въ это самое время крестовый походъ Конрада III и Людовика VII заставилъ его сосредочить всѣ войска во внутреннихъ провинціяхъ. Полчища крестоносцевъ навели такой страхъ на его подданныхъ, что они, боясь вторичнаго пришествія съ запада подобныхъ ополченій, скрывали даже священныя утвари церквей, желая удалить отъ алчныхъ рыцарей всякій поводъ къ насилію. Впослѣдствіи самъ Мануилъ заключилъ союзъ съ сельджуками противъ своихъ единовѣрцевъ. Это было и незаконно и неблагоразумно, но отчасти оправдывалось обстоятельствами. Когда опасность миновала и оба западныхъ государя вернулись домой, Мануилъ предпринялъ походъ противъ сицилійскихъ норманновъ, овладѣвшихъ всѣмъ Средиземнымъ моремъ и частью африканскаго берега, опустошавшихъ греческія владѣнія и даже завоевавшихъ островъ Корфу. Онъ отнялъ у нихъ, послѣ продолжительной осады, этотъ островъ и хотѣлъ двинуться противъ самой Сициліи, но сначала былъ задержанъ разными посторонними дѣлами, а потомъ несогласія съ сербами и венграми заставили его обратиться къ Дунаю.

Венгры, сербы и другіе народы, жившіе по нижнему Дунаю и въ нынѣшней Россіи, находились въ двѣнадцатомъ столѣтіи въ нѣкоторой связи между собой, которая остановила бы на себѣ наше вниманіе, если бы происшествія въ дикихъ ордахъ могли имѣть какой нибудь интересъ для образованныхъ жителей благоустроенныхъ государствъ. Уже во времена Генриха V между русскими, поляками, венграми и греками устанавливаются частыя сношенія, и выгнанные

или бѣжавшіе князья одного народа ищутъ убѣжища у другихъ. Стефанъ II, преемникъ венгерскаго короля Каломана, доставилъ одно русское княжество своему сводному брату, Борису, сыну русской княжны, и хотѣлъ сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ. Это вовлекло Венгрію въ войну съ Греціей. Вельможи не хотѣли, чтобъ Борисъ царствовалъ и освободили Альма, двоюроднаго брата Стефана, посаженнаго имъ въ тюрьму и ослѣпленнаго; Альмъ бѣжалъ къ Калоіоанну и нашелъ у него помощь (1127 г.), но вскорѣ умеръ. Стефанъ долженъ былъ признать наслѣдникомъ его сына, Белу II. Бела былъ женатъ на дочери сербскаго князя, забравшей власть въ свои руки и впослѣдствіи убѣдившей сына, Гейзу III, помочь сербамъ противъ грековъ. Сербы давно уже были должниками греческаго императора, но тогдашній великій жупанъ или князь ихъ, надѣясь на родство съ венгерскимъ королемъ, отказался платить дань и при помощи Гейзы возсталъ противъ Мануила, воевавшаго тогда съ норманнами. Мануилъ скоро побѣдилъ его и принудилъ признать греческое господство на еще болѣе тяжелыхъ условіяхъ чѣмъ прежде, а потомъ обратился противъ Гейзы и отнялъ у него Боснію, подчиненную венгерскими королями за двадцать лѣтъ до того. Во всѣхъ этихъ войнахъ, главную массу венгерскихъ войскъ составляли жившія на Дунаѣ куманскія орды, находившіяся еще въ самомъ дикомъ кочевомъ состояніи (т. VI. стр. 200), а греческія войска, дѣйствовавшія на сѣверной границѣ, состояли преимущественно изъ влаховъ, народа смѣшаннаго происхожденія, занявшаго съ 1085 г. оставленную печенѣгами Болгарію (т. VI. стр. 9). Пока Мануилъ предписывалъ на Дунаѣ законы дикимъ варварамъ, немедленно, впрочемъ, нарушившимъ ихъ, его цивилизованные подданные подверглись нападенію сицилійскихъ норманновъ, опустошившихъ греческіе берега и увлекшихъ съ собой въ плѣнъ тысячи фабрикантовъ и художниковъ. Поэтому, Мануилъ, окончивъ войну съ венграми (1153 г.), направилъ свои силы на западъ. Въ первый разъ послѣ долгаго промежутка времени появилось снова на итальянской землѣ грече-

ское войско. Храбрый полководецъ его, Михаилъ Палеологъ, бралъ у норманновъ одинъ городъ за другимъ; но онъ скоро умеръ, и начальство перешло, какъ весьма часто случалось въ византійской имперіи, къ человѣку, единственнымъ достоинствомъ котораго было родство съ императоромъ. Онъ потерялъ и сдѣланныя до него завоеванія, и войско, и флотъ. Норманнскому королю Вильгельму I помогали при этомъ венеціанцы, враждовавшіе противъ Мануила за отнятіе у нихъ права имѣть въ Константинополѣ судъ, а главное, за союзъ его съ Фридрихомъ Барбароссою. Новый флотъ, сооруженный Мануиломъ, былъ захваченъ сицилійцами, и если императоръ отдѣлался выгоднымъ миромъ (1158 г.), то единственно благодаря вѣчнымъ раздорамъ Вильгельма I съ баронами. Едва кончилась война съ Сициліей, какъ началась новая съ венграми и сербами. Сербы опять должны были признать надъ собой владычество Греціи и даже предоставить императору право назначать великаго жупана, то есть выбирать одного изъ двухъ представляемыхъ ему кандидатовъ. Венгры также были принуждены къ миру, и по смерти Гейзы (1161 г.) Мануилъ посадилъ королемъ его младшаго брата, Владислава II, помимо старшихъ. Владиславу, умершему черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, наслѣдовалъ сынъ Гейзы, Стефанъ III. При немъ молодой венгерскій князь, Бела III, бѣжалъ въ Константинополь и до того полюбился императору, что тотъ хотѣлъ женить его на своей дочери и сдѣлать своимъ наслѣдникомъ, и покорилъ для него Далмацію. По смерти Стефана, Бела сдѣлался венгерскимъ королемъ и оставался вѣрнымъ союзникомъ Мануила и его сына. Между тѣмъ греческія войска дѣйствовали весьма успѣшно противъ сельджуковъ, но когда Мануилъ, кончивъ войну на Дунаѣ, двинулся со всѣми силами противъ Иконіи, то былъ разбитъ на голову и долженъ былъ заключить невыгодный миръ (1174 г). Гораздо постыднѣе этого пораженія было жалкое хвастовство, которымъ Мануилъ старался обмануть подданныхъ, а всего хуже то, что, заключивъ миръ,

онъ тотчасъ же отказался выполнить принятыя имъ на себя обязательства.

Въ личныхъ и семейныхъ дѣлахъ Мануилъ былъ не такъ счастливъ, какъ на политическомъ поприщѣ. Онъ повредилъ себѣ въ глазахъ подданныхъ расположеніемъ къ иностранцамъ, массами окружавшимъ его и получавшимъ лучшія мѣста при дворѣ и въ войскѣ, двукратною женитьбою на принадлежавшихъ къ западной церкви иностранкахъ, нравственной и благочестивой Иринѣ, невѣсткѣ императора Конрада III, и столь же легкомысленной, какъ и красивой Маріи, дочери южно-французскаго владѣтеля Раймунда Антіохійскаго, и наконецъ, открыто высказаннымъ предположеніемъ женить на своей дочери и сдѣлать своимъ наслѣдникомъ венгерскаго князя. Но больше чѣмъ себѣ повредилъ онъ всѣмъ этимъ своему сыну и наслѣднику, Алексѣю II, оставшемуся по его смерти ребенкомъ и имѣвшему соперника въ одномъ злодѣѣ, принадлежавшимъ къ императорскому дому и давно уже добиравшимся до престола, чтобъ прогулять на немъ остатокъ своей жизни. Это былъ Андроникъ I, сынъ дяди Мануила, одинъ изъ самыхъ наглыхъ, легкомысленныхъ и испорченныхъ людей, когда либо жившихъ на свѣтѣ. Англійскій историкъ Гиббонъ и другіе, любящіе описывать подобные характеры, передали его жизнь въ томъ же родѣ какъ Плутархъ жизнь аѳинянина Алкивіада (т. IV. стр. 360). Подъ перомъ Плутарха Алкивіадъ сдѣлался типомъ геніальныхъ развратниковъ, имѣвшимъ весьма вредное вліяніе на восемнадцатое столѣтіе, когда люди подобнаго рода, или такъ называемые roués, играли важную роль во Франціи и Англіи. Для свѣта всегда привлекательны занимательность или рѣзкія противоположности какого нибудь явленія, и Плутархъ охотно относится къ дурнымъ принципамъ и дѣйствіямъ не по ихъ нравственному достоинству, а по ихъ результатамъ или по внѣшней формѣ ихъ проявленія. Андроникъ былъ изъ числа тѣхъ развратниковъ, которые своею поэтическою судьбою и отсутствіемъ всякихъ принциповъ доставляютъ героевъ Байронамъ и Жоржъ

Сандамъ и имѣютъ возбуждающій интересъ для остроумнаго, восторгающагося передъ геніемъ и искусствомъ свѣта. Онъ былъ принцемъ и искателемъ приключеній, храбръ и подлъ, хитеръ и вѣроломенъ; игралъ въ своей жизни почти всѣ роли, испыталъ всевозможныя превратности судьбы, прошелъ всѣ ступени общественнаго положенія, отъ самаго низкаго преступника и бѣднѣйшаго нищаго до могущественнаго обладателя блестящаго престола. При дворѣ своего двоюроднаго брата, Мануила, онъ былъ въ большой милости, какъ потому, что самъ Мануилъ любилъ развратъ, такъ и вслѣдствіе своей исполинской силы и искусства въ рыцарскихъ забавахъ. Въ 1153 г. императоръ послалъ его съ войскомъ въ Киликію противъ армянъ; но онъ заботился болѣе о наслажденіяхъ, чѣмъ объ обязанностяхъ главнокомандующаго, хотя и выказывалъ отъ времени до времени, какъ простой рыцарь, свою силу и безумную смѣлость. Мануилъ долженъ былъ отозвать его, но принялъ со всѣми наружными знаками расположенія и даже далъ важный постъ на венгерской границѣ. Здѣсь онъ вошелъ въ переговоры съ королемъ Гейзою, обѣщая ему значительныя уступки, если онъ успѣетъ съ его помощью завладѣть престоломъ. Узнавъ объ этомъ изъ перехваченныхъ писемъ, Мануилъ велѣлъ схватить Андроника, но тотчасъ же простилъ. Андроникъ не успокоился и сдѣлалъ покушеніе на жизнь императора; тогда его посадили въ темницу при императорскомъ дворцѣ. Просидѣвъ тамъ девять лѣтъ, онъ бѣжалъ, но былъ пойманъ и опять подвергнутъ заключенію. Вторичная попытка бѣгства удалась и привела его въ Россію, раздѣленную въ то время на нѣсколько княжествъ. Онъ нашелъ пріемъ у галицкаго князя Ярослава, сдружился съ нимъ вслѣдствіе сходства наклонностей и получилъ удѣлъ. Мануилъ, опасаясь, чтобы злобный Андроникъ не склонилъ русскихъ къ походу въ Грецію и желая его содѣйствія, для того чтобъ направить Ярослава противъ венгровъ, примирился съ двоюроднымъ братомъ и опять поручилъ ему начальство къ Киликіи. Андроникъ, какъ и въ первый разъ, предался наслажденіямъ, скоро навлекъ на себя новыя подозрѣнія и

бѣжалъ съ военною кассою въ Палестину. Послѣ разныхъ безчинствъ, онъ перешелъ къ туркамъ, основалъ разбойничій притонъ въ горахъ Арменіи и сталъ торговать своими единовѣрцами, продавая ихъ въ рабство невѣрнымъ. За это церковь и патріархъ предали его анаѳемѣ, но черезъ нѣсколько времени онъ явился кающимся грѣшникомъ, умолялъ о прощеніи, публично носилъ вериги, принесъ въ виду цѣлаго народа униженное, но притворное покаяніе, словесно и письменно клялся въ вѣрности императору и его семейству и вслѣдствіе этого получилъ прощеніе отъ церкви и вступилъ въ прежнія права. Императоръ назначилъ ему мѣстопребываніемъ живописно расположенный городъ Энэ, въ Понтѣ, но это было не столько ссылкою, сколько средствомъ удалить изъ столицы развратника. Тотчасъ по смерти Мануила (1180 г.) обнаружилось, до какой степени былъ неостороженъ и слѣпъ императоръ, ожидая чего нибудь для своего сына отъ состарѣвшагося въ порокѣ развратника или придавая какое нибудь значеніе его присягѣ.

Правленіе перешло по имени къ тринадцатилѣтнему сыну Мануила, Алексѣю II, на дѣлѣ же къ его матери, легкомысленной антіохійской принцессѣ и протосевастосу или государственному министру Алексѣю, бывшему съ ней болѣе чѣмъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Молодой императоръ былъ дурно воспитанъ, ненавистные латиняне занимали всѣ высшія должности, во всѣхъ отрасляхъ управленія господствовали страшные безпорядокъ и злоупотребленія и день ото дня сильнѣе и сильнѣе чувствовалась потребность въ человѣкѣ, который бы взялъ мощною рукою кормило больнаго и дряхлѣющаго государства. Андроникъ не упустилъ случая извлечь для себя выгоды изъ этого положенія дѣлъ. Собравъ нѣсколько солдатъ и призвавъ къ себѣ всѣхъ недовольныхъ, онъ пошелъ на Константинополь, гдѣ между тѣмъ дочь императора и ея мужъ, сынъ владѣтеля Капуи, составили заговоръ противъ любимца императрицы и начали междоусобную войну, съ трудомъ прекращенную усиліями патріарха. Раздраженіе противъ латинянъ, гнѣвъ на императрицу, ненависть къ ея лю-

бовнику, министру-правителю, не допускали въ то время хладнокровнаго размышленія, и потому, когда Андроникъ всюду привѣтствуемый, какъ спаситель, подошелъ къ столицѣ, все бросилось къ нему на встрѣчу. Чернь выдала ему ненавистнаго министра, которому немедленно выкололи глаза, и Андроникъ могъ бы безпрепятственно вступить въ городъ; но небольшое число находившихся тамъ латинскихъ рыцарей рѣшилось защищать императрицу и ея сына. Однако о продолжительномъ сопротивленіи нельзя было и думать: Андроникъ имѣлъ многочисленное войско, а въ самомъ городѣ народъ возсталъ и окружилъ латинянъ. Они пали послѣ геройской борьбы, но дорого продали жизнь, а ихъ братья отмстили за ихъ смерть, опустошая въ теченіе цѣлыхъ годовъ берега Чернаго моря. По вступленіи Андроника въ Константинополь, разъяренные греки истребили всѣхъ жившихъ въ городѣ латинянъ, не давая пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ, ни старикамъ, ни больнымъ.

Такой неслыханной рѣзнею открылось правленіе, которое Андроникъ началъ подъ именемъ племянника; продолженіе вполнѣ соотвѣтствовало началу. Убійства слѣдовали за убійствами; приверженцы императора и его матери были истреблены; всѣ мѣста заняты креатурами новаго властелина, а самъ Алексѣй предоставленъ собственному юношескому легкомыслію, для того чтобъ сдѣлать его и ненавистнымъ и неспособнымъ къ правленію. Одною изъ первыхъ жертвъ была императрица, и тираннъ былъ на столько гнусенъ, что придалъ ея казни характеръ законности, мучилъ несчастную женщину передъ смертью и заставилъ сына подписать смертный приговоръ матери. Андроникъ предалъ ее суду по обвиненію въ предательскихъ сношеніяхъ съ венграми, приговорилъ, чрезъ подкупленныхъ судей, къ смерти, предалъ въ тюрьмѣ на посмѣшище народу, истязалъ ее голодомъ и умертвилъ самымъ варварскимъ образомъ. За матерью, слѣдовала, конечно, очередь безпомощнаго сына. Его оставили въ живыхъ, пока мало по малу не пріучили народъ считать Андроника единственнымъ повелителемъ импе-

ріи. Нанятые для этого крикуны потребовали, чтобъ тираннъ сдѣлался соправителемъ, подлые придворные принудили его принять соправительство и, наконецъ, самъ Алексѣй, запуганный имъ, просилъ убійцу матери раздѣлить съ нимъ бремя правленія. Сдѣлавшись соправителемъ, Андроникъ отѣлался отъ императора способомъ, обнаружившимъ всю возмутительную испорченность высшихъ классовъ и до того наглое безстыдство ихъ въ порокѣ, что оно поражаетъ насъ даже въ ту эпоху полнаго нравственнаго растлѣнія. Государственный совѣтъ, то есть первые сыновники государства, объявилъ, что двоевластіе вредно, и безъ всякой другой причины, безъ всякой формы суда не только отрѣшилъ Алексѣя отъ престола, но и приговорилъ его къ смерти, приказавъ немедленно исполнить приговоръ. Несчастнаго молодаго человѣкъ задушили на слѣдующую ночь, а Андроникъ, съ презрѣніемъ попирая ногами трупъ, приказалъ отрубить у него голову, представить ее себѣ и, отмѣтивъ ее императорскаго печатью, велѣлъ бросить трупъ въ море (1183 г.). По странному свойству человѣческой природы, тираннъ, совершившій это убійство и множество другихъ безъ малѣйшаго помышленія о божеской мести, обнаружилъ вслѣдъ за тѣмъ при своемъ помазаніи поразительную черту суевѣрнаго страха передъ невидимой силой. Когда во время коронованія ему слѣдовало проѣзжать черезъ церковь, не было возможности убѣдить его ѣхать, по обычаю, шагомъ; побуждаемый внутреннимъ страхомъ, онъ, къ общему удивленію и ужасу, пришпорилъ лошадь и пронесся во весь опоръ. Съ подобнымъ образомъ мыслей вполнѣ согласуется извѣстіе о томъ, что Андроникъ велѣлъ патріарху развязать себя и своихъ сообщниковъ отъ присяги, данной императору Мануилу и его семейству, и объявить неповиннымъ въ императорской крови. Желаніе его было исполнено безпрекословно.

Андроникъ самымъ возмутительнымъ образомъ злоупотреблялъ властью; онъ совершалъ жестокости, достойно описать которыя можетъ только византійское перо, и утопалъ въ развратѣ, предаваясь ему въ собственномъ дворцѣ, или на одномъ изъ Принцевыхъ ост-

рововъ у Константинополя, его Капри (т. IV. стр. 200). Впрочемъ, какъ правитель, онъ имѣлъ и хорошія, даже отличныя свойства, которыхъ вовсе не было у его преемника, и нерѣдко обнаруживалъ умъ и пониманіе, даже благотворительность и справедливость. Жестокости его были направлены преимущественно противъ высшихъ классовъ, о низшихъ, напротивъ, онъ весьма заботился, исключая тѣхъ случаевъ, гдѣ былъ затронутъ его собственный интересъ. Онъ былъ неумолимо строгъ къ алчности знатныхъ, преслѣдовалъ злоупотребленія сборщиковъ податей, отмѣнилъ продажу должностей, не терпѣлъ взяточничества, безпощадно наказывалъ чиновниковъ за несправедливости и уничтожилъ береговое право, къ великому неудовольствію сената и сановниковъ, извлекавшихъ изъ него значительныя выгоды. Андроникъ предпринималъ большія постройки, доставлявшія рабочимъ дѣло, распространявшія въ народѣ деньги и поощрявшія искусства, защищалъ бѣдныхъ отъ наглости придворныхъ и, какъ впослѣдствіи Петръ Великій, бивалъ собственноручно дубиною любимцевъ, насильственно вымогавшихъ что нибудь у простолюдина. Наконецъ, онъ поощрялъ науки, самъ былъ ученымъ и сильно содѣйствовалъ пробудившемуся въ то время стремленію заниматься древностью. Къ сожалѣнію, это занятіе было только научнымъ и послужило доказательствомъ, что міру мало пользы отъ одной учености. Все, что было хорошаго во внутреннемъ управленіи Андроника, соединялось у него, какъ у Нуширвана (т. V. стр. 6) и другихъ восточныхъ тиранновъ, съ неописаннымъ звѣрствомъ и произволомъ. Даже когда непріятельскія нападенія угрожали его собственной власти, онъ не оставлялъ своихъ жестокостей, а продолжалъ замучивать до смерти богатыхъ и знатныхъ и оскорблять ихъ своимъ сладострастіемъ. Венгерскій король Бела III поспѣшилъ на помощь къ сыну своего друга Мануила, но, прійдя слишкомъ поздно, захватилъ весь край отъ Ниссы до венгерской границы и владѣлъ имъ въ продолженіе всего царствованія Андроника. Внучатный племянникъ Мануила, Исаакъ, тотъ самый, котораго впо-

слѣдствіи взялъ въ плѣнъ Ричардъ, завладѣлъ островомъ Кипромъ и, принявъ титулъ императора, царствовалъ тамъ какъ самостоятельный государь (т. VII. стр. 81). Пользуясь этимъ, подданные сицилійскаго короля Вильгельма II присоединились къ латинянамъ, мстившимъ за смерть своихъ братьевъ, и вмѣстѣ съ ними опустошили всѣ берега и острова. Эти набѣги авантюристовъ и пиратовъ обратились въ правильную войну, когда нѣсколько знатныхъ греческихъ фамилій, спасаясь отъ Андроника, обратились къ королю Вильгельму и убѣдили его напасть на имперію (1185 г.). Сицилійское войско, подъ предводительствомъ одного бѣглаго византійскаго принца, быстро проникло до Ѳессалоники и въ нѣсколько дней овладѣло второй столицей государства. Покоренный городъ сдѣлался жертвою звѣрства, въ сравненіи съ которымъ можно считать пустяками все, что совершили турки триста лѣтъ спустя, при взятіи Константинополя. При этомъ бѣдствіи, несчастнымъ жителямъ много помогъ епископъ города, Евстафій, ученый толкователь Гомера и другихъ древнихъ писателей, показавшій рвеніе, достойное главы христіанской общины. Впрочемъ, грекамъ эти варварскія злодѣйства принесли пользу: они возбудили къ сопротивленію народъ, давно уже утратившій всякую энергію, всякое чувство любви къ родинѣ. Непріятели были слишкомъ долго задержаны грабежомъ города и окрестностей, и прежде чѣмъ они дошли до Константинополя, положеніе дѣлъ въ столицѣ совершенно измѣнилось, вслѣдствіе чисто восточной революціи. Господство перешло къ фамиліи Ангеловъ, бывшей уже при Мануилѣ весьма могущественной при дворѣ.

При воцареніи Андроника, одинъ изъ членовъ этой фамиліи, Исаакъ II, бросился, вмѣстѣ съ другими недовольными, въ Никею, но потомъ былъ измѣннически выданъ горожанами Андронику и жилъ въ безвѣстности въ Константинополѣ, пока одинъ изъ клевретовъ тиранна не избралъ его своею жертвою, вѣроятно изъ частной мести. Когда подосланный убійца ворвался, вечеромъ, въ домъ Исаака, тотъ въ смертельномъ страхѣ бросился на лошадь,

разсѣкъ палачу голову и скрылся въ церковь. Сюда собрались его друзья; около нихъ началъ толпиться народъ, масса все болѣе и болѣе прибывала, а Исаакъ и его друзья имѣли полную свободу разжигать ее рѣчами, такъ какъ Андроникъ пировалъ въ это время въ загородномъ дворцѣ и хотя получилъ въ тотъ же вечеръ извѣстіе о происшествіи, но не хотѣлъ оставить пира. Прибывъ на слѣдующее утро въ столицу, онъ нашелъ возстаніе уже въ полномъ разгарѣ, такъ что нечего было и думать о подавленіи его. Народъ провозгласилъ императоромъ Исаака, по малодушію и трусости отказывавшагося отъ этой чести, посадилъ его на лошадь и повелъ во дворецъ, гдѣ Андроникъ, оставленный своими, тщетно предлагалъ бунтовщикамъ отречься отъ престола въ пользу сына. Однако, пока народъ былъ занятъ грабежомъ дворца, Андроникъ, пользуясь общимъ смятеніемъ, бѣжалъ переодѣтый на корабль. Онъ даже успѣлъ отплыть отъ берега, но, задержанный непогодою и противнымъ вѣтромъ, былъ узнанъ людьми Исаака. Его схватили и, заковавъ въ цѣпи, привели къ новому императору, который произнесъ смертный приговоръ и поручилъ исполнить его свирѣпѣйшему изъ палачей,—столичной черни. Обхожденіе народа съ императоромъ, имъ самимъ возведеннымъ на престолъ, доказало, что такіе граждане стоили такого властителя. Среди брани и побоевъ, чернь тащила его по улицамъ города, вырывала у него волосы, вышибла глазъ, отсѣкла правую руку и, повѣсивъ за ноги, все еще продолжала мучить его самымъ отвратительнымъ образомъ, пока, послѣ долгихъ терзаній, смерть не освободила его отъ яростной толпы (1185 г.).

Исаакъ II былъ слабый, трусливый человѣкъ, склонный только къ разгулу и не стоившій власти ни по характеру, ни по уму. Случай возвелъ его на престолъ, случай же готовилъ ему блистательное начало царствованія. Буря разбила флотъ сицилійцевъ, а сухопутное ихъ войско было взято въ плѣнъ арміей, посланной Андроникомъ. Такимъ образомъ Исаакъ, не сдѣлавъ ни одного шага, является съ первыхъ дней царствованія побѣдителемъ и спасителемъ

государства. Какъ мала была въ этомъ спасеніи заслуга императора, полководцевъ, войска и флота доказало нападеніе на островъ Кипръ, гдѣ огромное войско и многочисленный флотъ Исаака сокрушились о силу, которую вслѣдъ затѣмъ Ричардъ Львиное Сердце обратилъ въ прахъ. Греческій флотъ сдѣлался добычею сицилійцевъ, союзниковъ кипрскаго тиранна, а войско, едва высадившись, положило оружіе. Исаакъ утѣшился въ этой неудачѣ тѣмъ, что женился на дочери венгерскаго короля Белы III и убѣдилъ его возвратить, за условленную сумму, земли, занятыя имъ въ царствованіе Андроника. Чтобъ добыть деньги, Исаакъ назначилъ новый чрезвычайный налогъ и этимъ создалъ себѣ страшнаго врага. Налогъ падалъ, въ числѣ прочихъ, и на кочевавшія около хребта Гемуса влахскія и болгарскія племена, повинность которыхъ, съ давнихъ поръ, состояла только изъ опредѣленной подати и поставки извѣстнаго числа рекрутъ. Раздраженные новымъ налогомъ, они возстали подъ предводительствомъ двухъ предпріимчивыхъ влаховъ, Петра и Асана, и завоевали себѣ независимость. Такимъ образомъ возникло новое болгарское государство (1186 г.) въ странахъ, сдѣлавшихся по уничтоженіи древняго болгарскаго царства (т. VI. стр. 212) и поселеніи павликіанъ (т. VI. стр. 297) мирными греческими провинціями. Первыми властителями были Петръ и Асанъ, устроившіе внутренній порядокъ государства по образцу Греціи и создавшіе правильное войско. Съ того времени начались опустошительные набѣги, подобные тѣмъ, которыми нѣкогда удручали Грецію тѣ же болгары. Особенно страдалъ отъ нихъ Константинополь, получавшій главные подвозы изъ странъ, разоряемыхъ тогда влахами, болгарами и куманами. Положеніе столицы становилось тѣмъ затруднительнѣе, что иностранное населеніе ея сильно возрастало. Тогда водворились въ ней толпы мухаммеданъ, получившихъ, по договору императора съ Саладиномъ, право отправлять въ Константинополѣ свое богослуженіе; массы венеціанцевъ, генуэзцевъ, пизанцевъ, русскихъ и болгаръ давно уже пользовались тамъ огромными привилегіями. Такимъ образомъ Кон-

стантинополь еще болѣе, чѣмъ прежде, сдѣлался средоточіемъ блеска и нищеты всего Востока и Запада; а между тѣмъ уже во время первыхъ крестовыхъ походовъ бытъ города и его смѣшанное населеніе произвели неблагопріятное впечатлѣніе на крестоносцевъ, такъ какъ тогда Европѣ еще не были извѣстны бѣдствія большихъ городовъ: громадная нищета рядомъ съ громаднымъ богатствомъ. Капелланъ и спутникъ Людовика VII, Одонъ де Дейль (Deuil), человѣкъ, много видѣвшій и непохожій на путешественниковъ, все хвалящихъ, или все порицающихъ, говоритъ о Константинополѣ: „Городъ грязенъ, вонючъ и во многихъ мѣстахъ постоянно теменъ, такъ какъ дворцы богатыхъ покрываютъ улицы, оставляя бѣднымъ и иностранцамъ грязь и потемки. Во тьмѣ совершаются убійства, грабежи и другія преступленія. Въ городѣ столько господъ, сколько богатыхъ, столько воровъ, сколько бѣдныхъ. О законѣ нѣтъ и рѣчи, и ни у кого нѣтъ ни страха, ни совѣсти, такъ какъ порокъ не наказывается и даже не выходитъ на свѣтъ.“

Исаакъ, живя въ собственной столицѣ среди иностранцевъ, окруженный иностраннымъ войскомъ и постоянно угрожаемый со стороны вновь возникшаго варварскаго государства, совершенно упалъ духомъ, узнавъ о крестовомъ походѣ Фридриха Барбароссы. Въ сознаніи собственнаго безсилія, онъ обратился къ Саладину, прося у врага христіанскаго имени войскъ противъ своихъ нѣмецкихъ братьевъ по вѣрѣ. Чѣмъ вѣроломнѣе дѣйствовалъ грекъ, тѣмъ ярче выдаются дѣйствія Фридриха Барбароссы. Когда его убѣждали соединиться съ влахами противъ Исаака, онъ съ истиннымъ благородствомъ отвергъ мысль о союзѣ съ мятежниками и варварами и предпочелъ пробиться съ мечомъ въ рукахъ чрезъ толпы влаховъ, болгаръ, кумановъ и грековъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ похода Фридриха, Исаакъ былъ свергнутъ съ престола роднымъ братомъ, Алексѣемъ III, составившимъ заговоръ и провозгласившимъ себя императоромъ, въ то время какъ Исаакъ уѣхалъ на охоту (1195 г.). Не имѣя ни заслугъ, ни достоинствъ, ни правъ на престолъ, и не умѣя никого привязать къ себѣ, Исаакъ ни въ

комъ не нашелъ и защиты; онъ не встрѣтилъ участія даже во время бѣгства, но былъ схваченъ и выданъ брату, имѣвшему жестокость лишить его зрѣнія и заключить въ темницу.

Презрѣніе къ грекамъ, возбужденное во всѣхъ народахъ братскою измѣною, усилилось ничтожнымъ правленіемъ и ребяческими дѣйствіями новаго императора. Въ началѣ, Алексѣй III выказывалъ безразсудную щедрость, имѣлъ неосторожность распустить войско, которому не довѣрялъ, но которое, тѣмъ не менѣе, было необходимо, и потерпѣлъ позоръ, сдѣлавъ попытку побѣдить болгаръ помощью вѣроломной хитрости. Потомъ, когда болгары продолжали опустошенія, онъ сталъ тѣснить народъ неслыханными поборами и бралъ даже у церквей и съ гробницъ императоровъ ихъ драгоцѣнности. Жена его искажала находившіяся въ Константинополѣ художественныя произведенія древности, чѣмъ раздражила даже чернь, обнаружившую въ этомъ случаѣ больше вкуса и ума чѣмъ императоръ и императрица. Въ Малой Азіи греческіе города добровольно подчинялись туркамъ, желая лучше быть подвластными врагами своей вѣры, чѣмъ Алексѣю. Во внутреннихъ провинціяхъ одно возстаніе смѣнялось другимъ. Къ довершенію несчастья, императоръ оскорбилъ венеціанцевъ и тѣмъ навлекъ бурю, которая была не по силамъ изнеможенному государству. Изъ ложныхъ политическихъ расчетовъ онъ покровительствовалъ пизанцамъ и этимъ возбудилъ ревность венеціанцевъ; сверхъ того онъ обложилъ ихъ пошлинами, не обращая вниманія на ихъ дипломы и привилегіи, и отказалъ въ уплатѣ суммъ, слѣдовавшихъ имъ, по договору, въ вознагражденіе за конфискованныя при Мануилѣ имущества. Эти дѣйствія и вообще ничтожество императора подали мысль честолюбивому дожу Генриху Дандоло прославить себя сверженіемъ греческаго императора, а Алексѣй далъ ему поводъ вмѣшаться во внутреннія дѣла государства и выполнить задуманный планъ. Онъ выпустилъ изъ тюрьмы брата, считая его слишкомъ ничтожнымъ, чтобъ быть опаснымъ. Но Исаакъ вошелъ въ сношенія съ латинянами и завязалъ переписку съ своею дочерью, женою

Филиппа Швабскаго. Вскорѣ и сынъ его, Алексѣй IV, нашелъ средство вырваться изъ рукъ дяди и отправиться на Западъ искать помощи отцу. Прежде всего онъ обратился къ папѣ, но получилъ рѣшительный отказъ, такъ какъ императоръ успѣлъ уже вступить въ сношенія съ Иннокентіемъ. Тогда онъ отправился въ Германію къ своему зятю Филиппу и былъ рекомендованъ имъ венеціанцамъ (1202 г.), къ которымъ незадолго до того прибыло значительное крестоносное войско, бывшее отъ нихъ въ зависимости по договору, заключенному съ его предводителями.

4. Четвертый или латинскій крестовый походъ.

Когда въ Венецію явились депутаты отъ крестоносцевъ, Генрихъ Дандоло, тогдашній дожъ, былъ девяносто трехъ лѣтъ и почти слѣпъ, отъ прежняго увѣчья, но, не смотря на то, силенъ и предпріимчивъ, какъ человѣкъ въ самой цвѣтущей порѣ жизни. Въ высшей степени хитрый и ловкій, онъ тотчасъ по прибытіи депутатовъ составилъ планъ воспользоваться благочестивыми намѣреніями простодушныхъ крестоносцевъ для своихъ государственныхъ цѣлей. Дандоло объявилъ, послѣ непродолжительныхъ переговоровъ, что согласенъ доставить корабли для перевозки 33,500 человѣкъ и 4,500 лошадей за 85,000 марокъ и заключилъ о томъ договоръ, съ тѣмъ чтобы онъ вошелъ въ силу только по принятіи его большимъ совѣтомъ и народомъ. Склонивъ безъ затрудненія большой совѣтъ къ утвержденію договора, онъ собралъ народъ въ церкви св. Марка и получилъ его согласіе, при чемъ предварительно шесть рыцарей обратились со своими просьбами непосредственно къ самому народу (1201 г.). Заключенное условіе было выгодной купеческой сдѣлкой; на сколько тутъ венеціанцы соблюли свои выгоды, можно видѣть изъ того, что было выше сказано (т. VII. стр. 26) о цѣнности денегъ въ то время. Чистосердечные крестоносцы не подозрѣвали настоящихъ намѣреній дожа, но

ихъ понялъ Иннокентій III, свѣдущій въ политикѣ не меньше Дандоло. Онъ далъ согласіе на этотъ договоръ, но подъ условіемъ, чтобы крестоносцы, при переѣздѣ на Востокъ, ни въ какомъ случаѣ не нападали на христіанъ, — и потому вскорѣ разсорился съ венеціанцами. Еще прежде чѣмъ крестоносцы отправились изъ Венеціи, умеръ графъ Тибо Шампанскій, выбранный предводителемъ; вмѣсто него избрали маркграфа Бонифація Монферратскаго. Бонифацій отправился въ Италію черезъ Германію, сошелся съ Филиппомъ Швабскимъ и молодымъ Алексѣемъ и обѣщалъ съ помощью крестоносцевъ доставить послѣднему константинопольскій престолъ. Однако его переговоры и эгоистическія намѣренія венеціанцевъ не остались, повидимому, тайною, такъ какъ многіе крестоносцы не поѣхали въ Венецію и отправились въ Палестину другимъ путемъ, а нѣкоторые нѣмцы, какъ графъ фонъ Катценелленбогенъ и другіе, не принадлежавшіе къ числу крестоносцевъ, направились въ Венецію.

Чтобы собрать сумму, слѣдовавшую венеціанцамъ, начали дѣлать сборъ съ крестоносцевъ; но, хотя нѣкоторые изъ нихъ продавали все, что у нихъ было цѣннаго, собрали не болѣе 51,000 марокъ. Тѣ, которымъ предпріятіе успѣло надоѣсть, уже радовались, думая, что оно не состоится вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій; но хитрый Дандоло выступилъ съ новымъ предложеніемъ. Онъ соглашался ждать уплаты недостающихъ денегъ до тѣхъ поръ, пока крестоносцы не пріобрѣтутъ ихъ какимъ нибудь завоеваніемъ, съ тѣмъ, чтобъ они, передъ отъѣздомъ въ Палестину, помогли венеціанцамъ вновь покорить далматскій городъ Зару, въ пятый разъ отпавшій отъ нихъ и отдавшійся подъ защиту венгерскаго короля. Крестоносцы приняли предложеніе и вмѣстѣ съ Дандоло, взявшимъ торжественно крестъ въ церкви св. Марка, отправились противъ христіанскаго города, не обращая ни малѣйшаго вниманія на папу, строго запрещавшаго этотъ походъ и даже грозившаго отлученіемъ отъ церкви. Зара, естественно, не могла противиться соединеннымъ силамъ венеціанцевъ и крестоносцевъ; она сдалась на пятый день и, по

варварскому обычаю того времени, была безчеловѣчно разграблена. Холода уже наступали, а потому крестоносцы согласились, по предложенію Дандоло, прозимовать въ Далмаціи. Тогда старый дожъ, сговорясь съ Бонифаціемъ Монферратскимъ и посломъ германскаго императора Филиппа, пустилъ въ ходъ дѣло Алексѣя. Между крестоносцами произошло сильное разногласіе. Одни, въ томъ числѣ многіе значительные духовные, не хотѣли и слышать о походѣ противъ Константинополя, другіе согласились очень охотно. Папа дѣлалъ всевозможное, чтобъ разрушить планъ Дандоло и Филиппа, запрещалъ всякія попытки противъ греческой имперіи, требовалъ полнаго вознагражденія жителей Зары и вновь грозилъ отлученіемъ. Его увѣщанія и убѣжденія не подѣйствовали, такъ какъ венеціанцы требовали должныхъ имъ денегъ, а Алексѣй обѣщалъ всевозможное, если ему помогутъ противъ дяди. Походъ былъ рѣшенъ, и въ началѣ весны 1203 г. крестоносцы поплыли къ Константинополю. Однако угрозы папы не были совершенно безплодны: храбрѣйшій рыцарь въ Европѣ, Симонъ де Монфоръ, отдѣлился со своими друзьями отъ крестоносцевъ.

Остановившись на нѣкоторое время у Корфу, флотъ вступилъ въ Мраморное море и, овладѣвъ безъ сопротивленія всѣмъ берегомъ, подошелъ, 23 іюня, къ Константинополю. Впечатлѣніе, произведенное тогдашнею столицею міра на поэтически настроенныхъ рыцарей, было невыразимо. Вотъ что говоритъ Готтфридъ Вилльгардуэнъ: „Тѣ, которые еще не были въ Константинополѣ, не вѣрили глазамъ при видѣ громадныхъ стѣнъ и башенъ, окружавшихъ городъ, пышныхъ дворцовъ, безчисленнаго множества богатыхъ церквей и огромнаго протяженія этого перваго изъ городовъ въ свѣтѣ. Въ эту минуту, даже у храбрѣйшихъ затрепетало сердце, потому что никогда, съ тѣхъ поръ какъ стоитъ міръ, не бралось еще такое малое число людей за столь великое предпріятіе.“ Крестоносцы высадились на азіатскомъ берегу Босфора и черезъ нѣсколько дней вступили въ бой. Не слушая совѣтовъ стараго Дандоло, знавшаго городъ и убѣждавшаго прежде всего устроить ма-

газины для провіанта, рыцари въ первыхъ числахъ іюля составили, сидя на коняхъ, военный совѣтъ и рѣшили немедленно штурмовать городъ. Здѣсь вполнѣ обрисовывается романическій характеръ тогдашняго западнаго рыцарства. Исповѣдавшись и причастившись, малочисленное войско переправилось, съ своими лошадьми, на плоскодонныхъ судахъ, къ Константинополю, намѣреваясь взять смаху, какъ какой нибудь редутъ, первую крѣпость тогдашняго міра, защищаемую 70.000 грековъ, и твердо рѣшившись побѣдить или умереть. Высадка была произведена на сѣверной сторонѣ гавани, тамъ гдѣ лежатъ Пера и Галата; нетерпѣніе рыцарей было такъ велико, что многіе, не дожидая десантныхъ мостовъ, бросились прямо въ воду, чтобъ скорѣе попасть на берегъ. Перу и Галату взяли съ перваго приступа. Затѣмъ, нужно было овладѣть крѣпкой галатской башней и прорвать огромную цѣпь, протянутую съ одного берега на другой и запиравшую входъ въ гавань; до этого нельзя было и думать о взятіи города, такъ какъ только со стороны моря безумное нападеніе могло имѣть хоть какой нибудь шансъ успѣха. За первое взялись крестоносцы, за второе венеціанцы. Мѣры, принятыя греческимъ императоромъ къ оборонѣ, по свидѣтельству его собственныхъ подданныхъ, были такъ ничтожны, что нѣтъ ничего удивительнаго, что наемники, защищавшіе галатскую башню, не исполнили своего долга, бѣжавъ послѣ непродолжительнаго боя. Цѣпь была прорвана венеціанскимъ кораблемъ, двинувшимся на нее на всѣхъ парусахъ; тогда весь флотъ крестоносцевъ вошелъ въ гавань и сталъ на якорѣ вдоль берега, отъ конца сераля до дворца и воротъ влахернскихъ. Сухопутное войско крестоносцевъ перешло изъ Галаты къ гавани, прогнало трусливыхъ грековъ въ городъ и расположилось лагеремъ у влахернскихъ воротъ. Нѣсколько дней прошло въ стычкахъ, а между тѣмъ Дандоло дѣлалъ на корабляхъ приготовленія, чтобъ штурмовать городъ съ моря: онъ велѣлъ устроить на верхнихъ частяхъ мачтъ мостки, съ которыхъ можно было спрыгнуть на стѣны и аттаковать ихъ защитниковъ. Но рыцари не хотѣли и слышать объ

этомъ и предприняли 17 іюля общій штурмъ съ сухопутной стороны, гдѣ были самыя высокія стѣны, такъ какъ здѣсь городу постоянно грозила опасность отъ дунайскихъ варваровъ. Штурмъ не удался. Венеціанцы взошли на стѣну, заняли до двадцати пяти бастіоновъ и зажгли городъ, но въ это время получили извѣстіе, что рыцари, взошедшіе было въ одномъ мѣстѣ на стѣну, обратили тылъ передъ массою греческаго войска. Дандоло имѣлъ благоразуміе бросить свои завоеванія и поспѣшить на помощь крестоносцамъ. Съ появленіемъ венеціанцевъ, греки были обратно прогнаны въ городъ.

Никто не ждалъ, чтобы сраженіе этого дня имѣло какія нибудь важныя послѣдствія; но ничтожный греческій императоръ счелъ дѣло своихъ подданныхъ потеряннымъ и ночью бѣжалъ изъ Константинополя. Онъ оставилъ на произволъ судьбы не только народъ, но и свое семейство, жену и двухъ дочерей, однако взялъ съ собой казну и коронные брилліанты. Этими деньгами онъ хотѣлъ купить помощь придунайскихъ варваровъ, совершенно равнодушный къ тому, что его бѣдное отечество будетъ опустошаемо съ двухъ сторонъ двумя страшными врагами! Узнавъ о его бѣгствѣ, греки сдѣлали самое благоразумное, что могли: они возвели на престолъ сверженнаго Исаака, и онъ послалъ просить крестоносцевъ вступить вмѣстѣ съ сыномъ въ городъ (19 іюля 1203 г.) друзьями. Но крестоносцы не хотѣли выпускать отъ себя Алексѣя, пока его обѣщанія не будутъ подтверждены отцомъ. Положеніе новаго императора было таково, что ему приходилось соглашаться на все; сообразно договору, заключенному сыномъ, онъ обязался: подчинить греческую имперію папѣ, выплатить венеціанцамъ и франкамъ по сту тысячъ марокъ, снабжать крестоносцевъ, въ теченіе года, провіантомъ, послать съ ними въ Палестину, на годъ, 10 тысячъ войска и навсегда содержать тамъ 500 рыцарей. Тогда крестоносцы вступили въ Константинополь; но по общему соглашенію выступили черезъ нѣсколько дней и расположились въ

предмѣстьяхъ по другую сторону гавани, такъ какъ долгое пребываніе въ городѣ непремѣнно вызвало бы раздоры съ греками.

Положеніе Исаака на престолѣ было затруднительнѣе, чѣмъ въ тюрьмѣ. Ему не было возможности выполнить обѣщаній, опрометчиво данныхъ Алексѣемъ латинянамъ, а съ другой стороны, безъ ихъ помощи нельзя было удержаться на престолѣ. Это обстоятельство заставило его просить крестоносцевъ и венеціанцевъ пробыть у него до слѣдующей весны. Къ уплатѣ денегъ приступили немедленно, и вскорѣ крестоносцамъ была возмѣщена вся сумма, взятая съ нихъ венеціанцами за проѣздъ. Между Алексѣемъ, сдѣлавшимся соправителемъ отца, и крестоносцами установилась самая тѣсная дружба. Рыцари находили при дворѣ почетный и блестящій пріемъ, а Алексѣй посѣщалъ ихъ лагерь, къ великому соблазну грековъ принималъ участіе въ ихъ пирушкахъ не какъ сынъ императора, а какъ другъ и товарищъ, и даже позволялъ имъ шутить съ своей короной. Съ помощью маркграфа Бонифація, графа де Сенъ-Поля и другихъ рыцарей онъ прогналъ дядю, дошедшаго уже до Адріанополя, и покорилъ провинціи, еще не присягнувшія отцу. Однако, согласіе между латинянами и византійцами не могло быть продолжительно: первые были слишкомъ склонны къ насиліямъ, вторые не могли забыть старой ненависти къ еретикамъ латинянамъ, а сверхъ того находили слишкомъ тяжелымъ налогъ, установленный императоромъ для выполненія условій договора. Завистливость жившихъ въ Константинополѣ латинскихъ купцовъ раздула искру, тлѣвшую подъ пепломъ. Они давно уже неравнодушно смотрѣли на множество мухаммеданскихъ торговцевъ, богатство которыхъ, благодаря ихъ неутомимой дѣятельности, видимо возрастало, и возбудили противъ нихъ фанатическую часть крестоносцевъ. Однажды, отрядъ рыцарей предпринялъ нападеніе на мечеть, уже тринадцать лѣтъ существовавшую въ столицѣ по условію заключеннаго съ Саладиномъ договора; мусульмане стали защищать свою мечеть, а греки помогли имъ. Въ городѣ начался упорный бой, причемъ франки зажгли нѣсколько домовъ и произвели пожаръ,

свирѣпствовавшій восемь дней и истребившій значительную часть столицы. Слѣдствіемъ этого была непримиримая ненависть. Все. что носило латинское имя, возбуждало ярость грековъ, такъ что пятнадцать тысячъ латинскихъ купцовъ должны были перебраться изъ города къ крестоносцамъ. Въ то же время предводители крестоносцевъ разсорились съ старымъ императоромъ. Исааку приходилось очень плохо: греки роптали на то, что онъ притѣсняетъ и мучитъ ихъ ради иностранцевъ, кляли его сына, продавшаго имперію латинянамъ и ихъ еретическому папѣ и унижавшаго, дружась съ ними, достоинство грековъ. Крестоносцы жаловались на то, что Алексѣй зазнался и рѣдко посѣщаетъ ихъ, и докучали обоимъ императорамъ требованіемъ остальныхъ денегъ, по ихъ мнѣнію коварно и несправедливо задержанныхъ у нихъ. Гнѣвъ буйныхъ рыцарей дошелъ наконецъ до того, что они послали къ императору шесть депутатовъ, поручивъ имъ настоятельно требовать выполненія обязательства, а если оно не будетъ исполнено, сдѣлать Исааку формальной вызовъ. При настроеніи умовъ въ столицѣ, это порученіе было не безопасно для депутатовъ, но они выполнили его съ тою же дерзостью, съ какою оно было имъ дано.

Тогда снова начались непріятельскія дѣйствія, и положеніе императора, противъ котораго шелъ также братъ съ болгарами и влахами, становилось критическимъ. Онъ видѣлъ, что государство гибло, проклиналъ неосмотрительнаго сына и, наконецъ, опасно заболѣлъ, но еще долженъ былъ быть свидѣтелемъ того, какъ возмутившійся народъ потребовалъ избранія новаго императора, съ исключеніемъ всей фамиліи Ангеловъ. Напрасно старались сенаторы, духовенство и придворные разубѣдить и успокоить взволнованную массу: ихъ заставили приступить къ избранію, а какъ никто не соглашался принять опасное достоинство, то они, наконецъ насильно навязали его молодому человѣку благородной фамиліи, Николаю Канаву. Между тѣмъ Алексѣй тайно вступилъ въ переговоры съ своими прежними друзьями франками и этимъ оскорбилъ оборонявшую его гвардію; кромѣ того онъ былъ постыд-

но обманутъ тѣмъ самымъ человѣкомъ, которому поручилъ вести переговоры. Это былъ Алексѣй V Мурзуфлъ, дальній родственникъ императорскаго дома. Онъ склонилъ на свою сторону государственнаго казначея, подкупилъ ожесточенную гвардію, распустилъ въ городѣ слухъ, что императоръ сносится съ латинянами, обманулъ крестоносцевъ ложною клятвой, выманилъ фальшивою тревогою Алексѣя, ночью, изъ дворца и велѣлъ удавить его. Старый императоръ вслѣдъ затѣмъ умеръ, а Николая Канава, по приказанію похитителя престола, бросили въ темницу (1204 г.). Мурзуфлъ вступилъ въ переговоры съ крестоносцами; но ни та, ни другая сторона не думала серьезно о мирѣ: латинянъ возбуждали ожесточеніе, нужда въ деньгахъ, страсть къ грабежу; Мурзуфлъ надѣялся припудить враговъ къ отступленію; поэтому, скоро начался рѣшительный бой. Расчитывая заранѣе, что дряхлое государство не устоитъ въ борьбѣ, венеціанцы заключили съ крестоносцами, въ мартѣ, новый договоръ, которымъ хитрые торговцы умѣли обратить въ свою пользу будущую побѣду рыцарей. Они условились, что изъ добычи, три четверти получаютъ венеціанцы, одну четверть крестоносцы; новый императоръ избирается шестью венеціанцами и шестью рыцарями, по большинству голосовъ; выборъ патріарха и устройство латинской церкви производится венеціанскими духовными, если императоръ будетъ латинянинъ, латинскими, если венеціанецъ; императоръ получаетъ четвертую часть имперіи, остальное дѣлится поровну между венеціанцами и крестоносцами; наконецъ, венеціанцы сохраняютъ всѣ права и льготы, которыми прежде пользовались въ имперіи.

Мурзуфлъ исправилъ укрѣпленія и возвысилъ стѣны столицы, такъ что латиняне, сдѣлавшіе приступъ 9 апрѣля, были отбиты. 12-го, назначенъ былъ новый приступъ, и какъ стѣны съ сухаго пути были слишкомъ высоки, то осаждавшіе рѣшили, что одинъ отрядъ долженъ проникнуть въ городъ съ кораблей и открыть остальному войску ворота; затѣмъ уже не могло быть сомнѣнія, что въ открытомъ бою франки останутся побѣдителями. Крестоносцы долго не

могли приставить къ стѣнамъ лѣстницы со стороны гавани; наконецъ, удачный порывъ вѣтра придвинулъ такъ близко къ стѣнамъ два корабля епископовъ труаскаго и суассонскаго, что съ марсовъ мачтъ можно было положить мосты на стѣну; по нимъ экипажъ перебрался на укрѣпленія. Латиняне вскорѣ завладѣли пятнадцатью бастіонами и, по условію, отворили ворота. Тогда все войско вошло въ городъ, и греки въ безпорядкѣ бѣжали по улицамъ. Однако, сами латиняне чувствовали, на сколько непріятель превосходилъ ихъ числомъ, и потому, при наступленіи ночи, отступили къ завоеванной стѣнѣ. За то бѣжавшіе прежде изъ города франки воспользовались смятеніемъ, чтобъ отмстить грекамъ, и рѣзали на улицахъ всѣхъ попадавшихся подъ руку. Отчаяніе придало грекамъ новыя силы, а чтобъ отвлечь ихъ, латиняне въ третій разъ зажгли городъ. Огонь свирѣпствовалъ нѣсколько дней, цѣлые кварталы были обращены въ пепелъ, и побѣдители, при свѣтѣ зарева, могли грабить и убивать даже ночью. Съ первой ночи, греки сочли свое дѣло потеряннымъ и тысячами искали спасенія въ бѣгствѣ; самъ императоръ бѣжалъ. Такимъ образомъ, двадцать тысячъ крестоносцевъ завоевали городъ съ четырьмя стами тысячъ жителей, потерявъ при этомъ одного рыцаря. Со стороны грековъ потеря тоже была, сравнительно, не велика, но за то имъ предстояло страшное бѣдствіе. Возмутительная жестокость франковъ, ихъ звѣрская и необузданная чувственность, дикая ярость, съ которою они оскверняли все святое и не святое, присоединяя къ насилію поруганіе, — всѣ эти варварства ни въ чемъ не уступали неистовствамъ, произведеннымъ османскими турками двѣсти пятьдесятъ лѣтъ спустя: но тѣ имѣли, по крайней мѣрѣ, извиненіемъ, что въ покоренномъ городѣ видѣли столицу невѣрныхъ. Папа, въ посланіи къ войску, высказалъ свое неудовольствіе противъ такого злоупотребленія побѣдой, но какъ дѣло было уже сдѣлано, то онъ, наконецъ, благословилъ его, снявъ съ крестоносцевъ проклятіе. Добыча побѣдителей была громадна; много изъ похищеннаго скрыли, но все еще для дѣлежа осталось четыреста тысячъ марокъ. Весьма много релик-

вій и церковныхъ драгоцѣнностей франки взяли на родину. Но всего важнѣе было то, что значительное число художественныхъ произведеній отправилось изъ Константинополя на Западъ, и что тамъ вообще весьма распространилось знакомство съ искусствами и промышленностью Востока, такъ какъ домы, дворцы и церкви латинянъ украсились похищенными вещами. Особенно воспользовались богатствами Константинополя венеціанцы для украшенія своей ратуши и площади св. Марка; между прочимъ, тогда же было привезено въ Венецію одно изъ величайшихъ художественныхъ произведеній древности — четыре лошади, стоящія на главномъ фронтонѣ церкви св. Марка.

5. Латинская имперія въ Константинополѣ.

По взятіи Константинополя, Дандоло и крестоносцы основали государство, сходное съ возникшимъ за сто лѣтъ до того іерусалимскимъ королевствомъ, потому что также было покорено французами и представляло столь же мало условій для прочнаго существованія. Условія дѣлежа между крестоносцами и венеціанцами были заранѣе опредѣлены съ точностью, слѣдовательно прежде всего представлялся вопросъ, кому достанется титулъ императора и ярмо невозможнаго владычества. Рѣшеніе вопроса зависѣло отъ венеціанцевъ, имѣвшихъ половину избирательныхъ голосовъ; но они были на столько умны, что не хотѣли выбрать своего дожа: имъ нужны были выгоды завоеванія, а не бремя его. Изъ крестоносцевъ только двое были въ состояніи принять и поддерживать императорское достоинство: главный предводитель, Бонифацій Монферратскій, и могущественнѣйшій изъ владѣтелей, принимавшихъ участіе въ походѣ, графъ Бальдуинъ Фландрскій. При основаніи іерусалимскаго королевства происходило почти тоже самое, и тогда избраніе имѣло гибельныя послѣдствія, потому что послѣ выбора Готтфрида Бульонскаго, Раймундъ Тулузскій, желавшій быть королемъ, своимъ упор-

ствомъ вынудилъ многихъ рыцарей воротиться въ Европу, чѣмъ съ самаго начала ослабилъ государство. Этого хотѣли избѣжать въ Константинополѣ, и потому заставили Бонифація и Бальдуина заключить, предварительно, договоръ, въ силу котораго, невыбранный императоромъ дѳлженъ былъ получить всѣ азіатскія владѣнія имперіи и островъ Кандію (Критъ) и заранѣе признать другаго верховнымъ сюзереномъ. Принявъ эту благоразумную мѣру, приступили къ выбору. Можно было думать, что онъ падетъ на Бонифація, какъ главнаго предводителя и болѣе способнаго къ управленію, чѣмъ другіе вожди; его желали и греки. Но венеціанцы были противъ него, вѣроятно потому, что неизбранному доставался островъ Кандія, которымъ Бальдуинъ, со своими ловкими фландрскими моряками, съумѣлъ бы воспользоваться, тогда какъ Бонифацію съ нимъ нечего было дѣлать, какъ только уступить венеціанцамъ. Такъ или иначе, Бальдуинъ былъ выбранъ императоромъ (9 мая 1204 г.) и коронованъ со всѣмъ великолѣпіемъ Востока и Запада. Вслѣдъ затѣмъ, венеціанцы приступили, согласно договору, къ выбору патріарха и избрали духовнаго, Ѳому Морозини, принадлежавшаго къ знатному венеціанскому роду. При раздѣлѣ имперіи, императору достались городъ Константинополь, за исключеніемъ весьма значительной части, отошедшей къ венеціанцамъ, и провинція Романія (Румелія), какъ четверть, непосредственно принадлежавшая ему по договору. Остальныя три четверти раздѣлились поровну между венеціанцами и крестоносцами, какъ коронные лены, а первые прибавили къ титулу дожа: владѣтель полуторы четверти римской имперіи. Присвоивъ себѣ лучшія провинціи, венеціанцы впослѣдствіи пріобрѣли отъ Бонифація за ничтожную сумму островъ Кандію. Вообще завоеваніе греческой имперіи принесло выгоды имъ однимъ, да одни они и умѣли упрочиться въ новыхъ владѣніяхъ и извлечь изъ нихъ пользу. Въ доставшейся имъ части Константинополя, венеціанцы весьма благоразумно соединили заботу о сохраненіи своего вліянія съ неприкосновенностью гражданской свободы, о которой промышленный классъ

итальянцевъ тогда сильно заботился не только у себя дома, но и въ основываемыхъ колоніяхъ. Они дали своимъ константинопольскимъ подданнымъ республиканское устройство, съ общимъ народнымъ собраніемъ и выборнымъ муниципалитетомъ, состоявшимъ изъ большаго и малаго совѣтовъ и неподчинявшагося никакой другой власти; во главѣ управленія стоялъ подеста, посылавшійся республикою Венеціей и только отъ нея одной получавшій приказанія. Гражданскіе законы были заимствованы венеціанцами, какъ и латинянами, изъ кодекса іерусалимскаго королевства, возникшаго почти при одинакихъ условіяхъ; морское право опредѣлилось законами, незадолго до того принятыми морскими итальянскими государствами изъ Барселоны и впослѣдствіи введенными во всѣхъ восточныхъ моряхъ, подъ именемъ Consolato del mare. Къ чести венеціанцевъ нужно сказать, что они воскресили въ своей константинопольской колоніи право, законъ и гражданскую свободу, составлявшіе украшеніе древней Греціи и исчезнувшіе болѣе полуторы тысячи лѣтъ тому назадъ. Во всѣхъ другихъ своихъ греческихъ владѣніяхъ они пробудили и оживили своими учрежденіями гражданское чувство, любовь къ родинѣ, земледѣліе, промышленность, трудолюбіе и достигли того, что ихъ колоніи могли сами защищать себя. Впрочемъ, венеціанцы не подчинили всѣ доставшіяся имъ и пріобрѣтенныя впослѣдствіи земли своему непосредственному господству: они принимали васаллами французскихъ рыцарей, знатныхъ грековъ, просившихъ у нихъ защиты, поощряли своихъ нобилей дѣлать завоеванія въ греческой имперіи и основывать на островахъ и въ приморскихъ городахъ лены республики. Спустя двадцать лѣтъ по завоеваніи Константинополя, они обсуждали даже вопросъ о перенесеніи въ Грецію центра республики, но признали лучшимъ распространять и укрѣплять свое владычество въ тѣхъ странахъ, посылая туда многочисленныхъ поселенцевъ. Великій дожъ ихъ, Генрихъ Дандоло, умеръ въ Константинополѣ въ 1205 г.

На развалинахъ греческаго государства венеціанцы возводили основанія своего всемірнаго могущества, а новая латинская

имперія была однимъ призракомъ и, подобно іерусалимскому королевству, быстро стремилась къ паденію. Императоръ былъ не болѣе какъ предводитель союзнаго войска и только личною храбростью въ сраженіяхъ могъ пріобрѣсти значеніе. Во внутреннихъ дѣлахъ, его во всемъ связывали венеціанцы и государственный совѣтъ, состоявшій изъ вельможъ; разногласія его съ ними рѣшались третейскимъ судомъ, избираемымъ ими и венеціанцами. Вассалы государства, какъ французы, такъ и венеціанцы, были обязаны слѣдовать за нимъ на войну только съ 24 іюня по 29 сентября, а нѣкоторые были и тогда изъяты отъ этой обязанности. Государство состояло изъ множества большихъ и малыхъ владѣній, обладатели которыхъ часто были сильнѣе императора и выходили изъ-подъ его зависимости. Бонифацій Монферратскій, обмѣнявшій свои азіатскія владѣнія на такъ называемое ѳессалоникское королевство, владѣлъ большей половиной Македоніи и Ѳессаліи и вскорѣ распространилъ свою власть на Пелопоннесъ. По смерти его Готтфридъ де Виллыгардуэнъ, племянникъ маршала, и бургундецъ Оттонъ де ла Рошъ основали значительныя княжества въ Коринѳѣ и Аѳинахъ. Всякій рыцарь, имѣвшій возможность собрать шайку, отправлялся занимать какой нибудь городъ или гору, гдѣ ему было удобнѣе заниматься прежнимъ ремесломъ разбойника, чѣмъ въ лѣсахъ родины. Вообще эти большіе и мелкіе владѣтели признавали только одно право меча. Особенно сильно страдали греки отъ ихъ грубости и надменности. Рыцари и ихъ люди обходились съ ними почти такъ, какъ османскіе турки съ ихъ потомками. Дикіе и буйные повелители несчастной страны производили всевозможныя безчинства и насилія надъ личностью и собственностью грековъ и яростно истребляли произведенія искусствъ, пострадавшія еще прежде отъ жены императора Алексѣя III и потомъ при взятіи Константинополя. Къ завоевателямъ присоединились новыя шайки бродягъ съ Запада, венеціанцевъ, рыцарей, или даже грековъ, вступавшихъ въ службу къ императору и основывавшихъ независимыя владѣнія, и этой добычею обогащали родныхъ, построив-

шихъ на деньги Востока свои большія, почти неразрушимыя церкви, монастыри и замки. Рядомъ съ франками основали нѣсколько независимыхъ владѣній и греки; но они враждовали между собой и обходились съ подданными не лучше западныхъ хищниковъ или почти такъ же какъ теперешніе турецкіе паши. Левъ Сгуръ укрѣпился въ Коринѳѣ, Аргосѣ, Навпліи и Ѳивахъ, но его наслѣдника выгнали въ 1210 г. Готтфридъ де Вилльгардуэнъ и Оттонъ де ла Рошъ. Въ Эпирѣ основалъ княжество Михаилъ Комненъ, родственникъ сверженной династіи. Нѣсколько городовъ во Ѳракіи сдѣлались независимыми. Въ Трапезунтѣ создалъ новую имперію Алексѣй I, внукъ Андроника, принявшій титулъ императора. Наконецъ, въ Никеѣ царствовалъ храбрый Ѳеодоръ Ласкарисъ I, зять Алексѣя III, избранный императоромъ послѣ бѣгства Мурзуфла и черезъ нѣсколько часовъ самъ принужденный бѣжать. Онъ бросился въ Малую Азію и, соединивъ вокругъ себя лучшихъ и храбрѣйшихъ грековъ и многочисленныхъ латинскихъ искателей приключеній, основалъ въ Никеѣ и ея окрестностяхъ государство, которое не только упрочилъ за собою, но и передалъ наслѣдникамъ.

Обращаясь отъ этого поверхностнаго общаго обзора къ частностямъ, мы видимъ уже въ самомъ началѣ сильный раздоръ между императоромъ и могущественнѣйшимъ изъ его вассаловъ, Бонифаціемъ Монферратскимъ. Бальдуинъ не хотѣлъ уступить Бонифацію въ безусловное владѣніе городъ Ѳессалонику, что непремѣнно произвело бы войну, если бы умный Готтфридъ Виллъгардуэнъ не устранилъ несогласія. Въ то же время, Бальдуинъ долженъ былъ дѣйствовать противъ обоихъ греческихъ императоровъ, Алексѣя III и Мурзуфла, спасшихся на сѣверѣ государства. Мурзуфлъ безъ всякаго труда былъ выгнанъ изъ занятыхъ имъ городовъ Романіи и отправился искать помощи у Алексѣя. Онъ расчитывалъ найти хорошій пріемъ, такъ какъ, похитивъ престолъ, женился на одной изъ дочерей Алексѣя, разумѣется не спрося согласія отца. Но Алексѣй воспользовался этимъ родствомъ, чтобъ отдѣлаться отъ соперника. Подъ видомъ дружбы заманивъ зятя въ лагерь, онъ ли-

шилъ его зрѣнія и присоединилъ къ себѣ его войска. Слѣпой и всѣми оставленный, Мурзуфлъ хотѣлъ пробраться въ Азію, но попался въ руки латинянъ и былъ казненъ ими въ Константинополѣ (1204 года), какъ убійца ихъ друга, Алексѣя IV. Тесть и противникъ его, видя невозможность бороться съ латинянами, обратился сперва къ Льву Сгуру, потомъ былъ взятъ въ плѣнъ и выкупленъ Михаиломъ Комненомъ Эпирскимъ, но, поссорясь съ нимъ, отправился въ Азію и нашелъ прибѣжище у иконійскаго султана, такъ какъ его зять, Ѳеодоръ Ласкарисъ, не хотѣлъ и слышать о немъ. Султанъ думалъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобъ отнять у Ласкариса часть владѣній, но былъ разбитъ имъ на голову (1210 г.), причемъ Алексѣй попалъ въ плѣнъ къ зятю и былъ посаженъ имъ въ монастырь, гдѣ и умеръ. Всю жизнь дѣлая мерзости, онъ, самъ того не зная, оказалъ великую услугу своему народу: счастливая война съ иконійскимъ султаномъ, причиною которой былъ онъ, развязала Ѳеодору Ласкарису руки въ Азіи и дала ему возможность направить всѣ силы противъ латинянъ.

Латинскій императоръ Бальдуинъ кончилъ еще несчастнѣе, чѣмъ его сверженный предшественникъ. Ѳракійскіе греки жаждали освободиться отъ удручавшаго ихъ гнета, и когда силы латинянъ разсѣялись, а братъ императора, Генрихъ, былъ посланъ въ Азію, усдѣлали попытку сбросить латинское иго. Они искали помощи бывшихъ злѣйшихъ враговъ своихъ, болгаръ, влаховъ и командовъ, и побудивъ ихъ короля, Ивана I, къ вторженію въ латинскіе предѣлы, съ яростью возстали противъ притѣснителей. Получивъ о томъ извѣстіе, Бальдуинъ поспѣшилъ къ центру возстанія, Адріанополю, хотя при немъ было всего 180 рыцарей; къ нему присоединился Дандоло съ небольшимъ войскомъ. Вмѣсто того, чтобы ожидать подкрѣпленій, онъ началъ осаду города и вскорѣ былъ окруженъ многочисленнымъ болгарскимъ войскомъ. Въ порывѣ необдуманной храбрости, онъ поддался на обыкновенную хитрость командовъ, и съ небольшимъ числомъ спутниковъ пустился преслѣдовать непріятелей, бѣжавшихъ въ разсыпную. Черезъ два часа легко вооружен-

ные куманскіе всадники внезапно поворотили назадъ, напали на измученныхъ рыцарей, уничтожили почти весь отрядъ и взяли въ плѣнъ Вальдуина (1205 г.). Весьма немногіе успѣли возвратиться къ своимъ товарищамъ, оставшимся у Адріанополя. Эта небольшая горсть, тѣснимая со всѣхъ сторонъ врагами, совершила подъ предводительствомъ Готтфрида де Виллъгардуэна мастерское отступленіе. Никогда, за исключеніемъ дѣяній Кортеса и Пизарро въ Америкѣ, не выказывались въ столь блестящемъ свѣтѣ, какъ тогда превосходное искусство рыцарей, ихъ умѣнье владѣть оружіемъ и неодолимое мужество. Конечно, доля славы принадлежитъ уму и опытности Готтфрида. Безчисленныя полчища болгаръ, влаховъ, клановъ и грековъ не осмѣлились даже сдѣлать нападенія на отступающихъ рыцарей. Однако, они наводнили сѣверныя провинціи и, опустошая все на пути, подходили къ стѣнамъ столицы, которая была въ опасности, не имѣя защитниковъ. Напрасно правительство старалось удержать семь тысячъ крестоносцевъ, возвращавшихся въ это самое время изъ Палестины черезъ Константинополь: они не согласились остаться. Тогда послали депутатовъ во Францію съ мольбами о помощи, вернули изъ Азіи брата императора, Генриха, и назначили его правителемъ. Возвратясь въ Константинополь, Генрихъ со своимъ маленькимъ войскомъ сдѣлалъ всевозможное, чтобы помочь бѣдѣ. Бонифацій также поспѣшилъ изъ Пелопоннеса для защиты своихъ сѣверныхъ провинцій. Восемь мѣсяцевъ, какъ дикіе звѣри, неистовствовали куманы, недѣлая различія между греками и латинянами. Наконецъ новому правителю удалось разбить ихъ (августъ 1206 г.), но тогда болгарскій царь Иванъ страшнымъ образомъ выместилъ свою злобу на плѣнномъ Бальдуинѣ. Иннокентій III въ началѣ плѣна пытался вступиться за императора; признавъ Ивана царемъ и тѣмъ поставивъ его на ряду съ другими государями, папа счелъ себя вправѣ выговаривать ему за вторженія въ латинскіе предѣлы и настоятельно требовалъ освобожденія Бальдуина; но Иванъ, у котораго, очевидно, было столько же искусныхъ людей, какъ у папы, весьма ловко отказалъ

ему. Разгнѣванный пораженіемъ, Иванъ велѣлъ отрубить Бальдуину руки и ноги и бросить его въ глубокій ровъ, гдѣ несчастный императоръ, за живо пожираемый птицами, умеръ только на третій день.

Узнавъ о смерти Бальдуина. латиняне единогласно выбрали императоромъ его брата, Генриха (1206 г.) Онъ съ самаго начала обнаружилъ таланты, которыхъ неблагодарные греки никогда не цѣнили по достоинству. Защита государства доставила ему тѣмъ болѣе славы, что венеціанцы, заботясь только о себѣ, предоставили его собственнымъ силамъ. Прежде всего онъ тѣсно соединился, посредствомъ брака, съ сильнѣйшимъ вассаломъ имперіи, Бонифаціемъ Монферратскимъ, вскорѣ погибшимъ геройскою смертью въ войнѣ съ куманами и влахами. Потомъ, напавъ на владѣнія варваровъ, онъ отстранилъ опасность, грозившую имперіи вслѣдствіе союза Ивана съ Ѳеодоромъ Ласкарисомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ рядомъ необыкновенныхъ усилій помѣшалъ союзу его съ Львомъ Сгуромъ. Затѣмъ онъ возстановилъ въ ея правахъ вдову Бонифація, вытѣсненную миланскимъ графомъ Бландрате. Но главнымъ предметомъ его заботъ были греки. Онъ управлялъ ими съ нижнегерманскою честностью, предоставилъ имъ равныя права и льготы съ латинянами, ревностно заботясь о ненарушимости этихъ правъ, открылъ грекамъ доступъ ко двору, принималъ ихъ въ войско, назначалъ на высшія должности и защищалъ свободу совѣсти отъ насилій папскаго легата, который, желая обратить грековъ въ католицизмъ, заперъ ихъ церкви и монастыри и наполнилъ темницы греческимъ духовенствомъ. Генрихъ уничтожилъ распоряженія легата и предоставилъ грекамъ, во всемъ государствѣ полную свободу богослуженія. За то и греки служили ему противъ потомка своихъ прежнихъ тиранновъ, тогда какъ алчные воины Запада стремились къ Ѳеодору Ласкарису, лучше платившему имъ. Такимъ образомъ произошло любопытное явленіе, что каждый изъ двухъ императоровъ дѣйствовалъ противъ другаго его же соотечественниками. Охраняя съ умомъ, справедливостью и мужествомъ свое государство внутри и извнѣ, Ген-

рихъ въ тоже время пользовался Иннокентіемъ III для полученія подкрѣпленій съ Запада и для убѣжденія духовенства и бароновъ имперіи содѣйствовать его планамъ. Съ тѣмъ же самымъ папой велъ переписку и хитрый Ѳеодоръ Ласкарисъ, убѣждавшій Иннокентія не препятствовать его вербовкамъ на Западѣ; но когда папа старался убѣдить его дружескими письмами подчиниться Генриху, благочестивый сынъ остался глухъ къ увѣщаніямъ святаго отца. При этомъ случаѣ нельзя не обратить вниманія на всеобъемлющій умъ и необычайную дѣятельность Иннокентія. Изъ оставшихся послѣ него бумагъ видно, что онъ переписывался со всѣми концами греческой имперіи, защищалъ духовенство отъ хищничества владѣтелей и ихъ солдатъ, грековъ отъ латинянъ и латинянъ отъ грековъ, твердилъ всѣмъ объ исполненіи предписаній правительства и скрѣплялъ всѣ договоры. Зная, что все это происходило въ то время, какъ во Франціи начались кровавыя преслѣдованія альбигойцевъ, поглащавшія все вниманіе папы, что въ то же время онъ имѣлъ важныя несогласія съ Іоанномъ Безземельнымъ, кончившіяся униженіемъ англійскаго короля, и съ величайшими усиліями старался противодѣйствовать распространявшейся тогда философіи Аристотеля, — можно представить себѣ, каковъ долженъ былъ быть умъ, способный вести дѣла съ цѣлымъ міромъ.

Счастье благопріятствовало Генриху. Государство, основанное Львомъ Сгуромъ въ Пелопоннесѣ, было уничтожено Готтфридомъ де Виллъгардуэномъ и Оттономъ де ла Рошъ; на сѣверѣ, судьба освободила грековъ и латинянъ отъ свирѣпаго Ивана Болгарскаго (1207 г.), а его преемникъ заключилъ съ Генрихомъ миръ. Затѣмъ оставались два опасныхъ для безсильной имперіи врага: Ѳеодоръ Ласкарисъ Никейскій и Михаилъ Комненъ Эпирскій. Хитрый и храбрый Ласкарисъ былъ чрезвычайно искусенъ въ военномъ дѣлѣ и умѣлъ придать своему государству прочность, о которой нельзя было и думать латинской имперіи. Съ нимъ Генрихъ заключилъ миръ (1214 г.), соблюдавшійся до самой его смерти. Напротивъ, съ Михаиломъ Комненомъ, царствовавшимъ подъ именемъ

деспота (властителя) надъ Эпиромъ, Этоліей и Акарнавіей, императоръ находился въ безпрерывной враждѣ. Только одважды, будучи въ стѣсвенныхъ обстоятельствахъ, Михаилъ подчивялся ему, но въ слѣдующемъ же году (1210 г.) варушилъ миръ и возобновилъ военныя дѣйствія. Напавъ внезапно ва стараго Готтфрида де Вильгардуэва и сто другихъ рыцарей, овъ взялъ ихъ въ плѣнъ, распялъ Готтфрида ва крестѣ, а остальвыхъ засадилъ въ темницу, и потомъ вторгся въ латинскіе предѣлы, грабя и опустошая все на пути. Искусный политикъ, овъ покровительствовалъ духовенству все время, пока было оно преслѣдуемо папскимъ легатомъ, а незадолго до смерти (1216 г.) призвалъ изъ Никеи своего своднаго брата, Θеодора, показавшаго, сдѣлавшись эпирскимъ деспотомъ, чему онъ выучился въ военной школѣ Ласкарвса. Онъ началъ свое блистательное правленіе завоеваніямв въ Θессаліи и Илиріи. Генрихъ поспѣшилъ лично противъ него, но заболѣлъ въ дорогѣ и умеръ лѣтомъ 1216 г. въ Θессалоникѣ. Его смерть была тѣмъ бо́льшимъ несчастіемъ для латинской имперіи, что черезъ нѣсколько недѣль умеръ и Иннокентій III, неутомимо заботившійся о новыхъ владѣніяхъ папскаго престола ва Востокѣ.

Генрихъ не оставилъ дѣтей. Слѣдуя исконному германскому обычаю выбирать своихъ государей по родству, государственные чины провозгласили императоромъ ближайшаго родственника обоихъ умершихъ государей, графа намюрскаго Петра де Куртнэ (Courtenay), мужа ихъ старшей сестры, Іоланты, и близкаго родственника французской королевской и германской императорской фамиліи. Онъ былъ такъ бѣденъ, что долженъ былъ продать часть владѣній, чтобъ явиться въ имперію съ приличною свитою, и все-таки не имѣлъ, чѣмъ заплатить за переѣздъ. Въ крайности, онъ обратился къ венеціанцамъ, перевезшимъ въ Константинополь его семейство, а тѣ воспользовались его путешествіемъ для похода противъ Дураццо, отнятаго у нихъ Θеодоромъ Эпирскимъ. Предпріятіе не удалось. Тогда Петръ де Куртнэ отправился, вмѣстѣ съ папскимъ легатомъ, сухимъ путемъ и попалъ въ плѣнъ къ

эпирскому деспоту. Ни папа, ни венеціанцы не заботились о плѣнномъ императорѣ больше, чѣмъ сколько этого требовало приличіе. Венеціанцы, и въ этомъ и въ другихъ случаяхъ слѣдовали только своей торговой политикѣ. Кто благопріятствовалъ ихъ торговлѣ, считался ихъ другомъ, былъ ли онъ язычникъ, іудей, мухаммеданинъ или грекъ; кто мѣшалъ имъ, считался врагомъ, будь это братъ или самъ папа. На этомъ основаніи, они были въ союзѣ даже съ Ѳеодоромъ Ласкарисомъ и иконійскимъ султаномъ, хотя, ради приличія, называли эти отношенія не миромъ, а перемиріемъ. По этому же они играли главную роль въ торговлѣ всѣхъ портовъ Чернаго моря, на малоазійскомъ, сирійскомъ и египетскомъ берегахъ, въ Испаніи, Франціи, Фландріи и Англіи. Во всѣхъ этихъ пунктахъ они имѣли свои торговые законы, права и судъ и bailo или консуловъ, которые, съ участіемъ двухъ, а въ важныхъ случаяхъ и бо́льшаго числа нобилей производили расправу надъ жившими тамъ венеціанцами и разбирали ихъ торговые споры. Они, естественно, не отступили, изъ любви къ особѣ императора, отъ своихъ принциповъ и не сдѣлали рѣшительнаго шага для его освобожденія. Такимъ же образомъ дѣйствовалъ и Гонорій III. Онъ писалъ къ Ѳеодору Эпирскому, старался доказать ему, какъ неблагоразумно съ его стороны прерывать начатыя его предшественникомъ сношенія съ римскимъ дворомъ, упрекалъ за вѣроломное взятіе въ плѣнъ императора и легата и требовалъ освобожденія послѣдняго, не упоминая ни слова объ освобожденіи перваго. Вообще о несчастномъ императорѣ такъ мало заботились, что мы даже не знаемъ времени его смерти. Легата Ѳеодоръ выпустилъ, когда папа сталъ проповѣдывать противъ него священную войну и уже собралъ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Чтобъ отклонить грозу, Ѳеодоръ даже показалъ видъ, что думаетъ обратиться къ католической церкви. Папа, руководимый только личными расчетами, вдался въ обманъ и подъ угрозою отлученія заставилъ крестоносцевъ прекратить враждебныя приготовленія противъ эпирскаго деспота.

Получивъ извѣстіе о смерти Петра, бароны избрали императоромъ его старшаго брата, Филиппа Намюрскаго (1210 г.). Но онъ отказался отъ пустаго титула, и тогда отправленные къ нему депутаты убѣдили вступить на престолъ его младшаго брата, Роберта (1221 г.). Положеніе государствъ было хуже, чѣмъ когда либо. Ѳеодоръ Эпирскій отнялъ у сына Бонифація Монферратскаго его владѣнія, покорилъ всю Ѳессалію, Македонію и Ѳракію до Адріанополя и принялъ титулъ греческаго императора (1222 г.). Съ Востока, повидимому, опасности не было, такъ какъ Ѳеодоръ Ласкарисъ женился, за два года передъ тѣмъ, на сестрѣ Роберта и, по пріѣздѣ его въ Константинополь, помолвилъ за него свою дочь. Но въ слѣдующемъ же году Ѳеодоръ Ласкарисъ умеръ (1222 г.), и положеніе совершенно измѣнилось. Преемникъ Ѳеодора, мужъ его старшей дочери, Іоаннъ Ватацій, перемѣнилъ политику и разстроилъ предполагавшійся бракъ. Онъ оставался въ союзѣ съ венеціанцами до тѣхъ поръ, пока не создалъ себѣ флота, а тогда сталъ занимать одинъ за другимъ острова и приморскіе города латинской имперіи и, приставая къ незащищеннымъ мѣстностямъ, высаживалъ тамъ войска, побѣдоносно проникавшія во внутреннія провинціи. Тѣснимый Ватаціемъ и Ѳеодоромъ Эпирскимъ, Робертъ обращался къ посредничеству папы, чтобъ получить помощь съ Запада. Гонорій III дѣлалъ все что могъ: подъ страхомъ отлученія онъ запрещалъ вступать въ службу къ Ѳеодору Эпирскому и обѣщалъ отправляющимся въ Константинополь такое же отпущеніе грѣховъ, какъ іерусалимскимъ крестоносцамъ; но ни то, ни другое не дѣйствовало, потому что недавній неудачный крестовый походъ въ Египетъ поколебалъ на Западѣ довѣріе къ папѣ и его военнымъ предпріятіямъ. Къ счастью для латинской имперіи, бывшей тогда недалеко отъ погибели, оба враждебныхъ ей греческихъ императора поссорились между собой. Съумѣй Робертъ воспользоваться этой распрей, падающее государство могло бы значительно поправиться; но это былъ грубый, неуклюжій человѣкъ, слѣдовавшій только внушеніямъ необузданныхъ страстей и не умѣвшій заставить себя

слушаться даже въ собственномъ дворцѣ. Прійдя въ отчаяніе отъ неповиновенія слугъ и чиновниковъ, онъ оставилъ государство на произволъ судьбы и уѣхалъ въ Римъ, а потомъ, слѣдуя совѣту папы, хотѣлъ было вернуться въ Константинополь, но на дорогѣ умеръ (1228 г.).

Третьему брату Петра де Куртнэ, Бальдунну II, было одиннадцать лѣтъ, когда умеръ Робертъ. Его признали императоромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ подумали о томъ, на кого бы возложить бремя управленія и предводительство надъ войскомъ. На это мѣсто, вѣроятно по указанію папы, избрали графа Іоанна Бріенискаго, который былъ выбранъ въ 1208 г. королемъ іерусалимскимъ, пріѣхалъ въ 1223 г. въ Италію и выдалъ дочь свою за германскаго императора Фридриха II, но смертельно поссорился съ нимъ, когда Фридрихъ принялъ титулъ іерусалимскаго короля. Не смотря на свои 80 лѣтъ, Іоаннъ обладалъ еще врожденною дѣятельностью и необычайною силою, а будучи іерусалимскимъ королемъ пріобрѣлъ, по крайней мѣрѣ, навыкъ командовать феодальнымъ войскомъ и защищать угрожаемое со всѣхъ сторонъ государство. Приглашеніе пришлось ему тѣмъ болѣе кстати, что по возвращеніи Фридриха изъ Палестины ему нельзя было оставаться въ Италіи. По договору, заключенному съ государственными чинами, онъ долженъ былъ управлять, какъ настоящій императоръ, выдать вторую дочь за Бальдуина и признать его своимъ наслѣдникомъ. Въ Константинополѣ онъ нашелъ истощенную казну, пустые магазины, анархію между латинянами и вѣроломство со стороны грековъ, даже тѣхъ, которые пользовались милостями Генриха и Роберта. Потому, въ первое время онъ не могъ ничего предпринять и долженъ былъ даже распустить часть наемниковъ, приведенныхъ имъ изъ Италіи и Франціи. Наконецъ, подданные принудили его прервать миръ съ Никеей и отправиться воевать въ Малую Азію. Походъ этотъ, по незначительности латинскаго войска, кончился ничѣмъ, но былъ поводомъ къ заключенію союза между греческимъ императоромъ и болгарскимъ царемъ Иваномъ Асаномъ. Ихъ соединенныя вой-

ска дважды подступали къ Константинополю. Въ первый разъ, въ городѣ было всего 180 рыцарей, и только необычайная храбрость Іоанна, сдѣлавшаго вылазку, вмѣсто того чтобъ защищаться за стѣнами, спасла столицу, а съ ней и государство. Во второй разъ осажденнымъ помогли вассалы и союзники; но и тогда Іоаннъ дѣйствовалъ геройски. Вслѣдъ за тѣмъ, къ счастью латинянъ, между противниками ихъ начался раздоръ, и болгарскій царь даже соединился съ своими бывшими врагами. Черезъ годъ послѣ второй осады, Іоаннъ умеръ (1237 г.), оставивъ государство почти въ томъ же положеніи, въ какомъ принялъ его.

Молодой Бальдуинъ, сдѣлавшись императоромъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ странствовалъ по Европѣ, вымаливая у папы и королей денегъ и войска для падающаго государства. Ему было трудно собрать войско, и приходилось переносить много униженій; особенно неблагопріятна была для его дѣла вражда императора Фридриха II съ папою, такъ какъ Фридрихъ смотрѣлъ непріязненно на все, исходившее отъ папы. Когда, наконецъ, Бальдуинъ сформировалъ порядочное войско и послалъ часть его впередъ, подъ предводительствомъ Іоанна Бетюнскаго, императоръ весьма долго задерживалъ это войско, прежде чѣмъ пропустилъ въ Ломбардію и Венецію, полагая, что оно идетъ на помощь къ безпокойнымъ ломбардскимъ городамъ или къ папѣ. Такъ пропало много времени, а въ Венеціи Іоаннъ Бетюнскій умеръ и войско разсѣялось. Послѣ папы больше всѣхъ принималъ участіе въ нищемъ императорѣ французскій король Людовикъ IX. Онъ помогъ Бальдуину деньгами и выкупилъ величайшую святыню латинской имперіи, терновый вѣнецъ Спасителя, заложенный баронами въ минуту нужды одному венеціанцу за 13000 золотыхъ. Людовикъ заплатилъ еще бо́льшую сумму, и за это подданные и современники осыпали его похвалами. Чтобъ добыть денегъ, Бальдуинъ заложилъ свое намюрское графство и, наконецъ, отправился съ довольно многочисленнымъ войскомъ въ Константинополь черезъ Германію и Венгрію. Болгары, между тѣмъ, снова разсорились съ латинянами,

и латиняне не постыдились заключить противъ нихъ союзъ съ куманскими ордами, проникшими тогда, съ огнемъ и мечомъ, во внутренность Македоніи. Намѣстникъ имперіи, Наржо де Туси, даже женился на дочери куманскаго предводителя, на могилѣ котораго были принесены въ жертву восемь латинянъ, а потомъ пировалъ съ варварами и заключилъ съ ними союзъ среди отвратительнѣйшихъ церемоній; то же долженъ былъ сдѣлать и самъ Бальдуинъ. Императоръ и его бароны, куманскій князь и начальники ордъ, пустили себѣ кровь и выпили ее, смѣшавъ съ водою и виномъ; потомъ разрубили на куски собаку и пожелали, чтобы то же самое было съ нарушителями союза. Бальдуинъ предпринималъ послѣ того нѣсколько экспедицій, но вскорѣ казна его истощилась и онъ принужденъ былъ распустить приведенныхъ съ Запада наемниковъ, которые поступили тогда на службу къ его противнику, Ватацію. Бальдуинъ сталъ искать помощи у иконійскаго султана, которому даже обѣщалъ для его гарема одну изъ своихъ племянницъ, — такъ затруднительно было его положеніе, — а затѣмъ опять отправился нищенствовать по Италіи и Франціи, но черезъ четыре года вернулся въ Константинополь, ничего не добившись. Ватацій, между тѣмъ, вытѣснилъ болгаръ изъ Ѳракіи, занялъ Македонію и Ѳессалію, заставилъ эпирскаго деспота отказаться отъ императорскаго титула, взялъ его въ плѣнъ и подчинилъ себѣ остальныхъ членовъ эпирской династіи. Бальдуинъ еще разъ ѣздилъ на Западъ, и опять понапрасну; до самой смерти этотъ несчастный императоръ находился въ положеніи, тяжкомъ и унизительнымъ даже для частнаго человѣка: передѣлавъ въ монету весь находившійся въ Константинополѣ металлъ, какова бы ни была цѣнность работы, заложивъ, съ разрѣшенія папы, церковныя имѣнія, онъ кончилъ тѣмъ, что жилъ съ женою милостыней, вымоленной имъ у французской королевы.

Пока константинопольская имперія приходила подъ управленіемъ латинянъ въ болѣе и болѣе жалкое состояніе, никейское государство достигло при Ватаціи рѣдкихъ въ тѣхъ странахъ силы и процвѣтанія. Достигнувъ могущества, Ватацій, отлично воспользо-

вался имъ. Онъ посвятилъ свои послѣдніе годы заботамъ о внутреннемъ устройствѣ государства и старался возстановить земледѣліе, а съ нимъ и благосостояніе, въ прекрасныхъ, но опустошенныхъ провинціяхъ Малой Азіи. Хозяйство, заведенное имъ въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ, было такъ хорошо, что доходомъ съ него покрывались всѣ расходы двора. Подданные слѣдовали примѣру государя, и никейскія провинціи наслаждались благосостояніемъ, тогда какъ сосѣднія турецкія страны бѣдствовали отъ нищеты. Ватацій понялъ также, что для пріобрѣтенія господства надъ всей бывшей имперіей слѣдуетъ беречь латинянъ, составлявшихъ значительную и лучшую часть его войска, водворившихся повсюду цѣлыми колоніями и основавшихъ, какъ на Западѣ, маленькія воинственныя династіи и городскія общины. Поэтому онъ ввелъ въ своемъ государствѣ принятые латинянами іерусалимскіе законы и чуждые до тѣхъ поръ грекамъ суды пэровъ и ордаліи. Этимъ онъ отучилъ подданныхъ отъ деспотизма, пріучивъ ихъ къ воинской дисциплинѣ западнаго рыцарства. Умирая (1255 г.), Ватацій оставилъ никейское государство несравненно болѣе могущественнымъ, чѣмъ латинская имперія, но сынъ и преемникъ его, Θеодоръ II Ласкарисъ, испортилъ многое своей запальчивостью и строгостью и приготовилъ революцію, совершившуюся послѣ его смерти. Исключительное положеніе Никеи требовало большой осмотрительности въ управленіи. Она сдѣлалась центромъ греческихъ патріотовъ, въ ней нашла опору народная религія, тогда какъ въ остальныхъ частяхъ греческой имперіи господствовалъ католицизмъ; сюда же стремились и смѣлые латинскіе и греческіе искатели приключеній, получавшіе долю въ добычѣ, имѣвшіе участіе въ управленіи и, наконецъ, сдѣлавшіеся весьма сильными. Оба прежнихъ императора, понимая особенности этого положенія, дѣйствовали весьма осторожно. Θеодоръ II, желая выказывать всюду свою власть, поступалъ иначе и вызвалъ этимъ смуты. Съ дикимъ произволомъ и жестокостью преслѣдовалъ онъ самыхъ заслуженныхъ людей, а между тѣмъ доставилъ огромное вліяніе фамиліи Музало, занив-

шей важнѣйшія мѣста и внушавшей многимъ опасенія, чтобы монархія не перешла въ олигархію. По завѣщанію Өеодора, опека надъ его девятилѣтнимъ сыномъ и наслѣдникомъ должна была достаться главѣ этой фамиліи, Георгу Музало, вмѣстѣ съ патріархомъ Арсеніемъ (1259 г.). Это распоряженіе было причиной паденія Ласкарисовъ. Хотя Өеодоръ и заставилъ вельможъ три раза присягнуть въ томъ, что его воля будетъ исполнена, но тѣмъ не менѣе тотчасъ по его смерти ожесточенная знать умертвила всю фамилію Музало и передала регентство Михаилу Палеологу, предки котораго играли важную роль еще за двѣсти лѣтъ передъ тѣмъ при воцареніи Комненовъ (т. VI. стр. 236). Михаилъ былъ предводителемъ наемныхъ западныхъ войскъ и не разъ возбуждалъ подозрѣнія въ Ватаціи; не рѣшаясь оставаться въ Никеѣ при Өеодорѣ II, онъ ушелъ, при его воцареніи, къ туркамъ. Но значеніе его и вліяніе на народъ были такъ велики, что Өеодоръ долженъ былъ призвать его обратно. Сдѣлавшись правителемъ, онъ роздалъ важнѣйшія мѣста роднымъ и друзьямъ, привязалъ къ себѣ деньгами войско и черезъ четыре мѣсяца послѣ смерти Өеодора былъ провозглашенъ ими императоромъ. Патріархъ протестовалъ, но долженъ былъ уступить и короновалъ Михаила, взявъ съ него обѣщаніе пощадить ребенка. Однако, черезъ два года, Михаилъ велѣлъ ослѣпить и заключить въ крѣпость молодаго принца. Тогда патріархъ сложилъ съ себя свой санъ и ушелъ въ монастырь. Съ Михаиломъ на запятнанный кровью греческій престолъ взошла послѣдняя династія Палеологовъ (1259 г.).

Новый императоръ, еще прежде пользовавшійся популярностью, съумѣлъ скоро привязать къ себѣ подданныхъ и упрочить свою власть. Онъ былъ щедръ, но не отягощалъ государство налогами; упростивъ свой домашній бытъ, онъ сдѣлалъ тѣмъ значительныя сбереженія и уважалъ права гражданъ даже тогда, когда они приходили въ столкновеніе съ его собственною властью, такъ что однажды, подобно Августу, лично явился въ судъ для оправданія. Готовясь къ ниспроверженію латинской имперіи и завоеванію Константинополя,

онъ заключилъ союзъ съ генуезцами и совершилъ нѣсколько походовъ противъ эпирскихъ владѣтелей. Генуезцы были ему необходимы противъ ихъ старинныхъ враговъ, венеціанцевъ, составлявшихъ главную опору латинской имперіи. Оба эти народа давно не любили другъ друга, и безпрестанныя ссоры ихъ въ иностранныхъ гаваняхъ не разъ переходили въ открытую войну. Такъ, въ 1256 г. споръ за владѣніе церковью святой Сабы въ Акрѣ вызвалъ между ними упорную войну; они уничтожали другъ у друга склады и корабли, вступали въ кровопролитныя морскія битвы, и только послѣ двухлѣтней борьбы, уступая совѣтамъ папы, заключили пятилѣтнее перемиріе; при этомъ генуезцы должны были согласиться на тяжелыя условія и, разумѣется, остались сильно ожесточенными противъ венеціанцевъ. Союзъ съ Михаиломъ Палеологомъ былъ для нихъ какъ нельзя болѣе кстати, и хотя еще не истекъ срокъ перемирія, они приняли предложеніе императора (1261 г.), обязавшись помочь флотомъ при осадѣ Константинополя, взамѣнъ тѣхъ же правъ, какими венеціанцы пользовались тамъ при латинянахъ. Однако императору не пришлось воспользоваться ихъ непосредственною помощью; завоеваніе столицы было результатомъ его походовъ противъ эпирскаго владѣтеля, Михаила II, который возсталъ на никейскаго императора, и, получивъ подкрѣпленіе отъ двухъ своихъ зятьевъ, сицилійскаго короля Манфреда и ахайскаго князя Вильгельма де Виллъгардуэна, вторгся въ Ѳессалію. Императоръ тотчасъ же двинулся противъ враговъ, а вѣроломный Михаилъ, въ минуту опасности, покинулъ союзниковъ. Вильгельмъ, пришедшій на помощь тестю, былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ, и купилъ свою свободу уступкою нѣсколькихъ крѣпостей въ Пелопоннесѣ. Такимъ образомъ и здѣсь Михаилъ Палеологъ сталъ твердой ногой. Въ слѣдующемъ году, когда эпирскій владѣтель снова взялся за оружіе, онъ отправилъ противъ него брата, но, опасаясь сношеній возставшаго вассала съ влахами, послалъ во Ѳракію небольшой наблюдательный корпусъ подъ начальствомъ Алексѣя

Стратегопула. Этотъ отрядъ совершенно неожиданно овладѣлъ Константинополемъ.

Михаилъ Палеологъ пытался самъ, въ предшествовавшемъ году, взять Константинополь, но былъ отбитъ и заключилъ съ Бальдуиномъ перемиріе. Расчитывая на это, венеціанцы и большинство латинянъ отправились въ отдаленный походъ, и Алексѣй Стратегопулъ счелъ эту минуту удобной для неожиданнаго нападенія на столицу; о перемиріи онъ не заботился; что значили въ то время и въ тѣхъ странахъ договоры и обязательства? Онъ зналъ, что Палеологъ имѣлъ въ столицѣ связи, а греки горѣли нетерпѣніемъ сбросить съ себя латинское иго. Усиливъ свой отрядъ на Геллеспонтѣ прибрежными жителями, независимыми отъ обоихъ императоровъ и промышлявшими контрабандой и разбоемъ, онъ быстро двинулся на Константинополь, гдѣ никто не ожидалъ нападенія, приблизился къ нему въ темнотѣ и, пославъ нѣсколькихъ человѣкъ взлѣсть на стѣны и отпереть ворота, вошелъ въ городъ почти безъ сопротивленія. Пожаромъ и грабежомъ онъ навелъ такой страхъ на латинянъ, что, считая его войско гораздо сильнѣйшимъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, они съ самаго начала отчаялись въ своей участи. Бальдуинъ, вмѣсто того, чтобъ искать геройской смерти во главѣ небольшаго числа вѣрныхъ рыцарей, спрятался во дворцѣ и потомъ спасся на кораблѣ, отвезшемъ его въ Италію. Черезъ три недѣли Михаилъ Палеологъ торжественно вступилъ въ Константинополь, перенесъ туда свою столицу и, съ свойственнымъ ему искусствомъ, началъ быстро залечивать раны государства. Прежде всего онъ выполнилъ свои обязательства въ отношеніи къ генуэзцамъ, отдалъ имъ, въ полное владѣніе, предмѣстья Перу и Галату и предоставилъ даже имѣть тамъ свое войско, а затѣмъ утвердилъ за венеціанцами и пизанцами ихъ кварталы, давъ имъ льготу отъ податей и самостоятельный судъ. Замѣчателенъ анекдотъ, передаваемый однимъ историкомъ того времени, и вѣроятно не вымышленный. Когда при дворѣ Михаила получили извѣстіе о взятіи Константинополя, одинъ изъ самыхъ почтенныхъ государственныхъ

людей вмѣсто того, чтобы радоваться, сталъ горько жаловаться, говоря: „Что я слышу? За что такая напасть? какими грѣхами навлекли мы на себя гибель? теперь, когда Константинополь въ рукахъ грековъ, гибнетъ всякая надежда". Онъ полагалъ, что все бросится въ столицу и впадетъ тамъ въ прежнее растлѣніе, — и былъ правъ. Все потянулось въ Европу и уже спустя два десятилѣтія по взятіи Константинополя въ Малой Азіи утвердились османскіе турки, исторія которыхъ вскорѣ поглотила въ себѣ исторію греческаго государства.

Императоръ Бальдуинъ и его потомки блуждали по Европѣ, тщетно моля папъ и королей о помощи, и наконецъ, продали свои права, перешедшія сперва къ анжуйскому дому, а потомъ къ Франціи. Самъ Бальдуинъ умеръ въ 1272 г. Мелкія латинскія вассальныя государства были уничтожены потокомъ времени.

6. Исторія Эюбидовъ и христіанскихъ предпріятій на востокѣ отъ смерти Саладина до Людовика IX.

Саладинъ, умершій въ Дамаскѣ къ 1193 г., основалъ обширное мухаммеданское государство, въ составъ котораго вошли Египетъ, Сирія и Іеменъ; но жители Дамаска вѣрно судили о положеніи этого государства, горько оплакивая кончину его основателя. На Востокѣ все зависитъ отъ одного человѣка. Его не стало, новаго господина не было, значитъ судьба владѣній должна была рѣшиться мечомъ. Убійство и война начались скоро и свирѣпствовали до тѣхъ поръ пока не угасъ родъ Эюбидовъ. Сыновья, братья и племянники Саладина раздѣлили между собой царство. Старшій сынъ, Афдалъ, получилъ Дамаскъ и Іерусалимъ; второй, Азизъ — Египетъ; третій, Дагеръ, — Алеппо; дядя ихъ, Адель, сдѣлался повелителемъ области на Евфратѣ, и многіе другіе родственники Саладина овладѣли разными странами и городами. Владѣтель Египта долженъ былъ быть главою надъ всѣми, но на это у него не было

силъ. Эюбиды часто враждовали между собой и ни одинъ изъ нихъ не слѣдовалъ мудрому наставленію, данному Саладиномъ при прощаньи младшему сыну. Вотъ что сказалъ онъ Дагеру, по свидѣтельству его довѣреннаго писца: „Завѣщаю тебѣ благоговѣть предъ высшимъ существомъ, источникомъ всякаго блага. Исполняй его заповѣди: въ немъ твое спасеніе. Не проливай крови и не прими душегубство на главу твою; пролитая кровь не засыпаетъ. Сохрани себѣ сердца подданныхъ и заботься прилежно о ихъ благѣ: они ввѣрены Богомъ и мною твоему попеченію. Будь ласковъ съ князьями и начальниками; кротостью и дружелюбіемъ достигъ я вершины власти. Ни къ кому не питай въ себѣ злобы, потому что смерть унесетъ всѣхъ. Никого не обижай; люди не прощаютъ пока не отмстятъ, тогда какъ тебѣ, если обидишь Бога, раскаяніе уготовитъ прощеніе, потому что Богъ милосердъ.“

Старшій сынъ Саладина, Афдалъ, подобно большинству выросшихъ въ гаремахъ властителей, предался сначала чувственнымъ наслажденіямъ, а потомъ впалъ въ какую-то нелѣпую набожность, такъ что переписывалъ собственноручно коранъ, проводя время въ молитвахъ и покаяніи. Поэтому, братъ его, Азизъ, и властолюбивый дядя, Адель, безъ труда вытѣснили его изъ Дамаска (1196 г.), которымъ и завладѣлъ Адель. Афдалъ просилъ помощи у иконійскихъ сельджуковъ, но безуспѣшно; Адель пользовался слишкомъ большимъ уваженіемъ у фанатиковъ суннитовъ, вслѣдствіе побѣды, одержанной имъ еще при Саладинѣ надъ однимъ изъ нубійскихъ властителей, эмиромъ ассуанскимъ Кенцъ эль Даулой, вооружившимся на защиту шіитскаго ученія. Это же значеніе помогло Аделю сдѣлаться, по смерти Азиза (1198 г.), опекуномъ его малолѣтняго сына и потомъ присвоить себѣ его владѣнія. Духовные, на вопросъ, законно ли правленіе малолѣтняго, дали ему отвѣтъ, что дитя не можетъ быть господиномъ, но подчинено волѣ другихъ. Завоевавъ Египтомъ, Адель скоро распространилъ свою власть и на Дагера, владѣтеля Алеппо. Но важнѣйшимъ предпріятіемъ его былъ походъ противъ армянской крѣпости Шаллата или

Ишлата, обладаніемъ котораго Адель достигалъ троякой цѣли: давалъ государству, простиравшемуся отъ предѣловъ Нубіи и африканскихъ степей до горъ Арменіи, твердый операціонный базисъ для дѣйствія противъ этой страны; пріобрѣталъ твердый оплотъ противъ грозившихъ съ сѣверо-востока хореэмійцевъ и монголовъ; и, наконецъ, избавлялъ Сирію отъ вторженій иконійскихъ сельджуковъ. Но это значеніе Ишлата породило нескончаемую вражду между Аделемъ, султаномъ иконійскимъ, и повелителемъ Хорезміи, такъ что, въ то самое время, какъ дикія монгольскія и татарскія орды грозили ворваться въ переднюю Азію, три главныхъ мухаммеданскихъ государства, вмѣсто того, чтобы соединиться въ виду общей опасности, вели между собой упорную борьбу за обладаніе Ишлатомъ. Во время этихъ междоусобій, ослаблявшихъ мухаммеданъ, въ Палестину прибыли нѣмецкіе крестоносцы, подъ начальствомъ Конрада Вюрцбургскаго; ихъ славный, но непродолжительный походъ, имѣлъ участь всѣхъ крестоносныхъ ополченій (т. VII. стр. 99). По отбытіи ихъ, Адель предпочелъ вѣрное перемиріе случайностямъ войны, такъ что для Сиріи и Палестины опять настало время покоя; но палестинскіе, антіохійскіе и армянскіе христіане воспользовались имъ только для междоусобныхъ распрей. Это было счастьемъ для Аделя, такъ какъ годы 1201 и 1202 были страшно бѣдственны для Египта. Нилъ не разливался и урожая вовсе не было. Въ странѣ свирѣпствовали голодъ и зараза, за обыкновенный хлѣбъ платили тысячу золотыхъ, дороги и улицы были завалены трупами, народъ для спасенія своей жизни бѣжалъ тысячами и продавался въ рабство; наконецъ, дошло до того, что жители образованнѣйшей мухаммеданской страны, бывшей центромъ торговли, искусствъ и наукъ, обратились въ каннибаловъ и питались только человѣческимъ мясомъ. Въ это время Фулькъ и другіе проповѣдывали, по повелѣнію Иннокентія III, крестовый походъ; но возбужденные ими крестоносцы обратились, какъ мы видѣли, противъ византійской имперіи и открыли латинянамъ новое поле борьбы и приключеній, бывшее для многихъ заманчивѣе Палести-

ны. Нѣкоторые отправились въ Константинополь даже изъ святой земли. Другимъ препятствіемъ для предпріятій въ Палестинѣ были постоянные раздоры между сирійскими и армянскими христіанами, дѣлавшіе невозможными какое либо общее дѣйствіе. Потому, въ 1204 г. было заключено новое перемиріе съ Аделемъ. Черезъ годъ умеръ іерусалимскій король, Амаларихъ II, оставивъ трехъ дочерей; наслѣдницей его была признана старшая, Марія Іоланта. Ея именемъ, вначалѣ, управлялъ намѣстникъ, но потомъ духовные и свѣтскіе бароны отправили депутацію во Францію, чтобъ пріискать ей мужа. Филиппъ Августъ, къ которому обратились депутаты, обѣщалъ указать имъ героя и назвалъ графа Іоанна Бріеннскаго, брата Вальтера, игравшаго роль въ Сициліи, по смерти Генриха VI (т. VII. стр. 129). Іоаннъ, славившійся храбростью, огромнымъ ростомъ и силой, охотно принялъ предложеніе (1208 г.), но у него не было ни денегъ, ни войска, а потому пріѣздъ его въ Палестину не измѣнилъ положенія дѣлъ. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ обратился къ Иннокентію III съ просьбой устроить новый походъ. Неутомимый папа принялся за дѣло съ обычной энергіей, разослалъ повсюду окружныя посланія, приказалъ проповѣдывать походъ, принялъ дѣятельныя мѣры, чтобы подготовить все къ предпріятію, вступилъ въ переписку съ Аделемъ, положеніе котораго отлично вывѣдалъ, съ іерусалимскимъ патріархомъ, съ гроссмейстерами орденовъ, и наконецъ, на церковномъ соборѣ въ Римѣ (1215 г.), опредѣлилъ время и порядокъ похода. Онъ самъ не дожилъ до него, но его преемникъ, Гонорій III (1216 г.), ревностно продолжалъ начатое дѣло, такъ что осенью 1217 г. новое крестоносное войско отправилось на Востокъ.

Главными участниками въ этомъ походѣ были венгры съ своимъ королемъ Андреемъ II, сыномъ Белы III, и нѣмцы различныхъ земель, подъ предводительствомъ герцога австрійскаго Леопольда VII, герцога Оттона Меранскаго, архіепископа зальцбургскаго и другихъ свѣтскихъ и духовныхъ владѣтелей. Данія и Норвегія также доставили многихъ крестоносцевъ. Но особенно важно было

участіе фризовъ, кёльнцевъ, бременцевъ и другихъ жителей сѣверной Германіи, отправившихся въ Палестину моремъ. Часть ихъ остановилась въ Португаліи, чтобъ тамъ помочь христіанамъ противъ невѣрныхъ, и только черезъ годъ прибыла въ Палестину; остальные хотя и не были задержаны въ Португаліи, такъ какъ предприняли крестовый походъ вслѣдствіе чудеснаго знаменія, но имѣли такой несчастный переѣздъ, что только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ поспѣли въ Акру. Въ числѣ ихъ былъ кёльнскій каноникъ Оливеръ, оставившій подробное описаніе этого похода. Въ Палестинѣ, даже до прибытія нижне-германцевъ, собралось такое множество крестоносцевъ, что Адель счелъ благоразумнымъ не выступать въ открытое поле, а держаться въ крѣпостяхъ, понимая, что это сборное ополченіе разсѣется такъ же скоро, какъ собралось. Дѣйствительно, въ началѣ 1218 г. венгерскій король съ лучшею частью войска поплылъ домой; другіе пировали въ Акрѣ, и только нѣмцы съ герцогомъ Леопольдомъ и епископами, въ ожиданіи своихъ сѣверныхъ соотчичей, помогали іерусалимскому королю укрѣплять Кесарію (Цезарею). По прибытіи нижне-германцевъ, папскій легатъ Пелагій, побуждаемый, вѣроятно, итальянскими приморскими городами, направилъ предпріятіе на Египетъ. Въ маѣ, все войско крестоносцевъ отправилось туда на корабляхъ.

Дѣйствія христіанъ въ Египтѣ начались осадою Даміетты, обширнаго торговаго города, лежавшаго между рукавомъ Нила и озеромъ и считавшагося, по своимъ сильнымъ укрѣпленіямъ, ключомъ всей страны. Въ самомъ руслѣ Нила была построена огромная башня, отъ которой шла къ обоимъ берегамъ цѣпь, заграждавшая входъ въ гавань. При осадѣ такого почти въ водѣ лежащаго города, полезнѣе всего могли быть фризы, нижне-германцы и норвежцы, и, дѣйствительно, имъ были одолжены крестоносцы своими первыми успѣхами. Одинъ фризъ въ самомъ началѣ привелъ въ ужасъ осажденныхъ, метнувъ копье, съ которымъ управиться могъ развѣ одинъ Самсонъ; другой нижне-германецъ, Оливеръ Кёльнскій, изобрѣлъ машину для взятія башни, а одинъ фризскій

юноша первымъ взошелъ на нее съ этой машины. Вскорѣ (осенью 1218 г.) умеръ Адель, а сынъ его, Камель, наслѣдовавшій ему въ Египтѣ, принужденъ былъ бѣжать изъ Даміетты вслѣдствіе возмущенія въ войскѣ. Но христіане не могли воспользоваться этимъ обстоятельствомъ оттого, что уже на третій день прибылъ другой сынъ Аделя, Моаттамъ, или, какъ его обыкновенно зовутъ европейцы, Коррадинъ, возстановившій порядокъ, и вслѣдствіе раздора, возбужденнаго въ лагерѣ Пелагіемъ, желавшимъ получить главное начальство. Весною 1219 г. Леопольдъ Австрійскій со многими рыцарями вернулся въ Европу, но за то лѣтомъ число вновь прибывавшихъ до того умножилось, что султанъ предложилъ миръ. Онъ согласился, если христіане очистятъ Египетъ, уступить все прежнее іерусалимское королевство, отпустить плѣнныхъ, возвратить святой крестъ и даже дать денегъ на поправку іерусалимскихъ стѣнъ. Тогда началась сильнѣйшая распря между королемъ Іоанномъ, желавшимъ принять условія султана, и алчнымъ Пелагіемъ, настаивавшимъ на продолженіи осады. По словамъ Гомера, худшіе всегда побѣждаютъ: мнѣніе Пелагія взяло верхъ и на этотъ разъ. Христіане принудили городъ къ сдачѣ. Изъ семидесяти тысячъ жителей, шестьдесятъ пять тысячъ погибли отъ нужды, голода и болѣзней; улицы были покрыты трупами. Несмѣтную добычу раздѣлили между крестоносцами, а городъ вошелъ въ составъ іерусалимскаго королевства.

Раздоръ съ властолюбивымъ легатомъ побудилъ короля Іоанна оставить войско и отправиться въ Палестину. Пока начальствовалъ Пелагій, Камель устроилъ на другомъ рукавѣ Нила, возлѣ Даміетты, укрѣпленный лагерь, изъ котораго образовался городъ Мансура. Ожидая прибытія императора Фридриха II, давно уже обѣщавшаго папѣ итти въ походъ, Пелагій потерялъ цѣлый годъ. Когда, наконецъ, онъ рѣшился двинуться противъ Мансуры, его не послушались и стали требовать возвращенія сильнаго и мужественнаго Іоанна. Онъ пріѣхалъ въ іюлѣ, то есть въ эпоху начала разлитія Нила (т. I. стр. 57) и не смотря на то пошелъ на Мансуру.

Онъ велъ одно изъ самыхъ многочисленныхъ войскъ, бывшихъ на Востокѣ, но за то и Эюбиды, забывъ на время раздоръ, со всѣхъ сторонъ устремились на помощь Камелю. Еще опаснѣе ихъ были для христіанъ свойства почвы и время года. Мусульмане прорвали всѣ плотины на Нилѣ и каналахъ, такъ что христіане попали въ искусственныя болота. Многочисленность крестоносцевъ усиливала затруднительность положенія, а тѣмъ временемъ на нихъ бросились безчисленныя полчища легковооруженныхъ сирійцевъ, арабовъ и негровъ, поддерживаемыхъ превосходною курдскою и турецкою конницею. Къ счастью, Камелю и Моаттаму хотѣлось какъ можно скорѣе получить обратно Даміетту, и потому они согласились вступить въ переговоры. Въ августѣ 1221 г. былъ заключенъ мирный договоръ, по которому христіане обязались очистить Египетъ, взамѣнъ чего получили свободный пропускъ, всѣхъ плѣнныхъ и святой крестъ; въ сентябрѣ они уже оставили Египетъ, а вслѣдъ за ними и мухаммеданскія полчища разсѣялись по домамъ. Весь походъ этотъ стоилъ бѣдной и слабонаселенной Европѣ огромныхъ потерь людьми и деньгами. Одинъ папа, независимо отъ другихъ пособій, послалъ въ два раза 20,000 марокъ; въ Германіи и Польшѣ для этого похода взималась двадцатая часть церковныхъ доходовъ. Изъ этого можно видѣть, что въ то время деньги со всей Европы текли въ Италію. Она была главнымъ банкомъ Европы, центромъ торговой и фабричной дѣятельности, и кромѣ того получала большую часть доходовъ съ духовныхъ должностей, пошлину съ суевѣрія и прибыль съ крестовыхъ походовъ. Потому неудивительно, что тогда она была первой военной и морской страной въ мірѣ. Южная Италія на столько же превосходила тогда этимъ всѣ другія государства, на сколько въ наше время, при Бурбонахъ, отставала отъ всѣхъ. Генуя и Пиза, вмѣстѣ, имѣли флотъ равный сицилійскому, а Венеція могла выставить изъ всѣхъ своихъ колоній вдвое большее число кораблей. Другое замѣчаніе, заслуживающее быть приведеннымъ здѣсь, касается терпимости Эюбидовъ, взаимныхъ сношеній христіанъ съ

мухаммеданами и свободнаго обмѣна идей между Востокомъ и Западомъ. Святой Францискъ, изъ Ассизи, основатель одного изъ двухъ нищенствующихъ монашескихъ орденовъ, пріѣхавъ, лѣтомъ 1219 г., въ Даміетту, отправился въ непріятельскій лагерь проповѣдовать христіанство. Султанъ принялъ его милостиво, но, разумѣется, онъ не достигъ цѣли. Также и многіе его ученики, тогда еще не испорченные, совершенно свободно проповѣдывали христіанство сирійскимъ мухаммеданамъ и находили ласковый пріемъ, пока не начинали бранить самого Мухаммеда. Благочестивый и неглупый историкъ перваго египетскаго крестоваго похода, Оливеръ Кёльнскій, принявъ эту мягкость и терпимость за склонность къ христіанству, написалъ, передъ выступленіемъ крестоносцевъ изъ Египта, письмо къ Камелю и поучительное посланіе къ египетскому духовенству; разумѣется, его старанія остались столь же безплодными, какъ и попытка святаго Франциска и его учениковъ.

Въ неудачѣ египетскаго похода вся Европа обвиняла германскаго императора Фридриха II, давшаго въ Ахенѣ, при коронаціи (1215 г.) обѣтъ совершить походъ въ Палестину, и потомъ возобновившаго его, черезъ пять лѣтъ, при коронаціи въ Римѣ, и даже обязавшагося тогда выступить непремѣнно въ слѣдующемъ году. Однако, имѣя причины оставаться въ Европѣ, онъ не исполнилъ обѣщанія, и даже когда отправилъ сорокъ галеръ, всѣ говорили, что онъ намѣренно пустилъ ихъ слишкомъ поздно. Затѣмъ, онъ постоянно успокоивалъ папу обманчивыми обѣщаніями, а кабинетъ его, соединявшій мавританскіе таланты, неаполитанское коварство и итальянское юридическое образованіе, умѣлъ съ невѣроятнымъ искусствомъ и ловкостью отдѣлываться отъ папскихъ настояній. Папа жаловался, бранилъ Фридриха въ письмахъ, но еще разъ повѣрилъ его положительному обѣщанію и пригласилъ въ Римъ, для совѣщаній объ императорскомъ походѣ, легата Пелагія, іерусалимскаго патріарха и короля Іоанна. Приглашенные съѣхались, а Фридрихъ наблюдалъ изъ Германіи надъ ихъ занятіями и смѣялся, отправляя къ папѣ слезное письмо о несчастномъ

положеніи святой земли (1222 г.). Наконецъ, весною 1223 г., между папой и императоромъ произошло свиданіе; Фридрихъ взялъ себѣ двухлѣтнюю отсрочку и тогда же обручился съ дочерью іерусалимскаго короля, Іолантой. Іоаннъ, снабженный папскимъ окружнымъ посланіемъ, отправился къ королямъ англійскому, французскому и испанскому, а Гонорій сверхъ того послалъ настоятельныя письма къ разнымъ владѣтелямъ и епископамъ. Въ Англіи, странствующій король не нашелъ никакой помощи; во Франціи Филиппъ Августъ, покрайней мѣрѣ, подумалъ передъ смертью,—послѣдовавшей въ это время,—о Палестинѣ и завѣщалъ значительную сумму Іоанну, тампліерамъ и іоаннитамъ; въ благочестивой Кастиліи, гдѣ Іоаннъ посѣтилъ могилу святаго Іакова (т. V. стр. 124), ему дали богатое вспоможеніе, хотя сражались за вѣру въ собственной землѣ. Старый король, бывшій уже вторично вдовцемъ, еще разъ женился тамъ на сестрѣ кастильскаго короля. Это не мало способствовало его позднѣйшей ссорѣ съ Фридрихомъ. Вернувшись наконецъ въ Римъ безъ всякихъ результатовъ, онъ самъ убѣдилъ папу дать императору двухлѣтнюю отсрочку. Фридрихъ особеннымъ договоромъ подтвердилъ обѣщаніе, торжественно объявивъ, что въ случаѣ неисполненія его признаетъ себя подлежащимъ отлученію отъ церкви, и женился на Іолантѣ или, правильнѣе, взялъ ее въ свой гаремъ, къ другимъ женамъ (1225 г.). Властолюбивый и хитрый императоръ имѣлъ особенныя намѣренія: ему хотѣлось пріобрѣсти титулъ и права іерусалимскаго короля, которыми Іоаннъ владѣлъ только какъ мужъ матери Іоланты, права же эти нужны были ему для того, чтобъ еще въ большей мѣрѣ чѣмъ прежде усиливать свой флотъ и войско на суммы, жертвуемыя благочестивыми дателями для религіозныхъ цѣлей. Дѣйствительно, онъ не только принялъ титулъ іерусалимскаго короля, но послалъ въ Палестину епископа Амальфи съ тремя стами рыцарей, приказавъ принять вмѣсто себя присягу отъ іерусалимскихъ бароновъ (1226 году). Хотя Іоаннъ не могъ представить противъ этого никакихъ законныхъ возраженій, но тѣмъ не менѣе совершенно разсорился

съ зятемъ, уже и прежде сердившимся на него за вмѣшательство въ неаполитанскія дѣла. Дѣло было въ томъ, что Іоаннъ вошелъ въ подозрительныя сношенія съ приверженцами Танкреда, имѣя, вѣроятно, въ виду помочь воротить наслѣдство ограбленному Фридрихомъ племяннику своему, сыну графа Вальтера Бріеннскаго и дочери Танкреда.

Съ папой, Фридрихъ не прерывалъ сношеній до самой смерти его (1227 г.), но тонъ ихъ переписки становился все непріязненнѣе, и Гонорій сдѣлалъ Іоанна, смертельно озлобленнаго противъ зятя, намѣстникомъ большей части папской области. Это было, рѣшительно, враждебнымъ шагомъ противъ императора, но папа оправдывается тѣмъ, что на его серьозное рвеніе и усилія подвинуть народы своей церкви къ новому походу и собрать нужныя для того средства, Фридрихъ постоянно отвѣчалъ притворствомъ и обманомъ. Преемникъ Гонорія III, Григорій IX, совершенно разсорился съ императоромъ. Когда наступилъ назначенный Фридрихомъ срокъ для похода (лѣтомъ 1227 г.), множество крестоносцевъ собралось въ Апулію, а нѣкоторые даже отправились въ Палестину ранѣе, чтобъ уже тамъ ждать императора. Но онъ, по обыкновенію, откладывалъ отъѣздъ. Жаркій климатъ Апуліи произвелъ болѣзни и большую смертность между крестоносцами и многіе, хотя и неохотно, отправились домой, но большинство погибло въ дорогѣ. Вся Европа роптала противъ Фридриха, и папа, 20 сентября 1227 года, произнесъ надъ нимъ отлученіе. Вслѣдъ за тѣмъ мухаммедане сами пригласили Фридриха въ Палестину. Чтобъ понять это, надо, во первыхъ, знать отношенія его къ мухаммеданскому міру, а во вторыхъ, имѣть въ виду раздоры между Эюбидами. Фридрихъ былъ ближе всѣхъ своихъ предшественниковъ къ невѣрнымъ и пользовался у нихъ большею извѣстностью чѣмъ у своихъ единовѣрцевъ. Его лучшіе воины, вѣрнѣйшіе, богатѣйшіе и ученѣйшіе служители и подданные въ обѣихъ Сициліяхъ были мухаммедане или люди, учившіеся у мухаммеданъ. Самъ онъ, обязанный имъ частью своихъ обширныхъ познаній, слѣдовалъ философіи, подходившей бли-

же къ исламу, чѣмъ къ христіанству, такъ что одинъ мухаммеданинъ позднѣйшаго времени говоритъ о немъ, что онъ сердцемъ былъ такъ же близокъ къ мусульманамъ, какъ любилъ ихъ философскія и естественныя знанія, и это понятно, если вспомнимъ, что онъ провелъ всю молодость на островѣ Сициліи, населенномъ, преимущественно, мухаммеданами. Наконецъ, его привычки и наслажденія, особенно сильная страсть къ женщинамъ, не менѣе опасная для него, чѣмъ, нѣкогда, для царя Соломона, обнаруживала въ немъ чисто мухаммеданскій взглядъ на жизнь. Все это побудило владѣтеля Египта, Камеля, также не фанатически преданнаго своей религіи, просить у Фридриха помощи противъ родныхъ. Братъ его, Моаттамъ, поссорившись съ нимъ, вступилъ въ союзъ съ могущественнымъ султаномъ хорезмійскимъ, Джелаледдиномъ, о которомъ ниже будетъ сказано подробнѣе, и подчинилъ себѣ другаго брата, Ашрафа, господствовавшаго на Евфратѣ и Тигрѣ; оставшись одинъ противъ враговъ, Камель рѣшился обратиться къ Фридриху и формально пригласилъ его въ Палестину. Въ то время какъ пришло его приглашеніе (январь 1228 г.), Фридрихъ, враждовавшій съ ломбардскими городами, преслѣдуемый папою духовнымъ оружіемъ и угрожаемый мірскимъ, не могъ предпринять похода. Но лишь только положеніе дѣлъ позволило ему оставить Европу, онъ рѣшился выполнить изъ политическихъ расчетовъ то, чего не хотѣлъ сдѣлать изъ религіознаго чувства, и притомъ, какъ развитой и образованный человѣкъ, стоявшій, съ самаго дѣтства, выше предразсудковъ своего времени, съумѣлъ съ истиннымъ величіемъ возвыситься надъ обстоятельствами. Прошлогодніе крестоносцы совершенно разсѣялись; папа старался поднять противъ императора весь свѣтъ, а особенно неаполитанцевъ, недовольныхъ его деспотическимъ управленіемъ; Іоаннъ Бріеннскій грозилъ войною и сбиралъ друзей Танкреда и Вальтера; но, не смотря на все это, Фридрихъ рѣшился послѣдовать приглашенію Камеля, потому что того требовала политика. Природный умъ и хитрость, опиравшаяся на знаніе людей, указали ему способъ отстранить главную

опасность, грозившую ему во время отсутствія, — возбужденіе папой и Іоанномъ возстанія въ южной Италіи. Онъ обманулъ неаполитанскій народъ, обнадеживъ его, въ большомъ собраніи государственныхъ предводителей, возстановленіемъ прежнихъ правъ и одурачилъ его торжественными обѣщаніями. Впослѣдствіи онъ самъ доказалъ, какъ мало помышлялъ онъ тогда о дарованіи обѣщанныхъ правъ.

Въ августѣ 1228 года Фридрихъ отправился въ Палестину и прибылъ 8 сентября въ Акру. Смерть Моаттама, умершаго въ предшествовавшемъ году, отняла у мухаммеданъ главное побужденіе къ союзу съ императоромъ. Однако Камель встрѣтилъ его съ почетомъ и изъявленіями дружбы, потому что имѣлъ новаго противника въ сынѣ Моаттама, Давидѣ, мѣшавшемъ ему и Ашрафу захватить владѣнія своего отца. Іерусалимскій патріархъ, тампліеры и іоанниты также приняли императора, какъ повелителя и защитника. Но уже черезъ нѣсколько недѣль оказалось, какъ лживы были дружескія изъявленія султана и христіанскихъ вождей. Послѣдніе совершенно перемѣнили тонъ, когда явились посланные вслѣдъ за императоромъ герольды папскаго гнѣва, два францисканскихъ монаха, и отъ имени своего владыки произнесли проклятіе надъ Фридрихомъ. Султанъ болѣе не нуждался въ немъ, такъ какъ главные враги его, хорезмійцы, тѣснимые монголами, уже не были ему опасны; напротивъ, въ то время онъ боялся вмѣшательства императора въ дѣла мухаммеданъ. Но это самое заставляло его желать мира, а какъ и Фридриху былъ нуженъ миръ, то они заключили на десять лѣтъ перемиріе, по которому христіане пріобрѣтали Іерусалимъ и прочія святыя мѣста, но отказывались отъ крѣпостей и обѣщали не дѣлать дальнѣйшихъ завоеваній на Востокѣ. Единовѣрцы Фридриха вмѣнили ему этотъ договоръ въ величайшее преступленіе. Іерусалимскій патріархъ, доставъ съ него копію, отправилъ его папѣ, разослалъ во всѣ государства окружное посланіе, въ которомъ описывалъ свиданіе Фридриха съ Камелемъ и, называя его союзомъ съ дьяволомъ, взвелъ на императора множество обвиненій. Фридрихъ не обращалъ на это никакого вни-

манія. Среди распрей съ духовенствомъ онъ вступилъ въ Іерусалимъ (весной 1229 г.), самъ надѣлъ на себя корону въ церкви святаго гроба и поспѣшно вернулся къ берегу. Онъ былъ очень строгъ къ враждебному ему духовенству, отрѣшалъ духовныхъ отъ должностей и замѣщалъ людьми своей партіи. Винить его въ этомъ нельзя, потому что папа дѣйствовалъ точно также. Совсѣмъ въ другомъ родѣ были его отношенія къ мухаммеданамъ, съ которыми онъ вошелъ въ столь тѣсныя связи, что, естественно, возбуждалъ подозрѣнія. Въ первой половинѣ мая онъ вернулся въ Европу.

По отъѣздѣ его, іерусалимское королевство осталось въ весьма сомнительномъ положеніи, стоя между миромъ и войною, опасаясь всего отъ фанатизма мусульманъ и страдая отъ раздоровъ знати и духовенства съ намѣстникомъ короля. Однако, заключенный Фридрихомъ миръ, признанный даже папой, не былъ нарушенъ. Григорій IX неутомимо заботился о восточныхъ христіанахъ, посылалъ всюду письма, собиралъ деньги и думалъ даже созвать соборъ, какъ нѣкогда въ Клермонѣ (т. VI. стр. 405). Но старанія папы не имѣли большаго успѣха, такъ какъ злоупотребленія его служителей уничтожали дѣйствіе его трогательныхъ писемъ. Посланные проповѣдники, почти исключительно нищенствующіе монахи, обратили въ торговлю свои полномочія, продавали всякому отпущеніе, назначенное для крестоносцевъ, и освобождали за деньги отъ обѣтовъ итти въ Палестину, такъ что сдѣлали подозрительными не только свои старанія, но даже намѣренія папы и охладили рвеніе къ защитѣ святой земли. По истеченіи заключеннаго съ Фридрихомъ перемирія, многіе французскіе рыцари отправились въ Палестину подъ предводительствомъ наваррскаго короля Тибо, но ихъ погубили раздоры. Фридрихъ дружески вступился за тѣхъ изъ нихъ, которые попались въ плѣнъ, и такъ велико было значеніе его на Востокѣ, что однимъ ходатайствомъ онъ значительно облегчилъ ихъ участь.

7. Крестовый походъ Людовика Святаго.

Одновременно съ упадкомъ христіанскаго владычества въ Палестинѣ начало распадаться и государство Эюбидовъ. Извнѣ ему грозили ховарезмійцы и монголы; внутри усиливался раздоръ между членами владѣтельной династіи. Хотя братья Камель и Ашрафъ сдружились, отнявъ наслѣдство у сына Моаттама, но вскорѣ снова разсорились; по смерти Ашрафа Камель захватилъ его владѣнія и самъ умеръ въ слѣдующемъ году (1238); тогда между его обоими сыновьями и родственниками началась упорная война, длившаяся до 1240 г., когда одному изъ сыновей, Салехъ Эюбу, удалось съ помощью измѣны войскъ свергнуть брата и завладѣть Египтомъ; въ то же время дядя его, Салехъ Измаилъ, занялъ Дамаскъ. Салехъ Эюбъ положилъ основаніе владычеству въ Египтѣ мамелюковъ, уничтожившихъ, впослѣдствіи, власть Эюбидовъ. Мамелюками назывались тѣлохранители изъ купленныхъ рабовъ, наученныхъ военному дѣлу; они составляли лучшую часть войска и пріобрѣли при Эюбидахъ такое же значеніе, какое имѣли прежде при Икшидахъ (т. V. стр. 138 и 139). Они возвели на престолъ Салехъ Эюба потому, что думали имѣть въ немъ болѣе удобное орудіе, чѣмъ въ его братѣ. Хотя, утвердивъ свою власть, онъ и уничтожилъ опасное войско, но вскорѣ набралъ новыхъ тѣлохранителей, бахаритскихъ мамелюковъ, занявшихъ всѣ мѣста и захватившихъ въ свои руки управленіе. Подрывая свою власть внутри, Салехъ Эюбъ такъ сильно распространялъ ее извнѣ, на счетъ дяди, Салехъ Измаила Дамасскаго, что можно было ожидать вторичнаго соединенія Египта съ Сиріей. Салехъ Измаилъ хотѣлъ противостать племяннику, соединясь съ другими сирійскими владѣтелями и христіанами, но это не помогло, такъ какъ Салехъ Эюбъ неожиданно получилъ возможность значительно усилить войско. Незадолго до того, монголы уничтожили ховаремійское государство; служившіе тамъ турецкіе наемники бросились на западъ и навод-

нили Сирію, но, будучи разбиты, нанялись на службу къ египетскому султану, взяли и разграбили Іерусалимъ (1244 г.), уничтожили при Газѣ союзное мухаммеданское и христіанское войско Салехъ Измаила и помогли Салехъ Эюбу овладѣть Дамаскомъ, куда онъ и переселился. Помышляя только о грабежѣ, убійствѣ и опустошеніи, они вскорѣ обратили оружіе противъ Салехъ Эюба, но были разбиты и разсѣяны имъ и затѣмъ совершенно исчезли. Египтяне взяли Тиверіаду и Аскалонъ (1247 г.) и привели христіанъ въ такое отчаянное положеніе, что французскій король Людовикъ IX счелъ необходимымъ поддержать новымъ походомъ остатки ихъ господства.

Людовикъ IX Святой вступилъ на престолъ одиннадцати лѣтъ, по смерти отца, Людовика VIII. До совершеннолѣтія молодаго короля государствомъ управляла его мать, Бланка, женщина чрезвычайно набожная и находившаяся подъ безусловнымъ вліяніемъ одного римскаго кардинала, кажется бывшаго для нея болѣе чѣмъ совѣтникомъ и другомъ. Эта обстановка въ юности придала особенное направленіе характеру Людовика, не лишенному свойственнаго французамъ практическаго смысла, развивъ въ немъ идеализмъ и слѣпое уваженіе къ внѣшнимъ религіознымъ обрядамъ. Эта сторона его характера имѣла вліяніе на принятіе и выполненіе имъ обѣта предпринять крестовый походъ вопреки совѣтамъ матери и всѣхъ благоразумныхъ людей. Въ 1234 г. папа сдѣлалъ попытку склонить его и англійскаго короля, воевавшихъ тогда между собой, къ миру и общему походу противъ невѣрныхъ. Но тогда Людовикъ также мало послушался убѣжденій папы, какъ и черезъ два года послѣ того, когда римскій дворъ старался удержать его отъ войны противъ короля наваррскаго Тибо, бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ графомъ шампанскимъ и предпринявшаго тогда крестовый походъ. Но черезъ восемь лѣтъ (1244 г.), онъ совершенно неожиданно самъ произнесъ подобный обѣтъ, послѣ сильной лихорадки, во время которой, по его мнѣнію, онъ имѣлъ видѣніе. Папа Иннокентій IV не замедлилъ воспользоваться перемѣною въ настроеніи короля и

приказалъ легату склонить къ походу французскихъ епископовъ и бароновъ. Людовикъ, съ своей стороны, также употреблялъ всевозможныя средства, чтобъ получить ихъ содѣйствіе. Соединенными усиліями папы и короля многіе французы были убѣждены принять крестъ. Въ числѣ другихъ, ко вреду предпріятія, были и три брата Людовика, совершенно не похожіе на него — Робертъ Артуаскій, Альфонсъ Пуатускій и Карлъ Анжуйскій.

По окончаніи приготовленій французскіе крестоносцы, въ августѣ 1248 г., отправились изъ Эгъ-Мортъ (Aigues-Mortes) и благополучно прибыли на Кипръ. Здѣсь они перезимовали и рѣшились напасть на мухаммеданъ не въ Палестинѣ, а въ Египтѣ. Въ Кипрѣ же Людовикъ вошелъ въ сношеніе съ монголами, грозившими въ то время уничтожить мухаммеданскія государства въ Сиріи. Поводъ къ этимъ сношеніямъ дало прибытіе посольства отъ имени великаго хана монголовъ, но въ дѣйствительности посланнаго второстепеннымъ монгольскимъ предводителемъ, узнавшимъ изъ перехваченныхъ писемъ о намѣреніяхъ Людовика и желавшимъ извлечь изъ нихъ пользу. Людовикъ не замѣтилъ обмана и отвѣтилъ посылкою къ нему нѣсколькихъ монаховъ съ богатыми подарками, состоявшими изъ произведеній итальянской промышленности. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ имъ скорѣй руководила надежда на обращеніе монголовъ въ христіанство, чѣмъ политическія соображенія.

Для переѣзда въ Египетъ, Людовикъ нанялъ въ Акрѣ венеціанскіе и германскіе корабли; сребролюбивые торговцы и тутъ не упустили случая извлечь выгоду изъ религіознаго предпріятія, взявъ за перевозку огромную цѣну. Египетскій султанъ Салехъ Эюбъ былъ уже извѣщенъ Фридрихомъ II о походѣ Людовика. При этомъ и Фридрихъ и багдадскій халифъ убѣждали султана примириться съ другими Эюбидами, но старанія ихъ не имѣли успѣха. Салехъ поспѣшилъ изъ Дамаска въ Египетъ, но на пути опасно заболѣлъ. Въ первыхъ числахъ іюня (1249 г.) французы прибыли къ египетскому берегу. При высадкѣ вблизи Даміетты, они встрѣ-

тили ничтожное сопротивленіе, и вслѣдъ за тѣмъ овладѣли безъ всякой потери крѣпостью. Это произошло отъ недостаточныхъ и совершенно неудовлетворительныхъ мѣръ, принятыхъ Салехъ Эюбомъ. Онъ поручилъ защиту крѣпости одному арабскому племени, тогда какъ этотъ народъ менѣе всего способенъ выдерживать продолжительную осаду, а начальство надъ войскомъ ввѣрили Фахреддину, дѣйствовавшему крайне боязливо или въ высшей степени неискусно. Къ тому же, султану три раза посылали, чрезъ голубей, извѣстіе о высадкѣ христіанъ, но отвѣта не было; войска думали, что онъ умеръ, и не знали что дѣлать. Фахреддинъ, имѣвшій довольно многочисленное войско, желалъ избѣжать сраженія и перешелъ на другой берегъ Нила, а арабскій гарнизонъ Даміетты, лишившись поддержки, очистилъ крѣпость, оставивъ ее со всѣми укрѣпленіями и несмѣтными богатствами изумленнымъ христіанамъ. Султанъ былъ внѣ себя отъ ярости, узнавъ объ этомъ, и приказалъ изрубить весь гарнизонъ и всѣхъ офицеровъ. Однако, дѣло было сдѣлано, и французы стали твердой ногой въ странѣ; но и они не могли считать войну оконченной. Египетъ былъ защищенъ своими естественными особенностями, и нужно было преодолѣть еще много затрудненій, чтобъ проникнуть внутрь страны Важнѣйшею преградою былъ городъ Мансура, лежавшій въ мѣстности, прорѣзанной каналами и заложенный именно на случай взятія Даміетты непріятелемъ. Къ несчастью, французы провели въ бездѣйствіи цѣлую осень, не зная времени разлитія Нила и выжидая графа Альберта Пуатускаго съ подкрѣпленіями.

По прибытіи Альфонса, Людовикъ, слѣдуя его совѣту и вопреки мнѣнію опытнѣйшихъ французскихъ вождей, двинулся на Каиръ. Войско крестоносцевъ состояло изъ 60 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ было 20 тысячъ рыцарей. Но ни числительность, ни хорошее вооруженіе не могли устранить невыгодъ, представляемыхъ для христіанъ множествомъ рукавовъ и каналовъ рѣки, топкостью почвы, неимѣніемъ легкой кавалеріи и искусствомъ непріятелей владѣть греческимъ огнемъ. Потому, подвинувшись не-

много впередъ, французы должны были остановиться и цѣлыхъ два мѣсяца простояли на одномъ мѣстѣ. Между тѣмъ Салехъ Эюбъ умеръ, а одна изъ его женъ, Шагареддоръ, соединясь съ Фахреддиномъ и предводителями мамелюковъ, скрыла смерть султана и стала управлять сама до прибытія пасынка Туранъ-Шаха, бывшаго на Тигрѣ. Но еще до его пріѣзда Фахреддинъ погибъ во время неожиданнаго нападенія на французовъ, заслуживъ въ глазахъ единовѣрцевъ мученическій вѣнецъ; а какъ онъ былъ принятъ въ рыцари Фридрихомъ II и пользовался милостью султана Салехъ Эюба, то, слѣдовательно, достигъ высшей степени славы, возможной тогда для частнаго человѣка на Востокѣ и Западѣ. Въ началѣ слѣдующаго года (1250 г.) части французскаго войска послѣ двухъ кровопролитныхъ сраженій удалось ворваться въ Мансуру; къ несчастью, неосторожный Робертъ Артуаскій увлекся преслѣдованіемъ непріятелей и погибъ съ нѣсколькими стами храбрѣйшихъ рыцарей. Эта потеря замедлила дѣйствія французовъ, а египтяне, пользуясь этимъ временемъ, докончили свои военныя приготовленія и напали на корабли, доставлявшіе христіанамъ продовольствіе. Попытка ихъ удалась, и французы были отрѣзаны отъ подвозовъ. Съ голодомъ явились болѣзни, а между тѣмъ лагерь былъ окруженъ безчисленными легкими войсками египтянъ. Положеніе становилось отчаяннымъ, но тѣмъ не менѣе султанъ Туранъ-Шахъ, пріѣхавъ въ Египетъ, соглашался на миръ, предлагая возвратить христіанамъ святыя мѣста, съ тѣмъ чтобъ французы очистили Даміетту и Египетъ. Переговоры не состоялись, кажется, потому, что онъ хотѣлъ имѣть заложникомъ самого короля. Французамъ не оставалось ничего другаго, какъ сдѣлать безумную попытку пробиться чрезъ враговъ. Но, отважившись на это, они были со всѣхъ сторонъ окружены и почти всѣ перерублены или взяты въ плѣнъ: только весьма немногіе спаслись бѣгствомъ. Плѣнные, въ числѣ которыхъ были король и два брата его, имѣли страшную участь. Ихъ было такое множество, что султанъ, не надѣясь окупить ихъ продажею издержки на про-

кормленіе, велѣлъ умертвить цѣлыя толпы ихъ. Оставшихся въ живыхъ, мамелюки предавали жестокимъ истязаніямъ, безпрестанно угрожая имъ смертью. Однако султанъ, наконецъ, согласился дать имъ свободу и заключилъ перемиріе, по которому получалъ обратно Даміетту и огромную сумму денегъ за плѣнныхъ, а христіане удержали за собой всѣ владѣнія въ Палестинѣ (апрѣль 1250 г.). При переговорахъ о выкупѣ плѣнныхъ, Людовикъ поступилъ какъ рыцарь и король: хотя назначенная султаномъ сумма была несоразмѣрно велика, онъ немедленно согласился уплатить ее, цѣня только духовныя сокровища и считая недостойнымъ себя торговаться о деньгахъ. Султанъ не хотѣлъ отстать отъ него, и добровольно сбавилъ значительную сумму.

При передачѣ Даміетты, жизнь Людовика еще разъ подверглась опасности. Мамелюки и Шагареддоръ, составивъ заговоръ, въ глазахъ самого Людовика убили Туранъ-Шаха и грозили смертью французскому королю. Однако, статья договора, касавшаяся плѣнныхъ, была выполнена въ точности, и Людовикъ отправился на генуезскомъ кораблѣ въ Акру. Не считая себя связаннымъ десятилѣтнимъ срокомъ перемирія, такъ какъ другія условія договора были нарушены, онъ рѣшился не возвращаться во Францію, а остаться въ Палестинѣ. Къ этому, между прочимъ, побуждало его положеніе мухаммеданскихъ государствъ, повидимому, весьма благопріятное для христіанъ. Убійцы Туранъ-Шаха, большею частью черкесы, мингрельцы, туркменцы, куманы и другіе, проданные въ рабство, жители прибрежій Чернаго моря, сдѣлали правительницей вдову Салехъ Эюба; она пользовалась большимъ вліяніемъ въ Египтѣ, а сверхъ того кажущаяся законность ея власти могла помочь имъ распространить свое господство на Сирію; настоящимъ повелителемъ государства былъ ихъ предводитель, туркменъ Ибекъ. Но сирійцы поняли хитрость мамелюковъ и провозгласили султаномъ потомка Саладина, Насръ Іосифа, правившаго въ Алеппо. Первымъ слѣдствіемъ этого была война между Сиріей и мамелюками, развязавшая руки палестинскимъ христіанамъ. Сверхъ

того, въ Египтѣ одинъ переворотъ слѣдовалъ за другимъ. Султанша Шагареддоръ была свергнута черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; ее замѣнилъ какой-то Эюбидъ, но и того свергли мамелюки; затѣмъ наступило междуцарствіе, никто не рѣшался править государствомъ одинъ, и страною управлялъ диванъ (совѣтъ) мамелюкскихъ предводителей, пока, наконецъ, Ибекъ не принялъ титула султана. Все это ободрило Людовика; онъ соединился противъ Египта съ сирійскимъ султаномъ и даже со старцемъ горы, предводителемъ ассасиновъ (т. VI. стр. 423). Въ это же время онъ получилъ и отъ великаго хана отвѣтъ на письмо, посланное три года тому назадъ. Но оно было совсѣмъ инаго содержанія, чѣмъ ждали, и, разрушая надежду на обращеніе монголовъ въ христіанство, показало, что этотъ народъ придавалъ чужимъ посольствамъ и подаркамъ такое же значеніе, какъ теперь китайцы; великій ханъ принялъ посольство Людовика за выраженіе покорности и отвѣчалъ ему тономъ повелителя.

Людовикъ оставался въ Палестинѣ три года, но не могъ ничего сдѣлать, имѣя при себѣ всего 1400 рыцарей. Самымъ главнымъ изъ его дѣйствій была поправка укрѣпленій многихъ христіанскихъ городовъ. По заключеніи въ 1253 г. мира между Египтомъ и Сиріей не осталось никакой надежды достичь чего нибудь пребываніемъ въ Палестины, а между тѣмъ отсутствіе его изъ Франціи не могло не быть вреднымъ для государства. Смерть матери, управлявшей вмѣсто него, сдѣлала еще нужнѣе его возвращеніе, такъ что даже іерусалимскій патріархъ и владѣтели христіанскихъ городовъ въ Палестинѣ совѣтовали ему уѣхать изъ Азіи. 24 апрѣля 1254 года онъ отправился во Францію. Съ тѣхъ поръ христіанское владычество стало быстро клониться къ упадку. Совершенное уничтоженіе его находится въ связи съ переворотами, произведенными появленіемъ въ сѣверной Азіи монголовъ и татаръ. Потому, нужно сперва бросить взглядъ на исторію далекой верхней Азіи, изъ степей которой начался опустошительный приливъ этихъ народовъ.

8. Исторія восточныхъ народовъ отъ начала ховарезмійскаго государства до появленія въ Малой Азіи османскихъ турокъ.

1. Ховарезмійцы и Гориды.

Обширное сельджукское государство, основанное Тогрульбегомъ, Альпъ Арсланомъ и Малекъ-Шахомъ, распалось, по смерти послѣдняго, на множество мелкихъ владѣній, весьма слабо связанныхъ между собой номинальнымъ верховнымъ владычествомъ надъ ними великаго султана. Вскорѣ сельджукское господство было вовсе уничтожено новой династіей, водворившейся въ провинціи Ховарезміи, лежавшей между Чернымъ и Аральскимъ морями и рѣкою Джигунъ. Эта династія имѣла такое же происхожденіе, какъ почти всѣ восточныя владѣтельныя фамиліи: счастливый невольникъ сбросилъ иго и на мѣсто деспотизма своего господина основалъ свой собственный. Ануштекинъ, рабъ одного изъ сановниковъ при сельджукскомъ дворѣ, попалъ въ такую милость къ Малекъ-Шаху, что по смерти господина получилъ его должность и соединенные съ нею доходы провинціи Ховарезміи. Его сынъ, Мухаммедъ I Котбеддинъ, наслѣдовавшій ему въ должности и управленіи областью, долженъ былъ почти постоянно находиться въ Ховарезміи и воспользовался этимъ для утвержденія и расширенія своей власти. Впрочемъ, онъ оставался вѣрнымъ сельджукскому султану. Но его сынъ и наслѣдникъ, Атзитцъ (1127—1156 г.), перемѣнилъ отношенія къ благодѣтелямъ своей семьи, отказался повиноваться султану Санджару (т. VI. стр. 381), былъ нѣсколько разъ разбитъ имъ, постоянно получалъ прощеніе, снова возставалъ и, наконецъ, отстоялъ свою независимость и принялъ титулъ ховарезмійскаго шаха. Пока онъ распространялъ свои владѣнія за рѣкой Джигунъ и около Каспійскаго моря, государство Санджара подверглось нападеніямъ китаней и потомъ туркменцевъ, разорившихъ

Хорасанъ и цвѣтущій городъ Нишапуръ; самъ султанъ былъ взятъ въ плѣнъ туркменцами и три года пробылъ ихъ плѣнникомъ. По смерти Санджара, начались смуты, вслѣдствіе которыхъ сельджуки удержали только нѣсколько небольшихъ владѣній въ Персіи, а сынъ Атзитца, Иль-Арсланъ, пользуясь этими обстоятельствами, завладѣлъ значительною частью Хорасана.

По смерти Иль-Арслана (1172 г.), двое сыновей его, Алаэддинъ Такашъ и Мухаммедъ II Султанъ-Шахъ, двадцать лѣтъ оспаривали другъ у друга престолъ и съ такимъ же упорствомъ состязались за первенство въ поэзіи. Смерть Мухаммеда окончила войну, а Алаэддинъ, оставшись единственнымъ повелителемъ, расширилъ свои владѣнія на востокъ и на западъ. Сперва онъ уничтожилъ, въ западной Персіи, остатки сельджукской династіи, уже давно подвластной своей собственной стражѣ, и покорилъ Реи, Испагань, Гамаданъ и Адзербиджанъ; потомъ онъ отправился въ Туркестанъ противъ китаней и отнялъ у нихъ городъ Бухару. Между тѣмъ, его сынъ и намѣстникъ, Мухаммедъ III Котбеддинъ, воевалъ противъ персидскихъ ассасиновъ (т. VI. стр. 424), далеко распространившихъ свои владѣнія во время упадка сельджукскаго господства. Ассасины, въ отищеніе, зарѣзали визиря, присовѣтовавшаго молодому князю предпринять этотъ походъ, и тогда озлобленный Алаэддинъ велѣлъ сыну совершенно истребить ихъ. Мухаммедъ началъ выполнять его повелѣніе, но долженъ былъ прекратить войну, такъ какъ отецъ его умеръ (1200 г.), а одинъ изъ его племянниковъ намѣревался овладѣть престоломъ при помощи владѣтеля государства Горидовъ.

Происхожденіе династіи Горидовъ, погубившей себя вмѣшательствомъ въ хокарезмійскія дѣла, относится, богатымъ сказками Востокомъ, къ баснословнымъ временамъ и находится въ связи съ разсказами о Феридунѣ и другихъ древнѣйшихъ персидскихъ герояхъ (т. I. стр. 124). Оставляя въ сторонѣ эти поэтическія сказанія, по словамъ которыхъ Гориды выдавали себя за законныхъ владѣтелей древней Бактріи, можно объяснить происхож-

деніе ихъ владычества такимъ образомъ: въ концѣ XI столѣтія, разбойникъ Гусаинъ бенъ Самъ нашелъ доступъ ко двору Газнавидовъ (т. V. стр. 182), достигъ высшихъ должностей и сдѣлался правителемъ горной страны Гура или Гаура, завоеванной Махмудомъ I (т. V стр. 184) и лежавшей на сѣверѣ газнавидскаго государства. Его сыновья, изъ которыхъ старшій женился на дочери Баграма (т. VI. стр. 381), наслѣдовали и упрочили за собой власть надъ страной, объявили себя, основываясь на своемъ мнимомъ происхожденіи, ея законными владѣтелями и даже хотѣли свергнуть съ престола самого Баграма. Трое изъ нихъ попались въ плѣнъ и были казнены, но четвертый, Гасанъ, воевалъ счастливо и по смерти Баграма такъ жестоко отмстилъ за убійство братьевъ, что даже привыкшіе къ звѣрству восточные историки заклеймили его прозвищемъ Міросожигателя. Онъ свергнулъ съ престола и прогналъ сына Баграма, Хозру-Шаха, разграбилъ и разрушилъ городъ Газну и прошелъ по всему государству Газнавидовъ, обозначая свой путь пожарами и рѣзнею. Хозру-Шахъ бѣжалъ въ принадлежавшій къ его государству индійскій городъ Лагоръ и удержалъ его за собой и своимъ сыномъ. Его побѣдитель скоро былъ самъ побѣжденъ. Послѣдній воинственный сельджукскій султанъ, Санджаръ, остановилъ завоеванія Гасана, разбилъ его на голову и взялъ въ плѣнъ. Однако онъ успѣлъ съ помощью своей низости возвратить себѣ свободу. Въ жизни часто случается видѣть, что самый низкій рабъ бываетъ злѣйшимъ деспотомъ противъ подчиненныхъ; Гасанъ служитъ примѣромъ обратнаго положенія: постыдно льстя султану, онъ возвратилъ себѣ свободу и власть.

Сынъ и преемникъ Гасана умеръ вскорѣ по вступленіи на престолъ; тогда его двоюродные братья, Гаятеддинъ и Шахабеддинъ, раздѣлили царство (1162 г.), но первый остался великимъ султаномъ. Шахабеддинъ, жившій въ Газнѣ, выманилъ изъ неприступнаго Лагора сына Газнавида, прогнаннаго Гасаномъ, и уничтожилъ послѣдній остатокъ государства Газнавидовъ, суще-

ствовавшаго болѣе двухъ сотъ лѣтъ. Потомъ онъ сдѣлалъ нѣсколько походовъ въ Индію и покорилъ его почти до китайской границы. Въ то же время его братъ завоевалъ города Нишапуръ, Гератъ и Меру и проникъ въ Туркестанъ. Но завоеваніе восточной Персіи послужило поводомъ къ уничтоженію горидскаго государства. Какъ было сказано выше, племянникъ могущественнаго ховарезмійскаго владѣтеля, Мухаммеда III, бѣжалъ отъ дяди и просилъ помощи у Гаятеддина. Это вызвало войну, въ началѣ которой Гаятеддинъ умеръ (1202 г.), а братъ его лишился впослѣдствіи всѣхъ владѣній до горъ Индіи. Шахабеддина зарѣзали ассасины (1206 г.), ненавидѣвшіе въ немъ гонителя ихъ ученія. У Шахабеддина была многочисленная гвардія изъ турецкихъ невольниковъ, къ которымъ онъ очень благоволилъ; послѣ его смерти, предводители этихъ мамелюковъ сдѣлались независимыми владѣтелями въ различныхъ частяхъ государства. Остатки его владѣній были заняты Мухаммедомъ Ховарезмійскимъ, и такимъ образомъ въ 1208 г. уничтожилась династія Горидовъ. Только въ небольшой части ея удержались владѣтели, выдававшіе себя за потомковъ горидской династіи.

Около того же времени воинственный ховарезмійскій шахъ своими отношеніями къ китанямъ и татарамъ Каракитая открывалъ путь въ свои владѣнія монголо-татарскимъ племенамъ, стремившимся съ востока подобно опустошительной лавинѣ. Китани или Канкли, сильное татарское племя, много повредившее сельджукамъ при Санджарѣ (т. VI. стр. 381), находилось въ родствѣ съ владѣтелями Ховарезміи, но, не смотря на то, вторгалось въ ихъ владѣнія. Мухаммедъ, желая наказать его, былъ взятъ въ плѣнъ, но ушелъ, благодаря своей отвагѣ, и ждалъ только случая, чтобы отмстить. Случай этотъ представился, когда китани были тѣснимы Кашкукомъ, зятемъ и данникомъ Каваръ-Хана, повелителя Каракитая и части Туркменіи. И Китани и Кашкукъ просили помощи у Мухаммеда, но онъ благоразумно отказалъ имъ обоимъ, желая выждать исхода борьбы. Китани были побѣждены, и тогда

только Мухаммедъ взялъ подъ свою защиту близко родственныхъ ему предводителей ихъ, съ остатками ордъ, не болѣе чѣмъ въ 50 тысячъ человѣкъ. Ни онъ, ни побѣдитель китаней не думали, что, истребляя это воинственное племя, они готовятъ собственное уничтоженіе страшнымъ монгольскимъ ханомъ Чингисъ-Ханомъ, отъ котораго Кашкукъ уже долженъ былъ искать защиты у Каваръ-Хана.

Увеличивъ свои силы, Мухаммедъ продолжалъ завоеванія на Востокѣ. Онъ побѣдилъ мамелюковъ, господствовавшихъ въ Газнѣ, проникъ въ Индію, прошелъ отъ индійскихъ горъ прямо къ Тигру, покорилъ всю горную страну и подчинилъ себѣ все кругомъ небольшой территоріи, которою владѣлъ багдадскій Аббасидъ, носившій пустой титулъ суннитскаго халифа. Отъ него онъ потребовалъ всѣхъ отличій, данныхъ сельджукскому султану и, сверхъ того, права содержать въ Багдадѣ ховарезмійскій гарнизонъ и жить тамъ когда ему вздумается. Когда халифъ отказалъ въ этихъ требованіяхъ, онъ двинулся противъ Багдада, но небывалый въ тѣхъ странахъ снѣгъ заставилъ его вернуться. Однако онъ не отказался отъ своего намѣренія и сталъ снова готовиться къ войнѣ противъ Аббасидовъ. Собравъ шіитскихъ богослововъ, онъ объявилъ черезъ нихъ шіитское ученіе единственною истинною религіею, разрѣшилъ всѣхъ отъ повиновенія безбожнымъ Аббасидамъ, и, провозгласивъ халифомъ одного мнимаго потомка Али (т. V. стр. 57), сталъ дѣлать приготовленія ко второму походу противъ Багдада. Но ему не удалось уничтожить значенія суннитскаго халифа, такъ какъ — явленіе въ высшей степени замѣчательное на деспотическомъ Востокѣ! — жители его важнѣйшихъ провинцій Ховарезміи, Самарканда и Герата имѣли граматы, въ силу которыхъ могли признавать халифомъ, кого хотѣли. Когда же Мухаммедъ хотѣлъ вооруженною рукою ввести своего халифа въ Багдадъ, духовный глава суннитовъ, не ограничиваясь произнесеніемъ надъ нимъ проклятія и вопреки мнѣнію своихъ ученыхъ, просилъ помощи у язычниковъ монголовъ и Чингисъ-Хана (1219 г.).

Казалось, все соединилось тогда на гибель мухаммеданскаго ученія и его послѣдователей. Два халифа готовились къ войнѣ другъ съ другомъ и самый законный изъ нихъ звалъ свирѣпаго язычника противъ правовѣрнаго же султана Ховарезміи. Само ученіе Мухаммеда было искажено посторониею примѣсью; въ самые жизненные элементы его проникала философія, основывшаяся на индійскомъ пантеизмѣ и персидскомъ дуализмѣ (т. V. стр. 201), перешедшая отъ мухаммеданъ въ провансальскія и итальянскія школы христіанъ, породившая между ними преслѣдованія еретиковъ и религіозныя войны и давшая поводъ самому багдадскому халифу жечь книги, преслѣдовать ихъ сочинителей и вообще вводить на Востокѣ инквизиціонную систему, столь же вредную для правителя какъ и для подданныхъ. Рядомъ съ внутреннимъ разстройствомъ и распаденіемъ, мухаммеданамъ и извнѣ отовсюду грозила опасность. Франки овладѣли въ это самое время важною Даміеттою; внутренніе раздоры обезсиливали государство иконійскихъ сельджуковъ, долго служившее твердымъ оплотомъ противъ христіанъ, и подготовляли его паденіе; наконецъ съ сѣверо-востока неудержимо стремились дикія монгольскія и татарскія орды, скоро наводнившія всю Азію и опустошившія восточную Европу.

2. Татары при Чингисъ-Ханѣ и его сыновьяхъ до паденія ховарезмійскаго государства.

Дальнѣйшія событія исторіи приводятъ насъ на крайній востока верхней Азіи къ татарскимъ, т. е. смѣшаннымъ монголотюркскимъ ордамъ, измѣнившимъ при Темучинѣ или Чингисъ-Ханѣ и его сыновьяхъ внѣшній политическій видъ Востока и опустошившимъ Китай, Индію, всю переднюю Азію, Россію, Польшу, Силезію и Венгрію. Въ эпоху рожденія Темучина, въ верхней Азіи было три сильныхъ народа и государства: собственно китайцы, занимавшіе южную часть Китая и управляемые династіею Соновъ (т. I. стр. 10); сѣверное китайское государство, основанное

въ 1125 г. народомъ Ньюченъ, владѣтели котораго называли себя золотымъ племенемъ, и, наконецъ, на западѣ, племя Карантовъ, столицею которыхъ былъ Каракорумъ. Сверхъ того, кочевавшія на сѣверѣ, между рѣкою Амуромъ и китайскою границею, подвластныя ньюченамъ племена, составили между собой родъ союза, находившагося въ безпрерывной войнѣ съ ньюченами. Въ этихъ битвахъ пріобрѣли большую славу предки Темучина, которые, какъ предводители самой значительной орды, имѣли нѣкоторую власть надъ всѣмъ союзомъ. Самъ Темучинъ, родившійся въ 1155 г., лишился на двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ отца и, оставленный всѣми подвластными отцу ордами, бѣжалъ къ карантамъ въ Каракорумъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи его обыкновеннымъ мѣстопребываніемъ. Тогдашній повелитель этихъ татаръ, Толи или Унгъ-Ханъ (Уанъ-Ханъ), особенно извѣстенъ тѣмъ, что европейскіе миссіонеры выдавали его за христіанина, называя священникомъ Іоанномъ. Эта странное явленіе весьма понятно, такъ какъ естественная религія тѣхъ народовъ, перешедшая по смерти Темучина въ существующее до сихъ поръ ламайство, одинаково близка и къ христіанству и къ исламизму. Толи принялъ Темучина и, увидя его военныя дарованія, женилъ на своей дочери и поручилъ ему начальство надъ войскомъ. Но потомъ они разсорились и дѣло дошло до войны, бывшей началомъ великаго соединенія народовъ подъ властью Темучина. На его сторону перешла большая часть предводителей, подвластныхъ Толи, который бѣжалъ въ Тибетъ и дорогою былъ убитъ. Темучинъ подчинилъ себѣ всѣ его владѣнія и многія сосѣднія орды, положивъ тѣмъ начало огромному соединенію ордъ, изъ котораго развилось его всемірное государство.

Чтобъ распространить еще болѣе свою власть, Темучинъ хотѣлъ сначала прочно утвердить ее и для этого воспользовался суевѣріемъ своихъ ордъ. Въ 1206 г. онъ созвалъ недалеко отъ источниковъ Амура, въ центрѣ Монголіи, такъ называемый курултай, т. е. торжественное собраніе всѣхъ подвластныхъ ему монгольскихъ и тюркскихъ родоначальниковъ, и велѣлъ пророчествующему шаману

объявить, что велѣніями неба онъ предназначенъ быть великимъ ханомъ ордъ и долженъ принять новый титулъ Чингисъ-Хана. Что именно значитъ это прозваніе, обыкновенно даваемое Темучину, мы не знаемъ, такъ какъ почти каждый монгольскій и турецкій историкъ приводитъ свои собственныя объясненія. На курультаѣ Чингисъ-Ханъ сдѣлалъ нѣкоторыя общія постановленія, но неизвѣстно положительно: тогда или позднѣе издалъ онъ свою знаменитую Ясу, общій религіозный и гражданскій кодексъ монголовъ. Во всякомъ случаѣ необходимость такого общаго закона должна была почувствоваться весьма скоро, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ Чингисъ-Ханъ проникъ въ глубь Сибири и покорилъ различныя монгольскія и тюркскія племена въ сѣверной Кореѣ, степи Гоби, на западѣ отъ китайской стѣны и на границахъ Тибета. Яса Чингисъ-Хана не дошла до насъ въ своемъ оригинальномъ видѣ, но, судя по имѣющимся о ней свѣдѣніямъ, можно охарактеризовать ее такимъ образомъ: изложенныя въ ней религіозныя правила, очевидно, носятъ на себѣ слѣды древнѣйшей и чистѣйшей азіатской мудрости; это было патріархальное ученіе, хотя и съ примѣсью монгольской грязи, но всетаки свободное отъ свойственнаго верхней Азіи шаманства и внесеннаго въ нее впослѣдствіи ламайства, отъ нелѣпости философствующихъ браминовъ и фанатизма обманщиковъ бонзъ. Это мутный ручей изъ того же чистаго источника, изъ котораго черпалъ Авраамъ. Поэтому аравитяне, персы и даже одинъ армянскій христіанинъ четырнадцатаго столѣтія производили это ученіе отъ внука Ноя, Тюрка. Государственное устройство, излагаемое въ Ясѣ, было строгою военною деспотіей счастливаго воина, а военная дисциплина была примѣнена къ чисто завоевательной системѣ. Замѣчательно, что въ Ясѣ упоминается и о высшемъ сословіи, такъ называемыхъ тарханахъ, которые были свободны отъ податей, имѣли право не дѣлить ни съ кѣмъ добычи, во всякое время получали доступъ къ великому хану и до девяти разъ не были наказываемы за преступленія. Явленіе это объясняется тѣмъ, что бое-

вая жизнь выработываетъ у всѣхъ полуцивилизованныхъ народовъ феодальныя права.

Покоривъ всѣ племена вокругъ Каракорума, Чингисъ-Ханъ двинулся противъ сѣверной китайской имперіи, данникомъ котораго были его предки и онъ самъ. Могущество этого государя было уже, повидимому, потрясено, такъ какъ онъ долженъ былъ уступить южно-китайскому императору первенство въ титулѣ, который для китайцевъ, какъ извѣстно, дороже жизни. Новый великій ханъ наносилъ ему другое оскорбленіе, требуя дани. Разгнѣванный, онъ двинулъ свои войска противъ Чингисъ-Хана, но послѣ трехлѣтней войны, страшно опустошившей его провинціи, долженъ былъ согласиться на тяжелыя условія мира, отдать за побѣдителя княжну императорской крови и перенести столицу на югъ.

Изъ Китая Чингисъ-Ханъ пошелъ опять на западъ, въ татарскій Каракитай, повелитель котораго незадолго передъ тѣмъ былъ свергнутъ своимъ вѣроломнымъ зятемъ, Кашкукомъ (т. VII. стр. 203). Побѣдивъ Кашкука, онъ завладѣлъ его землями и такимъ образомъ распространилъ свои владѣнія до границъ Ховарезміи. Не смотря на то, что багдадскій халифъ просилъ у него помощи противъ Мухаммеда III, онъ оставался мирнымъ сосѣдомъ, пока сами ховарезмійцы не дали ему повода къ войнѣ. Однажды онъ отправилъ съ караваномъ, — посредствомъ которыхъ велась дѣятельная торговля между Ховарезміей и Востокомъ, — трехъ важныхъ мухаммеданъ, своихъ подданныхъ. Правитель пограничной ховарезмійской области счелъ ихъ за лазутчиковъ, предшествующихъ вторженію Чингисъ-Хана, и, судя по тому, что разсказываютъ о военной политикѣ монголовъ бывшіе въ ихъ странахъ европейцы, весьма вѣроятно, что онъ былъ правъ. Онъ тѣмъ охотнѣе воспользовался этимъ предлогомъ и схватилъ ихъ, что такимъ образомъ ему представился случай разграбить весь караванъ. Оскорбленный великій ханъ немедленно двинулся противъ Ховарезміи. По обыкновенію, онъ велъ такую массу войска, что самъ Мухаммедъ послалъ сказать жителямъ Самарканда, хотѣвшимъ окружить

городъ новыми рвами, чтобы они избавили себя отъ напраснаго труда, такъ какъ монголовъ столько, что они одними своими кнутами наполнятъ всѣ рвы. Самъ Чингисъ-Ханъ вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ, Тули, пошелъ на Бухару и Самаркандъ, старшаго сына, Чучи, послалъ въ Ташкендъ, а втораго и третьяго, Чагатая и Октая или Оготая, въ Отраръ на Джигунѣ, землю, пространствомъ не болѣе одного дня пути, но до того населенную, что ея, какъ теперь многія мѣстности Англіи и Китая, можно было считать за одинъ городъ. Ховарезмійскій шахъ принялъ противъ враговъ самыя благоразумныя мѣры, и всѣ его движенія обличаютъ въ немъ научно образованнаго воина. Но вся его наука была безплодна передъ несмѣтными массами монголовъ, тѣмъ болѣе, что эти орды, походившія страстью истребленія скорѣе на тигровъ, чѣмъ на людей, были вмѣстѣ съ тѣмъ превосходными воинами. Съ другой стороны, и Чучи, отрѣзанный искуснымъ движеніемъ шаха, держался такой обдуманной, такъ хорошо годившейся для его смѣшаннаго войска тактики, что въ ней видно было вліяніе начертанныхъ опытною рукою военныхъ законовъ Чингисъ-Хана.

Великій Мухаммедъ понялъ это и скоро прекратилъ борьбу. Онъ счелъ за лучшее распустить войско и избѣгать неудержимаго потока массъ, пока не отхлынутъ онѣ сами собою, и тогда, умомъ и саблею, вновь поднять государство. Надѣясь на то, въ чемъ отчаявался счастливѣйшій воинъ нашего времени, онъ расчитывалъ, что города, какъ Самаркандъ, Бухара, Отраръ и многіе другіе, вдвое превосходившіе населеніемъ Парижъ и Лондонъ, или надолго задержатъ или вдоволь насытятъ добычей монгольскія орды, такъ что онѣ неудержимо устремятся назадъ. Слишкомъ поздно увидалъ онъ, что ошибся, считая войска Чингисъ-Хана варварами. Они неистовствовали надъ покоренными странами и жителями, разрушая до основанія города, на ихъ развалинахъ удовлетворяли своимъ скотскимъ страстямъ, истязали сотни тысячъ людей всякаго пола и возраста или хладнокровно душили ихъ, — но даже среди этихъ отвратительныхъ жестокостей можно было видѣть, какъ глубоко

проникъ уже въ эти орды элементъ китайской цивилизаціи и съ какою мудростью пользовался имъ умъ, управлявшій этими массами. Въ походахъ Чингисъ-Хана видно только калмыцкое варварство, и въ основаніи его военныхъ распоряженій лежатъ монгольскіе и тюркскіе нравы; но во всемъ, что касается государственнаго быта, въ постановленіяхъ, манифестахъ, законодательствѣ, ясно видно китайское вліяніе, дѣйствовавшее тѣмъ сильнѣе и явственнѣе, что Чингисъ-Ханъ и его сыновья, подобно древнимъ римлянамъ, охотно принимали и усвоивали себѣ отъ враговъ то, что считали годнымъ.

Мухаммедъ, надѣявшійся спокойно выжидать въ столицѣ окончанія войны, съ изумленіемъ и ужасомъ увидѣлъ свою ошибку, узнавъ, что значительный отрядъ монгольской кавалеріи слѣдуетъ за нимъ по пятамъ. Тогда онъ рѣшился укрыться отъ нихъ въ безопасномъ убѣжищѣ и выбралъ Индію; онъ достигъ уже Балка, но вдругъ, неизвѣстно почему, вернулся назадъ. Западныя области были наводнены монголами, и ихъ отряды неотступно преслѣдовали шаха, стараясь захватить его въ плѣнъ. Съ этихъ поръ онъ становится замѣчательнымъ примѣромъ измѣнчивости человѣческой судьбы: спасеніе и гибель, блескъ и бѣдствіе, богатство, господство надъ полуміромъ, нищета, ничтожество быстро смѣняютъ другъ друга. То же самое ждало потомъ и одного изъ его сыновей. Безпрерывно преслѣдуемый, Мухаммедъ укрылъ свое семейство и сокровища въ одной горной крѣпости Мазандерана, а самъ хотѣлъ переѣхать черезъ Каспійское море и спастись на Кавказѣ у абассговъ. Почти настигаемый врагами, онъ сѣлъ въ лодку, доѣхалъ, больной, до одного острова, потомъ перешелъ на другой и здѣсь кончилъ свои дни въ такой крайности, что едва имѣлъ чѣмъ утолить свой голодъ, а когда умеръ (1221 г.), то нечѣмъ было обвернуть его тѣло. Передъ смертью онъ имѣлъ еще горе узнать, что крѣпость, гдѣ скрывалось его семейство, взята татарами. Семью его то же постигла страшная участь: всѣ сыновья были убиты, а дочери отданы побѣдителямъ. Уцѣлѣли только два сына, Джела-

леддинъ Манкберни, убѣжавшій съ отцомъ на островъ, и Татаръ-Шахъ, спасшійся въ керманской степи. Дикія орды, между тѣмъ, продолжали разрушать цвѣтущіе города Хорасана и Ховарезміи, а самъ Чингисъ-Ханъ, двинувшійся въ северо-восточныя провинціи, такъ же неистово поступалъ съ Бухарою, Самаркандомъ и другими городами. Во время этого варварскаго опустошенія, искусства, науки, богатыя библіотеки, цвѣтущія школы гибли точно такъ же, какъ и отличное сельское хозяйство, въ высшей степени развитая промышленность, дворцы и мечети. Вотъ что говоритъ арабскій историкъ Абульфеда: „ни древнѣйшія времена ислама, ни наши дни не представляютъ примѣра подобнаго звѣрства и жестокости; никогда такъ страшно не преслѣдовали мужчинъ мечомъ, женщинъ и дѣтей цѣпями, священныя книги и храмы огнемъ и разрушеніемъ; никогда не кощунствовали такъ безчеловѣчно надъ образованіемъ, добродѣтелью и благочестіемъ. Какъ ни извѣстна жестокость Навуходоносора противъ израильтянъ, она далеко не можетъ сравниться съ тѣмъ, что мусульмане вытерпѣли въ то время отъ татаръ, такъ какъ каждый изъ разрушенныхъ городовъ былъ значительно больше разрушеннаго Навуходоносоромъ Іерусалима и каждый истребленный народъ вдвое многочисленнѣе евреевъ.“ Мы имѣемъ подробнѣйшія описанія произведенныхъ тогда злодѣйствъ, и слѣдующая выписка можетъ дать понятіе о томъ, что вытерпѣли ховарезмійскіе города и чѣмъ они были до того. По взятіи Балка, Чингисъ-Ханъ велѣлъ собрать всѣхъ жителей, выбрать молодыхъ, годныхъ въ рабство, а почти всѣмъ остальнымъ отрубить головы. Потомъ городъ былъ разграбленъ, добыча раздѣлена по закону, а укрѣпленія срыты. Монголамъ достались несмѣтныя сокровища, такъ какъ Балкъ былъ богатымъ торговымъ городомъ и сборнымъ мѣстомъ отличнѣйшихъ художниковъ, имѣлъ множество изящныхъ памятниковъ, художественныхъ произведеній и другихъ предметовъ, составляющихъ украшеніе большаго города, а также великолѣпныя каравансараи (т. V. стр. 117), школы, мечети и не менѣе тысячи двухъ сотъ общественныхъ бань.“

Сынъ несчастнаго Мухаммеда, Джелаледдинъ Манкберни, чрезвычайно талантливый и подобно отцу необычайно сильный человѣкъ, схожій съ отцомъ замѣчательною измѣнчивостью судьбы, спасся, среди непріятельскихъ преслѣдованій, всевозможныхъ трудностей и опасностей, въ Газну и этимъ далъ монголамъ поводъ распространить свои опустошенія до горъ Индіи. Въ Газнѣ онъ нашелъ радушный пріемъ и собралъ новое войско. Чингисъ-Ханъ пошелъ противъ него самъ и кромѣ того послалъ другою дорогою два отряда. Джелаледдинъ разбилъ оба высланные противъ него отряда и хотѣлъ вступить въ бой съ самимъ великимъ ханомъ, чего такъ избѣгалъ его отецъ. Уже оба войска стояли другъ противъ друга, но между родными и вождями Джелаледдина произошла ссора при дѣлежѣ добычи и одинъ изъ предводителей ушелъ съ половиною всего войска. Джелаледдинъ, принужденный отступить, отправился въ Индію. Чингисъ-Ханъ настигъ его у рѣки Инда (1221 г.), и здѣсь произошелъ бой, въ которомъ Джелаледдинъ хотя и былъ побѣжденъ, но выказалъ такую храбрость и пріобрѣлъ такую славу, что восточные историки считаютъ возможнымъ сравнивать его только съ самыми знаменитыми персидскими героями миѳическихъ временъ (т. I. стр. 120). Его не устрашало даже множество монголовъ, которыхъ по числу можно было уподобить только саранчѣ; онъ сражался цѣлый день и хотѣлъ вновь ринуться въ битву, имѣя всего семьдесятъ всадниковъ; только усиленныя просьбы племянника убѣдили его воспользоваться своей исполинской силой, чтобы переплыть рѣку. Въ глазахъ Чингисъ-Хана онъ бросился въ Индъ и подъ тучей вражескихъ стрѣлъ достигъ противоположнаго берега. О впечатлѣніи, произведенномъ имъ на современниковъ и потомство, можно судить по слѣдующимъ словамъ, приписываемымъ однимъ восточнымъ историкомъ Чингисъ-Хану, въ ту минуту, когда онъ увидалъ на противоположномъ берегу спасеннаго шаха: „Смотри, сказалъ онъ одному изъ сыновей, вотъ человѣкъ, достойный своего отца! Счастливъ тотъ, у кого такія дѣти! Къ Джелаледдину надо отнести слова поэта: „никогда еще не видали

такого человѣка, и ни въ какое время не было ему подобнаго. На сушѣ, онъ страшенъ какъ левъ, въ водѣ ужасенъ, какъ крокодилъ.“

Монголы не отважились перейти черезъ Индъ и вернулись въ Персію продолжать опустошенія, длившіяся еще два года. Между тѣмъ сыновья Чингисъ-Хана, Чагатай и Октай, были заняты на Индѣ и въ Газнѣ, братъ ихъ, Чучи, покорялъ Оренбургскія и Астраханскія степи, а двадцатитысячный монгольскій отрядъ совершилъ замѣчательный путь вокругъ Каспійскаго моря, отправившись съ запада и прійдя въ степи Джигуна. Чингисъ-Ханъ, вернувшійся въ Каракорумъ только въ 1224 г., оставался, большею частью, въ Самаркандѣ и устраивалъ на Джигунѣ замѣчательныя охоты, съ изумленіемъ описываемыя персидскими и монгольскими лѣтописцами и отлично обрисовывающія монголовъ, ихъ нравы и повелителя. Цѣлые народы были собираемы для того, чтобъ сгонять сотни тысячъ дикихъ звѣрей, которыхъ убивалъ и пожиралъ Чингисъ-Ханъ съ своими придворными. Множество звѣрей было поймано живыми, заклеймено различными знаками и пущено на волю. Но, рядомъ съ этимъ, Чингисъ-Ханъ старался знакомиться въ Ховарезміи, какъ онъ дѣлалъ и въ другихъ завоеванныхъ земляхъ, съ вѣрованіями покоренныхъ имъ народовъ. Для этого онъ разговаривалъ съ бухарскими учеными, преподававшими въ знаменитыхъ академіяхъ ученіе ислама, философію, знанія индійцевъ и изобрѣтенія персіянъ. Одинъ изъ его потомковъ передаетъ разговоръ своего предка съ первымъ мухаммеданскимъ ученымъ того времени; въ немъ ясно обнаруживается, съ одной стороны, обширный умъ завоевателя, а съ другой, ничтожная школьная мудрость профессора, оказавшаяся тогда, какъ и всегда, несостоятельною передъ здравымъ смысломъ. Передъ возвращеніемъ въ Каракорумъ, Чингисъ-Ханъ собралъ большой курультай, но, кажется, не для изданія новыхъ постановленій, а только для того чтобъ показаться монголамъ во всемъ блескѣ своей власти. Торжество происходило на той же равнинѣ, гдѣ была охота, и хотя мѣстность имѣла семь миль въ окружности, но едва могла вмѣ-

стить палатки всѣхъ прибывшихъ князей. Изъ Каракорума, Чингисъ-Ханъ опять двинулся, съ сыновьями, къ сѣвернымъ и западнымъ границамъ Китая, чтобъ окончательно покорить кочевавшія тамъ орды и потомъ итти противъ сѣвернаго китайскаго государства. Пока монголы были заняты въ этихъ краяхъ, Джеладдинъ возстановилъ ховарезмійское царство.

Прибывъ въ Индію съ нѣсколькими спутниками, онъ собралъ тамъ войско и, когда монголы отхлынули къ востоку, пошелъ завоевывать отцовскія владѣнія (1225 г.). Братъ его, Татаръ-Шахъ, уже занялъ провинцію Керманъ, а одинъ изъ данниковъ Мухаммеда завоевалъ часть внутренней Персіи. Но всѣ крѣпости въ горахъ, отдѣлявшихъ Ховарезмію отъ Индіи, принадлежали еще монголамъ, такъ что Джелаледдинъ долженъ былъ проходить по степямъ Афганистана и Кермана. Здѣсь онъ былъ еще несчастнѣе, чѣмъ Александръ Великій въ походѣ черезъ степи Мекрана (т. II. стр. 373), сохранивъ изъ цѣлаго войска только четырехъ человѣкъ. Встрѣченный съ восторгомъ въ Персіи, онъ собралъ новое войско, отправился изъ Кермана, черезъ Испагань, къ Багдаду, повернулъ невдалекѣ отъ него къ сѣверу и покорилъ Адзербиджанъ и населенную храбрыми христіанами Грузію, пріобрѣтя побѣдою надъ грузинами безпредѣльныя хвалы со стороны единовѣрцевъ. Къ несчастью, онъ двинулся послѣ того противъ крѣпости Ишлата (т. VII. стр. 182), принадлежавшей тогда Эюбиду Ашрафу, сыну Аделя. Это предпріятіе было причиной его гибели. Онъ дважды отправлялся, зимою, въ эту мѣстность, часто даже лѣтомъ покрытую снѣгомъ, и былъ отбитъ. Третій походъ былъ удаченъ, но самая удача была погубна. Едва успѣлъ онъ, съ помощью измѣны, овладѣть крѣпостью, какъ явились войска соединившихся между собой Ашрафа и иконійскаго султана Кай Кобада. Передъ городскими воротами произошло сраженіе (1230 г.), продолжавшееся три дня и къ выгодѣ монголовъ истребившее главныя силы мухаммеданъ въ Азіи. Джелаледдинъ былъ совершенно разбитъ, потерялъ почти все войско, но, не смотря на то,

отвергъ выгодный миръ, предложенный противниками, и остался безоружнымъ въ то самое время, какъ монголы вновь вторглись въ его государство.

Въ это время Чингисъ-Ханъ покорилъ орды, кочевавшія на китайской границѣ и завоевалъ почти все государство Хіа, лежавшее на сѣверѣ Китая, возлѣ имперіи Киновъ или повелителей золотаго племени. Для войны съ Кинами онъ вступилъ въ союзъ съ южнокитайскимъ императоромъ. Но и непріятели приготовились встрѣтить грозу, такъ что Чингисъ-Хану предстояла упорная борьба. Онъ умеръ (1227 г.), не успѣвъ начать ее; послѣднія слова его сыновьямъ заключали наставленія, какъ вести эту войну. Государство свое онъ раздѣлилъ по письменному завѣщанію между сыновьями и ихъ потомками. По этому завѣщанію третій сынъ, Октай, получалъ верховную власть надъ всѣми, съ титуломъ великаго хана. Старшій. Чучи, умеръ раньше, оставивъ сына, страшнаго для Европы Бату или Батыя. Ему достались покоренныя отцомъ его оренбургскія и астраханскія степи, или такъ называемый Капчакъ (Кипчакъ). Второй, Чагатай, получилъ все пространство за Джигуномъ и Аму, а четвертый, Тули, восточную и западную Персію и покоренную часть Индіи. Оготай не могъ пользоваться властью до признанія его великимъ ханомъ на курультаѣ, — такъ строго соблюдались у монголовъ государственныя формы, не смотря на военную деспотію. Курультай собрался только черезъ два года по смерти Чингисъ-Хана; до того было междуцарствіе; но это вредило дѣламъ только въ томъ оттошеніи, что монголы должны были ограничиваться небольшими предпріятіями: всѣмъ управленіемъ распоряжался Чагатай. До дѣлежа, братья предприняли назначенный отцомъ походъ въ сѣверный Китай, совершенно покорили это государство, съ его громадною столицею Нанкиномъ и отдали императору южнаго Китая, за оказанную имъ помощь, провинцію Гонанъ. Въ то же время, сынъ Тули, Гулагу, проникъ до Арменіи и Грузіи, а многочисленные

отряды, славнѣйшимъ предводителемъ которыхъ былъ Чармаганъ, искали всюду ховарезмійскаго шаха.

Джелаледдинъ слишкомъ поздно рѣшился просить помощи у румскаго султана, Эюбида Ашрафа и багдадскаго халифа; получивъ отъ всѣхъ трехъ отказъ, онъ внезапно былъ окруженъ врагами въ Адзербиджанѣ. Храбрость османскихъ турокъ, поступившихъ къ нему на службу подъ начальствомъ Орхана, и тутъ спасла его, но вмѣсто того чтобы бѣжать съ ними въ Испагань, онъ велѣлъ имъ отступить, надѣясь отвлечь отъ себя вниманіе враговъ, и этимъ погубилъ себя. Преслѣдуемый монголами, онъ укрылся въ Курдистанъ, попалъ въ руки одной курдской орды и, когда назвалъ себя, былъ зарѣзанъ (1231 г.) курдомъ, братъ котораго былъ убитъ въ Ишлатѣ. Уничтоживъ ховарезмійское государство, монголы принудили румскаго султана подчиниться великому хану, а въ то же время на другомъ концѣ государства вели войну съ императоромъ южнаго Китая и владѣтелемъ полуострова Кореи. Владѣтеля Кореи они подчинили, но китайцы устояли тогда противъ напора. Почти въ то же время орда османскихъ турокъ вступила въ Малую Азію и, основавъ тамъ разбойничье государство Карагиссаръ, положила начало новому грозному государству на Востокѣ.

3. Походы монголовъ въ Европу.

Еще во время пребыванія Чингисъ-Хана въ Ховарезміи, его старшій сынъ, Чучи, покоритель Капчака, проникъ, со стороны Каспійскаго моря, въ Европу. Первыми встрѣтились ему половцы, грубый языческій народъ тюркскаго племени, кочевавшій отъ Азовскаго моря до днѣпровскихъ пороговъ и постоянно воевавшій съ русскими, раздѣленными тогда на множество княжествъ. Половцы просили у русскихъ помощи противъ монголовъ и получили ее, благодаря содѣйствію великаго князя Мстислава, женатаго на половчанкѣ. Русскіе двинули болѣе 100 тысячъ человѣкъ,

оттѣснили монголовъ на восемь дней пути, но имѣли неосторожность дать сраженіе, не дождавшись подкрѣпленій. При рѣкѣ Калкѣ они были разбиты на голову (1224 г.), и весь югъ Россіи сдѣлался открытъ непріятелю. Татары опустошили всю страну до Чернигова, но не пошли далѣе, такъ какъ выступленіе Чингисъ-Хана изъ Ховарезміи и смерть Чучи, умершаго въ томъ же 1224 году, пріостановили ихъ движеніе на западъ. Но половцы были совершенно истреблены; остатки ихъ бѣжали къ русскимъ и, смѣшавшись съ ними, исчезли.

Новая опасность грозила русскимъ, когда монголы напали на болгаръ, жившихъ въ южной Россіи. Если бы они подали помощь болгарамъ, къ чему были обязаны договорами, и забыли свои междоусобія, то, быть можетъ, имъ удалось бы отстоять свою покрытую болотами и лѣсами родину. Но ни того, ни другаго не случилось, болгары были побѣждены и усилили собою монгольскія полчища. Однако и на этотъ разъ опасность миновала. Въ 1234 г. великій ханъ Октай созвалъ отовсюду своихъ родныхъ съ войсками въ Монголію, на большой курультай, а потомъ воевалъ съ Китаемъ и обстраивалъ Каракорумъ, состоявшій до тѣхъ поръ изъ шалашей и палатокъ. Онъ выстроилъ себѣ великолѣпный дворецъ, отдѣланный китайскими мастерами, и заставилъ всѣхъ родныхъ и начальниковъ строить себѣ дома въ Каракорумѣ. Русскіе не воспользовались и этой отсрочкой, и надъ ними разразилась давно грозившая бѣда. Батый, сынъ Чучи, посланный Октаемъ съ громаднымъ войскомъ для покоренія Россіи, уничтожилъ при рѣкѣ Воронежѣ (1237 г.) войска рязанскаго князя, не получившаго помощи отъ другихъ князей, потомъ разбилъ великаго князя владимірскаго Юрія II, взялъ и разрушилъ Владиміръ, Москву и другіе города, истребляя при этомъ жителей. Юрій отважился на второе сраженіе при рѣкѣ Сити (1238 г.), и здѣсь рѣшилась судьба Россіи на цѣлыя полтораста лѣтъ. Великій князь и знатнѣйшіе воеводы пали въ битвѣ, а татары неудержимо ринулись во внутреннюю Россію, истребляя все огнемъ и мечомъ. Они были уже въ

ста верстахъ отъ древняго, богатаго Новгорода, и, безъ сомнѣнія, уничтожили бы и этотъ городъ, колыбель Россіи, если бы не наступили внезапныя мятели, затруднившія ихъ движенія по болотистой и наполненной озерами странѣ. Повернувъ назадъ, они ушли за Волгу, но въ слѣдующемъ году явились опять (1239 г.). Русскіе бѣжали отъ нихъ какъ отъ дикихъ звѣрей, укрываясь въ лѣса и болота. Татары жгли покинутые города и деревни, и наконецъ овладѣли тогдашнею столицею Россіи, Кіевомъ (1240 г.). Многіе русскіе, въ томъ числѣ и великіе князья кіевскій и галицкій, бѣжали въ Венгрію, гдѣ въ тоже время искали спасенія до сорока тысячъ куманскихъ семействъ. Монголы направились тогда не къ сѣверу, а къ юго-западу, и въ началѣ слѣдующаго года наводнили Венгрію и Польшу.

Въ Венгріи, незадолго до того, совершился такой же государственный переворотъ, какъ въ Англіи при Іоаннѣ Безземельномъ (т. VII. стр. 119); только его результаты, вліяніе которыхъ сохранилось до нашихъ временъ, были совершенно противоположны тому, что произошло въ Англіи. Сынъ и преемникъ Белы III, Эмерихъ (1196—1204 г.), въ продолженіе всего царствованія враждовалъ съ своимъ властолюбивымъ братомъ, Андреемъ II. По смерти его, Андрей сдѣлался опекуномъ малолѣтняго наслѣдника, принудилъ его, вмѣстѣ съ матерью, бѣжать, и когда тотъ умеръ, вступилъ на престолъ (1205 г.). Вскорѣ у него начались раздоры съ вельможами и роднымъ сыномъ, Белою IV; котораго онъ принужденъ былъ взять соправителемъ; но, не смотря на внутреннія распри, Андрей вмѣшивался въ междоусобія русскихъ князей и, какъ было сказано выше, принялъ участіе въ безславномъ крестовомъ походѣ (т. VII. стр. 183). Раздоры короля съ сыномъ дали вельможамъ поводъ и возможность вытребовать у него несчастную грамату, послѣдняя статья которой порождала въ Венгріи постоянныя междоусобія и дѣлала бѣдные и низшіе классы народа жертвою богатыхъ и знатныхъ. Въ силу этой, такъ называемой, золотой привилегіи, вельможи должны были быть

ежегодно сзываемы на сеймъ, освобождались со всѣми своими людьми отъ платежа поземельной подати, не могли быть лишаемы безъ судебнаго приговора личной свободы и имущества и пріобрѣтали еще многія другія права. Послѣднею статьею этой граматы дворянству и духовенству предоставлялось право вооруженнаго возстанія въ случаѣ нарушенія королемъ или кѣмъ-нибудь изъ его наслѣдниковъ постановленій золотой привилегіи. Огромная разница между этими правами и выговоренными за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Англіи заключалась въ томъ, что золотою привилегіею ничего не было сдѣлано для горожанъ и крестьянъ; напротивъ, венгерская знать основала свое могущество на угнетеніи этихъ классовъ, и тогда какъ въ Англіи число мелкихъ землевладѣльцевъ постоянно увеличивалось и они становились ядромъ націи, въ Венгріи классъ этотъ, напротивъ, былъ совершенно угнетенъ высшимъ дворянствомъ, а крестьяне доведены до положенія рабовъ.

Слѣдствія этой неблагоразумной конституціи обнаружились весьма скоро. Уже соправитель Андрея, Бела, не могъ и не хотѣлъ выполнять обязательствъ, принятыхъ отцомъ, и такимъ образомъ государство было осуждено на постоянныя смуты. Его братъ былъ съ нимъ въ открытой враждѣ; къ этому присоединились несогласія съ духовенствомъ, папой и русскими; еврейскіе и мухаммеданскіе ростовщики, къ которымъ Андрей прибѣгалъ въ финансовыхъ затрудненіяхъ, захватывали государственныя и частныя имущества, дворянство предалось, въ послѣднее время, распутной жизни и утратило свой боевой духъ. Наконецъ, недовольная часть знати предложила корону герцогу австрійскому Леопольду Воинственному, но, явясь въ Венгрію, Леопольдъ былъ разбитъ и принужденъ заключить невыгодный миръ. Слѣдовательно, венгры вовсе не были готовы выдержать борьбу съ сильнымъ врагомъ, какъ вдругъ пришло извѣстіе о приближеніи къ карпатскимъ проходамъ полумилліона монголовъ. Тогда царствовалъ Бела IV, наслѣдовавшій отцу въ 1235 г. Монголы, выходя изъ Россіи, раздѣлились на четыре многочисленныхъ войска,

изъ которыхъ одно пошло въ Польшу и Силезію, а три, различными путями въ Венгрію. Къ несчастью, незадолго до того венгры раздражили кумановъ, внушавшихъ имъ опасенія своимъ множествомъ, взявъ у нихъ въ заложники князей. Потому куманы присоединились къ монголамъ при первомъ ихъ появленіи. Мужественная оборона проходовъ могла бы, если не вовсе преградить, то, по крайней мѣрѣ, сильно затруднить монголамъ доступъ въ Венгрію. Но король былъ человѣкъ слабый, не умѣвшій повелѣвать, а палатинъ Гедервари, которому поручена была защита проходовъ, очистилъ ихъ при приближеніи непріятелей. Такимъ образомъ венгры сами готовили себѣ гибель, или, какъ отлично выразился одинъ историкъ, дьяволъ, ведшій монгола Батыя въ Венгрію, предпослалъ ему трехъ неодолимыхъ духовъ: духа раздора, духа невѣрія и недовѣрчивости и духа боязни. Батый не встрѣтилъ сопротивленія въ горныхъ проходахъ, и Венгрія сдѣлалась его добычею. Однако, здѣсь онъ впервые столкнулся съ западнымъ рыцарствомъ, такъ какъ Фридрихъ Австрійскій, по просьбѣ короля, поспѣшилъ къ нему на помощь, и дикіе монголы, вооруженные почти исключительно одними луками и пиками и только въ небольшомъ количествѣ имѣвшіе брони и шлемы, получили отпоръ, какого еще не встрѣчали. Но Фридрихъ, выказавшій блистательную личную храбрость и гигантскую силу, долженъ былъ отправиться въ Австрію за подкрѣпленіями, а въ его отсутствіе Бела допустилъ монголовъ завлечь себя въ мѣстность, весьма для нихъ выгодную. Батый заманилъ его въ степь Моги при рѣкѣ Саіо и здѣсь совершенно окружилъ венгерское войско, такъ что въ случаѣ пораженія венграмъ оставалась только одна дорога для бѣгства. По этой дорогѣ они и бѣжали въ безпорядкѣ, убиваемые монголами какъ бараны; по словамъ одного современнаго писателя, они падали какъ листья при наступленіи зимы, трупы ихъ покрывали всю дорогу, а кровь текла, какъ горный потокъ. Монголы, подкрѣпленные войскомъ, пришедшимъ изъ Силезіи, обратили Венгрію въ пустыню, и, доходя до Иллиріи и Далмаціи, сотнями тысячъ истребляли жителей. Поте-

рявъ войска, Бела бѣжалъ къ Фридриху Воинственному, и, чтобъ получить помощь, предлагалъ императору обратить королевство въ ленъ имперіи. Но Фридрихъ II оставался подъ разными предлогами въ Италіи и только написалъ циркулярную ноту къ христіанскимъ государямъ и германскимъ князьямъ. Монгольскія орды уже готовились основать въ Венгріи поселенія, какъ вдругъ Батый получилъ извѣстіе о смерти Октая и повелъ свои полчища на востокъ (1242 г.).

Монголы, вторгшіеся въ Польшу, нашли тамъ еще болѣе благопріятное для себя положеніе дѣлъ, чѣмъ ихъ соплеменники въ Венгріи. Польша съ давнихъ поръ была раздѣлена на нѣсколько княжествъ, постоянно враждовавшихъ между собою, и хотя сильнѣйшій владѣтель считался главою всѣхъ, но это первенство заключалось почти въ одномъ титулѣ. Въ эпоху вторженія монголовъ въ Россію, въ Польшѣ было четыре главныхъ князя: Генрихъ I Бородатый владѣлъ Бреславлемъ и большою частью Силезіи, Болеславъ Стыдливый—Краковомъ и Сендомиромъ, Конрадъ—Мазовіей и Куявіей, а Владиславъ—Познанью и Жмудью. Никто изъ нихъ не былъ на столько силенъ, чтобъ принять титулъ короля, но Генрихъ принудилъ остальныхъ считать его верховнымъ своимъ главою. Вслѣдствіе этихъ отношеній, онъ убѣдилъ двоюроднаго брата Конрада уступить область Кульмъ рыцарямъ тевтонскаго ордена, начинавшимъ тогда замѣнять свою дѣятельность на Востокѣ обращеніемъ въ христіанство пруссовъ и другихъ пограничныхъ Германіи язычниковъ (1228 г.): это дало ордену возможность стать твердой ногою въ Пруссіи и впослѣдствіи получить въ высшей степени важное значеніе для цивилизаціи остзейскихъ береговъ. Сынъ Генриха, Генрихъ II Благочестивый (1238 г.), пользовался такимъ же вліяніемъ какъ и отецъ. На третьемъ году его княженія, монголы вторглись въ Польшу и опустошили Люблинъ. Въ слѣдующемъ году снова явилось слабѣйшее изъ четырехъ войскъ, на которыя они раздѣлились, выступая изъ Россіи. Изъ трехъ остальныхъ, направившихся на Венгрію,

одно пошло также черезъ Польшу, уничтоживъ на пути войска Болеслава Стыдливаго. Войско, назначенное въ Польшу и находившееся подъ начальствомъ Петы, встрѣтило здѣсь такой же рыцарскій отпоръ, какъ въ Венгріи со стороны Фридриха Австрійскаго. Подъ Оппельномъ, герцогъ верхней Силезіи, Мечиславъ, уничтожилъ значительный монгольскій отрядъ и потомъ благоразумно уклонялся отъ сраженія; главныя массы монголовъ впервые встрѣтили правильное сопротивленіе, только подойдя къ Бреславлю. Горожане, конечно, бѣжали, но силезскіе рыцари заняли замокъ на одномъ изъ островов Одера, сложили туда все, что было цѣннаго и сожгли городъ, чтобъ добыча не привлекла дикихъ враговъ. Замокъ не былъ взятъ монголами. Отъ Бреславля они пошли на Лигницъ, гдѣ Генрихъ Благочестивый собралъ довольно значительное войско. Къ нему присоединились Мечиславъ, герцогъ верхней Силезіи, моравскій герцогъ Болеславъ, приведшій гольдбергскихъ горцевъ и имѣвшій главное начальство надъ воинами, одѣтыми, по обычаю того времени, какъ крестоносцы, гроссмейстеръ тевтонскаго ордена съ своими рыцарями и много другихъ владѣтелей и рыцарей; самъ Генрихъ привелъ съ собой довольно значительный отрядъ изъ поляковъ, силезцевъ и нѣмецкихъ наемниковъ. Это войско, числомъ до тридцати тысячъ человѣкъ, показало монголамъ, что значитъ желѣзное западное рыцарство. Правда, христіане, не смотря на всю свою храбрость, проиграли сраженіе, данное 9 апрѣля 1241 г. на вальштаттской равнинѣ, при Лигницѣ, такъ какъ ихъ одолѣли масса и натискъ враговъ; но монголы понесли такую значительную потерю, что не пошли далѣе на Германію, а повернули на Богемію и Моравію. Чешскій король скрылся отъ нихъ, поджидая помощи нѣмецкихъ имперскихъ князей, дѣлавшихъ значительныя вооруженія; варвары прошли, не останавливаясь, чрезъ его земли и, потерпѣвъ въ Моравіи значительное пораженіе, соединились, въ Венгріи, съ Батыемъ, отправившимся вмѣстѣ съ ними, какъ уже было сказано выше, на востокъ. Къ счастью для Германіи, въ монгольскомъ государствѣ произошли внутренніе перевороты, вслѣд-

ствіе которыхъ ихъ дальнѣйшія предпріятія направились не противъ Европы, а противъ багдадскаго халифата. Впрочемъ, по свидѣтельству европейцевъ, бывшихъ при монгольскомъ дворѣ посланниками или миссіонерами, вооруженіе западныхъ рыцарей, ихъ боевое искусство и храбрость произвели сильное впечатлѣніе на монголовъ. Такъ, напримѣръ, папскій посолъ, отправленный въ Монголію черезъ четыре года послѣ похода Батыя, разсказываетъ, что и его самого и его людей обстоятельно распрашивали, не дѣлаютъ ли еще франки походовъ въ Палестину; а въ Арменіи и Грузіи ему говорили, что монголы никого такъ не боятся, какъ франковъ.

4. Монгольское государство въ первое время по смерти Чингисъ-Хана и паденіе халифата.

Первый великій ханъ, наслѣдовавшій Чингисъ-Хану, Октай, былъ грубъ, какъ всѣ монголы, и къ тому же преданъ пьянству, но въ его царствованіе весьма искусно завѣдывалъ всѣми дѣлами образованный и умный китаецъ, Елучучай, вступившій въ монгольскую службу еще при Чингисъ-Ханѣ. Этотъ человѣкъ имѣлъ весьма важное значеніе для внутренняго устройства монгольскаго государства, перенеся въ управленіе обычаи и духъ давно уже образованной страны. Онъ старался проводить на практикѣ лучшія государственныя начала, основывалъ учебныя заведенія, переводилъ на монгольскій языкъ сочиненія образованныхъ народовъ, выписывалъ изъ Персіи, Аравіи и другихъ мухаммеданскихъ государствъ ученыхъ, офицеровъ, ремесленниковъ и художниковъ. Октай умеръ внезапно, 1241 г., отъ пьянства, назначивъ наслѣдникомъ старшаго сына, но его жена, христіанка Туракейна, доставила санъ великаго хана родившемуся отъ нея младшему сыну, Каюку, и, по малолѣтству его, стала управлять государствомъ сама; къ ея несчастью, Елучучай умеръ въ 1243 г. Въ ея правленіе произошла замѣчательная перемѣна во мнѣніи европей-

цевъ о монголахъ. Еще за нѣсколько лѣтъ, какъ доказываетъ отзывъ императора Фридриха II, ихъ считали въ Европѣ народомъ совершенно дикимъ, неимѣющимъ понятія о какомъ либо законномъ порядкѣ, стоящимъ на одной ступени со звѣрьми; и вдругъ, посылаемые къ Каюку монахи стали говорить о христіанскомъ богослуженіи при монгольскомъ дворѣ. Конечно, всматриваясь въ дѣло ближе, окажется, что это христіанство имѣло весьма ограниченное вліяніе на монголовъ, такъ какъ главный идолъ ихъ оставался по прежнему государственнымъ и придворнымъ божествомъ; однако, при Каюкѣ и даже при Октаѣ одинъ изъ государственныхъ сановниковъ былъ христіаниномъ; черезъ него это христіанство имѣло нѣкоторое вліяніе на монгольскій дворъ, пока черезъ десять лѣтъ по смерти Октая его не зарѣзали со всѣми друзьями. Каюкъ былъ признанъ великимъ ханомъ на курультаѣ, не ранѣе четырехъ или пяти лѣтъ по смерти Октая, такъ какъ Батый ненавидѣлъ его и всю его родню. Спустя годъ, онъ умеръ (1247 г.), и тогда Батый, не обращая вниманія на тѣхъ, которые считали Каракорумъ единственнымъ мѣстомъ для созванія государственныхъ собраній, устроилъ курультай у себя въ Капчакѣ и, опираясь на войско, заставилъ признать великимъ ханомъ бѣжавшаго къ нему сына Тули, Мангу. Впослѣдствіи въ Каракорумѣ собрался другой курультай (1251 г.), избравшій Мангу великимъ ханомъ съ соблюденіемъ всѣхъ обычныхъ церемоній. Но и туда Батый послалъ съ войскомъ двухъ своихъ предводителей, приказавъ рубить головы всѣмъ родичамъ и приверженцамъ Октая, которые будутъ противиться выбору Мангу. Избраніе новаго великаго хана сопровождалось семидневнымъ празднествомъ, въ родѣ іудейской субботы, въ которомъ принималъ участіе и скотъ, такъ какъ во все это время его не убивали и не гоняли на работу. Въ теченіе этихъ семи дней дворъ выпилъ двѣ тысячи повозокъ горячихъ напитковъ и пожралъ триста лошадей и быковъ и пять тысячъ барановъ. Среди пировъ открытъ былъ заговоръ брата Каюка, его сыновей и части придворныхъ, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ были убиты, а родъ Октая

совершенно истребленъ. Въ числѣ прочихъ былъ убитъ Кудакъ, христіанскій министръ двухъ прежнихъ великихъ хановъ и всѣ его друзья.

При Мангу и его братѣ, Кублаѣ, наслѣдовавшемъ ему въ 1259 г., монголы завоевали часть западной Азіи, гдѣ еще прежде имъ подчинилось иконійское государство и весь южный Китай, и основали на обоихъ концахъ своихъ владѣній новыя царства. При Октаѣ, сельджукскій султанъ Иконіума (Иконіе), Кай Кобадъ, прежде всѣхъ мухаммеданскихъ владѣтелей добровольно подчинился великому хану. Этимъ онъ сохранилъ свою власть по уничтоженіи хорезмійскаго государства, но вскорѣ поссорился со своимъ новымъ властелиномъ, и его владѣніямъ стало грозить новое монгольское нашествіе. Къ довершенію несчастья, его сынъ и наслѣдникъ, Кай Козру II, обидѣлъ турецкихъ наемниковъ, поступившихъ къ нему на службу по смерти хорезмійскаго шаха, такъ что они ушли въ Сирію и примкнули къ Эюбиду Салэхъ Эюбу. Кай Козру собралъ новыхъ наемниковъ, грековъ, франковъ и персіянъ, и соединился съ владѣтелемъ Алеппо, но по появленіи войска, посланнаго великимъ ханомъ Каюкомъ (1243 г.), его трусливые наемники и союзникъ бѣжали. Сдѣлавъ его своимъ данникомъ, монголы оставили ему и его сыновьямъ титулъ султана; но, спустя пятьдесятъ лѣтъ, и этотъ послѣдній остатокъ сельджукскаго владычества былъ уничтоженъ.

Сдѣлавшись великимъ ханомъ, Мангу счелъ благоразумнымъ держать братьевъ, Гулагу и Кублая, подалѣе отъ себя. Потому въ 1253 г. онъ опять созвалъ курультай, на которомъ было постановлено предпринять два похода подъ начальствомъ его братьевъ. Гулагу былъ посланъ противъ Персіи и багдадскаго халифата, а Кублай противъ Китая. Гулагу выступилъ осенью съ сильнѣйшимъ изъ двухъ войскъ; съ нимъ отправились очень много китайскихъ ученыхъ и мастеровъ, въ качествѣ географовъ, инженеровъ и машинистовъ. Онъ пошелъ, черезъ Самаркандъ, къ Каспійскому морю, овладѣлъ прибрежными горными странами, заставилъ присягнуть

себѣ жалкихъ владѣтелей бывшаго иконійскаго государства, проникъ до Гамадана и потребовалъ добровольнаго подчиненія отъ старца горы, господствовавшаго въ горахъ Дилема надъ персидскаго вѣтвью ассасиновъ (т. VI. стр. 423). Тогдашній старецъ горы, Рокнеддинъ, отвергъ это требованіе, но когда Гулагу вступилъ въ его владѣнія, онъ послалъ къ нему для переговоровъ брата, а потомъ былъ принужденъ явиться лично къ предводителю монголовъ (1256 г.). Гулагу поставилъ надъ страною монгольскаго правителя и отправилъ старца горы къ великому хану, предварительно заставивъ его приказать гарнизонамъ всѣхъ городовъ открыть монголамъ ворота. Всѣ послушались, за исключеніемъ трехъ, но и они потомъ повиновались, боясь гнѣва Гулагу или уступая силѣ. Гулагу разрушилъ до основанія всѣ разбойничьи вертепы ассасиновъ и истребилъ всю секту чисто по монгольски, приказавъ войскамъ рѣзать всѣхъ ассасиновъ безъ исключенія, не щадя даже грудныхъ дѣтей. Приказъ былъ выполненъ буквально, и все племя персидскихъ ассасиновъ истреблено. Въ одномъ Когестанѣ, монгольскій полководецъ истребилъ до 12 т. человѣкъ, а во всѣ провинціи были посланы особые коммисары, для того чтобы разыскивать ассасиновъ и немедленно предавать ихъ смерти. Старецъ горы былъ умерщвленъ по приказанію великаго хана. Такимъ образомъ погибла окончательно измаэлитская секта ассасиновъ въ Персіи; въ Сиріи она сохранилась до сихъ поръ, но основанное ею государство было уничтожено черезъ нѣсколько лѣтъ по истребленіи ея персидской вѣтви.

Изъ Персіи, Гулагу хотѣлъ двинуться на Константинополь, но оставилъ это намѣреніе, уступая совѣтамъ знаменитаго астронома Насиреддина, котораго онъ весьма уважалъ, щедро покровительствуя его ученымъ занятіямъ (т. V. стр. 205), и пошелъ противъ послѣдняго халифа, Аббасида Мостаасема. Багдадскіе халифы, по уничтоженіи Буидовъ (т. V. стр. 179 и т. VI. стр. 372), отъ времени до времени пріобрѣтали свѣтское владычество и наконецъ почти вполнѣ упрочили свою независимость. Но въ Багдадѣ не

прекращались внутренніе раздоры между многочисленнымъ шіитскимъ населеніемъ города и господствующею суннитскою сектою, доходившіе нерѣдко до кровавыхъ стычекъ на улицахъ. Духовныя проклятія и инквизиціонная система, къ которымъ халифъ прибѣгалъ со времени ховарезмійца Мухаммеда III, естественно, разжигали еще болѣе ненависть и раздоры. Къ тому же визирь Мостаасема, Муядеддинъ, былъ ревностный шіитъ и изъ религіозной ненависти старался погубить халифа коварными совѣтами. Наконецъ, согласно общему правилу, что гибели всегда предшествуетъ ослѣпленіе гибнущаго, Мостаасемъ, къ своему несчастью, былъ очень скупъ. Собравъ громадныя сокровища, онъ сначала содержалъ на нихъ многочисленную конницу (по Абулфедѣ въ 100 т., а по персидскимъ источникамъ въ 70 т. человѣкъ). За нѣсколько лѣтъ до нападенія Гулагу визирь далъ ему вѣроломный совѣтъ уменьшить это войско до 20 т., а сбереженными деньгами откупиться отъ грозившаго ему великаго хана. Халифъ послушался предательскаго совѣта, такъ какъ по своей скупости расчитывалъ, что монголы удовольствуются меньшею суммой денегъ, чѣмъ онъ сбережетъ вслѣдствіе сокращенія войска. Но ими онъ задержалъ монголовъ весьма не на долго, а при нападеніи Гулагу могъ располагать чрезвычайно незначительными силами. Такъ объясняютъ гибель Мостаасема мухаммеданскіе историки; напротивъ, христіанскій монахъ Рубруквисъ, который былъ посломъ при дворѣ великаго хана за три года до паденія халифата и при которомъ прибыли посланные Мостаасема, увѣряетъ, что халифъ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобъ отразить грозившую ему гибель, и весьма умно отклонялъ всѣ предложенія вѣроломнаго монгола относительно разоруженія и расформированія войска. Во всякомъ случаѣ въ то время монгольскій вождь уже не водилъ съ собой милліонъ войска, и халифъ могъ имѣть достаточно силъ, чтобъ отбиться отъ него; но Гулагу, обманувъ его различными хитростями, внезапно появился въ окрестностяхъ Багдада, разбилъ въ весьма упорномъ сраженіи немногочисленное войско Мостаасема и осадилъ съ двухъ сторонъ городъ.

Гулагу не могъ совершенно замкнуть огромный Багдадъ и потому осада подвигалась весьма медленно. Она длилась уже два мѣсяца, какъ вдругъ измѣнникъ визирь посовѣтовалъ халифу войти въ личные переговоры съ Гулагу, чтобы тѣмъ спасти свою власть подобно иконійскому султану Кай Козру. Мостаасемъ дался въ обманъ и отправился въ монгольскій лагерь; тамъ его приняли дружески, но потомъ завели въ отдѣльную палатку и задержали плѣнникомъ. Успѣвъ въ этомъ, подлый визирь такимъ же образомъ отправилъ къ монголамъ всѣхъ значительныхъ лицъ, которыя могли управлять обороною города съ почти милліоннымъ населеніемъ; всѣ они были убиты. Тогда Гулагу и его полководецъ Багу сдѣлали приступъ съ двухъ сторонъ, и дикія орды, среди страшной рѣзни, ворвались въ Багдадъ (февраль 1258 г.). Сорокъ дней не прекращались убійства; по самымъ умѣреннымъ даннымъ, — въ которыхъ, однако, нельзя не видѣть сильнаго восточнаго преувеличенія и нѣкоторой невѣроятности,—въ чертѣ города погибло 800 т. человѣкъ, не считая убитыхъ по окрестностямъ. Стѣны, башни, ворота были разрушены; великолѣпнѣйшія зданія и превосходныя научныя коллекціи погибли въ пламени. Скупаго халифа Гулагу пытали до тѣхъ поръ, пока тотъ не показалъ, гдѣ спрятаны сокровища; затѣмъ его убили. Такъ какъ предатель визирь, посылая Мостаасема въ лагерь, поручился ему, именемъ Гулагу, за жизнь, то монгольскій предводитель, не рѣшаясь пролить его крови, употребилъ какую-то уловку, чтобъ убить его; вѣроятно, несчастный былъ раздавленъ лошадьми.

Такимъ образомъ, подъ натискомъ монголовъ исчезъ послѣдній остатокъ духовнаго владычества надъ мухаммеданскимъ міромъ, сохранявшагося цѣлые пятьсотъ лѣтъ въ родѣ Аббасидовъ. Между тѣмъ Кублай дѣйствовалъ въ Китаѣ далеко не такъ счастливо, какъ Гулагу въ Персіи и на Евфратѣ. Сюны сопротивлялись такъ упорно, что въ 1257 г. великій ханъ Мангу счелъ за нужное лично принять начальство надъ войскомъ. Онъ пришелъ съ сильными подкрѣпленіями, но въ томъ же году палъ во время неудачнаго

штурма города, отлично укрѣпленнаго и еще лучше обороняемаго китайцами. Кублай или Кублай-Ханъ, какъ съ тѣхъ поръ стали называть его, объявилъ себя великимъ ханомъ, не дожидаясь рѣшенія курультая. Это вовлекло его въ продолжительную войну съ братомъ, Артектогой. Ближайшими ея результатами были заключеніе мира съ китайцами и перенесеніе столицы великихъ хановъ въ нынѣшній Пекинъ, гдѣ укрѣпился Артектога, остававшійся прежде намѣстникомъ Мангу въ Каракорумѣ. Артектога, разбитый братомъ въ третьемъ сраженіи, ушелъ въ Каракорумъ и успѣлъ утвердиться тамъ. Впослѣдствіи онъ былъ вытѣсненъ оттуда одной враждебной ордой и бѣжалъ въ Китай къ брату Кублаю, который однако засадилъ его въ темницу и тамъ приказалъ умертвить. Кублай, опять соединившій тогда подъ своею властью Монголію и Туркестанъ, продолжалъ войну съ Китаемъ, овладѣлъ, въ 1180 г., не смотря на упорное сопротивленіе, всею китайской имперіею и даже распространилъ свою власть на Бенгалію. Съ того времени Китай становится средоточіемъ монгольскаго государства, принявшаго вскорѣ чисто китайскій характеръ (т. I. стр. 12). Династія Кублая, переселясь въ Китай, стала называться династіей Івенъ.

5. Персія, Сирія и Египетъ до окончательнаго уничтоженія христіанскаго господства въ Палестинѣ.

По уничтоженіи халифата, въ Персіи возникло татарское или монголо-турецкое государство; а еще прежде другое такое же государство было основано въ Капчакѣ Батыемъ, умершимъ въ 1256 г. Гулагу при жизни Мангу объявилъ себя владѣтелемъ Персіи съ титуломъ Илекъ-Хана, а перенесеніе столицы великаго хана въ Китай совершенно упрочило его власть, перешедшую къ потомству, сохранявшему ее до конца XIV столѣтія, когда татаринъ Тимуръ или Тамерланъ явился вторымъ Чингисъ-Ханомъ.

Покоривъ Багдадъ, Гулагу двинулся въ Сирію. Мосулъ сдался

ему добровольно, у жителей Алеппо онъ потребовалъ, чрезъ иконійскаго султана, безусловой сдачи, обѣщая пощаду, но, получивъ презрительный отказъ, началъ осаду и на девятый день взялъ городъ штурмомъ. Великолѣпный и богатый Алеппо постигла почти такая же участь, какъ Багдадъ. Испуганные его судьбою, Дамаскъ, Гаматъ и Гемсъ покорились безъ сопротивленія, а другіе города были вскорѣ завоеваны. Назначивъ намѣстникомъ Сиріи Кетбогу, Гулагу вернулся въ восточную Персію (1260 г.). Но едва онъ удалился, какъ въ Сирію вступилъ Котуцъ, одинъ изъ мамелюкскихъ султановъ Египта, и однимъ сраженіемъ отнялъ ее у монголовъ. Онъ на голову разбилъ монгольское войско и гналъ его до самаго Евфрата. Но побѣда оказалась пагубною для самого побѣдителя. Обѣщавъ алепское намѣстничество полководцу Бибарсу, главному виновнику побѣды, онъ не сдержалъ обѣщанія, и по возвращеніи въ Египетъ былъ имъ убитъ. Тогда мамелюки признали султаномъ Бибарса.

Бибарсъ упрочилъ и распространилъ свою власть на счетъ монголовъ и христіанъ. Чтобы затруднить первымъ доступъ въ Сирію, онъ велѣлъ опустошить обширную полосу земли и даже выжечь на ней траву, а потомъ искусно воспользовался кровавыми распрями между Гулагу и сыномъ Батыя, Беркере или Баркаемъ, чтобы истребить монголовъ самими же монголами. Принявъ на службу нѣсколькихъ изъ монголовъ Баркере и щедро награждая ихъ, онъ не только привлекъ къ себѣ цѣлыя массы ихъ соплеменниковъ, но и вывѣдывалъ все, что дѣлалось въ Капчакѣ. Узнавъ, что Беркере имѣетъ при дворѣ многихъ мухаммеданъ и самъ склоняется къ принятію ислама, онъ отправилъ къ нему посольство и получилъ въ отвѣтъ такое же посольство. Послы Беркере были щедро надѣлены подарками, множество, разнообразіе, изящество и цѣнность которыхъ даютъ высокое понятіе о тогдашней культурѣ и промышленности Египта, и отправились домой въ сопровожденіи новаго посольства. Его задержалъ въ Константинополѣ императоръ Михаилъ Палеологъ, вошедшій въ дружескія сношенія съ Гу-

лагу, изъявлявшимъ притворное желаніе принять христіанство; тогда Бибарсъ повелъ сношенія съ Беркере другимъ путемъ и продолжалъ ихъ съ его сыномъ и преемникомъ. Благодаря этимъ переговорамъ, монголы не тревожили Сиріи; а Бибарсъ даже поставилъ новаго халифа, котораго выдалъ за потомка Аббасидовъ, и надѣялся завоевать Багдадъ, пока Гулагу былъ занятъ на сѣверѣ войною съ Беркере; но монголы убили его халифа и посланныхъ съ нимъ солдатъ, прежде чѣмъ они достигли Багдада.

При жизни Гулагу Бибарсъ не могъ начать серьозныхъ дѣйствій противъ христіанъ, но въ самый годъ его смерти (1265 г.) взялъ Кесарію и Арзуфъ и потомъ осадилъ важную христіанскую крѣпость Акру, гдѣ враждовали между собою венеціанцы, генуезцы и пизанцы. Эта попытка не удалась; за то онъ покорилъ всѣ небольшія укрѣпленныя мѣста, а въ слѣдующемъ году овладѣлъ безъ боя Антіохіею. Неудачи палестинскихъ христіанъ до того поразили Европу, что тамъ опять стали готовиться къ священной войнѣ. Людовикъ Святой въ 1270 г. вторично предпринялъ крестовый походъ; къ нему примкнули англійскій наслѣдный принцъ (впослѣдствіи король Эдуардъ I) и пятьсотъ храбрыхъ фризовъ. Но коварный братъ Людовика, Карлъ Анжуйскій, вступившій незадолго передъ тѣмъ на неаполитано-сицилійскій престолъ, направилъ предпріятіе брата къ своей выгодѣ, убѣдивъ Людовика отправиться не въ Палестину, а въ Тунисъ. Тамъ почти все войско вмѣстѣ съ королемъ сдѣлалось жертвою африканскаго климата. Остатки французскаго войска вернулись во Францію, а Эдуардъ и фризы отправились въ Палестину. Эдуардъ пытался заключить союзъ противъ египтянъ съ наслѣдникомъ Гулагу, Абогою, но дѣло не состоялось, и вообще ему удалось только передъ отъѣздомъ въ Европу (1272 г.) заключить съ Бибарсомъ перемиріе, по которому христіане остались владѣтелями Акры, Триполи и нѣсколькихъ небольшихъ укрѣпленій. Все, что было добыто этимъ договоромъ, было утрачено раздорами христіанъ. Владѣтель Кипра, Гуго III, короновался, въ 1269 г., іерусалимскимъ

королемъ и обратилъ всѣ силы своего острова на защиту Палестины. Но враждовавшіе съ нимъ венеціанцы противодѣйствовали ему во всемъ. Съ другой стороны, на іерусалимскую корону изъявилъ притязанія Карлъ Анжуйскій, какъ король Сициліи и наслѣдникъ правъ Гогенштауфеновъ, и послалъ въ Палестину своего намѣстника (1278 г.). Христіанское населеніе до того увлеклось борьбой партій, что забыло даже о самыхъ необходимыхъ мѣрахъ обороны.

Между тѣмъ Бибарсъ, счастливо воевавшій съ наслѣдникомъ Гулагу, умеръ отъ раны, полученной въ послѣднемъ персидскомъ походѣ. Войско низвергло его старшаго сына и провозгласило султаномъ младшаго, которому было всего семь лѣтъ. Разумѣется, это дѣлалось только для вида, настоящимъ же властителемъ сталъ опекунъ или атабегъ, полководецъ Сеифъ эддинъ Калавунъ, принявшій черезъ нѣсколько недѣль титулъ султана. Онъ возобновилъ войну съ персидскими монголами и одержалъ, въ 1281 г., блистательную побѣду, тѣмъ болѣе славную, что непріятельскимъ войскомъ начальствовалъ одинъ изъ первыхъ князей дома Чингисъ-Хана, братъ Абоги, Мангу-Тимуръ. Вскорѣ въ персидско-монгольскомъ государствѣ произошелъ переворотъ. Абога умеръ въ 1282 г. и ему наслѣдовалъ, какъ старшій въ родѣ, одинъ изъ братьевъ. Чтобъ удержаться, съ помощью мухаммеданъ, противъ сыновей Абоги, онъ принялъ исламъ, назвавшись при обращеніи Ахмедомъ, и вошелъ въ переговоры съ египетскимъ султаномъ. Это возстановило противъ него подданныхъ, такъ что когда онъ побѣдилъ и взялъ въ плѣнъ своего возставшаго племянника Аргуна, народъ взбунтовался, освободилъ плѣннаго князя, провозгласилъ его ханомъ и умертвилъ Ахмеда (1284 г.). Вниманіе Аргуна отвлекали долгое время внутреннія смуты и войны съ капчакскимъ ханомъ; Калавунъ воспользовался этимъ для распространенія своей власти въ Сиріи, бралъ одинъ христіанскій городъ за другимъ и въ 1289 г. овладѣлъ сильно укрѣпленнымъ Триполи, при взятіи котораго погибло до семи тысячъ христіанъ. Въ слѣдующемъ

году онъ умеръ, и христіане могли на нѣкоторое время вздохнуть свободнѣе, такъ какъ сынъ его, Ашрафъ, немедленно заключилъ перемиріе; въ ихъ власти оставались Акра, Тиръ и нѣсколько маленькихъ городовъ. Къ несчастью, вскорѣ прибыла толпа разной сволочи, собранная папскими проповѣдями. Не считая себя связанною перемиріемъ, она разграбила египетскій караванъ и отказала султану въ удовлетвореніи. Тогда Ашрафъ двинулся со всѣми силами въ Палестину, собралъ цѣлыя массы единовѣрцевъ, въ которыхъ снова пробудилась жажда къ борьбѣ съ христіанами, устроилъ громадныя осадныя машины и подступилъ къ Акрѣ. Въ этомъ походѣ участвовалъ арабскій историкъ Абульфеда. Осада началась въ маѣ 1291 г.; защитники города приготовились къ упорной оборонѣ, такъ что предстояло новое, столько разъ уже повторявшееся въ этихъ мѣстахъ, состязаніе между восточною и западною храбростью. На этотъ разъ борьба была не равна: судьба не благопріятствовала христіанамъ, а страшныя египетскія машины, кидая въ городъ огромныя массы камня, разрушали стѣны и башни. 18-го мая городъ былъ взятъ приступомъ, но рыцари продолжали биться въ домахъ и башняхъ, пока все не обратилось въ развалины. Изъ жителей только немногіе спаслись бѣгствомъ, а самый городъ былъ окончательно разоренъ побѣдителями. Печальная участь Акры, бѣгство короля и первыхъ сановниковъ, уѣхавшихъ на островъ Кипръ еще до взятія города, лишили мужества защитниковъ Тира, такъ что этотъ городъ, нѣкогда стоившій христіанамъ столько крови, сдался безъ сопротивленія. Вслѣдъ затѣмъ египтяне овладѣли остальными мѣстами, и христіанское владычество въ Палестинѣ пало на вѣки.

VI. ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

ВО ВРЕМЯ ПОСЛѢДНИХЪ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

1. Южная Франція до альбигойской войны.

Въ чудной странѣ, лежащей между Альпами и Пиренеями и сохранившей остатки греческой и римской образованности, которая процвѣтала тамъ со времени основанія Марсели (т. I. стр. 260 и т. IV. стр. 306 и 421), рано и совершенно своеобразно развились въ средніе вѣка науки, полезныя и изящныя искусства и гражданская жизнь (т. VI. стр. 337. и т. VII. стр. 3). Отъ смѣшенія романскаго, латинскаго и испанскаго элементовъ съ арабскимъ возникла особенная поэзія. Тамъ родилось веселое искусство и образовались суды, гдѣ женщины судили о любви, пѣніи, храбрости и благородствѣ, а поэзія, какъ въ гомерической Греціи, являлась неразлучною спутницей пировъ и праздниковъ; тамъ учились и искали образцовъ пѣвцы любви и храбрости, и сами Данте и Петрарка почерпали свое первое вдохновеніе. Любимою наукою въ южной Франціи была медицина,

процвѣтавшая только въ этой странѣ, да въ Салерно; тамъ было основано евреями множество ученыхъ заведеній (т. VI. стр. 345), а сильно распространенное образованіе породило стремленіе къ истинному познанію христіанства и ересь, навлекшую на этотъ край, въ началѣ XIII столѣтія, всѣ ужасы фанатизма и клерикальной ярости. Политическія учрежденія Лангедока сохранили въ себѣ остатки римскихъ городскихъ правъ и муниципальнаго управленія, такъ что города южной Франціи, наиболѣе пострадавшіе при свирѣпомъ преслѣдованіи еретиковъ, имѣли устройство, которое не столь разъединяло ихъ между собой и не такъ рѣзко отдѣляло отъ сельскихъ сословій, какъ итальянскіе и германскіе города, а вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ ограждало отъ насилій владѣльцевъ, обходившихся съ городами собственной Франціи, какъ съ губками, выжимая ихъ и по нуждѣ и изъ прихоти. Въ сосѣднемъ съ Лангедокомъ Арелатѣ (т. VI. стр. 23) также установился новый порядокъ; со времени уничтоженія королевской власти и номинальнаго господства императоровъ, свободныя гражданскія учрежденія получили значительное развитіе, возникли республики, наслаждавшіяся всѣми выгодами свободы, но не знавшія неудобствъ мелкихъ независимыхъ государствъ. Такимъ образомъ, города южной Франціи рано познакомились со свободой и самостоятельностью, о которыхъ не имѣли еще понятія въ остальныхъ европейскихъ странахъ. Даже Тулуза, резиденція могущественнаго графа, имѣла независимое, выборное управленіе, а какому нибудь владѣтелю Муассака нельзя было и думать о присягѣ горожанъ до торжественнаго подтвержденія имъ самимъ ихъ городскихъ правъ. Неудивительно, что при такой обстановкѣ въ южной Франціи раньше чѣмъ гдѣ нибудь пробудилось общее отвращеніе къ искаженному католицизмомъ христіанству и почувствовалась настоятельная потребность реформы культа и перевода библіи на отечественный языкъ, а вслѣдствіе того возникла страшная борьба съ церковью, лишившая этотъ край свободы, надолго обратившая въ пустыню самую цвѣтущую страну

Европы, раздвинувшая владѣнія французскихъ королей до Средиземнаго моря и бывшая причиною учрежденія инквизиціи.

Возникшія въ южной Франціи еретическія секты, называемыя впослѣдствіи вальденсами или чаще альбигойцами, по городу Альби, были уже такъ распространены въ началѣ XII столѣтія, что папа Каликстъ II счелъ нужнымъ принять на соборѣ въ Тулузѣ, 1119 г., мѣры для преслѣдованія и истребленія ихъ. Святый Бернаръ также старался объ обращеніи отступниковъ, но и его рвеніе не увѣнчалось успѣхомъ. Вообще, всѣ предпринимаемыя мѣры оказывались недѣйствительными, и ересь глубже и глубже пускала корни въ странѣ. На соборъ въ Лонберѣ, 1165 г., были постановлены строжайшія правила противъ еретиковъ, но уже черезъ одиннадцать лѣтъ часть лангедокскаго дворянства и духовенства принадлежала къ ереси. Всемірная исторія не имѣетъ задачей развивать сущность ученія этихъ сектантовъ, и достаточно будетъ замѣтить, въ общихъ чертахъ, что они отвергали нѣкоторые важные церковные догматы, какъ напримѣръ, ученіе о таинствахъ причащенія и крещенія, признавали евангеліе единственнымъ источникомъ вѣры, придавали значеніе только нравственной сторонѣ религіи, отбрасывая внѣшнее богослуженіе, считали міръ, а также и законы Моисея, твореніемъ дьявола, не дозволяли другой пищи, кромѣ рыбы и масла и принимали въ свое общество съ особеннымъ посвященіемъ.

Въ 1178 г. французскій король Людовикъ VII и англійскій Генрихъ II согласились начать общими силами истребленіе альбигойскихъ еретиковъ, но, къ счастью, опомнились во время и предоставили преслѣдованіе особой духовной коммисіи, назначенной папою и состоявшей исключительно изъ монаховъ и ихъ друзей, равно ненавидимыхъ въ той странѣ мірянами и духовенствомъ; коммисія эта не могла ничего сдѣлать, такъ какъ зло было уже слишкомъ велико, и потому, ограничившись нѣсколькими арестами, произнесла общее осужденіе надъ всею страною. Рожеръ II, графъ Безье, Каркассонны, Альби и Разе, вступился за под-

данныхъ и на арестъ еретиковъ отвѣтилъ тѣмъ, что взялъ въ заложники за нихъ епископа города Альби. Его рѣшились преслѣдовать свѣтскимъ оружіемъ и объявили ему войну именемъ папы, французскаго и англійскаго королей и даже самого небеснаго царя міра, Іисуса Христа. Однако, никто изъ мѣстныхъ владѣтелей не захотѣлъ принять начальства въ этой войнѣ, потому что добрые люди, какъ звали себя еретики, были самыми мирными и трудолюбивыми гражданами, и Рожеръ, дѣлавшій частые подарки церквамъ, слылъ за человѣка благочестиваго и расположеннаго къ духовенству. Тогда нарбоннскій архіепископъ отлучилъ отъ церкви Рожера и всѣхъ еретиковъ, а одинъ изъ папскихъ коммисаровъ, Генрихъ, аббатъ монастыря Клерво, собралъ войско, страшно опустошившее край. Но еретики сами выставили наемныя войска, а Рожеръ вступилъ въ союзъ съ королемъ арагонскимъ, такъ что дѣло ничѣмъ не кончилось. По смерти Рожера опекунъ его малолѣтняго сына обѣщалъ не допускать ереси во владѣніяхъ его подопечнаго, но такъ мало думалъ о выполненіи обѣщанія, что духовные не смѣли показываться публично и даже отпускали на головѣ волосы.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда папою сдѣлался Иннокентій III (1198 г.), принявшійся съ свойственною ему горячностью за преслѣдованіе альбигойцевъ. Онъ тотчасъ учредилъ слѣдственно уголовную коммисію, назначилъ легатами Петра де Кастельно и другаго цистеринскаго монаха и снабдилъ ихъ письменными полномочіями, въ которыхъ заключались всѣ элементы послѣдующихъ судовъ надъ еретиками, такъ что эту коммисію можно считать основаніемъ инквизиціи. Петръ де Кастельно и его товарищи объѣзжали страну, съ большимъ рвеніемъ стараясь выполнить порученіе папы, и успѣли обратить въ лоно церкви жителей Тулузы и Каркассонны. Вскорѣ у нихъ начались раздоры съ мѣстными епископами, считавшими дѣйствія Петра нарушеніемъ своей судебной власти; однако, папскіе коммисары не обратили вниманія на эти претензіи, смѣстили тулузскаго епископа и назначили

вмѣсто него принадлежавшаго къ ихъ ордену аббата Фулька де Тороне (Foulques de Toronet), избраннаго тулузскимъ духовенствомъ. Новый епископъ былъ однимъ изъ отличныхъ провансальскихъ поэтовъ и человѣкъ разгульной жизни; эти свойства до того озлобили противъ него народъ, что онъ не смѣлъ показываться публично и даже не иначе могъ посылать на водопой своихъ верховыхъ лошадей, какъ съ вооруженнымъ конвоемъ. Между тѣмъ преслѣдованіе еретиковъ становилось все сильнѣе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ къ Петру присоединились св. Доминикъ, основатель доминиканскаго ордена, и другіе ярые испанскіе монахи: не довольствуясь однимъ поученіемъ, эти люди взялись и за мірскія средства, убѣдивъ, между прочимъ, арагонскаго короля вмѣшаться въ это дѣло.

2. Альбигойская война.

Преслѣдованія альбигойцевъ не замедлили обратиться въ настоящій крестовый походъ противъ нихъ. Поводомъ къ тому была одна частная ссора. Петръ де Кастельно, разсорившись, въ 1207 г., съ графомъ тулузскимъ Раймундомъ VI, отлучилъ его отъ церкви и на двукратныя попытки примиренія отвѣчалъ такими условіями, что Раймундъ прервалъ съ нимъ всякія сношенія. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ (1208 г.) Петра зарѣзалъ неизвѣстный убійца, и папскіе коммисары обвинили въ преступленіи Раймунда. Иннокентій III былъ на столько честенъ, что объявилъ слухъ недоказаннымъ, однако повсемѣстно разгласилъ его своимъ окружнымъ посланіемъ, настоятельно требовалъ отъ епископовъ южной Франціи и короля Филиппа Августа наказанія убійцы и велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ для истребленія еретиковъ. Одинъ изъ его уполномоченныхъ, Арнольдъ, аббатъ монастыря Сито (Citeaux), собралъ значительное войско, приманивъ къ себѣ множество сволочи обѣщаніемъ полнаго отпущенія

грѣховъ и богатой добычи. Раймундъ совершенно растерялся и вопреки убѣжденіямъ своего вассала, молодаго Раймунда Рожера, графа Безье, совѣтовавшаго ему энергически сопротивляться, рѣшился отвратить грозу униженною покорностью. Чтобъ очиститься передъ папою отъ подозрѣнія въ убійствѣ, онъ отправилъ посольство въ Римъ; но Иннокентій, умѣвшій соединять чистоту голубя съ змѣиною мудростью, обманулъ его, предписавъ своему легату Милону безпристрастно разобрать и рѣшить дѣло, а вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ завлекать Раймунда надеждами, пока не справятся съ остальными еретиками, и дѣйствовать во всемъ согласно съ Арнольдомъ, только и помышлявшемъ о томъ, какъ бы погубить Раймунда и всѣхъ его единомышленниковъ. Арнольдъ передалъ дѣло коммисіи, составленной исключительно изъ враговъ Раймунда, и дѣлалъ страшныя приготовленія. Раймундъ струсилъ и подчинился, въ іюнѣ 1209 г., тяжкимъ условіямъ. Покоряясь заранѣе церковному приговору, онъ подписалъ актъ, принесъ раскаяніе въ поступкѣ, въ которомъ этотъ самый актъ признавалъ его невиннымъ, и отдалъ семь замковъ своего графства въ обезпеченіе того, что дозволитъ истязать подданныхъ и друзей за убѣжденія и не подастъ помощи своимъ вассаламъ. Говорили, что онъ принесъ униженное покаяніе на могилѣ Петра де Кастельно, но это не вѣрно, потому что упомянутое событіе относится къ позднѣйшему времени. Примѣру Раймунда послѣдовали шестнадцать значительнѣйшихъ вассаловъ, присягнувъ предъ легатомъ Милономъ въ томъ, что они вполнѣ подчиняются церкви, ему и всякому другому легату. Принятыя ими обязательства распространялись не на одни духовныя дѣла, но и на свѣтскія, напримѣръ, на сборъ пошлинъ, такъ что Иннокентій одновременно простиралъ руку къ англійской коронѣ, отнималъ, какъ увидимъ ниже, у императора Оттона IV старинныя германскія владѣнія въ Италіи и распространялъ свое владычество надъ южною Франціею.

Когда землевладѣльцы, то есть главные воины и защитники края, отступились отъ беззащитнаго народа и немногихъ, еще со-

противлявшихся друзей, папскіе миссіонеры начали—не обращеніе, какъ подобало бы служителямъ христіанской церкви, а истребленіе еретиковъ. Войско крестоносцевъ, не полумилліонное, какъ увѣряли впослѣдствіи, а простиравшееся, по удостовѣренію очевидцевъ, почти до пятидесяти тысячъ человѣкъ, состояло, почти исключительно изъ хищныхъ разбойниковъ, и надо сознаться, что Иннокентій и его легаты страшно злоупотребляли значеніемъ папскаго престола, возбуждая подобную сволочь къ убійству своихъ единовѣрцевъ и предоставляя имъ тѣ же права, какія церковь обѣщала іерусалимскимъ пилигримамъ. Неистовый Арнольдъ самъ взялся предводительствовать этимъ ополченіемъ, къ которому долженъ былъ присоединиться и графъ тулузскій. Приближеніе фанатическихъ полчищъ, въ числѣ, еще невиданномъ жителямъ той страны, испугало даже безстрашнаго графа Раймунда Рожера; онъ поспѣшилъ въ Монпеллье къ легату, стараясь отклонить грозившую опасность; но его предложенія и извиненія были отвергнуты. Тогда онъ рѣшился на отчаянный бой; вассалы и подданные, потерявъ надежду на примиреніе съ церковью, тѣсно сомкнулись вокругъ него, готовые отстаивать до послѣдней крайности жизнь, имущество и убѣжденія. Повидимому, Раймундъ Рожеръ могъ сопротивляться очень долго, такъ какъ во всей южной Франціи свободные горожане и феодальные владѣтели не относились другъ къ другу враждебно, а сверхъ того въ его владѣніяхъ было такое множество рыцарей, что въ окрестностяхъ одного Безье насчитывали болѣе ста замковъ. Грабя и разоряя все на пути, крестоносцы подошли къ Безье, ихъ вожди предложили остававшимся вѣрными церкви жителямъ оставить городъ, но тѣ съ презрѣніемъ отвергли предложеніе и еще тѣснѣе сблизились съ своими согражданами. Однако городъ въ тотъ же день былъ взятъ штурмомъ и подвергся страшной участи. Въ войнахъ того времени рѣзня, грабежъ и пожары были самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, но даже и тогда гибель чуднаго, большаго города, совершенное истребленіе жителей, и свирѣпая ярость, не щадившая, ни женщинъ ни дѣтей, возбудили

общій ужасъ и отвращеніе къ аббату Арнольду, виновнику этихъ злодѣйствъ. Ошеломленные гибелью Безье, жители богатой, славной и сильной Нарбонны внесли выкупъ, подчинились самымъ тяжкимъ и несправедливымъ условіямъ, выдали со всѣмъ имуществомъ бѣжавшихъ къ нимъ изъ Безье евреевъ и еретиковъ и за это получили пощаду. Не такъ поступили граждане Каркассонны. Ихъ городъ, исключая предмѣстья, лежалъ на скалѣ, его обороняли множество рыцарей, а въ главѣ его храбрыхъ защитниковъ стоялъ неустрашимый Раймундъ Рожеръ. Здѣсь обѣ стороны сражались долго и упорно. Раймундъ дѣлалъ чудеса храбрости, и не оружіе непріятелей, а голодъ вынудилъ осажденныхъ сдаться. При капитуляціи они выговорили себѣ сохраненіе жизни, но безстыдный аббатъ нагло нарушилъ это обязательство, приказавъ сжечь болѣе четырехъ сотъ гражданъ, предпочитавшихъ смерть отступничеству отъ своихъ убѣжденій. Храбраго графа Раймунда Рожера бросили въ темницу; изъ его владѣній Арнольдъ хотѣлъ создать себѣ опору для будущихъ насилій и предложилъ ихъ сначала герцогу бургундскому, потомъ графу неверскому (Nevers), и наконецъ графу де Сенъ-Поль. Всѣ трое съ негодованіемъ отказались отъ этого подарка. Тогда онъ обратился къ человѣку, присоединившемуся къ альбигойскимъ крестоносцамъ только подъ Каркассонной, но вскорѣ сдѣлавшемуся главнымъ героемъ войны. Шесть лѣтъ тому назадъ, какъ послушный сынъ церкви, Симонъ де Монфоръ, отдѣлился отъ крестоносцевъ, отправлявшихся въ Константинополь (т. VII. стр. 154), поѣхалъ въ Палестину, храбро сражался тамъ и, наконецъ, вмѣстѣ съ герцогомъ бургундскимъ принялъ участіе въ походѣ противъ альбигойцевъ. Арнольдъ предложилъ ему владѣнія Раймунда Рожера и онъ не задумался затемнить свою истинно геройскую славу, принявъ подобный подарокъ и сдѣлавшись орудіемъ безстыднаго монаха, скрывавшаго подъ личиною ханжи ненасытныя алчность и властолюбіе и не постыдившагося объяснить передъ папою свой выборъ тѣмъ, что Симонъ заклятый врагъ еретиковъ и готовъ, изъ благочестія, отяг-

чить новыхъ подданныхъ поборами въ пользу церкви. Графъ неверскій и графъ тулузскій почувствовали всю подлость поступковъ Арнольда и, не смѣя явно противиться ему, тотчасъ же уѣхали изъ войска въ свои владѣнія.

Арнольдъ и Симонъ не удовольствовались опустошеніемъ владѣній графа Безье и очищеніемъ ихъ, чрезъ сожиганіе еретиковъ; имъ хотѣлось гибели графа тулузскаго. Не обращая вниманія на то, что онъ цѣною тяжкихъ жертвъ вполнѣ примирился съ церковью, что его подданные торжественно отреклись отъ ереси, они объявили многихъ изъ нихъ еретиками и хотѣли конфисковать ихъ имѣнія. Жители Тулузы клялись, что между ними нѣтъ еретиковъ, Раймундъ ссылался на договоръ съ легатомъ Милономъ, просилъ защиты у папы, Филиппа Августа, арагонскаго короля Петра II, отъ котораго получилъ въ ленъ часть владѣній, но все было тщетно: Арнольдъ и Симонъ ни на что не обращали вниманія и преслѣдовали даже совершенно безвиннаго графа де Фуа (Foix). Это озлобило французовъ, всѣ они покинули войско, такъ что съ Арнольдомъ осталось не болѣе тридцати рыцарей. Но онъ предвидѣлъ возможность такого случая и обезпечилъ себѣ содѣйствіе храбрѣйшаго и способнѣйшаго изъ всего войска. Симонъ де Монфоръ одинъ стоилъ цѣлой арміи, а нѣсколько тысячъ норманновъ, нѣмцевъ и бургундцевъ слѣдовали за нимъ, пока онъ платилъ имъ или пока было что грабить. Въ то время, когда во владѣніяхъ графа тулузскаго онъ бралъ одинъ городъ за другимъ, аббатъ дѣйствовалъ не менѣе энергично дипломатическимъ путемъ. На соборѣ въ Авиньонѣ онъ провозгласилъ священнымъ закономъ всѣ сдѣланныя до того насилія, и вмѣстѣ съ тѣмъ старался письмами къ папѣ противодѣйствовать Раймунду, отправившемуся въ Римъ. Предугадывая, по страданіямъ подданныхъ, собственную участь, несчастный графъ составилъ завѣщаніе, думая повредить врагамъ хотя послѣ смерти, публичнымъ признаніемъ верховныхъ правъ германскаго императора и французскаго короля надъ различными частями своихъ владѣній. Отдавая владѣнія и двухъ дѣтей подъ защиту

обоихъ государей, онъ уступалъ имъ, въ случаѣ бездѣтной смерти наслѣдниковъ, земли, бывшія ленами ихъ государствъ. Но это не остановило Симона: онъ преспокойно занялъ владѣнія Раймунда, земли графа де Фуа, даже лены арагонской короны и объявилъ ихъ своею собственностью. Какъ характеристическая черта среднихъ вѣковъ, замѣчательно, что историки того времени безпощадно бранятъ не Симона, а ограбленныхъ имъ большею частью совершенно невинныхъ людей, и осыпаютъ ихъ прозвищами: тиранновъ, дикихъ животныхъ, извергов, убійцъ и тому подобное. Среди неистовствъ войны былъ убитъ, кажется по приказанію Симона, Раймундъ Рожеръ, котораго, передъ тѣмъ, перевозили изъ одной темницы въ другую; горько и искренно оплакивала его смерть вся страна, потерявшая въ немъ пастыря и отданная на расхищеніе волкамъ.

Счастье было постоянно на сторонѣ преслѣдователей, потому что они были послѣдовательны и талантливы, тогда какъ графъ Раймундъ и король арагонскій Петръ, вступившійся, наконецъ, за своего вассала, обнуруживали только слабость ума и характера. Раймундъ успѣлъ найти доступъ къ папѣ и получилъ отъ него письменное приказаніе къ епископамъ своихъ владѣній. Онъ не понялъ, что этимъ дѣло передавалось собору, который, естественно, долженъ былъ находиться подъ вліяніемъ безпощаднаго аббата. Дѣйствительно, собравшіеся епископы высказались противъ графа, а когда онъ отказался подчиниться несправедливому рѣшенію, оно получило санкцію папы. Такимъ образомъ, все обѣщанное Раймунду въ Римѣ было, повидимому, хитростью, съ помощью которой Иннокентій сбылъ съ рукъ докучливаго просителя. Король арагонскій оказался чрезвычайно нерѣшительнымъ. Сначала онъ отказался утвердить за Симономъ Каркассонну, которою несчастный Раймундъ Рожеръ владѣлъ какъ леномъ Арагоніи, но уже черезъ годъ далъ на то согласіе, и чтобы остаться въ мирѣ съ обѣими сторонами, отдалъ въ заложники Симону своего сына и обручилъ дочь съ сыномъ графа тулузскаго. Однако, и Симонъ потерпѣлъ наконецъ неудачу. Не обращая вниманія на мольбы и увѣренія жи-

телей Тулузы, онъ осадилъ городъ, не расчитавъ своихъ силъ, но былъ отбитъ, оставленъ частью войска и запертъ многочисленными врагами въ Кастельнодари. Но тутъ онъ показалъ себя героемъ, принудивъ къ отступленію враговъ, поддерживаемыхъ цѣлымъ населеніемъ, и вслѣдъ за тѣмъ успѣлъ доставить своему вѣрному союзнику Арнольду нарбоннское архіепископство. Новый архіепископъ не замедлилъ сбросить съ себя маску и начать споръ съ Симономъ о свѣтской власти и беззаконной добычѣ. Однако Симонъ нашелъ способъ упрочить за собою награбленное, приказавъ всѣмъ вдовамъ вассаловъ, ленниковъ и благороднымъ наслѣдницамъ въ своихъ владѣніяхъ выйти за мужъ, въ теченіе десяти лѣтъ, за французовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ запретивъ служившимъ у него французскимъ рыцарямъ всякія сношенія съ туземцами. Благородные люди говорили, что онъ сѣетъ французскіе плевелы между славными, дружными между собой провансальцами и гасконцами.

Наконецъ Римъ, повидимому, рѣшился помочь безчестно обманутому Раймунду; Иннокентій сознавалъ, что поступаетъ съ нимъ недостойнымъ образомъ, и старался положить предѣлъ несправедливостямъ. Но Симонъ зналъ характеръ римскаго двора, и, не обращая вниманія на папскую буллу, продолжалъ захватывать владѣнія Раймунда, а папа не только не гнѣвался на него за то, но уступилъ ему за тысячу марокъ графство, доставшееся ему самому незаконнымъ путемъ. Посредниками въ этой денежной сдѣлкѣ были богатые тампліеры, игравшіе тутъ, какъ и вообще довольно часто, роль банкировъ. Арагонскій король вступился за Раймунда и другихъ графовъ, но его заступничество принесло мало пользы; его ходатайство было представлено собору, на которомъ легаты дѣлали, что хотѣли. Между тѣмъ, французскій наслѣдный принцъ принялъ крестъ противъ альбигойцевъ, а къ Симону являлись постоянно новыя толпы крестоносцевъ. Тогда, Петръ Арагонскій, Раймундъ Тулузскій, графъ де Фуа и Комменжъ (Comminges) собрали значительныя силы, дали сраженіе при Мюре и были на голову разбиты несравненно слабѣйшими противниками (1213 г.). Нѣсколько

тысячъ легло на мѣстѣ и все войско разстроилось. Побѣду Симона обыкновенно считаютъ чудомъ, но дѣло объясняется очень просто. Союзники привели массы поголовнаго ополченія, которымъ ровно нечего было дѣлать во время сраженія; дрались, собственно, тысяча всадниковъ Симона съ двумя тысячами непріятельскихъ рыцарей, а къ тому же Петръ Арагонскій, не смотря на свою личную храбрость, оказался плохимъ полководцемъ; онъ перемѣнилъ, передъ боемъ, вооруженіе, чтобъ, неузнаннымъ, биться съ большей отвагой, и палъ жертвою необдуманной смѣлости. Война длилась еще два года. Раймундъ тщетно старался спасти новою поѣздкою въ Римъ и всевозможными униженіями хотя часть своихъ владѣній; папа соглашался, что его легатъ и Симонъ поступали безчестно, но тѣмъ не менѣе французскій король отдалъ тулузское графство въ ленъ Симону, а соборъ, созванный въ Римѣ въ отсутствіе Раймунда, утвердилъ его владѣнія за противникомъ, назначивъ ничтожную пенсію (1215 г.) ему и его сыну. Съ графами де Фуа и Комменжъ, ѣздившими каяться въ Римъ, поступили гораздо осторожвѣе: приговоры, произнесенные надъ ними, были отмѣнены и для разбора ихъ дѣла послана новая коммисія.

Проживъ нѣсколько времени въ Генуѣ, Раймундъ и его сынъ сдѣлали попытку возвратить себѣ родовыя владѣнія. Молодой графъ отправился въ Провансъ, распространилъ воззваніе къ друзьямъ своего дома и вскорѣ увидѣлъ себя окруженнымъ въ Авиньонѣ многочисленнымъ войскомъ. Самъ Раймундъ получилъ помощь отъ Іакова II, сына Петра Арагонскаго, и вступилъ въ свое графство съ испанскими войсками. Оставленный крестоносцами, Симонъ принужденъ былъ отступить въ Тулузу, гдѣ надѣялся собрать средства для войны; но раздраженные поборами жители взялись за оружіе. Онъ повелъ на возставшихъ своихъ всадниковъ, произвелъ страшную рѣзню и зажегъ съ нѣсколькихъ концовъ городъ; это усилило ярость гражданъ, и скоро Симонъ, стѣсненный въ улицахъ, предложилъ вступить въ переговоры; тулузцы не поняли его коварнаго плана и страшно поплатились за недогадливость. Обезору-

живъ ихъ, Симонъ сослалъ и засадилъ по тюрьмамъ знатнѣйшихъ гражданъ, задавилъ остальныхъ непомѣрными налогами и срылъ стѣны и дома, могшіе служить укрѣпленіями. Когда онъ, вслѣдъ за тѣмъ, удалился изъ Тулузы, старый Раймундъ воспользовался удобною минутой и занялъ столицу (1217 г.); въ то-же время выступилъ изъ Авиньона его сынъ, получившій помощь отъ многихъ графовъ и городовъ. Укрѣпленія Тулузы были быстро возстановлены. Симонъ подступилъ къ городу, папа Гонорій III, еще ревностнѣе своего предшественника взявшійся за дѣло, писалъ приверженцамъ обоихъ графовъ и грозилъ церковнымъ гнѣвомъ Іакову II; но на этотъ разъ усилія папской партіи были напрасны. Ни Іаковъ, ни другіе союзники Раймунда не испугались папскихъ угрозъ, а городъ защищался весьма храбро. Лѣтомъ 1218 г. Симонъ сдѣлалъ рѣшительный приступъ, но былъ убитъ удачно пущеннымъ камнемъ. Старшій изъ его четырехъ сыновей, Амаларихъ, наслѣдовалъ его французскія владѣнія, назвавшись: герцогомъ нарбоннскимъ, графомъ тулузскимъ и виконтомъ Безье и каркассоннскимъ. Но, не имѣя военныхъ способностей отца, онъ долженъ былъ немедленно снять осаду. Значительная часть крестоносцевъ оставила его, а оба графа тулузскихъ воротили почти всѣ свои владѣнія. Тогда папа сталъ звать весь свѣтъ противъ законныхъ владѣтелей и не успокоился даже тогда, когда по смерти стараго графа ему наслѣдовалъ сынъ, молодой Раймундъ, котораго рѣшительно невозможно было обвинить въ ереси. Въ 1219 г. король Филиппъ Августъ согласился принять участіе въ крестовомъ походѣ. Это имѣло большое значеніе для Франціи и Германіи, такъ какъ вмѣшательство Филиппа въ альбигойскую войну послужило началомъ присвоенія французскими королями, при помощи папъ, множества правъ и западныхъ провинцій, принадлежавшихъ Германіи. Впрочемъ, Филиппъ взялся за дѣло не серьозно, а, кажется, только для того, чтобъ успокоить папу; онъ скоро вернулъ сына, посланнаго съ войскомъ, а собраннымъ для похода деньгамъ далъ другое назначеніе. Потомъ онъ все время оставался

глухъ къ неотступнымъ настояніямъ папы и не согласился купить правъ Амалариха, вытѣсненнаго изъ своихъ владѣній. Сынъ и наслѣдникъ Филиппа, Людовикъ VIII, въ началѣ былъ также не особенно дѣятеленъ, а между тѣмъ германскій императоръ Фридрихъ II, враждовавшій съ Гоноріемъ III, энергически противодѣйствовалъ его партіи въ арелатскомъ королевствѣ, такъ что Амаларихъ находился въ очень затруднительномъ положеніи. Запертый, наконецъ, въ Каркассоннѣ, онъ заключилъ договоръ, отказавшись за свободный пропускъ и десять тысячъ марокъ отъ всѣхъ владѣній, пріобрѣтенныхъ въ четырнадцать лѣтъ его дому рукою отца, хитростью легатовъ и злобою монаховъ, и обязавшись содѣйствовать примиренію противниковъ съ церковью (1224 г.). Каркассонна и другія владѣнія несчастнаго Раймунда Рожера были немедленно возвращены его законному наслѣднику Транкавелю.

Съ этихъ поръ, главнымъ двигателемъ альбигойской войны становится эгоистическая политика французскаго двора. Еще при жизни Филиппа Августа папа предложилъ французскому королю владѣнія и права, которыхъ были не въ силахъ отстаивать Монфоры. Впослѣдствіи, принявъ въ Парижѣ титулъ. отъ котораго уже формально отказался, Амаларихъ уступилъ его по какой-то запутанной сдѣлкѣ Людовику VIII, и былъ награжденъ званіемъ коннетабля Франціи. Людовикъ началъ готовиться къ завладѣнію новымъ пріобрѣтеніемъ, а Раймундъ обратился къ папѣ. Гонорій примирилъ его и его союзниковъ съ церковью, подъ условіемъ выполненія требованій собора, созваннаго въ Монпеллье. На основаніи ихъ, Раймундъ обязывался блюсти въ своихъ владѣніяхъ неприкосновенность ученія католической церкви, очистить край отъ еретиковъ, возвратить духовенству и церквамъ отнятыя имѣнія и уплатить 20 тысячъ марокъ. Онъ немедленно выполнилъ эти обязательства, и для полнаго примиренія съ церковью недоставало только ратификаціи папы. Въ ней, повидимому, не было сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что англійскій посолъ въ Римѣ дѣятельно хлопоталъ за Раймунда. Но эти близкія отношенія къ Англіи и повредили

ему. Узнавъ о нихъ, французскій дворъ убѣдилъ папу отсрочить ратификацію, и добился того, что новый соборъ отвергъ условія, постановленныя въ Монпеллье (1225 г.). Тогда назначили крестовый походъ, и французскій король взялъ на себя роль Симона де Монфора. Раймундъ обратился къ легату, торжественно удостовѣряя его въ своей преданности церкви, просилъ испытать каждаго изъ жителей и наказать отступниковъ: но его противникамъ хотѣлось, чтобъ онъ отрекся не отъ мнѣній, а отъ владѣній, и потому они начали самую беззаконную изъ войнъ, совершая въ ней одну несправедливость за другой. Чтобъ вести войну энергичнѣе, Людовику нужно было содѣйствіе перовъ. Онъ собралъ ихъ въ Парижѣ, и первые вельможи французской націи обязались воевать противъ знатнѣйшаго пэра Франціи, даже не выслушавъ его оправданій. Когда собралось французское войско, папскій легатъ собственноручно роздалъ ему кресты, благословляя воиновъ на борьбу за вѣру. Походъ начался осадою Авиньона (1226 г.), принадлежавшаго тогда къ королевству арелатскому и слѣдовательно къ Германіи. Жители сослались на это и предложили войску свободный пропускъ черезъ свои владѣнія; но Людовикъ не обращалъ вниманія на ихъ права и, не смотря на свою тяжкую болѣзнь и упорную оборону гражданъ, усиленно велъ осаду. Германскій императоръ былъ занятъ въ Италіи и не могъ помочь городу, графъ де Комменжъ со многими вассалами Раймунда и городами передался непріятелю, а Лудовикъ, опасно больной, поклялся не снимать осады. Черезъ три мѣсяца, Авиньонъ долженъ былъ сдаться и сильно пострадалъ отъ побѣдителей. Фридрихъ II протестовалъ противъ захвата германскихъ владѣній, но Людовикъ и Гонорій увѣрили его, что права Германіи не будутъ нарушены.

Людовикъ умеръ въ ноябрѣ 1226 г., положивъ своимъ походомъ основаніе величію Франціи и расширенію королевской власти. Его наслѣдникъ, Людовикъ Святой, или лучше сказать, опекунъ его, занятый возстаніями вассаловъ, пріостановилъ войну, но вскорѣ Гумбертъ де Боже (Humbert de Beaujeau) снова началъ

ее именемъ короля, и въ концѣ 1228 г. стѣсненный Раймундъ подчинился самымъ тяжкимъ условіямъ. Въ началѣ слѣдующаго года былъ заключенъ миръ, значительно распространившій и упрочившій владычество французскаго короля на югѣ. Раймундъ принужденъ былъ уступить королю значительную часть своихъ владѣній, а остальныя завѣщать, помимо всѣхъ наслѣдниковъ, дочери, обрученной съ братомъ короля, Альфонсомъ, графомъ Пуату; сверхъ того онъ обязался истребить еретиковъ, заплатить значительную сумму денегъ, отправиться на пять лѣтъ сражаться съ невѣрными и подвергнуться, для полученія отпущенія грѣховъ, такому гнусному униженію, что даже одинъ изъ современниковъ краснѣетъ, говоря о немъ. Обнаженнаго до пояса и босаго его повели, при огромномъ стеченіи народа, въ главную парижскую церковь, и тамъ, передъ главнымъ алтаремъ, подвергли недостойной церемоніи. Съ союзниками Раймунда, которымъ, послѣ его подчиненія, пришлось на все согласиться, обошлись очень сурово. Больше всѣхъ пострадалъ Транкавель, графъ Безье: у него отняли всѣ владѣнія, не смотря на то, что его невозможно было обвинить въ ереси. Изъ отдѣльныхъ статей договора, заключеннаго съ Раймундомъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ подчиненіе папѣ тулузскаго университета, т. е. высшаго образованія всего края. Это имѣло большое вліяніе на процвѣтавшія тамъ прежде науки. Сначала, папское покровительство было выгодно только для финансовъ заведенія и матеріальнаго быта профессоровъ, но вскорѣ въ Римѣ увидѣли, что въ странѣ, населенной мыслящими людьми, могутъ имѣть вліяніе только умные люди, и стали посылать въ Тулузу превосходныхъ ученыхъ. Тогда въ тулузскій университетъ устремились массы студентовъ и профессоровъ изъ парижскаго университета, права котораго были въ то время ограничены. Все это придало тулузскому университету совершенно новую жизнь.

Насилія, произведенныя во время альбигойской войны надъ жителями и ихъ владѣтелями, возбудили въ странѣ всеобщее ожесточеніе, которое послужило для римскаго двора поводомъ къ образо-

ванію новаго учрежденія, введеннаго вскорѣ повсюду и имѣвшаго страшныя послѣдствія. Въ 1229 г. папа Григорій IX учредилъ религіозные или инквизиціонные суды, назначеніемъ которыхъ было: отыскивать еретиковъ, судить ихъ по церковнымъ законамъ и передавать свѣтской власти для наказанія. Не смотря на то, что эти суды прямо противорѣчили обычаямъ и правамъ всѣхъ западныхъ народовъ, правдивѣйшій изъ французскихъ королей, Людовикъ IX, позволилъ ввести ихъ во Франціи. У Раймунда также вынудили угрозами согласіе на учрежденіе, въ силу котораго свѣтская власть должна была служить послушнымъ орудіемъ религіозной ненависти и духу гоненія, и всякій, будь онъ нищій или принцъ, подвергается лишенію свободы и имущества, если укрывалъ еретика или отказывался содѣйствовать его преслѣдователямъ. Эта страшная власть, предоставленная служителямъ церкви, уже въ 1232 г. была отнята у ея законныхъ представителей, епископовъ, и передана основанному за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ ордену доминиканцевъ; быть инквизиторами, сдѣлалось съ тѣхъ поръ главнымъ призваніемъ этой нищенствующей братіи. Въ странѣ альбигойцевъ первоначально было два главныхъ судилища, въ Тулузѣ и Каркассоннѣ, но скоро ихъ сдѣлалось столько, сколько было доминиканскихъ монастырей. Инквизиція обратила въ свое орудіе даже пастырей душъ, такъ какъ особой статьей соборныхъ постановленій о новомъ учрежденіи предписывалось приходскимъ священникамъ, подъ страхомъ потери мѣста, тщательно наблюдать за посѣщеніемъ прихожанами церквей, или, другими словами, ихъ дѣлали полицейскими агентами церкви и палачами прихожанъ.

Введеніе инквизиціи вызвало сильныя смуты въ едва успокоенной странѣ. Инквизиторамъ противились, а они дѣйствовали съ еще большей жестокостью. Изъ нѣсколькихъ городовъ ихъ выгоняли силою, но они возвращались еще ужаснѣе, чѣмъ прежде, и съ новою яростью мучили жителей. Вскорѣ, съ инквизиторами и легатомъ разсорился и самъ Раймундъ, получившій, благодаря Людовику, отсрочку обѣщаннаго путешествія на Востокъ и старав-

шійся, при помощи англійскаго и арагонскаго дворовъ, освободиться отъ тяжкихъ условій договора. Но ему пришлось подчиниться и еще разъ подписать актъ, которымъ въ его владѣніяхъ вводилась инквизиція (1243 г.). Однако, черезъ два года, на соборѣ въ Ліонѣ, когда папа Иннокентій IV хотѣлъ обвинить въ ереси императора Фридриха II, Раймундъ явился въ числѣ защитниковъ императора, за что получилъ отъ него Авиньонъ и государственные доходы съ Вивье. По смерти Раймунда (1249 г.), его владѣнія перешли къ дочери, Іоаннѣ, и ея мужу, Альфонсу, графу Пуату; подъ защитою благочестиваго короля, они управляли страной мирно и кротко. Своимъ умѣньемъ Людовикъ Святой много помогъ несчастной странѣ, а добрая, благородная Іоанна употребляла почти всѣ свои огромные доходы на пособіе пострадавшимъ соотечественникамъ. И она и мужъ ея умерли другъ за другомъ (1271 г.) и смерть ихъ возбудила сильныя подозрѣнія. Послѣ нихъ, всею страною, даже и частною собственностью ихъ, завладѣлъ наслѣдникъ Людовика Святаго, Филиппъ III. Однако она еще долго сохраняла отдѣльное управленіе и только въ 1361 г. слилась съ коронными землями.

3. Германія и Италія отъ смерти Филиппа Швабскаго до вступленія на папскій престолъ Григорія IX.

Въ началѣ XIII столѣтія положеніе дѣлъ въ Германіи и Италіи необыкновенно благопріятствовало римскому двору; малолѣтство Фридриха II и междоусобіе императоровъ Оттона IV и Филиппа Швабскаго дали Иннокентію III возможность почти совершенно уничтожить императорскую власть въ Италіи и значительно поколебать ее въ Германіи (т. VII. стр. 102). Но все измѣнилось дотолѣ неслыханнымъ въ Германіи дѣломъ: убійствомъ императора Филиппа. Оттонъ былъ признанъ всѣми государемъ, примирился съ противною партіей, женившись на дочери

Филиппа, Беатрикѣ, отказался отъ притязаній на владѣнія, отнятыя у его отца Фридрихомъ Барбароссою, и за то получилъ отъ бывшихъ противниковъ дозволеніе взять, какъ наслѣдство Беатрики, всѣ имѣнія Гогенштауфеновъ въ Германіи, не обращая вниманія на права молодаго Фридриха II. Такимъ образомъ, порядокъ и спокойствіе были возстановлены, и германскіе князья поклялись, на сеймѣ во Франкфуртѣ (1208 г.), отречься отъ всѣхъ неправдъ, вкравшихся во время смутъ двоецарствія, и такъ же неуклонно повиноваться императору, какъ во время Карла Великаго. Конечно, они впослѣдствіи забыли это обѣщаніе. Съ папою, Оттонъ вступилъ въ самыя дружескія сношенія, отказавшись граматой, данной въ Шпейерѣ (весною 1209 г.), отъ всѣхъ правъ, предоставленныхъ императору вормскимъ конкордатомъ, и признавъ собственностью папскаго престола всѣ владѣнія, захваченныя Иннокентіемъ въ средней Италіи.

Лѣтомъ 1209 г. онъ поѣхалъ въ Италію. Ему было, повидимому, не трудно возстановить императорское значеніе: онъ былъ друженъ съ папой и могъ стать посредникомъ между обѣими итальянскими партіями, будучи гвельфомъ по рожденію и гибеллиномъ по женѣ. Дѣйствительно, и гвельфы и гибеллины приняли его съ восторгомъ. Веронцы построили для него мостъ черезъ Адижъ и передали ему замокъ, занятый ими со времени Генриха VI; предводители аристократіи обѣихъ партій въ верхней Италіи, маркграфъ Аццо д'Эсте и графъ Эццелино II ди Романо, поспѣшили явиться къ нему; миланцы съ почетомъ приняли его въ свой городъ, тосканцы признали своимъ главою, а папа выѣхалъ къ нему на встрѣчу до Витербо. Но онъ испортилъ все дѣло, связавъ себя съ папою новыми обязательствами, которыхъ не могъ и не долженъ былъ выполнить, а нарушеніе которыхъ дало Иннокентію право объявить его клятвопреступникомъ. Въ числѣ обязательствъ заключалось, между прочимъ, обѣщаніе доставить папѣ значительныя владѣнія въ Италіи и даже господство въ Сициліи. Пріѣхавъ въ Римъ, Оттонъ короновался, но вслѣдъ за тѣмъ у него

начались раздоры съ папою. Они перешли въ открытую вражду, когда по выѣздѣ изъ Рима онъ, сбросивъ маску, примкнулъ къ гвельфамъ, объявилъ многіе изъ папскихъ леновъ имперскими и напалъ на королевство обѣихъ Сицилій, на томъ основаніи, что попечители молодаго Фридриха протестовали противъ его императорскаго достоинства и захвата имъ наслѣдства Гогенштауфеновъ. Иннокентій не могъ допустить подобныхъ дѣйствій, будучи, если не по закону, то на дѣлѣ, опекуномъ сицилійскаго короля и желая въ интересахъ римскаго двора сохранять равновѣсіе между гвельфами и гибеллинами. Но Оттонъ, не обращая вниманія на его увѣщанія, продолжалъ завоеванія въ нижней Италіи и завладѣлъ почти всемъ Неаполемъ. Потерявъ терпѣніе, папа отлучилъ императора отъ церкви (въ концѣ 1210 г.). Эта мѣра имѣла сильное дѣйствіе особенно въ Германіи, гдѣ старинные противники уже давно питали втайнѣ враждебныя чувства къ Оттону и ждали только повода, чтобъ открыто высказаться. Вслѣдъ за отлученіемъ майнцскій архіепископъ Зигфридъ, при содѣйствіи чешскаго короля Оттокара I и ландграфа тюрингскаго Германа, собралъ нѣмецкихъ князей въ Бамбергѣ и отъ имени папы предложилъ свергнуть Оттона и избрать Фридриха II. Предложеніе не имѣло успѣха, и братъ императора, пфальцграфъ Генрихъ, наказалъ Зигфрида опустошеніемъ его владѣній; но Иннокентій вполнѣ достигъ цѣли, потому что Оттонъ поспѣшилъ въ Германію, бросивъ всѣ итальянскія завоеванія.

По дорогѣ на сеймѣ въ Лоди онъ подвергъ опалѣ папскихъ приверженцевъ и отдалъ Виченцу остававшемуся на его сторонѣ графу Эццелино; затѣмъ, пріѣхавъ въ Германію (въ маѣ 1212 г.), онъ рѣшительными мѣрами быстро возстановилъ свою власть, но, къ его несчастью, уже въ августѣ того же года умерла Беатрика и такимъ образомъ разорвалась связь между имъ и партіею Гогенштауфеновъ, а архіепископы, большею частью, держали сторону папы, находя это болѣе выгоднымъ для своихъ интересовъ, которыми дорожили несравненно болѣе, чѣмъ отечествомъ. По смерти

императрицы, Гогенштауфены и приверженцы папы тотчасъ послали въ Италію двухъ депутатовъ, чтобъ привлечь на свою сторону ломбардскіе города и пригласить Фридриха въ Германію. Принявъ приглашеніе, Фридрихъ поѣхалъ черезъ Римъ и верхнюю Италію, а оттуда черезъ Ломбардію и Альпы не безъ опасности проникъ въ Германію, сопровождаемый войсками многихъ враждовавшихъ съ Оттономъ князей и городовъ.

Фридриху было всего 18 лѣтъ, но онъ уже дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно, и, вступя въ свѣтъ подъ патронатомъ церкви, вскорѣ сдѣлался ея противникомъ. Поэтому, нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ объ обстановкѣ, среди которой онъ воспитывался и развился. Какъ уже выше замѣчено (т. VII. стр. 189), онъ получилъ образованіе скорѣе въ мухаммеданской, чѣмъ христіанской Сициліи, куда успѣлъ проникнуть скептицизмъ, давно уже зарожденный въ послѣдователяхъ ислама вліяніемъ греческихъ, персидскихъ и индійскихъ воззрѣній (т. V. стр. 193 и 201 и т. VII. стр. 205); въ юности его окружали большею частью мухаммедане; къ нему имѣли доступъ провансальскіе и каталонскіе пѣвцы и писатели на туземномъ діалектѣ, который послѣ Данте замѣнился тосканскимъ нарѣчіемъ; вкусъ его образовался подъ вліяніемъ этихъ легкомысленныхъ поэтовъ и самъ онъ пробовалъ писать стихи, но, судя по сохранившимся до насъ образцамъ, не имѣлъ большаго таланта. Къ этому нужно прибавить, что во всей Италіи понятія образованнаго класса о религіи, культѣ и іерархіи противорѣчили ученію церкви. Соображая все это, нельзя не сожалѣть, для славы Фридриха, что онъ съ самыхъ первыхъ шаговъ на политическомъ поприщѣ принялъ на всю жизнь систему лжи: первою граматой, данной папѣ по пріѣздѣ въ Германію, онъ обѣщалъ ему все на свѣтѣ, не имѣя ни возможности, ни желанія выполнить это обязательство.

Фридрихъ скоро сталъ твердою ногою въ Германіи и заключилъ союзъ съ Филиппомъ Августомъ. Оттонъ, съ своей стороны, соединился съ врагомъ французскаго короля Іоанномъ Безземель-

нымъ и предпринялъ походъ во Францію, окончившійся несчастнымъ, хотя и славнымъ для него, сраженіемъ при Бувинѣ (т. VII. стр. 117). Фридрихъ воспользовался впечатлѣніемъ, произведеннымъ на Германію этимъ пораженіемъ, и отвлекъ отъ противника его ближайшаго родственника, герцога брабантскаго и многихъ другихъ князей; потомъ онъ короновался въ Ахенѣ (іюль 1215 г.), но имѣлъ несчастье дать при коронаціи, совершенной Зигфридомъ Майнцскимъ, торжественный обѣтъ отправиться въ крестовый походъ. Тогда началось долголѣтнее, кровавое междоусобіе, уничтожившее въ Германіи всякій порядокъ; въ Италіи, въ то же время, съ новою силою возгорѣлась вражда партій, и почти еженедѣльно происходили стычки между гвельфами и гибеллинами. Общее разстройство было выгодно только для властолюбивой и алчной аристократіи. Уже Филиппъ Швабскій продалъ часть государственныхъ имѣній, чтобъ расплатиться съ войскомъ, и этимъ поколебалъ императорское значеніе, потому что только эти имѣнія и дѣлали государя независимымъ отъ дворянства. По смерти Беатрики, Оттонъ распорядился точно также съ наслѣдствомъ Гогенштауфеновъ. Для того, чтобы склонить на свою сторону алчную знать, Фридриху нужно было превзойти въ расточительности и предшественника и противника, потому что въ тѣ хваленыя времена вѣры и вѣрности продажность была такъ сильна, что даже приверженцы Фридриха впустили его въ Германію только подъ условіемъ раздачи имъ наслѣдственныхъ государственныхъ имуществъ. Епископы, обратившіеся изъ служителей Христа въ свѣтскихъ князей, поступали не лучше ихъ притязанія, возрастая съ каждымъ годомъ, уничтожили въ государствѣ всякій порядокъ, такъ что Оттонъ громко и горько жаловался на безпорядки въ духовномъ и свѣтскомъ судопроизводствѣ. Впрочемъ, этотъ благородный государь энергически сдерживалъ феодаловъ и епископовъ, съ непоколебимою твердостью обуздывалъ и буйное швабское рыцарство, защищалъ бѣдныхъ и угнетенныхъ отъ корыстолюбивыхъ господъ и доставлялъ доходныя мѣста достойнымъ духовнымъ незнатнаго происхожденія, совер-

шенно задавленнымъ въ то время высшею духовною аристократіею. Этимъ онъ сильно ожесточилъ противъ себя всѣхъ корыстолюбцевъ. Думая только о личныхъ выгодахъ, Фридрихъ поступалъ иначе. Получивъ германскую корону, онъ обѣщалъ Иннокентію III отдать Неаполь и Сицилію своему сыну, Генриху, родившемуся въ 1210 г., и навсегда отдѣлить ихъ отъ Германіи. Но по смерти Иннокентія (1216 г.) тотчасъ же нарушилъ слово, оставивъ за собою сицилійское королевство, вызвалъ Генриха въ Германію и заставилъ избрать его своимъ наслѣдникомъ, пріобрѣтя голоса духовныхъ вассаловъ весьма важными уступками. Онъ отказался при этомъ отъ принадлежавшаго императорамъ права наслѣдовать по смерти епископовъ ихъ движимыя имущества и, сверхъ того, предоставилъ имъ такія важныя привилегіи, что они получили почти верховную власть въ своихъ епископствахъ.

Подобно тому какъ въ этомъ случаѣ онъ, не задумываясь, жертвовалъ интересами Германіи для своей гордости и итальянской политики, такъ точно за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ онъ употребилъ во зло свою власть, для того чтобъ нанести ударъ Оттону въ его родовыхъ вельфскихъ владѣніяхъ на сѣверѣ Германіи. Чтобъ понять это, нужно бросить взглядъ на совершившееся незадолго передъ тѣмъ распространеніе датскаго господства по берегамъ Балтійскаго моря. Въ XII столѣтіи венды основали сильное государство на сѣверо-германскомъ прибрежьи; его старались подчинить себѣ Генрихъ Левъ и датскій король Вальдемаръ I (т. VI. стр. 477). Паденіе могущественнаго Вельфа дало Вальдемару возможность распространить владычество надъ вендами въ ущербъ Германіи. Дѣти Вальдемара, Канутъ VI и Вальдемаръ II, продолжали начатое отцомъ и, пользуясь раздорами Оттона IV съ Филиппомъ Швабскимъ, овладѣли на германской почвѣ пространствомъ большимъ, чѣмъ сама Данія. Завоевавъ Гольштинію и всѣ земли по ту сторону Эльбы, они приняли гордый титулъ королей датскихъ и вендскихъ и основали на берегахъ Балтійскаго моря военную державу, могущественную на сушѣ и на морѣ. Въ 1203 г. Вальде-

маръ II торжественно короновался въ Любекѣ королемъ вендовъ и потомъ распространилъ свое владычество даже на Эстляндію и Лифляндію. Въ этихъ языческихъ странахъ сѣверо-германское духовенство уже въ теченіе многихъ вѣковъ пыталось ввести христіанство, а въ началѣ XIII столѣтія были основаны епископство въ городѣ Ригѣ и новый духовно-рыцарскій орденъ меченосцевъ, для распространенія христіанства силою оружія. Съ тѣхъ поръ, Курляндія, Лифляндія и Эстляндія сдѣлались сборнымъ мѣстомъ всѣхъ нѣмецкихъ рыцарей, не находившихъ достаточно добычи на родинѣ. У ордена скоро начались сильныя распри съ епископомъ, который хотѣлъ одинъ властвовать въ томъ краѣ, а Вальдемаръ II, пользуясь этимъ раздоромъ, завоевалъ значительную часть Эстляндіи. Но еще прежде у него началась война съ императоромъ Оттономъ IV, желавшимъ защитить права германской имперіи отъ притязаній датчанъ. Этимъ-то обстоятельствомъ и воспользовался Фридрихъ II, для того чтобъ въ ущербъ государству поразить противника въ самомъ центрѣ вельфскаго могущества. Онъ заключилъ, въ 1214 г., договоръ съ Вальдемаромъ, уступая ему всѣ земли по ту сторону Эльбы, такъ что по этому условію лучшая часть сѣверной Германіи навсегда бы отошла отъ имперіи, еслибы черезъ девять лѣтъ ее не воротилъ графъ шверинскій, взявъ въ плѣнъ датскаго короля. Но Фридрихъ достигъ цѣли; его противникъ, вслѣдствіе договора съ Вальдемаромъ, былъ тѣснимъ съ Рейна, Эльбы и Саксоніи и до самой смерти владѣлъ только родовыми землями. Въ 1218 г. Оттонъ опасно заболѣлъ. Понятія, внушенныя въ дѣтствѣ, имѣли надъ нимъ такое вліяніе, что онъ приходилъ въ отчаяніе отъ того, что былъ отлученъ отъ церкви и всѣми силами старался получить прощеніе. Умирая, онъ собралъ значительное число епископовъ, аббатовъ и священниковъ, слезно молилъ ихъ объ отпущеніи, давалъ всевозможные обѣты, подвергъ себя, не смотря на болѣзнь, тяжкому покаянію и передъ смертью былъ принятъ въ лоно церкви.

По смерти противника, Фридрихъ былъ уже такъ силенъ, что

могъ собрать, въ 1219 г., сеймъ въ Госларѣ, въ родовыхъ вельфскихъ владѣніяхъ, и отнять у брата Оттона, Генриха, Пфальцъ. Но потомъ онъ сталъ въ точно такія отношенія къ папѣ Гонорію III, въ какихъ былъ Оттонъ къ Иннокентію III, по смерти Филиппа Швабскаго. Вопросъ заключался въ томъ, кто кого проведетъ, императоръ папу, или папа императора. Хитрость и счастье Фридриха одержали верхъ. Получивъ съ помощью папы (1219 г.) императорскія регаліи отъ брата Оттона, онъ употребилъ неимовѣрныя усилія, чтобъ сдѣлать сына, Генриха, своимъ преемникомъ. Достигнувъ этого (1220 г.) противъ желанія папы и цѣною большихъ пожертвованій, особенно въ пользу алчной духовной аристократіи, онъ не посовѣстился грубо обмануть папу, написавъ, что государственные чины выбрали сына безъ его вѣдома. Послѣ того Фридрихъ поспѣшилъ въ Италію для полученія императорской короны, необходимой для осуществленія его плановъ. Гонорій короновалъ его (ноябрь 1220 г.), желая скорѣйшаго исполненія обѣщаннаго крестоваго похода, а также потому, что Фридрихъ, по пріѣздѣ въ Италію, помогъ ему противъ бунтовавшихъ римлянъ. Фридрихъ не имѣлъ желанія предпринимать походъ, однако, весною 1221 г., отправилъ въ Египетъ герцога баварскаго съ нѣсколькими галерами, обѣщая самъ пріѣхать лѣтомъ. Послѣ того онъ нѣсколько разъ обманывалъ папу различными обѣщаніями и уловками, о которыхъ уже было упомянуто (т. VII. стр. 187), а между тѣмъ издавалъ превосходные законы для своего итальянскаго государства.

Въ этихъ законодательныхъ трудахъ и во всѣхъ дипломатическихъ увертках Фридриху ревностно помогалъ его знаменитый канцлеръ, Петръ Девинь или а Виненсъ, такъ что трудно сказать, на кого должна падать бо́льшая доля обвиненій въ коварствѣ и криводушіи и похвалъ за попеченія о законѣ и правѣ: на императора, или на его перваго слугу. Достовѣрно только то, что между исполненными благородныхъ принциповъ человѣчности и терпимости постановленіями, которыя одинъ изъ нихъ сочинялъ,

а другой обнародывалъ, и практическимъ примѣненіемъ этихъ принциповъ — огромная разница. Во всякомъ случаѣ, Петръ а Винеисъ, родившійся въ Капуѣ и получившій образованіе въ Болоньѣ, былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени. Онъ писалъ лучше всѣхъ современниковъ, которые старались въ то время подражать древнимъ и между которыми было много государственныхъ людей, воспитанныхъ на образцахъ древне-римскаго краснорѣчія двумя его предшественниками, Буонкомпаньо и Боначчіо. Сверхъ того, онъ превосходно зналъ римское право и всѣ безчисленныя права и обычаи, дѣйствовавшіе въ различныхъ владѣніяхъ Фридриха. Къ императору онъ былъ такъ близокъ, что, по выраженію Данте, имѣлъ ключъ къ сердцу Фридриха. Папа и его кабинетъ, повидимому, боялись канцлера и ученика его, Фридриха. Гонорій еще въ концѣ 1221 г. грозилъ императору отлученіемъ, но медлилъ цѣлые годы, стараясь сохранить хорошія отношенія къ нему, пока наконецъ Фридрихъ, вмѣсто того чтобъ отправиться въ Палестину, оскорбилъ его самого, напавъ на ломбардцевъ. Фридрихъ съ самаго начала имѣлъ намѣреніе подчинить себѣ ненавистный Миланъ, демократическое устройство котораго давало огромное вліяніе папѣ. Поэтому онъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, старался привести сицилійское королевство въ положеніе, которое давало бы ему возможность достигнуть цѣли. Онъ сформировалъ себѣ гвардію изъ мухаммеданъ, вполовину обратившихся, или вовсе необращенныхъ въ христіанство, и многочисленное наемное войско изъ сицилійцевъ смѣшаннаго происхожденія. Однако, Миланъ и союзные ему города невозможно было взять безъ содѣйствія рыцарства; поэтому Фридрихъ больше всего заботился о томъ, чтобы собрать значительное рыцарское войско, не возбудивъ подозрѣній. Чтобъ достичь цѣли, онъ вновь успокоилъ папу торжественнымъ обѣщаніемъ крестоваго похода и назначилъ въ 1226 г. всеобщій сеймъ въ Кремонѣ, куда пригласилъ даже папскихъ вассаловъ. Императоръ долженъ былъ привести друзей и вассаловъ изъ обѣихъ Сицилій, а его сынъ Ген-

рихъ изъ Германіи, и такимъ образомъ сеймъ обратился бы въ лагерь. Но миланцы поняли хитрость Фридриха, и, при тайномъ содѣйствіи папы, разрушили его планы. Они быстро приготовились къ оборонѣ, возстановили противъ императора всѣ города, имѣвшіе гвельфское правительство, возобновили съ ними старинный ломбардскій союзъ и заняли всѣ альпійскіе проходы въ Германію. Генрихъ съ нѣмцами долженъ былъ вернуться и предположенный сеймъ не состоялся. Имѣя тогда на своей сторонѣ только шесть городовъ на всемъ пространствѣ между Тосканой и Альпами, Фридрихъ не былъ достаточно силенъ, чтобъ отмстить за оскорбленіе. Однако, онъ объявилъ опалу бунтовщикамъ и приказалъ гильдесгеймскому епископу, заступавшему мѣсто папы въ войскѣ крестоносцевъ, подвергнуть ихъ отлученію отъ церкви. Не желая доводить дѣла до крайности, Гонорій не вступился за ломбардскій союзъ и былъ очень доволенъ, когда Фридрихъ взялъ назадъ свою опалу. Но Григорій IX, сдѣлавшійся вскорѣ послѣ того папою (мартъ 1227 г.), взглянулъ на дѣло иначе.

4. Германія и Италія при Григоріи IX.

Новый папа, Григорій IX, не позволилъ обманывать и проводить себя, какъ своего предшественника, и, когда миновалъ назначенный Фридрихомъ срокъ, а собравшіеся въ Апуліи крестоносцы погибли жалкимъ образомъ (т. VII. стр. 189), торжественно отлучилъ отъ церкви свѣтскаго главу христіанства. Потомъ онъ употребилъ противъ Фридриха и мірскія средства, отъ которыхъ ему слѣдовало бы точно такъ же воздержаться, какъ Фридриху отъ церковнаго отлученія ломбардцевъ. Предлогомъ къ проклятію Григорію послужило не одно замедленіе крестоваго похода, но и враждебныя намѣренія императора противъ ломбардцевъ. Фридрихъ не испугался отлученія. Онъ отвѣчалъ на него рѣзкимъ манифестомъ и послалъ его въ Римъ, для прочтенія народу. Римляне были

злѣйшими врагами папы, а потому сенатъ разрѣшилъ посламъ императора публично прочесть манифестъ. Но, не ограничиваясь этимъ, Фридрихъ готовилъ папѣ несравненно бо̀льшія непріятности. Войдя въ сношенія съ могущественною фамиліею Франджипани (т. VI. стр. 327), онъ купилъ у нея всѣ владѣнія, и, отдавъ ихъ обратно, какъ ленъ имперіи, сдѣлалъ ее своими вассалами; потомъ онъ послалъ къ папѣ торжественное посольство, надменно предлагая примиреніе, а когда Григорій отвергъ это предложеніе, Франджипани взбунтовали народъ и заставили папу выѣхать изъ Рима (въ Пасху 1223 года). Фридрихъ извлекъ изъ этого еще другую выгоду, объявивъ въ новомъ манифестѣ, что папа не христіански отвергаетъ всѣ его попытки къ примиренію и удовлетворенію церкви, и чтобъ сдѣлать обвиненіе сильнѣе, распустилъ слухъ, будто Григорій уговариваетъ ломбардцевъ не пропускать черезъ Альпы германскихъ крестоносцевъ и употребляетъ деньги, собранныя для крестоваго похода, на наемъ войскъ противъ императора.

Въ августѣ 1228 г. Фридрихъ, какъ уже было сказано (т. VII. стр. 189), отправился въ Палестину, не смотря на то, что папа и его союзникъ Іоаннъ Бріенскій готовились къ нападенію на южную Италію; этимъ онъ расположилъ въ свою пользу общественное мнѣніе, потому что явился защитникомъ вѣры, въ то время, какъ папа, повидимому, готовилъ препятствія и затрудненія для крестоваго похода. Дѣйствительно, по возвращеніи Фридриха (1229 г.), Григорію стоило большаго труда выпутаться изъ бѣды, такъ какъ въ отсутствіе императора онъ слишкомъ ревностно занялся свѣтскими дѣлами. Навербовавъ солдатъ и изобразивъ на ихъ знаменахъ ключи св. Петра, онъ послалъ ихъ въ южную Италію подъ предводительствомъ Іоанна Бріеннскаго и кардинала Колонны. Эти солдаты уже заняли было часть королевства, но Фридрихъ вернулся, прогналъ ихъ своими мухаммеданскими войсками и сталъ угрожать папскимъ владѣніямъ. Однако, не вступая въ нихъ, онъ пригласилъ къ себѣ германскихъ князей, прося примирить его съ папой. Въ Неаполь съѣхалось множество князей и епископовъ, ко-

торые вмѣстѣ съ гроссмейстеромъ нѣмецкаго ордена, Германомъ фонъ Зальца, начали переговоры, и Григорій долженъ былъ примириться. Лѣтомъ 1230 г. былъ заключенъ миръ, по которому съ императора снималось отлученіе отъ церкви, а онъ соглашался на всѣ требованія папы. Разумѣется, ни тотъ, ни другой не считали примиренія серьознымъ и тотчасъ же стали обманывать другъ друга. Императоръ, не смотря на видимое смиреніе, остался въ сношеніяхъ со всѣми врагами Григорія, особенно съ римлянами, а папа возбуждалъ противъ Фридриха ломбардцевъ, дѣлая видъ, будто желаетъ быть посредникомъ между обѣими сторонами. Во враждѣ съ ломбардцами, хитрый Фридрихъ хотѣлъ заинтересовать все дворянство и для того назначилъ въ Равеннѣ сеймъ, на которомъ думалъ нанести смертельный ударъ свободѣ и независимости верхне-итальянскихъ городовъ. Ломбардцы и на этотъ разъ пытались не пропустить германскихъ рыцарей черезъ Альпы, однако сеймъ состоялся и постановилъ почти тѣже рѣшенія, какія провелъ въ это самое время Генрихъ на сеймѣ въ Вормсѣ. Оба постановленія сильно стѣсняли, въ пользу князей и епископовъ, города, не державшіе сторону императора или не согласившіеся повиноваться ему во всемъ; союзы городовъ были строго запрещены, а принципъ муниципальной самостоятельности объявлялся несовмѣстнымъ съ аристократическо монархическимъ устройствомъ государства, и въ ущербъ городской независимости возстановлялись, въ полной силѣ, прежнія княжескія и дворянскія привилегіи. Фридриху особенно хотѣлось уничтожить оружіемъ князей ломбардскую федерацію. Поэтому въ Равеннѣ онъ вошелъ въ сношенія съ гибеллинскими тиранами, Эццелино ди Романо и Салингверрой, домогавшимися господства въ Ломбардіи, и вмѣстѣ съ ними составилъ глубоко обдуманный планъ уничтоженія могущества городовъ. Прежде всего, онъ распространилъ въ Ломбардіи, въ концѣ 1232 г., прокламацію, объявляя Эццелино со всѣми родными и друзьями состоящимъ подъ особымъ покровительствомъ имперіи и потому неприкосновеннымъ. Затѣмъ онъ посягнулъ на

старинный обычай, который обезпечивалъ городамъ правосудіе и согласно которому подестою избирался всегда гражданинъ другаго города, не имѣвшій никакихъ связей въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ правителемъ, и запретилъ выбирать подестъ изъ ломбардскихъ городовъ, объявляя такимъ образомъ ломбардскихъ гражданъ безправными. Напротивъ того, въ охранной грамотѣ Эццелино тиранны были названы благородными и превосходными. Еще за нѣсколько лѣтъ до того ненависть къ верхне-итальянскимъ городамъ побудила Фридриха основать университетъ въ Неаполѣ (1224 г.). Городъ Болонья, который уже давно былъ ненавистенъ ему и на который онъ уже пытался нападать, хотя и безуспѣшно, процвѣталъ единственно благодаря университету, привлекавшему ежегодно болѣе двѣнадцати тысячъ иностранцевъ. Состоя подъ покровительствомъ папы, университетъ развивалъ его систему и, посредствомъ учащихся, распространялъ ее по всему свѣту. Подрывая этотъ университетъ, Фридрихъ поражалъ разомъ и папу, и своего старинняго врага, Болонью. Потому онъ не только предоставилъ студентамъ неаполитанскаго университета бо́льшія права, чѣмъ они имѣли въ Болоньи, но далъ заведенію почти неслыханныя въ средніе вѣка привилегіи, и въ ущербъ своимъ подданнымъ и наукамъ запретилъ жителямъ неаполитанскаго королевства учиться за границею. Императоръ и его канцлеръ старались привлечь въ Неаполь студентовъ, гарантируя имъ особымъ эдиктомъ безопасность дороги, дешевизну жизни и полную свободу въ продолженіе всего пребыванія, объявляя, что онъ заботится о помѣщеніяхъ и кредитѣ для учащихся, и даже публикуя цѣны квартиръ. Этотъ эдиктъ былъ до того непріятенъ ломбардцамъ, что, вступивъ съ императоромъ въ переговоры, въ 1227 г., они настоятельно просили отмѣны его. Фридрихъ согласился, понимая, что собственно свободныя искусства могли быть изучаемы только въ Болоньи и что въ этомъ отношеніи Неаполь не могъ соперничать съ ней.

Стараясь уничтожить свободу и силу ломбардскихъ городовъ и увеличить могущество князей, Фридрихъ въ то же время ревно-

стно заботился о водвореніи порядка и правосудія въ своемъ чудномъ сицилійскомъ королевствѣ, о безопасности, процвѣтаніи и распространеніи въ немъ торговли. Жаль только, что онъ не примѣнялъ къ своему управленію превосходныхъ началъ, высказываемыхъ въ изданныхъ имъ законахъ и введеніяхъ къ нимъ. По его приказанію, Петръ Девинь составилъ для королевства сводъ древнихъ законовъ и правъ, но въ него были искусно включены новыя постановленія. Этотъ сводъ былъ обнародованъ и получилъ законную силу (1231 г.) въ то самое время, когда папа возбуждалъ противъ Фридриха ломбардцевъ, и повидимому былъ направленъ именно противъ папы. Это доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что цѣлый отдѣлъ содержалъ въ себѣ постановленія, ограждавшія права короля и народа отъ притѣсненій духовенства; такъ напр. этимъ сводомъ запрещались продажа и дареніе родовыхъ имѣній церквамъ, монастырямъ и монашескимъ рыцарскимъ орденамъ. Впрочемъ, даже поверхностный обзоръ новыхъ постановленій свода ясно доказываетъ, на сколько Фридрихъ и его канцлеръ были выше своего вѣка. Такъ, напримѣръ, постановленія противъ внутреннихъ враговъ церкви, еретиковъ, были очень строги; но всѣмъ, открыто исповѣдующимъ нехристіанскую религію, предоставлялась полная терпимость и объявлялось, что никто не долженъ безвинно страдать только потому, что онъ еврей или мухаммеданинъ. Такъ называемыхъ божьихъ судовъ сводъ рѣшительно не признавалъ, и, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, запрещалъ судебный поединокъ, такъ какъ, говоритъ онъ, два бойца почти никогда не равны силою, мужествомъ и искусствомъ и такимъ образомъ рѣшеніе всегда бываетъ въ пользу сильнѣйшаго и искуснѣйшаго. Мудрый законъ, запрещавшій всѣмъ, кромѣ служащихъ, носить оружія и ножи, избавлялъ страну, обитаемую мстительнымъ и кровожаднымъ населеніемъ, отъ возможности частаго повторенія кровавыхъ стычекъ. Сверхъ того, въ сводѣ заключается много постановленій о торговлѣ, промышленности, полиціи и благоустройствѣ значительно населенныхъ мѣстъ. Уничтожить различіе въ правахъ разныхъ на-

родовъ, населявшихъ государство, Фридриху не удалось, но онъ старался сдѣлать его сколь можно менѣе вреднымъ. Свидѣтельствуя объ обширномъ, независимомъ умѣ Фридриха, этотъ кодексъ вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ доказательствомъ, что въ Италіи общественная жизнь въ то время была болѣе развита чѣмъ гдѣ либо; это видно, между прочимъ, изъ того, что Фридрихъ счелъ нужнымъ опредѣлить, какую часть съ цѣнности предмета процесса имѣлъ право адвокатъ требовать отъ кліента. Слѣдовательно, юридическая защита въ судахъ уже была тогда необходима. То же самое доказывается и постановленіями о медицинской полиціи: въ нихъ точно опредѣлялись обязанности врача, плата за посѣщеніе больныхъ и все касающееся аптекъ. а отъ всякаго, желающаго практиковать или преподавать медицину, требовался строгій экзаменъ и указывалось, какъ пріобрѣсти нужныя свѣдѣнія.

Какъ ни хороши были эти законы, но все же центромъ всей системы управленія были финансы. Въ постановленіяхъ по этому предмету, Фридрихъ раскрылъ передъ средневѣковыми правителями, черпавшими изъ кармановъ своихъ подданныхъ только въ крайнихъ случаяхъ, всю новѣйшую финансовую мудрость; только онъ преподавалъ ее въ менѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это дѣлается теперь. Въ этомъ отношеніи Фридриха тѣмъ менѣе можно извинить, что онъ былъ вовсе не скупъ и не корыстолюбивъ, а мучилъ своихъ итальянскихъ подданныхъ только для того, чтобъ имѣть средства для подавленія свободы ломбардцевъ, признанной еще его дѣдомъ. Уже въ 1231 г., пока онъ былъ въ верхней Италіи, въ Сициліи возникали сильныя волненія, потому что чрезмѣрные поборы вывели изъ терпѣнія тамошнихъ фабрикантовъ и купцовъ, самыхъ дѣятельныхъ и трудолюбивыхъ во всемъ христіанскомъ мірѣ. Эти волненія повторялись и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ неаполитанскаго материка. Фридрихъ безъ труда усмирялъ возстанія, но не хотѣлъ отстранить ихъ причины. Напротивъ, онъ только и думалъ о возвышеніи налоговъ, и тутъ даже самъ канцлеръ не могъ угодить ему, не будучи довольно строгимъ. Слѣдуя этому пути,

Фридрихъ, вовсе не догадываясь о томъ, сдѣлался изъ умнаго, благороднаго правителя тиранномъ и деспотомъ; въ немъ, какъ это часто бываетъ, блескъ могущества и величія смѣнился надменностью, а надменность тиранніей. Во второй половинѣ царствованія, онъ враждуетъ съ папой и церковью, воюетъ съ ломбардцами, пользуется между вѣрнѣйшими подданными репутаціей притѣснителя, предается слугами или проклинается ими какъ мучитель, ссорится съ канцлеромъ и даже становится врагомъ родного сына.

Впрочемъ, главною причиною общей ненависти къ нему были не столько деспотическія мѣры, сколько его тѣсныя сношенія съ мухаммеданами, благодаря которымъ онъ развилъ торговлю государства, открылъ промышленности новые рынки и доставлялъ выгоды даже союзникамъ. Зная языкъ и обычаи мухаммеданъ, онъ былъ въ дружескихъ сношеніяхъ со всѣми современными мухаммеданскими владѣтелями и въ 1232 г. получилъ посольство отъ египетскаго султана и повелителя сирійскихъ ассасиновъ, а не задолго до того заключилъ съ владѣтелемъ Туниса, Абуиссакомъ, замѣчательный договоръ, по которому подданные каждаго изъ государей, бывшіе невольниками во владѣніяхъ другаго, получали свободу, торговля между обоими государствами освобождалась отъ пошлинъ и опредѣлялись отношенія мухаммеданъ, живущихъ на Корсикѣ, къ Фридриху и его владѣніямъ. Эта тѣсная связь съ невѣрными, частыя взаимныя посольства, безпрестанный обмѣнъ подарковъ и мухаммеданская гвардія, которою Фридрихъ пугалъ папу, сильно возбуждали Европу противъ императора. Поэтому не удивительно, что, по убіеніи герцога Людовика Баварскаго (1231 г.), его обвинили въ этомъ злодѣяніи, говоря, что онъ совершилъ его помощью своихъ друзей ассасиновъ. Тогда на сношенія съ старцемъ горы смотрѣли какъ на союзъ съ дьяволомъ, или почти такъ же, какъ протестанты XVII и XVIII столѣтій на сношенія съ іезуитами. Обвиненіе, не смотря на свою безосновательность, нашло вѣру въ Германіи и возбудило всеобщее ожесточеніе.

Несчастныя отношенія императора къ старшему сыну, Генри-

ху, были вызваны, преимущественно, ранней испорченностью молодаго принца, но и властолюбіе Фридриха играло въ этомъ нѣкоторую роль: вмѣсто того, чтобы образовать изъ сына хорошаго правителя, онъ хотѣлъ имѣть въ немъ только орудіе для своихъ замысловъ противъ ломбардскихъ городовъ. Въ 1220 г., уѣзжая надолго изъ Германіи, онъ поставилъ во главѣ управленія десятилѣтняго Генриха. О воспитаніи мальчика никто не заботился и императоръ даже не подумалъ дать ему порядочное общество. Охота сдѣлалась его любимымъ занятіемъ, егеря, сокольники, слуги составляли его любимое общество. Подрастая, онъ окружилъ себя странствующими пѣвицами, пѣвцами, фиглярами, скоморохами и шутами, что и было главною причиною его несчастій. Этотъ классъ людей возникъ въ Каталоніи и южной Франціи, родинѣ танцевъ, пѣнія и игры; оттуда странствующіе артисты отправлялись въ другія части Франціи, Италіи и Германіи, воспѣвая любовь, вино и рыцарскіе подвиги, показывая на княжескихъ пирахъ свои фокусы и получая за это платье и деньги. Эти-то люди совершенно завладѣли Генрихомъ и окончательно испортили его, сдѣлавъ грубымъ и взбалмошнымъ. Неразвитаго юношу не трудно было увѣрить, что ему выгодно итти противъ отца, соединясь съ папой и ломбардцами. Кромѣ того, смертельный врагъ Фридриха, герцогъ австрійскій, и другіе нѣмецкіе князья старались воспользоваться Генрихомъ для достиженія своихъ цѣлей. Это было очень опасно для Фридриха, потому что въ это самое время его политика и сношенія съ мухамеданами создали ему весьма дурную репутацію. Пока Генрихъ противился ему самъ по себѣ, онъ ограничивался строгими выговорами; но когда принцъ заключилъ формальный союзъ съ ломбардцами и, уступая совѣтамъ виновниковъ отца, открыто возсталъ противъ него, Фридрихъ поспѣшилъ въ Германію. Онъ отправился туда безъ войска (1235 г.), но взялъ съ собою весьма значительную сумму денегъ, зная, что ими привлечетъ къ себѣ всѣхъ. Дѣйствительно, не успѣлъ онъ пріѣхать въ Германію, какъ всѣ отступились отъ Генриха. Изумленный сынъ поѣхалъ на встрѣчу къ

отцу, просилъ прощенія, получилъ его, но вслѣдъ затѣмъ снова высказалъ неповиновеніе и отказался отдать замокъ Трифельсъ, въ которомъ, со времени Фридриха I, хранились императорскія сокровища. Тогда отецъ посадилъ его сперва въ старый гейдельбергскій замокъ, а потомъ въ одинъ изъ граубинденскихъ городовъ и наконецъ отправилъ въ южную Италію, гдѣ перевозилъ его изъ тюрьмы въ тюрьму, пока несчастный принцъ не умеръ отъ дурнаго обхожденія съ нимъ. Причины такой жестокости Фридриха нужно искать въ благоволеніи папы къ Генриху и въ томъ, что у него осталось еще много приверженцевъ, до того ему преданныхъ, что когда его везли въ Апулію, герцогъ австрійскій и миланцы сдѣлали попытку освободить его. Папа высказалъ въ этомъ дѣлѣ двуличность, усилившую ожесточеніе противъ него Фридриха. Высказавшись открыто противъ Генриха, онъ втайнѣ возбуждалъ германскихъ князей противъ Фридриха и потомъ всѣми силами старался помѣшать избранію его втораго сына, Конрада IV. Однако, черезъ два года, въ 1237 г., Конрадъ былъ избранъ государственными чинами.

Въ іюлѣ 1235 г. Фридрихъ женился въ третій разъ на сестрѣ англійскаго короля Генриха III, Изабеллѣ, и пышно отпраздновалъ свадьбу въ Вормсѣ. Повидимому, на этихъ пиршествахъ, такъ же какъ и на майнцскомъ сеймѣ, собравшемся черезъ нѣсколько недѣль, онъ хотѣлъ ослѣпить Германію роскошью и блескомъ императорскаго достоинства. Въ Майнцѣ, куда собрались почти всѣ германскіе князья и епископы, по древнему каролингскому обычаю былъ составленъ капитулярій, или основное законодательное постановленіе императора и государственныхъ чиновъ (т. V. стр. 405). Этотъ майнцскій капитулярій, независимо отъ своего содержанія, замѣчателенъ тѣмъ, что, по всей вѣроятности, былъ составленъ на нѣмецкомъ языкѣ, тогда какъ до того всѣ государственные законы писались по латини. Постановленія его касались судопроизводства, спокойствія и порядка въ государствѣ; имъ также установлялась новая должность придворнаго судьи, замѣнявшаго императора,

опредѣлялись его права и порядокъ отправленія суда. Такимъ образомъ Фридрихъ, опять намѣревавшійся надолго уѣхать изъ Германіи, привелъ въ порядокъ ту часть юстиціи, которая подлежала непосредственному вѣдѣнію императора. Въ Майнцѣ же онъ примирился съ своими главными врагами, вельможами, тогда уже значительно ослабѣвшими. Онъ задобрилъ главу ихъ, племянника бездѣтнаго императора Оттона IV, Оттона Дитя, даровавъ ему высшій титулъ. Съ согласія всѣхъ князей, онъ возвелъ въ герцогство родовыя вельфскія земли, Брауншвейгъ и Люнебургъ, не смотря на то, что право на этотъ титулъ искони принадлежало только владѣтелямъ главныхъ германскихъ земель, и объявилъ новое герцогство леномъ, наслѣдственнымъ и въ женской линіи.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ майнцскаго сейма происходило блестящее собраніе въ Аугсбургѣ, гдѣ Фридрихъ старался возстановить южно-германскихъ князей противъ своего непримиримаго врага, герцога австрійскаго, Фридриха Воинственнаго. Оттуда онъ поѣхалъ въ Гагенау для того, чтобъ возобновить право Германіи на бургундскія земли. Въ Гагенау ему присягнули два имперскихъ вассала: несчастный графъ Раймундъ Тулузскій (т. VII. стр. 247) и графъ Раймундъ Беренгаръ Прованскій, котораго императоръ возвелъ при этомъ случаѣ въ рыцарство; хотя графу было уже пятьдесятъ лѣтъ, но онъ не получалъ еще обычнаго рыцарскаго удара мечомъ, боясь повѣрья, что графы его дома не переживаютъ этой церемоніи; оба его зятя, французскій король Людовикъ IX и англійскій Генрихъ III, считали позоромъ, что онъ еще не рыцарь, и потому Раймундъ просилъ императора о посвященіи. Въ маѣ слѣдующаго года (1236 г.) Фридрихъ отправился въ Марбургъ, гдѣ перекладывали въ новую гробницу мощи ландграфини тюрингской Елизаветы, незадолго до того объявленной святою. Фридрихъ врядъ ли искренно вѣрилъ въ безсмертіе души и искупленіе, но все-таки принялъ на себя главную роль въ этой церемоніи, такъ какъ того требовали его расчеты. По всей вѣроятности, онъ надѣялся расположить къ себѣ нѣмецкое духовенство, устроившее это дѣло, а

быть можетъ, хотѣлъ угодить храбрымъ жителямъ Тюрингіи и Гессена, оказавъ честь ихъ бывшей государынѣ, и потомъ воспользоваться ими для похода въ Италію. Народа собралось множество; архіепископы майнцскій и трирскій и епископъ гильдесгеймскій представляли папу, а совершенно отрекшійся отъ христіанской религіи императоръ поднялъ крышку каменнаго гроба и надѣлъ на голову святой золотую корону. Изъ тѣла святой точилось священное муро, которое раздавали, по выраженію одного лѣтописца, съ благочестивою хитростью всѣмъ, изъявлявшимъ желаніе построить церковь или алтарь во имя Елизаветы. Однако, Фридрихъ не вполнѣ достигъ цѣли: ему не удалось устроить имперскаго похода въ Италію.

Нанявъ за деньги значительное войско, онъ послалъ его впередъ, а самъ въ іюлѣ 1236 г. отправился въ походъ съ тысячью примкнувшихъ къ нему нѣмецкихъ рыцарей; у подножія Альповъ присоединились къ войску и итальянскіе вассалы. Этимъ походомъ императоръ хотѣлъ, во первыхъ, силою принудить къ повиновенію маркграфа Аццо д'Эсте, избраннаго подестой Виченцы къ великому отчаянію Эццелино; во вторыхъ, дать возможность Эццелино изгнать, ограбить или истребить всѣ гвельфскія фамиліи Виченцы. И то, и другое удалось. Жители Виченцы, Падуи и Тревизо, полагая, что императоръ далеко, отправились съ Аццо осаждать Ривальто; но Эццелино съ быстротой молніи привелъ Фридриха къ Ривальто; застигнутые въ расплохъ непріятели были разбиты и Виченца тотчасъ же взята. Она сильно пострадала отъ ярости нѣмцевъ и союзныхъ съ ними итальянцевъ. Но императоръ долженъ былъ спѣшить въ Германію, куда его призвали дѣйствія Фридриха Воинственнаго. Австрійскій герцогъ уже съ давнихъ поръ попиралъ ногами, въ собственныхъ владѣніяхъ, права подданныхъ и государственные законы, и постоянно тревожилъ сосѣдей набѣгами, не обращая ни малѣйшаго вниманія на императорскія увѣщанія. Наконецъ, имперскіе чины осудили его на изгнаніе, но, по отъѣздѣ Фридриха, онъ разбилъ князей, посланныхъ привести въ исполненіе при-

говоръ, и продолжалъ дѣйствовать по прежнему. Фридрихъ, пріѣхавъ изъ Италіи, занялъ, въ короткое время, всю Австрію; но по его отъѣздѣ герцогъ вышелъ изъ убѣжища, завоевалъ отнятыя владѣнія и повелъ дѣло такъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ былъ помилованъ и возстановленъ въ прежнихъ правахъ.

Между тѣмъ, хитростью и обманомъ Эццелино заставилъ маркграфа Аццо подчиниться, занялъ Падую и Тревизо и сдѣлался падуанскимъ подестою. Чтобъ упрочить за собой новое пріобрѣтеніе, котораго давно, но тщетно, домогался, онъ объявилъ измѣнниками всѣхъ бѣжавшихъ жителей Падуи, конфисковалъ ихъ имѣнія, потребовалъ у города заложниковъ въ вѣрности и отослалъ ихъ въ Апулію, гдѣ они умерли въ подземныхъ тюрьмахъ. Но все это было ничто въ сравненіе съ тѣмъ, что дѣлалъ впослѣдствіи этотъ воплощенный дьяволъ. Для достиженія своихъ цѣлей онъ съ безпощаднымъ хладнокровіемъ истреблялъ людей тысячами, не щадя ни друга, ни недруга. Когда, черезъ двадцать лѣтъ (1256 г.), падуанцы отпали отъ него, онъ заковалъ въ кандалы всѣхъ ихъ сограждан, бывшихъ въ его войскѣ, рубилъ руки и ноги всякому пытавшемуся бѣжать и такъ безчеловѣчно обходился съ ними, что изъ 11 т. остались живы только двѣсти человѣкъ.

Съ возвращеніемъ Фридриха изъ Германіи, казалось, пробилъ послѣдній часъ свободы ломбардцевъ. Императоръ положительно объявилъ прибывшимъ къ нему папскимъ посламъ, чтобъ они не мѣшались въ его дѣла и отправилъ въ Римъ Петра Девиня и гроссмейстера Германа фонъ Зальцу съ весьма рѣзкимъ посланіемъ. Потомъ, вызвалъ изъ Неаполя мухаммеданскія войска, соединилъ ихъ съ милиціями преданныхъ ему городовъ, всѣми войсками Эццелино и нѣмецкими рыцарями, въ огромномъ числѣ явившимися изъ Германіи, и двинулся противъ Милана, имѣя болѣе ста тысячъ войска, кромѣ сарациновъ. Но Миланъ быстро приготовился къ отпору. Мужество и богатство его жителей было такъ велико и вообще вся Ломбардія находилась, благодаря свободѣ, въ

такомъ цвѣтущемъ состояніи, что миланцы со своими союзниками могли выставить болѣе 60 т. войска. Ломбардская армія расположилась лагеремъ на Оліо, чтобъ не дать Фридриху переправиться черезъ эту рѣку. Оба войска простояли нѣсколько мѣсяцевъ другъ противъ друга, что было страшнымъ бѣдствіемъ для неаполитанцевъ, на которыхъ падала вся тяжесть содержанія императорскаго войска. Ломбардцамъ было не такъ трудно, потому что они уходили поочередно домой на отдыхъ и каждый содержался на свой счетъ. При наступленіи зимы, думая, что непріятельское войско разойдется, они въ безпорядкѣ отправились по домамъ. Пользуясь оплошностью непріятелей, Фридрихъ настигъ ихъ у Кортенуовы и разбилъ на голову (въ концѣ ноября 1237 г.). Ломбардское войско было уничтожено, болѣе 10 т. миланцевъ убиты или взяты въ плѣнъ, лучшіе граждане погибли, и даже священное миланское кароччіо (т. VI. стр. 195) съ распятіемъ досталось непріятелю. Фридрихъ послалъ его въ Римъ, желая польстить римлянамъ и вмѣстѣ досадить папѣ, защитнику миланцевъ. Въ числѣ плѣнныхъ былъ и миланскій подеста Тіеполо, сынъ венеціанскаго дожа. Съ нимъ Фридрихъ обошелся чрезвычайно грубо, велѣвъ привязать его къ кароччіо и провести такимъ образомъ по Кремонѣ, а потомъ отправилъ въ Апулію и тамъ повѣсилъ.

Смертельно оскорбивъ, въ лицѣ Тіеполо, венеціанцевъ, онъ озлобилъ и генуэзцевъ, чрезмѣрно покровительствуя пизанцамъ; потому и венеціанцы, и генуэзцы соединились съ папою. Въ то время какъ число враговъ его увеличивалось, Фридрихъ самъ далъ имъ противъ себя оружіе, поступая тогда такъ же, какъ нѣкогда дѣйствовалъ, въ подобномъ положеніи, его дѣдъ. Онъ еще тѣснѣе сблизился съ Эццелино, женилъ его, весною 1238 г., на одной изъ своихъ дочерей, сдѣлалъ своего побочнаго сына Энціо сардинскимъ королемъ, хотя папа считалъ островъ Сардинію своимъ владѣніемъ, и потребовалъ безусловнаго подчиненія отъ миланцевъ, предлагавшихъ выдать всѣ свои знамена и драгоцѣнности и выставить 10 т. войска для крестоваго похода. Тогда миланцы рѣшились биться до

послѣдней крайности, а Фридрихъ, въ мнѣніи всѣхъ, сталъ жестокосердымъ тиранномъ. Папа открыто принялъ сторону ломбардцевъ, венеціанцевъ и генуезцевъ, заключилъ съ ними союзъ и вновь предалъ императора отлученію отъ церкви (мартъ 1239 г.). Григорій могъ тѣмъ смѣлѣе отважиться на этотъ шагъ, что Фридрихъ потерпѣлъ въ предшествовавшее лѣто полное пораженіе при осадѣ Брешіи и лишился лучшихъ солдатъ и всѣхъ запасовъ. Въ своей буллѣ папа объявилъ Фридриха не только врагомъ церкви и своимъ, но даже противникомъ христіанской религіи. Фридрихъ не остался въ долгу у папы и оба продолжали безпощадно ругать и поносить другъ друга. Впрочемъ, если императоръ заслужилъ чѣмъ нибудь адскія мученія, на которыя осуждалъ его папа, то конечно своимъ обращеніемъ съ неаполитанцами и сицилійцами. Правда, онъ далъ имъ хорошіе законы и даже созывалъ народныхъ представителей для совѣщаній о нуждахъ страны, но тѣмъ не менѣе жестоко притѣснялъ ихъ и помышлялъ только о томъ, чтобы извлечь больше денегъ и расширить свою власть. Не проходило года, чтобы онъ не пользовался какимъ нибудь современнымъ событіемъ для установленія чрезвычайныхъ налоговъ; сверхъ того, онъ объявилъ казенной монополіей продажу всѣхъ предметовъ, составлявшихъ важнѣйшія статьи вывоза и главное богатство края, и отдалъ на откупъ евреямъ всѣ красильные и кожевенные заводы, не обращая вниманія на права свѣтскихъ и духовныхъ владѣльцевъ. Но болѣе всего терпѣли жители во время ломбардской войны. Съ самаго начала ея стали ежегодно взиматься огромные военные налоги, страна была истощена постоями и содержаніемъ войскъ, духовенство должно было, подъ видомъ займа, отдать всю церковную утварь, а приморскіе города были обязаны выставлять корабли и продовольствовать императорскій флотъ. Такимъ образомъ Фридрихъ положилъ начало системѣ, принятой впослѣдствіи всею Европой и въ возможно обширномъ примѣненіи которой заключается нынѣ высшая мудрость государственныхъ людей.

Пока Фридрихъ такъ жестоко притѣснялъ южную Италію, Эццелино свирѣпствовалъ въ Ломбардіи. Онъ хотѣлъ сдѣлаться, при помощи императора, неограниченнымъ властителемъ страны и употреблялъ для этого всевозможныя средства, даже самыя гнусныя. Онъ притворился злѣйшимъ врагомъ своего брата, Альберико ди Романо, и Альберико перешелъ къ непріятелямъ; они давали другъ другу сраженія и грабили имѣнія друзей и приверженцевъ для того, чтобъ вывѣдывать и разстраивать намѣренія враговъ. Одинъ современникъ, описывающій ихъ подвиги, не находитъ словъ, чтобъ передать ихъ злодѣйства. „Эццелино и Альберико, говоритъ онъ, дѣлали изъ властолюбія все, что только можетъ быть дурнаго на свѣтѣ; они убивали и изувѣчивали мущинъ, женщинъ и дѣтей и были даже страшнѣе друзьямъ, чѣмъ врагамъ, потому что враги, не вѣря имъ, постоянно употребляли всѣ усилія, чтобъ вырваться изъ ихъ рукъ.“ Печальнымъ доказательствомъ испорченности итальянскаго характера того времени служитъ то, что такіе ужасные тиранны находили множество людей, соглашавшихся быть орудіями ихъ звѣрства. На такихъ герояхъ основывалось могущество Эццелино. Онъ хорошо платилъ и щедро награждалъ, и нѣмцы, сарацины, апулійцы и піемонтцы толпами шли къ нему на службу.

Папская партія не уступала императорской въ жестокости. Это доказало взятіе Феррары, которою управлялъ другъ императора, семидесятилѣтній Салингверра, не требовавшій ни особенной власти, ни большихъ налоговъ. Папа, венеціанцы и маркграфъ Аццо д'Эсте вытѣснили его изъ города, отправили плѣнникомъ въ Венецію и изгнали изъ Феррары 1500 гражданъ. Венеціанцы роздали ихъ имѣнія своимъ приверженцамъ и два года отягощали городъ страшными поборами; потомъ былъ выбранъ подестою Аццо. Изъ подесты съ тремя тысячами фунтовъ серебра жалованья, онъ впослѣдствіи, сдѣлался полнымъ господиномъ и владѣтелемъ города, перенесъ въ Феррару свою резиденцію и заставилъ несчастныхъ гражданъ потомъ и кровью оплачивать расточительность, которою

славился домъ Эсте. Впечатлѣніе, произведенное страданіями Феррары, усиливается еще тѣмъ, что папскій легатъ заключилъ съ Салингверрою договоръ и потомъ, во имя Бога правды и Его земнаго намѣстника, допустилъ самое вѣроломное нарушеніе договора. Аццо сначала противился этому, но легатъ отвѣчалъ, что когда вопросъ идетъ о такомъ полезномъ дѣлѣ, какъ завладѣніе Феррарой, нечего обращать вниманіе на честь и клятву. Такимъ образомъ, оба главы христіанства, свѣтскій и духовный, стоили другъ друга. Это повторялось и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Такъ, напримѣръ, ихъ отношенія къ еретическимъ сектамъ, развившимся, подъ разными именами, въ верхней Италіи, опредѣлялись единственно личными выгодами. Фридрихъ, желая очиститься отъ обвиненія въ ереси и считая опасными эти секты, столь же враждебныя монархизму въ государствѣ, какъ и господству папы въ церкви, издавалъ свирѣпыя предписанія объ истребленіи противниковъ папской власти. Напротивъ, папа, жестоко преслѣдовавшій французскихъ альбигойцевъ, щадилъ итальянскихъ еретиковъ и не совѣстился объявлять, что божественное ученіе требуетъ, чтобы онъ, изъ видовъ политики, щадилъ и защищалъ въ Римѣ тѣхъ самыхъ людей, которыхъ мучилъ и сожигалъ въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ въ Римѣ ихъ преслѣдовалъ Фридрихъ. Вообще, если папа и даже великій Данте, обыкновенно такъ охотно защищающій Фридриха, обвиняютъ его въ неслыханной жестокости къ тѣмъ, которые по приказанію Григорія проповѣдывали и ополчались противъ него, то и онъ, съ своей стороны, во всеуслышаніе и въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ, упрекаетъ папу въ томъ, что онъ пьяница и, хмѣльной, называетъ себя повелителемъ неба и земли.

Въ виду подобныхъ поступковъ главы церкви и главы государства, нельзя удивляться, что императоръ, отвергавшій нравственную сторону религіи, предавался астрологіи, то есть нелѣпому суевѣрію и хитрымъ обманщикамъ, и что Эццелино былъ предметомъ удивленія, какъ геніальный человѣкъ. Этотъ ужасный тираннъ, сказавшій однажды страшныя слова: „пусть живой позави-

дуетъ мертвому," смѣялся надъ папой и его духовнымъ оружіемъ, и въ жизни, какъ и при смерти, отвергалъ всякую духовную помощь. Отлученный отъ церкви и ежегодно публично проклинаемый въ Римѣ, онъ не сдѣлалъ ни одного шага, чтобы получить прощеніе. Черезъ девять лѣтъ по смерти Фридриха онъ былъ побѣжденъ и, смертельно раненый, взятъ въ плѣнъ; но и тогда Эццелино хотѣлъ умереть, какъ жилъ, не зная Бога. Монахамъ, явившимся къ нему съ религіозными утѣшеніями, онъ отвѣчалъ: „Мнѣ не въ чемъ каяться, кромѣ того, что я не вполнѣ отмстилъ врагамъ, дурно предводительствовалъ войскомъ и допустилъ обмануть себя." Не смотря на такое полное презрѣніе ко всему высокому и святому и на совершенную безнравственность, по смерти его, большинство итальянскихъ владѣтелей почтили его, какъ славнаго героя и великаго политика. Когда онъ, тяжело раненый, былъ взятъ въ плѣнъ, массы народа толпились вокругъ него, чтобъ посмотрѣть на своего страшнаго мучителя въ цѣпяхъ, и какъ стаи мелкихъ птицъ, издѣваясь, дразнятъ ночную сову, ослѣпленную и обезсиленную дневнымъ свѣтомъ, такъ насмѣхалась и ругалась многочисленная толпа надъ немощнымъ тиранномъ. Но Аццо д'Эсте и другіе знатные отгоняли народъ отъ человѣка, которому сами удивлялись и, когда черезъ одиннадцать дней Эццелино умеръ отъ раны, похоронили его съ рыцарскими почестями.

5. Италія при Фридрихѣ II и Иннокентіи IV.

Послѣ несчастнаго похода противъ Брешіи, Фридрихъ напалъ сперва на Тоскану, а потомъ на папскія владѣнія, возобновилъ сношенія съ Франджипани, возстановилъ противъ Григорія фамилію Колонна и другихъ римскихъ гибеллиновъ и бралъ одинъ за другимъ города церковной области. Осада Фаэнцы можетъ, между прочимъ, служить примѣромъ, какъ умно и послѣдовательно дѣйствовалъ онъ въ этомъ походѣ. Фаэнца упорно сопротивлялась въ

теченіе осьми мѣсяцевъ, но, не смотря на всѣ трудности, онъ не снималъ осады, а когда вышли деньги, заложилъ драгоцѣнности и перечеканилъ серебряную утварь; наконецъ, видя истощеніе и этихъ средствъ, онъ сдѣлалъ кожаныя деньги, которыя потомъ выкупилъ добычею Фаэнцы. Такимъ образомъ онъ заставилъ городъ сдаться (1241 г.). Завоеванія поставили папу въ очень затруднительное положеніе, тѣмъ болѣе, что въ самой коллегіи кардиналовъ не всѣ члены были ему преданы. Въ этой крайности, онъ рѣшился подкрѣпить себя представителями всего европейскаго духовенства и обратить свое дѣло — въ дѣло цѣлаго христіанства. Для этого онъ назначилъ въ 1241 г. церковный соборъ въ Римѣ, расчитывая особенно на французское духовенство. Фридрихъ протестовалъ передъ французскимъ королемъ и объявилъ, что при всемъ уваженіи къ международнымъ правамъ, онъ не пропуститъ черезъ свои владѣнія ни одно духовное лицо, ѣдущее въ Римъ. Тогда генуэзцы предложили французскимъ кардиналамъ и епископамъ свой флотъ, но Фридрихъ, при помощи пизанцевъ, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ корабли вмѣстѣ съ находившимися на нихъ духовными, и держалъ ихъ подъ строгимъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока это было нужно для его плановъ. Они еще были въ плѣну, когда умеръ Григорій (августъ 1241 г.). Въ то время какъ императоръ враждовалъ съ папой, Германіи угрожали, съ востока, страшныя монгольскія орды (т. VII. стр. 220); но Фридрихъ, думавшій только объ итальянскихъ дѣлахъ, не предпринималъ противъ нихъ никакихъ мѣръ; въ его письмахъ находятъ даже откровенныя признанія, что онъ вовсе не чувствуетъ желанія защищать христіанъ отъ язычниковъ, пока глава церкви досаждаетъ ему больше всѣхъ татаръ.

По смерти Григорія, Фридрихъ, по просьбѣ римскихъ кардиналовъ, отпустилъ на поруки двухъ плѣнныхъ товарищей ихъ для того, чтобъ дать имъ возможность участвовать въ выборѣ новаго папы. Не смотря на то, конклавъ состоялъ всего изъ десяти лицъ. Съ большимъ трудомъ произвелъ онъ выборъ въ октябрѣ, но новый

папа умеръ черезъ нѣсколько недѣль. Тогда, стѣсненные и несогласные между собою кардиналы, въ теченіе двухъ лѣтъ не могли сдѣлать выбора, не смотря на то, что положеніе церкви тревожило цѣлую Европу и что не только Фридрихъ, но даже благочестивый Людовикъ IX дѣлали имъ жесточайшіе упреки. Въ эту пору блистательно выказалось могущество ломбардскихъ городовъ: лишенные папской помощи, тѣснимые съ одной стороны страшнымъ Эццелино, а съ другой королемъ Энціо и вторымъ побочнымъ сыномъ императора, Фридрихомъ Антіохійскимъ, правителемъ Тосканы, они успѣшно отражали всѣ нападенія.

Наконецъ въ іюнѣ 1243 г. состоялся выборъ и палъ на генуэзца Синибальда Фіеско, изъ фамиліи графовъ Лаванья. Новый папа, еще находившійся въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, принялъ имя Иннокентія IV, потому что держался тѣхъ же началъ, какъ Иннокентій III. Фридрихъ вступилъ съ нимъ въ мирные переговоры, но папа, пользуясь этимъ, бѣжалъ въ Геную, а оттуда въ Ліонъ. Этотъ городъ былъ отличнымъ мѣстомъ для духовныхъ нападеній на Фридриха, составляя тогда родъ республики, находившейся подъ вліяніемъ французскаго короля и мѣстнаго архіепископа, такъ что трудно было опредѣлить, принадлежитъ ли онъ къ германскому Арелату, или къ французскому королевству. Пріѣхавъ въ Ліонъ, Иннокентій назначилъ соборъ, въ Ивановъ день 1245 г., для суда надъ императоромъ. Фридрихъ протестовалъ противъ притязаній духовенства вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла и, для подкрѣпленія протеста, отправилъ въ Ліонъ посольство, во главѣ котораго стоялъ его придворный судья, Таддео ди Суесса, превосходный юристъ и адвокатъ, человѣкъ необыкновенно остроумный и отлично знакомый съ положеніемъ дѣлъ. Самъ онъ также сдѣлалъ видъ, будто хочетъ ѣхать въ Ліонъ, но доѣхалъ только до Турина. Таддео защищалъ императора на соборѣ всею силою своего необыкновеннаго дара. Ограничиваясь юридической стороной вопроса, онъ доказывалъ, что папа, имѣя власть отпускать и вязать грѣхи и полномочіе помазывать и короновать императора,

столь же мало имѣетъ права судить и свергать его, какъ епископъ какой либо страны коронованнаго имъ короля. Онъ былъ такъ краснорѣчивъ и увлекателенъ, что его рѣчь не разъ прерывалась рыданіями представителей церкви, однако все это не помогло. Иннокентій тутъ же произнесъ надъ императоромъ проклятіе, не давъ ему даже законной отсрочки; собраніе выслушало его молча, и, такимъ образомъ, это рѣшеніе было освящено согласіемъ всего христіанства.

Отлученіе отъ церкви, само по себѣ, не имѣло значенія для Фридриха, но за то ему чрезвычайно вредили энергія и неутомимая дѣятельность папы. Въ сѣверной Италіи папскій легатъ, кардиналъ Григорій ди Монтелонго, сталъ во главѣ гвельфовъ и надѣлалъ много хлопотъ приверженцамъ императора; самъ Иннокентій поддерживалъ своихъ сторонниковъ деньгами, получаемыми въ большомъ количествѣ изъ Англіи, возбуждалъ волненія въ Германіи, вѣроломно вывѣдывалъ тайны императорскаго кабинета и подкупалъ вѣрнѣйшихъ слухъ Фридриха. Даже Петръ Девинь черезъ нѣсколько лѣтъ передался папѣ, и Фридрихъ подозрѣвалъ канцлера, вмѣстѣ съ докторомъ, въ намѣреніи отравить его; однако, Данте, въ пѣсни своего Ада, посвященной великому канцлеру, опровергаетъ это обвиненіе. Трудно сказать положительно, какъ было дѣло, но достовѣрно то, что Фридрихъ, подъ конецъ жизни, заключилъ въ темницу своего вѣрнѣйшаго слугу и лучшаго чиновника, и что тотъ самъ лишилъ себя жизни. Въ Германіи майнцскій архіепископъ Зигфридъ игралъ туже роль, какъ въ Италіи Григорій ди Монтелонго. Составивъ партію изъ враговъ Фридриха, онъ, при помощи папскихъ денегъ, склонилъ нѣкоторыхъ духовныхъ и свѣтскихъ князей къ избранію новаго императора и убѣдилъ своего богомольнаго сосѣда, ландграфа тюрингскаго, Генриха Распе, принять предложенный титулъ (1246 г.).

Фридрихъ съ своей стороны дѣйствовалъ противъ папы съ неменьшею хитростью и беззастѣнчивостью. Онъ громко высказы-

валъ въ своихъ манифестахъ мысль, принятую въ началѣ слѣдующаго столѣтія Данте, что владѣніе свѣтскими имуществами и правами развратило духовенство и что для исправленія зла свѣтская власть должна обратить церковь въ первобытное состояніе. Желая показать примѣръ, онъ лишилъ духовенство въ своихъ владѣніяхъ привилегированнаго суда, сдѣлавъ его подсуднымъ общимъ судебнымъ учрежденіямъ и потребовалъ такого же распоряженія отъ другихъ князей. Особенно безпощадно преслѣдовалъ онъ доминиканскихъ монаховъ, которыхъ, по ихъ учености и образу дѣйствій, можно назвать іезуитами среднихъ вѣковъ и которые составляли главную опору папы, неистово проповѣдуя противъ императора. Францисканцевъ, напротивъ, онъ поддерживалъ, такъ какъ они враждовали съ папой, запретившимъ имъ, по просьбѣ приходскихъ священниковъ, вмѣшиваться въ приходскія дѣла, и принадлежали къ партіи императора; генералъ ихъ ордена, Илія, непосредственный преемникъ святаго Франциска, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Фридриха. Благочестиваго французскаго короля Людовика IX, готовившагося къ крестовому походу, Фридрихъ увѣрилъ, что желаетъ поручить ему устроить примиреніе между нимъ и папой; добрый король лично поспѣшилъ къ Иннокентію, но получилъ отказъ на свои предложенія и уѣхалъ отъ него съ неудовольствіемъ, не будучи въ состояніи понять такой непримиримой вражды въ главѣ церкви. Императоръ съумѣлъ извлечь выгоду изъ упорства папы и поставилъ прямаго, откровеннаго короля въ такія отношенія къ злобному папѣ, что тотъ написалъ Людовику, что не нуждается въ его содѣйствіи и помощи. Фридрихъ же остался съ Людовикомъ въ хорошихъ отношеніяхъ и во время его похода (лѣтомъ 1248 г.) послалъ ему изъ Сициліи въ Кипръ и Палестину значительные запасы хлѣба. Все это до того возстановило французовъ противъ папы, что часть аристократіи, принимая воззрѣнія Фридриха, издала противъ теократической системы папы манифестъ, въ которомъ объявлялось, что подсудность благородныхъ и князей духовенству, происходив-

шему, большею частью, изъ низшихъ классовъ, несовмѣстна съ древними правами дворянства, а притязаніямъ духовенства противопоставлялось божественное изрѣченіе: воздадите кесарево кесарю, какъ имѣющее силу и въ отношеніи государей-язычниковъ. Въ Германіи, почти всѣ свѣтскіе князья были на сторонѣ Фридриха, такъ что ему не доставало только согласія англичанъ, чтобъ имѣть въ Европѣ болѣе значенія, чѣмъ папа. Англичане были весьма не расположены къ императору, особенно послѣ ліонскаго собора. Но самъ Иннокентій дѣйствовалъ въ его пользу. Онъ уже давно вытягивалъ изъ Англіи большую часть нужныхъ ему денегъ, а подъ конецъ, расчитывая на ничтожество Генриха III, до того увеличилъ поборы, что привелъ въ ярость все англійское духовенство. Фридрихъ не пропустилъ этой удобной минуты и, пославъ въ Англію уполномоченнаго, успѣлъ отвлечь отъ папы все духовенство.

Иннокентій, между тѣмъ, продолжалъ дѣятельно и хитро волновать христіанство противъ императора. Онъ устроилъ, по смерти Генриха Распе (1247 г.), выборъ новаго короля, Вильгельма Голландскаго, посылалъ депутаціи въ Испанію и Норвегію, чтобы и тамъ создать враговъ Фридриху, убѣждалъ, черезъ легатовъ, ломбардцевъ ни за что не соглашаться на миръ, возмущалъ неаполитанцевъ и сицилійцевъ и даже произвелъ между ними возстаніе, подавленное Фридрихомъ съ страшною жестокостью. Опаснѣе всего были для императора ломбардцы, сражавшіеся такъ упорно и съ такимъ счастьемъ, что, безъ помощи Эццелино, онъ потерялъ бы всю верхнюю Италію. Лѣтомъ 1247 г., гвельфамъ удалось овладѣть Пармою; Фридрихъ лично двинулся противъ нихъ, обложилъ Парму, но, чтобъ вѣрнѣе взять ее, построилъ рядомъ новый городъ, названный Витторіей (Vittoria побѣда). Въ этомъ новомъ городѣ расположилось войско, хранились значительные склады продовольствія, оружіе и всѣ сокровища. Въ одно изъ его случайныхъ отсутствій, жители Пармы, сдѣлавъ нечаянную вылазку, овладѣли, съ помощью измѣны, Витторіей, сожгли ее и разсѣяли войско, понесшее при этомъ огромную потерю. Побѣдителямъ до-

сталось множество оружія и драгоцѣнностей, а для Фридриха пораженіе это было тѣмъ тягостнѣе, что его Таддео ди Суесса, тяжело раненый, попался въ плѣнъ и былъ безчеловѣчно убитъ непріятелемъ. Такимъ образомъ судьба похитила у Фридриха одного изъ лучшихъ слугъ, въ то самое время, какъ онъ долженъ былъ заключить въ тюрьму своего канцлера. Вскорѣ (1249 г.) онъ лишился и сына, Энціо, который былъ для него въ войскѣ тѣмъ же, чѣмъ Таддео ди Суесса и Петръ Девинь въ кабинетѣ. Энціо былъ взятъ въ плѣнъ болонцами, и они придавали такое значеніе его талантамъ, что не соглашались освободить его ни подъ какими условіями. Ему было въ то время 24 года и онъ оставался плѣнникомъ до самой смерти, послѣдовавшей черезъ 23 года; впрочемъ плѣнъ его былъ довольно сносенъ. Потеря сына была тяжкимъ ударомъ и для плановъ, и для сердца Фридриха. Онъ вскорѣ предоставилъ Ломбардію свирѣпому Эццелино, а самъ, удалившись въ Неаполь, захворалъ тамъ и умеръ въ концѣ слѣдующаго года (1250 г.). Иннокентій принялъ съ восторгомъ извѣстіе о его смерти и торжественно объявилъ о ней міру, какъ о событіи, радостномъ для неба и земли и доказательствѣ божеской мести. Цистерцивцы увѣряли, будто Фридрихъ, передъ смертью, съ раскаяніемъ обратился къ ихъ ордену и вымолилъ у одного итальянскаго архіепископа снятіе съ себя отлученія; но это неизвѣстно и весьма неправдоподобно. Во всякомъ случаѣ, изъ завѣщанія, писаннаго имъ за нѣсколько дней до смерти, видно, что онъ не отказался отъ своихъ императорскихъ правъ и предоставлялъ церкви только то, что всегда признавалъ за нею. Хотя въ важнѣйшемъ пунктѣ завѣщанія и сказано: „святой римской церкви, нашей матери, должны быть возвращены всѣ ея права;“ но къ этому слѣдуетъ добавленіе: „отнюдь не нарушая, ни въ какомъ отношеніи, чести и правъ государства нашихъ наслѣдниковъ и подданныхъ въ томъ предположеніи, что и сама церковь возстановитъ всѣ права государства.“ Лучше всѣхъ надѣленъ былъ, по завѣщанію, побочный сынъ Фридриха, Манфредъ; хотя главнымъ наслѣдни-

комъ оставался старшій изъ двухъ законныхъ сыновей, Конрадъ IV, но Манфреду досталось тарентское княжество съ весьма обширными владѣніями, предоставлялось быть, въ отсутствіи Конрада, правителемъ Италіи со всевозможными полномочіями, даже правомъ безвозвратнаго даренія земель, а въ случаѣ бездѣтной смерти обоихъ законныхъ сыновей, Конрада и Генриха, назначалось все наслѣдство. Генриху, сыну императора отъ послѣдней жены, англійской принцессы Изабеллы, было завѣщано сто тысячъ унцій золота и пустой королевскій титулъ, то есть, по выбору Конрада, арелатское или іерусалимское королевство. Малолѣтній внукъ Фридрихъ, сынъ старшаго, непокорнаго Генриха, умершаго за восемь лѣтъ передъ тѣмъ, получилъ царство на лунѣ. Ему назначалось герцогство Австрія, въ которомъ, со смертью Фридриха Воинственнаго, пресѣклась владѣтельная фамилія Бабенберговъ (т. VI. стр. 123); но объ исполненіи этой статьи завѣщанія нечего было и думать, такъ какъ многіе сильные князья изъявляли притязаніе на герцогство, взятое императоромъ, какъ выморочный ленъ, а сами австрійцы не хотѣли и слышать о присоединеніи къ императорскимъ владѣніямъ. Впрочемъ, молодой Фридрихъ умеръ черезъ два года послѣ дѣда. Жителей неаполитано-сицилійскаго королевства императоръ хотѣлъ успокоить, предписавъ, особою статьей завѣщанія, возвратить имъ права, которыми они пользовались при Вильгельмѣ II, слѣдовательно отмѣняя всѣ свои тягостныя нововведенія.

6. Италія отъ смерти Фридриха II до смерти Манфреда.

По смерти Фридриха, въ южной Италіи вспыхнуло сильное возстаніе, возбужденное папой, все еще находившимся въ Ліонѣ; Конрадъ IV былъ въ Германіи, и такимъ образомъ Манфреду, сдѣлавшемуся правителемъ, представился случай выказать свои даро-

ванія. Живой портретъ отца, онъ, не смотря на свои 18 лѣтъ, обнаружилъ много энергіи и искусства. Вмѣсто того, чтобъ итти на возмутившіеся кампанскіе города Неаполь, Аверсу, Нолу и Капую, онъ весьма благоразумно двинулся въ Апулію, гдѣ жители Фоджіи, повидимому покорные, передали обязанности королевскаго судьи выборному комитету и составили съ папой союзъ подобный ломбардскому. Манфредъ быстрыми и рѣшительными мѣрами взялъ на апулійскомъ прибрежьи возставшій городъ Бароли, срылъ его стѣны и такъ устрашилъ этимъ Фоджію и другіе апулійскіе города, что они добровольно покорились. Чтобъ задобрить сицилійцевъ, онъ послалъ къ нимъ своднаго брата, Генриха, сына англійской принцессы Изабеллы, и потомъ уже обратился противъ Кампаньи, гдѣ занялъ почти всѣ непокорные города. Между тѣмъ Иннокентій вернулся изъ Ліона въ Италію. Передъ отъѣздомъ онъ приказалъ монахамъ проповѣдывать въ Германіи крестовый походъ противъ Конрада, обѣщая всякому врагу императора тѣже права, какія церковь предоставила сражающимся противъ невѣрныхъ. Такимъ образомъ онъ переносилъ на совершенно невиннаго сына свою ненависть къ отцу. Однако его злоупотребленія духовною властью возстановили противъ духовенства всѣхъ благочестивыхъ людей, такъ что даже во Франціи стало обнаруживаться сильное неудовольствіе, и ереси, враждовавшія противъ духовенства, распространялись все болѣе и болѣе. За то въ Италіи, миланцы и ихъ гвельфскіе союзники встрѣтили папу съ восторгомъ (лѣтомъ 1251 г.). Сначала онъ не рѣшался ѣхать въ Римъ, такъ какъ римляне уже прежде съ угрозами требовали его возвращенія, и, вслѣдствіе отказа, поставили въ главѣ управленія сенатора, которымъ выбрали болонца Бранкалеоне, гибеллина и друга Эццелино. Однако въ слѣдующемъ году онъ долженъ былъ отправиться въ Римъ, чтобы не лишиться окончательно столицы.

Почти одновременно съ Иннокентіемъ рѣшился ѣхать въ Италію и Конрадъ IV. Ему хотѣлось вступить во владѣнія итальянскимъ наслѣдствомъ, такъ какъ нѣмецкія владѣнія Гогенштауфе-

новъ, доходами съ которыхъ приходилось жить, были почти всѣ розданы, и вообще положеніе дѣлъ въ Германіи не обѣщало обширной и прочной власти. Пріѣхавъ въ Италію нѣсколькими мѣсяцами позже папы, онъ не могъ проѣхать черезъ Ломбардію и отправился моремъ въ Апулію. Здѣсь Манфредъ уже подавилъ возстаніе, а онъ уничтожилъ его остатки взятіемъ Неаполя, въ которомъ срылъ стѣны, и казнилъ или изгналъ главныхъ виновниковъ. Поступая жестоко съ Неаполемъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ несправедливъ в недовѣрчивъ къ Манфреду и высокомѣрно обращался съ папой, передъ которымъ сначала смирился. Конрадъ отнялъ у Манфреда часть наслѣдства, отмѣнилъ многія изъ его распоряженій и оскорблялъ его въ друзьяхъ и приверженцахъ, стараясь, въ то же время, умилостивить папу важными уступками. Но Иннокентій отвергнулъ всѣ его предложенія, упорно отказывалъ, какъ сюзеренъ, утвердить его во владѣніи южною Италіею и думалъ передать сицилійское королевство кому нибудь другому, или вовсе упразднить его, раздѣливъ на нѣсколько княжествъ и республикъ. Видя неуспѣхъ своихъ стараній, Конрадъ прервалъ переговоры, собралъ значительную сумму денегъ, навербовалъ войско и хотѣлъ вернуться въ Германію, но вскорѣ умеръ (1254 г.). Во время его пребыванія въ Италіи, внезапно умерли его племянникъ Фридрихъ и единокровный братъ Генрихъ, такъ что распространился слухъ, будто онъ отравилъ ихъ, но, повидимому, это несправедливо. Точно также послѣ его смерти говорили, что онъ отравленъ Манфредомъ.

Конрадъ оставилъ двухлѣтняго сына, названнаго впослѣдствіи Конрадиномъ, то есть маленькимъ Конрадомъ. Опекуномъ малолѣтняго короля онъ назначилъ не Манфреда, а маркграфа Бертольда Гохбергскаго. Манфредъ, повидимому, не роптала на это, зная, что при ненависти итальянцевъ къ нѣмцамъ, Бертольдъ не удержится и регентство не минуетъ его рукъ. Дѣйствительно, Бертольдъ весьма скоро передалъ ему опеку. Тогда Иннокентій съ сильнымъ войскомъ вторгся въ неаполитанскіе предѣлы и былъ

встрѣченъ всюду съ восторгомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ убѣдилъ германскаго короля, Вильгельма Голландскаго, напасть на владѣнія Бертольда въ Германіи, вслѣдствіе чего Бертольдъ и братъ его, Оттонъ, отпали отъ Манфреда и перешли на сторону папы. Въ верхней Италіи дѣла также приняли благопріятный для папы оборотъ. Противъ главнаго врага церкви уже собралось значительное крестоносное войско, но среди своего торжества Иннокентій умеръ (декабрь 1254 г.). Францисканцы, нѣкогда послушныя орудія римскаго двора, но потомъ разсорившіеся съ нимъ за запрещеніе вмѣшиваться въ приходскія дѣла, жестоко бранили умершаго папу и въ доказательство божескаго гнѣва на него приводили то, что у него передъ смертью отнялся языкъ; такимъ образомъ, они отмстили ему за свой орденъ тѣмъ же, чѣмъ онъ мстилъ Фридриху.

Преемникъ Иннокентія, Александръ IV, во всемъ слѣдовалъ своему предшественнику. Самое имя, принятое имъ, обнаруживало честолюбивые замыслы (т. VI. стр. 466). Главною его заботою было уничтожить опаснѣйшаго врага церкви, Манфреда, старавшагося возвратить себѣ владѣнія. Папѣ дѣятельно помогалъ англійскій король, Генрихъ III, сыну котораго, Эдмунду, Иннокентій подарилъ сицилійское королевство и который за то жертвовалъ не только собственными деньгами, но и тѣми, которыя выжималъ у подданныхъ, церквей и монастырей. Александру не удалось осуществить своихъ плановъ: онъ долженъ былъ уступить оружію Манфреда и сверхъ того былъ выгнанъ изъ Рима. Римляне продолжили срокъ власти своему мужественному подестѣ Бранкалеоне, который энергически наблюдалъ за порядкомъ: срылъ въ городѣ и его окрестностямъ всѣ башни и замки, гдѣ дворянство хранило награбленную добычу, и вѣшалъ всѣхъ феодаловъ, позволявшихъ себѣ насилія. Это сильно возстановило противъ него аристократію и духовенство, которыя успѣли поколебать его вліяніе на непостоянный народъ и заключили его въ темницу (1255 г.). Новый подеста, брешіанецъ Маджи, дѣйствовалъ такъ деспотически, что народъ возсталъ противъ него, освободилъ Бранкалеоне и возвратилъ ему власть. Бран-

калеоне продолжалъ управлять по прежнему, и за то былъ отлученъ папою отъ церкви; тогда народъ снова взволновался, хотѣлъ умертвить папу и кардиналовъ и принудилъ Александра бѣжать изъ Рима (1258 г.). Бранкалеоне вскорѣ умеръ; но подестою избрали его дядю, такъ что Александру невозможно было вернуться. Въ это время, Манфредъ успѣлъ завоевать все неаполитанское королевство и, вслѣдствіе распущеннаго слуха о смерти Конрадина, былъ провозглашенъ королемъ (1258 г.). Принявъ королевскій титулъ, онъ уже самъ отстранилъ права законнаго наслѣдника и отвѣчалъ посольству, присланному родными Конрадина, что онъ оружіемъ отстоялъ сицилійское королевство противъ двухъ папъ и, слѣдовательно, Конрадинъ потерялъ на него всякое право, что сверхъ того ни папа, ни жители не допустятъ больше нѣмецкаго владычества; но что онъ, Манфредъ, беретъ корону только пожизненно и передастъ ее Конрадину, если его тотчасъ пришлютъ въ Неаполь и воспитаютъ какъ итальянца.

Между тѣмъ, въ верхней Италіи власть Эццелино была уничтожена соединенными силами многихъ князей и городовъ; побѣдители его, особенно сильнѣйшіе изъ нихъ, Палавичини и Буозо ди Доара, вмѣстѣ со многими гибеллинами, приняли сторону Манфреда. За него объявили себя и тосканскіе гибеллины; съ ними соединились и гибеллины, изгнанные изъ Флоренціи, и съ помощью Манфреда нанесли флорентинскимъ гвельфамъ такое жестокое пораженіе при Монтаперто, что ихъ противники были принуждены уступить имъ городъ. Тогда самъ папа сдѣлалъ шагъ къ примиренію, но требовалъ, какъ непремѣннаго условія мира, чтобы Манфредъ распустилъ мухаммеданское войско, подражая въ этомъ случаѣ волкамъ, предложившимъ союзъ овцамъ, съ тѣмъ, чтобъ онѣ прогнали собакъ. Разумѣется, миръ не состоялся и Александръ вскорѣ умеръ (1261 г.). Его преемникъ, Урбанъ IV, сталъ искать чужеземной помощи противъ ненавистнаго Манфреда и предложилъ его королевство брату французскаго короля, Карлу Анжуйскому, владѣвшему, по женѣ, Провансомъ. Это произвело въ Ита-

ли перемѣны, имѣвшія большое вліяніе на ходъ событій средней и новой исторіи.

Провансъ, получившій съ этого времени такое же значеніе для политической исторіи южной Европы, какое имѣлъ прежде для культуры и поэзіи среднихъ вѣковъ, составлялъ, первоначально, часть арелатскаго королевства, потомъ распался на два графства, верхній и нижній Провансъ; первымъ, или собственно Провансомъ, владѣлъ графъ арльскій (т. VI. стр. 182); второе, обыкновенно, называлось графствомъ Форкалькіе. Оба эти графства постоянно враждовали между собою. Въ каждомъ изъ нихъ было много мелкихъ владѣтелей и городовъ, имѣвшихъ республиканское устройство и неохотно повиновавшихся графамъ; на первомъ планѣ стояли города Э, Арль, Марсель, феодальные владѣтели де Сабранъ и де Бо. Рыцарство, поэзія, изящество манеръ, отсутствіе грубости и пьянства и чрезмѣрная вѣжливость къ женщинамъ были отличительными чертами характера провансальцевъ. Все это еще усилилось, когда въ 1167 г. верхній Провансъ достался въ приданое королевскому дому Кастиліи и Арагоніи, и такимъ образомъ, власть надъ двумя лучшими и образованнѣйшими странами Европы соединилась въ однѣхъ рукахъ. Первый арагонскій король, владѣвшій верхнимъ Провансомъ, Альфонсъ II или Альфонсъ I, графъ прованскій, жилъ въ Провансѣ чаще нежели въ Арагоніи. Онъ отличался рыцарскимъ блескомъ и благородною щедростью, самъ былъ пѣвцомъ прославляемой тогда въ томъ краѣ платонической любви (т. VI. стр. 340) и не боялся состязаться, какъ рыцарь и трубадуръ, за безсмертную въ исторіи провансальской поэзіи Жордану Брёнъ (Jordane Brun). При немъ еще больше прежняго процвѣтали искусства и состязались поэты, чаще и великолѣпнѣе были праздники и игры; въ его царствованіе происходило коронованіе въ Арлѣ Фридриха Барбароссы (1178 г.), сопровождавшееся столь же знаменитыми торжествами, какъ и майнцскій сеймъ этого императора (т. VI. стр. 482). По смерти Альфонса (1196 г.), Арагонія и Каталонія достались одному изъ его сыновей, Петру II,

а Провансъ другому — Альфонсу II, который женился на наслѣдницѣ графства Форкалькье и такимъ образомъ снова соединилъ обѣ части Прованса. При его сынѣ, Раймундѣ Беренгарѣ IV (1209 — 1245 г.), долго жившемъ въ Арагоніи у своего дяди и опекуна, Петра, въ Провансѣ происходили безпрестанныя волненія, давшія возможность императору Фридриху II возстановить тамъ нѣмецкое государство, почти уничтоженное при Оттонѣ IV. Распоряженія Фридриха въ Провансѣ были дурны. Дѣйствуя подъ вліяніемъ непріязни къ ломбардскимъ городамъ, онъ отмѣнилъ устройство, принятое, благодаря безсилію владѣльцевъ, прованскими городами и сдѣлавшее ихъ изъ муниципальныхъ вольными. Однако его предписанія такъ же мало исполнялись тамъ, какъ и въ Германіи. Феодальные владѣтели продолжали раздавать городамъ права, принимать, подъ извѣстными условіями, обязанности городскихъ старшинъ и соединяться съ однимъ городомъ противъ другаго, а города, съ своей стороны, заключали союзы и договоры, смотря по надобности, то съ друзьями, то съ врагами императора.

Не смотря на то, что города и владѣтели успѣли отстоять свою свободу и самостоятельность, Фридрихъ пользовался въ Провансѣ значительнымъ вліяніемъ. Оно уничтожилось вслѣдствіе не внутренняго движенія, а ненависти Григорія IX, который изъ-за личнаго раздора съ императоромъ вытѣснилъ нѣмецкое вліяніе и замѣнилъ его французскимъ. Сначала подъ предлогомъ ереси онъ на время присвоилъ себѣ графство Венессенъ, а затѣмъ его легаты стали захватывать мало по малу права, принадлежавшія императору, и достигли того, что города и владѣльцы стали искать суда не у него, а у французскаго короля. Окончательный перевѣсъ французскому вліянію надъ нѣмецкимъ дало замужство дочерей Раймунда Беренгара. Съ нимъ пресѣклась мужская линія арагонскихъ владѣтелей Прованса, но у него было четыре дочери, изъ которыхъ старшая вышла замужъ за Людовика Святаго, вторая за англійскаго короля Генриха II, третья за его брата, Ричарда Корнваллійскаго, впослѣдствіи германскаго императора, а четвертую,

Беатрису, онъ сдѣлалъ, по завѣщанію, наслѣдницей Прованса и назначилъ въ замужство послѣднему тулузскому графу Раймунду (т. VII. стр. 244). Присоединивъ Провансъ къ своимъ владѣніямъ, Раймундъ сдѣлался бы обладателемъ одного изъ лучшихъ государствъ Европы, но судьба преслѣдовала его до конца. Съ нимъ враждовали оба человѣка, управлявшіе Провансомъ по смерти Раймунда Беренгара, Роме де Вилльневъ и Альбертъ де Тарраскопъ; они, вмѣстѣ съ вдовою Беренгара и французскою королевою, устроили бракъ Беатрисы съ братомъ короля, Карломъ Анжуйскимъ, и обманывали Раймунда подъ разными предлогами до тѣхъ поръ, пока не склонили голосовъ государственныхъ сословій въ пользу французскаго принца, и тогда уже прямо объявили недѣйствительнымъ посмертное распоряженіе Беренгара. Такимъ образомъ, Карлъ Анжуйскій, женившись на Беатрисѣ (1246 г.), сдѣлался владѣтелемъ Прованса. Какъ человѣкъ весьма дѣятельный, онъ съ самаго начала захватилъ власть въ свои руки и обратилъ вольные города въ муниципіи; въ этомъ ему много помогло предательство арльскаго архіепископа и другихъ духовныхъ, считавшихъ выгоднымъ дѣйствовать съ нимъ заодно. Вскорѣ власть его распространилась на піемонтскіе города и даже на Александрію, Парму и Піаченцу, просившіе у него покровительства. Къ этому ихъ побудили, вѣроятно, отношенія провансальскихъ горожанъ къ рыцарству. Въ Провансѣ, какъ и въ Лангедокѣ, рыцарство пользовалось, правда, различными привилегіями, стѣснительными для прочихъ сословій, и не хотѣло знать никакихъ обязанностей, кромѣ военной службы, такъ что напр. горожане Бо были обязаны ручаться за каждый заемъ своего владѣльца и отдавать въ пользованіе его людямъ свои поля и сады, а, наоборотъ, каждый благородный, самъ пахавшій свои земли, или не владѣвшій оружіемъ до тридцатилѣтняго возраста, причислялся къ податному состоянію; но это не мѣшало высшей буржуазіи стоять почти на равной ногѣ съ дворянствомъ и даже удостоиваться, безъ большихъ затрудненій, посвященія въ рыцарство.

Когда Карлъ, мало по малу, увеличилъ свое могущество въ южной Франціи, ему открылись блистательные виды на нижнюю Италію. Переговоры римскаго двора съ англійскимъ принцемъ Эдмундомъ не имѣли успѣха и потому Урбанъ IV предложилъ сицилійское королевство Людовику IX для одного изъ его сыновей; но Людовикъ былъ слишкомъ благочестивъ и честенъ, чтобъ согласиться на захватъ чужихъ владѣній и отклонилъ отъ себя всякое вмѣшательство въ сицилійскія дѣла. Тогда папа обратился къ Карлу Анжуйскому, который съ радостью принялъ его предложеніе (1262 г.). Завязавъ съ нимъ переговоры, Урбанъ потребовалъ къ себѣ на судъ Манфреда, надѣясь имѣть случай оправдать свои дѣйствія въ глазахъ свѣта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлать Карла своимъ орудіемъ на возможно выгодныхъ условіяхъ. Ни то, ни другое не удалось. Манфредъ послалъ за себя уполномоченнаго и изъявилъ готовность явиться лично, если получитъ достаточныя гарантіи въ безопасности, а Карлъ былъ не такъ простъ, чтобъ вдаться въ обманъ. Переговоры съ нимъ такъ затянулись, что наконецъ Урбанъ отказался даже отъ огромной ленной подати и поземельной уступки, которыхъ требовалъ за королевства, а послѣ его смерти (1264 г.) договоръ съ Карломъ былъ заключенъ совсѣмъ на иныхъ условіяхъ (1265 г.). Незадолго до смерти Урбана, въ Римѣ произошла перемѣна, отъ которой легко могъ измѣниться весь ходъ сицилійскихъ дѣлъ. Римляне рѣшились снова поставить во главѣ управленія сенатора и колебались между Петромъ III Арагонскимъ, Манфредомъ и Карломъ Анжуйскимъ; наконецъ, большинство высказалось въ пользу Карла. Папа былъ недоволенъ выборомъ, но ему хотѣлось, чтобы Карлъ принялъ власть на время, пока въ Римѣ не водворится порядокъ; римляне же выбрали его пожизненно. Потому Урбанъ вступилъ съ нимъ въ тайные переговоры и заранѣе развязалъ отъ присяги римлянамъ. Между тѣмъ партія Манфреда усилилась, и ему не стоило бы большаго труда занять Римъ и одержать перевѣсъ надъ папой въ его собственной столицѣ, если бы неаполитанскіе приверженцы его

были надежнѣе; къ несчастью, онъ могъ довѣрять только нѣмецкимъ и мухаммеданскимъ наемникамъ. Несмотря на то, положеніе папы становилось все затруднительнѣе; отъ него отпала даже фамилія Аннибалески, постоянно державшая его сторону, такъ что, незадолго до смерти, онъ издалъ окружное посланіе, въ которомъ просилъ о помощи у всего христіанства. Пока происходили эти волненія въ папской области, Карлъ вовсе не готовился къ походу противъ Манфреда и не торопился заключать договора съ папой; притомъ сицилійское и французское духовенство сильно негодовали на папу за огромные поборы на военныя предпріятія. Таково было положеніе дѣлъ, когда умеръ Урбанъ и ему наслѣдовалъ провансалецъ Ги Фюлькади, подъ именемъ Климента IV.

Климентъ немедленно заключилъ договоръ съ Карломъ и обнародовалъ его вмѣстѣ съ другой буллой, въ которой объявлялось, что Эдмундъ Англійскій не имѣетъ и никогда не имѣлъ никакихъ правъ на сицилійское королевство. Карлъ сталъ серьозно готовиться къ походу и выступилъ въ маѣ 1265 г. Съ нимъ отправились храбрѣйшіе рыцари Франціи, почти все провансальское рыцарство и до 15 тысячъ пѣхоты, собранной папскими проповѣдниками, повидимому, для крестоваго похода и, подобно рыцарямъ, носившей кресты. Ни рыцари, ни пѣхотинцы не имѣли никакихъ средствъ существованія и, слѣдовательно, должны были жить тѣмъ, что получали отъ Карла и добывали грабежомъ; за то они и производили насилія, которыхъ даже нельзя было бы ожидать отъ крестоносцевъ. Раздѣливъ войско на два отряда, Карлъ отправился самъ съ избранными рыцарями моремъ, изъ Марсели, а остальныхъ послалъ сухимъ путемъ черезъ Альпы, въ Ломбардію. Манфредъ готовился къ борьбѣ также дѣятельно и сдѣлалъ все, что только требовали благоразуміе и осторожность; но съ самаго начала судьба была рѣшительно противъ него. Буря разрушила планъ его дѣйствій на морѣ, измѣна предала его въ Ломбардіи. Онъ сторожилъ Карла съ 80 кораблями у береговъ церковной области, но буря заставила его флотъ выйти въ открытое море, а

корабли Карла прибила къ тосканскому берегу, откуда онъ благополучно прибылъ въ Римъ; вслѣдъ затѣмъ и остальная часть его флота вошла въ устье Тибра. Измѣна сдѣлала въ верхней Италіи тоже, что стихіи въ средней. Ломбардскіе гибеллины собрали войско, чтобъ не пропустить непріятелей черезъ Ломбардію, и Манфредъ подкрѣпилъ его лучшею частью неаполитанской кавалеріи. Стоило только задержать непріятельское войско на нѣсколько мѣсяцевъ небольшими аттаками, занятіемъ нѣсколькихъ городовъ, отбитіемъ подвозовъ, и оно неминуемо разсѣялось бы отъ недостатка въ деньгахъ. Но этого даже и не пробовали, такъ что армія Карла прошла безъ всякаго препятствія черезъ Ломбардію и апеннинскіе проходы въ Тоскану. Что бы ни говорили нѣкоторые писатели, виною этому была измѣна владѣтеля Кремоны, Буозо ди Доара, одного изъ главныхъ предводителей гибеллиновъ, человѣка алчнаго и вѣроломнаго. Современный флорентійскій историкъ, Маласпини, прямо обвиняетъ его въ измѣнѣ, и самъ Данте такъ мало сомнѣвался въ ней, что помѣстилъ Буозо рядомъ съ Люциферомъ, представителемъ величайшаго отверженія, въ самой глубинѣ ада, гдѣ страждутъ во льдахъ Коцита и другіе извѣстные предатели. Сами соотечественники и друзья Буозо считали его виновнымъ. Кремонцы выгнали его изъ города и разрушили замки его родственниковъ, а впослѣдствіи онъ былъ изгнанъ даже изъ своего замка Ротеры, гдѣ хранилось его несмѣтное богатство и умеръ бѣднымъ, всѣми покинутымъ и ненавидимымъ старикомъ.

Въ январѣ 1266 г. войско Карла прибыло къ Риму. У него самого уже не было ни денегъ, ни кредита, а папа, истощившій свои средства и заложившій даже церкви и монастыри, находился въ крайности. Эти обстоятельства и короткій срокъ службы рыцарей заставили Карла желать скорѣйшей развязки. Манфредъ былъ почти въ такомъ же положеніи, такъ какъ онъ не могъ сдерживать жаждавшихъ боя сарацинъ, а неаполитанцы трусили и измѣняли. Потому 26 февраля 1266 г. произошло рѣшительное сраженіе при Беневентѣ. До сраженія и во время боя Манфредъ выказалъ

мужество, достойное прадѣда, и таланты, которые сдѣлали бы честь самому Фридриху II, но счастье было до того враждебно къ нему, что ему оставалось только искать славной смерти. Гибеллины верхней и средней Италіи не прислали ему помощи, тогда какъ непріятель былъ поддержанъ всѣми силами гвельфовъ. Нѣмцы и мусульмане дрались геройски, и побѣда осталась бы за Манфредомъ, хотя противъ него стояла лучшая часть французскаго рыцарства, если бы не измѣнили неаполитанцы. Когда все было потеряно, онъ могъ еще спастись бѣгствомъ, но объявилъ друзьямъ, что предпочитаетъ смерть на полѣ битвы изгнанію и бѣдности; Манфредъ палъ, храбро сражаясь, и своей смертью пріобрѣлъ больше славы, чѣмъ его противникъ блескомъ побѣды и вновь пріобрѣтеннаго господства. Карлъ отказалъ ему въ погребеніи, какъ еретику, и велѣлъ зарыть его тѣло у беневентскаго моста; однако французы почтили мужество павшаго противника, сложивъ надъ могилою груду камней. Но геройская смерть, тронувшая сердца суровыхъ воиновъ, ожесточила мстительнаго монаха. Архіепископъ Козенцы, Пиньятелли, сопровождавшій провансальцевъ въ качествѣ папскаго легата, предалъ Манфреда послѣ смерти проклятію и приказалъ вырыть трупъ, разорвать его на части и разбросать въ мрачной долинѣ рѣки Верде. За то Данте вмѣсто этой тлѣнной кучи камней въ своихъ божественныхъ стихахъ воздвигнулъ несчастному, но увѣнчанному славой Гогенштауфену бесмертный памятникъ, трогательно сравнивъ милосердіе Бога съ холодной жестокостью того, кто зовется его намѣстникомъ на землѣ. Истинные друзья Манфреда — конечно не неаполитанцы — также доказали свою привязанность къ нему. Когда нашли тѣло Манфреда, и Карлъ, желая удостовѣриться въ его смерти, призвалъ плѣнныхъ бароновъ, графъ Іорданъ закрылъ лицо руками и съ отчаяніемъ воскликнулъ: „увы! что я вижу!“ — Любовь, прибавляетъ разсказчикъ этого происшествія, всесильна и не боится ни лица побѣдителя, ни оружія побѣдоносныхъ воиновъ, ни мученій, ни тюрьмы, ни смерти.

7. Неаполь и Сицилія при первыхъ короляхъ анжуйской династіи.

Сраженіе при Беневентѣ рѣшило судьбу сицилійскаго королевства и сдѣлала Карла властелиномъ Италіи. Онъ царствовалъ надъ южной Италіей, въ Тосканѣ его слово считалось закономъ, а одинъ изъ его вассаловъ, Барраль де Бо, былъ миланскимъ подестою. Впрочемъ папа, считавшій опаснымъ такое могущество, заставилъ Барраля сложить съ себя званіе подесты и тѣмъ на время ослабилъ вліяніе Карла въ Ломбардіи. Новое правленіе въ сицилійскомъ королевствѣ началось страшными жестокостями противъ жителей Беневента. Не смотря на ихъ добровольное подчиненіе, побѣдители позволяли себѣ всевозможныя насилія и неистовствовали въ теченіе восьми дней, не щадя ни пола и возраста, ни церквей и монастырей. Карлъ отдалъ на расхищеніе своему войску и другіе города, а себѣ присвоилъ всѣ имѣнія изгнанниковъ. Вообще онъ поступалъ такъ, что скоро даже предатели неаполитанцы увидѣли, какъ жестоко ошиблись они въ расчетахъ, тѣмъ болѣе, что Конрадъ и Манфредъ уже отмѣнили самыя стѣснительныя изъ постановленій Фридриха II. По условію съ папой, Карлъ долженъ былъ возстановить старый порядокъ временъ двухъ первыхъ Вильгельмовъ; но хитрый французъ даже не помышлялъ объ этомъ. Подобно Вильгельму Завоевателю (т. VII. стр. 20), онъ захватилъ почти всѣ старинныя имѣнія, обратилъ ихъ въ новыя бароніи и роздалъ своимъ нищимъ провансальцамъ, предоставивъ имъ права, которыхъ никогда не имѣли норманскіе бароны надъ сицилійскими гражданами, и которыми онъ, по закону, вовсе не могъ распоряжаться. Сохранивъ въ силѣ всѣ стѣснительныя постановленія Гогенштауфеновъ, онъ прибавилъ къ нимъ притѣсненія собственнаго изобрѣтенія и такимъ образомъ—употребляя многозначительное новѣйшее выраженіе—организовалъ государство по своему. При Фридрихѣ представители сословій имѣли хоть какое нибудь значеніе, — при немъ

они не значили ничего. Главной отраслью управленія остались, по прежнему, финансы, но налоги сдѣлались еще обременительнѣе, права муниципій и корпорацій были попраны и возникло новое бюрократическое государство, въ которомъ одинъ чиновникъ тираннилъ другаго, а всѣ они вмѣстѣ тираннили народъ. Цѣлыя стаи таможенныхъ, акцизныхъ сборщиковъ, управляющихъ государственными имуществами, инспекторовъ гаваней и канцелярскихъ чиновниковъ высасывали кровь народа, а во главѣ ихъ стоялъ министръ финансовъ, изъ фамиліи амальфійскихъ ростовщиковъ. Неаполитанцы и сицилійцы скоро почувствовали весь гнетъ новаго деспотизма и стали жалѣть о Манфредѣ, который, по выраженію Маласпини, считался при жизни волкомъ, а тогда казался кроткимъ агнцемъ. Манфредъ бралъ у нихъ половину достоянія, при Карлѣ Анжуйскомъ чужеземные властители отнимали у нихъ все, даже личную свободу. Самъ папа увидѣлъ, что передалъ императорскія права тиранну, и въ письмахъ къ Карлу громко жаловался на его несправедливости и угнетенія; самые преданные папѣ и благочестивые люди увидали, изъ примѣра Карла, къ чему ведетъ безбожная система римской іерархіи, не воздающая кесарю кесарева, но за то требующая божьяго для порочнаго человѣка, носящаго тіару.

Вся Италія скоро почувствовала, что грубость и неуслужливость нѣмцевъ, соединенныя съ нѣмецкимъ добродушіемъ, сноснѣе властолюбія, алчности и безсердечнаго тщеславія французовъ; тогда со всѣхъ сторонъ стали просить молодаго Конрадина, жившаго, со смерти отца, у своего благороднаго дяди, герцога баварскаго, Людовика, сдѣлать попытку вернуть отцовское наслѣдство. Тосканскіе гибеллины, тѣснимые гвельфами, послали ему 100 т. золотыхъ, а неаполитанскіе изгнанники увѣряли, что все бросится ему на встрѣчу. Несчастный юноша, вопреки совѣтамъ матери и дяди, увлекся этими увѣреніями и счелъ возможнымъ, безъ денегъ и безъ войска, совершить то, чего съ трудомъ достигъ Карлъ, владѣтель Прованса, союзникъ папы и гвельфовъ, поддерживаемый

цвѣтомъ провансальскаго и французскаго рыцарства, королемъ Франціи и всѣми силами церкви! Правда, онъ безъ труда прошелъ черезъ Альпы, такъ какъ владѣтель Тироля незадолго до того женился на его матери, и вначалѣ имѣлъ до 10 т. рыцарей и нѣсколько тысячъ пѣхоты, но уже въ Веронѣ значительная часть его войска разошлась, потому что у него не было денегъ. Единственный человѣкъ, отъ котораго онъ могъ бы получить дѣйствительную помощь, Людовикъ Баварскій, постоянно воевалъ съ чешскимъ королемъ Оттокаромъ I, завладѣвшимъ всею Австріей и частью Баваріи и заключившимъ союзъ съ папою и Карломъ Анжуйскимъ.

Пылкому Конрадину сопутствовалъ его вѣрный Пиладъ, Фридрихъ Баденскій, сынъ баденскаго маркграфа Германа, имѣвшій притязанія на Австрію, по женѣ принцессѣ изъ фамиліи Бабенберговъ, но отстраненный могущественнымъ Оттокаромъ. Въ Италіи къ нему присоединились два отважные принца, Генрихъ и Фридрихъ, братья кастильскаго короля и германскаго императора, Альфонса X. Оба они начали свою карьеру тѣмъ, что отправились въ Тунисъ, продали свои услуги мухаммеданамъ, нажили тамъ огромное богатство и совершенно одичали. У одного изъ нихъ, Генриха, сдѣлалъ заемъ постоянно нуждавшійся въ деньгахъ Карлъ Анжуйскій, обѣщавъ за то островъ Сардинію; но, не имѣя возможности выполнить обѣщаніе, онъ доставилъ ему достоинство римскаго сенатора, отъ котораго самъ принужденъ былъ отказаться по настоянію папы. Вскорѣ между ними начались раздоры, потому что Карлъ не имѣлъ обыкновенія платить долговъ, а Генрихъ привыкъ только брать, а не давать. Папа настоятельно убѣждалъ Карла удовлетворить опаснаго кредитора, но тотъ не обращалъ вниманія на его доводы и нажилъ себѣ въ Генрихѣ злѣйшаго врага. Наконецъ папа заплатилъ ему долгъ изъ церковныхъ денегъ, назначавшихся для Карла, но тогда уже было поздно: Генрихъ соединился съ Конрадиномъ и гибеллинами средней Италіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, приверженцы Конрадина склонили на его сторону другаго кастильскаго принца, Фридриха,

который отправился съ войскомъ изъ Туниса прямо въ Сицилію. Будучи полумухаммеданиномъ, онъ былъ очень близокъ тамошнему мухаммеданскому населенію, которое сверхъ того сильно сочувствовало ему, какъ стороннику Гогенштауфеновъ, павшихъ за покровительство мусульманамъ; потому, вскорѣ весь островъ очутился въ его рукахъ, исключая Мессины, Сиракузъ и Палермо. Въ то же самое время Конрадинъ вступилъ въ верхнюю Италію, а оттуда поѣхалъ моремъ въ Пизу, гдѣ былъ встрѣченъ съ радостью и признанъ императоромъ (весною 1268 г.). Туда же привелъ свое небольшое войско и Фридрихъ Баденскій, благополучно прошедшій черезъ Ломбардію, хотя гибеллины господствовали тамъ только въ Веронѣ, Кремонѣ и Лоди.

Узнавъ о вступленіи Конрадина въ Италію, Карлъ поспѣшилъ съ войскомъ въ Тоскану; но вторженіе кастильскаго принца въ Сицилію и возстаніе мухаммеданъ въ апулійскомъ городѣ Лучеріи принудили его вернуться назадъ, оставивъ часть войска въ Тосканѣ для защиты гвельфовъ. Конрадинъ разбилъ ее въ небольшой стычкѣ при Арно, и такимъ образомъ открылъ себѣ доступъ въ Римъ, куда онъ пришелъ въ половинѣ лѣта и былъ великолѣпно принятъ принцемъ Генрихомъ и жителями. Множество мущинъ и женщинъ повело его, увѣнчаннаго цвѣтами, въ Капитолій; всѣ улицы, по которымъ онъ шелъ, были украшены арками изъ цвѣтовъ и лавровъ, великолѣпными драпировками, коврами, драгоцѣнными камнями, діадемами, кольцами и другими драгоцѣнностями. Но этотъ тріумфъ, свидѣтельствовавшій о роскоши итальянскихъ городовъ того времени, былъ для Конрадина погребальнымъ торжествомъ. Самъ онъ не догадывался о своей участи, но папа Климентъ, имѣвшій житейскую опытность, предвидѣлъ судьбу бѣднаго юноши, упоеннаго первымъ успѣхомъ, и откровенно жалѣлъ его; когда еще Конрадинъ былъ въ Павіи, онъ писалъ о немъ: „несчастный мальчикъ, не имѣя денегъ и сопровождаемый ничтожнымъ войскомъ, убаюкиваетъ себя сумасбродными мечтаніями;“ а при

вступленіи Конрадина въ Римъ, говорилъ своимъ окружающимъ: „онъ идетъ на бойню; его блескъ исчезнетъ какъ дымъ.“

Конрадинъ выступилъ изъ Рима почти въ то же время, какъ его союзники, пизанцы, разбили у Мессины неаполитанскій флотъ. Войдя съ востока въ неаполитанскія владѣнія, онъ желалъ рѣшительнаго боя, надѣясь на возстаніе въ Сициліи и расположеніе неаполитанцевъ, и встрѣтился съ непріятелями при Тальякоццо 23 августа 1268 г. Его войско было гораздо сильнѣе непріятельскаго, но Карлъ вывелъ противъ него цвѣтъ французскаго и провансальскаго рыцарства и предоставилъ начальство въ сраженіи старому, опытному рыцарю Аляру де Валори, который участвовалъ въ крестовомъ походѣ Людовика IX, долго оставался въ Палестинѣ, и, наконецъ, возвращаясь инвалидомъ на родину, вступилъ, по дорогѣ, въ службу къ Карлу. Онъ расположилъ войска, примѣняясь къ характеру кастильскихъ и нѣмецкихъ рыцарей, пожертвовалъ частью войска, чтобъ остаться побѣдителемъ, и ввелъ въ дѣло лучшую часть провансальцевъ только тогда, когда непріятели совершенно предались своему пылу. Конрадинъ поставилъ въ первую линію неодолимыхъ кастильцевъ подъ начальствомъ Генриха, во вторую итальянцевъ, въ третью нѣмцевъ. Аляръ же расположилъ свои войска въ двѣ линіи, устроивъ въ нѣкоторомъ отдаленіи засаду изъ лучшихъ рыцарей. Обѣ линіи Карла, начавшія сраженіе, были опрокинуты кастильцами; если бы Конрадинъ умѣлъ сдержать своихъ нѣмцевъ и итальянцевъ, хитрость Аляра не удалась бы и родъ Гогенштауфеновъ не погибъ бы въ одинъ день. Но въ упоеніи побѣды онъ безразсудно увлекся преслѣдованіемъ бѣгущаго непріятеля, а въ это время Аляръ внезапно устремился изъ засады на изумленныхъ и разстроившихся враговъ и одержалъ надъ ними полную побѣду. Войско Конрадина было истреблено или разсѣяно, а самъ онъ, съ Фридрихомъ Баденскимъ, бѣжалъ въ Римъ и оттуда къ морю, думая спастись въ Пизѣ. Эта попытка могла имѣть успѣхъ, но ихъ погубило предательство римскаго аристократа Джіованни Франджипани, фамилія котораго всегда была на сторонѣ

Гогенштауфеновъ, а впослѣдствіи, до конца XVII столѣтія, отличалась въ Венгріи убійствами и измѣнами. Оба принца отправились въ приморское мѣстечко Астуру, наняли небольшое судно и уже вышли въ море, какъ владѣлецъ мѣстечка, Франджипани, узнавъ ихъ по перстню, отданному ими въ уплату за переѣздъ, настигъ ихъ и выдалъ, за большую сумму денегъ, людямъ Карла.

Послѣ побѣды при Тальякоццо, Карлъ одержалъ верхъ надъ всѣми своими непріятелями. Ему хотѣлось избавиться навсегда отъ плѣннаго соперника, но такъ, чтобъ не навлечь на себя обвиненія въ убійствѣ. Для этого онъ велѣлъ предать его формальному суду, какъ бунтовщика. Однако, назначенные имъ судьи, за исключеніемъ одного, объявили, что Конрадинъ воевалъ за свое право, а не какъ возмутитель и потому не подлежитъ наказанію. Одинъ только голосъ приговаривалъ Конрадина и его друга къ смерти, и этого Карлу было совершенно достаточно. Основываясь на судебномъ приговорѣ, онъ приказалъ публично отрубить головы обоимъ принцамъ, и казнь была совершена въ Неаполѣ, при стонахъ и ропотѣ народа (29 октября 1268 г.). Оба друга шли на казнь съ твердостью и мужествомъ. Разсказъ о перчаткѣ, брошенной Конрадиномъ съ эшафота въ народъ, съ тѣмъ, чтобъ ее передали мужу старшей дочери Манфреда, Петру III Арагонскому, какъ свидѣтельство правъ на Сицилію, давно уже признанъ выдумкою. Папа Климентъ не участвовалъ непосредственно въ этомъ юридическомъ убійствѣ; по крайней мѣрѣ, противъ него нѣтъ обвинительныхъ актовъ, и его письма доказываютъ даже противное. Но, во всякомъ случаѣ, онъ непремѣнно содѣйствовалъ ему въ извѣстной степени, такъ какъ Карлъ, начавъ процессъ, ѣздилъ въ Римъ и только черезъ три недѣли совершилъ убійство. Генрихъ Кастильскій тоже попался въ плѣнъ, но, по ходатайству папы, не былъ казненъ, а содержался въ плѣну до самой смерти. Съ приверженцами Конрадина Карлъ обошелся чрезвычайно жестоко; онъ воспользовался несчастною попыткою Гогенштауфена для утвержденія своей власти посредствомъ истребленія старинныхъ фамилій, а этого можно было достигнуть

только помощью возмутительныхъ насилій. Перечислять всѣ жестокости безчеловѣчнаго деспота было бы слишкомъ тяжело, достаточно сказать, что, вслѣдствіе ихъ, смѣшанное населеніе страны сдѣлалось еще разнообразнѣе, и какъ тамъ, такъ и въ Провансѣ произошла значительная перемѣна въ правахъ, учрежденіяхъ и обработкѣ земли. Сарацины, жившіе въ Лучеріи, были истреблены, а вмѣсто нихъ поселены провансальскіе земледѣльцы и ремесленники; въ другихъ мѣстахъ также возникли провансальскія колоніи. Имѣнія приверженцевъ Гогенштауфеновъ Карлъ роздалъ провансальцамъ, дѣлая это въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что въ одной провинціи, Терра д'Отранто, получили земли тридцать два провансальца. Независимо отъ этихъ распоряженій, которыя еще можно оправдать, такъ какъ они касались дѣйствительныхъ враговъ его, Карлъ объявилъ недѣйствительными всѣ пожалованія леновъ, сдѣланныя Гогенштауфенами со времени ліонскаго собора, и такимъ образомъ получилъ возможность надѣлить владѣніями большинство бѣднаго провансальскаго рыцарства.

Въ средней Италіи, гдѣ папа назначилъ его имперскимъ викаріемъ и намѣстникомъ, онъ сдѣлался, послѣ побѣды, полновластнымъ повелителемъ. Безъ сомнѣнія, онъ распространилъ бы свою власть и на Ломбардію, но тамошніе гвельфы и гибеллины дружно отстраняли предлагаемое имъ покровительство. Вскорѣ ему удалось извлечь для себя выгоду изъ крестоваго похода, предпринятаго Людовикомъ IX (1270 г.). Подобно всѣмъ правителямъ, поддерживающимъ власть насиліемъ, онъ былъ алченъ и постоянно нуждался въ деньгахъ; поэтому, когда Людовикъ собрался въ походъ, онъ уговорилъ его отправиться не въ Палестину, а въ Тунисъ, надѣясь возвратить себѣ дань, нѣкогда платимую Тунисомъ норманнскимъ королямъ. Впрочемъ, неизвѣстно въ точности, онъ ли направилъ предпріятіе противъ Туниса, или это былъ планъ самого Людовика; во всякомъ случаѣ, онъ съумѣлъ обратить въ свою пользу результаты похода. Обѣщавъ крестоносцамъ помощь, онъ явился съ нею только тогда, когда почти все войско и самъ Людовикъ по-

гибли отъ чумы, произведенной жарами и голодомъ. Притомъ, слѣдуя своему обыкновенію пожинать тамъ, гдѣ не сѣялъ, онъ помѣшалъ взятію Туниса, а вмѣсто того, заключилъ съ тунисскимъ владѣтелемъ миръ, всѣ условія котораго были въ его пользу. Повелитель Туниса обязался отмѣнить всѣ торговые сборы въ гавани своей столицы, вознаградить крестоносцевъ за военныя издержки и платить ежегодную дань. Отмѣна пошлинъ была выгоднѣе всего сицилійскому королевству; изъ уплаченныхъ денегъ, большая часть досталась Карлу, а изъ ежегодной дани ему пришлась треть, остальное же французскому королю. Карлъ не упускалъ случая пользоваться даже несчастьемъ союзниковъ. На возвратномъ пути, генуэзцы, участвовавшіе въ походѣ, потерпѣли крушеніе у сицилійскихъ береговъ, и Карлъ, пользуясь береговымъ правомъ, захватилъ всѣ ихъ корабли, не смотря на то, что они не подлежали береговому праву и какъ крестоносцы, и въ силу договора, заключеннаго съ нимъ самимъ. Такимъ образомъ, для денежныхъ выгодъ онъ жертвовалъ всѣмъ, даже интересами религіи, и все таки постоянно нуждался въ деньгахъ, такъ что тотчасъ послѣ похода занялъ у своего племянника, французскаго короля Филиппа III, 13 т. унцій золота, подъ залогъ всѣхъ своихъ драгоцѣнностей. Его планы были несоразмѣрны со средствами. Потому его сосѣдство было весьма непріятно римлянамъ, а когда, купивъ права латинской императорской фамиліи, онъ изъявилъ притязанія на константинопольскій престолъ, который могъ доставить ему важныя преимущества, то самъ папа началъ ему противодѣйствовать, стараясь поднять значеніе германскаго императора. Эти притязанія на Константинополь Карлъ основывалъ на бракѣ своей дочери съ сыномъ послѣдняго латинскаго императора, Бальдуина II, и на договорахъ, заключенныхъ съ странствовавшими по Европѣ наслѣдниками его, уступившими свои права за пожизненную пенсію.

Въ 1268 г. умеръ другъ Карла, папа Климентъ. Кардиналы три года не могли согласиться между собою, и когда, наконецъ, выборъ былъ сдѣланъ, онъ оказался весьма неблагопріятнымъ для

Карла. Новый папа, Григорій X, имѣлъ твердое намѣреніе примирить партіи въ Италіи и прекратить безпорядки, возникшіе въ Германіи по смерти Фридриха II. Съ самаго начала онъ разсорился съ Карломъ, потому что хотѣлъ ослабить его вліяніе во Флоренціи и, какъ сюзеревъ Сициліи и Неаполя, упрекалъ его за тиранію, введенную имъ въ этихъ странахъ. Но Григорій не достигъ цѣли. Во Флоренціи ему удалось было примирить изгнанныхъ гибеллиновъ съ гвельфами, но Карлъ до того застращалъ ихъ, что они, не считая себя въ безопасности, бѣжали изъ города. На папскіе выговоры онъ не обращалъ вниманія, и они только усилили распрю, такъ что папа перешелъ отъ упрековъ къ угрозамъ. Желая возстановить общественное спокойствіе, особенно въ Германіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ устроить новый крестовый походъ, онъ назначилъ въ 1274 году соборъ въ Ліонѣ. Карлъ былъ приглашенъ въ Ліонъ, но не поѣхалъ, не ожидая для себя ничего хорошаго отъ этого собранія. Его могущество и вліяніе были слишкомъ опасны для свѣтской власти римскаго двора, такъ какъ, независимо отъ Прованса и южной Италіи, господство его распространялось на Тоскану, почти весь Піемонтъ и, болѣе или менѣе, на Болонью, Миланъ и другіе города средней и сѣверовосточной Италіи. Это заставляло папу искать противъ вего опоры, и онъ нашелъ ее въ Рудольфѣ Габсбургскомъ, честномъ и храбромъ швейцарцѣ, сдѣлавшемся, за два года передъ тѣмъ, германскимъ императоромъ и внушавшемъ своимъ личнымъ характеромъ несравненно болѣе довѣрія, чѣмъ жестокій и коварный Карлъ. Григорій призналъ Рудольфа императоромъ, помогъ ему возстановить свое вліяніе въ Ломбардіи и потребовалъ, чтобы Карлъ сложилъ съ себя званіе имперскаго викарія въ Тосканѣ. На это онъ имѣлъ тѣмъ болѣе права, что Карлъ, принимая это званіе, торжественно обѣщалъ сложить его по избраніи римскаго императора. Но Карлъ, не любившій отказываться отъ своихъ выгодъ ради даннаго слова, продолжалъ господствовать надъ Тосканою, тѣмъ болѣе, что Григорій умеръ въ 1276 г., а Рудольфъ, занятый войною съ Оттокаромъ II Чешскимъ, не могъ

отправиться въ Италію. Однако дѣла принимали все болѣе и болѣе неблагопріятный оборотъ для сицилійскаго короля и время наказанія быстро приближалось. Три преемника Григорія умерли въ теченіе пятнадцати мѣсяцевъ и наконецъ тіара досталась Николаю III, принявшему ее съ твердымъ намѣреніемъ уничтожить преобладаніе Карла въ Италіи. Съ самаго начала, Николай употребилъ все свое вліяніе на усиленіе партіи гибеллиновъ въ Ломбардіи; это ему удалось вполнѣ, такъ какъ въ 1277 г. миланскій архіепископъ Оттонъ Висконти, предводительствуя гибеллинами, одержалъ рѣшительную побѣду и вытѣснилъ изъ Милана властвовавшую тамъ гвельфскую фамилію делла Торре. Вслѣдъ затѣмъ сталъ собираться въ Тоскану и Рудольфъ, счастливо кончившій, въ 1278 г., войну съ Оттокаромъ. Императоръ составилъ планъ сдѣлать одного изъ своихъ потомковъ королемъ Бургундіи и Арелата, и, съ помощью швейцарцевъ, напасть на Карла въ самомъ Провансѣ. Все это вынудило Карла, — сложившаго между тѣмъ званіе римскаго сенатора, принятое имъ послѣ взятія въ плѣнъ Генриха Кастильскаго (1278 г.), — подчиниться требованіямъ папы и Рудольфа и заключить весьма невыгодный для себя договоръ. Въ 1280 г. онъ отказался отъ викаріата надъ Тосканой и присягнулъ императору, какъ его ленникъ въ Провансѣ. Впрочемъ, папа заботился о Германіи не безкорыстно: изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ онъ извлекъ значительныя выгоды и осуществлялъ свои планы съ такимъ искусствомъ, что, по тогдашнимъ хитросплетеніямъ римской политики, лучше всего можно видѣть, на сколько всѣ нынѣшнія дипломатическія тонкости ниже свѣтско-церковной хитрости папскаго кабинета въ средніе вѣка. Еще до окончанія войны съ Оттокаромъ, Григорій и Николай заставили Рудольфа отказаться отъ правъ на Неаполь, Сицилію и Романью; потомъ, Николай, пользуясь могуществомъ Карла, получилъ отъ Рудольфа важныя уступки и добился того, что Карлъ сложилъ съ себя званіе римскаго сенатора. Только тогда явился онъ посредникомъ ме-

жду государями и получилъ свою долю въ пріобрѣтенныхъ Рудольфомъ выгодахъ.

По смерти Николая, Карлу удалось сдѣлать папою француза, Мартина IV (1281 г.), вполнѣ преданнаго интересамъ своихъ соотечественниковъ; но Николай успѣлъ передъ смертью подготовить ударъ, жестоко поразившій Карла на слѣдующій годъ. Онъ содѣйствовалъ возстанію, извѣстному подъ именемъ сицилійскихъ вечерень. Сицилія жестоко страдала подъ игомъ Карла; но особенно тяготилъ ее изобрѣтенный имъ способъ безвозмездной обработки государственныхъ имуществъ и содержанія и умноженія скота на чужой счетъ. Онъ роздалъ земли и скотъ жителямъ, обязавъ ихъ, разъ навсегда, платить опредѣленный годовой доходъ съ полей и приплода скота; при этомъ правительство не обращало вниманія на то хорошъ или худъ былъ урожай, великъ или малъ дѣйствительный приплодъ. Къ притѣсненіямъ присоединялась еще наглость французовъ и провансальцевъ, имѣвшихъ въ своихъ рукахъ все управленіе. И то, и другое скоро довело сицилійцевъ до отчаянія. Впрочемъ, главною причиною возстанія, вспыхнувшаго 30 марта 1282 г., была упомянутая нами деспотическая мѣра Карла, а дерзость его соотечественниковъ послужила только поводомъ къ взрыву. Недовольные вступили, предварительно, въ сношенія съ арагонскимъ королемъ, Петромъ III, мужемъ дочери Манфреда, Констанціи, съ папою Николаемъ III и греческимъ императоромъ, Михаиломъ Палеологомъ. Эти переговоры и вообще все дѣло велъ Джіованни ди Прочида, бывшій другъ, докторъ, секретарь и министръ финансовъ Манфреда, лишенный Карломъ имѣній и изгнанный изъ отечества, но получившій, по просьбѣ Констанціи, нѣсколько леновъ въ Арагоніи. Онъ искалъ случая отблагодарить Петра III и убѣдилъ его воспользоваться настроеніемъ умовъ въ Сициліи для предъявленія правъ Констанціи. Потомъ онъ склонилъ на свою сторону папу Николая III, съ его помощью побѣдилъ нерѣшительность Петра, отправился къ Михаилу Палеологу, враждовавшему съ Карломъ и уже дважды подвергавшемуся его нападе-

ніямъ, и получилъ отъ него деньги. Когда все было устроено, Петръ, подъ предлогомъ крестоваго похода противъ африканскихъ мухаммеданъ снарядивъ флотъ, отправился къ алжирскому городу Бонѣ и сталъ на якорѣ прямо противъ Сициліи. Онъ имѣлъ намѣреніе выждать начала возстанія, принять сторону сицилійцевъ и завладѣть островомъ. Неизвѣстно, существовало ли предворительное соглашеніе между нимъ и сицилійцами, и имѣло ли возстаніе вообще какой нибудь планъ; во всякомъ случаѣ, оно было вызвано совершенно неожиданно дерзостью французовъ и провансальцевъ. Совершая страшныя насилія, оскорбляя національное чувство жителей, попирая ихъ честь, обычаи и законы, они возбудили общее ожесточеніе, разразившееся въ Палермо кровавою местью, на Пасхѣ 1282 г. Въ то время, какъ горожане шли къ вечернѣ, въ загородную церковь, одинъ французъ позволилъ себѣ дерзость противъ одной молодой женщины; провожатые дѣвушки вступились за нее, къ нимъ подоспѣли другіе, дѣло дошло до крови и ожесточенные палермитяне выместили на французахъ давно сдерживаемую злобу. Въ короткое время въ Палермо были истреблены всѣ французы, и возстаніе мгновенно распространилось по всему острову. Говорятъ, что каждаго незнакомца заставляли произносить слово чичери (ciceri), чтобы по выговору узнать французовъ, и что изъ всѣхъ провонсальцевъ и французовъ, жившихъ въ Сициліи, только двое спаслись отъ смерти. Во всякомъ случаѣ, судя по духу того времени, характеру сицилійцевъ и свойствамъ климата, надо думать, что возстаніе сопровождалось страшными неистовствами и жестокостями.

Въ то самое время, какъ вспыхнуло возстаніе, флотъ Карла готовъ былъ выступить противъ греческаго императора; но когда мятежъ распространился и мессинцы вырѣзали французскій гарнизонъ, Карлъ отправился въ Сицилію. Съ самаго начала онъ сдѣлалъ важную ошибку. Осадивъ многочисленнымъ войскомъ дурно укрѣпленную Мессину, онъ скоро довелъ жителей до крайности, такъ что они готовы были сдаться на капитуляцію. Но онъ гордо от-

вергъ ихъ предложенія и потребовалъ безусловной сдачи, неслушая совѣтовъ находившагося при немъ легата папы Мартина. Онъ пропустилъ такимъ образомъ единственный благопріятный моментъ для завладѣнія всѣмъ островомъ. Отказъ ожесточилъ мессинцевъ и они рѣшились обороняться до послѣдней капли крови; все населеніе города, не исключая женщинъ и дѣтей, работало безъ устали, такъ что въ три дня были готовы новыя стѣны и Карлъ былъ задержанъ осадою до прибытія Петра III. Хитрый арагонецъ наблюдалъ изъ Африки за ходомъ дѣла, и только въ августѣ явился въ Сицилію. За то, высадившись на берегъ, онъ не побоялся ни военныхъ приготовленій Карла, ни угрозъ папы, дѣлавшаго все, что только можно было ожидать отъ раба Карла, и отлучившаго отъ церкви Петра и сицилійцевъ. Карлъ не могъ противиться арагонцамъ на морѣ, тѣмъ болѣе, что возстановилъ противъ себя генуэзцевъ и пизанцевъ, и потому послѣ высадки Петра возвратился въ Неаполь. Вся Сицилія немедленно присягнула Петру и Констанціи, законной наслѣдницѣ королевства. Пока Карлъ готовился къ новому нападенію и выписывалъ подкрѣпленія изъ Франціи, Петръ быстро привелъ въ порядокъ дѣла, постановивъ во главѣ управленія двухъ калабрійцевъ, нашедшихъ пріютъ въ Арагоніи. Одинъ изъ нихъ, Джіованни ди Прочида, управлялъ гражданскими дѣлами и финансами, другой, Руджіеро (Рожеръ) Лорія, образовалъ войско и флотъ и предводительствовалъ ими. Карлъ самъ помогъ своимъ врагамъ. Когда Петръ долженъ былъ отправиться, на время, въ Арагонію, онъ имѣлъ глупость предложить ему поединокъ за обладаніе Сициліей (весною 1283 г.). Арагонскій король съ радостью воспользовался случаемъ выиграть время, принялъ вызовъ, началъ торжественно готовиться къ дуэли и обманулъ обыкновенно столь хитраго противника. Карлъ, не слушая совѣтовъ папы, пріостановилъ на время вооруженія и, забывъ обязанности короля, чтобъ сдѣлаться однимъ изъ героевъ, воспѣваемыхъ его земляками, трубадурами, отправился во Францію, гдѣ долженъ былъ происходить поединокъ.

Явясь въ назначенный день на мѣсто боя, онъ не нашелъ противника, предоставившаго ему рыцарскую славу, но оставлявшаго себѣ выгоды. Въ это время Петръ успѣлъ кончить военныя приготовленія и достать денегъ, а Карлъ сдѣлалъ вторую ошибку, промедливъ во Франціи надъ сооруженіемъ флота. Его сынъ, Карлъ II, оставшійся въ Неаполѣ, увлекся юношескимъ пыломъ и погубилъ себя неосторожностью. Адмиралъ Петра, Лорія, разбивъ непріятельскую эскадру, посланную неаполитанскимъ королемъ изъ Франціи, и узнавъ изъ перехваченныхъ писемъ, что онъ уже плыветъ въ Италію съ 55 кораблями, быстро отправился въ гавань Неаполя въ намѣреніи принудить къ бою молодаго принца, имѣвшаго на своемъ флотѣ лучшихъ рыцарей Неаполя и Прованса. Принцъ Карлъ, не зная о приближеніи отца и обманутый притворнымъ бѣгствомъ непріятельскаго флота, бросился его преслѣдовать. Въ морѣ онъ былъ окруженъ и разбитъ врагами (1284 г.). Его корабль получилъ такія повреждепія въ подводной части, что онъ не могъ бѣжать, но все таки принцъ сдался только тогда, когда узналъ, что Лорія рыцарь: доказательство, какъ высоко цѣнилось тогда рыцарство, считаемое союзомъ чести, потому что даже адмиралъ получалъ высшее значеніе только будучи рыцаремъ. Пользуясь первымъ впечатлѣніемъ страха и природною добротою принца, Лорія заставилъ его отдать приказъ освободить сестру Констанціи, бывшую въ заточеніи у Карла съ самой смерти Манфреда.

Карлъ, вскорѣ прибывшій въ Неаполь, былъ до того взбѣшенъ неосторожностью сына, что даже выражалъ желаніе, чтобы онъ умеръ въ наказаніе за свою ошибку. Дѣйствительно, въ Сициліи плѣнному принцу угрожала большая опасность: мстительные сицилійцы перебили всѣхъ его сотоварищей и требовали его смерти, въ отмщеніе за Конрадина. Но Констанція спасла ему жизнь. Самъ Петръ, по своему характеру, желалъ извлечь изъ его плѣна возможно бо̀льшія выгоды, и какъ молодой принцъ нетерпѣливо жаждалъ освобожденія, а его отецъ умеръ въ началѣ слѣдующаго года (1285 г.), то арагонцы имѣли возможность до-

стигнуть цѣли. Папа дѣлалъ всевозможное, чтобы пособить своему пріятелю и освободить принца, но его труды были безуспѣшны. Онъ вздумалъ лишить Петра королевства и подарилъ Арагонію Карлу де Валуа, брату французскаго короля, Филиппа IV; однако результаты этой мѣры совершенно не соотвѣтствовали его ожиданіямъ. Свободные арагонцы, считавшіе короля не своимъ господиномъ, а первымъ должностнымъ лицомъ въ государствѣ, до тѣхъ поръ смотрѣли на войну съ Карломъ Анжуйскимъ, какъ на частное дѣло Петра. Когда же папа вздумалъ располагать ихъ короною, они насмѣялись надъ его угрозами, приняли участіе въ дѣлѣ короля, какъ въ своемъ собственномъ, и отбили всѣ нападенія французовъ, воевавшихъ съ ними нѣсколько лѣтъ. Карлъ де Валуа, не смотря на помощь брата, испыталъ постыдное пораженіе и отъ папскаго подарка пріобрѣлъ только прозвище безземельнаго короля. Не больше успѣха имѣли и старанія Мартина склонить на свою сторону венеціанцевъ. Не смотря на его угрозы и денежныя траты, они препятствовали вербовать у себя солдатъ для Франціи, нанимать и покупать корабли для Неаполя, и даже не выпускали изъ гаваней купленныхъ судовъ. Сицилійцы также издѣвались надъ приманками папы, обѣщавшаго имъ возстановленіе старинныхъ учрежденій временъ Вильгельма II. Наконецъ плѣнному наслѣднику Карла грозила потеря Неаполя и положеніе его становилось до того затруднительнымъ, что Мартинъ и его преемникъ, Гонорій IV (1285 — 1287 г.), пожертвовали для него даже деньгами, собираемыми съ вѣрующихъ для посылки въ Сирію.

Петръ умеръ въ концѣ 1285 г. Его старшій сынъ, Альфонсъ III, наслѣдовалъ ему въ Арагоніи, а младшій, Іаковъ II, вмѣстѣ съ матерью, Констанціею, въ Сициліи. Тогда друзья плѣннаго Карла начали дѣятельно хлопотать объ его освобожденіи. Англійскій король, Эдуардъ I, взялъ на себя посредничество и въ маѣ 1287 г. между арагонцами и Карломъ былъ заключенъ договоръ, чрезвычайно невыгодный для послѣдняго. Онъ обязался заплатить значительную сумму денегъ, формально уступить Сици-

лію, склонить Карла де Валуа отказаться отъ притязаній на Арагонію и представить заложниками трехъ младшихъ сыновей и шестьдесятъ провансальскихъ бароновъ и богатыхъ горожанъ. Папа не утвердилъ договора, и Карлу пришлось еще долго оставаться въ плѣну; наконецъ его освободили за восемьдесятъ заложниковъ. Такъ какъ онъ не могъ выполнить тяжелыхъ условій договора, то вѣрнымъ провансальцамъ пришлось долго томиться вдали отъ родины. Между тѣмъ война арагонцевъ съ французами возобновилась, а Альфонсъ принужденъ былъ заключить, въ 1291 г., договоръ, по которому отказался отъ вмѣшательства въ сицилійскія дѣла и предоставилъ своего брата, Іакова, его собственнымъ силамъ. Онъ обязался, взамѣнъ отказа французскаго принца отъ притязаній на Арагонію, выдать провансальскихъ заложниковъ, повиноваться во всемъ папѣ и церкви и не помогать брату ни совѣтомъ, ни дѣломъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ по заключеніи договора онъ умеръ, не оставивъ послѣ себя дѣтей; ему наслѣдовалъ Іаковъ, который поспѣшилъ въ новое королевство, уступивъ Сицилію матери и брату, Фридриху II. Дѣйствуя въ интересахъ Арагоніи, онъ старался пріобрѣсти расположеніе папы, и, при его посредничествѣ, заключилъ договоръ (1294 г.) съ Карломъ Анжуйскимъ, отказавшись отъ правъ на Сицилію и женившись на дочери неаполитанскаго короля. Добрый, благочестивый Карлъ вполнѣ вѣрилъ этому противоестественному союзу Іакова съ врагомъ матери и брата, но коварный арагонецъ думалъ только объ обманѣ; ни тогда, ни впослѣдствіи онъ и не помышлялъ о выполненіи договора, какъ и доказалъ это съ самаго начала, передавъ сицилійцамъ всѣ укрѣпленныя мѣста, занятыя арагонскими войсками, и позволивъ имъ провозгласить своего брата, Фридриха, королемъ.

При такихъ обстоятельствахъ, санъ и папская власть сдѣлались въ высшей степени трудною обязанностью, такъ что честному и благочестивому человѣку не было возможности нести ее. Тѣмъ не менѣе, по смерти преемника Гонорія IV, Николая IV, всѣ полагали, что при подобной неурядицѣ лучшимъ кормчимъ церкви бу-

детъ благочестивый папа, и послѣ долгихъ совѣщаній избрали набожнаго отшельника Целестина V (1294 г.). Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Целестинъ сложилъ съ себя это бремя, бывшее ему не по силамъ, и тогда тіара досталась Бонифацію VIII (1294—1303 г.), правленіе котораго было непрерывнымъ рядомъ насилій, ненависти, лжи и святотатства. Онъ началъ съ того, что хотѣлъ хитростью отнять Сицилію у Фридриха, предоставивъ ему, взамѣнъ острова, руку племянницы послѣдняго латинскаго императора и съ нею права на Константинополь; другими словами, онъ предлагалъ ему одинъ титулъ вмѣсто дѣйствительнаго владѣнія. Быть можетъ, молодой Фридрихъ, самъ по себѣ, и вдался бы въ обманъ, но его дѣлами управлялъ Прочида, который отлично умѣлъ распознавать тѣнь отъ дѣйствительности. Впрочемъ, положеніе Фридриха было весьма затруднительно: его тѣснили братъ, папа, неаполитанскій король и французы; сверхъ того, онъ имѣлъ личнаго врага въ Руджіеро Лоріи, побѣдамъ котораго Сицилія была обязана спасеніемъ. Оскорбленный Фридрихомъ, Лорія склонился на сторону папы и французовъ и перешелъ къ Іакову. Предлогомъ къ этому послужилъ для него арагонскій законъ, по которому ни онъ, ни Фридрихъ не имѣли права воевать противъ Іакова, такъ какъ всякій сражавшійся по какому бы ни было поводу противъ короля считался виновнымъ въ оскорбленіи величества. Переходъ Лоріи къ врагамъ далъ новый оборотъ дѣлу. Іаковъ, вовсе не желавшій серьозно воевать съ братомъ, ровно ничего не предпринималъ противъ него, и былъ весьма не радъ переходу Лоріи; но, не имѣя возможности отказать ему, поручилъ, для вида, начальство надъ союзнымъ флотомъ. Лорія же, ожесточенный противъ Фридриха за конфискацію имѣній и убійство племянника, началъ дѣйствовать рѣшительно. Сицилійцы имѣли дерзость выслать противъ величайшаго адмирала того времени небольшую эскадру и поплатились за то жестокимъ пораженіемъ. Если бы Іаковъ воспользовался этою побѣдою, за которою на другой годъ послѣдовала вторая (1300 г.), сицилійское королевство окончило бы свое

существованіе. Но, вступая въ союзъ съ папой и Карломъ, онъ не имѣлъ въ виду усиливать союзниковъ на счетъ брата, а желалъ только удить рыбу въ мутной водѣ и потому, вслѣдъ за побѣдою Лоріи, возвратился подъ благовиднымъ предлогомъ въ Арагонію. Фридрихъ отлично воспользовался его уходомъ: слившись во едино съ сицилійцами, онъ отбилъ, благодаря ихъ энтузіазму, всѣ нападенія противниковъ и до того утомилъ ихъ, что въ 1302 г. они прекратили войну и заключили миръ. Карлъ II далъ ему въ замужество одну изъ дочерей и отказался въ его пользу отъ Сициліи. Эта уступка была только пожизненной, такъ что, сообразно политикѣ того времени, главная статья договора была изложена двусмысленно. Позорнѣе всего былъ исходъ войны для короля безъ земли, Карла де Валуа, такъ какъ онъ уже въ третій разъ постыдно покидалъ предпріятія, начатыя по его собственной алчности и подстрекательству папъ. Сперва онъ долженъ былъ отказаться, послѣ продолжительной борьбы, отъ подаренной ему Мартиномъ арагонской короны, потомъ, по приглашенію Бонифація VIII, сдѣлалъ попытку пріобрѣсти господство во Флоренціи, пользуясь раздоромъ партіи, но и здѣсь обманулся въ расчетѣ; наконецъ тотъ же самый папа вовлекъ его въ войну съ Фридрихомъ, и Карлъ, пріѣхавшій въ Италію въ надеждѣ покорить Сицилію, долженъ былъ воротиться домой ни съ чѣмъ. По миру, заключенному между непріятелями, Сицилія сдѣлалась наслѣдственною въ родѣ Фридриха, а Неаполь остался за анжуйской династіей.

Управленіе Карла II въ Неаполѣ и Провансѣ по возстановленіи мира могло служить признакомъ распространенія вліянія уже другихъ началъ, чѣмъ тѣ, которыя господствовали въ средніе вѣка. Въ то время въ южной Италіи началось преобразованіе итальянскаго языка въ новое тосканское нарѣчіе; торговля и промышленность получили въ ней новую жизнь, благодаря флорентинскимъ гвельфамъ, имѣвшимъ банки въ Провансѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ возникла торговля деньгами и бумажными цѣнностями, которыми провансальскіе евреи и мѣнялы торговали какъ товаромъ, а Неа-

поль, Сицилія и Арагонія вошли въ тѣсныя торговыя связи со всею Италіей. Тогда же былъ введенъ въ употребленіе и компасъ и началось настоящее мореходство, ограничивавшееся до тѣхъ поръ только береговымъ плаваніемъ; введеніе на Западѣ компаса, изобрѣтеннаго китайцами, обыкновенно приписываютъ амальфійцу Флавіо Джіоія (1320 г.). Но его стали употреблять уже гораздо ранѣе, въ концѣ двѣнадцатаго столѣтія. Наконецъ, при Карлѣ исчезли въ его королевствѣ и послѣдніе слѣды сѣверной германской простоты, занесенной норманнами: она замѣнилась восточной роскошью и пышностью, водворившимися вслѣдствіе вліянія французовъ, извратившихъ здѣсь жизнь и нравы, какъ и въ Германіи въ XVIII вѣкѣ, своими знаменитыми общественными добродѣтелями и изяществомъ. „Эта суетность,—говоритъ одинъ писатель первыхъ временъ анжуйской династіи—развратившая сердца людей и совершенно вытѣснившая прежнюю простоту, овладѣла не только королями, князьями и вельможами, но и низшими классами народа, даже тѣми, которые связали себя монашескими обѣтами нищенства.“ Такая перемѣна нравовъ, естественно, измѣнила и отношенія рыцарства къ другимъ сословіямъ; права и обязанности, бывшія для него до тѣхъ поръ только почетными и обременительными, сдѣлались средствомъ притѣсненія согражданъ. Въ Провансѣ у всѣхъ лицъ не рыцарскаго званія было отнято въ это время право покупать дворянскія имѣнія и особымъ закономъ были исключены изъ рыцарства всѣ тѣ, чьи отцы не были рыцарями, тогда какъ ни въ какой другой странѣ не помышляли о подобномъ постановленіи. Однако въ Италіи дворянство еще долгое время занималось торговлею и не пренебрегало ремеслами, благодаря которымъ эта страна процвѣтала въ средніе вѣка. Первые слѣды презрѣнія къ этой отрасли дѣятельности обнаруживаются не ранѣе XVI столѣтія и то только въ государствахъ, переставшихъ быть торговыми.

8. Литература и образованность во время крестовыхъ походовъ до начала XIV столѣтія.

1. Школьная образованность въ ея непосредственныхъ отношеніяхъ къ жизни.

а) Исторія.

Въ этомъ періодѣ замѣчательнѣйшимъ фактомъ умственнаго развитія народовъ, водворившихся въ предѣлахъ римской имперіи и принявшихъ подъ вліяніемъ христіанскихъ школъ и духовенства римское образованіе и чуждый языкъ, было появленіе историческихъ сочиненій на отечественныхъ языкахъ, написанныхъ для той части народа, которая не училась въ монастырскихъ школахъ. Такія сочиненія появились у кастильцевъ, арагонцевъ, итальянцевъ и французовъ. Нѣмцы и англичане еще продолжали писать на латинскомъ языкѣ, но и между ними встрѣчаются уже люди, подъ перомъ которыхъ исторія получаетъ значеніе для образованности, тогда какъ латинскіе лѣтописцы другихъ народовъ имѣютъ интересъ только для изслѣдователей. Въ Англіи какого нибудь Югульфа было непріятно читать даже духовнымъ, но за то Уилльяма Мальмсбёри чрезвычайно хвалятъ Леландъ Сэвилль и въ наше время Бэрингтонъ, хотя слогъ его покажется намъ слишкомъ реторическимъ и высокопарнымъ. О цѣли своей исторіи, о своей любви къ правдѣ и о документахъ, которыми онъ пользовался, Уилльямъ говоритъ такъ, что никакъ нельзя поставить его въ уровень съ другими современными лѣтописцами. Имъ написаны исторія англійскихъ королей отъ Генгиста и Горзы до Генриха I, то есть отъ 449 до 1126 г., исторія его времени отъ 1126—1143 г. и четыре книги англійской церковной исторіи. Одинъ современный намъ историкъ Генриха II такъ доволенъ исторіею Мальмсбёри, что, по его мнѣнію, англичане и въ настоящее время съ удовольствіемъ прочли бы ея буквальный переводъ. Его продолжатель,

Уилльямъ Ньюборо, написалъ пять книгъ англійской исторіи отъ норманнскаго завоеванія до 1197 г. менѣе напыщеннымъ слогомъ и съ бо́льшимъ безпристрастіемъ, такъ что англичанинъ Бэрингтонъ считаетъ его самымъ философскимъ писателемъ монашескаго періода. Но лучшій изъ англійскихъ средневѣковыхъ историковъ, писавшихъ на латинскомъ языкѣ, безспорно, монахъ изъ Сентъ-Альбанса, Матвѣй Парисъ, достовѣрность исторіи котораго не подлежитъ сомнѣнію. Онъ былъ, говорятъ, собесѣдникомъ Генриха III „за столомъ, во дворцѣ и въ кабинетѣ,“ и слѣдовательно писалъ то, что видѣлъ или слышалъ отъ короля и его приближенныхъ. Къ тому же онъ пользовался прежними документами и зналъ современныя науки и искусства. Его главное произведеніе (historia major) обнимаетъ періодъ отъ 1066 г. до его смерти, 1259 г.; впрочемъ, ему принадлежитъ только исторія послѣднихъ двадцати лѣтъ этого періода, остальное написано другимъ монахомъ, Роджеромъ Уендоверскимъ; третій, Рисгенгеръ, продолжалъ ее до 1273 г. Латинскій языкъ Париса не такъ классиченъ какъ у Мальмсбѐри или Ньюборо; но за то онъ не становится постоянно на ходули. Парисъ пишетъ чрезвычайно неровно: то остроумно и изящно, то напыщенно и вяло, но всегда съ горечью и рѣзко и дѣлается совершеннымъ санкюлотомъ или циникомъ, бичуя безъ пощады императоровъ, королей, папъ, епископовъ, прелатовъ и монаховъ; вѣроятно, духовенство англійской господствующей церкви до сихъ поръ не очень благодарно ему, потому что многое порицаемое имъ въ бытѣ духовенства существуетъ до сихъ поръ. Бароній не правъ, полагая, что онъ приводитъ ложные факты изъ ненависти къ римскому двору; намъ кажется, напротивъ, что страшная рѣзкость его противъ римскаго двора представляетъ разсказываемыя имъ событія въ ложномъ свѣтѣ, вслѣдствіе чего имъ придаютъ невѣрное значеніе. Онъ совершенно упускаетъ изъ виду, что теократическая система въ то время господствовала повсюду.

Изъ латинскихъ историковъ во Франціи только двое мо-

гутъ быть интересны для публики; остальные имѣютъ лишь значеніе для ученыхъ или изслѣдователей. Бигоръ, Глаберъ Родульфъ и Вильгельмъ де Нанжи излагали одни факты: о критикѣ и слогѣ у него нѣтъ и помину; Сигберъ де Жанблуръ, Роберъ де Монтъ и Ансельмъ писали сухія лѣтописи; Сугерій считается историческимъ авторитетомъ, такъ какъ онъ былъ правителемъ, но его никакъ нельзя признать знаменитымъ писателемъ. Изъ ряда обыкновенныхъ лѣтописцевъ выходятъ Одонъ де Дёйль, описавшій жизнь и въ особенности крестовый походъ Людовика VII, и Вильгельмъ Тирскій, историкъ крестовыхъ походовъ и Палестины. Двадцать три книги Вильгельма, описывающія дѣянія западныхъ рыцарей на Востокѣ до конца XII столѣтія, вмѣстѣ съ безъискусственными и наивными разсказами нѣсколькихъ французовъ, очевидцевъ, о первомъ крестовомъ походѣ, служатъ доказательствомъ, что исторія можетъ быть правдивою и занимательною безъ примѣси школьной философіи и софистики. Вильгельмъ Тирскій соединялъ въ себѣ всѣ свойства хорошаго писателя: зналъ западные и восточные языки, имѣлъ хорошій слогъ, былъ знакомъ съ древними, и притомъ весьма основательно, что доказывается частыми цитатами изъ Платона и заимствованными у него сравненіями. Сверхъ того, онъ былъ очевидцемъ, а иногда и участникомъ почти всѣхъ описываемыхъ имъ событій. Весьма старинный французскій переводъ его исторіи можетъ служить подтвержденіемъ того, что она была во Франціи чуть не народной книгой и приносила почти такую же пользу, какъ если бы онъ написалъ ее на отечественномъ языкѣ.

Нѣмецкая исторія, какъ и рыцарская поэзія достигли при Гогенштауфенахъ высшей степени развитія. Съ этого времени начинается въ Италіи развитіе исторіи, поэзіи, всѣхъ наукъ и искусствъ, дошедшее въ теченіе двухъ послѣдующихъ вѣковъ до такой полноты, что въ концѣ XV столѣтія французы и нѣмцы должны были заимствовать ихъ оттуда. Нѣмецкій историкъ, о которомъ мы уже упомянули выше (т. VII. стр. 53), **Оттонъ фонъ Фрейзингенъ**, сводный братъ Конрада III и внукъ Генриха IV,

знавшій всѣ современные языки и науки и столь же знаменитый между современниками ученостью, какъ и происхожденіемъ, былъ самъ участникомъ разсказываемыхъ событій. Его хроника (Chronica) составляетъ родъ всемірной исторіи для теологовъ, потому что за семью книгами исторіи слѣдуетъ осьмая, о концѣ міра. Собственно историкомъ, то есть не только разскащикомъ, но свидѣтелемъ и источникомъ, онъ является съ XI главы VII-й книги до ея конца, особенно же въ обѣихъ книгахъ о дѣяніяхъ императора Фридриха I. Здѣсь видѣнъ образованный человѣкъ знатнаго происхожденія, современникъ эпохи процвѣтанія Германіи и Италіи, борьбы итальянцевъ за свободу и возрожденія древняго римскаго права. События расположены у него чрезвычайно умно, сужденія зрѣлы, слогъ чисто римскій, но не скопированъ ни у кого; оцѣнка отечественныхъ и иностранныхъ нравовъ, учрежденій и событій обнаруживаетъ въ немъ тонкое пониманіе и свободна отъ предразсудковъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о нравахъ и обычаяхъ, чуждыхъ его соотечественникамъ. Онъ былъ близкимъ родственникомъ императора, вся жизнь котораго прошла въ спорахъ съ папою, и не смотря на то, даже Эней Сильвій, органъ папъ въ половинѣ XV столѣтія, принужденъ отдать справедливость его безпристрастію. Ко всему этому, въ немъ нѣтъ ни тѣни ханжества, такъ что на каждой страницѣ видѣнъ писатель, философски образованный и обдумавшій свой предметъ. Его исторію продолжалъ каноникъ Радевихъ, написавшій два тома и старавшійся слѣпо подражать ему. Это вполнѣ удалось только относительно слога; содержаніе его книги доказываетъ, что при одинаковомъ образованіи и равныхъ научныхъ познаніяхъ, у него было гораздо менѣе дарованій. По приглашенію Фридриха, Гюнтеръ написалъ по исторіи Оттона и Радевиха эпическую поэму Лигуринъ (Ligurinus). Онъ довелъ въ латинскихъ стихахъ исторію Фридриха до усмиренія Милана и мѣстами буквально приводитъ Оттона. Разумѣется, о поэтическихъ красотахъ не можетъ быть и рѣчи, но его стихи можно смѣло поставить на ряду съ лучшими стихотвореніями слѣдующаго столѣтія,

столь гордившагося своею латинью. Историку эта поэма можетъ быть полезна тѣмъ, что въ ней онъ ясно увидитъ смыслъ, который придавали современники нѣкоторымъ предметамъ, тогда какъ у Оттона и Радевиха нужно о немъ догадываться; Гюнтеръ же иногда весьма ловко поясняетъ его нѣсколькими строками. Мы упоминаемъ о немъ подробнѣе, для того чтобы предостеречь читателей отъ пренебреженія къ латинскимъ школамъ того времени, о которыхъ придется еще сказать нѣсколько словъ, говоря о философіи. Чтобъ составить себѣ лучшее понятіе о школьной латинской поэзіи той эпохи, нужно сравнить Лигурина съ приведенными Радевихомъ (lib. II. cap. XI) латинскими надгробными надписями. Это сравненіе покажетъ намъ, какъ писались латинскіе стихи въ школахъ и какъ, иногда, хорошо шло обученіе у людей, занимавшихся филологіей и преподаваніемъ не какъ ремесломъ, или ради славы и награды, но изъ любви къ Богу и ближнимъ; оно покажетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что уже въ то время умѣли приспособлять древность къ новымъ потребностямъ.

Объ Италіи и пиренейскомъ полуостровѣ придется, почти исключительно, говорить въ слѣдующемъ періодѣ, когда Италія затмѣвала собою остальную Европу, сосредоточивая въ себѣ всю торговлю, богатство, промышленность, искусство и науки. Потому мы обходимъ здѣсь итальянскихъ историковъ и приступаемъ къ исторіографіи особаго рода, возникшей у французовъ и совершенно свойственной ихъ національному характеру. Это такъ называемые мемуары, передающіе впечатлѣнія авторовъ, большею частью игравшихъ политическую или какую нибудь другую роль. Въ нихъ есть нѣкоторое сходство съ романами и всегда бездна анекдотовъ, остротъ, сплетенъ, а часто и выдумокъ; но за то они знакомятъ читателя съ внутреннею жизнью и домашнимъ бытомъ и передаютъ множество признаній и поясненій, которыхъ нельзя найти въ исторіи, основывающейся только на вѣрныхъ документахъ и свидѣтельствахъ. По своему характеру они могутъ быть писаны только на отечественномъ языкѣ. Къ этому періоду принадлежатъ мемуа-

ры, самые интересные въ историческомъ отношеніи и свободные отъ недостатковъ, встрѣчающихся въ позднѣйшихъ; вообще мы имѣемъ множество французскихъ мемуаровъ, весьма двусмысленнаго свойства, но мемуары, относящіеся къ XII и XIII столѣтіямъ, простыми пріемами и языкомъ вѣрнѣе всего обрисовываютъ намъ то время. Въ нихъ, какъ и у Геродота, больше естественности, чѣмъ искусства, котораго, разумѣется, еще меньше у какого нибудь Билльгардуэна и Жуанвилля, чѣмъ у многосторонне образованнаго Геродота.

Первый изъ названныхъ нами писателей былъ однимъ изъ героевъ крестоваго похода, которымъ венеціанцы хитро воспользовались, въ началѣ XIII столѣтія, для завоеванія Константинополя, а фамилія историка для пріобрѣтенія княжества въ Греціи (т. VII. стр. 164). Самъ Готтфридъ де Виллырардуэнъ, маршалъ Шампани, не былъ на столько грамотенъ, чтобы собственноручно написать свои мемуары, но онъ продиктовалъ одному капеллану исторію завоеванія Константинополя французскими баронами въ союзѣ съ венеціанцами, съ 1198 по 1207 г. Рукопись была напечатана, первымъ изданіемъ, въ 1583 г. и потомъ помѣщена дю Френъ дю Канжемъ (du Fresne du Cange) въ собраніи византійскихъ писателей, вмѣстѣ съ продолженіемъ отъ 1220 до 1240 г. и исторіей латинской имперіи въ Константинополѣ. Мы не будемъ разбирать качества произведенія Виллырардуэна, потому что разсматриваемъ его не какъ историческій источникъ, а какъ любопытное историческое описаніе. Чувства и впечатлѣнія стараго рыцаря переданы такъ естественно, что, читая продиктованныя имъ записки, которыя онъ зачастую сопровождаетъ восклицаніями, кажется будто присутствуешь при драмѣ, въ которой маршалъ играетъ одну изъ главныхъ ролей. Онъ высказываетъ совершенно откровенно и прямо алчныя, хищныя и кровожадныя мысли рыцарей, не находя въ нихъ ничего дурнаго и рядомъ съ ними трогательно описываетъ ихъ рыцарскую вѣру, благочестіе и набожность, тѣмъ болѣе сильныя, что въ нихъ нисколько не участвовалъ разсудокъ. Хотя книга его

была передѣлана въ XIV столѣтіи и, слѣдовательно, потеряла значительную долю своего первоначальнаго характера, но все же изъ нея гораздо лучше можно узнать исторію и образъ мыслей рыцарства, чѣмъ изъ латинскихъ источниковъ, латинизировавшихъ людей и событія. Впрочемъ, въ языкѣ маршала сохранилось еще на столько романскаго, что первый издатель счелъ нужнымъ перевести ее на новый французскій языкъ, теперь также устарѣвшій. Второй издатель, дю Френъ дю Канжъ, пріобрѣлъ безсмертную заслугу своими комментаріями на это сочиненіе. Гораздо замѣчательнѣе мемуаровъ Виллыгардуэна, по изложенію, слогу и языку, другое превосходное произведеніе на національномъ языкѣ,—исторія и хроника Людовика Святого, составленная Жуанвиллемъ. Къ сожалѣнію, и она ни сохранилась въ первоначальномъ видѣ, однако французскій академикъ ла Басти (la Bastie) побѣдоносно опровергъ мнѣніе, будто до насъ дошла только передѣлка сочиненія Жуанвилля, относящаяся къ XV вѣку. Впрочемъ, первый издатель Жуанвилля, Петръ ла Piё (la Rieux), напечатавшій его въ 1547 г., самъ говоритъ, что передѣлалъ текстъ, или, какъ онъ выражается, сгладилъ его (l'ayant polie) и привелъ въ лучшій видъ. Второй издатель, Клодъ Менаръ, 1617 г., не передѣлывалъ сочиненія, но приложилъ переводъ его на современномъ ему французскомъ языкѣ. Оригиналъ былъ по возможности возстановленъ въ великолѣпномъ парижскомъ изданіи in folio, 1761 г. Сверхъ того есть еще изданіе дю Френъ дю Канжа, въ которомъ соединено все, что можетъ бросить свѣтъ на послѣднюю эпоху среднихъ вѣковъ. Но какія бы измѣненія ни потерпѣлъ Жуанвилль въ слогѣ и даже въ содержаніи, тонъ и простодушные пріемы всего разсказа до того ясно изображаютъ намъ характеръ эпохи, въ которую онъ писалъ, что у него такъ же мало можно сомнѣваться въ истинѣ и вѣрности описанія, какъ въ Гомерѣ и Геродотѣ. Благочестіе, смѣшанное съ дикимъ суевѣріемъ, гордость, внушаемая владѣніемъ землями, не зависящими отъ сюзерена, высокомѣрное чванство знатнымъ происхожденіемъ чрезвычайно наивно соединяются съ чувствами покор-

ности передъ Богомъ, а при случаѣ и передъ императоромъ и королемъ; и все это передается совершенно откровенно. Читая его, понимаешь, что въ такое время крѣпостное право и презрѣніе къ горожанину и крестьянину были столь же естественны, какъ подчиненіе человѣку рабочаго скота. Разсказы о рыцарскихъ подвигахъ приводятъ въ изумленіе и при всей своей несомнѣнности производятъ впечатлѣніе рыцарскихъ романовъ или легендъ о сраженіяхъ съ драконами и исполинами. Самъ авторъ, подобно героямъ Гомера, часто сознается въ своемъ страхѣ и боязни. Онъ очарованъ благочестіемъ своего господина, однако показываетъ, что самъ не раздѣлялъ его мнѣнія о свойствахъ истиннаго благочестія. Впрочемъ, онъ хвалитъ короля съ бо̀льшимъ смысломъ, чѣмъ писатели легендъ, особенно потому, что наглядно объясняетъ намъ, какъ Людовикъ, мало по малу, поставилъ его самого на лучшую дорогу. Но при всей простотѣ и религіозности, Жуанвилль обнаруживаетъ несравненно больше здраваго политическаго такта, чѣмъ святой король, жизнь котораго онъ описываетъ, и въ своемъ естественномъ разсказѣ, безъ всякихъ искусственныхъ подраздѣленій и классификацій, передаетъ всѣ современныя событія, съ ихъ причинами и послѣдствіями, касаясь событій или сценъ не только домашней и государственной, но даже внутренней и религіозной жизни.

в) Школьная образованность.

Школы того времени имѣли несравненно больше значенія, чѣмъ обыкновенно думаютъ: въ нихъ сбирались всѣ тѣ, которые не предназначали себя къ боевой жизни, такъ какъ словесное преподаваніе и записываніе лекцій было единственнымъ средствомъ къ образованію въ эпоху, когда книгъ было мало, а существовавшія добывались съ трудомъ. Потому, знаменитый учитель дѣлался центромъ умственнаго движенія, какъ мы это видѣли въ предъидущемъ отдѣлѣ, изъ примѣра Абеляра (т. VI. стр. 352 и 355), и современники принимали такое же участіе въ спорѣ номиналистовъ съ реалиста-

ми, какъ мы въ борьбѣ политическихъ партій. По смерти Абеляра, Жильберъ де Пуаре (Poirée), Альберихъ, англичанинъ Робертъ Пуллейнъ (Pullein) и Адамъ Парвипонте, основали четыре школы реалистовъ, называвшихся порретанами альбриканами, робертинцами, парвипонтанами и нисколько не смущавшихся гнѣвомъ св. Бернара на Жильбера де Пуаре. Мы упоминаемъ объ этихъ сектахъ потому, что изъ школы одной изъ нихъ (Адама Парвипонте) вышелъ замѣчательнѣйшій человѣкъ среднихъ вѣковъ, Іоаннъ Салисбёри.

Онъ можетъ служить доказательствомъ, что мы совершенно иначе судили бы объ образованности и ученыхъ среднихъ вѣковъ, если бы книгопечатаніе было изобрѣтено двумя столѣтіями ранѣе. Его письма чрезвычайно важны для церковной и политической исторіи того времени, такъ какъ онъ участвовалъ во всѣхъ важнѣйшихъ переговорахъ и, между прочимъ, ѣздилъ посломъ Генриха II къ папѣ Адріану IV, чтобъ выпросить у него для короля права на Ирландію (т. VII. стр. 47). Это дареніе, послужившее предлогомъ къ насильственному завоеванію Ирландіи, совершилось въ силу власти, признанной за церковью Константиномъ Великимъ, предоставившимъ ей свѣтскія владѣнія. Въ дѣлѣ Томаса Беккета, Іоаннъ Салисбёри держалъ его сторону, былъ вмѣстѣ съ нимъ изгнанъ и потомъ получилъ епископство шартрское. Его письма, написанныя хорошимъ слогомъ, показываютъ въ средневѣковомъ духовномъ мыслящаго человѣка и министра, которому теперь, при господствующей всюду посредственности, нѣтъ равнаго. Изъ двухъ его сочиненій видно, что онъ судилъ о философахъ и іерархіи своего времени совершенно такъ, какъ мы судимъ о нихъ теперь. Въ одномъ изъ сочиненій (Metalogicus), напечатанномъ въ первый разъ въ 1610 г., онъ, какъ ученикъ Абеляра и другихъ сильныхъ діалектиковъ, осмѣиваетъ одностороннее направленіе современниковъ, преподававшихъ въ школахъ только діалектику и метафизику, то есть богословіе. Онъ издѣвается надъ рвеніемъ одного изъ школьныхъ философовъ, желавшаго совершенно изгнать, особенно изъ

школъ, всѣхъ языческихъ писателей и усиленно рекомендуетъ, вмѣсто нихъ, грамматику, чтеніе древнихъ и другія науки, служившія пособіемъ для изученія этихъ писателей. При этомъ онъ описываетъ свои учебныя занятія и пребываніе въ Парижѣ, которымъ очень доволенъ, и, не смотря на то, что самъ былъ отличнымъ діалектикомъ, рѣшительно высказывается противъ господствовавшаго повсюду искусства спорить, называвшагося діалектикой, и противъ основывавшейся на немъ схоластики, то есть противъ тогдашняго систематическаго богословія. Слѣдующія слова его повторитъ теперь всякій, кто любитъ науку, не будучи систематикомъ и философомъ. „Я охотно признаю, говоритъ онъ, пользу систематическаго изученія философіи, съ цѣлью обобщить, развить и упрочить другія познанія, но изученіе ея для нея самой безжизненно и безплодно." По этому онъ обвиняетъ многихъ изъ знаменитыхъ схоластиковъ въ томъ, что они, надутые своими софистическими способностями, не указываютъ пути къ чистой истинѣ, а напротивъ, всячески сбиваютъ съ него. Въ политическомъ и церковномъ отношеніи, для той эпохи, когда враждовали между собой Генрихъ II, Томасъ Беккетъ и папа (т. VII. стр. 38), важнѣе его второе сочиненіе, Поликратикъ (Polycraticus), касающееся совершенно другихъ предметовъ, но содержащее въ себѣ замѣтки о жизни и наукѣ. Въ одномъ мѣстѣ этой книги онъ презрительно относится къ философамъ своего времени; въ другомъ, говоритъ такую правду своему соотечественнику, папѣ Адріану IV, какую въ настоящее время едва ли рѣшился бы сказать папѣ кто нибудь изъ католическихъ духовныхъ. Онъ разсказываетъ (Policr. lib. II, c. 23), что во время посольства по дѣлу объ Ирландіи, Адріанъ однажды спросилъ его: что говорятъ въ свѣтѣ о папѣ и церкви? „Я откровенно скажу вамъ, отвѣчалъ онъ, что слышалъ во многихъ странахъ. Говорятъ, что римская церковь относится къ другимъ церквамъ не какъ мать, а какъ мачиха. Книжникамъ и фарисеямъ въ ней привольно и они наваливаютъ тяжесть на другихъ, а сами не хотятъ пошевелить пальцемъ, чтобы помочь имъ. Они деспотически правятъ духовенствомъ и не подаютъ хоро-

шаго примѣра паствѣ; въ ихъ домахъ роскошь, на столахъ золото и серебро, а руки ихъ сжаты скупостью. Они никогда и никому не дарятъ ничего, и бѣдные только тогда смѣютъ приблизиться къ нимъ, когда того требуетъ ихъ тщеславіе. Они взимаютъ поборы съ церквей, возбуждаютъ тяжбы, вызываютъ раздоры между духовенствомъ и его паствой и считаютъ главною выгодою религіи то, что она доставляетъ имъ богатства. У нихъ все продажно, а когда нѣтъ случая грѣшить, они, подобно падшимъ ангеламъ, хвалятся своимъ превосходствомъ. Отъ этихъ упрековъ свободна развѣ самая малая часть изъ нихъ. Самъ папа невыносимое бремя для христіанства. Всюду жалуются, что церкви, построенныя благочестіемъ отцовъ, разваливаются, алтари ихъ пустѣютъ, а папы строятъ дворцы, ходятъ въ пурпурѣ и все болѣе и болѣе утопаютъ въ роскоши. На это и многое другое громко ропщетъ народъ." „Ну, а ваше мнѣніе?" спросилъ папа. „Этотъ вопросъ ставитъ меня въ затрудненіе, отвѣчалъ Іоаннъ; противопоставляя свой голосъ общему, я былъ бы лжецомъ и льстецомъ, а съ другой стороны, боюсь подать поводъ къ неудовольствію." Здѣсь онъ вывернулся, сославшись на одного кардинала, сказавшаго въ собраніи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ папы Евгенія, что источникъ зла въ римской церкви составляютъ господствующія въ ней лживость и алчность, и затѣмъ продолжалъ: „Впрочемъ, я встрѣчалъ въ ней людей высокой добродѣтели и вовсе не корыстолюбивыхъ, и могу привести живые примѣры, гдѣ умѣренность и строгость нравовъ Фабриція соединены съ истинно христіанскими добродѣтелями. Если вы непремѣнно хотите знать мое мнѣніе, то я вамъ скажу, что хорошо слѣдовать во всемъ вашему ученію, но не подражать вашимъ дѣйствіямъ. Міръ громко привѣтствуетъ васъ и льститъ вамъ, зовя васъ господиномъ и отцомъ; но если вы дѣйствительно отецъ, зачѣмъ же вы требуете отъ дѣтей даровъ? Если же вы господинъ, отчего вамъ не повинуются ваши римляне? Вы, повидимому, хотите задобрить этотъ городъ подарками; но развѣ такимъ путемъ пріобрѣлъ его Сильвестръ? Вы ошибаетесь, святой отецъ.

Дѣлите съ другими то, что сами получили даромъ; угнетая другихъ, вы сами подвергаетесь угнетенію.“

Уже изъ этого видно, что изученіе философіи, какіе бы ни были его результаты, возбуждало въ концѣ XII и особенно въ XIII столѣтіи стремленіе къ умственной свободѣ, не сносившей гнета и преслѣдованій. Это еще яснѣе обнаруживается исторіею церкви и ерессей; но она не касается нашего предмета. Мы скажемъ только нѣсколько словъ о расширеніи сферы знаній въ XIII столѣтіи, такъ какъ о немъ будетъ рѣчь въ слѣдующемъ отдѣлѣ, въ связи съ появленіемъ въ XIV и XV столѣтіяхъ новыхъ школъ уже не духовныхъ, но чисто ученыхъ и беллетристическихъ. Со времени Абеляра, во всѣхъ книгахъ заговорили о Платонѣ и Аристотелѣ, и затѣмъ появились латинскіе переводы арабскихъ комментаріевъ великаго учителя. Это показало, какъ плохо знали въ Европѣ Аристотеля и, съ другой стороны, какъ обширны были свѣдѣнія шедшихъ по слѣдамъ грековъ аравитянъ не только въ діалектикѣ и метафизикѣ, но въ естественныхъ наукахъ и всѣхъ искусствахъ; тогда всѣ принялись за изученіе грековъ и аравитянъ. Эти занятія, а также путешествія ученыхъ прояснили монастырскую мглу, и на жизнь стали смотрѣть правильнѣе; доказательствомъ тому можетъ служить Іоаннъ Салисбѣри. Еще до него схоластикъ Аделардъ Батскій (1120 — 1140 г.) былъ знаменитъ путешествіями по Германіи, Италіи, Испаніи, Греціи, Аравіи и Африкѣ. Онъ оставилъ изслѣдованія по естественной исторіи (de quaestionibus naturalibus), не важныя по своимъ внутреннимъ достоинствамъ, но замѣчательныя исторически, какъ результатъ пребыванія его въ Салерно, гдѣ находилась значительнѣйшая медицинская школа того времени. Современникъ его, Робертъ де Ретинъ, путешествовалъ по Франціи, Италіи, Далмаціи, Греціи, Азіи, долго жилъ въ чрезвычайно образованныхъ тогда мухаммеданскихъ государствахъ, поселился на нѣсколько времени въ Испаніи, но потомъ вернулся во Францію вмѣстѣ со своимъ соотечественникомъ, Германомъ Далматою. Оба они

соединились съ Петромъ Толедскимъ, о которомъ упоминаетъ покровитель Абеляра, Петръ Достопочтенный, въ одномъ изъ писемъ къ святому Бернару (т. VI. стр. 356) и вмѣстѣ перевели Коранъ.

Относительно изученія грековъ намъ извѣстно, что между 1160 и 1170 г. аббатъ Сенъ-Дени, Одонъ, послалъ въ Грецію за книгами монаха Вильгельма, бывшаго потомъ его преемникомъ и считавшагося хорошимъ врачомъ. Но результаты его занятій намъ неизвѣстны; мы знаемъ только, что онъ доставилъ возможность одному Іоанну Сарацину или Бургундіо обогатить Западъ исправленнымъ переводомъ сочиненія, глубоко почитавшагося на Западѣ въ средніе вѣка Діонисія Ареопагита. Эта книга была переведена съ греческаго, по дурной рукописи, Эригеною Скотомъ, а Іоаннъ Бургундіо исправилъ текстъ по списку, привезенному Вильгельмомъ, и сдѣлалъ новый переводъ. Гораздо больше значенія для развитія общаго образованія и перехода къ новой цивилизаціи, начавшагося въ XIV столѣтіи, имѣли старанія Альфреда и Даніеля де Морлэ (1185 г.) о пріобрѣтеніи подлиннаго текста Аристотеля и развитіи естественныхъ наукъ; о нихъ говоритъ Вудъ въ своей исторіи оксфордскаго университета (т. I. стр. 30). Въ началѣ XIII столѣтія взглядъ учащихъ и учащихся до того расширился и новый свѣтъ съ такою силою проникъ въ школы, что самъ Иннокентій III, осуществлявшій въ свѣтскихъ дѣлахъ виды Григорія VII, и его кардиналъ и легатъ Робертъ Курсонъ, потерпѣли совершенную неудачу, когда хотѣли допустить въ ученыя школы только діалектическія сочиненія Аристотеля, не дозволяя вновь введенныхъ туда настоящей метафизики и физики великаго философа.

Императоръ Фридрихъ II оказалъ наукѣ огромную услугу, замѣнивъ подлиннымъ Аристотелемъ искаженную и изуродованную латинскую переписку дурныхъ арабскихъ переводовъ и стараясь распространить на всемъ Западѣ естественныя науки аравитянъ: однако не онъ одинъ далъ школамъ новое направленіе. Изъ весьма извѣстнаго мѣста исторіи короля Филиппа Августа, Бигора,

мы знаемъ, что по приказанію Филиппа оригиналъ метафизики Аристотеля былъ привезенъ изъ Греціи въ Парижъ тотчасъ послѣ взятія Константинополя латинянами, въ 1209 г.,—слѣдовательно, задолго до того времени, когда по приказанію Фридриха сдѣланъ былъ изумившій тогдашній міръ переводъ съ греческаго оригинала. Непосредственно послѣ Фридриха, Альфонсъ X Кастильскій обезсмертилъ себя занятіями астрономіею и реальными науками; его астрономическія таблицы послужили основаніемъ всей новѣйшей астрономіи. При дворѣ Фридриха II, Михаилъ Скотъ имѣлъ такое же значеніе, какъ Гергардъ Кремонскій при Фридрихѣ I, но, повидимому, онъ занимался больше астрологіей, чѣмъ астрономіей, по крайней мѣрѣ такъ можно заключать изъ одного мѣста Ада Данте и изъ отрывковъ толкователей этой поэмы. Впрочемъ, онъ жилъ нѣкоторое время въ Толедо, а труды французскаго ученаго Журдена, изслѣдовавшаго вліяніе Аристотеля на средніе вѣка, доказали, какое важное значеніе имѣлъ Скотъ для XIII вѣка. Позднѣе прославились переводами Аристотеля: Генрихъ Брабантскій, Вильгельмъ фонъ Мербеке и Томасъ де Кантипре. Въ какой мѣрѣ отдѣльныя лица занимались науками, показываетъ энциклопедія Венсана де Бове: онъ назвалъ свою энциклопедію зеркаломъ и посвятилъ одинъ фоліантъ въ 1200 страницъ историческимъ наукамъ, другой, въ 1800, философскимъ и третій, такого же объема, естественнымъ. Впрочемъ, онъ былъ больше компиляторъ, чѣмъ философъ. Какъ преподаватели философіи, въ XIII вѣкѣ прославились три человѣка, учившихъ въ Германіи, Италіи и Англіи и пользовавшіеся такою извѣстностью, что вся Европа считала ихъ чудомъ учености и превозносила похвалами. Это были: Альбертъ Кёльнскій, Томасъ Аквинскій и Роджеръ Бэконъ.

Альбертъ Кёльнскій или Великій, уроженецъ Лауингена, въ Швабіи, обучался въ Павіи и Болоньѣ и потомъ училъ въ Гильдесгеймѣ, Фрейбургѣ, Регенсбургѣ, Страсбургѣ и нако-

вецъ въ Кёльнѣ. Здѣсь у него учились, между прочимъ, одинъ изъ переводчиковъ Аристотеля, Томасъ де Кантипре, а впослѣдствіи Томасъ Аквинскій. Онъ былъ, безспорно, однимъ изъ величайшихъ ученыхъ всѣхъ вѣковъ. Уча попеременно въ Кёльнѣ и Парижѣ, онъ съ трудомъ согласился принять регенсбургское епископство и вскорѣ отказался отъ него, чтобъ продолжать учить мудрости, въ самомъ обширномъ объемѣ этого слова. Разумѣется, мы не станемъ повторять басенъ о его механическихъ изобрѣтеніяхъ, автоматахъ, говорящей головѣ и другихъ чародѣйствахъ, но, безъ сомнѣнія, во всемъ этомъ надо вѣрить не сущности, а формѣ разсказовъ. Впрочемъ, ихъ настоящій смыслъ не всегда такъ легко возставовить, какъ значеніе разсказа о его великолѣпной теплицѣ. Разсказываютъ, что когда его посѣтилъ въ Кёльнѣ германскій императоръ Вильгельмъ Голландскій, онъ привелъ его въ изумленіе, показавъ монастырскій садъ, гдѣ зимою царствовала весна и цвѣли растенія. Передающій это событіе считаетъ его чудомъ, а Альберта чародѣемъ, мы же объясняемъ себѣ это очень просто, полагая, что все это было не на открытомъ воздухѣ. Творенія Альберта составляютъ въ ліонскомъ изданіи (1651 г.) двадцать одинъ фоліантъ; при самомъ поверхостномъ обзорѣ ихъ нельзя не изумляться необыкновенному разнообразію познаній этого величайшаго средневѣковаго ученаго. Онъ вмѣщалъ въ себѣ, подобно Аристотелю и его комментаторамъ, Альгазелю, Альфараби, Авиценнѣ (т. V. стр. 202), трудами которыхъ пользовался, всѣ человѣческія знанія и притомъ владѣлъ ими не поверхостно и теоретически, но основательно и практически. Естественныя науки обязаны ему многимъ, а по увѣренію знающихъ дѣло, до сихъ поръ никто еще не съумѣлъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ, его переработкою сочиненія Аристотеля о свойствахъ растеній, весьма важнаго для ихъ физіологіи, но дошедшаго до насъ въ искаженномъ видѣ. Его 26 книгъ о животныхъ были съ успѣхомъ защищены противъ дерзкаго невѣжества одного нѣмца (Буле) двумя французскими учеными, Журденомъ и отличнымъ знатокомъ естественной исторіи ле

Камю (le Camus), обнаружившими при этомъ богатство собственныхъ опытовъ и наблюденій. Великій богословъ-философъ до того любилъ естественныя науки, что говоритъ о нихъ даже въ акаѳистѣ Богородицѣ (de virgine gloriosa), вообще имѣющемъ скорѣе естественно-историческій, чѣмъ религіозный характеръ.

Англійскій монахъ Роджеръ Бэконъ, благодаря похваламъ Локка и французскихъ философовъ XVIII столѣтія, обыкновенно считается единственнымъ средневѣковымъ философомъ, учившимъ понятно и практически. Это въ высшей степени несправедливо относительно людей, не имѣвшихъ претензіи быть народными учителями, но старавшихся серьознымъ обученіемъ образовать народныхъ учителей изъ немногихъ дѣльныхъ людей. Въ его время мы находимъ въ Англіи довольно много ученыхъ, знавшихъ не только богословіе и философію, но и греческій языкъ. Своими познаніями славились Іоаннъ Бэзингстоксъ и особенно Робертъ Гроссетъ, епископъ линкольнскій, переведшій прямо съ греческаго Діонисія Ареопагита, Іоанна Дамаскина и ѳеику Аристотеля съ комментаріями на нее; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ значеніе и для литературы англійскаго языка, хотя обыкновенно писалъ на старофранцузскомъ, употреблявшемся при дворѣ и въ судахъ. Онъ даже сочинялъ иногда стихи, и въ исторіи англійской поэзіи Уартона помѣщена его весьма порядочная пѣсня менестреля. Но нельзя повѣрить Уартону, вообще весьма сбивчему и плохому критику, чтобы Робертъ перевелъ Суидаса. Объ Іоаннѣ Линкольнѣ, Матвѣй Парисъ разсказываетъ, что греческому языку и высшимъ наукамъ, доставившимъ ему и его современнику Николаю прозваніе грековъ, обучила его одна замѣчательная дѣвушка. Онъ учился въ Парижѣ, и отправясь въ Аѳины, нашелъ тамъ наставницу въ двѣнадцатилѣтней дочери тамошнаго архіепископа (который могъ быть вдовцемъ), выучившей его не только греческому языку, но и наукамъ и свободнымъ искусствамъ. Мы готовы повѣрить на слово историку, что дѣвушка могла тогда публично учить въ Аѳинахъ, но никакъ не согласимся

съ нимъ, чтобы она имѣла какой-то высшій даръ и могла предсказывать землетрясенія и другія естественныя явленія. Роджеръ Бэконъ, современникъ Альберта Кельнскаго, былъ Локкомъ, д'Аламберомъ или Кондильякомъ среднихъ вѣковъ, и за то враги умозрѣній и идеализма превознесли его похвалами. Дѣйствительно, онъ былъ реаленъ, практиченъ и врагъ темнаго преподаванія и всякихъ хитростей тогдашнихъ учителей; это и придавало ему огромное значеніе въ средніе вѣка, когда обманщиковъ было безчисленное множество; но гораздо важнѣе его вліяніе на развитіе новыхъ началъ, чѣмъ дѣятельность его, какъ научнаго изслѣдователя внутренняго человѣка. Альбертъ, по всей вѣроятности, зналъ только латинскій языкъ; Роджеръ владѣлъ арабскимъ, греческимъ и еврейскимъ, былъ хорошимъ наблюдателемъ и даже въ наше время уважался бы какъ преподаватель опытной физики; но глубиною мышленія онъ далеко уступалъ Альберту, изъ школы котораго вышелъ Томасъ Аквинскій. Сверхъ того, придерживаясь той же философіи, какъ и другъ прусскаго короля Фридриха II, маркизъ д'Аржансъ, онъ подобно ему страдалъ нелѣпымъ суевѣріемъ: маркизъ вѣрилъ въ предчувствія, предзнаменованія, счастливые и несчастные дни и знаки; монахъ Бэконъ въ нелѣпости магіи и астрологіи. Онъ является предъ нами шарлатаномъ, хвастаясь въ письмѣ къ папѣ Клименту IV (въ собраніи ненапечатанныхъ анекдотовъ Thesaurus novus anecdotorum, изданномъ Мартеномъ и Дюраномъ, т. II. стр. 358), что можетъ въ три дня выучить всякаго по гречески и въ такой же срокъ по еврейски. Значительною долею славы онъ обязанъ своимъ механическимъ и оптическимъ изобрѣтеніямъ, которыми началъ новую эпоху въ наукѣ, перейдя отъ умозрѣній къ наблюденіямъ, измѣреніямъ и вычисленіямъ, составляющимъ основаніе опытныхъ наукъ. Впрочемъ, двое ученыхъ доказали, до какой степени заслуги Бэкона преувеличены изъ ненависти къ спекулятивному и богословскому направленію среднихъ вѣковъ, и какъ его восхваляли въ ущербъ другимъ. Одинъ изъ нихъ, оптикъ Смитъ, доказываетъ, что мѣсто въ сочиненіи Бэкона, гдѣ онъ будто бы го-

воритъ о телескопахъ, буквально заимствовано изъ седьмой книги Аль-Хазена (т. V. стр. 208), такъ что если тамъ дѣйствительно идетъ рѣчь о телескопахъ, то, во всякомъ случаѣ, не Бэконъ изобрѣлъ ихъ. Другой ученый, знаменитый историкъ математики, Монтюкла, говоритъ даже, что всѣ оптическія открытія, приписываемыя Бэкону, сдѣланы Аль-Хазеномъ, и что Бэконъ всюду, гдѣ отступаетъ отъ него, впадаетъ въ ошибки, которыхъ съумѣлъ избѣжать арабскій оптикъ. Изобрѣтеніе пороха приписывается ему также неправильно.

Такъ какъ это сочиненіе предназначается не для ученыхъ, то здѣсь мы только мимоходомъ упоминаемъ о богословахъ, хотя бы они были столь знамениты, какъ магистръ сентенцій (magistrer sententiarum) Петръ Ломбардъ, или какъ его комментаторъ, Александръ Гэльсъ. Первый назвалъ свою книгу сокровищемъ и, подражая евангельской вдовѣ, съ высокомѣрною скромностью принесъ свою лепту всей церкви. О Томасѣ Аквинскомъ, Дунсѣ Скотѣ и Бонавентурѣ мы будемъ говорить въ слѣдующемъ отдѣлѣ, въ связи съ великимъ итальянскимъ, философски-поэтическимъ произведеніемъ первой половины XIV столѣтія.

2. Народная литература.

а) Романская образованность и романтизмъ.

На этотъ разъ мы совершенно обходимъ Италію и Пиренейскій полуостровъ, о которыхъ придется, почти исключительно, говорить въ двухъ слѣдующихъ столѣтіяхъ, такъ какъ тамъ возникло новое направленіе литературы и писали люди, у которыхъ дѣлали заимствованія Чосеръ, Спенсеръ и Шекспиръ. Объ Англіи также нельзя сказать многаго, потому что тамъ при дворѣ, въ судахъ, парламевтѣ и законахъ употреблялись исключительно различные романскіе діалекты, такъ что даже до сихъ поръ въ государственной и юридической сферахъ сохранились старофранцузскія

названія, формулы и техническія выраженія. Романскій языкъ и романская образованость имѣли важное значеніе для среднихъ вѣковъ; на различныхъ діалектахъ этой группы говорили, пѣли, писали и состязались въ стихотворствѣ на всемъ пространствѣ отъ Тибра до Твида, отъ Рейна до Таго и Эбро. Въ шестомъ томѣ были уже указаны различные романскіе діалекты (т. VI. стр. 343); и назначеніе этой исторіи не позволяетъ разсматривать въ подробности ни ихъ, ни громадную массу стихотвореній, написанныхъ на различныхъ нарѣчіяхъ этихъ языковъ и въ различныя эпохи среднихъ вѣковъ. Массы этихъ произведеній хранятся въ парижскихъ библіотекахъ и различныхъ городахъ Франціи и Италіи; многія изъ этихъ литературныхъ сокровищъ были впервые напечатаны только въ наше время, но, не имѣя возможности останавливаться на томъ, что замѣчательно только въ литературномъ отношеніи, мы выберемъ немногое, имѣющее значеніе для исторіи цивилизаціи въ средніе вѣка.

Въ этомъ отношеніи мы должны прежде всего замѣтить, что, разсматривая всю массу, то есть всѣ различные виды повѣствовательной и лирической поэзіи трубадуровъ и труверовъ и содержащіяся въ нихъ философію, исторію, мораль, духовно-христіанскую миѳологію, патріотизмъ, идеальную любовь, набожность, геройскую жажду брани и ѣдкую, злую сатиру, мы видимъ, что жестоко ошиблись бы, считая школы единственнымъ источникомъ истиннаго народнаго образованія. Это вѣрно только для нашего времени, когда цѣлымъ классамъ народа, угнетеннымъ нуждою, нельзя и думать о веселой, общественной жизни, оживленной играми и пѣснями. Въ средніе вѣка было иначе; тогда сама жизнь имѣла поэзію; неистовая рѣзня и грабежъ смѣнялись процессіями, празднествами, турнирами, народными увеселеніями, и тотъ же феодалъ, порабощавшій своихъ крестьянъ и обиравшій горожанина, великодушно жертвовалъ жизнью за угнетенную невинность и дѣлался христіански смиреннымъ, великодушнымъ и милосердымъ.

Не упоминая о всѣхъ родахъ поэзіи этого поэтическаго, меч-

тательнаго времени, мы ограничимся самыми извѣстными и изъ повѣствовательныхъ стихотвореній,—принадлежавшихъ почти исключительно труверамъ, унизившимся впослѣдствіи до жонглерства,—назовемъ только тѣ, которыя находятся въ связи съ народными сказаніями, легендами, волшебными и чудесными разсказами и баснословными преданіями. Къ числу ихъ принадлежитъ, во первыхъ, все относящееся до короля Артура и его Круглаго Стола, то есть собиравшихся у него рыцарей (т. V. стр. 232 и 292), и всѣ поэтическіе вымыслы о святомъ Гралѣ. Это исторія сосуда, служившаго будто бы Іисусу Христу на Тайной Вечери, и въ который потомъ собрали кровь, пролитую на крестѣ. Самое слово граль (Graal) производили сначала отъ двухъ латинскихъ словъ (Sanguis realis), означавшихъ кровь Христа; но Рокфоръ производитъ его отъ винительнаго падежа греческаго слова cratera, (блюдо). По словамъ преданія сосудъ этотъ, спрятанный Іосифомъ Аримаѳейскимъ, находился въ Британніи, охраняемый чудовищами и великанами, и весь сюжетъ романовъ вертится на приключеніяхъ героевъ, отыскивавшихъ его. Къ этому же разряду принадлежитъ и романъ о Брутѣ Бренхинедѣ, послужившій источникомъ для всѣхъ сказаній объ Артурѣ. По преданію, его нашелъ въ Бретани архидіаконъ Вальтеръ Оксфордскій въ видѣ хроники, написанной на туземномъ нарѣчіи, а его другъ, уэльскій аббатъ, Готтфридъ Артуръ или Готтфридъ Монмоутъ, перевелъ эту хронику на латинскій языкъ. Изъ всего этого разсказа достовѣрно только существованіе баснословной исторіи бриттовъ отъ покоренія Трои до 689, носящей имя Готтфрида и переведенной, около 1185 г., Робертомъ Уэсомъ, на романскій языкъ въ стихахъ. Въ это же время (собственно въ 1155 г., какъ говоритъ самъ авторъ въ трехъ послѣднихъ строкахъ) нѣкто Евстафій написалъ на романскомъ языкѣ двѣнадцатистопными ямбами романъ Ру (Rou) или Роля (Роллона), въ которомъ разсказываетъ въ стихахъ исторію норманновъ совершенно такъ же, какъ Дудонъ Сенъ-Кантенскій и Вильгельмъ де Жюмье въ латинской прозѣ. Читая въ

Брутѣ о Гогѣ и Магогѣ и о происхожденіи великановъ, мы часто сомнѣвались, не имѣла ли уже арабская сказочная литература вліянія на западъ еще въ то время, какъ сочинялъ свою поэму Робертъ Уэсъ. Въ этомъ убѣждаешься, когда идетъ рѣчь о героѣ Коринеѣ, одномъ скромномъ спутникѣ Брута, чрезвычайно опасномъ для великановъ, который однажды беретъ одного изъ нихъ за плечи и кидаетъ со скалы, или объ исполинѣ Гоэтмаготѣ, вышиною въ двѣнадцать локтей, и ломающемъ дубъ какъ тростинку. Сходство съ арабскими волшебными сказками, заимствованными отъ испанскихъ мавровъ, обнаруживается еще яснѣе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсказовъ. Такъ великанъ, котораго король Артуръ убилъ на одной горѣ въ Корнваллисѣ, былъ родомъ изъ Испаніи. Артуръ говоритъ, что съ такимъ страшнымъ противникомъ онъ не встрѣчался со времени битвы съ исполиномъ Ритономъ, одежда котораго состояла изъ бородъ убитыхъ королей; однако, Артуръ убилъ его на горѣ Аравін и овладѣлъ его бородой. Принцъ нортумберлендскій, Эдвинъ, заветъ на помощь чародѣя изъ Испаніи, а въ знаменитомъ пророчествѣ Мерлина говорится: „Отъ Канау придетъ вепрь, котораго будутъ бояться далекіе аравитяне и африканцы и который покоритъ Испанію.“

Другой отдѣлъ эпическихъ поэмъ основанъ на баснословной исторіи Карла Великаго и его паладиновъ, неправильно приписываемой трирскому архіепископу Турпину (733 г.), но извѣстной уже въ 1120 г. (на латинскомъ языкѣ). Эта исторія была переложена въ романскіе стихи, въ 1207 г., и послужила матеріаломъ для множества романовъ. Къ нимъ относятся слѣдующія произведенія: Вильгельмъ Оранскій или Курносый, написанный Адене ле Руа, утверждавшимъ, что онъ первый извлекъ настоящую исторію Карла Великаго и его матери Берты изъ хроникъ Сенъ-Дени, а также написанные въ XV столѣтіи въ прозѣ: Четверо дѣтей Аймона, Доолинъ Майнцскій, Мальжеръ Эгремонтскій, Ожеръ Датчанинъ. Другимъ источникомъ для позднѣйшихъ романскихъ эпическихъ разсказовъ были 15 книгъ троянскихъ

исторій, написанныхъ въ 1260 г. Гвидо де Колонна, по латини. Онъ заимствовалъ свой разсказъ изъ плохаго произведенія Дарія Фригія, ходившаго подъ именемъ Корнелія Непота, и примѣшалъ къ нему исторію, написанную во времена Константина Великаго Септиміемъ подъ именемъ Диктиса Критскаго, кое что изъ Овидія, изъ Тебаиды Стація и изъ Аргонавтики Валерія Флакка; вся эта смѣсь была выдана за произведеніе настоящаго Диктиса Критскаго, жившаго при Неронѣ. Далѣе, цѣлый рядъ романтическихъ поэмъ возникъ изъ персидскихъ легендъ, переведенныхъ на греческій, а съ него на латинскій языкъ. Симонъ Сиѳъ, бывшій въ 1070 году протовестіаріемъ или гофмаршаломъ императора Михаила VII, и извѣстный переводомъ басенъ, приписываемыхъ Пильпаю, заимствовалъ у персіанъ, прославляющихъ даже до сихъ поръ подвиги героя Искандера, жизнь и дѣянія Александра Македонскаго; эта исторія была пущена въ свѣтъ подъ именемъ Каллисѳена. Александріады, почерпнутыя изъ этого источника, восходятъ до 1110 г. Въ эту эпоху Готье де Лилль или де Шатильонъ, написалъ Александріаду стихами, получившими потомъ названіе александрійскихъ. Романы Александра Парижскаго, Елена, Бризеида, Атисъ, Порфирія, принадлежатъ къ троянскому циклу. Изъ множества другихъ поэмъ мы назовемъ только la geste d'Alexander, надъ которою трудились нѣсколько писателей; говорили, будто переводъ этого романа принадлежалъ Ламберту де Шатодёну, а стихи и поэтическія добавленія Александру Парижскому. Но ни одинъ романъ не имѣлъ такого успѣха, какъ Партенопексъ де Блуа, Вильгельма Лорриса и Жанъ ле Менга по прозванію Клопинеля. Побочную вѣтвь этого цикла составляютъ риѳмованные рыцарскіе романы, производимые изъ Испаніи, но, кажется, только потому, что о нихъ часто упоминается въ этой странѣ въ періодъ отъ 1290—1325 г. Крестовые походы также дали матеріалъ для рыцарскихъ романовъ, къ числу которыхъ относится завоеваніе Іерусалима Ренакса. Особый отдѣлъ со-

ставляютъ le Roman du Renard, le Bestiaire, и le Chevalier du Cygne.

Всѣ аллегорическія стихотворенія, — дидактическія, эпическія, или символическія — заимствованы или переведены съ арабскаго и персидскаго. L'Enseignement d'Aristote (ученіе Аристотеля) Петра Вернона есть ни что иное какъ философскія поученія, которымъ какой нибудь восточный писатель придалъ имя Аристотеля. Долопатосъ (слово въ слово король горе и печаль) замѣчателенъ, какъ доказательство того, что уже въ средніе вѣка существовало умственное общеніе между цѣлымъ образованнымъ міромъ, и что мудрость, какъ въ доисторическое время, шла изъ Индіи. Сицилійскій король Долопатосъ и его сынъ Лусціанъ являются только для того, чтобъ связать цѣлый рядъ разсказовъ, въ родѣ того какъ Шехеразада въ сказкахъ тысячи и одной ночи. Подлинникъ, принадлежащій индійцу Сендебабу или Сендебару, былъ переведенъ сначала на персидскій, а съ него на еврейскій, сирійскій, латинскій языки, и, наконецъ, около 1260 г. переложенъ Гербертомъ въ романскіе стихи. Кромѣ переводовъ этого сочиненія въ стихахъ, существовала еще одна передѣлка въ прозѣ, подъ заглавіемъ семь римскихъ мудрецовъ, существенно отличавшаяся отъ Долопатоса; въ Долопатосѣ только семь разсказовъ, а въ прозаической передѣлкѣ его четырнадцать, изъ которыхъ семь разсказываются королями и семь мудрецами. Точно также связаны между собою 28 разсказовъ, изданныхъ подъ именемъ „Наказанія“ (Castoiement или Chastoiement) и переведенныхъ съ арабскаго крещенымъ евреемъ Петромъ Альфонсомъ, который, какъ онъ самъ говоритъ, выбралъ ихъ изъ большаго числа исторій и басенъ, откинувъ все неприличное. Подъ именемъ Fabliaux разумѣлись всевозможные нравственные, а также легкіе, шутливые, насмѣшливые, а часто и непристойные разсказы и шутки. Вообще, въ то веселое, юношеское время Европы, все перекладывалось въ риѳмы, даже Coutumes de Normandie (мѣстные законы Нормандіи) и правила Бенедикта; такимъ образомъ и совершенно обыкно-

венныя происшествія, хорошіе или дурные поступки, перелагались въ стихи, составляя коротенькія стихотворенія, называвшіяся dits или dities.

Пѣніе, сопровождаемое музыкой, было въ такомъ всеобщемъ употребленіи, что въ пѣсняхъ упражнялся всякій образованный человѣкъ; разнообразныя по содержанію, любовныя, философскія и сатирическія, онѣ были предметомъ состязаній, въ которыхъ принимали участье даже женщины высшаго общества, обыкновенно раздававшія награды. Любовныя пѣсни, смотря по формѣ и содержанію, назывались: son, chant, chanson, couplet, vers, serenade, и сочинялись даже духовными лицами; такъ, напримѣръ, Абеляръ въ свое время гораздо болѣе былъ извѣстенъ мелодіею своихъ пѣсенъ, чѣмъ своею философіею, и по всей вѣроятности самъ Бернардъ писалъ пѣсни на романскомъ языкѣ. Лэ (Lays) также имѣли лирическій характеръ, но болѣе походили на романсы, дѣлились на правильные стансы и содержали разсказы о любовныхъ происшествіяхъ, обыкновенно имѣвшихъ трагическій исходъ; они пѣлись съ аккомпаниментомъ арфы. Въ этомъ родѣ пользовались большою славою Орфей, Аликсъ, Оже и Ландри. Въ plants, или элегіяхъ выражалась сильная скорбь и глубокія религіозныя чувства, перемежавшіяся у феодаловъ и рыцарей съ свирѣпой воинственностью. Сирвентами назывались ѣдкія насмѣшки и сатирическія пѣсни, которыми богата и арабская литература; иногда онѣ содержали въ себѣ разсказъ. Пастурель нельзя назвать идилліей, потому что это было просто поэтическимъ описаніемъ всякаго сельскаго предмета: ландшафта, пастушки и т. д. Тансонами или тенцонами назывались пѣсни, которыми состязались между собою пѣвцы; германскіе миннезенгеры пѣли подобныя въ началѣ XIII ст. въ Вартбургѣ; содержаніе ихъ чрезвычайно разнообразно; тансоны, въ которыхъ являлось нѣсколько лицъ, назывались торнеаментами или турнирами.

Чтобъ имѣть точное и ясное понятіе о разнообразіи всѣхъ этихъ стихотвореній, о судахъ любви (cours d'amour) съ ихъ

рѣшеніями, состязаніяхъ поэтовъ и трудностяхъ, дѣйствительныхъ и искусственныхъ, съ которыми имъ приходилось бороться, необходимо знать своеобразныя технику и механизмъ построенія стансовъ и стиховъ. Всѣ нарѣчія романскаго языка, имѣя только ударенія, а не протяженіе слоговъ, могутъ имѣть только ямбы и трохеи; одинъ испанскій съ давняго времени усвоилъ себѣ дактиль и амфибрахій, то есть размѣръ de arte majore. Слѣдовательно, нужно имѣть музыкальное ухо дамъ, засѣдавшихъ въ судахъ, чтобъ опредѣлить степень искусства поэтовъ и соблюденія ими правилъ. Разнообразіе построенія риѳмъ и строфъ, игра созвучій и словъ и тысячи подобныхъ тонкостей доставляли различнымъ видамъ стихотвореній различныя названія, ознакомиться съ которыми можно въ сочиненіи историка трубадуровъ, Ренуара (Raynouard).

Періодъ трубадуровъ заканчивается первою четвертью XIV столѣтія, такъ какъ обыкновенно Вильгельма де Пуату считаютъ первымъ, а Фридриха II Сицилійскаго (1326 г.) послѣднимъ изъ средневѣковыхъ князей-поэтовъ. Въ XII столѣтіи по приказанію Альфонса II, короля арагонскаго и графа прованскаго, были составлены біографіи извѣстнѣйшихъ пѣвцовъ, содержащія въ себѣ небольшую дозу истины и массу лжи; изъ нихъ, монахъ Сибо составилъ новую книгу, которую Іоаннъ Нострадамусъ включилъ въ свою баснословную исторію Прованса. До насъ дошли имена болѣе 200 поэтовъ, выдаваемыхъ за первоклассныхъ. Къ нимъ, между прочимъ, принадлежатъ: Вильгельмъ IX графъ Пуату, Тибо, король наваррскій, король англійскій Ричардъ, Альфонсъ II и Петръ III Арагонскіе, Фридрихъ III Сицилійскій, нѣсколько графовъ овернскихъ, Рожеръ Бернаръ III де Фуа, Вильгельмъ Бо Оранскій, Тибо де Блазонъ, владѣльцы Куси и Арраса, графъ анжуйскій, герцогъ брабантскій, видамъ шартрскій, Готье д'Арженсъ, Гуго де Берзель и много другихъ. Но едва ли не знаменитѣйшими изъ нихъ были аббатъ Фулькъ де Торопе (т. VII. стр. 238) и марсельскій духовный Фулькъ, равно знаменитый своими любовными пѣснями и любовными похожденіями. Арнальда Даніеле,

Фулька и нѣкоторыхъ другихъ, Данте обезсмертилъ, около 1317 г., своею поэмою. Онъ хвалитъ также Феди (Faydit), о которомъ Петрарка говоритъ, что языкъ замѣняетъ ему шлемъ, щитъ, мечъ и копье. Бертранъ де Борнъ (т. VII. стр. 49) имѣлъ такое вліяніе на распрю Генриха II Англійскаго съ сыновьями, и послѣднихъ между собою, что его ядовитые сирвенты, переходя изъ устъ въ уста отъ Гаронны до устьевъ Сены, безпрестанно были причиною убійствъ и поединковъ. Іоанна Безземельнаго онъ до того раздражалъ и приводилъ въ ярость своими злыми сатирами, что Данте помѣстилъ его въ нижній кругъ ада, между зачинщиками распрей, говоря, что совѣты его адскихъ стиховъ были пагубнѣе для короля Іоанна, чѣмъ нѣкогда совѣтъ Ахитофела могъ быть для Давида.

в) Нѣмецкая литература и образованность.

Время крестовыхъ походовъ, освятивъ рыцарство и любовь, придало новую прелесть существованію тѣхъ, кто могъ носить оружіе и платить за него; остальныхъ оно придавило еще болѣе прежняго. Въ Германіи, какъ и въ романскихъ земляхъ, только среди рыцарей были пѣвцы; между горожанами, пѣніе, веселость и удобства жизни появились только съ развитіемъ городовъ и ремеслъ, когда богатство перешло къ среднему сословію, а задолжавшее рыцарство обѣднѣло. Соединеніе Бургундіи и Арелата съ Германіею могло быть вреднымъ въ политическомъ отношеніи, но на образованность оно имѣло благодѣтельное вліяніе; туда проникалъ изъ Арагоніи и Каталоніи свѣтъ цивилизаціи; тамъ сохранилось многое отъ римской культуры и процвѣтали еврейскія заведенія; даже греческая цивилизація оставила въ томъ краѣ такіе глубокіе слѣды, благодаря Марсели, бывшей во времена римлянъ вторыми Аѳинами, что остатки ихъ замѣтны до настоящаго времени. Связь Германіи съ романскими землями имѣла тѣмъ больше вліянія, что и въ странѣ валлоновъ, принадлежавшей тогда Германіи, и на всемъ лѣвомъ берегу Рейна умѣли говорить по романски, такъ что св. Бер-

наръ могъ проповѣдывать народу крестовый походъ на романскомъ языкѣ и всегда имѣлъ значительное число понимавшихъ его слушателей. Частые походы въ Римъ и тѣсныя сношенія съ Константинополемъ при Оттонахъ и Конрадѣ III развили въ Германіи вмѣстѣ съ пороками цивилизація, на которые жалуются историки, и любовь къ искусствамъ и наукамъ, особенно въ рыцарскомъ сословіи, пока оно еще не обѣднѣло отъ крестовыхъ походовъ. Впослѣдствіи цвѣтущіе итальянскіе города вошли въ торговыя сношенія съ Любекомъ и Гамбургомъ и торговый путь пошелъ на Нюрнбергъ, Аугсбургъ, Брауншвейгъ и т. д. Штеттинъ, Данцигъ и нижнесаксонскіе города, Эймбекъ, Нордгаузенъ, Геттингенъ, Минденъ и др. приняли участье въ сѣверной торговлѣ, бывшей исключительно въ рукахъ нѣмцевъ. Скандинавія, нынѣшнія остзейскія провинціи и Пруссія обогащали Германію, а рудники Гарца и Рудныхъ горъ, въ началѣ весьма обильные, значительно увеличивали массу серебра, въ то время еще не умножившуюся разработкой американскихъ рудниковъ. Сверхъ того, изъ исторіи Австріи извѣстно, что Вѣна, бывшая долгое время незначительнымъ мѣстечкомъ, пріобрѣла важное значеніе торговлей съ Константинополемъ, а впослѣдствіи венеціанцы нашли выгоднымъ сдѣлать ее складочнымъ мѣстомъ своей константинопольской и придунайской торговли.

Всѣ эти обстоятельства парализировали неблагопріятное вліяніе суроваго и сыраго климата, объусловливаемаго лѣсами, болотами, рѣдкимъ населеніемъ, дурною обработкою почвы, и вопреки ему давали нѣмцамъ возможность, во всей Германіи, а особенно въ Швабіи, Франконіи, Австріи и Швейцаріи, жить веселою жизнью романскихъ народовъ и воспѣвать рыцарство и любовь. Мы не станемъ разсматривать здѣсь, на сколько эти пѣсни и рыцарская поэзія отличались первоначально отъ романскихъ, но не можемъ не сказать, что замѣчаемъ въ нихъ больше подражанія, чѣмъ самостоятельности и оригинальности. Попадаются, конечно, великія исключенія, какъ напр. Пѣснь о Нибелунгахъ и нѣкоторыя другія, чисто германскія, но они рѣже встрѣчаются въ повѣствовательномъ родѣ, чѣмъ въ

лирическомъ, гдѣ замѣтно существенное различіе между германскимъ характеромъ, со свойственною ему истинною, сердечною, но не идеальною или идеализированною любовью и отличительными качествами романскихъ народовъ: остротою, умомъ, сильною злобой, идеализированной любовью, философскою колкостью и земною, но направленною на божественные предметы, страстью. Чтобъ убѣдиться въ отсутствіи самостоятельности въ эпическихъ стихотвореніяхъ, достаточно вспомнить о Парцивалѣ Вольфрама фонъ Эшенбаха и Тристанѣ Готтфрида Страсбургскаго: первый основанъ на романской поэмѣ о святомъ Гралѣ, второй составляетъ передѣлку романской же поэмы о Тристанѣ и Изольдѣ (Tristan et Iseult), написанной въ прозѣ и въ стихахъ рыцаремъ Гастомъ, изъ окрестностей Салисбёри (1170 г.).

Вообще, чистота, сила и гибкость тогдашняго языка, богатство его оборотовъ, приспособлявшихся и къ гомерическому тону Нибелунговъ и къ идеализму Вольфрама фонъ Эшенбаха, доказываютъ сильное развитіе жизни и довольно высокую степень общественнаго образованія. Сравнивая стихи миннезенгеровъ съ позднѣйшими топорными произведеніями мейстерзенгеровъ, нѣмецкіе патріоты не могутъ не скорбѣть, сознавая, какъ сильно подвинулись назадъ и языкъ и общественное развитіе. Необычайное богатство языка и діалекты, какъ нельзя болѣе годные для поэзіи, были забыты въ позднѣйшую эпоху; письменнымъ языкомъ сдѣлался другой діалектъ, неимѣвшій превосходныхъ свойствъ прежде выработаннаго. Позднѣе Лютеръ употреблялъ старинное нарѣчіе, зная силу и богатство нѣмецкаго языка и умѣя ими пользоваться; но кромѣ его некого назвать.

Въ стихахъ рыцарскаго періода больше всего изумляютъ насъ легкость и гибкость, отличающія даже чисто народныя произведенія, особенно если сравнить эти свойства съ несовершенствомъ большей части житейскихъ отношеній, неудобствомъ и неуютностью домашней обстановки. Относительно внѣшней формы стихотвореній нѣмцамъ сильно помогало то свойство языка, по которому въ стихахъ

берутся въ расчетъ не только риѳмы и число слоговъ, но и ихъ протяженіе; это давало возможность разнообразить стихъ до нельзя. Намъ кажется, что когда началось искусственное стихосложеніе и риѳмованіе, первоначальною туземною формою были простыя, парныя риѳмы; затѣмъ уже, изъ арабской, лимузенской, каталонской и провансальской поэзіи были взяты перекрещивающіяся и повторяющіяся по извѣстнымъ правиламъ риѳмы; аллитерація и игра созвучій перешли въ средневѣковую поэзію изъ сѣверныхъ языковъ.

Какъ уже замѣчено выше, даже лучшіе изъ рыцарей-пѣвцовъ подражали романскимъ стихотвореніямъ или, правильнѣе, искусною передѣлкою превращали ихъ въ нѣмецкія оригинальныя произведенія. Потому, нѣмецкія повѣствовательныя поэмы подходятъ почти подъ тѣ же разряды или циклы, на которые распадаются соотвѣтствующія имъ романскія произведенія. Исключеніе составляютъ только поэмы: Король Ротгеръ (Koenig Rother), Императорская Хроника (Kaiser-Chronik), Пѣсня мейстера Гильдебранда (Lied vom Meister Hildebrand), Розовый Садъ (Rosengarten), Пѣснь о Нибелунгахъ (Niebelungenlied) и Книга Героевъ (Heldenbuch). Изъ нихъ мы должны разобрать нѣсколько подробнѣе Пѣснь о Нибелунгахъ, имѣвшую множество изданій и поясненій и пользующуюся такимъ уваженіемъ, что знатоки даже считаютъ ее нѣмецкой Иліадой.

О происхожденіи пѣсней Гильдебранда, Вальтаріуса и Нибелунговъ существуетъ множество гипотезъ, но достовѣрно извѣстно только то, что Пѣснь о Нибелунгахъ окончательно получила тотъ видъ, въ которомъ дошла до насъ, въ 1210 г., что въ то же время была написана Жалоба Нибелунговъ, находящаяся въ связи съ этой поэмой, и что оба эти произведенія принадлежатъ къ собственно германскимъ сказаніямъ. Затѣмъ мы не будемъ уже останавливаться на предположеніяхъ ученыхъ изслѣдователей объ отношеніяхъ Нибелунговъ къ такъ называемымъ сагамъ Зигфрида и Дитриха, въ которыхъ хотятъ видѣть обозрѣніе исторіи и поэзіи. По этимъ же изслѣдованіямъ сюда относится и поэма Гудруна, но

опять таки эта связь между ними скрывается во мракѣ. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ средневѣковой германской литературы считаетъ Гудрупу дополненіемъ Нибелунговъ, нѣмецкою Одисеею возлѣ нѣмецкой Иліады: это пѣснь о вѣрности, какъ добродѣтели геройскихъ временъ. И эта поэма имѣла въ XII столѣтіи не тотъ видъ, какой получила въ четырнадцатомъ. Въ ней соединены три элемента: британскій или какой нибудь другой, но заимствованный, сѣверный, именно взятый изъ извѣстнаго сказанія о Гёгинѣ и Эдинѣ и составляющій середину поэмы, и собственно нѣмецкій,—судьбы Гудруны. Книга героевъ также имѣла первоначально другой видъ и была передѣлана въ XIII столѣтіи двумя извѣстнѣйшими писателями того времени: Вольфрамомъ фонъ Эшенбахомъ и Генрихомъ фонъ Офтердингеномъ.

Изъ другихъ поэмъ рыцарскаго періода, все касающееся Карла Великаго—не германскаго происхожденія, а заимствовано изъ романскихъ источниковъ. Изъ британнскаго сказочнаго цикла взяты Титурель, или хранитель Граля, переложенный въ нѣмецкіе стихи Вольфрамомъ фонъ Эшенбахомъ частью (1270 г.), а Альбертомъ Гальберштадтскимъ вполнѣ, и Парциваль, вполнѣ обработанный Вольфрамомъ. Поэму Лоэнгринъ (Lohengrin), напечатанную въ нынѣшнемъ столѣтіи, относятъ къ тринадцатому, но она навѣрно написана не ранѣе половины четырнадцатаго. Исторія троянской войны также заимствована изъ романской литературы, но ее передѣлывали лучшіе поэты того времени и совершенно усвоили нѣмецкой. Одна передѣлка этого богатаго сюжета принадлежитъ Вольфраму фонъ Эшенбаху, другая Конраду Вюрцбургскому, третья неизвѣстному автору. Почти то же самое можно сказать и о баснословной поэмѣ Александръ Великій, также передѣланной въ трехъ видахъ.

Энеида Генриха фонъ Фельдека совершенно самостоятельное произведеніе; хотя въ основаніи его лежитъ Энеида Виргилія, но авторъ съумѣлъ примѣнить ее къ обычаямъ и нравамъ своего времени; у него весь ходъ событій другой, чѣмъ у

Виргилія, которому онъ не слѣдутъ ни въ содержаніи, ни въ раздѣленіи поэмы на пѣсни. Сравненіе обѣихъ Энеидъ было бы интересно въ томъ отношеніи, что показало бы, какъ различно понимали паѳосъ во время Августа и въ средніе вѣка и на сколько отличалась тогдашняя римская аристократія отъ лучшей части добродушнаго, честнаго, простаго и религіознаго германскаго рыцарства. Авторъ Энеиды написалъ еще небольшую героическую повѣсть подъ названіемъ герцогъ Эрнстъ. Альбрехтъ Гальберштадтскій передѣлалъ точно такимъ же образомъ Превращенія Овидія. Судя по размѣру Энеиды Фельдека, она назначалась для пѣнія.

Лирическія и дидактическія стихотворенія были, повидимому, болѣе самостоятельны, чѣмъ эпическія, но и они необходимо должны были находиться въ зависимости отъ римскихъ образцовъ: лирическія, вслѣдствіе тѣсной связи Германіи съ южною Франціей и Италіей, повсемѣстнаго во всѣхъ этихъ странахъ обожанія Богородицы и идеализированія любви, а дидактическія, потому что изъ романскихъ странъ распространились арабскія, персидскія и индійскія нравоучительныя сочиненія. Въ новѣйшее время издано отдѣльно или сборниками множество средневѣковыхъ любовныхъ пѣсенъ (Minnelieder). Съ отличительнымъ характеромъ этихъ пѣсенъ лучше всего можно познакомиться изъ сочиненій знаменитѣйшаго изъ миннезенгеровъ, состязавшихся въ Вартбургѣ, Вальтера фонъ деръ Фогельвейде. Его жизнь, поэтическія достоинства и стихотворенія описаны лучшимъ изъ новѣйшихъ швабскихъ народныхъ поэтовъ, Уландомъ (Штуттгартъ, 1822 г.), и это описаніе даетъ намъ самое полное понятіе о поэтическомъ бытѣ германскихъ трубадуровъ швабскаго періода. Впрочемъ, изъ пѣсней Вальтера видно, что даже лучшіе миннезенгеры не имѣли независимаго матеріальнаго положенія трубадуровъ, а изъ за насущнаго хлѣба переходили отъ одного князя къ другому. Гогенштауфены, ландграфы тюрингскіе и герцоги австрійскіе второй бабенбергской линіи славились своей щедростью въ отношеніи къ этимъ пѣвцамъ, странствовавшимъ по коронаціямъ, сеймамъ, свадь-

бамъ и тому подобнымъ торжествамъ. Миннезенгеры были рыцарскаго происхожденія, но принадлежали къ низшему дворянству, такъ что между ними мы не встрѣчаемъ такого множества князей, феодаловъ и аббатовъ, какое Ренуаръ насчитываетъ между своими соотечественниками. Въ началѣ XIII столѣтія Леопольдъ VII Австрійскій славился тѣмъ, что имѣлъ лучшихъ миннезенгеровъ при своемъ дворѣ, которому давали названіе „der minnigliche Hof von Wienne.“ Герцогъ каринтійскій Бернгардъ, дядя Леопольда Генрихъ, патріархъ аквилейскій, графъ Бертольдъ Андехскій также имѣли при себѣ миннезенгеровъ. Въ Австріи жили лучшіе пѣвцы того времени: Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ, Вальтеръ фонъ деръ Фогельвейде, Рейнмаръ Старшій и Генрихъ фонъ Офтердингенъ. Рейнмаръ Старшій участвовалъ въ крестовомъ походѣ Леопольда въ 1216—1217 г. Первыя порядочныя хроники появились также въ Австріи, именно риѳмованная хроника, подъ заглавіемъ Княжеская книга Австріи и Штиріи, сочиненная штирійцемъ Іоанномъ Эннеклемъ, и Универсальная Хроника, въ стихахъ и въ прозѣ. Фридрихъ Воинственный также покровительствовалъ наукамъ и искусствамъ, не смотря на войну съ императоромъ Фридрихомъ; даже уничтоживъ привилегіи, дѣлавшія Вѣну имперскимъ городомъ (1240 г.), онъ сохранилъ основанную императоромъ школу, походившую на открытую гимназію. Его вассалъ, Ульрихъ фонъ Лихтенштейнъ, владѣтель Мурау, знаменитъ служеніемъ женщинамъ, воспѣтымъ имъ въ поэмѣ, также названной Служеніе женщинамъ (Frauendienst). При дворѣ Фридриха жили пѣвцы Нитгардъ Тангузеръ, Пфеффель, Братъ Вернеръ, и самъ герцогъ вмѣстѣ съ Тангузеромъ игралъ для дамъ танцы.

Ландграфъ тюрингскій Германъ (1195—1215 г.) пріобрѣлъ славу покровителя пѣвцовъ знаменитымъ вартбургскимъ состязаніемъ. Подъ именемъ Мейссенца, Вальтеръ и Тангузеръ восхваляли, должно быть, Генриха Сіятельнаго. Германъ далъ средство Генриху фонъ Фельдеку заниматься Энеидой въ про-

долженіе девяти лѣтъ; при его же содѣйствіи Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ написалъ Вильгельма Оранскаго, а Альбрехтъ Гальберштадтскій передѣлалъ Превращенія Овидія. Вальтеръ фонъ деръ Фогельвейде также бывалъ часто при дворѣ ландграфа и участвовалъ въ вартбургскомъ состязаніи, относимомъ лѣтописцами къ 1207 г. Въ точности этого хронологическаго указанія мы не ручаемся и не оспариваемъ ея; достовѣрно только то, что описаніе состязанія сохранилось въ сборникѣ любовныхъ пѣсенъ, который цюрихскій ученый Рюдигеръ неправильно называетъ Манессой (II. 1 — 16). Благодаря этому сборнику, мы знаемъ нѣмецкія формы тансоновъ. При состязаніи пѣвцы выходили одинъ послѣ другаго. Генрихъ фонъ Офтердингенъ восхваляетъ герцога австрійскаго, Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ и другіе—ландграфа Германа. Вальтеръ фонъ деръ Фогельвейде начинаетъ съ того, что сравниваетъ съ герцогомъ австрійскимъ французскаго короля и хвалитъ его больше всѣхъ; потомъ, однако, восхваляетъ и герцога, но для того только, чтобъ искуснымъ оборотомъ рѣчи превознести ландграфа, на хвалахъ котораго вертится все состязаніе. Вальтеръ говоритъ, что если Леопольдъ день, то Германъ солнце, а солнце выше дня.

Впрочемъ, въ Германіи этотъ родъ поэзіи не могъ произвести пѣвцовъ равныхъ каталонскимъ, провансальскимъ и лимузенскимъ; онъ не могъ вдохновить Гвида Кавальканти, Гвиничелли, Данте и Петрарки. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ вспомнить, что даже такой человѣкъ, какъ Вальтеръ, получившій, впрочемъ, впослѣдствіи имперскій ленъ, принималъ одежду и деньги на выкупъ своихъ заложенныхъ вещей и самъ хвалится тѣмъ, что никогда не бралъ стараго платья. Это объясняетъ намъ, какимъ образомъ сынъ Фридриха II, Генрихъ, могъ развратиться въ обществѣ пѣвшихъ и игравшихъ блюдолизовъ и пьяницъ, приходившихъ къ нему изъ романскихъ странъ (т. VII. стр. 267).

По опредѣленію Вальтера настоящая лирическая пѣснь (Minnegesang) состояла въ воспѣваніи птичекъ, лѣса, лѣта и зимы,

рыцарей и женщинъ, цвѣтовъ, служенія дамамъ и любви. Впрочемъ, Рейнмаръ Старшій и Генрихъ фонъ Морунгенъ замѣтнѣе приближаются къ идеализму, чѣмъ совершенно практическій Вальтеръ. По мнѣнію Уланда, онъ во многомъ близокъ къ такъ называемымъ мейстерзенгерамъ, особенно же по вычурности, искусственности и замысловатости формъ; онъ приписываетъ ему изобрѣтеніе до 80 различныхъ стихотворныхъ формъ. Вмѣстѣ съ Вальтеромъ относятъ къ мейстерзенгерамъ и Вольфрама фонъ Эшенбаха, Клингзора, Генриха фонъ Офтердингена и Рейнмара фонъ Цветера. Рейнмаръ, повидимому, ближе къ нимъ, чѣмъ къ миннезенгерамъ. У него формы педантичнѣе, чѣмъ у другихъ современниковъ, а содержаніе отличается дидактизмомъ и нравоучительными тенденціями, такъ что онъ больше походитъ на позднѣйшихъ цеховыхъ и мастеровыхъ писателей буржуазіи, чѣмъ на пѣвцовъ рыцарства, заботившихся только о прелести и блескѣ красокъ.

Пользуясь враждою Фридриха II съ папами, Вальтеръ фонъ деръ Фогельвейде и Братъ Вернеръ предостерегали народъ отъ обмановъ духовенства и учили его отличать религію отъ свѣтскихъ стремленій папъ. Имъ вторилъ въ XIV столѣтіи Оттокаръ фонъ Горнеккъ вмѣстѣ со многими мейстерзенгерами. Уландъ доказалъ, что Горнеккъ, авторъ штирійской стихотворной хроники, шелъ по слѣдамъ Вальтера, когда разоблачалъ передъ народомъ злоупотребленія церкви.

VI. ЗАПАДЪ

ВО ВРЕМЯ ПОСЛѢДНИХЪ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

1. Италія вообще и Церковная область, Римъ, Флоренція, Пиза и Миланъ въ особенности.

Въ концѣ XIII столѣтія Италія находилась въ весьма странномъ положеніи. На югѣ, наслѣдственныя владѣнія Гогенштауфеновъ перешли къ анжуйской и арагонской династіямъ, а на сѣверѣ и въ серединѣ полуострова процвѣтало множество небольшихъ государствъ, между которыми сильнѣйшими были Флоренція, Миланъ, Венеція, Генуя и Пиза. Внутреннее состояніе страны представляло всюду одинаковыя явленія: страшную неурядицу, дикія страсти, жестокость, развратъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣятельность, богатство, пышность, самостоятельность каждаго мѣстечка, развитіе ремеслъ и искусствъ и превосходную обработку почвы. Во всей Италіи процвѣтали науки и искусства; къ этой эпохѣ относятся художественные памятники, которымъ мы до сихъ поръ удивляемся. Въ Венеціи была построена въ концѣ XI столѣтія церковь св. Марка, въ Пизѣ, около того же времени, каѳедральный соборъ,

созданіе Бускетто, и великолѣпная церковь Іоанна Крестителя; въ Монте Кассино, при аббатѣ Дезидеріи, преемникѣ Григорія VII,— громадная церковь, сооруженная амальфійскими рабочими и мастерами. Къ послѣдующему времени относятся соборы феррарскій, моденскій, до сихъ поръ еще возбуждающій удивленіе; въ 1184 г. болонцы выстроили новый соборъ на мѣсто сгорѣвшаго въ 1142 г. Почти тогда же миланцы вывели вмѣсто разрушенныхъ Фридрихомъ Барбароссою новыя стѣны, въ большемъ размѣрѣ противъ прежняго и съ мраморными воротами; Кремона, Пиза и Феррара также окружили себя новыми стѣнами, особенно великолѣпными въ первыхъ двухъ городахъ. Въ эту же эпоху были выстроены шесть знаменитѣйшихъ башенъ св, Марка въ Венеціи, дельи Азинелли въ Болоньи, падающая башня въ Пизѣ, съ 207 колоннами, о которой упоминается въ каждомъ курсѣ физики, и башни въ Моденѣ, Кремонѣ и Флоренціи. Строитель венеціанской башни св. Марка, Буона, построилъ также башни въ Неаполѣ, Пистоіѣ, Флоренціи и Ареццо. Для наукъ и литературы, въ концѣ XIII столѣтія началась одна изъ самыхъ блестящихъ эпохъ во всей исторіи человѣчества. Преподаваніе могло показаться съ перваго взгляда недостаточнымъ, но кто вникнетъ въ него глубже, тотъ увидитъ, что оно было такъ хорошо приспособлено къ развитію идей и вмѣстѣ къ потребностямъ жизни, что все школьное искусство послѣдующихъ временъ, разъединившее науку и жизнь, едва ли давало лучшіе результаты. Еще задолго до Данте и Петрарки, время которыхъ обыкновенно считаютъ эпохою возрожденія изученія древнихъ, Буонкомпаньо и Боначчіо (т. VII. стр. 259) старались возбудить охоту къ классическимъ занятіямъ и ввести древнее краснорѣчіе въ государственную и общественную жизнь. Они учили по сосѣдству другъ отъ друга, одинъ въ Болоньѣ и Падуѣ, другой въ Бергамо. По смерти Буонкомпаньо, его каѳедру занялъ другъ канцлера Петра Девиня, Бене, который говорилъ о своемъ предшественникѣ, что онъ съ утра до вечера трудился для своихъ учениковъ и какъ второй Моисей читалъ имъ божественныя на-

ставленія. Въ другихъ городахъ точно также трудились другіе дѣятели, и вліяніе школы, воспитывавшей тогдашнее поколѣніе въ духѣ древнихъ, отражалось въ слогѣ книгъ, бумагахъ папскаго кабинета и документахъ того времени. Въ книгахъ и на лекціяхъ наука касалась даже практическихъ житейскихъ занятій, какъ, напримѣръ, земледѣлія и орошенія почвы.

Взаимныя отношенія отдѣльныхъ итальянскихъ государствъ, конечно, опредѣлялись не международнымъ правомъ, о соблюденіи котораго не могло быть и рѣчи въ ту эпоху. Морское право имѣло законную силу, но нарушалось такъ же часто, какъ международное. Впрочемъ, новѣйшее морское право обязано своимъ происхождеденіемъ не пизанцамъ, какъ полагали прежде, принявшимъ въ 1081 г. морскіе законы родосцевъ (т. I. стр. 233); оно основано на каталонскомъ правѣ, введенномъ въ Италіи подъ именемъ Consolato del mare (т. VII. стр. 63), а затѣмъ принятомъ и другими морскими государствами Средиземнаго моря. Къ этому же времени относятся учрежденія, совершенно неизвѣстныя древнимъ: банки и бумажныя представители цѣнности или векселя. Они необходимо должны были возникнуть именно въ Италіи, потому что итальянцы сбирали повсюду различные папскіе доходы и дани и пересылали ихъ въ Римъ, или захватывали доходнѣйшія церковныя мѣста. Сверхъ того они давали взаймы подъ проценты и часто по своему ростовщичеству дѣлались такою язвою для народа, что не разъ бывали изгоняемы закономъ изъ разныхъ странъ. Векселя и торговля деньгами вызвали основаніе различныхъ банковыхъ учрежденій; города, обыкновенно производившіе взаимныя расплаты векселями, а именно Римъ, Генуя, Венеція, Піаченца, Лукка, Болонья, Пистоія, Асти, Альба, Флоренція, Сіена и Миланъ—имѣли общій банкъ въ Монпеллье; въ 1278 г. онъ былъ перенесенъ въ Римъ, и тогда уполномоченные этихъ городовъ заключили съ французскимъ королемъ договоръ, по которому банкъ, получившій множество привилегій, сдѣлался почти государствомъ въ государствѣ.

Имена названныхъ городовъ показываютъ, что вексельными

оборотами занимались преимущественно города, лежавшіе внутри страны; но всемірная торговля была почти исключительно въ рукахъ венеціанцевъ и генуезцевъ. Они имѣли факторіи въ Египтѣ и Сиріи, владѣли цѣлыми областями и островами въ греческой имперіи, на черноморскомъ прибрежьѣ, въ Крыму и на Азовскомъ морѣ. Египетъ процвѣталъ торговлею венеціанцевъ, а генуезцы, имѣя складочные пункты въ Крыму, вели торговлю съ Китаемъ, которая, говорятъ, была оживленнѣе новѣйшихъ сношеній англичанъ и голландцевъ съ этой страной. Разсказываютъ, что въ Италіи въ половинѣ XIV столѣтія были извѣстны въ точности всѣ путевыя станціи отъ Азова до Китая, и этому можно повѣрить, зная, что венеціанецъ Марко Поло проѣхалъ черезъ внутреннюю Азію въ Индію и Китай и потомъ, будучи въ плѣну у генуезцевъ, долженъ былъ описать свое путешествіе и разсказывать, о немъ, въ присутствіи огромной публики.

Фабрики и ремесла процвѣтали въ итальянскихъ городахъ въ такой же степени, какъ изящныя искусства. Одновременно съ разведеніемъ шелковичныхъ червей распространилось искусство ткать шелкъ и выдѣлывать бархатъ, золотыя и серебряныя парчи. Происхожденіе двухъ послѣднихъ отраслей промышленности объясняютъ различно. Одни говорятъ, что съ ними итальянцы познакомились въ Греціи, во время походовъ норманно-сицилійскаго короля Рожера II, другіе, что это случилось при взятіи Лиссабона въ 1147 г. (т. VI. стр. 450), когда генуезцы помогали португальцамъ. Шерстяныя фабрики были главнымъ источникомъ богатства флорентинцевъ, которые впрочемъ вели значительную торговлю и фландрскими сукнами.

Въ Римѣ, сенаторъ или подеста (т. VII. стр. 284) имѣлъ больше власти и значенія, чѣмъ папа; но онъ весьма рѣдко бывалъ тѣмъ, чѣмъ слѣдовало, то есть защитникомъ народа противъ гнета аристократіи. Положеніе папъ становилось болѣе и болѣе труднымъ. Стремленіе къ свѣтскому владычеству вовлекало ихъ во всевозможныя злоупотребленія, возстановлявшія противъ нихъ даже

самыхъ благочестивыхъ людей. При Бонифаціи VIII и его второмъ преемникѣ, Климентѣ V (1305—1314 г.), мѣра безчиній папской власти переполнилась; церковные поборы производились съ неслыханной наглостью и еще съ бо́льшимъ безстыдствомъ тратились собранныя съ христіанъ деньги, такъ что нечего удивляться негодованію противъ нихъ великаго Данте, помѣстившаго Климента рядомъ съ Симономъ Магомъ, а Бонифація еще ниже, въ самой глубинѣ ада. Впрочемъ, по смерти Фридриха II, народы были до того озлоблены на папъ за ихъ злоупотребленія, что римскій дворъ не отваживался простирать свою алчную руку даже на Германію, гдѣ господствовала страшная неурядица. Это видно, между прочимъ, изъ письма Климента IV (1265—1268 г.) къ Карлу I Анжуйскому, характеристически обрисовывающаго тогдашнее положеніе папъ. Жалуясь на совершенный недостатокъ въ деньгахъ, Климентъ объясняетъ его такимъ образомъ: „Англія больше не помогаетъ намъ, Германія едва повинуется, Франція стонетъ и жалуется, Испанія увѣряетъ, что не можетъ свести концовъ съ концами, а Италія только и думаетъ, какъ бы поживиться на нашъ счетъ; откуда же взять папѣ для себя и другихъ денегъ и войска, если онъ боится Бога и общественнаго мнѣнія?“ Въ слѣдующемъ столѣтіи, когда въ Германіи исчезла энергія Гогенштауфеновъ, а крупные феодалы стали тѣснить мелкихъ, отношенія ея къ папамъ совершенно измѣнились; римскій дворъ сталъ управлять Германіей, тогда какъ Франція сама управляла имъ по произволу, а Англія ограничивала его притязанія парламентомъ.

Въ Церковной области папская власть была совершенно уничтожена во второй половинѣ XIII столѣтія. Анархія и кулачное право господствовали тамъ почти въ такой же степени, какъ на Рейнѣ, въ Швабіи и Тюрингіи. Небольшіе города постоянно воевали между собою, не обращая никакого вниманія на папу и его намѣстниковъ. Въ подтвержденіе этого можно бы привести тысячи примѣровъ, но и одинъ дастъ намъ ясное понятіе объ отношеніяхъ городовъ къ римскому правительству. Въ 1282 г. городъ Фолиньо

воевалъ съ Перуджіей. Мартинъ IV, подъ угрозою отлученія отъ церкви, приказалъ перекратить вражду, но жители Перуджіи еще усилили нападенія и опустошили всю окрестность до самыхъ стѣнъ Фолиньо. Когда Мартинъ, вслѣдъ затѣмъ, произнесъ отлученіе, они надѣлали чучелъ, назвали ихъ именами папы и кардиналовъ, протащили ихъ по городу и торжественно сожгли на кострѣ. Пользуясь упадкомъ папскаго могущества, знатныя фамиліи захватывали власть въ свои руки и, частью хитростью, частью насиліемъ дѣлались полновластными тираннами; такъ, фамилія Полента достигла господства въ Равеннѣ, Орделлаффи въ Форли, Малатеста въ Римини и т. д. Большинство новыхъ властителей продержалось до конца XV столѣтія и было вытѣснено съ неимовѣрною жестокостью папою Александромъ VI и его гнуснымъ сыномъ, Цезаремъ Борджія.

Для Флоренціи послѣ Фридриха II настало самое цвѣтущее время. Она сдѣлалась страшною своимъ сосѣдямъ и положила основаніе господству надъ ними, длившемуся два слѣдующихъ столѣтія. Подобно всѣмъ итальянскимъ городамъ того времени, имѣвшимъ демократическое устройство, она отличалась простотой гражданскаго быта, безъ роскоши и непомѣрнаго неравенства состояній, и умноженіемъ достатка посредствомъ бережливости. То же самое встрѣчается въ XVI и XVII столѣтіяхъ въ Голландіи, въ началѣ чрезвычайно походившей на Флоренцію по своему внутреннему быту; только въ послѣдней простота исчезла гораздо ранѣе, подъ вліяніемъ національныхъ особенностей, искусствъ и наукъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, описываютъ нравы и домашній бытъ Флоренціи Данте и писатели слѣдовавшаго за нимъ поколѣнія. Аристократія имѣла, правда, и во Флоренціи, какъ всюду въ Италіи, укрѣпленные дворцы, походившіе на замки и называвшіеся у современниковъ башнями, но за то, благодаря господству демократическихъ началъ и процвѣтанію ремеслъ, горожане Флоренціи не уступали дворянству въ умѣньи владѣть оружіемъ. Появленіе провансальцевъ, призванныхъ папами къ ихъ собственному вреду, совершенно из-

мѣнило общественные нравы: Италія заразилась тщеславіемъ и развращенностью Марсели, Э и другихъ городовъ южной Франціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилась и ея политика: подражая гвельфамъ и папѣ, монархическо-аристократические гибеллины стали искать опоры въ иностранной помощи и потому всячески содѣйствовали возстановленію нѣмецкаго владычества.

Внутренняя исторія Флоренціи представляетъ безпрерывныя измѣненія въ государственномъ устройствѣ и смѣну властителей, такъ что было бы слишкомъ трудно излагать подробно всѣ эти перевороты, обусловливавшіеся борьбою гвельфовъ и гибеллиновъ, характеромъ народа, насиліями аристократіи и искусствомъ предводителей партій; впрочемъ, это и не касается всеобщей исторіи. Долгое время раздоры гвельфовъ и гибеллиновъ были частною враждою отдѣльныхъ фамилій, и только при Карлѣ I Анжуйскомъ приняли характеръ борьбы политическихъ партій. Послѣ долгаго боя, веденнаго съ перемѣннымъ счастьемъ, гвельфы, поддерживаемые Карломъ, одолѣли, наконецъ, противниковъ, выгнали ихъ изъ Флоренціи и конфисковали ихъ имущества, часть которыхъ обратили въ особый фондъ, назначавшійся на усиленіе гвельфской партіи. Но, подобно гибеллинамъ, они вскорѣ начали злоупотреблять властью, нагло тѣснили народъ, предавались личной мести, силою противились исполненію судебныхъ приговоровъ и вообще поступали на перекоръ духу горожанъ и демократическому характеру государственнаго устройства. Это вызвало въ 1282 г. насильственный переворотъ, вслѣдствіе котораго власть перешла къ шести знатнѣйшимъ цехамъ, составлявшимъ вмѣстѣ съ другими шестью высшее гражданство, тогда какъ двѣнадцать другихъ цеховъ образовали низшій классъ населенія. Правителями города сдѣлались шесть пріоровъ, вскорѣ присвоившихъ себѣ имя синьоріи (signoria). Но дворянство, имѣя право вписываться въ цехи, сохранило вліяніе и продолжало препятствовать правильному ходу администраціи и правосудія. Два новыхъ переворота (1292 г.) окончательно уничтожили его власть. Первый былъ вполнѣ законнымъ

и разумнымъ: онъ состоялъ въ назначеніи верховнаго судьи, gonfaloniere di giustizia, въ распоряженіе котораго дали тысячу вооруженныхъ гражданъ, для того, чтобъ силою приводить въ исполненіе судебные приговоры надъ дворянами, сопротивлявшимися имъ вооруженною рукою. Результатомъ втораго переворота былъ новый законъ, запрещавшій дворянству занимать какія бы то ни было общественныя должности. Въ этомъ случаѣ, какъ и во Франціи въ 1789 г., горожане зашли слишкомъ далеко; но здѣсь, какъ и тамъ, дворянство само было виновато въ своемъ паденіи. Къ тому же во Флоренціи было пролито гораздо менѣе крови, чѣмъ, напримѣръ, во время подобнаго же переворота въ Мантуѣ, гдѣ было истреблено болѣе пятидесяти дворянскихъ фамилій. Послѣ этого во Флоренціи возникла совершенно оригинальная система деспотизма, такъ какъ всякій, считавшійся слишкомъ сильнымъ, могъ быть преданъ суду, имѣвшему въ своемъ распоряженіи вооруженную силу въ 14 т. человѣкъ.

Господство демократіи не замедлило вызвать такую же борьбу черни съ высшимъ классомъ гражданъ, какая происходила между нимъ и дворянствомъ. Впрочемъ, это не мѣшало развитію общественнаго благосостоянія, такъ что Флоренція не только сдѣлалась въ это время богатѣйшимъ городомъ Италіи, но и распространила свое вліяніе на всю Тоскану. Демократическій духъ до того развилъ воинственныя наклонности населенія, что Флоренція вмѣстѣ съ союзниками могла выставить до 100 т. отличнаго войска. Конечно, съ благосостояніемъ возрастала и надменность непостояннаго народа; Данте, видѣвшій вблизи флорентинскую демагогію, приписываетъ ей почти такое же вліяніе на нравственность, какое, по словамъ Аристофана, она имѣла въ Аѳинахъ (т. I. стр. 418 и т. II. стр 182). Аристократія продолжала возводить въ городѣ свои укрѣпленные замки, но и это не приносило особеннаго вреда. Лучшимъ доказательствомъ, что Флоренція была дѣйствительно счастлива въ тѣ времена, когда всюду господствовали насиліе и жестокость, служитъ отзывъ холодно-обдуманнаго Маккіавелли, котораго нельзя

упрекнуть въ пристрастіи къ демократіи. „Никогда, говоритъ онъ, не былъ нашъ городъ такъ цвѣтущъ и такъ счастливъ, какъ въ то время; онъ былъ славенъ, многолюденъ и богатъ; въ немъ было 30 т. вооруженныхъ гражданъ, къ которымъ присоединялись еще 70 т. изъ окрестностей; жители всей Тосканы повиновались ему, какъ союзники, или какъ подданные, и хотя народъ и дворянство взаимно ненавидѣли и подозрѣвали другъ друга, но это не имѣло вредныхъ послѣдствій, потому что всѣ жили согласно и мирно."

Въ концѣ XIII столѣтія Флоренція вновь была потрясена междоусобіемъ, перешедшимъ къ ней изъ Пистоіи. Вслѣдствіе частныхъ раздоровъ въ фамиліи Канчелліери, пистойцы раздѣлились на двѣ враждебныхъ партіи: черныхъ и бѣлыхъ. Флорентинцы вмѣшались въ распрю, примирили враждовавшихъ и, взявъ къ себѣ заложниками предводителей обѣихъ партій, помѣстили ихъ у своихъ знатнѣйшихъ гражданъ. Вскорѣ хозяева сдѣлались приверженцами гостей, а какъ въ это время вспыхнула ссора между флорентинскими фамиліями Черки и Донати, то первые встали во главѣ бѣлыхъ, а вторые—черныхъ, и пистойская ссора приняла во Флоренціи еще болѣе непримиримый характеръ. Папа Бонифацій VIII, пользуясь этимъ раздоромъ, доставилъ господство во Флоренціи французскому принцу Карлу Валуа. Онъ былъ скоро выгнанъ за алчность, но успѣлъ передать власть чернымъ, которые изгнали всѣхъ бѣлыхъ (1302 г.). Въ числѣ изгнанныхъ были два величайшихъ средневѣковыхъ писателя: историкъ Дино Компаньи и поэтъ Данте, единственные писатели новыхъ временъ, которые по генію и по характеру могутъ стать на ряду съ величайшими людьми Греціи. Жертвы революціи, описанной Дино Компаньи дивными, но страшными красками, они уже не возвращались на родину и умерли въ изгнаніи.

Пиза утратила могущество еще до того, какъ во Флоренціи вспыхнула вражда между бѣлыми и черными. Пиза въ теченіе цѣлаго столѣтія воевала съ Генуей, а сверхъ того, упорно держась партіи гибеллиновъ, должна была бороться и съ гвельфами. Пока цар-

ствовали Гогенштауфены, она возвышалась отъ времени до времени вмѣстѣ съ императорскою и гибеллинскою партіею, но послѣ ихъ паденія съ трудомъ могла противиться преобладанію Флоренціи. Начавъ новую войну съ генуезцами, пизанцы потерпѣли въ 1284 году рѣшительное пораженіе и лишились всего флота и шестой части гражданъ, способныхъ носить оружіе. Это окончательно уничтожило могущество Пизы. Послѣ ея паденія, другіе тосканскіе города, Пистоія, Лукка, Сіена, Ареццо, не могли уже бороться съ Флоренціей и могущественная демократія этого города сдѣлалась владычицею средней Италіи.

Венеціанцы еще не помышляли въ XIII столѣтіи о завоеваніяхъ на материкѣ Италіи. Около 1289 г. они сдѣлали попытку противъ Тріеста, но были разбиты и съ тѣхъ поръ долго не отваживались предпринимать что нибудь на сухомъ пути. Въ Виченцѣ, Веронѣ и Мантуѣ первенствовала, въ концѣ XIII вѣка, фамилія делла Скала, получившая, въ началѣ слѣдующаго столѣтія, рѣшительное господство надъ гибеллинами въ лицѣ своего главы, Кана Гранде делла Скала, покровителя Данте. Первоначальнымъ источникомъ ея богатства была торговля оливковымъ масломъ; но, по отзыву Данте, Канъ Гранде искалъ не земли и металла, а добродѣтели, мудрости и любви. Вся остальная верхняя Италія была въ зависимости отъ Милана.

Въ эпоху смерти Фридриха, въ Миланѣ царствовала такая же неурядица, какъ и въ остальной Италіи. Въ 1256 г. власть досталась Мартину делла Торре, изгнавшему все дворянство и господствовавшему нѣсколько лѣтъ. Къ побѣжденной партіи принадлежалъ Оттонъ Висконти. Его родственникъ, папа Урбанъ IV, сдѣлалъ его въ 1263 г. миланскимъ архіепископомъ; но вражда горожанъ къ дворянамъ была до того сильна, что Висконти не могъ попасть въ городъ, и самъ папа не имѣлъ возможности ввести его въ архіепископство. По этому онъ соединился съ нѣсколькими ломбардскими городами и, поддерживаемый кастильскимъ королемъ Альфонсомъ X, началъ войну противъ делла Торре и

миланцевъ. Междоусобіе длилось цѣлые годы, но, наконецъ, въ 1277 г. Оттонъ нанесъ непріятелю рѣшительное пораженіе и получилъ вмѣстѣ съ архіепископствомъ господство надъ Миланомъ. Родъ делла Торре погибъ въ сраженіи, или былъ истребленъ и изгнанъ. Подъ управленіемъ фамиліи **Висконти**, Миланъ возвратилъ себѣ преобладаніе надъ Ломбардіей, но въ началѣ власть его новыхъ повелителей была весьма непрочна; ихъ противники имѣли въ Ломбардіи множество приверженцевъ, а одинъ изъ делла Торре былъ аквилейскимъ архіепископомъ, такъ что Висконти могли держаться только благодаря посторонней помощи. Они обратились къ маркграфу Вильгельму Монферратскому и тѣмъ навлекли на себя страшную опасность, отъ которой избавились только благоразуміемъ и рѣшимостью Оттона. Добившись высшаго военнаго начальства въ Павіи, Асти, Новарѣ, Туринѣ, Альбѣ, Ивреѣ, Алессандріи и Тортонѣ, Вильгельмъ заставилъ большинство этихъ городовъ предоставить ему полное господство, или права синьоріи; когда, въ 1278 г., Оттонъ, нуждаясь въ его помощи, доставилъ ему званіе главнокомандующаго и коменданта въ Миланѣ, Вильгельмъ сталъ поступать здѣсь точно такъ же, какъ въ другихъ городахъ. Онъ началъ съ того, что обманулъ притворнымъ миромъ приверженцевъ делла Торре, получивъ отъ нихъ все, чего желалъ, и не выполнивъ ни одного изъ обѣщаній, а потомъ, выпросивъ нѣсколько сотъ солдатъ у своего тестя, арагонскаго короля, сталъ приводить въ исполненіе свой замыселъ противъ Милана и Висконти. Онъ уже почти достигъ синьоріи, но Оттонъ, зорко слѣдившій за нимъ, разрушилъ его честолюбивые планы. Низложеніе Вильгельма было минутнымъ дѣломъ. Воспользовавшись поѣздкой противника въ Верчелли, Оттонъ не впустилъ его обратно въ Миланъ и устроилъ выборъ новаго главнокомандующаго (1283 г.). Вслѣдъ за тѣмъ Вильгельмъ лишился повсюду власти, и съ тѣхъ поръ можетъ служить разительнымъ примѣромъ измѣнчивости человѣческой судьбы, наказаннаго тиранства и непрочности плановъ даже самыхъ энергическихъ и послѣдовательныхъ злодѣевъ. Противъ него сталъ возста-

вать одинъ городъ за другимъ; наконецъ въ Алессандріи, гдѣ онъ хотѣлъ предупредить возмущеніе, жители схватили его, заперли въ клѣтку (1290 г.) и продержали въ ней два года, не обращая вниманія на его просьбы и обѣщанія; въ этомъ жалкомъ положеніи онъ и умеръ. Его мучители не повѣрили даже его смерти и, боясь обмана, передъ погребеніемъ залили ему ротъ расплавленнымъ свинцомъ.

Оттонъ Висконти дѣйствовалъ относительно согражданъ такъ же дальновидно и благоразумно, какъ противъ Вильгельма. Изгнавъ противниковъ, онъ оставилъ народу тѣнь свободы, поставилъ во главѣ управленія двухъ свѣтскихъ лицъ не изъ своего дома и только совершенно усыпивъ горожанъ, выдвинулъ впередъ своего ближайшаго родственника, внука по брату, Матвѣя Висконти, прозваннаго впослѣдствіи великимъ. Вначалѣ онъ сдѣлалъ его просто начальникомъ города (1284 г.), и только черезъ три года склонилъ народъ признать его главою государства, подъ скромнымъ именемъ старѣйшины (anziano). Незадолго до того, въ руки Висконти перешелъ и послѣдній остатокъ владѣній Вильгельма Монферратскаго. У Вильгельма остался пятнадцатилѣтній сынъ, жившій при неаполитанскомъ дворѣ; но государственные чины Монферрата, опредѣливъ ему ежегодный пенсіонъ, передали управленіе Матвѣю Висконти (1292 г.).

По смерти Оттона (1295 г.) въ Миланѣ не произошло никакой перемѣны: власть осталась въ рукахъ Матвѣя, получившаго княжеское достоинство отъ двухъ императоровъ, Адольфа Нассаускаго и Альбрехта I Австрійскаго; оба признали его имперскимъ викаріемъ въ Ломбардіи, одинъ, нуждаясь въ деньгахъ, а другой изъ алчности. Въ концѣ XIII столѣтія Висконти были такъ могущественны, что для достиженія королевской или герцогской власти надъ всею Ломбардіей имъ оставалось только изгнать фамиліи, господствовавшія въ другихъ городахъ. Этому, впрочемъ, положено было начало вскорѣ по смерти Оттона. Женивъ своего сына, Галеаццо I, на сестрѣ маркграфа Аццо д'Эсте (1300 г.),

Матвѣй сблизился съ этимъ домомъ, а потомъ завладѣлъ, въ 1301 году, Бергамо и принялъ мѣры къ подчиненію другихъ городовъ.

Въ первое время владычества Висконти Миланъ достигъ высшей степени процвѣтанія. По статистическимъ даннымъ въ немъ было въ концѣ XIII столѣтія 13 тысячъ частныхъ домовъ, 6 тысячъ колодцевъ, 3 тысячи мельницъ, 400 мясныхъ лавокъ, столько же пекарень, тысяча шинковъ и 150 больницъ. Населеніе простиралось до 200 тысячъ, въ томъ числѣ 40 тысячъ способныхъ носить оружіе, 200 ученыхъ судей, 400 нотаріусовъ, 200 врачей, 80 учителей, 50 мастерскихъ для переписки книгъ (соотвѣтствовавшихъ нашимъ типографіямъ), 80 кузнецовъ, 30 литейщиковъ, 100 оружейниковъ. Въ городѣ ежедневно потреблялось: 1200 модіевъ хлѣба, 70 быковъ и т. д.; ежегодная пропорція потреблявшагося вина составляла 6 тысячъ, сѣна 150 тысячъ, дровъ 50 тысячъ подводъ. Миланская территорія заключала въ себѣ, кромѣ 60 городскихъ предмѣстій, 150 замковъ съ принадлежавшими къ нимъ деревнями и 600 самостоятельныхъ деревень; она могла выставить 8 тысячъ рыцарей и до 200 тысячъ войска. Церквей въ миланскихъ владѣніяхъ было 1355 съ 3 тысячами алтарей, духовенства до 10 тысячъ, а духовныхъ леновъ болѣе 18 тысячъ. Городъ имѣлъ двѣ стѣны, длиною въ 15 и 11 тысячъ локтей, съ 6 главными, 12 малыми воротами и 100 башнями; ровъ, окружавшій его, былъ шириною въ 30 локтей. Изумительное процвѣтаніе миланской промышленности, обнаруживаемое этими данными, можно бы счесть невѣроятными, но почти также говорятъ намъ и о Флоренціи.

Этотъ блескъ Милана и могущество Висконти надолго померкло, когда Матвѣй разсорился со своимъ дядею Петромъ ди Скрепіо. Небольшіе владѣльцы около Милана, давно уже ждавшіе случая свергнуть господство Висконти, воспользовались ссорою, соединились со знатными фамиліями ломбардскихъ городовъ и склонили на свою сторону Петра ди Скрепіо и нѣсколькихъ членовъ его дома. Матвѣй думалъ отвратить грозу арестомъ дяди, но этимъ

заставилъ заговорщиковъ поспѣшить исполненіемъ своего плана. Въ іюнѣ 1302 г., выступивъ подъ предводительствомъ владѣтеля Піаченцы, Альберта Скотто, союзники разбили и взяли въ плѣнъ Матвѣя и принудили его отказаться отъ владычества надъ Миланомъ, взамѣнъ чего Альбертъ обязался сохранить ему всѣ фамильныя владѣнія. Слѣдствіемъ этой побѣды было возвращеніе делла Торре и изгнаніе всѣхъ Висконти, не исключая даже бывшихъ въ союзѣ съ врагами своего дома. Той же участи подверглось большинство дворянства, державшаго сторону Матвѣя. Самъ онъ вскорѣ лишился Бергамо и Тортоны, принужденный очистить ихъ по требованію Альберта Скотто, желавшаго извлечь возможно бо̀льшія выгоды изъ его плѣна и потому нарушившаго данное ему обѣщаніе.

Паденіе Висконти вызвало въ Ломбардіи такую неурядицу, что всѣ стали желать возстановленія императорскаго владычества. Но именно въ періодъ этихъ смутъ и сильно оживленной дѣятельности умственное развитіе Италіи достигло до совершенства, подобнаго которому мы не видимъ ни въ одну изъ послѣдующихъ эпохъ. Въ доказательство достаточно назвать философію Гвидо Кавальканти и безсмертныя творенія Данте.

2. Германія въ XIII столѣтіи.

1. Событія въ Даніи при Гогенштауфенахъ.

Кромѣ событій, находившихся въ связи съ итальянскою исторіею и личными дѣлами императора Фридриха II, для германскаго народа имѣли значеніе еще нѣкоторыя другія. Первое мѣсто между ними принадлежитъ паденію государства, основаннаго въ германскихъ предѣлахъ датчанами, совершенно измѣнившему видъ сѣверной Германіи.

Датскій король Вальдемаръ I и его другъ, епископъ Аксель или Авессаломъ, пробудили воинственныя наклонности скандинавовъ и, пользуясь поселеннымъ въ нихъ крестовыми по-

ходами убѣжденіемъ, что истребленіе язычниковъ есть дѣло угодное Богу и людямъ, хотѣли покорить прибалтійскіе берега, заселенные язычниками вендами. Энергія Фридриха Барбароссы и Генриха Льва помѣшала Вальдемару осуществить вполнѣ этотъ планъ; но онъ былъ приведенъ въ исполненіе его сыновьями, Канутомъ VI и Вальдемаромъ II. Канутъ (1182—1202 г.) завоевалъ почти всю Померанію и Мекленбургъ, Гольштинію, Любекъ и Гамбургъ, взялъ въ плѣнъ гольштинскаго владѣтеля Адольфа фонъ Шауэнбурга, назвался „королемъ датчанъ и вендовъ“ и сталъ дѣлать набѣги даже за Одеръ, въ бранденбургскія владѣнія. Вальдемаръ II (1202—1241 г.) торжественно короновался въ Любекѣ королемъ датчанъ и вендовъ и владѣтелемъ Нордальбингіи (Гольштиніи), и, пользуясь плѣномъ Адольфа фонъ Шауэнбурга, присоединилъ къ Даніи Лауэнбургъ, принудивъ къ сдачѣ храбрый лауэнбургскій гарнизонъ. Адольфъ долженъ былъ уступить ему свой германскій ленъ, Гольштинію, и, получивъ за это свободу, удалился на Везеръ, въ родовое свое графство Шауэнбургъ. Затѣмъ Вальдемаръ покорилъ Лифляндію и Эстляндію (т. VII. стр. 257), распространилъ свои владѣнія по всему германскому прибрежью Балтійскаго моря, построилъ мостъ черезъ Эльбу, заложилъ замокъ на западномъ берегу рѣки и старался утвердиться между Эльбою и Везеромъ. Завоеваніе Эстляндіи и Лифляндіи не стоило ему большаго труда, такъ какъ тамошніе меченосцы и духовенство не получили помощи отъ императора. Къ тому же его успѣхамъ, какъ въ этомъ предпріятіи, такъ и во всѣхъ другихъ, сильно содѣйствовала отличная внутренняя и военная организація Даніи, въ то время самой благоустроенной страны въ Европѣ. Въ ней, какъ и вездѣ, дворянство было обязано являться вполнѣ готовымъ по первому призыву на ледингъ, то есть въ походъ, но во всемъ остальномъ оно пользовалось полной свободой. Всѣ другіе поземельные владѣльцы выставляли въ случаѣ войны извѣстное число людей или кораблей, соразмѣрно цѣнности участковъ. Это давало Вальдемару возможность отправиться въ Лифляндію съ 1400 судами, изъ ко-

торыхъ 500 были такъ называемые длинные корабли, выставленные городами и вмѣщавшіе по 120 человѣкъ каждый.

Воля Вальдемара скоро сдѣлалась закономъ на всемъ пространствѣ отъ Финскаго залива до Штаде, не исключая даже Швеціи, и благоразумными мѣрами онъ съумѣлъ упрочить за собою всѣ пріобрѣтенія. Основавъ Штральзундъ, онъ далъ новому городу большія права, обнародовалъ законы, до сихъ поръ дѣйствующіе подъ его именемъ, и добился отъ Фридриха II формальной уступки всѣхъ завоеванныхъ земель. Въ 1214 г., Фридрихъ, не будучи еще императоромъ, уступилъ ему изъ личныхъ видовъ (т. VII. стр. 257) всѣ германскія земли по ту сторону Эльбы и Эльды, и призналъ датское господство надъ вендами, утвердивъ эти уступки актомъ, подписаннымъ имъ самимъ и тринадцатью императорскими князьями.

Владѣтель графства шверинскаго, Г е н р и х ъ, возвратилъ имперіи черезъ девять лѣтъ то, что было отдѣлено отъ нея самимъ императоромъ и совершенно неожиданно свергнулъ могущественнаго датскаго короля съ высоты его величія. Генрихъ владѣлъ Шверином вмѣстѣ съ братомъ, Гунцелиномъ. Въ 1214 г. они должны были признать себя ленниками датскаго короля, а въ 1217 году Вальдемаръ женилъ своего побочнаго сына, графа Николая Голландскаго, на единственной дочери Гунцелина, назначившаго ей въ приданое свою часть графства и даже половину родового замка. По смерти Гунцелина, Генрихъ сталъ оспаривать права племянницы и не хотѣлъ уступить ей ея долю, вслѣдствіе чего датскій намѣстникъ земель на югъ отъ Эйдера, А л ь б р е х т ъ ф о н ъ О р л а м ю н д е, отнялъ у него все графство. Не имѣя возможности возвратить себѣ владѣнія силою, Генрихъ прибѣгнулъ къ хитрости, увѣнчавшейся рѣдкимъ успѣхомъ. Согласившись съ нѣсколькими мелкими владѣльцами въ Мекленбургѣ и Люнебургѣ, онъ отправился ко двору Вальдемара, и, сопровождая короля на охоту, искалъ случая захватить его въ плѣнъ. Это удалось во время охоты на небольшомъ островкѣ близь Фюнена. Онъ напалъ ночью на короля

и его сына, спавшихъ въ палаткѣ, взялъ обоихъ въ плѣнъ, не смотря на ихъ сопротивленіе, при которомъ Вальдемаръ былъ раненъ, посадилъ на приготовленный корабль и перевезъ въ Мекленбургъ, а оттуда въ Люнебургъ, гдѣ спряталъ въ замкѣ Данненбергѣ, принадлежавшемъ одному изъ его сообщниковъ (1223 г.). Папа Гонорій III, къ которому обратились датчане, вступился за плѣнниковъ, но Генрихъ не послушался его угрозъ и увѣщаній, такъ какъ въ сѣверной Германіи вообще не особенно повиновались папамъ, а императоръ не только не поддерживалъ требованій Гонорія, но самъ старался завладѣть плѣннымъ королемъ. Онъ поручилъ, правда, быть посредникомъ въ этомъ дѣлѣ намѣстнику имперіи, кёльнскому архіепископу Энгельбрехту, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, черезъ епископовъ вюрцбургскаго и гильдесгеймскаго обѣщалъ огромныя выгоды графу шверинскому за передачу ему Вальдемара. Папа поручилъ дѣло тому же Герману Зальцѣ, который впослѣдствіи примирилъ Фридриха съ Григоріемъ IX (т. VII. стр. 262), и тогда начались переговоры. Послѣ долгихъ совѣщаній, условіями освобожденія плѣнниковъ были постановлены уплата Генриху 40 тысячъ марокъ, возвращеніе Вальдемаромъ всѣхъ завоеванныхъ германскихъ земель и признаніе датскаго королевства леномъ имперіи. Вальдемаръ и датскіе уполномоченные соглашались на все, кромѣ послѣдняго, и разошлись на этомъ. Императоръ отказался отъ посредничества и дѣло должно было рѣшиться оружіемъ.

Генрихъ успѣлъ между тѣмъ пріобрѣсти нѣсколькихъ союзниковъ, такъ что когда Альбрехтъ фонъ Орламюнде, избранный въ Даніи правителемъ, появился съ войскомъ въ Гольштиніи, онъ выступилъ противъ него съ бургграфомъ фонъ Веттинъ, графомъ фонъ Верле, однимъ люнебургскимъ владѣльцемъ и сыномъ бывшаго графа гольштинскаго, Адольфомъ IV. Упорное сраженіе при Мёлльнѣ (1225 г.) кончилось пораженіемъ датчанъ; войско ихъ было совершенно уничтожено и самъ Орламюнде попался въ плѣнъ. Послѣ того переговоры возобновились. Фридрихъ находился тогда въ Италіи, его сынъ, Генрихъ, былъ еще ребенкомъ, а намѣстника

Энгельбрехта не задолго до того убили, такъ что въ Германіи, собственно, не было верховной власти. Поэтому Генрихъ и его союзники не настаивали на условіяхъ въ пользу имперіи, но за то потребовали больше выгодъ для самихъ себя. Датчане обязались заплатить 45 т. марокъ, отказаться отъ нѣмецкихъ земель между Эльбою и Эйдеромъ и отъ всѣхъ вендскихъ, за исключеніемъ Рюгена, возвратить графу Адольфу, какъ владѣльцу Гольштиніи, крѣпость Рендсбургъ, признать за Любекомъ, Гамбургомъ и другими нѣмецкими городами, торговавшими съ Даніей, всѣ прежнія льготы и выдать заложниковъ. Утвердивъ договоръ клятвою, Вальдемаръ получилъ свободу въ концѣ 1225 г., а слѣдующею весною былъ освобожденъ и его сынъ. По возвращеніи въ Данію, онъ нашелъ эти условія слишкомъ тяжелыми, и обратился къ папѣ. Гонорій освободилъ его отъ клятвы, призналъ договоръ недѣйствительнымъ и съ угрозами убѣждалъ Генриха отказаться отъ его требованій. Но графъ шверинскій не обращалъ вниманія на папу и, вѣроятно, предвидя, что Вальдемаръ прибѣгнетъ къ обыкновенной въ то время уловкѣ сильныхъ, желавшихъ нарушить клятву, заблаговременно приготовился къ борьбѣ, вступивъ въ союзъ съ герцогомъ Альбрехтомъ Саксонскимъ, бременскимъ епископомъ Гергардомъ и другими князьями, не принимавшими участья въ переговорахъ объ освобожденіи датскаго короля.

Союзниками графа шверинскаго были князья, захватившіе послѣ паденія Генриха Льва различныя части его владѣній; напротивъ, внукъ Генриха Льва, Оттонъ Дитя (т. VII. стр. 269), родоначальникъ доселѣ существующей отрасли вельфскаго дома, соединился съ Вальдемаромъ. Онъ владѣлъ брауншвейгъ-люнебургской частью дѣдовскаго наслѣдства и сблизился съ датчанами еще въ 1224 г., быть можетъ, надѣясь съ ихъ помощью вернуть всѣ владѣнія дѣда. Вальдемаръ двинулся въ Гольштинію, но, къ несчастью, имѣлъ неосторожность заставить свободныхъ демократическихъ дитмаршенцевъ слѣдовать за ихъ завоевателемъ. Въ іюлѣ 1227 г. онъ встрѣтился съ непріятелемъ при Бори-

гёвде и былъ совершенно разбитъ. Датчане обвиняютъ въ пораженіи дитмаршенцевъ, ушедшихъ во время сраженія или даже соединившихся съ противниками. Вальдемаръ былъ опасно раненъ, а Оттонъ Дитя взятъ въ плѣнъ. Брауншвейгцы замѣчательнымъ образомъ доказали свою преданность Оттону, обезсмертивъ самихъ себя мужествомъ и энергіею. Пользуясь его плѣномъ, сынъ императора, Генрихъ, хотѣлъ завладѣть Брауншвейгомъ, но горожане защищались геройски и отбили его нападеніе, сохранивъ городъ своему князю. Вальдемаръ далъ имъ за это привилегіи, еще болѣе развившія ихъ цвѣтущую торговлю: онъ освободилъ ихъ во всѣхъ своихъ владѣніяхъ отъ таможенныхъ пошлинъ и береговаго права. Черезъ нѣсколько лѣтъ Оттонъ выкупился изъ плѣна. Альбрехтъ фонъ Орламюнде уступкою своихъ замковъ и имѣній также возвратилъ себѣ свободу. Онъ отдалъ Лауэнбургъ Альбрехту Саксонскому, основавшему такимъ образомъ герцогство Саксенъ-Лауэнбургъ. Гольштинія осталась за графомъ Адольфомъ фонъ Шауэнбургомъ. Важнѣйшими результатами побѣды при Борнгёвде были: уничтоженіе датскаго господства въ сѣверной Германіи, полное освобожденіе Любека и только что начинавшей развиваться гамбургской городской общины, независимость и прочное демократическое устройство дитмаршенской области, а вмѣстѣ съ тѣмъ оживленіе народной жизни и дѣятельное, разнообразное развитіе самостоятельности, не встрѣчаемой уже теперь, когда не формы примѣняются къ людямъ, а люди должны повиноваться требованіямъ формы.

Доказательствомъ сильно возбужденной тогда дѣятельности могутъ служить новыя или преобразованныя права нижнесаксонскихъ городовъ и значеніе училища при вестфальскомъ монастырѣ Корвей. Новыя или преобразованныя городскія права получили: Штаде въ 1209 г., Ростокъ въ 1218 г., Госларъ въ 1219 г., Брауншвейгъ въ 1232 г., Любекъ въ 1235 г., Минденъ въ 1246 г., Гильдесгеймъ въ 1249 г. и т. д. Въ этихъ льготныхъ граматахъ встрѣчаются замѣчательныя постановленія. Въ госларской, между

прочимъ, постановлено, что: всякій, пробывшій въ городѣ годъ и день, свободенъ; въ своемъ домѣ всякій неприкосновенъ; если даже горожанинъ укрываетъ у себя изгнанника, то въ домъ къ нему нельзя войти силою, а слѣдуетъ позвать его къ суду; раздѣленіе на гильдіи запрещено; всякій житель долженъ нести на себѣ всѣ повинности, отъ нихъ освобождаются только духовные, но за то имъ запрещено владѣть домами, а дарить духовенству можно только деньги, вырученныя продажею дома, но не самые домы. По брауншвейгскому праву запрещена была конфискація имуществъ, на томъ основаніи, что человѣкъ властенъ надъ своею жизнью, но не надъ правомъ своихъ наслѣдниковъ. Тою же граматою было предоставлено горожанамъ, въ случаѣ безуспѣшной жалобы маршалу на дворянина, захватывать его имѣніе, какъ скоро онъ явится въ городъ, а въ случаѣ иска на духовное лицо дозволялось арестовывать его самого и секвестровать его имущество, для того чтобъ не имѣть нужды обращаться къ духовнымъ судамъ.

Училище въ корвейскомъ монастырѣ (т. VI. стр. 157) славилось съ незапамятнымъ временъ, но въ XII столѣтіи получило особенное значеніе благодаря Вибальду (т. VI. 363) и нѣкоторымъ изъ его преемниковъ. Оно было, безспорно, однимъ изъ лучшихъ училищъ внѣ Италіи и считалось центромъ учености; его библіотека была самой полной въ Германіи и въ немъ можно назвать цѣлый рядъ аббатовъ и монаховъ, занимавшихся различными науками. Въ Корвеѣ постоянно изучали греческій языкъ, знаніе котораго было вообще до того рѣдко, что, по всей вѣроятности, даже Лейбницъ XIII столѣтія, Альбертъ Великій зналъ Аристотеля только по арабскимъ источникамъ. Впрочемъ, не смотря на вліяніе училищъ, подобныхъ корвейскому, суевѣріе было распространено не менѣе прежняго. Однако, сочиненія монаховъ иногда обнаруживали въ нихъ довольно ясное пониманіе, а изученіе древнихъ имѣло мѣстами вліяніе даже на народъ, какъ объ этомъ можно заключать, напримѣръ, изъ того, что жителямъ бельгійскаго города Гюи

пришла въ голову мысль о преставленіи древнихъ драматическихъ произведеній.

2. Штединги и инквизиціонныя попытки въ Германіи.

Описаніе управленія и государственнаго устройства у штединговъ и другихъ фризскихъ народцевъ, жившихъ по берегамъ Нѣмецкаго моря, могло бы служить лучшимъ подтвержденіемъ сказаннаго нами выше о необыкновенной жизненности учрежденій того времени, но, слѣдуя принятой системѣ не задерживать изложенія событій подробнымъ объясненіемъ установившихся формъ, мы можемъ сказать лишь нѣсколько словъ объ ихъ общественномъ бытѣ. Изъ всѣхъ народовъ германскаго племени, одни фризы предпочли демократическія формы монархическимъ (т. IV. стр. 183) и долго сохранили выработанныя ими учрежденія. Вначалѣ они жили сплошною массою по всему берегу Нѣмецкаго моря отъ Антверпена до Шлезвига; потомъ различныя обстоятельства разрознили ихъ, такъ что въ XII столѣтіи они занимали только нѣкоторыя части этого пространства. Самыми значительными народами между ними были западные фризы, восточные фризы и рюстринги, сохранившіе въ чистотѣ свое племенное происхожденіе и первобытныя учрежденія. Штединги, а также блутъядинги, кудинги, альтлендеры, гаделеры, вурстлендеры, дитмаршенцы составляли небольшія общины смѣшаннаго происхожденія, измѣнившія свое первоначальное устройство. Сѣверные фризы, жившіе по ютланскому берегу и на островахъ Амрумѣ, Сильтѣ и т. д., составляли отдѣльную отрасль этого племени.

Небольшіе народцы, жившіе между Гунтою, въ Ольденбургѣ, и Эйдеромъ, въ Шлезвигѣ, совершенно усвоили себѣ демократическія формы и упорно сопротивлялись водворявшимся между ними рыцарямъ и дворянамъ. Ихъ дѣйствія были бы еще успѣшнѣе, если бы существовала связь между самостоятельными сельскими и

деревенскими республиками и штединги соединились бы съ сосѣдними рюстрингами гораздо ранѣе. Но подобной связи между ними не было, каждая община жила сама по себѣ, и только въ половинѣ XIII столѣтія слились штединги съ рюстрингами, а чисто республиканскіе блутъядинги, жившіе по правую сторону устья Яды, еще позднѣе примкнули къ восточнымъ фризамъ, отдавшись подъ защиту ихъ графовъ, для того, чтобъ избавиться отъ притѣсненій бременскаго епископа. Штедингамъ уже рано пришлось сражаться за свою свободу. Едва возникли городъ Ольденбургъ и графство того же имени, какъ въ ихъ свободной странѣ появились дворяне. Тогда этотъ край былъ населенъ не такъ, какъ теперь: вмѣсто нынѣшнихъ одинокихъ разсѣянныхъ жилищъ и маленькихъ деревень, въ то время были большія, сплошныя поселенія около плотинъ. Дворяне втерлись между крестьянами и хотѣли заложить свои гнѣзда на отдѣльныхъ холмахъ, большею частью насыпанныхъ по ихъ же приказанію. Изъ за этого въ началѣ XIII столѣтія началась кровавая война, окончившаяся совершеннымъ истребленіемъ рыцарей и ихъ замковъ.

Одержавъ верхъ надъ дворянами, штединги, точно такъ же не желавшіе подчиняться благороднымъ епископамъ съ ихъ причтомъ и церковными судами, какъ и дворянскимъ притязаніямъ, вступили въ новую борьбу съ монахами. Сильнѣе всего раздражили они бременскаго архіепископа, отлучившаго ихъ за неповиновеніе отъ церкви. Благочестивые, но вольнодумные крестьяне не испугались архипастырскаго проклятія, прогнали чужихъ священниковъ и устроили собственное богослуженіе. Тогда архіепископъ съ своими приверженцами, дворянами, ославилъ ихъ повсюду еретиками, взводя противъ нихъ нелѣпѣйшія обвиненія. Главная вина ихъ состояла въ томъ, что, не подчиняясь ученію о рабствѣ, они проповѣдывали евангеліе свободы, сильно дѣйствовавшее на неизвращенные еще умы жителей тѣхъ странъ. Архіепископъ предпринялъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ, графомъ Липпе, крестовый походъ, надѣясь легко справиться съ мужиками, но потерпѣлъ позорное пораженіе и по-

терялъ брата. Тогда онъ обратился къ папѣ Григорію IX, начавшему въ это время повсемѣстную травлю людей, не хотѣвшихъ признавать истиннымъ христіанствомъ извращенный католицизмъ (т. VII. стр. 250). Страна истребленныхъ альбигойцевъ еще дымилась кровью, развалины ихъ городовъ, не задолго до того цвѣтущихъ, служили живымъ доказательствомъ безчеловѣчія монаховъ; въ Испаніи возникла инквизиція, во Франціи пылали костры, въ Нидерландахъ и средней Германіи началось постыдное преслѣдованіе еретиковъ — и все-таки папамъ приходилось терпѣть ихъ въ собственной столицѣ. Теперь преслѣдованіе распространилось и на штедииговъ, между которыми вовсе не было еретиковъ. По просьбѣ бременскаго архіепископа, Григорій пригласилъ буллою епископовъ любекскаго, мииденскаго и ратцебургскаго проповѣдывать крестовый походъ (1232 г.), а императоръ Фридрихъ II, заклятый врагъ свободы, подвергъ свободныхъ поселянъ опалѣ.

Въ первый годъ этой религіозной войны (1233 г.) противъ штедииговъ выступилъ графъ ольденбургскій съ 200 рыцарей, съѣхавшихся изъ разныхъ странъ, но былъ разбитъ. Тогда озлобленные монахи вновь начали усиленно проповѣдывать походъ, и въ слѣдующемъ году къ штедингамъ вторглось болѣе 40 т. крестоносцевъ, подъ предводительствомъ герцога брабантскаго и графовъ голландскаго, клевскаго, де ла Маркъ и ольденбургскаго. Штединги вооружились до послѣдняго человѣка и въ числѣ 11 т. пошли защищать свободу и родныя поля. Ими предводительствовали Болеке фонъ Барденфлетъ, Таммо фонъ Гунторпе и Детмаръ фонъ Дамме, которые вмѣстѣ съ Арнольдомъ Винкельридомъ должны жить вѣчно въ памяти народа. Эти крестьяне, въ легкихъ панцыряхъ, съ небольшими щитами и маленькими шапками, вооруженные короткими мечами и пяти фунтовыми пиками, вступили въ бой при Альтенешѣ (1234 г.) вчетверо съ сильнѣйшимъ войскомъ рыцарей. Враги называли ихъ мужество безуміемъ. Они дрались геройски, убили графа ольденбургскаго, многихъ другихъ князей и до 4 т. рыцарей; но мѣстность страны была удобнѣе для

враговъ, потому что въ ней не было горъ и узкихъ тропинокъ, замѣнявшихъ швейцарцамъ въ подобныхъ битвахъ бастіоны и крѣпости; конница со всѣхъ сторонъ окружила на равнинѣ легко вооруженныхъ крестьянъ и они пали подъ напоромъ массы, потерявъ въ сраженіи или въ волнахъ Везера больше половины своихъ. Уцѣлѣвшіе бѣжали къ рюстрингамъ и слились съ ними. Страна досталась бременскому архіепископу.

Это происходило почти въ то время, какъ въ средней Германіи рушилась первая попытка ввести инквизицію. Доминиканскій монахъ Конрадъ Марбургскій, уполномоченный Григоріемъ IX преслѣдовать еретиковъ, разъѣзжалъ по Рейну, Тюрингіи и Гессену, неистово злоупотребляя своимъ полномочіемъ. Одна развратная женщина и простолюдинъ помогали ему разыскивать еретиковъ и одного свидѣтельства подобныхъ тварей считалось достаточнымъ для казни; приносившихъ повинную наказывали позорною стрижкою головы и тяжкимъ покаяніемъ, такъ что ложь и позорныя наказанія служили единственнымъ спасеніемъ отъ костра. Безумный инквизиторъ не хотѣлъ ограничиваться людьми простаго происхожденія и сталъ требовать къ себѣ дворянъ и князей, приговаривая ихъ къ казни безъ всякаго суда и слѣдствія. Наконецъ, одинъ графъ фонъ Зайнъ, котораго онъ остригъ, обратился съ жалобою къ императору и государству. На имперскомъ сеймѣ во Франкфуртѣ, Конрадъ былъ обвиненъ въ жестокости и несправедливости, но самое учрежденіе торжественно признано и принято подъ защиту государства. Однако вслѣдъ за этимъ рѣшеніемъ, принятомъ благодаря стараніямъ духовныхъ владѣтелей, Конрадъ былъ убитъ нѣсколькими дворянами въ окрестностяхъ Марбурга (1233 г.). Съ его смертью въ Германіи навсегда прекратились неистовства инквизиціи. Если бы онъ былъ нѣсколько осторожнѣе, юстиніановскимъ правовѣдамъ не пришлось бы впослѣдствіи уничтожать всякаго рода свободу: ихъ дѣло было бы уже сдѣлано монахами. Но его нелѣпыя дѣйствія до того ожесточили и духовенство и мирянъ

противъ инквизиціи, что послѣ него никто не рѣшался принять на себя должность инквизитора въ Германіи.

3. Исторія Германіи отъ послѣднихъ годовъ царствованія Фридриха II до избранія Рудольфа Габсбургскаго.

Вскорѣ послѣ этихъ событій, Фридрихъ II пріѣхалъ въ Германію и, не смотря на противодѣйствіе папы, добился низложенія старшаго сына и избранія вмѣсто него будущимъ императоромъ втораго, Конрада. Объ этомъ уже было упомянуто нами выше (т. VII. стр. 268), такъ что здѣсь остается только сказать, до какой степени были пагубны для Германіи безпрестанныя отлучки императора и его система обращать ее въ орудіе своей итальянской политики. Зло происходило не отъ недостатка писанныхъ законовъ; напротивъ, эти враги вѣчнаго, изустнаго права, тогда сильнѣе, чѣмъ когда либо проникали въ жизнь, вытѣсняя обычное право, передававшееся отъ отца къ сыну и столь же древнее какъ самъ народъ. Письменность была даже въ духѣ того времени; къ половинѣ XIII столѣтія относятся оба извѣстныя собранія германскихъ правъ, швабское и саксонское зерцало (Schwabenspiegel und Sachsenspiegel); сверхъ того, въ 1234 г. Григорій IX составилъ и обнародовалъ собраніе папскихъ постановленій, которымъ новое каноническое право было упрочено почти въ той же мѣрѣ, какъ нѣкогда новое право государей кодексомъ Юстиніана (т. V. стр. 9); въ эту же эпоху жили и писали основатели философскихъ системъ, авторы учебниковъ и большихъ энциклопедій: Альбертъ Великій, Томасъ Аквинскій, Бонавентура, Венсанъ де Бове и другіе. Такимъ образомъ существовали и писанные законы и ученая разработка права; недоставало главнаго — ихъ исполненія. Что̀ было пользы въ судейскихъ приговорахъ, когда они оставались мертвою буквою и когда не было руки, заставлявшей повиноваться имъ? Нуждаясь въ дворянствѣ для своихъ итальянскихъ дѣлъ, Фридрихъ въ свою бытность въ Германіи надѣлялъ

его привилегіями, совершенно разрушившими государственное единство и безъ того уже непрочное. Отправляясь въ Италію, онъ оставилъ сыну войско, недостаточное для поддержанія императорской власти. Когда чехи и венгры умоляли о помощи противъ монголовъ, имперія не помогла имъ. Конрадъ принялъ крестъ и торжественно созвалъ князей, но на этомъ дѣло и остановилось, а Фридрихъ, преслѣдуя свои цѣли въ Италіи, не заботился о восточныхъ границахъ государства (т. VII. стр. 221).

Гораздо благороднѣе поступили имперскія сословія, когда папы пытались склонить ихъ къ измѣнѣ императору. На всѣ письма Григорія IX о низложеніи Фридриха, князья отвѣчали, что папа властенъ короновать избраннаго князьями императора, но не имѣетъ права избрать его. Иннокентій IV вначалѣ также не имѣлъ успѣха. На его ліонскій соборъ (т. VII. стр. 278) явились только немногіе германскіе духовные, и тѣ обращали больше вниманія на оправданія императорскаго уполномоченнаго Таддео ди Суэссы, чѣмъ на обвиненія Иннокентія, во всякомъ случаѣ не безосновательныя и вызывавшія у присутствовавшихъ обильныя слезы. На слѣдующій годъ (1246 г.) Иннокентію удалось измѣнить образъ мыслей большинства духовенства и склонить его подарками и обѣщаніями на свою сторону. Чтобъ подготовить народъ къ избранію новаго императора, была пущена въ ходъ молва о невѣріи Фридриха и разсказъ объ его отзывѣ о Моисеѣ, І. Христѣ и Мухаммедѣ. Это подѣйствовало, и многіе стали осмѣивать императора какъ безбожника, неимѣющаго ни чести, ни совѣсти и дружащагося съ невѣрными. Однако низложенію Фридриха упорно сопротивлялись маркграфы мейссенскій и бранденбургскій, герцоги брабантскій, баварскій, брауншвейгскій и саксонскій и король чешскій. Но монахи съумѣли устроить новый выборъ и безъ свѣтскихъ князей. Оба главы германскаго духовенства, архіепископы кёльнскій и майнцскій, самовластно созвали въ Вюрцбургѣ сеймъ, состоявшій исключительно изъ духовенства, его клевретовъ и вассаловъ, а доминиканскій монахъ помогъ имъ склонить одного свѣт-

скаго князя къ принятію императорскаго достоинства. Это былъ ландграфъ тюрингскій и гессенскій, Генрихъ, прозванный Распе, по его прежнему мѣстопребыванію, замку Распенбергу. Какъ владѣлецъ двухъ областей, онъ былъ довольно силенъ, но долго колебался сдѣлаться орудіемъ папы; его страшили недостатокъ въ деньгахъ, старость и недовольно знатное происхожденіе. Папа устранилъ первую причину нерѣшимости, приславъ 25 тысячъ марокъ, на что, при тогдашнемъ положеніи Германіи, можно было имѣть довольно значительное войско; съ остальными сомнѣніями и угрызеніями совѣсти справился духовникъ Генриха, доминиканецъ Эльгеръ фонъ Гонштейнъ, совершенно владѣвшій суевѣрнымъ ландграфомъ и смертельно ненавидѣвшій въ Фридрихѣ свирѣпаго гонителя своего ордена. Такимъ образомъ, Генрихъ Распе, внукъ ландграфа Германа, рѣшился выступить противникомъ того самаго человѣка, возвышенію котораго содѣйствовалъ его дѣдъ. Въ маѣ 1246 года онъ былъ провозглашенъ въ Вюрцбургѣ императоромъ, но тотчасъ же получилъ въ народѣ прозвище поповскаго короля, такъ какъ въ избраніи участвовали одни духовные. Его первыя дѣйствія были успѣшны. Конрадъ, хотѣвшій помѣшать сейму, созванному во Франкфуртѣ, былъ разбитъ недалеко отъ этого города и покинутъ швабами, которыхъ обвинялъ въ пораженіи. Это дало Генриху возможность перенести войну въ родовыя владѣнія Гогенштауфеновъ; но здѣсь счастье оставило новаго короля: сильные холода принудили его отступить отъ Ульма, и, возвратясь въ Тюрингію, онъ умеръ (февраль 1247 г.).

Майнцскій архіепископъ Зигфридъ умеръ еще прежде; но и безъ него было довольно духовныхъ и свѣтскихъ князей, желавшихъ имѣть призрачнаго государя, который былъ бы орудіемъ папы и ихъ собственнымъ. Даже чешскій король, герцогъ брабантскій и другіе князья, противившіеся избранію Генриха, перемѣнили теперь свой образъ мыслей. Но приверженцы были впрочемъ въ затрудненіи, потому что никто не соглашался принять пустой и опасный титулъ. Наконецъ, герцогъ брабантскій, отклонившій лично отъ

себя этотъ невыгодный почетъ, рекомендовалъ имъ сына сестры, графа Вильгельма Голландскаго, который и былъ избранъ въ октябрѣ 1247 г., при содѣйствіи папскаго легата. При этомъ приверженцы папы не обращали вниманія на честь имперіи, важность современныхъ обстоятельствъ и личныя свойства избираемаго: Вильгельмъ даже не былъ еще рыцаремъ, а народъ не хотѣлъ и знать его. Жители Ахена, гдѣ онъ долженъ былъ короноваться, не впускали его къ себѣ болѣе года. Его также не признавали и въ другихъ частяхъ имперіи, исключая Швабіи, гдѣ желали низложенія Конрада, для того, чтобы ослабить герцогскую власть, и нижней Саксоніи, гдѣ ему доставилъ нѣкоторое вліяніе бракъ его съ одною изъ дочерей герцога брауншвейскаго, Оттона Дитяти.

Съ раздвоеніемъ и униженіемъ императорской власти, для Германіи начинается самая бѣдственная эпоха. Глава государства сталъ смотрѣть на императорское достоинство какъ на средство для достиженія личныхъ цѣлей; князья и дворянство считали свои отношенія къ имперіи рабскимъ игомъ; все, что было не въ силахъ защищать себя, порабощалось монахами и разбойниками рыцарями, которые строили замки на всѣхъ рѣкахъ и дорогахъ, грабя и взимая пошлины съ проѣзжающихъ. Болѣе всего страдала Швабія, пограничные съ ней округа Баваріи, Тюрингія, Гессенъ, Пфальцъ и берега Рейна. За то города, соединившіеся для охраненія общихъ интересовъ, достигаютъ невѣдомой дотолѣ свободы. Такъ какъ ни Вильгельмъ, ни владѣтели названныхъ странъ не могли обуздать буйныхъ дворянъ, нѣжныхъ только съ дамами, то большинство мѣстныхъ городовъ и князей составили такъ называемый рейнскій союзъ, имѣвшій цѣлью уничтоженіе разбойничьихъ замковъ и защиту торговли отъ рыцарскихъ нападеній. Къ союзу, основателями котораго были жители Майнца, приступили: Базель, Фрейбургъ, Кольмаръ, Шпейеръ, Вормсъ, Оппенгеймъ, Майнцъ, Боппардъ, Боннъ, Кельнъ, Триръ, Мецъ, Фульда, Франкфуртъ, Гельнгаузенъ, герцоги и графы баварскій, вюртембергскій, пфальцскій, тюрингскій и многіе другіе города и владѣльцы. Вильгельмъ утвер-

дилъ его въ 1255 г., разрѣшивъ союзникамъ сформировать ополченіе, назначить ему предводителя и установить ежемѣсячные съѣзды. Союзъ этотъ продержался въ полной силѣ всего девять лѣтъ; приступившимъ къ нему князьямъ и рыцарямъ невозможно было оставаться долго въ ладахъ съ горожанами, такъ какъ они, по словамъ одного современнаго писателя, были слишкомъ падки на грабежъ и по своимъ сословнымъ предразсудкамъ считали для себя позоромъ, что купцы повелѣваютъ дворянами. Не такова была судьба другаго союза, образованнаго сѣверными городами; онъ продержался нѣсколько столѣтій и пріобрѣлъ бо́льшую славу потому, что въ немъ участвовали только равноправные члены: это былъ ганзейскій союзъ, началомъ котораго обыкновенно считаютъ договоръ, заключенный въ 1241 г. между Гамбургомъ и Любекомъ для защиты взаимной торговли; но еще за два года до этого Гамбургъ заключилъ подобный же союзъ съ гаделерами и западными фризами для охраненія своего судоходства по Эльбѣ. Прежде всѣхъ приступилъ къ гамбурго-любекскому союзу Брауншвейгъ (1247 г.), признававшій за вельфскими герцогами только почетныя права и принадлежавшій къ числу городовъ, торговавшихъ съ сѣверомъ произведеніями нижней Саксоніи. Вслѣдъ за нимъ мало по малу присоединились къ союзу и другіе сѣверные города; однако, значеніе ганзы упрочилось не ранѣе слѣдующаго столѣтія. На сколько необходимы были союзы въ родѣ рейнскаго и ганзейскаго, можно заключить изъ распри между герцогомъ Альбрехтомъ Брауншвейгскимъ и архіепископомъ майнцскимъ Гергардомъ, то есть между двумя первостепенными имперскими князьями. Въ то время какъ Альбрехтъ былъ занятъ осадою какого-то замка, Гергардъ и графъ фонъ Эберштейнъ вторглись въ его владѣнія и какъ дикіе варвары опустошили окрестности Геттингена. Послѣ этихъ подвиговъ они двинулись въ готскія владѣнія, гдѣ хотѣли взять монастырь Фолькенроду; но здѣсь ихъ настигъ геттингенгскій фогтъ и взялъ въ плѣнъ. Альбрехтъ былъ до того озлобленъ на нихъ за произведенныя въ его земляхъ неистовства, что повѣсилъ фонъ

Эберштейна за ноги, а архіепископа продержалъ очень долго плѣнникомъ.

Императорская и военная дѣятельность Вильгельма сосредоточилась на низовьяхъ Рейна, въ Вестфаліи и Нидерландахъ; на Рейнѣ города и даже его друзья епископы оказывали ему оскорбительное сопротивленіе, если онъ дѣйствовалъ несогласно съ ихъ желаніями; въ родовыхъ владѣніяхъ у него было множество хлопотъ съ фламандцами и западными фризами, а главное, онъ постоянно чувствовалъ недостатокъ въ войскѣ. Не смотря на это, при своихъ несомнѣнныхъ способностяхъ, онъ, вѣроятно, возстановилъ бы порядокъ, хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ государства, еслибъ его не свели преждевременно въ могилу распри съ сосѣдями по родовымъ владѣніямъ. Важнѣйшая изъ этихъ распрей находилась отчасти въ связи съ завоеваніемъ Константинополя латинянами. Бальдуинъ Фландрскій, сдѣлавшись императоромъ (1204 г.), отдалъ Фландрію и Геннегау двумъ дочерямъ, изъ которыхъ одна, Іоанна, умерла бездѣтной въ 1244 году, а другая, Маргарита, осталась такимъ образомъ владѣтельницей обѣихъ частей. Она еще въ 1212 году вышла замужъ за Бурхарда д'Авена и имѣла отъ него двухъ сыновей, Іоанна и Бальдуина. Но Бурхардъ, посвященный до женитьбы въ духовное званіе, вышелъ изъ него, и вслѣдствіе этого папа объявилъ бракъ недѣйствительнымъ, а дѣтей незаконными; напротивъ, Фридрихъ II, по просьбѣ Маргариты, призналъ сыновей ея законными наслѣдниками. Черезъ нѣсколько времени она познакомилась съ графомъ Вильгельмомъ де Дампьерромъ, вышла за него замужъ, и имѣя отъ него дѣтей, сама объявила первый бракъ незаконнымъ, а старшихъ сыновей лишенными правъ на наслѣдство. Изъ-за этого, между нею и сыновьями началась долголѣтняя распря, въ которую долженъ былъ вмѣшаться и Вильгельмъ, сперва какъ графъ голландскій и зять Іоанна д'Авена, а потомъ какъ императоръ. Еще до его избранія, въ Германіи состоялась сдѣлка, по которой дѣтямъ отъ втораго брака назначалась Фландрія, а дѣтямъ отъ перваго — Геннегау. Не соглашаясь на это,

Вильгельмъ вступился за права Іоанна, женившагося на его сестрѣ и бывшаго однимъ изъ его лучшихъ друзей, и пользуясь отказомъ Маргариты дать ленную присягу, лишилъ ее лена, передавъ его владѣнія Іоанну. Тогда Маргарита напала на его родовыя земли, а противъ сына призвала французовъ. Вильгельмъ, имѣвшій надежныхъ союзниковъ въ западныхъ фризахъ, съ ихъ помощью разбилъ на голову фламандцевъ, вторгшихся въ Зеландію (1253 г.) и потерявшихъ въ этой битвѣ до 30 тысячъ убитыми, а плѣнниковъ Вильгельмъ съ позоромъ отослалъ на родину голыми. Но фризы, храбро помогая ему какъ союзники, нисколько не считали себя обязанными слѣдовать за нимъ въ Германію или даже въ Италію, куда онъ замышлялъ предпринять походъ; Вильгельмъ же, надѣясь на свое мужество, храбрость и счастье, вздумалъ принудить ихъ къ этому силою. Западные фризы, подобно своимъ братьямъ, восточнымъ фризамъ и рюстрингамъ, дѣлились на роды и волости и повиновались племеннымъ князьямъ или республиканскимъ властямъ и народнымъ судамъ; впрочемъ, и у нихъ здоровый кулакъ и мускулистая рука часто считались самыми лучшими доказательствами права. Роды и волости постоянно враждовали между собою и даже въ отдѣльныхъ волостяхъ отправленіе правосудія нерѣдко вызывало ссоры. Потому побѣдить ихъ было не трудно; но покорить ихъ вполнѣ и прочно едва ли удалось бы, вслѣдствіе свойствъ ихъ страны, даже регулярному войску, а тѣмъ менѣе рыцарскимъ ополченіямъ. Вильгельмъ не подумалъ объ этомъ и поплатился за то жизнью. Напавъ на фризовъ осенью 1255 г., онъ разбилъ ихъ, занялъ значительную часть страны и хотѣлъ докончить завоеваніе зимою, когда замерзнутъ болота и топи. Начало было удачно: дрегтерлендеры были покорены; но однажды, когда Вильгельмъ поѣхалъ по замерзнувшему болоту, чтобъ показать дорогу пѣхотѣ, подъ нимъ подломился ледъ, а засѣвшіе въ тростникѣ фризы бросились на него и убили прежде, чѣмъ подоспѣла къ нему помощь.

Въ правленіе Вильгельма особенно замѣчательны его отношенія къ городамъ, прямо противоположныя политикѣ Фридриха II;

Вильгельмъ защищалъ ихъ права и свободу, разрѣшалъ и поддерживалъ ихъ союзы; при немъ возникли союзы рейнскій и ганзейскій, часть нижнесаксонскихъ городовъ получила новое, свободное устройство, а города его родовыхъ владѣній чрезвычайно возвысились, благодаря полученнымъ отъ него льготамъ.

При избраніи ему преемника, повидимому, воскресло прежнее курфирстское право и появляется такъ называемая избирательная коллегія. Въ выборѣ впервые участвуютъ также архіепископы кёльнскій, майнцскій, трирскій и владѣтели Саксоніи, Бранденбурга, Пфальца и Богеміи, а между ними главную роль играютъ три прелата. Изъ нихъ, Гергардъ Майнцскій находился еще въ плѣну въ Брауншвейгѣ, и потому выборъ предоставили Конраду Кёльнскому и Арнольду Трирскому. Оба остановились на иностранцахъ. Конрадъ, побѣждаемый друзьями Вильгельма, особенно Іоанномъ д'Авеномъ, предложилъ богатѣйшаго изъ принцевъ того времени, Ричарда Корнваллійскаго, брата англійскаго короля Генриха III, а Арнольдъ—кастильскаго короля Альфонса X, считавшагося, неизвѣстно на какомъ основаніи, самымъ могущественнымъ и умнымъ государемъ (т. V. стр. 208). Ричардъ имѣлъ на своей сторонѣ то преимущество, что былъ ближе и могъ имѣть прямыя сношенія съ Германіей. Трирскій архіепископъ расположился во Франкфуртѣ, обычномъ мѣстѣ выборовъ, обѣщалъ избирателямъ отъ имени Альфонса денегъ и объявилъ, что дѣйствуетъ по полномочію Саксоніи, Бранденбурга и Богеміи; но Ричардъ выкупилъ изъ плѣна майнцскаго архіепископа, а другимъ или сдѣлалъ подарки тотчасъ или надавалъ имъ вѣрныхъ обѣщаній. Это было существеннѣе словесныхъ обѣщаній кастильскаго короля, и потому архіепископы кёльнскій и майнцскій, вмѣстѣ съ пфальцграфомъ рейнскимъ провозгласили Ричарда императоромъ (январь 1257 г.); вслѣдъ за тѣмъ и Оттокаръ II Чешскій объявилъ себя въ его пользу. Однако Арнольдъ не уступилъ и избралъ отъ себя и по полномочію трехъ другихъ князей, Альфонса (апрѣль 1257 года). Но его кандидатъ даже никогда не былъ въ Германіи, тогда какъ

Ричардъ пріѣхалъ вслѣдъ за избраніемъ. потомъ бывалъ еще нѣсколько разъ и постоянно распоряжался, какъ государь. По поводу его первой поѣздки по Германіи, одинъ изъ современниковъ, повидимому искренній патріотъ, жестоко осмѣиваетъ избирателей и избраннаго, разсказывая анекдотъ, интересный, хотя не какъ исторія, но какъ мнѣніе о ней честнаго человѣка. Онъ слѣдующимъ образомъ описываетъ путешествіе новаго императора: „Явившись послѣ своего избранія въ Германію, Ричардъ заплатилъ большія суммы избирателямъ и другимъ епископамъ и князьямъ; такъ какъ онъ былъ очень богатъ, то князья провожали его по всему Рейну и вводили въ города, гдѣ его принимали съ торжествомъ изъ боязни къ провожатымъ. Но, доѣхавъ до Базеля, онъ израсходовалъ всѣ деньги; тогда разъѣхались и князья, говоря, что выбрали его только изъ-за денегъ, а не ради его личности; онъ вернулся домой другую дорогой.“ Сказанное выше о Ричардѣ и Альфонсѣ служитъ доказательствомъ, что этотъ разсказъ не можетъ быть вѣренъ; къ тому же Ричардъ возвратился въ Германію и ни въ первый разъ, ни въ слѣдующіе не былъ оставляемъ князьями. За то выданные имъ дипломы и свѣдѣнія о его путешествіяхъ вполнѣ подтверждаютъ, что онъ имѣлъ приверженцевъ, только благодаря своимъ деньгамъ и щедрой раздачѣ привилегій. Жителямъ Вормса онъ заплатилъ въ первую поѣздку за пріемъ 1000 марокъ наличными деньгами, а во второй пріѣздъ, найдя Вормсъ и Оппенгеймъ въ войнѣ съ баронами фонъ Штейномъ и фонъ Гунтгеймомъ, выдалъ послѣднимъ по 200 марокъ, чтобъ получить право сдѣлаться посредникомъ. Больше всѣхъ поживились отъ него веттераускіе имперскіе города Франкфуртъ, Фридбергъ, Гельнгаузенъ и Вецларъ. Въ 1269 г. онъ женился на красавицѣ Беатрикѣ фонъ Фалькенштейнъ и въ угоду ея роднѣ учредилъ фогтейскіе суды на Рейнѣ и въ Веттерау, что сильно не понравилось сосѣднимъ владѣльцамъ и городамъ. Свадьба была отпразднована въ возобновленномъ и отдѣланномъ Кайзерслаутернскомъ дворцѣ Фридриха Барбароссы, съ великолѣпіемъ, напомнившимъ празднества этого императора.

Желая извлечь выгоды изъ двойнаго избранія, папа потребовалъ къ себѣ обоихъ претендентовъ; но это не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій, а только сдѣлало его смѣшнымъ въ глазахъ всѣхъ, такъ какъ дѣйствительнымъ императоромъ былъ и остался Ричардъ. Для Германіи это царствованіе было во многихъ отношеніяхъ бѣдственно. Гогенштауфены, распродавъ свои владѣнія, потеряли всякое значеніе, тѣмъ болѣе, что Ричардъ, подобно предшественнику, не признавалъ за ними даже швабскаго герцогства; такимъ образомъ, родъ ихъ совершенно упалъ еще до итальянскаго похода Конрадина. Вмѣсто него въ Швабіи возвысились насиліемъ и грабежомъ графы вюртембергскіе. Законовъ постоянно писалось множество, но это были пустыя слова, страшныя только для слабыхъ и постоянно злоупотребляемыя сильными. Рыцари и бароны самоуправствовали повсюду, особенно противъ городовъ, большею частью имперскихъ и слѣдовательно независимыхъ отъ князей. Въ Тюрингіи, Веттерау, Швабіи, на Рейнѣ, Ланѣ и въ бургундскихъ земляхъ было почти столько же замковъ какъ въ Италіи, гдѣ, напримѣръ, въ небольшомъ округѣ Канавезе, между рѣками Дорой Бальтеой и По ихъ насчитывали до 200. По распаденіи рейнскаго союза, разстроившагося почти въ самомъ началѣ, въ Кведлинбургѣ была сдѣлана попытка образовать новый союзъ (1270 г.) для водворенія спокойствія въ государствѣ, но это было безполезно. Имперія распадалась отъ внутренняго безсилія, а съ востока грозилъ ей славянскимъ господствомъ Оттокаръ II, король чешскій, покорившій тогда Моравію, Австрію, Штирію и даже часть Баваріи, которую систематически разорялъ постоянно возобновляемыми вторженіями.

Среди этихъ грустныхъ обстоятельствъ было истиннымъ счастьемъ для имперіи, что по смерти Ричарда (1272 г.) выборъ палъ на Рудольфа Габсбургскаго, не только спасшаго, но и возстановившаго имперію. При его избраніи, семь первостепенныхъ князей являются курфирстами или представителями всей націи. Одинъ изъ нихъ, майнцскій архіепископъ Вернеръ, счелъ себя въ пра-

вѣ послѣдовать примѣру Конрада Кёльнскаго и дать имперіи государя, тѣмъ болѣе, что имъ руководили не денежные разсчеты, а исключительно добросовѣстное убѣжденіе и чувство благодарности. Онъ считалъ себя обязаннымъ Рудольфу Габсбургскому—владѣтельному графу въ Сѣверной Швейцаріи—за защиту во время поѣздки въ Римъ, и на этомъ основаніи настоятельно рекомендовалъ его избирателямъ. Сверхъ того, въ пользу Рудольфа дѣйствовалъ его двоюродный братъ, бургграфъ нюрнбергскій Фридрихъ фонъ Гогенцоллернъ, склонившій на его сторону Людовика II Баварскаго, нуждавшагося въ поддержкѣ противъ Оттокара II. Чешскаго короля исключили изъ числа избирателей, а на остальныхъ князей подѣйствовали два обстоятельства. Во первыхъ, у Рудольфа было пять незамужнихъ дочерей, такъ что холостые владѣтели Саксоніи и Бранденбурга и вдовецъ Людовикъ Баварскій надѣялись породниться съ императоромъ и извлечь изъ этого различныя выгоды; во вторыхъ, Рудольфъ на роднѣ постоянно воевалъ противъ городовъ, что было весьма важнымъ доводомъ въ его пользу, при тогдашнихъ отношеніяхъ рыцарства къ горожанамъ. Впрочемъ, ему случалось, подобно позднѣйшимъ итальянскимъ кондоттіери, продавать свои услуги и городамъ. Въ сущности, онъ вовсе не былъ незначительнымъ владѣльцемъ, какъ можно было бы заключить по его графскому титулу, безденежью и простотѣ. Ему достались отъ отца и матери, урожденной графини Кибургъ, графство Габсбургъ, Кибургъ, Ленцбургъ и нѣсколько имѣній въ Швейцаріи, Швабіи и Эльзасѣ; сверхъ того онъ былъ, подобно дѣду, фогтомъ Ури, Швица и Унтервальдена, а также многихъ монастырей, аббатствъ и епископствъ, начальствовалъ надъ Цюрихомъ, Фрейбургомъ и въ Юхтландѣ и пріобрѣлъ себѣ большую славу частыми походами, во время которыхъ предводительствовалъ значительными рыцарскими отрядами, безусловно ему преданными и пріученными къ строгой дисциплинѣ и патріархальной воздержности. Онъ былъ въ походѣ по найму и осаждалъ Базель, когда пришло извѣстіе объ избраніи его во Франкфуртѣ императоромъ

(29 сентября 1273 г.). Въ октябрѣ онъ торжественно короновался въ Ахенѣ и при этомъ выдалъ двухъ дочерей за герцоговъ Людовика Баварскаго и Альбрехта Саксонскаго.

4. Баварія и Австрія до избранія Рудольфа Габсбургскаго.

Въ такъ называемый періодъ междуцарствія, отъ смерти Фридриха II до воцаренія Рудольфа, считаемый временемъ смутъ и беззаконій самимъ Рудольфомъ, объявившимъ недѣйствительными всѣ изданныя въ это время постановленія, произошли важныя перемѣны въ герцогствахъ баварскомъ и австрійскомъ, имѣвшія вліяніе на характеръ управленія новаго императора.

Когда Фридрихъ Барбаросса одержалъ верхъ надъ Генрихомъ Львомъ (т. VI. стр. 480), Баварія досталась графу Оттону фонъ Виттельсбаху или фонъ Шейерну, оказавшему важныя услуги императору. Сынъ и преемникъ Оттона, Людовикъ I (1183—1231 г.) женилъ своего сына, Оттона Сіятельнаго, на единственной дочери старшаго сына Генриха Льва, пфальцграфа Генриха (т. VII. стр. 96), и по его смерти присоединилъ Пфальцъ къ владѣніямъ своего дома. Такимъ образомъ Оттону Сіятельному (1231 — 1253 г.) достались два значительныхъ владѣнія въ имперіи. Во время раздора Фридриха II съ старшимъ сыномъ, (т. VII. стр. 267), Оттонъ былъ на сторонѣ Генриха, за что подвергся сильнымъ гоненіямъ отъ Фридриха, но потомъ помирился съ нимъ и вошелъ къ нему въ милость. Черезъ нѣсколько времени они опять разсорились. Оттонъ впустилъ въ свои владѣнія папскихъ легатовъ, возмущавшихъ народъ противъ императора, и за это долженъ былъ воевать съ его приверженцемъ герцогомъ меранскимъ. Впослѣдствіи образъ мыслей Оттона снова измѣнился, онъ противился выбору монахами новаго императора и стоялъ за Фридриха и Конрада IV. Виновниками послѣдней перемѣны были, главнымъ образомъ, баварскіе епископы, отклонившіе герцога отъ папы и даже убѣдившіе его выдать свою дочь за Конрада (1246 г.);

отъ этого брака родился Конрадинъ. Когда Конрадъ былъ вытѣсненъ Вильгельмомъ изъ Швабіи, Оттонъ принялъ его къ себѣ и прогналъ изъ Баваріи папскихъ легатовъ, чѣмъ страшно озлобилъ противъ себя всю папскую партію. На Конрада же она была до того ожесточена, что незадолго до его итальянскаго похода епископъ регенсбургскій сдѣлалъ покушеніе на его жизнь. Люди епископа, подъ предводительствомъ Конрада фонъ Гогенфельса, ворвались однажды ночью въ спальню императора, убили многихъ изъ его слугъ, но не могли исполнить своего замысла, потому что Конрадъ успѣлъ спрятаться. Враждою Оттона и баварскаго духовенства съ папскими сторонниками воспользовались чешскій король Венцель или Венцеславъ I и его сынъ Оттокаръ II. Будучи уже давно въ союзѣ съ папой, они стали поддерживать выгнанныхъ Оттономъ епископовъ и безпрерывными вторженіями страшно опустошали Баварію.

По смерти Оттона (1253 г.), его владѣнія перешли къ двумъ сыновьямъ, Людовику II и Генриху. Людовикъ, по прозванію Строгій, получилъ Пфальцъ и всю верхнюю Баварію съ городами Амбергомъ, Регенсбургомъ и Мюнхеномъ; Генрихъ, нижнюю Баварію съ Штраубингомъ, Дингельфингеномъ и Ландсгутомъ. При избраніи императора они подавали голоса сообща, и, нуждаясь въ опорѣ противъ Оттокара, уже завладѣвшаго сосѣднею имъ Австріею, послушались бургграфа нюренбергскаго и объявили себя въ пользу Рудольфа Габсбургскаго. Людовика побуждали къ этому и личныя соображенія; онъ убилъ, по одному подозрѣнію, невинную жену и ея друзей, и надѣялся избѣжать наказанія, женившись на которой нибудь изъ дочерей Рудольфа. Это ему удалось; Рудольфъ при всей честности и прямотѣ принесъ жертву требованіямъ политики и отдалъ за него одну изъ дочерей.

Австріею владѣлъ съ 1230 г. Фридрихъ Воинственный, послѣдній герцогъ изъ бабенбергской фамиліи (т. VII стр. 269). Фридрихъ II и Петръ Девинь взводили противъ него въ своихъ бумагахъ такія обвиненія, что если даже частица ихъ справедли-

ва, то ему слѣдуетъ дать совсѣмъ другое прозваніе. Онъ всячески тревожилъ государство и императора, но встрѣтилъ въ Фридрихѣ грознаго противника, пока тотъ не запутался въ итальянскихъ дѣлахъ. Въ 1236 г. императоръ предалъ герцога опалѣ, овладѣлъ Австріей какъ выморочнымъ леномъ и сдѣлалъ Вѣну имперскимъ городомъ. Но изгнанный герцогъ вернулся и завоевалъ свои владѣнія, а императоръ, занятый итальянскими дѣлами, былъ вынужденъ возвратить ему всѣ права (1239 г.). Вслѣдъ за тѣмъ Фридрихъ Воинственный оказалъ государству важную услугу отраженіемъ монголовъ. Всѣ остальныя войны его были разбойничьими набѣгами и вообще вся жизнь непрерывною тревогою; но при вторженіи монголовъ его дикій нравъ и грубыя, но мужественныя шайки послужили оплотомъ для Германіи. Онъ заставилъ монголовъ отказаться отъ задуманнаго ими нападенія на Вѣну и Нейштадтъ, потомъ напалъ на нихъ вмѣстѣ съ чешскимъ королемъ, аквилейскимъ патріархомъ, герцогомъ каринтійскимъ и маркграфомъ баденскимъ, разбилъ ихъ отступавшія полчища и цѣлый годъ оставался съ войскомъ на границахъ. Этимъ онъ, конечно, заслужилъ отличіе, данное ему Фридрихомъ въ Веронѣ (1245 г.) совершенно по другому поводу. Императоръ подтвердилъ дарованныя ему въ 1156 г. Фридрихомъ Барбароссою привилегіи, по которымъ австрійское герцогство могло быть наслѣдственнымъ въ женской линіи бабенбергскаго дома, а въ случаѣ бездѣтной смерти послѣдняго герцога мужской линіи переходить къ назначенному имъ лицу. Кромѣ того онъ предоставилъ ему нѣкоторыя другія права, помышляя даже дать ему королевскій титулъ, чтобъ сравнять съ чешскимъ королемъ. Послѣ этого герцогъ снова принялся за прежнее ремесло, сталъ нападать на Зальцбургъ, Баварію, Венгрію, и, воюя противъ венгерскаго короля Белы IV, былъ убитъ въ сраженіи при Лейтѣ далматскимъ предводителемъ Франджипани (1246 г.).

Онъ не оставилъ дѣтей и не назначилъ наслѣдника, такъ что императоръ хотѣлъ завладѣть Австріей, какъ выморочнымъ ле-

номъ, и послалъ туда намѣстникомъ графа Оттона фонъ Эберштейна. Но австрійскіе чины рѣшились избрать себѣ принца изъ прежней династіи и остановились на одномъ изъ сыновей незадолго до того умершей сестры Фридриха Воинственнаго, Констанціи, бывшей замужемъ за маркграфомъ мейссенскимъ, Генрихомъ Сіятельнымъ. Еще до окончанія совѣщаній явился маркграфъ Германъ Баденскій, женился на племянницѣ Фридриха, Гертрудѣ, вдовѣ маркграфа Владислава Моравскаго, брата Оттокара II, завладѣлъ Австріей и отстоялъ ее отъ императорскаго намѣстника и венгерскаго короля Белы IV, выпросившаго ее себѣ у папы. Часть герцогства занялъ Оттонъ Баварскій на томъ основаніи, что она нѣкогда входила въ составъ Баваріи (т. VI. стр. 123). Германъ умеръ въ 1250 г., оставивъ малолѣтняго сына Фридриха Баденскаго, знаменитаго потомъ своей дружбою съ Конрадиномъ. Гертруда хотѣла сохранить герцогство за сыномъ, но должна была сама искать защиты у венгерскаго короля, опустошавшаго страну и убѣдившаго ее передать ему свои права. Наконецъ австрійскія сословія, наскучивъ пятилѣтней неурядицей, отправили посольство къ Генриху Сіятельному Мейссенскому (1251 г.). Оно было задержано на дорогѣ чешскимъ королемъ Венцеславомъ и вернулось домой, чтобъ ходатайствовать въ пользу его сына, Оттокара II, долго враждовавшаго съ отцомъ и наконецъ получившаго отъ него маркграфство моравское. Оттокаръ, дѣйствительно, былъ избранъ и, чтобъ упрочить свои права, женился на второй сестрѣ Фридриха Воинственнаго, Маргаритѣ, вдовѣ старшаго сына императора, Генриха, жившей въ монастырѣ, Оттокаръ держалъ ее при себѣ девять лѣтъ, но потомъ, считая свою власть упроченной, прогналъ и, говорятъ, даже приказалъ отравить. Въ 1253 г. онъ наслѣдовалъ отцу въ Богеміи, получилъ отъ Ричарда Корнваллійскаго въ ленное владѣніе Австрію и Штирію и постоянно опустошалъ Баварію. Особенно доставалось отъ него Генриху герцогу нижнебаварскому. Въ 1267 г. они примирились и когда Оттокара вслѣдствіе его славянскаго происхожденія лишили права

участвовать въ выборѣ императора, онъ склонилъ Генриха, уже подавшаго голосъ за Рудольфа, къ общему протесту противъ его избранія и даже къ вторженію во владѣнія Людовика Пфальцъ-баварскаго. Со стороны Генриха этотъ протестъ былъ рѣшительно непонятенъ и совершенно неоснователенъ; Оттокаръ, напротивъ, имѣлъ полное основаніе мстить за исключеніе изъ числа избирателей; сверхъ того онъ зналъ, что Рудольфъ, никогда не признававшій Ричарда законнымъ государемъ, не утвердитъ и пожалованія ему этимъ императоромъ Австріи.

5. Царствованіе Рудольфа Габсбургскаго.

Личность Рудольфа съ первой минуты его воцаренія сдѣлалась типомъ чуднаго, благороднаго характера, выработаннаго дикою, суровою, часто безбожно звѣрскою, но не изнѣженною и растленною эпохою. Такимъ онъ является и въ государственной дѣятельности, и въ частныхъ сношеніяхъ и въ семьѣ. Своими личными свойствами — храбростью, великодушіемъ, простотою, религіозностью, здравомысліемъ,—родоначальникъ габсбургскаго дома былъ несравненно выше всѣхъ своихъ потомковъ, возвеличенныхъ іезуитами, министерскими интригами и судьбою, доставлявшей имъ случай удить рыбу въ мутной водѣ. Его домашній бытъ своей бѣдностью и простотой приводитъ на память гомерическія времена или плугъ Цинцинната (т. III. стр. 204); вся его жизнь отличалась простотою, честностью, искренностью и добродушіемъ, а его жена, Гертруда фонъ Гогенбергъ, была болѣе прилежной хозяйкой, чѣмъ современныя женщины средняго круга.

Для того чтобы утвердиться на престолѣ, ему необходимо было одолѣть сильнаго врага, Оттокара Чешскаго. Ихъ борьба служитъ лучшимъ доказательствомъ, что въ то время небольшой владѣлецъ, съ помощью друзей и приверженцевъ могъ быть сильнѣе могущественнаго государя, а присоединеніе къ Рудольфу герцога Людовика Пфальцъ-баварскаго показываетъ, что самый значи-

тельный князь безъ содѣйствія рыцарства и городовъ былъ совершенно безсиленъ въ военномъ отношеніи. Къ войнѣ съ Оттокаромъ, Рудольфа побуждали кромѣ личныхъ видовъ и государственныя соображенія. Чешскій король, по смерти герцога каринтійскаго и крайнскаго, Ульриха (1270 г.), завладѣлъ посредствомъ подложнаго завѣщанія его землями, и братъ Ульриха, Филиппъ, просилъ защиты у новаго императора. Однако Рудольфъ былъ на столько благоразуменъ, что не началъ войны безъ надежныхъ союзниковъ. Онъ предварительно выдалъ двухъ дочерей за Людовика Пфальцъ-баварскаго и Альбрехта Саксонскаго, наградилъ своего родственника, нюрнбергскаго бургграфа Фридриха фонъ Цоллерна или Гогенцоллерна, признавъ наслѣдственными въ его фамиліи Нюрнбергъ, Ансбахъ и Байрейтъ, и старался стать въ хорошія отношенія къ папѣ. Это было не трудно, потому что добрый и честный Григорій X не требовалъ отъ него ничего чрезвычайнаго и самъ нуждался въ немъ противъ Карла I Анжуйскаго. Германскія дѣла, касавшіяся папы, были улажены на ліонскомъ соборѣ (т. VII. стр. 303). Туда собрались всѣ германскіе архіепископы, кромѣ зальцбургскаго, а Рудольфъ отправилъ своего канцлера, пробста Оттона Шпейерскаго и двухъ свѣтскихъ уполномоченныхъ, бургграфа нюрнбергскаго Фридриха и графа Готтфрида фонъ Зайна, не умѣвшихъ, впрочемъ, ни писать, ни читать и не знавшихъ латинскаго языка, на которомъ происходили совѣщанія. Номинальный императоръ Альфонсъ X и Оттокаръ Богемскій также послали въ Ліонъ уполномоченныхъ, но Григорій торжественно призналъ императоромъ Рудольфа, убѣдилъ кастильскаго короля отказаться отъ притязаній на Германію, и, что было гораздо важнѣе для Рудольфа, серьозно совѣтовалъ Оттокару прекратить сопротивленіе, объявивъ, что онъ отнюдь не долженъ расчитывать на папскую помощь. За это императоръ обѣщалъ папѣ выполнить все, обѣщанное нѣкогда Иннокентію III Оттономъ IV и Фридрихомъ II, когда первый искалъ помощи противъ Филиппа Швабскаго, а второй,

будучи мальчикомъ и не имѣя войска, хотѣлъ свергнуть съ престола сильнаго противника (т. VII. стр. 254).

Для успѣха въ войнѣ съ Оттокаромъ, у котораго Рудольфъ хотѣлъ отнять одну изъ обширнѣйшихъ восточныхъ провинцій имперіи, ему необходимо было содѣйствіе націи, и конечно онъ заслуживалъ его больше чѣмъ кто нибудь. Рудольфъ былъ набоженъ безъ суевѣрія, уважалъ достойныхъ служителей церкви, ревностно заботился о возстановленіи древнихъ обычаевъ, законовъ и правъ; силою заставлялъ рыцарей и владѣльцевъ уважать свободу другихъ, и въ то же время требовалъ отъ городовъ, чтобы съ умноженіемъ ихъ льготъ и достатка увеличивалось и участіе ихъ въ общественныхъ повинностяхъ, грозя въ противномъ случаѣ закладывать ихъ въ частныя руки въ силу стариннаго императорскаго права. Конечно, въ началѣ, передъ чешской войной ему приходилось потакать рыцарству, соединявшемуся съ князьями противъ императора и требованій справедливости; но впослѣдствіи онъ добрался и до него. Въ Германіи, послѣ долгаго времени возобновились, наконецъ, императорскіе сеймы и дни суда въ Ахенѣ, Кёльнѣ и Шпеерѣ, гдѣ притомъ гораздо больше говорилось о дѣлахъ существенно необходимыхъ, чѣмъ объ Оттокарѣ и его союзникѣ, Генрихѣ Баварскомъ. Судъ надъ Оттокаромъ начался только тогда, когда Германія вполнѣ почувствовала, что ею править настоящій государь, а не призракъ. Собравъ блестящій сеймъ въ Нюрнбергѣ (ноябрь 1274 г.), Рудольфъ потребовалъ къ себѣ чешскаго короля и Генриха Баварскаго, а когда они не явились, собравшіеся на сеймъ князья, по закону, повторили приглашеніе уже съ угрозами. Когда вызываемые не явились и по второму призыву, о нихъ составили строгій приговоръ и въ третій разъ потребовали въ Аугсбургъ. Сюда, наконецъ, явились отъ обоихъ обвиняемыхъ уполномоченные, но не съ повинною, а съ тѣмъ, чтобъ еще подлить масла въ огонь. Тогда Оттокаръ былъ подвергнутъ опалѣ (іюнь 1275 г.), надъ Генрихомъ же Рудольфъ медлилъ произнести осужденіе, надѣясь привлечь его на свою сторону.

До исполненія приговора онъ хотѣлъ окончательно расположить въ свою пользу Григорія X, и потому устроилъ свиданіе съ нимъ въ Лозаннѣ (октябрь 1275 г.). Здѣсь чрезвычайно искусно дѣйствовалъ въ пользу императора его другъ, францисканецъ Генрихъ фонъ Изена, обыкновенно называемый Генрихомъ Кнодереромъ или Гюртелькнопфомъ (кушачная пряжка), бывшій потомъ базельскимъ епископомъ и майнцскимъ архіепископомъ. Это былъ скорѣе свѣтскій человѣкъ и дипломатъ, чѣмъ монахъ; сынъ плотника, онъ открыто высказывалъ расположеніе къ рыцарству и презрѣніе къ духовенству. Папа поручилъ ему сборъ десятины съ духовныхъ имѣній, и онъ устроилъ такъ, что значительная часть этихъ денегъ была дана въ ссуду Рудольфу для чешской войны, взамѣнъ обѣщаннаго имъ крестоваго похода, которому однако не суждено было состояться. Рудольфъ, съ своей стороны, обѣщалъ дѣйствовать въ угоду папѣ въ расправѣ съ Франціей и Савоіей и во всѣхъ итальянскихъ дѣлахъ. Повидимому, Григорій тогда искренно привязался къ нему и его благочестивой, доброй женѣ; по крайней мѣрѣ, это доказывается дружескимъ письмомъ его къ императору во время предсмертной болѣзни. Онъ умеръ въ январѣ слѣдующаго года.

Устроивъ дѣла съ папой, Рудольфъ началъ серьозно готовиться къ войнѣ. Прежде всего онъ отвлекъ отъ Оттокара епископа зеккаускаго Бернгарда, бывшаго его уполномоченнымъ въ Аугсбургѣ и сильно преслѣдовавшаго императора и его сторонниковъ своими памфлетами. Потомъ онъ привлекъ къ себѣ и Генриха Баварскаго, дѣйствовавшаго, впрочемъ, весьма двусмысленно, давъ согласіе на бракъ своего сына, Оттона, съ дочерью Рудольфа, которой назначались въ приданое въ случаѣ побѣды надъ Оттокаромъ земли по Эннсу; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ взялъ деньги и отъ чешскаго короля, подкупившаго тогда многихъ князей соблюдать нейтралитетъ, и дѣлалъ въ своихъ владѣніяхъ всевозможныя затрудненія императорскому войску. Вообще мѣры Рудольфа имѣли преимущественно политическій характеръ. Онъ вошелъ въ перего-

воры съ миланской фамиліей делла Торре (т. VII. стр. 356), особенно съ Раймундомъ делла Торре, патріархомъ аквилейскимъ, и склонилъ на свою сторону венгерскаго короля Владислава IV, а графъ Мейнгардъ Тирольскій, на дочери котораго женился сынъ Рудольфа, Альбрехтъ, согласился вторгнуться въ Каринтію и Крайну. Чешскій король былъ гораздо сильнѣе противника, но Рудольфъ умѣлъ заслужить общее расположеніе своимъ дружелюбнымъ обхожденіемъ, тогда какъ Оттокаръ до того раздражилъ суровостью всѣхъ своихъ вассаловъ въ Австріи, Штиріи, Каринтіи и Крайнѣ, что они стали втайнѣ сноситься съ его врагами. Съ нѣмцами у Оттокара не было ничего общаго; чуждый имъ по происхожденію, онъ еще болѣе отдалился отъ нихъ, удаливъ первую жену, сестру Фридриха Воинственнаго (1261 г.), и женившись на польской княжнѣ; отъ своихъ вассаловъ онъ требовалъ заложниковъ въ вѣрности, что, конечно, не располагало ихъ къ нему; сами чехи не любили его за насилія и грабежъ; наконецъ онъ даже не принялъ порядочныхъ мѣръ противъ грозившей опасности: все это давало его противнику огромный перевѣсъ.

Въ сентябрѣ 1276 г. Рудольфъ спустился по Дунаю въ Австрію, а Мейнгардъ Тирольскій вторгнулся въ Каринтію, Крайну и Штирію. Вассалы Оттокара, разрѣшенные именемъ папы отъ присяги, приняли ихъ, какъ спасителей и друзей; только вѣнскій бургомистръ, преданный чешскому королю, готовился къ упорному сопротивленію; но послѣ пятинедѣльной осады жители принудили его сдать городъ. Рудольфъ быстро построилъ мостъ на Дунаѣ и, прежде чѣмъ Оттокаръ успѣлъ опомниться, сталъ уже готовиться къ нападенію на его родовыя земли. Это заставило его просить мира. Посредниками для назначенія условій мира выбрали епископовъ ольмюцскаго и вюрцбургскаго, маркграфа бранденбургскаго и бургграфа нюрнбергскаго. Они согласились на слѣдующія условія: Оттокаръ долженъ былъ присягнуть императору и отказаться отъ Австріи, Штиріи, Каринтіи, Крайны и имперскаго города Эгера; Рудольфъ — признать за нимъ Богемію и Моравію въ качествѣ имперскихъ леновъ; оба

противника должны были породниться посредствомъ двухъ браковъ: сына Рудольфа съ дочерью Оттокара и малолѣтняго сына Оттокара, Венцеслава II, съ одною изъ дочерей Рудольфа; императоръ обязывался дать своимъ дѣтямъ въ приданое часть австрійскихъ владѣній, а чешскій король удерживалъ за собою въ видѣ обезпеченія нѣкоторыя земли къ сѣверу отъ Дуная.

Оттокаръ считалъ этотъ миръ только перемиріемъ и тотчасъ же началъ готовиться къ завоеванію потерянныхъ земель. Онъ съ удовольствіемъ видѣлъ, что часть имперскихъ князей разъѣхалась по домамъ, а Рудольфъ вынужденъ былъ для содержанія оставшагося войска обложить Австрію значительными налогами, распространивъ ихъ даже на духовенство. Нанявъ войска въ Мейссенѣ, Тюрингіи, Силезіи, Польшѣ и даже у монголовъ, чешскій король собралъ вскорѣ такую армію, что новымъ пріобрѣтеніямъ императора грозила серьозная опасность. Сознавая это, Рудольфъ самъ сталъ готовиться къ войнѣ. У него было много приверженцевъ въ Франконіи, Швабіи и на Рейнѣ, которыхъ онъ чрезвычайно щедро одарилъ, простивъ имъ всѣ недоимки за время междуцарствія и оставивъ въ ихъ владѣнія всѣ захваченныя ими тогда государственныя имущества. На ихъ помощь онъ преимущественно и расчитывалъ въ настоящемъ случаѣ. Но они не оправдали его ожиданій: изъ Швабіи явилось всего трое, изъ имперскихъ князей прибыли также весьма немногіе; за то базельскій епископъ Генрихъ Кнодереръ одинъ привелъ съ собой сто рыцарей и охотно принялъ бы личное участіе въ войнѣ, если бы Рудольфъ согласился на это. Впослѣдствіи онъ все таки полагался болѣе на этотъ незначительный отрядъ друзей, чѣмъ на все многочисленное имперское войско. Венгерскій король Владиславъ IV согласился помогать ему и прислалъ своихъ венгровъ и тумановъ, изъ которыхъ послѣдніе не имѣли никакого понятія о христіанствѣ, а первые, кажется, забыли все, что знали о немъ. За эту помощь Рудольфъ долженъ былъ усыновить Владислава и помолвить свою дочь за его брата, Андрея Славонскаго. Это была пятая дочь, послужившая Рудольфу сту-

пенью къ трону. Первая была отдана Людовику Строгому Пфальцъ-баварскому, вторая Альбрехту Саксонскому, третья, Оттону, сыну Генриха Баварскаго, четвертую отецъ обѣщалъ сыну Оттокара, пятую же помолвилъ сначала за сына неаполитанскаго короля Карла II Анжуйскаго, а потомъ, передумавъ, обѣщалъ князю славонскому, и наконецъ, когда онъ, къ счастью бѣдной принцессы, умеръ, возобновилъ изъ политическихъ видовъ сношенія съ неаполитанскимъ принцемъ и окончательно отдалъ ему дочь (1281 г.).

Выступивъ изъ Вѣны противъ непріятеля, Рудольфъ сошелся съ нимъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ нея, на такъ называемомъ Мархфельдѣ. Здѣсь произошло рѣшительное сраженіе 26 августа 1278 г. Въ обѣихъ арміяхъ одинъ флангъ составляли варвары и не христіане: у Оттокара чехи и поляки, у Рудольфа—дикіе куманы и венгры. Сомнѣнія въ исходѣ сраженія не могло быть: на одной сторонѣ были только масса и слѣпая отвага, на другой—порядокъ, сознательная сила и рыцарское искусство, изощренное безпрерывными упражненіями и войнами. Къ тому же Рудольфъ привязалъ къ себѣ сподвижниковъ братскою любовью, тогда какъ вассалы Оттокара до того ненавидѣли своего повелителя, что, по всей вѣроятности, одинъ изъ нихъ и убилъ его. Послѣ упорнаго боя нѣмцы одержали полную побѣду; чешское войско было истреблено или бѣжало; самъ Оттокаръ былъ убитъ, или въ пылу сраженія, или потомъ, взятый въ плѣнъ. Можно было думать, что послѣ этой побѣды и смерти противника Рудольфъ легко завладѣетъ Богеміей, куда онъ уже двинулся, черезъ Моравію; но въ тѣ времена полководецъ не могъ такъ безусловно распоряжаться войскомъ, какъ теперь, а сверхъ того, сынъ сестры Оттокара, маркграфъ бранденбургскій Оттонъ, тотчасъ же принялъ регентство и опеку надъ своимъ двоюроднымъ братомъ, Венцеславомъ II, и выступилъ противъ Рудольфа. Желая избѣжать новаго кровопролитія, императоръ вступилъ въ переговоры, которыми былъ подтвержденъ прежній договоръ, и сверхъ того, Рудольфъ, въ возмѣщеніе военныхъ издержекъ, получилъ на пять лѣтъ Моравію. Австрію и

Штирію онъ отдалъ двумъ сыновьямъ, Альбрехту и Рудольфу, и потому именно двумъ, а не одному, что желалъ скорѣе упрочить ихъ за своимъ домомъ. Каринтію, согласно обѣщанію, онъ предоставилъ, впрочемъ только черезъ нѣсколько лѣтъ, графу Мейнгарду Тирольскому, дѣятельно помогавшему ему. Согласія князей на пожалованіе сыновьямъ одного изъ самыхъ значительныхъ имперскихъ леновъ онъ добился путемъ дружескихъ переговоровъ.

Пріобрѣтеніе Австріи давало ему огромное значеніе, но тѣмъ не менѣе даже въ южной Германіи онъ не могъ проявлять своей верховной судебной власти. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ только словами помогалъ своему зятю, Людовику Пфальцъ-баварскому, противъ его брата Генриха, возобновившаго враждебныя дѣйствія; для тріентскаго епископа, воевавшаго съ графомъ Мейнгардомъ Тирольскимъ, онъ тоже ничего не могъ сдѣлать. Вюртембергскій графъ, Эбергардъ II, одинъ изъ самыхъ хищныхъ и наглыхъ мелкихъ тиранновъ въ государствѣ, называвшій себя другомъ Бога и врагомъ всѣхъ людей, творилъ всевозможныя безчинства и отказывался даже признавать Рудольфа императоромъ: съ этимъ злодѣемъ Рудольфъ справился только черезъ восемь лѣтъ, по окончаніи войны съ Оттокаромъ. Графъ савойскій, графъ фонъ Пфиртъ и герцогъ бургундскій, поддерживаемые Франціей, сопротивлялись еще долѣе. Архіепископъ трирскій, враждовавшій съ рыцарствомъ своихъ владѣній и городомъ Кобленцомъ, принудилъ послѣдній къ сдачѣ и смѣялся надъ увѣщаніями императора, такъ что Рудольфъ только просьбами могъ помочь несчастнымъ горожанамъ. Въ Майнцѣ происходило почти тоже, что въ Трирѣ. Архіепископъ поссорился съ графомъ Іоанномъ фонъ Шпонгеймомъ за владѣніе замкомъ Бёкельгеймомъ и разбилъ графа съ его союзниками недалеко отъ Крейцнаха, при Шпрендлингенѣ; но этимъ дѣло не кончилось: въ него вмѣшались майнцскіе горожане, и Рудольфу стоило большаго труда остановить кровопролитіе. Конечно, онъ могъ бы водворить порядокъ, подражая своему зятю Венцеславу Чешскому, который казнилъ, вѣшалъ, колесовалъ непослушныхъ, разрушалъ замки и

превращалъ въ пепелъ цѣлые города; но только такою цѣною тишина была бы куплена слишкомъ дорого. Исторія походовъ, которые предпринималъ Рудольфъ для возстановленія права и справедливости, показываетъ, что онъ прибѣгалъ къ энергическимъ мѣрамъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о его частныхъ интересахъ. Тогда ему, обыкновенно, дѣятельно помогали швейцарцы и швабы, и притомъ не только рыцари, но даже крестьяне и пастухи маленькихъ кантоновъ; они всегда охотно и въ большомъ числѣ шли за нимъ: такъ, напримѣръ, въ походъ противъ герцога бургундскаго и графа фонъ Пфирта съ нимъ отправилось больше 1200 альпійскихъ пастуховъ. За то ни одинъ изъ германскихъ императоровъ не соединялъ въ себѣ въ такой мѣрѣ свойства демократическаго вождя съ монархическою представительностью, тамъ гдѣ она требовалась. Въ походахъ онъ самъ чинилъ свою фуфайку и однажды, когда не было провіанта, сѣлъ вмѣстѣ съ солдатами на землю и сталъ ѣсть съ ними рѣпу; въ другой разъ, онъ сдѣлалъ строгій выговоръ приближеннымъ, не хотѣвшимъ допустить къ нему простолюдиновъ, и вообще обходился ласково и дружелюбно со всѣми, безъ различія сословій. Но тамъ, гдѣ было нужно, онъ умѣлъ блеснуть императорскимъ достоинствомъ, никого не оскорбляя. Такъ, по смерти первой жены, онъ повезъ ея тѣло съ большой свитой въ Базель и похоронилъ ее тамъ съ удивительной пышностью; погребальное шествіе состояло изъ 1200 человѣкъ и всѣ несли свѣчи. Большимъ владѣльцамъ онъ старался указывать на ихъ истинныя выгоды, но, къ сожалѣнію, желая привязать ихъ къ себѣ общностью интересовъ, предоставилъ имъ чуть не императорскія права; противъ мелкихъ владѣльцевъ онъ дѣйствовалъ посредствомъ сеймовъ и заставлялъ ихъ присягать въ сохраненіи государственнаго спокойствія.

Какъ ни благодѣтельно было его управленіе, но память о Гогенштауфенахъ жила еще въ народѣ. Было даже повѣрье, что Фридрихъ II воскреснетъ и преобразуетъ испорченную религію; вслѣдствіе того въ Германіи появлялось множество самозванцевъ,

Изъ 20 или 30 подобныхъ людей, одинъ пріобрѣлъ такое значеніе, что Рудольфъ долженъ былъ лично выступить противъ него; но и тутъ онъ дѣйствовалъ съ обычнымъ хладнокровіемъ, умомъ и умѣренностью. Этотъ самозванецъ, Тиле Колупъ или Деревянный Башмакъ, былъ простой крестьянинъ изъ окрестностей Кёльна, но съумѣлъ такъ повести дѣло, что привлекъ къ себѣ все населеніе отъ Кёльна до Майнца и даже многихъ рыцарей. Ему охотно вѣрили, вслѣдствіе общаго ожесточенія противъ духовенства и потому, что еще живы были многіе солдаты Фридриха, обогатившіеся въ итальянскихъ походахъ. Рудольфъ долженъ былъ приступить къ Майнцу, гдѣ находился Тиле, но жители отказались его выдать, такъ что императору пришлось начать осаду. Желая кончить дѣло миролюбиво, онъ послалъ въ городъ бургграфа нюрибергскаго и графа фонъ Катценелленбогена, которые доказали народу, по возрасту Тиле, что онъ не можетъ быть Фридрихомъ II. Тогда Тиле бѣжалъ въ Веттерау и попалъ въ плѣнъ; его осудили за чародѣйство и сожгли, но предварительно имперскій маршалъ изгналъ изъ него волшебную силу.

Въ то самое время, какъ императоръ былъ занятъ этими смутами, сынъ его, Альбрехтъ Австрійскій, воевалъ съ своими вассалами и ихъ сообщниками, архіепископомъ зальцбургскимъ и Генрихомъ Баварскимъ, а на низовьяхъ Рейна свирѣпствовали грабежи, опустошенія и кровопролитная война. Здѣсь поссорились за обладаніе герцогствомъ лимбургскимъ герцогъ брабантскій и графъ гельдернскій и вмѣсто того, чтобы представить тяжбу въ имперскій судъ, призвали союзниковъ и взялись за оружіе. Въ сраженіи при Ворингенѣ (1288 г.) было убито болѣе тысячи рыцарей, и въ числѣ ихъ Генрихъ Люксембургскій, отецъ будущаго императора Генриха VII; архіепископъ кёльнскій, державшій сторону побѣжденнаго графа гельдернскаго, попался въ плѣнъ вмѣстѣ съ тысячью рыцарей; освободясь, онъ отлучилъ отъ церкви кёльнскихъ горожанъ, стоявшихъ за герцога брабантскаго, и построилъ противъ нихъ сильныя укрѣпленія. Рудольфъ долженъ

былъ не обращать вниманія на всѣ эти смуты, потому что иначе сильно поколебалъ бы свое значеніе. За то съ помощью друзей онъ возстановилъ спокойствіе въ Тюрингіи и Мейссенѣ.

Обѣ эти страны были издавна наполнены разбойничьими притонами и тамъ вѣчно господствовалъ безпорядокъ, вслѣдствіе безсилія ландграфовъ тюрингскихъ и маркграфовъ мейссенскихъ. Со смертью императора Генриха Распе пресѣклась мужская линія первыхъ, и съ того времени порядокъ въ этой странѣ окончательно исчезъ. Тюрингію захватилъ сынъ сестры Генриха Распе, маркграфъ мейссенскій Генрихъ Сіятельный, а дочь другой сестры, Софія, жена герцога брабантскаго, заняла Гессенъ именемъ своего сына Генриха Дитяти, предъявивъ притязанія и на Тюрингію. Такимъ образомъ вассалы получили возможность въ случаѣ неудовольствія на одного владѣльца обращаться къ другому. Ко всему этому сынъ Генриха Сіятельнаго, Альбрехтъ Шаловливый, получивъ отъ отца Тюрингію, своими любовными похожденіями возбудилъ кровавую распрю въ собственной семьѣ. Онъ былъ женатъ на дочери императора Фридриха II, Маргаритѣ, и имѣлъ отъ нея трехъ сыновей: Генриха, Фридриха съ укушенной щекой и Дицмана; но впослѣдствіи влюбился въ ея фрейлину и сталъ до того дурно обращаться съ женою, что только тайное бѣгство могло спасти ее отъ насильственной смерти. Прощаясь съ дѣтьми, она, судорожно рыдая, укусила щеку второму сыну, получившему отъ того свое прозвище, бѣжала во Франкфуртъ и скоро умерла тамъ съ горя. Альбрехтъ женился на своей любовницѣ и хотѣлъ лишить наслѣдства дѣтей отъ перваго брака, вслѣдствіе чего и началась упорная война. Рыцарство раздѣлилось на двѣ партіи; рѣзнѣ, грабежу и пожарамъ не было конца; крестьянъ и горожанъ обирали до чиста; вся Тюрингія превратилась въ разбойничій вертепъ и обширное поле битвы. По просьбѣ майнцскаго архіепископа, Генриха Кнодерера, не имѣвшаго возможности защищать тамошнія помѣстья своей епархіи, Рудольфъ отправился въ Эрфуртъ (1287 г.), пробылъ тамъ цѣлый годъ и возстановилъ

спокойствіе. Но едва онъ уѣхалъ, война возобновилась съ новою силою. Въ 1288 г. умеръ Генрихъ Кнодереръ, а Альбрехтъ попалъ въ плѣнъ къ своему сыну Фридриху, который освободилъ его только черезъ годъ; съ этого времени безпорядки еще усилились. Рудольфъ вторично отправился въ Тюрингію, собралъ въ Эрфуртѣ сеймъ и безпощадно наказалъ буйныхъ рыцарей. Его войска разрушили шестьдесятъ шесть разбойничьихъ замковъ; онъ самъ судилъ плѣнныхъ рыцарей въ Эрфуртѣ, и наказавъ ихъ, какъ простыхъ преступниковъ, водворилъ спокойствіе. Точно также пришлось ему дѣйствовать въ Швабіи и Франконіи, гдѣ въ 1290 г. было разрушено имъ болѣе семидесяти замковъ, и по Рейну, гдѣ онъ казнилъ разбойниковъ, не обращая вниманія на ихъ происхожденіе.

Относительно Италіи, Рудольфъ дѣйствовалъ прямо противоположно Гогенштауфенамъ, жертвуя ею для интересовъ Германіи. При свиданіи съ Григоріемъ X въ Лозаннѣ, онъ заявилъ, что сицилійское королевство никогда не принадлежало къ германской имперіи и предоставилъ папѣ Романью и наслѣдство Матильды, а Николаю III, какъ уже было сказано (т. VII. стр. 304), сдѣлалъ еще большія уступки. Современные папскіе историки утверждаютъ, что онъ условился съ Николаемъ раздѣлить священную римскую имперію на четыре части, изъ которыхъ Германію сдѣлать наслѣдственною въ своемъ домѣ, Бургундію отдать одному изъ сыновей, а Ломбардію и Тоскану обратить въ отдѣльныя королевства съ итальянскими династіями. Это еще можно извинить Рудольфу, но нельзя простить ему уступчивости предъ папскимъ легатомъ на вюрцбургскомъ сеймѣ и соборѣ. Тогда легатъ потребовалъ отъ духовенства огромной ежегодной подати папѣ; Рудольфъ поддерживалъ его и никто не смѣлъ противорѣчить, пока наконецъ епископъ Тула, Пробъ, швабъ изъ Тюбингена, не рѣшился возражать противъ папскихъ требованій, и ободренное его примѣромъ духовенство единогласно отвергло ихъ. Такимъ образомъ папскія притязанія рушились, но римскій дворъ сталъ

сильно преслѣдовать патріотовъ, за которыхъ никто не вступался. Рудольфъ боялся даже отправиться въ Италію, разсуждая въ этомъ случаѣ подобно Конраду III (т. VI. стр. 445) и сказавъ однажды, что Италію можно сравнить съ сказочной львиной пещерой, около которой видны слѣды только входившихъ, но не выходившихъ.

Въ своемъ семействѣ Рудольфъ былъ очень несчастливъ, отчасти по собственной винѣ. Средній изъ трехъ его сыновей, Гартманъ, любимецъ отца, предназначавшаго ему бургундское королевство, утонулъ вмѣстѣ съ одинадцатью товарищами, катаясь по Рейну. Старшій, Альбрехтъ, былъ совершенной противоположностью отца. Рудольфу хотѣлось имѣть его преемникомъ; но собравшіеся во Франкфуртѣ курфирсты не согласились на это (1291 г.), подъ тѣмъ предлогомъ, что Рудольфъ не былъ коронованъ папою, какъ императоръ, что, впрочемъ, до тѣхъ поръ ни сколько ему не мѣшало. Настоящею же причиною отказа было то, что друзья Рудольфа не любили Альбрехта за многое, между прочимъ и за наружность, которой недостатокъ въ одномъ глазѣ придавалъ пасмурное выраженіе, вполнѣ соотвѣтствовавшее его характеру, а главное за его деспотизмъ въ Австріи.

Послѣ этой неудачи, Рудольфъ, уже старый и больной, отправился изъ Франкфурта въ Эльзасъ, гдѣ въ послѣдній разъ собралъ свою семью. Оттуда, не смотря на усилившуюся болѣзнь, онъ поѣхалъ ввизъ по Рейну, въ Шпейеръ, и внезапно умеръ на самой рѣкѣ, около Гермерсгейма (15 іюля 1291 г.)

6. Адольфъ Нассаускій и Альбрехтъ I Австрійскій.

Сынъ Рудольфа, Альбрехтъ Австрійскій, — братъ и соправитель котораго, Рудольфъ, умеръ еще въ 1290 г., — отличался алчностью и жестокостью и до того притѣснялъ вассаловъ, что они громко роптали на нарушеніе правъ, стѣсненіе свободы, предпочтеніе, оказываемое въ ихъ сторонѣ швабамъ, и непомѣрно высокіе

налоги. Все это, конечно, не располагало въ его пользу избирателей, а сверхъ того ихъ страшили его деспотическій характеръ, физическая сила и неутомимая дѣятельность. Тѣмъ не менѣе онъ былъ увѣренъ въ своемъ избраніи, расчитывая, что никто изъ значительныхъ князей не рѣшится принять корону, и, завладѣвъ насильственно частью императорскихъ регалій, спокойно ждалъ исхода выборовъ, не дѣлая ни шага, чтобъ направить ихъ въ свою пользу. Этимъ воспользовался хитрый архіепископъ майнцскій Гергардъ фонъ Эппенштейнъ. Убѣдивъ собравшихся во Франкфуртѣ, но не могшихъ согласиться между собою курфирстовъ предоставить выборъ ему, онъ, къ общему изумленію, объявилъ императоромъ своего двоюроднаго брата, графа Адольфа Нассаускаго (май 1292 г.). Обманутый въ своихъ расчетахъ, Альбрехтъ подчинился этому рѣшенію и, хотя не тотчасъ, но все таки призналъ Адольфа императоромъ.

Адольфъ былъ сынъ Вальрама II, раздѣлившаго, въ 1255 г., нассауское герцогство съ своимъ братомъ, Оттономъ, и основавшаго старшую или вальрамскую линію, владѣвшую землями по лѣвому берегу Лана (Висбаденомъ, Вейльбургомъ и Идштейномъ); правый берегъ съ Дилленбургомъ, Бейльштейномъ и Зигеномъ принадлежалъ младшей оттонской линіи. Такимъ образомъ Адольфъ владѣлъ только половиною маленькаго графства, и хотя походилъ на Рудольфа рыцарскимъ характеромъ, храбростью и физической силой, но не имѣлъ ни значительнаго рыцарства подъ своей командой, ни бережливости и хозяйственныхъ способностей предшественника, а между тѣмъ отъ государства по прежнему нельзя было ожидать ни денегъ, ни помощи. Новый императоръ не могъ даже уплатить франкфуртцамъ денегъ, взятыхъ у нихъ на расходы по избранію, и долженъ былъ сдѣлать заемъ у майнцскаго архіепископа. Не смотря на то, онъ хотѣлъ подражать предшественнику, но потерпѣлъ неудачу именно въ томъ, что вполнѣ удалось Рудольфу. Адольфъ началъ съ того, что сдѣлалъ императорскимъ княземъ новаго владѣтеля Гессена, Генриха Дитя, и породнился

съ баварскимъ домомъ, обручивъ дочь съ сыномъ пфальцграфа Людовика. Потомъ онъ двинулся въ Эльзасъ и далъ почувствовать тамъ свою власть, наказавъ деспотическаго кольмарскаго бургомистра и нѣсколько городовъ на западной границѣ. Наконецъ онъ вздумалъ, подобно Рудольфу, пріобрѣсти себѣ наслѣдственное владѣніе,—но это и погубило его. Избравшіе его князья, не ожидавшіе, чтобы ничтожный, бѣдный князекъ сталъ дѣйствовать такъ энергично, рѣшились низложить его и, руководимые тѣмъ же предателемъ Гергардомъ, возстановили и государство противъ императора, въ которомъ хотѣли имѣть своего клеврета. Поводъ, послужившій къ тому, можетъ показаться невѣроятнымъ, но его подтверждаютъ всѣ современные лѣтописцы: Адольфъ принялъ денежныя субсидіи отъ другаго государя, и это сочли позоромъ для римскаго императора. Событіе это было вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Французскій и англійскій короли находились въ постоянной враждѣ; всѣ мирные договоры ихъ были только перемиріями, и враждебныя дѣйствія возобновлялись каждый разъ съ удвоенною яростью. Вскорѣ по избраніи Адольфа, Эдуардъ I началъ войну противъ Филиппа IV, и всюду искалъ союзниковъ, чтобъ напасть на Францію не только съ запада, изъ Гіенни, но также съ сѣвера и востока. Графъ фландрскій давно уже дѣйствовалъ за одно съ нимъ, а Адольфа онъ склонилъ на свою сторону, обѣщавъ ему 100 тысячъ марокъ, изъ которыхъ 30 тысячъ уплатилъ впередъ. Но Адольфъ не послалъ обѣщанной помощи, а ограничился объявленіемъ войны Филиппу, отвѣчавшему, что вызовъ, въ подлинности котораго онъ могъ бы почти усумниться, имъ полученъ. На англійскія деньги Адольфъ навербовалъ войско и съ помощью его сдѣлалъ попытку отнять Тюрингію и Мейссенъ у ихъ законныхъ владѣтелей.

Вражда Альбрехта Шаловливаго съ сыновьями отъ перваго брака, изъ которыхъ были живы только двое младшихъ, дошла до такого ожесточенія, что онъ непремѣнно хотѣлъ передать Тюрингію сыну отъ второй жены. Встрѣтивъ, однако, сильное сопро-

тивленіе со стороны тюрингскихъ сословій и старшихъ сыновей, наслѣдовавшихъ, между тѣмъ, послѣ двоюроднаго брата, Мейссенъ, онъ рѣшился продать Тюрингію и свои притязанія на мейссенское наслѣдство, на что, собственно, не имѣлъ никакого права. Адольфъ купилъ его владѣнія за 12 тысячъ марокъ и, набравъ на Рейнѣ и въ Веттерау многочисленныя шайки разбойниковъ, называвшихъ себя дворянами, отправился на завоеваніе Тюрингіи, такъ какъ ни сыновья Альбрехта, ни сословія не признавали этой сдѣлки. Его войско состояло изъ отвратительнѣйшей сволочи и возмутительно неистовствовало противъ мущинъ и женщинъ, церквей и монастырей, городовъ и деревень, посѣвовъ и стадъ. Фридрихъ и Дицманъ принуждены были уступить силѣ; но когда шайки Адольфа разбрелись, а озлобленіе тюрингцевъ достигло высшей степени, они напали на императора въ Мюльгаузенѣ и едва не убили его. Въ слѣдующемъ году онъ вернулся съ новыми войсками, вторгся въ Мейссенъ и опустошилъ его такъ же, какъ Тюрингію. Но Фридрихъ и Дицманъ не уступали ему въ настойчивости и вслѣдъ за его удаленіемъ снова явились въ свои владѣнія. Такимъ образомъ борьба длилась цѣлыхъ пять лѣтъ, ежегодно возобновляясь съ новыми неистовствами.

Эти войны послужили архіепископу майнцскому, герцогу саксонскому, макграфу бранденбургскому, чешскому королю Венцеславу и другимъ предлогомъ къ низложенію Адольфа, обманувшаго ихъ ожиданія. Они обратились къ Альбрехту Австрійскому и, будучи въ Прагѣ, по случаю коронаціи Венцеслава (1297 г.), условились свергнуть Адольфа съ престола и замѣстить его Альбрехтомъ. Со времени Карла Толстаго (т. VI. стр. 27) это было первымъ нарушеніемъ господствовавшаго принципа, въ силу котораго власть императора считалась исходящею отъ Бога и могла быть отнята у него только за проступки противъ церкви и ея служителей, и притомъ неиначе, какъ съ разрѣшенія папы. Безъ всякаго сомнѣнія, только личные расчеты побуждали князей предпочесть рыцарскому Адольфу тиранна, дѣйствія котораго въ Австріи не обѣщали ничего хорошаго для

государства. Альбрехтъ постоянно воевалъ съ сосѣдями, нарушалъ привилегіи штирійцевъ, уничтожилъ льготы Вѣны, которую осаждалъ цѣлые мѣсяцы, отнялъ у австрійскаго рыцарства всѣ права, стѣснявшія герцогскую власть, выжималъ у жителей огромныя суммы и отсылалъ ихъ за границу для покупки замковъ и помѣстій въ Швабіи и Швейцаріи. Во всемъ этомъ ему помогали швабы и швейцарцы, служившіе по найму, получавшіе лучшія мѣста и, конечно, ни мало не заботившіеся о правахъ австрійцевъ. Не довольствуясь тираннiей надъ подданными, онъ рѣшился возстать противъ императора. Начатое въ Прагѣ, было окончательно улажено въ Вѣнѣ (1298 г.) при обрученіи чешскаго князя съ венгерской принцессой. На это празднество пріѣхали три избирателя: герцоги чешскій, саксонскій и бранденбургскій, множество епископовъ, рыцарей, графовъ, герцоговъ, толпы венгровъ и кумановъ, и Альбрехтъ, склонивъ ихъ къ возстанію, уговорилъ многихъ рыцарей и владѣльцевъ двинуться съ нимъ на Рейнъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ послалъ денегъ въ Римъ, прося папскаго благословенія. Папою былъ тогда алчный, властолюбивый и заносчивый Бонифацій VIII; онъ принялъ деньги и разрѣшилъ все, о чемъ его просили; но потомъ, получивъ взятку и отъ Адольфа, имѣлъ наглость отпереться отъ грамоты, данной его противнику за его собственною подписью и печатью.

Альбрехтъ выступилъ въ походъ въ мартѣ 1298 г., но прежде чѣмъ онъ дошелъ до Рейна, императоръ, при помощи баварскихъ герцоговъ, собралъ сильное войско, такъ что вначалѣ ему удалось добиться оружіемъ такихъ же незначительныхъ результатовъ, какъ и его союзнику, майнцскому архіепископу, переговорами. Гергардъ три раза безуспѣшно созывалъ избирателей, наконецъ съѣздъ состоялся, но Альбрехтъ, принужденный отступить, не могъ на немъ присутствовать. Въ Ивановъ день 1298 г. собрались въ Майнцѣ курфирсты майнцскій, бранденбургскій и саксонскій, и устроивъ совѣщаніе въ соборѣ (такъ какъ они опасались, чтобы граждане не выгнали ихъ изъ города), взвели на Адольфа

цѣлый рядъ обвиненій. Они объявили, что онъ не только безполезенъ для государства, но и невѣренъ ему, потому что не заботится о полученіи императорской короны и объ Италіи, нарушаетъ государственное спокойствіе, вмѣсто того, чтобы охранять его; разоряетъ государство сеймами и отправленіемъ правосудія, о которомъ онъ сильно заботился; не предпринимаетъ войнъ, въ которыхъ рыцарство могло бы нажиться, а заставляетъ его уважать права и законы; изъ алчности отягощаетъ народъ чрезмѣрными налогами; пренебрегаетъ имперскими князьями; не оказываетъ почета дворянству; управляетъ не по указанію князей, а по собственному произволу, или слѣдуя совѣтамъ людей не благороднаго происхожденія; что онъ, взявъ деньги отъ англійскаго короля, не выполнилъ принятаго на себя обязательства и что наконецъ онъ наполняетъ государство разбойниками и допускаетъ возобновленіе замковъ и притоновъ, разрушенныхъ императоромъ Рудольфомъ. Въ силу всѣхъ этихъ обвиненій, заговорщики объявили Адольфа лишеннымъ императорскаго достоинства и, по условію, выбрали вмѣсто него, на открытомъ полѣ передъ Майнцемъ, герцога Альбрехта Австрійскаго.

Въ войнѣ, начавшейся послѣ этого, жители рейнскихъ городовъ остались вѣрны императору. Альбрехта не впустили во Фрейбургъ, а въ Эльзасѣ онъ даже за деньги не могъ достать продовольствія, тогда какъ его противникъ получалъ все даромъ. Адольфъ, поддерживаемый пфальцграфомъ Рудольфомъ, герцогомъ баварскимъ Людовикомъ, графомъ гессенскимъ, городами Вормсомъ, Шпейеромъ, Франкфуртомъ, Гельнгаузеномъ, Оппенгеймомъ и другими владѣльцами и городами, имѣлъ много войска; но оно было вооружено гораздо хуже непріятельскаго, а онъ самъ далеко не могъ равняться съ Альбрехтомъ въ военномъ искусствѣ. Австрійцы имѣли полное итальянское вооруженіе и мастерски управляли лошадьми, а тысячи венгровъ и куманов, отличные стрѣлки изъ луковъ, составляли легкую кавалерію, противъ которой Адольфу некого было выставить; его тяжелая, неповоротливая конница бы-

ла необыкновенно дурно вооружена. Альбрехтъ, тѣснимый въ Эльзасѣ, искуснымъ переходомъ отступилъ къ Майнцу и Цвейбрюккену, гдѣ съ нимъ соединились войска епископовъ майнцскаго, кёльнскаго, страсбургскаго и констанцскаго, графовъ Лихтенберга, Оксенштейна, Фрейбаха, Цвейбрюккена, Лейнингена и другихъ союзниковъ. Адольфъ настигъ его въ Пфальцѣ и навѣрно бы одержалъ верхъ, еслибы выждалъ прибытія подкрѣпленій; но горя нетерпѣніемъ покончить дѣло, онъ, прождавъ всего десять дней, далъ сраженіе на равнинѣ, простирающейся отъ Вормса къ горамъ, между деревнею Геллыгеймомъ и монастыремъ Розенталь (2 іюля 1298 г.). Три обстоятельства отняли у него побѣду: во первыхъ, австрійцы, имѣя мечи, которыми можно было и колоть и рубить, кололи ими неповоротливыхъ баварскихъ и пфальцскихъ лошадей, трупы которыхъ вскорѣ образовали цѣлыя стѣны на полѣ сраженія. Это дало огромный перевѣсъ легкой кавалеріи Альбрехта надъ тяжело-вооруженными противниками. Желая возстановить порядокъ, Адольфъ бросился на этотъ флангъ и такимъ образомъ былъ отвлеченъ отъ главнаго пункта сраженія. Наконецъ, къ довершенію несчастья, паденіе съ лошади лишило его обычной силы и хладнокровія въ ту самую минуту, когда они были всего нужнѣе. Ошеломленный паденіемъ и не имѣя силъ надѣть шлема, онъ былъ окруженъ толпою непріятелей, въ которой находился и Альбрехтъ; императоръ храбро отбивался отъ нападавшихъ, но палъ, убитый неизвѣстно кѣмъ. Говорили, что смертельный ударъ былъ нанесенъ ему самимъ Альбрехтомъ, но герцогъ австрійскій постоянно отрицалъ это. Баварскіе герцоги были ранены и удалились съ поля битвы въ Гейдельбергъ; но, не смотря на побѣду, Альбрехтъ не могъ взять даже Оппенгейма. Чтобъ быть единогласно избраннымъ, ему пришлось сложить для вида императорское достоинство и подвергнуться новому избранію, такъ что онъ, нѣкоторымъ образомъ, самъ осудилъ себя.

Не смотря на общее отвращеніе нѣмцевъ къ косому тирану, Альбрехтъ былъ вновь выбранъ въ Франкфуртѣ, 27 іюля,

и короновался въ Ахенѣ. Даже пфальцграфъ, къ которому онъ ѣздилъ извиняться, подалъ голосъ въ его пользу. Только Бонифацій VIII, надѣявшійся извлечь денежныя выгоды изъ тяжбы двухъ соперниковъ, не признавалъ новаго императора и всячески старался возстановить противъ него родню Адольфа. Съ этою цѣлью онъ сдѣлалъ въ слѣдующемъ году трирскимъ архіепископомъ его брата, Дитгера, вовсе не выбраннаго и никѣмъ не желаемаго. Но папѣ пришлось имѣть дѣло съ человѣкомъ, не уступавшимъ ему въ злобѣ и противопоставлявшемъ его коварству свои матеріальныя силы. Бонифацій прямо отвѣчалъ посольству Альбрехта, что человѣкъ, убившій своего государя, не достоинъ царства; а императоръ, съ короною на головѣ и мечомъ въ рукахъ, говорилъ князьямъ: „Папа можетъ сколько хочетъ отказывать мнѣ въ своей коронѣ: я избранъ князьями — и царствую." Видя что Альбрехтъ не заботится о его гнѣвѣ, Бонифацій сдѣлался еще злѣе и, открыто высказавшись противъ него, потребовалъ его къ себѣ на судъ, а императоръ заключилъ союзъ съ французскимъ королемъ Филиппомъ IV, также враждовавшимъ съ папой.

Если бы характеръ эпохи и свойства государя опредѣлялись только законами и письменными постановленіями, Альбрехта можно было бы счесть образцовымъ правителемъ, такъ какъ онъ началъ царствованіе однимъ изъ блистательнѣйшихъ сеймовъ (въ Нюрнбергѣ), когда либо бывшихъ въ Германіи, и тамъ востановилъ дѣйствіе старинныхъ законовъ о государственной безопасности. Но ихъ практическое примѣненіе встрѣтило неодолимыя препятствія. Нравственность упала почти въ той же степени, въ какой возрасло процвѣтаніе городской промышленности и могущество торговаго класса. Источникомъ богатства и пороковъ въ то время была Италія, какъ теперь Парижъ и Лондонъ. Торговыя сношенія ея съ Германіей перемѣнили направленіе и, оставивъ прежній путь чрезъ Баварію и Нюрнбергъ, направились черезъ швабскіе и эльзаскіе города. Горожане сдѣлались такъ богаты, что рыцари едва могли тягаться съ ними въ пышности и потому грабили купцовъ

и угнетали крестьянъ. Альбрехтъ освободилъ однажды плаванiе по всему Рейну отъ платежа пошлинъ, что прежде случалось весьма рѣдко; но едва онъ уѣхалъ, рыцари вновь заперли рѣку, такъ что ни одинъ купецъ не рѣшался плыть по ней. Принимая иногда мѣры, полезныя для горожанъ, Альбрехтъ ровно ничего не дѣлалъ для защиты крестьянъ, а напротивъ, дѣйствовалъ за одно съ ихъ притѣснителями. Одинъ изъ его ближайшихъ родственниковъ, эльзасскій ландфогтъ, страшно угнеталъ горожанъ и крестьянъ и предавался такой роскоши, что разъѣзжалъ по своему округу въ шляпѣ и поясѣ, осыпанныхъ драгоцѣнными камнями и стоившихъ огромныхъ денегъ, а свою жену одѣвалъ, какъ королеву. Чтобъ дать дворянству средства для подобныхъ издержекъ, императоръ совершенно подчинилъ баронамъ не только крестьянъ, но и горожанъ, жившихъ внѣ городовъ, и разрѣшилъ имъ поборы, которые можно прямо назвать грабежомъ.

Внутренній миръ, купленный убійствомъ Адольфа, поддерживался не долго, такъ какъ между подобными людьми не можетъ быть единодушія. Вначалѣ, Альбрехтъ былъ величайшимъ другомъ Гергарда Майнцскаго, но, почувствовавъ себя утвердившимся на престолѣ, достойно отплатилъ архіепископу и другимъ князьямъ за предательскія услуги, потребовавъ (1300 г.) возврата земель, пожалованныхъ имъ Адольфомъ. Это было страшнымъ ударомъ рейнскимъ курфирстамъ и пфальцграфу. Гергардъ былъ жестоко обиженъ имъ еще прежде, при заключеніи союза съ французскимъ королемъ. По поводу этого союза — заключеннаго для защиты чести обѣихъ коронъ — и обрученія старшаго сына императора, Рудольфа, съ сестрою французскаго короля, Альбрехтъ и Филиппъ IV съѣхались въ Катрво (Quatrevaux), въ 1299 г. Гергардъ, сопровождавшій въ числѣ другихъ императора, жилъ тамъ необыкновенно пышно, желая выказать блескъ своего государя и будучи убѣжденъ, что онъ заплатитъ за всѣ издержки. Къ несчастью, онъ сталъ противорѣчить Альбрехту, когда тотъ, по совѣту Филиппа, сталъ убѣждать присутствовавшихъ при свиданіи князей избрать преемникомъ ему

сына. За это императоръ, заплатившій при отъѣздѣ за всѣхъ князей, не выкупилъ заложниковъ, выставленныхъ, по обычаю, Гергардомъ для обезпеченія своихъ хозяевъ, такъ что архіепископъ долженъ былъ расплачиваться самъ. Страшно озлобленный этимъ, онъ тогда же сталъ громко говорить, что въ его охотничьей сумѣ столько королей, сколько ему угодно. Въ слѣдующемъ году, когда Альбрехтъ захотѣлъ отнять у него и другихъ прирейнскихъ князей земли, подаренныя Адольфомъ, онъ составилъ заговоръ, склонивъ къ нему двухъ другихъ духовныхъ курфирстовъ и пфальцграфа, который, будучи императорскимъ судьею, хотѣлъ даже употребить противъ императора свою судебную власть. Бонифацій также вошелъ съ ними въ сношенія и потребовалъ Альбрехта къ суду за убійство Адольфа и принятіе короны. Но Альбрехтъ не далъ врагамъ времени приготовиться къ войнѣ; быстро собравъ войско въ Швабіи и Эльзасѣ, онъ вторгся во владѣнія пфальцграфа (1301 г.) и, опустошивъ ихъ, напалъ на майнцское епископство, съ которымъ поступилъ такимъ же образомъ. Его походъ могъ служить доказательствомъ пользы стѣнъ, которыми въ то время окружали себя города и даже нѣкоторыя деревни. Онъ безпрепятственно прошелъ, грабя и опустошая все, отъ Вейсенбурга до Альцея, но долженъ былъ отступить отъ маленькаго, хорошо укрѣпленнаго Адольфсгейма; а Бингенъ, бывшій въ то время самымъ укрѣпленнымъ мѣстомъ на Рейнѣ послѣ Кёльна, весьма долго задержалъ его прежде чѣмъ сдался. Гергардъ, вынужденный просить мира, долженъ былъ подчиниться тяжелымъ условіямъ. Ему пришлось уступить Бингенъ и нѣсколько другихъ городовъ, возвратить всѣ государственныя имущества и внести въ императорское казначейство всѣ полученныя съ нихъ подати. Такимъ образомъ онъ испыталъ самый чувствительный ударъ для скупаго, потерявъ все неправильно нажитое. Не лучше пришлось и его союзникамъ. Съ епископами трирскимъ и кёльнскимъ Альбрехтъ легко и скоро справился, объявивъ ихъ владѣнія и лены внѣ защиты государства или, другими словами, предоставивъ рыцарству грабить ихъ; это произвело въ ихъ земляхъ

такую неурядицу, что оба епископа быстро подчинились императору; вслѣдъ за ними покорился пфальцграфъ, противъ котораго дѣйствовали швабы, а накоиецъ долженъ былъ смириться и главный зачинщикъ распри, Бонифацій. Онъ вступилъ въ переговоры и кончилъ тѣмъ, что призналъ римскимъ императоромъ человѣка, котораго прежде обвинялъ въ такихъ тяжкихъ преступленіяхъ. Могущество Альбрехта, обнаружившееся въ этомъ дѣлѣ, объясняется, во первыхъ, наклонностью его къ войнѣ и насилію, до того развитою въ немъ, что онъ не разъ во время прогулокъ съ намѣреніемъ топталъ засѣянныя поля, а во вторыхъ, тѣмъ, что его боготворили солдаты, единственные люди въ мірѣ, не исключая и его родственниковъ, питавшіе къ нему привязанность.

Не столь удачно для него кончился походъ противъ графа геннегаускаго, Іоанна д'Авена, предпринятый имъ до этой войны. Іоаннъ д'Авенъ, сынъ зятя и сподвижника Вильгельма Голландскаго (т. VII. стр. 375), завладѣлъ въ 1299 г. графствомъ голландскимъ, въ которомъ съ внукомъ Вильгельма пресѣклась владѣтельная фамилія. Онъ былъ ближайшимъ наслѣдникомъ его по женской линіи, но воспользовался своими правами безъ разрѣшенія императора. Альбрехтъ отправился наказать его (1300 г.) и уже сошелся съ его войскомъ у Нимвегена, но долженъ былъ оставить свое намѣреніе, вслѣдствіе устроеннаго Іоанномъ заговора мелкихъ князей. Передъ отступленіемъ онъ, при посредствѣ кельнскаго архіепископа, примирился съ Іоанномъ и уступилъ ему Голландію, въ качествѣ имперскаго лена.

Окончивъ дѣла на Рейнѣ и примирясь съ папой, Альбрехтъ жадно ухватился за доставленный Бонифаціемъ поводъ къ войнѣ въ Венгріи и Богеміи. По смерти Оттокара II, Богемія совершенно ослабѣла вслѣдствіе голода, заразы, внутреннихъ междоусобій и деспотическаго управленія маркграфа бранденбургскаго. При зятѣ Альбрехта, Венцеславѣ II, она опять поднялась, и въ его время въ ней дѣлаются замѣтными даже слѣды сношеній съ Италіею и вліянія итальянскихъ искусствъ. Почти то же происходило

и въ Венгріи; сверхъ того обѣ страны пришли въ соприкосновеніе съ тогда еще полуобразованной Польшей. Бела IV скоро оправился отъ послѣдствій монгольскаго вторженія (т. VII. стр. 218), и, начавъ войну съ Фридрихомъ Воинственнымъ, завялъ по смерти его Штирію, но долженъ былъ уступить ее, черезъ шесть лѣтъ, Оттокару II. Послѣ того у него началась продолжительная, кровопролитная распря съ роднымъ сыномъ, Стефаномъ IV, котораго онъ сначала короновалъ своимъ наслѣдникомъ, а потомъ хотѣлъ надѣлить только Трансильваніей и землею кумановъ и передать престолъ младшему сыну. Папскому легату удалось помирить ихъ, второй сынъ умеръ, и Стефанъ наслѣдовалъ отцу (1270 г.). Замѣчательно, что даже смерть Белы IV послужила поводомъ къ одной изъ кровавыхъ сценъ, которыми было переполнено его царствованіе: при погребеніи, францисканцы поссорились съ первымъ епископомъ Венгріи и дѣло дошло до драки, такъ что похороны обратились въ сраженіе и въ самой церкви началась рѣзня, въ которой погибло множество народа. Это можетъ дать намъ понятіе о тогдашнемъ положеніи страны. Кратковременное царствованіе Стефана (до 1272 г.) было занято войною съ Оттокаромъ, отъ которой страшно пострадали и Венгрія и Богемія. Даже послѣ заключенія мира Оттокаръ, по смерти Стефана, вмѣшался въ венгерскія дѣла, желая отнять престолъ у его старшаго сына, 10-ти лѣтняго Владислава IV, и передать младшему, Андрею. Но это ему не удалось. Враждою Владислава съ Оттокаромъ воспользовался императоромъ Рудольфъ въ своей чешской войнѣ и убѣдилъ венгерскаго короля принять въ ней участье; при этомъ онъ помолвилъ дочь за его брата. Владиславъ, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ опиравшійся на кумановъ, до того озлобилъ вельможъ, что они возстали подъ предводительствомъ Іоанна Гюссингена и дважды брали въ плѣнъ короля. Получивъ свободу при содѣйствіи вмѣшавшагося въ дѣло папы и видя себя слабѣе аристократіи, онъ просилъ помощи у Альбрехта, тогда еще герцога австрійскаго. Альбрехтъ разбилъ Іоанна и жестоко опустошилъ Венгрію. Вслѣдъ затѣмъ Владиславъ

былъ убитъ своими же сообщниками, куманами, которыхъ онъ также ожесточилъ противъ себя (1290 г.).

Послѣ него не осталось ни братьевъ, ни дѣтей, и потому императоръ Рудольфъ, признавая Венгрію выморочнымъ леномъ, отдалъ ее своему старшему сыну. Но мужская линія арпадскаго дома въ то время еще не совсѣмъ вымерла. Еще былъ живъ одинъ ея представитель, Андрей Венеціанецъ или Андрей д'Эсте, внукъ сводного брата Белы IV, Стефана. Его мать была изъ дома Эсте, а самъ онъ во время венгерскихъ смутъ бѣжалъ въ Венецію и женился тамъ на дочери нобиле Морозини. Въ царствованіе Владислава, онъ предъявлялъ свои права на Венгрію и нашелъ поддержку въ Альбрехтѣ Австрійскомъ, но потомъ, оставленный имъ, былъ забытъ и впалъ въ крайнюю бѣдность. По смерти Владислава, венгры провезли его, переодѣтымъ, изъ Вѣны въ Офенъ и провозгласили королемъ. Онъ женился на польской княжнѣ и постоянно воевалъ съ подданными и Альбрехтомъ, но наконецъ помирился съ послѣднимъ и, по смерти второй жены, женился на его дочери, благочестивой Агнесѣ. Съ нею водворились миръ и благочестіе, и вѣроятно Венгрія отдохнула бы на нѣсколько времени, еслибъ Бонифацій VIII не нашелъ выгоднымъ раздуть въ ней новую вражду. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло шло о политическихъ или денежныхъ выгодахъ, этотъ человѣкъ не отступалъ ни передъ чѣмъ, и потому, не щадя обратившагося къ благочестію Андрея, ни еще болѣе благочестивой Агнесы, онъ сталъ поддерживать новаго претендента на венгерскую корону, Карла Роберта, внука неаполитанскаго короля Карла II и сестры Владислава IV, явившагося въ Венгрію и нашедшаго тамъ многихъ приверженцевъ, благодаря содѣйствію Іоанна Гюссингена. Однако, не смотря на усилія Бонифація, Андрей удержался на престолѣ до самой смерти (1301 г.), а венгры даже послѣ него не захотѣли имѣть королемъ папскаго претендента. Легатъ имѣлъ наглость короновать его, въ Гранѣ, не спросясь народа, но магнаты, не обращая вниманія на угрозы Бонифація, предложили корону

чешскому королю Венцеславу II, который принялъ ее для своего сына, Венцеслава III, и обручилъ его съ дочерью Андрея. Соединеніе Венгріи съ Богеміей необходимо должно быть вызвать противодѣйствіе со стороны Альбрехта Австрійскаго, который не могъ смотрѣть равнодушно на новое усиленіе чешскаго короля, тѣмъ болѣе, что Венцеславъ не задолго до того пріобрѣлъ и Великую Польшу, женившись по смерти первой жены, нѣмки, на польской княжнѣ. Венцеславъ самъ далъ ему поводъ вмѣшаться въ свои дѣла, предложивъ посредничество въ венгерскомъ спорѣ папѣ. Бонифацій, какъ и слѣдовало ожидать, присудилъ Венгрію Карлу Роберту, а за Карла вступился императоръ, только что примирившійся съ папой. Онъ вступилъ въ Венгрію, прогналъ оттуда молодаго Венцеслава и, подкрѣпленный куманами, двинулся въ Богемію чрезъ Регенсбургъ; въ то же время въ нее вторгся, черезъ Моравію, сынъ его, Рудольфъ. Обѣ арміи успѣли соединиться и расположились въ виду непріятелей, у Куттенберга. Но Венцеславъ также имѣлъ многочисленное войско, навербованное въ Саксоніи, Бранденбургѣ и другихъ германскихъ земляхъ. Черезъ шесть недѣль средства Альбрехта истощились, его наемники разошлись, а куттенбергскіе горцы отравили ручей, протекавшій черезъ нѣмецкій лагерь. Это заставило его отступить въ Австрію.

Въ слѣдующемъ году (1305 г.) умеръ Венцеславъ II, и его сынъ, не будучи въ состояніи удержать трехъ доставшихся ему въ наслѣдство королевствъ, заключилъ миръ съ Альбрехтомъ, уступивъ ему городъ Эгеръ и права на Мейссенъ, сохранивъ за собой Богемію и Польшу, какъ имперскіе лены, и вовсе отказавшись отъ Венгріи. Тогда претендентомъ на нее выступилъ герцогъ нижнебаварскій, Оттонъ, сынъ дочери Белы IV. Имѣя въ Венгріи нѣсколькихъ друзей, онъ отправился туда, не сообразивъ, что въ ней не могъ удержаться даже Венцеславъ III, распоряжавшійся всѣми силами Богеміи и Польши, и что весьма немногіе изъ венгерскихъ королей procарствовали спокойно. Само собой разумѣется, ему пришлось, послѣ различныхъ приключеній, вернуться домой съ пу-

стыми руками. Въ Баваріи, въ его отсутствіе, возникла страшная неурядица, а самъ онъ совершенно разорился въ венгерскомъ предпріятіи. Пользуясь этимъ, дворянство и города Баваріи добыли отъ него первую баварскую льготную грамату, измѣнявшую порядокъ внутренняго управленія и оцѣнявшуюся весьма различно людьми различныхъ партій. Сущность ея заключалась въ томъ, что девятнадцать городовъ и семьдесятъ дворянскихъ фамилій купили себѣ у разорившагося герцога право суда первой инстанціи, — города на собственныя деньги, а дворяне на деньги крестьянъ, которые, по отзыву одного честнаго писателя XVI столѣтія, не имѣли отъ этого ни малѣйшей пользы, но должны были внести всю сумму, платя втрое съ каждаго клочка земли и каждой штуки скота. Послѣ неудачной попытки Оттона, въ Венгріи успѣлъ утвердиться Карлъ Робертъ, признанный королемъ въ 1309 г.; съ нимъ вступила на венгерскій престолъ анжуйская династія, какъ боковая линія дома Арпадовъ.

Богемія между тѣмъ подвергалась безпрерывнымъ переворотамъ. По смерти Венцеслава II, Польшею завладѣлъ его соперникъ, Владиславъ Локтекъ, такъ что Венцеславъ III удержалъ за собой только Краковъ. Чешскій король совершенно погрязъ въ пьянствѣ и распутствѣ, и сверхъ того предавался самому безумному мотовству; напримѣръ, на его коронацію съѣхалось тридцать восемь князей и 16 т. иностранцевъ съ 140 т. лошадей. Не смотря на то, онъ замышлялъ походъ въ Польшу и уже собралъ войско, но былъ убитъ тюрингскимъ рыцаремъ Конрадомъ фонъ Поттенштейномъ (1306 г.). Подданные ненавидѣли его, и потому легко можетъ статься, что это убійство не безъ основанія приписывали чешской аристократіи, подговорившей Конрада и потомъ повѣсившей его, чтобъ скрыть свое участье въ преступленіи. Въ убійствѣ обвиняли также и Альбрехта Австрійскаго, на котораго, обыкновенно, взводили все дурное, случавшееся въ его время; но въ этомъ злодѣйствѣ онъ, кажется, совершенно невиненъ. Съ Венцеславомъ III пресѣклась мужеская линія богемской династія. Часть знати избрала

ему преемникомъ Генриха, герцога каринтійскаго, мужа его сестры; но Альбрехтъ, хотя и не участвовавшій въ убійствѣ Венцеслава, желалъ однако извлечь изъ него выгоды и отправился въ Богемію съ войскомъ, собраннымъ для похода въ Тюрингію. Опасаясь продолжительной войны, чехи женили его сына, Рудольфа, на вдовѣ Венцеслава II, польской княжнѣ Елизаветѣ, и признали своимъ королемъ.

Изъ Богеміи, Альбрехтъ двинулся въ Тюрингію, надѣясь завладѣть и этою страною. Его звали туда еще до чешскаго похода ландфогты Адольфа, примкнувшіе послѣ его смерти къ императору, а также жители Эйзенаха и другихъ городовъ, купившихъ льготы отъ стараго ландграфа, но вновь притѣсняемыхъ имъ и его сыномъ Фридрихомъ съ укушенною щекою, и потому желавшихъ сдѣлаться вольными имперскими гражданами. Альбрехтъ объявилъ земли, занятыя ландфогтами Адольфа, государственными доменами и потребовалъ ландграфа въ Фульду, но въ это самое время былъ отвлеченъ отъ тюрингскихъ дѣлъ смертью Венцеслава. По возвращеніи изъ Богеміи, онъ опять не имѣлъ успѣха. Тогда жители Эйзенаха, предоставленные собственнымъ силамъ, заперли ландграфа въ Вартбургѣ и построили новый замокъ на эйзенахской горѣ. Здѣсь сыновья ландграфа, всю жизнь воевавшіе съ отцомъ, явились его союзниками въ дѣлѣ угнетенія городовъ. Они освободили Вартбургъ и направили на города, желавшіе сдѣлаться вольными, своихъ друзей тюрингскихъ рыцарей, жившихъ разбоями по большимъ дорогамъ. Горожане вновь обратились къ императору, но, къ ихъ несчастью, мѣра беззаконій этого тиранна тогда уже переполнилась, и судьба посылала ему ударъ за ударомъ. Первое войско, отправленное имъ въ Тюрингію, надъ начальствомъ фонъ Вальденау, было разбито и самъ предводитель его попалъ въ плѣнъ; тогда Альбрехтъ послалъ противъ тюрингскихъ разбойниковъ—швабскихъ, но они потерпѣли такое пораженіе при Луккѣ (1307 г.), что оно обратилось въ поговорку въ Тюрингіи. Послѣ этого ему уже не-

возможно было думать о новомъ походѣ, и городамъ пришлось подчиниться ландграфу Фридриху.

Среди этихъ неудачъ умеръ сынъ Альбрехта, Рудольфъ, и чехи возвели на престолъ Генриха Каринтійскаго. Альбрехтъ поспѣшилъ въ Богемію, но долженъ былъ отступить и извлекъ изъ похода только ту выгоду, что одинъ изъ его штирійскихъ вассаловъ успѣлъ завоевать для него Каринтію. Въ то же время возстали швейцарцы противъ намѣстниковъ Альбрехта, сдѣлавшихся изъ защитниковъ жестокими мучителями. Императоръ отправился въ Швейцарію, но тамъ его родной племянникъ, Іоаннъ, вонзилъ ему въ сердце кинжалъ. Это швейцарское возстаніе особенно замѣчательно для всеобщей европейской исторіи тѣмъ, что съ того времени въ Швейцаріи начала образовываться превосходная пѣхота, нанимавшаяся на службу другихъ государствъ и имѣвшая большое вліяніе на ихъ судьбу. Разсказъ объ этомъ возстаніи и о смерти Альбрехта относится къ слѣдующему періоду германской исторіи.

3. Исторія Англіи и Шотландіи до шотландскаго короля Іоанна Балліоля.

Исторія англійскаго короля Генриха III была доведена нами (т. VII. стр. 122) до смерти его достойнаго опекуна, Вильгельма Пемброка (1219 г.). Генриху было тогда всего двѣнадцать лѣтъ, а изъ приближенныхъ не нашлось никого, кто бы могъ управлять дѣлами и воспитать самого короля. Эта обязанность выпала на долю двумъ сообщникамъ Іоанна Безземельнаго: верховному судьѣ Англіи Губерту Боргу (Burgh), начальствовавшему при Іоаннѣ морскими силами, приготовленными противъ вассаловъ, и винчестерскому епископу Петру де Рошъ (des Roches), уроженцу Пуату, слѣдовательно, иностранцу. Королевскими замками все еще владѣли бароны, находившіеся въ полувраждебныхъ отношеніяхъ къ

королю и обѣщавшіе сдать ихъ при его совершеннолѣтіи. Поэтому Губертъ склонилъ папу признать Генриха совершеннолѣтнимъ въ 1224 г., за четыре года до законнаго срока, т. е. 21 года. Однако бароны объявили, что не признаютъ за папою права вмѣшиваться въ дѣла Англіи и, хотя черезъ два года согласились признать короля совершеннолѣтнимъ, но передали ему замки, только уступая силѣ.

Начавшееся такимъ образомъ правленіе не предвѣщало ничего хорошаго. Насиліе, естественно, должно было породить недовѣріе и вражду. Виновникъ ихъ, Боргъ, сдѣлался предметомъ общей ненависти. Съ другой стороны, первый успѣхъ поощрилъ Генриха къ дальнѣйшимъ притѣсненіямъ и несправедливостямъ, такъ что вступая въ управленіе, онъ, вопреки закону, не подтвердилъ великой хартіи. Однако война съ Франціею, грозившая потерею Гіенни и Пуату, и нужда въ деньгахъ заставила его признать права народа. При этомъ бароны принудили его отказаться отъ исключительныхъ правъ на лѣса и охоту, присвоенныхъ коронѣ Генрихомъ II, и издать особую лѣсную грамату (charta forestarum). Такимъ образомъ свобода была возстановлена безъ междоусобной войны и правленіе, повидимому, стало принимать конституціонныя формы; но новый порядокъ, введенный при Іоаннѣ, не успѣлъ еще войти въ нравы народа, такъ что и королевскіе министры и подданные считали честнымъ и похвальнымъ отнимать другъ у друга какъ можно болѣе правъ. Этой системы держался преимущественно Губертъ Боргъ, соединявшій въ себѣ наклонность къ деспотизму, послѣдовательность, твердость и умъ. Для наполненія королевской кассы онъ не отступалъ ни передъ чѣмъ, налегая больше всего на жителей Лондона, всегда дававшихъ въ гражданскихъ войнахъ рѣшительный перевѣсъ той сторонѣ, къ которой они присоединялись. По его совѣту, Генрихъ отказался отъ выполненія обѣихъ хартій подъ предлогомъ, что утвердилъ ихъ, будучи несовершеннолѣтнимъ и, слѣдовательно, не имѣя на то законнаго права; такимъ образомъ, всѣмъ имѣвшимъ какія нибудь льготы пришлось

платить вновь для того, чтобъ пользоваться ими; себя же Губертъ надѣлилъ огромными привилегіями, нарушавшими права другихъ. Послѣ того онъ поссорилъ короля съ его братомъ, Ричардомъ Корнваллійскимъ, у котораго захватилъ часть владѣній, удалилъ отъ двора епископа винчестерскаго со всѣми его приверженцами и простеръ притѣсненія до того, что сталъ взимать въ казну пятнадцатую, а потомъ еще сороковую часть движимаго имущества. Если бы Генрихъ былъ человѣкъ даровитый и съ военными способностями, онъ могъ бы сдѣлаться при такомъ министрѣ неограниченнымъ государемъ; но у него былъ слабый, взбалмошный и упрямый характеръ, сдѣлавшій его царствованіе одною изъ несчастнѣйшихъ эпохъ въ англійской исторіи. Эти свойства обнаружились уже въ его несогласіяхъ съ братомъ. Захвативъ земли Ричарда, онъ отвергнулъ требованіе судебнаго разбирательства, а когда Ричардъ взялся за оружіе, возвратилъ ему владѣнія, но все таки удержавъ при себѣ виновнаго во всемъ министра. Впрочемъ и самъ Губертъ дѣлалъ иногда промахи; главнымъ недостаткомъ его было совершенное отсутствіе военныхъ дарованій, въ то время существенно необходимыхъ первому министру. За то въ политикѣ онъ обнаруживалъ удивительный тактъ, особенно когда удержалъ молодаго короля отъ войны съ Франціей, не увлекаясь благопріятными, повидимому, обстоятельствами. Лудовикъ Святой вступилъ на престолъ одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ; пользуясь этимъ, многіе вассалы возстали, а нормандцы, недовольные французскимъ владычествомъ, хотѣли свергнуть его при помощи англичанъ; однако Генрихъ, слѣдуя благоразумному совѣту верховнаго судьи, уклонился отъ войны. Впослѣдствіи, когда обстоятельства совершенно измѣнились, онъ непремѣнно хотѣлъ воевать съ Франціей и сильно негодовалъ на Губерта, не приготовившаго транспортныхъ судовъ и этимъ заставившаго его отказаться отъ его завоевательныхъ плановъ.

Съ папой, король и министръ были въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ; между ними заключенъ былъ даже союзъ, и папа всѣ-

ми силами старался удержать бароновъ въ повиновеніи королю. За то ни одна страна, не исключая Германіи, управляемой столькими духовными князьями, не страдала такъ сильно, какъ Англія отъ папскихъ поборовъ. Изъ нея Григорій IX и Иннокентій IV выжали большую часть денегъ для борьбы съ Гогенштауфенами (т. VII. стр. 276). Безстыдство легатовъ доходило до того, что однажды они потребовали, чтобы въ каждомъ монастырѣ удержали нѣсколько доходнѣйшихъ мѣстъ въ пользу папы, и не разъ случалось, что у нихъ силою отнимали награбленныя деньги. Они нашли однако способъ въ цѣлости пересылать въ Римъ собранныя сокровища, водворивъ въ Англіи своихъ изобрѣтательныхъ соотечественниковъ, промышлявшихъ и въ остальной Европѣ денежною торговлею (т. VII. стр. 350). Итальянскіе мѣнялы и ростовщики вытѣснили изъ Англіи фламандскихъ, ввели тамъ векселя и вексельное право, но вмѣстѣ съ тѣмъ выжимали у народа процентами то, что не успѣвала захватить алчность духовенства и казны.

Въ 1232 г. возвратился въ Англію врагъ Губерта, Петръ Винчестерскій, ѣздившій послѣ своего паденія въ Палестину, и отплатилъ противнику пораженіемъ за пораженіе. Съ помощью своихъ друзей при дворѣ онъ вооружилъ короля противъ Губерта и убѣдилъ его удалить министра. Губертъ бѣжалъ въ церковь; но Генрихъ, нарушая право убѣжища и великую хартію, велѣлъ схватить его и выдать народу, не слушая приближенныхъ, сильно опасавшихся дурнаго вліянія этой революціонной мѣры. Духовенство вступилось за свое нарушенное право и вырвало изъ рукъ народа сильно пострадавшаго Губерта. Вторично схваченный королемъ, онъ былъ заключенъ въ темницу, но оттуда его силою освободили друзья. Черезъ полгода, непостоянный король простилъ его также безразсудно, какъ удалилъ, но Губертъ уже не рѣшился вернуться ко двору. Этотъ случай можетъ дать намъ понятіе объ общемъ характерѣ царствованія Генриха. Очевидно, государство не могло долго оставаться при порядкѣ, въ которомъ не законъ и правда, а на-

силіе руководили скипетромъ. При Петрѣ Винчестерскомъ, характеръ управленія не измѣнился; напротивъ, тираннія еще усилилась. Петръ замѣстилъ всѣ должности своими клевретами, а ими были только его земляки. Иностранцамъ роздали даже высшія мѣста въ администраціи, а сверхъ того изъ Бретани и Пуату выписали болѣе двухъ тысячъ рыцарей, которыми заняли королевскіе замки. Имъ жаловали графства и бароніи, ихъ дочерей выдавали замужъ за богатыхъ англичанъ, не хотѣвшихъ разсориться съ дворомъ, а ихъ самихъ переженили на вдовахъ и наслѣдницахъ, которыхъ насильно принуждали къ подобнымъ бракамъ. Такимъ способомъ образовалась организованная сила, которою можно было сломить всякое противодѣйствіе. Ни доводы государственнаго маршала, ни краснорѣчіе и насмѣшки Роджера Бэкона, краснорѣчивѣйшаго и остроумнѣйшаго человѣка того времени, не могли измѣнить настроенія короля: онъ держался новыхъ любимцевъ и хотѣлъ управлять народомъ вопреки его желаніямъ. Всѣ порядочные люди оставили дворъ, такъ что рядомъ съ величайшею анархіею господствовалъ величайшій гнетъ. Страна раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря: въ одномъ находился король съ приближенными, угнетая всѣхъ кого могъ одолѣть, въ другомъ—дворянство и горожане, грабившіе, сколько было силъ, правительство и его друзей. Дѣла не могли оставаться въ такомъ положеніи. Генрихъ былъ принужденъ подчиниться требованіямъ народа, и пожертвовалъ иностранцами; онъ отослалъ Петра въ его епископство и удалилъ французовъ (1234 г.). Но это принесло мало пользы. Все обусловливалось личностью короля, а онъ рѣшительно былъ неспособенъ къ серьознымъ занятіямъ и возбудилъ къ себѣ всеобщее презрѣніе, заключая постыдные договоры и раздавая важнѣйшія мѣста родственникамъ своей жены, Элеоноры Прованской (т. VII. стр. 289). Выдавъ свою сестру, Изабеллу, за императора Фридриха II (1235 г.), онъ началъ слѣдовать его политикѣ въ отношеніи римскаго двора, но потомъ дозволилъ папѣ обирать англійскую церковь, а итальянскимъ ростовщикамъ высасывать кровь изъ народа. Нуждаясь въ

деньгахъ, Генрихъ выманивалъ новые налоги у народныхъ представителей, публично извиняясь въ нарушеніи обязанностей и выслушивая отъ нихъ жесточайшіе упреки. Наконецъ, совершенно подчиняясь духовенству, онъ далъ ему неслыханныя права, рѣшительно несовмѣстныя съ общимъ духомъ саксо-норманнскаго быта.

Къ довершенію несчастья, возникли раздоры въ самой королевской семьѣ. Ихъ вызвалъ новый любимецъ, пріѣхавшій изъ франціи, Симонъ де Монфоръ, младшій сынъ героя альбигойской рѣзни (т. VII. стр. 241), наслѣдовавшій графство лейстерское и другія англійскія владѣнія отца, а также долю его воинскихъ талантовъ, которыхъ вовсе не имѣлъ старшій сынъ Симона, Амалрихъ. Едва успѣлъ молодой де Монфоръ пріѣхать въ Англію, какъ Генрихъ до нельзя привязался къ нему и женилъ его на своей сестрѣ Элеонорѣ, но они были обвѣнчаны въ дворцовой церкви, безъ соблюденія всѣхъ нужныхъ обрядовъ (1238 г.). Вліяніе Симона вскорѣ возбудило ревность въ Ричардѣ Корнваллійскомъ; онъ сталъ во главѣ недовольныхъ и заставилъ безхарактернаго короля удалить новаго временщика подобно двумъ прежнимъ. Симонъ отправился въ Римъ, склонилъ папу пышными обѣщаніями признать дѣйствительность брака, которую оспаривали съ политической стороны и, возвратясь въ Англію, снова вошелъ въ милость къ королю. Но и на этотъ разъ вліяніе его было непродолжительно. Не заплативъ папѣ обѣщанныхъ денегъ, онъ былъ отлученъ за это отъ церкви, съ позоромъ оставилъ дворъ и изъявилъ намѣреніе предпринять крестовый походъ, впрочемъ единственно для того, чтобъ имѣть поводъ обобрать своихъ вассаловъ и продать свои имѣнія, не возбуждая толковъ.

Такъ какъ Англія давно уже не вела внѣшнихъ войнъ, а деньги, выжимаемыя королемъ, расходовались внутри государства, то роскошь чрезвычайно усилилась въ это время. Иностранные товары сдѣлались ежедневною потребностью, духовенство и купечество употребляли для домашняго обихода золотую и серебряную посуду, а дворянство было до того пышно, что многіе выписывали

себѣ боевыхъ коней изъ Италіи. Однажды на придворномъ празднествѣ тысяча рыцарей явилась въ шелковыхъ платьяхъ и на другой день въ новыхъ парадныхъ костюмахъ. Въ такое время папскіе поборы были особенно чувствительны. Итальянцы высасывали наличныя деньги, а отливъ монеты въ Римъ страшно затруднялъ торговлю и производилъ путаницу во всемъ управленіи, такъ какъ въ то время монета была единственныхъ представителемъ цѣнности. Впрочемъ, надо сознаться, что обстоятельства, приводившія въ затрудненіе правительство, а иногда и промышленность, въ высшей степени благопріятствовали развитію искусствъ и наукъ; для нихъ настала въ Англіи чрезвычайно важная эпоха, подобная эпохѣ Альберта Великаго въ Германіи или основанію парижскаго университета во Франціи, а народный умъ получилъ совершенно новое направленіе, вслѣдствіе вліянія университетовъ, значеніе которыхъ усиливалось, благодаря недостатку книгъ и дѣятельности такихъ людей, какъ Роджеръ Бэконъ.

Папскіе поборы вывели, наконецъ, изъ терпѣнія самого короля; но и въ этомъ случаѣ, какъ всегда, онъ дѣйствовалъ необдуманно, непослѣдовательно, вспыльчиво и слабо. Созвавъ, въ 1246 г., народныхъ представителей и опираясь на нихъ, онъ постановилъ, чтобы впредь никто не смѣлъ платить папѣ какую бы то ни было подать и отсылать деньги въ Римъ. Но папа успѣлъ склонить на свою сторону Ричарда и нѣсколькихъ аристократовъ, и безхарактерный король малодушно отмѣнилъ свое постановленіе. Такое пренебреженіе къ народнымъ интересамъ еще болѣе ожесточило подданныхъ противъ правительства, а обнаруженная Генрихомъ слабость усилила смѣлость оппозиціи. Въ 1248 г. новыя финансовыя затрудненія заставили короля собрать парламентъ и тогда разразилась гроза. Генриху пришлось выслушать самыя жесткія укоризны за всѣ беззаконія, совершенныя въ его царствованіе. Ему напомнили, что онъ не замѣщаетъ вакантныхъ епископствъ и аббатствъ, чтобы грабить ихъ, ежедневно нарушаетъ народныя права, не имѣетъ отвѣтственнаго министерства, считаетъ министровъ не

чиновниками народа, а своими слугами, совершенно уничтожаетъ въ государствѣ полицейскій порядокъ и обращаетъ суды въ источникъ дохода. Злоупотребленія, дѣйствительно, превышали всякую мѣру: большія дороги сдѣлались въ Англіи даже менѣе безопасными, чѣмъ въ Германіи, а постоянная нужда въ деньгахъ совершенно предала короля въ руки ростовщиковъ, такъ что однажды онъ за большія деньги освободилъ отъ заключенія одного богатаго еврея, обвиненнаго въ подлогѣ и дѣланіи фальшивой монеты, а потомъ совершенно простилъ его, взявъ еще бо́льшую сумму. На этотъ разъ парламентъ рѣшительно отказалъ въ утвержденіи новыхъ налоговъ. Король былъ принужденъ продать все серебро и всѣ принадлежавшія казнѣ имѣнія и едва вымолилъ нѣсколько денегъ у жителей Лондона, подъ предлогомъ крестоваго похода и торжественно обѣщавъ исправиться. Приближенные, почти исключительно французы, жили открытымъ грабежомъ. Больше всѣхъ неистовствовали четыре сводныхъ брата короля, сыновья его матери отъ втораго брака ея съ графомъ де ла Маршъ. Они безъ зазрѣнія совѣсти охотились въ чужихъ лѣсахъ и жили въ Лондонѣ, ни за что не платя. Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ Генрихъ имѣлъ неосторожность купить у папы, для своего сына, Эдмунда, сицилійское королевство (т. VII. стр. 291), или, точнѣе, позволить римскому двору обмануть себя самымъ грубымъ образомъ, такъ какъ у папы въ этомъ дѣлѣ была, очевидно, одна цѣль: обобрать Англію. Вдавшись въ обманъ папскому легату и опустошивъ казну, Генрихъ сталъ занимать и грабить вездѣ, гдѣ было можно, и обременилъ государство долгомъ въ 350 тысячъ марокъ. Въ добавокъ, онъ пріобрѣлъ страшнаго врага въ зятѣ, графѣ лейстерскомъ Симонѣ де Монфоръ, и, въ то же время, обнаружилъ передъ цѣлымъ міромъ свою несостоятельность. Симонъ уѣхалъ послѣ втораго своего паденія во Францію, черезъ нѣсколько времени снова помирился съ шуриномъ и, сдѣланный правителемъ Гіенни, до того притѣснялъ жителей, что они послали грозную депутацію въ Лондонъ. Генрихъ рѣшился смѣстить Симона, но онъ, смѣясь надъ его гнѣвомъ, назвалъ ко-

роля въ глаза, при Ричардѣ и другихъ свидѣтеляхъ, лжецомъ и нехристемъ и остался управлять своею провинціею, а потомъ, возвратясь въ Англію, снова и окончательно разсорился съ королемъ.

Эта новая ссора была тѣмъ пагубнѣе для Генриха, что наглость его сводныхъ братьевъ и непомѣрные поборы римскаго двора вызвали, наконецъ, революцію. Въ 1258 г. денежныя затрудненія снова вынудили у короля согласіе на созваніе парламента. Дворянство явилось вооруженнымъ и заговорило такимъ тономъ, что Генрихъ тотчасъ же распустилъ депутатовъ, назначивъ новое собраніе въ Оксфордѣ. Тогда бароны, во главѣ которыхъ сталъ Симонъ, согласились ввести олигархическое правленіе, рѣшившись въ случаѣ нужды силою подчинить короля своимъ требованіямъ. 11 іюня 1258 г. собрался въ Оксфордѣ парламентъ, названный впослѣдствіи королевскою партіей бѣшенымъ (mad parliament), и бароны, пріѣхавшіе съ оружіемъ и своими вассалами, принудили Генриха удалить изъ Англіи иностранцевъ и признать новую форму правленія. Приведеніе въ дѣйствіе реформы было поручено коммисіи изъ двадцати четырехъ членовъ, избранныхъ на половину королемъ и дворянствомъ, давъ ей королевскую власть впредь до окончанія занятій. Она составила такъ называемую оксфордскую конституцію, почти замѣнившую монархію олигархіей. Великая хартія была возстановлена въ полной силѣ; назначеніе всѣхъ должностныхъ лицъ предоставлено двадцати четыремъ; коренная реформа судопроизводства и всего порядка управленія поручена государственному совѣту изъ пятнадцати членовъ коммисіи, которому, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставлялось право наблюдать за всѣми дѣйствіями короля; въ каждомъ графствѣ учреждены были коммисіи изъ четырехъ рыцарей для разбора жалобъ; наконецъ, парламенту опредѣлено сбираться не по усмотрѣнію короля, а ежегодно по три раза. Король долженъ былъ подписать новую конституцію вмѣстѣ со всѣми членами своего дома и обнародовать ее, какъ собственную волю, на трехъ языкахъ, употреблявшихся при дворѣ, въ судахъ и въ общежитіи (французскомъ, латинскомъ и англійскомъ).

Конечно, никто не станетъ защищать олигархіи, какъ постоянной формы правленія, и утверждать, чтобы она могла быть полезна, особенно въ средніе вѣка, при страшномъ преобладаніи рыцарства надъ народомъ. Но въ этомъ случаѣ подобный переворотъ былъ единственнымъ средствомъ къ возстановленію нагло нарушенной королемъ конституціи. Его результаты вполнѣ убѣждаютъ насъ въ томъ. Всѣ прежнія жалобы были разобраны и удовлетворены; судопроизводство и законодательство приведены въ систему, должностныя лица поставлены подъ контроль націи и сдѣланы отвѣтственными, во всемъ государствѣ возстановленъ порядокъ. Однако реформу эту нельзя было считать прочною, такъ какъ она отнимала всякое значеніе у королевской фамиліи и давала преобладающее вліяніе высшей аристократіи. Дѣйствительно, обѣ причины вызвали вскорѣ неудовольствія и волненія. Съ одной стороны протестовали сводные братья Генриха, Ричардъ Корнваллійскій, сдѣлавшійся, между тѣмъ, германскимъ императоромъ, и самъ король, разрѣшенный папою, въ 1261 г., отъ присяги подданнымъ; съ другой, аристократія разсорилась съ низшимъ дворянствомъ, предпочитавшимъ одного короля двадцати четыремъ. Сверхъ того, возстановленію спокойствія всячески препятствовалъ Симонъ Лейстеръ, явно желавшій революціи, чтобъ доставить престолъ своему дому; частыя же отлучки Ричарда въ Германію какъ нельзя болѣе благопріятствовали ему. Отъ времени до времени вспыхивали возстанія, даже начиналась междоусобная война, и короля дважды принуждали присягать оксфордскимъ постановленіямъ. Наконецъ, бароны согласились отдать дѣло на судъ Людовику Святому. Людовикъ произнесъ (1264 г.) безпристрастное рѣшеніе, выгодное обѣимъ сторонамъ; но это не повело ни къ чему: вражда партій дошла уже до той степени, гдѣ бываетъ возможенъ только одинъ исходъ—полное пораженіе и истребленіе противниковъ. Англичане отвергли приговоръ Людовика, какъ рѣшеніе одного короля въ пользу другаго; война возобновилась и обѣ стороны стали соперничать между собой въ насиліяхъ. Въ маѣ 1264 г. произошло рѣшительное сраженіе

при Льюисѣ (Lewes); у короля было больше рыцарей, чѣмъ у Симона; но за то Лейстеръ былъ отличный полководецъ; изъ королевскихъ же приверженцевъ командовать въ сраженіи могъ только старшій сынъ Генриха, Эдуардъ I; но онъ увлекся преслѣдованіемъ ненавистныхъ ему лондонскихъ горожанъ, составлявшихъ одинъ флангъ непріятельской арміи и весьма скоро обратившихся въ бѣгство. Его удаленіе дало Симону возможность выиграть сраженіе и взять въ плѣнъ короля и Ричарда; самъ Эдуардъ, вернувшись на поле битвы, долженъ былъ сдаться. Королева со вторымъ сыномъ, Эдмундомъ, бѣжала во Францію и, собравъ войска въ Гіенни и Пуату, предприняла высадку въ Англію.

Съ этой минуты Симонъ сдѣлался настоящимъ правителемъ государства. Плѣнный король подписывалъ все, чего отъ него требовали, и такимъ образомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ повелѣній о передачѣ союзникамъ королевскихъ замковъ и такъ называемыхъ пяти портовъ (cinque ports), то есть пяти главныхъ приморскихъ городовъ, объ измѣненіяхъ въ управленіи, наградахъ и полномочіяхъ Симону. Папа, разумѣется, отлучилъ Симона отъ церкви, но онъ велѣлъ бросить папскую буллу въ море и приказалъ духовенству вносить десятину не папѣ, а ему. Попытку королевы онъ легко уничтожилъ, потому что у ней не было денегъ, а чтобъ воспрепятствовать на будущее время высадкамъ, далъ жителямъ пяти портовъ каперскіе патенты противъ судовъ Гіенни и Пуату, производившихъ значительную торговлю съ Англіей. Эта мѣра возбудила сильное неудовольствіе, потому что вредное вліяніе ея на торговлю обнаружилось очень скоро. Аристократія также негодовала на тиранію, надменность и притязанія Симона, разсорившагося даже съ важнѣйшимъ лицомъ своей партіи, Джильбертомъ Глостеромъ, а королевскіе приверженцы собирались между тѣмъ на границахъ Уэльса, подъ предводительствомъ отважнаго Роджера Мортимера. Не смотря на все это, Симонъ владычествовалъ больше года. Главною опорою его былъ народъ, расположенный къ нему за мѣру, въ высшей степени важную для развитія англійской

конституціи. Онъ призвалъ въ парламентъ кромѣ аристократіи и высшаго духовенства по два депутата отъ низшаго дворянства каждаго графства и извѣстное число представителей отъ городовъ, такъ что при немъ впервые установились формы полнаго парламента послѣдующихъ эпохъ. Но грубое, наглое поведеніе его сыновей навлекло на него такую же всеобщую ненависть, какъ и на Генриха безчинства его сводныхъ братьевъ. Къ тому же Эдуардъ, привлекшій къ себѣ всѣхъ ласковостью, успѣлъ освободиться изъ плѣна, а англичане, привыкшіе къ опредѣленному, правильному ходу государственныхъ дѣлъ и считавшіе короля и народъ за одно цѣлое, ощущали потребность въ королевской власти еще гораздо сильнѣе, чѣмъ въ то же самое время нѣмцы. Эдуардъ призвалъ народъ къ оружію для освобожденія короля, и за нимъ послѣдовали массы, не смотря на враждебные ему манифесты, которые Генрихъ подписывалъ по требованію Симона. Когда началась война, Симону хотѣлось скорѣе кончить дѣло рѣшительнымъ сраженіемъ; онъ былъ увѣренъ, что талантъ и опытность дадутъ ему перевѣсъ надъ молодыми, горячими противниками, Мортимеромъ, Глостеромъ и Эдуардомъ. Но неудача при Льюисѣ сдѣлала Эдуарда осторожнѣе; онъ уклонился отъ сраженія даже при мнимомъ отступленіи Лейстера, а пошелъ на встрѣчу одному изъ его сыновей и, разбивъ его, окружилъ самого Симона. Увидя передъ собою всю непріятельскую армію, Симонъ догадался о пораженіи сына и понялъ свою участь, подобно Ганнибалу, угадавшему по головѣ Гасдрубала судьбу Карѳагена (т. III. стр. 390). Онъ все таки принялъ сраженіе, желая умереть съ честью, и, погибнувъ геройской смертью, показалъ себя въ послѣдній день жизни достойнымъ своего отца; (августъ 1265 г.). Напротивъ, Генрихъ, находившійся въ его войскѣ, оказался страшнымъ трусомъ.

Сраженіе при Ивсгэмѣ (Evesham) уничтожило водворенный Симономъ порядокъ. Эдуардъ заранѣе условился съ Глостеромъ о возстановленіи прежней конституціи и прежнихъ правъ, съ тѣмъ, что король откажется отъ всѣхъ захватовъ, сдѣланныхъ

имъ и предками и означенныхъ въ хартіи, а съ другой стороны, будутъ отмѣнены всѣ новыя ограниченія королевской власти. И онъ, дѣйствительно, заботился о томъ, чтобы отецъ держалъ слово и не окружалъ себя иностранцами. Реакція, неизбѣжная при всякомъ внутреннемъ переворотѣ, была по возможности сдерживаема. Пострадали только семья Симона и помогавшіе ему владѣтель Уэльса и жители Лондона. Первая была изгнана, второй заплатилъ 32 т., а послѣдніе 20 т. марокъ пени.

Тотчасъ по возстановленіи спокойствія, Эдуардъ вновь разстроилъ финансы участьемъ во второмъ крестовомъ походѣ Людовика Святаго (т. VII. стр. 231) и возобновилъ прежнія притѣсненія. Все движимое имущество жителей было обложено сборомъ, простиравшимся до одной двадцатой части его цѣнности и этотъ, самъ по себѣ страшно тяжелый, налогъ сдѣлался еще обременительнѣе вслѣдствіе дурнаго способа взиманія его. О правильной системѣ налоговъ тогда не имѣли понятія, и настоящій случай обнаружилъ поразительно дурное состояніе государственнаго хозяйства. Оцѣнку движимости производили цѣлый годъ, такъ что при взиманіи налога дѣйствительная цѣнность ея успѣла уже совершенно измѣниться; сверхъ того, самый сборъ былъ сопряженъ съ огромными неудобствами и такими издержками, что казна получила только незначительную часть суммы, уплаченной подданными. Безразсудный характеръ управленія Генриха, дѣйствовавшаго не въ силу извѣстныхъ началъ, а по измѣнчивой прихоти и лицепріятію, обнаружился и въ привилегіяхъ, данныхъ имъ главнымъ городамъ рейнскаго и ганзейскаго союзовъ. Безъ всякаго повода, единственно по ходатайству брата, германскаго императора Ричарда, онъ предоставилъ Кёльну и Любеку право основать ганзу или гильдію въ Лондонѣ; на основаніи этой привилегіи никто не смѣлъ вмѣшиваться въ дѣла этихъ иностранцевъ и, такимъ образомъ, возникло въ государствѣ особое государство.

Генрихъ умеръ въ 1272 г., процарствовавъ 56 лѣтъ; Эдуардъ I, возвращавшійся тогда изъ Палестины, гдѣ своими под-

вигами возобновилъ память о Ричардѣ Львиное Сердце, не спѣшилъ въ свое королевство. Онъ пробылъ довольно долго въ Парижѣ, потомъ оставался цѣлый годъ въ Гаскони, воюя съ Гастономъ Беарнскимъ, ѣздилъ на турниръ въ Шалонъ, единственно для удовлетворенія своей страсти къ рыцарскимъ забавамъ, и вернулся въ Англію лѣтомъ 1274 г. Найдя финансы въ довольно хорошемъ состояніи, онъ не подтвердилъ, вступая на престолъ, льготныхъ хартій и сдѣлалъ это только черезъ 25 лѣтъ, нуждаясь въ содѣйствіи народа для своихъ завоевательныхъ плановъ.

Его рыцарскій, воинственный характеръ нашелъ себѣ пищу въ борьбѣ съ уэльскимъ княземъ Ллевеллиномъ (Llewellyn), окончившейся совершеннымъ покореніемъ давно уже подвластнаго Англіи древне-британскаго населенія Уэльса. Ллевеллинъ былъ вѣрнымъ союзникомъ Симона Лейстера и пользовался смутнымъ правленіемъ Генриха, чтобы со своими дикими уэльсцами, незнавшими въ то время даже хлѣба, грабить пограничныя англійскія владѣнія. Наказанный за это пенею, онъ по смерти Генриха возобновилъ набѣги и отказался отъ вассальной присяги. Эдуардъ двинулся противъ него, въ 1277 г., съ войскомъ, въ которомъ находился и изгнанный Ллевеллиномъ братъ его, Давидъ. Онъ занялъ всѣ выходы изъ страны, не производившей вовсе хлѣба, и принудилъ ее голодомъ къ подчиненію. Черезъ нѣсколько лѣтъ (1282 г.) уэльсцы поднялись противъ тяжкаго англійскаго господства, и на этотъ разъ Давидъ, понявшій намѣренія короля, помогалъ брату. Тогда Эдуардъ рѣшился истребить всю владѣтельную фамилію бриттскихъ королей и обратить Уэльсъ въ англійскую провинцію. Самъ онъ былъ несчастливъ въ этой войнѣ, но его другъ, Мортимеръ, встрѣтившись съ главными силами уэльсцевъ въ мѣстности, совершенно неблагопріятной для горцевъ, нанесъ имъ рѣшительное пораженіе; Ллевеллинъ былъ убитъ, и его выставили въ Лондонѣ на показъ. Преслѣдуемый Эдуардомъ, какъ дикій звѣрь, и выданный однимъ изъ своихъ подданныхъ, Давидъ былъ отправленъ въ Англію, преданъ суду пэровъ, осужденъ имъ, какъ разбойникъ, бунтовщикъ и государ-

ственный измѣнникъ, и четвертованъ (1283 г.). Эдуардъ роздалъ въ Уэльсѣ лены англичанамъ и ввелъ тамъ англійскіе законы и управленіе, сохранивъ изъ туземныхъ обычаевъ и правъ только то, что согласовалось съ англійскими учрежденіями. Жители Уэльса часто пытались сбросить это иго, но ихъ возстанія были всегда подавляемы. Черезъ нѣсколько времени, старшій сынъ короля получилъ титулъ принца уэльскаго, остающійся до сихъ поръ за наслѣдникомъ англійскаго престола.

Одновременно съ этою войною, Эдуардъ велъ другую, въ высшей степени безславную, противъ жившихъ въ Англіи евреевъ, которыхъ уже его отецъ и дѣдъ выжимали какъ губки. Чтобы поживиться ихъ громадными богатствами, онъ обложилъ ихъ сначала пенею, а потомъ изгналъ изъ своихъ владѣній, конфисковавъ все ихъ имущество (1290 г.). Впрочемъ, правда и то, что они обратили въ правильный промыселъ поддѣлку, обрѣзываніе и вывѣшиваніе монетъ. Изгнаніе евреевъ доставило ему несравненно больше наличныхъ денегъ, чѣмъ безчисленные процессы противъ духовныхъ и свѣтскихъ вассаловъ, у которыхъ онъ хотѣлъ отнять владѣнія и права, захваченныя ими во время смутъ, потому что почти всѣ эти судебныя изслѣдованія ничѣмъ не кончились.

Для внутренней исторіи Англіи его правленіе особенно важно тѣмъ, что онъ принялъ форму парламента, введенную Лейстеромъ, и такимъ образомъ далъ народу участье въ управленіи, которое народъ съумѣлъ сохранить за собой. Созвавъ парламентъ въ Шрьюсбёри (Shrewsbury), 1283 г., онъ пригласилъ, кромѣ бароновъ и высшаго духовенства, депутатовъ отъ городовъ и графствъ, расчитывая, что они могутъ служить противовѣсомъ аристократіи, будучи послушнѣе ея. Такъ возникла рядомъ съ палатою лордовъ палата общинъ; но дѣйствительной представительницею народа она сдѣлалась только черезъ нѣсколько столѣтій. Хотя общины тогда же получили право принимать отъ согражданъ жалобы для представленія королю, но эти представленія имѣли значеніе только при поддержкѣ бароновъ. Бароны одни были

совѣтниками короля, а народные представители сзывались единственно для того, чтобъ вотировать новыя подати, и притомъ сзывались не въ опредѣленные сроки и не въ одинаковомъ числѣ. Впрочемъ Эдуарду случалось назначать налоги безъ согласія парламента и произвольно взимать съ горожанъ и поселянъ суммы, въ которыхъ отказывали ему бароны. Вообще онъ пользовался, подобно французскому королю Филиппу IV, всѣми возможными при феодальной системѣ вымогательствами, чтобъ покрывать издержки блестящаго, дорогаго и деспотическаго правленія, наполненнаго турнирами и войнами. Онъ возвысилъ, между прочимъ, вдесятеро противъ прежняго, налогъ на шерсть, главную статью англійской торговли, а однажды, во время войны, велѣлъ отобрать у жителей все необходимое для иего количество хлѣба и скота. Тѣмъ же характеромъ энергическаго, безпощаднаго деспотизма отличались и всѣ другія мѣры Эдуарда; проступки наказывались жестоко и противозаконно, а внутреннее спокойствіе охранялось полицейскою властью, безъ разбора бросавшею всѣхъ въ темницы и казнившею праваго и виноватаго. Вообще въ Англіи совершались тогда вещи, которыхъ не смѣло бы позволить себѣ даже тогдашнее правительство Германіи. По всей вѣроятности, Эдуарду удалось бы уничтожить всякое ограниченіе монархической власти и возстановить полный произволъ, если бы онъ, наконецъ, не вывелъ изъ терпѣнія большихъ землевладѣльцевъ, соединившихся тогда съ народомъ. Вслѣдствіе того, ему пришлось формально и торжественно подтвердить прежнія хартіи и дать новую, заключавшую въ себѣ отмѣну всѣхъ введенныхъ имъ стѣсненій и обязательство не взимать налоговъ безъ разрѣшенія парламента.

Въ 1290 г. пресѣклась шотландская королевская династія, что открыло Эдуарду новые виды на завоеваніе Шотландіи. Эта страна, исторія которой до самаго двѣнадцатаго столѣтія наполнена баснословными легендами, давно уже принимала участье въ дѣлахъ Англіи, потому что ея короли, владѣя Кумберлендомъ и Нортомберлендомъ, были вассалами англійской короны. Въ 1175

году король шотландскій, Вильгельмъ, долженъ былъ признать свое королевство англійскимъ леномъ (т. VII. стр. 50), но Ричардъ Львиное Сердце снялъ съ него эту обязанность, сохранивъ только въ силѣ прежнія ленныя отношенія (1189 г.). Въ половинѣ XIII столѣтія шотландцы пришли въ столкновеніе съ норвежскими королями изъ-за сосѣднихъ острововъ, покоренныхъ норвежцами. Споръ былъ оконченъ миромъ между Магнусомъ VII Норвежскимъ и Александромъ III Шотландскимъ (1266 г.), причемъ первый уступилъ Шотландіи часть острововъ за ежегодный платежъ ста марокъ. Съ той поры оба короля, славившіеся, какъ законодатели, сдѣлались друзьями и скрѣпили союзъ бракомъ наслѣдника Магнуса, Эриха II, съ единственною дочерью Александра, Маргаритою. Въ 1286 г. со смертью Александра пресѣклась мужская линія шотландской королевской фамиліи. Маргарита умерла двумя годами раньше отца, и потому шотландскіе государственные чины провозгласили королевою ея трехлѣтнюю дочь, Маргариту, обыкновенно называемую Норвежскою Дѣвой, поручивъ управленіе государствомъ особымъ опекунамъ. Эдуардъ, давно уже старавшійся задобрить Эриха, помолвилъ эту дѣвушку за своего наслѣдника, Эдуарда II; но она умерла при переѣздѣ изъ Норвегіи въ Англію (1290 г.). Тогда явилось множество претендентовъ, изъ которыхъ имѣли нѣкоторое значеніе только двое: Іоаннъ Балліоль и Робертъ Брюсъ, происходившіе оба отъ брата короля Вильгельма. Балліоль былъ внукъ его старшей дочери, а Брюсъ сынъ младшей; первый имѣлъ больше правъ, происходя отъ старшей сестры, и притомъ его мать, въ той же степени близкая королевскому дому, какъ и Брюсъ, была еще жива, когда умерла Маргарита. Шотландскій парламентъ предоставилъ разборъ ихъ правъ Эдуарду, не подумавъ о неосторожности подобнаго шага, который, конечно, не сдѣлали бы въ болѣе образованную эпоху, когда обдумываютъ послѣдствія всякаго поступка. Эдуардъ, разумѣется, не упустилъ случая возстановить прежнее верховное владычество Англіи надъ Шотландіей. Онъ устроилъ судъ не въ Шот-

ландіи, а въ Англіи, — на что шотландцы согласились въ избѣжаніе проволочекъ, и видя множество новыхъ претендентовъ, — пригласилъ къ разбору 12 шотландцевъ и столько же англичанъ, отложилъ рѣшеніе спора до весны слѣдующаго года, велѣлъ своимъ юристамъ запутать это и безъ того темное дѣло, а одному изъ нихъ, предсѣдательствовавшему въ судѣ, вставить, искуснымъ образомъ, въ своей рѣчи, фразу, что англійскіе короли были съ незапамятныхъ временъ верховными владыками Шотландіи. Наконецъ, онъ устроилъ даже такъ, что протоколы велись однимъ изъ его клевретовъ и передавали дѣло въ искаженномъ видѣ. Шотландскіе вельможи, несогласные между собою и принадлежавшіе къ различнымъ партіямъ, допускали все это и даже отдали Эдуарду всѣ крѣпости, для того чтобъ онъ имѣлъ возможность привести въ исполненіе свое рѣшеніе. Онъ рѣшилъ въ пользу Балліоля (1292 г.), и передалъ ему, съ притворнымъ великодушіемъ, крѣпости и королевскія имѣнія; но вмѣстѣ съ тѣмъ заставилъ его принести словесно и письменно вассальную присягу, и потомъ, возбудивъ противъ него жалобы, потребовалъ въ Лондонъ къ суду. Балліоль, не имѣя возможности сопротивляться внутреннимъ врагамъ и англійскому королю, хотѣлъ защищаться черезъ уполномоченныхъ, но былъ принужденъ явиться лично и получилъ такія оскорбленія, что рѣшился отмстить Эдуарду, и заключилъ союзъ съ французскимъ королемъ Филиппомъ IV, не задолго до того начавшимъ войну противъ Англіи (1295 г.). По поводу этого союза, навлекшаго на Шотландію страшныя бѣдствія, необходимо обозрѣть исторію Франціи отъ Филиппа II Августа до этой войны.

4. Франція отъ Людовика VIII до вступленія на престолъ Филиппа IV.

Филиппу Августу, до смерти котораго была доведена исторія Франціи (т. VII. стр. 125), наслѣдовалъ въ 1223 г. старшій сынъ,

Людовикъ VIII, весьма похожій на отца. Его короткое трехлѣтнее царствованіе было весьма важно для развитія могущества Франціи, сильно увеличеннаго его отношеніями къ Англіи, пріобрѣтеніями по поводу альбигойской войны и договоромъ съ Фландріею. Заключая миръ съ опекуномъ Генриха III (1217 г.), Людовикъ, между прочимъ, обязался возвратить Англіи всѣ ея французскія владѣнія, захваченныя Филиппомъ Августомъ (т. VII. стр. 123.). Сдѣлавшись королемъ, онъ не только не выполнилъ этого, но старался завладѣть и остальными англо-французскими провинціями. Посланные Генрихомъ армія и флотъ не могли ничего сдѣлать, потому что часть рыцарства была въ тайныхъ сношеніяхъ съ Людовикомъ и добровольно подчинилась ему, а остальные уступили силѣ. Вѣроятно, онъ успѣлъ бы отнять у Англіи еще многое, но въ это самое время покупка земель, отнятыхъ у альбигойцевъ, обратила все его вниманіе на югъ. Его дѣйствія тамъ были уже описаны нами (т. VII. стр. 247). Относительно Фландріи, какъ и во всемъ онъ слѣдовалъ политикѣ отца. Филиппъ, взявъ въ плѣнъ, при Бувинѣ, множество рыцарей, извлекъ изъ этого огромныя денежныя выгоды (т. VII. стр. 118); Людовикъ, имѣя еще въ своихъ рукахъ могущественнѣйшаго изъ плѣнниковъ, графа фландрскаго, принудилъ его жену, Іоанну, къ громаднымъ пожертвованіямъ. По договору, заключенному въ Мелюнѣ, 1225 г., графъ франдрскій обязался заплатить неслыханный выкупъ, отдавъ въ залогъ три важнѣйшихъ города своихъ владѣній, признавъ себя вассаломъ французской короны и обязавъ своихъ бароновъ и городскія общины помогать противъ себя французскому королю въ случаѣ невыполненія договора.

Въ 1226 г. Людовику VIII наслѣдовалъ его сынъ, Людовикъ IX или Святой, характеръ котораго уже отчасти извѣстенъ намъ изъ его крестовыхъ походовъ (т. VII. стр. 193 — 199, 231 и 301) и борьбы папъ съ послѣдними Гогенштауфенами (т. VII. стр. 280 — 284 и 289). Его несовершеннолѣтіе послужило поводомъ къ сильнымъ волненіямъ. Баронамъ хотѣлось возстановить прежнюю форму правленія, избирательную монархію

(т. VI. стр. 59), или, по крайней мѣрѣ, учредить регентство, по соглашенію съ представителями, и измѣнить направленіе, данное правительству двумя послѣдними королями. Но мать молодаго Людовика, благочестивая Бланка Кастильская, и руководившій ею кардиналъ Романъ де Сентъ-Анжелю, посиѣшно установили регентство, не созывая даже государственныхъ сословій. Три епископа, санскій, шатрскій и бовэскій, присягнули, что король, умирая, назначилъ правительницею и опекуншею жену, а Бланка, обладавшая при всемъ своемъ благочестіи удивительной энергіей, тотчасъ же посвятила сына въ рыцари и короновала его королемъ. Бароны продолжали все таки упорствовать и рѣшились сопротивляться силою, такъ какъ ихъ крайне тревожили отношенія Бланки къ кардиналу, совѣты котораго явно клонились къ увеличенію королевскаго самовластія и господства папы. Сильнѣйшіе владѣльцы соединились противъ Бланки и ея друга, но хитрость кардинала, ловкость королевы и собственное неумѣнье разрушили ихъ планы; даже союзъ ихъ съ англійскимъ королемъ оказался совершенно безполезнымъ. Однако, борьба длилась во все время регентства и первые годы правленія Людовика.

Людовикъ и по достиженіи совершеннолѣтія (1236 г.) остался подъ вліяніемъ матери. Чрезмѣрная набожность сдѣлала ее слишкомъ одностороннею и слабою, а по ея примѣру и сынъ ея пристрастился къ внѣшнимъ обрядамъ. Но такъ какъ, не смотря на благочестіе, она не забывала и вещественныхъ интересовъ, а самъ Людовикъ имѣлъ весьма много здраваго смысла, то главная задача его жизни не была упущена имъ изъ виду; къ тому же практическій смыслъ, всегда сильно развитый въ эпоху простоты, въ то время точно такъ же умѣрялъ теоретическія заблужденія ума, какъ христіанское смиреніе — гордость сильныхъ. Въ концѣ концевъ, Людовикъ былъ истинно благочестивый, практически умный, благородный, добродѣтельный, честный человѣкъ и самый справедливый изъ государей.

Въ 1242 г. у него началась война съ англійскимъ королемъ Генрихомъ III, кончившаяся для него необыкновенно скоро и счастливо. Во время возстанія вассаловъ противъ Бланки, Генрихъ, по совѣту своего министра Губерта Борга, не воспользовался благопріятными обстоятельствами, а потомъ, въ 1241 г., медлилъ подать помощь возставшему графу де ла Маршъ, пока тотъ не былъ окончательно побѣжденъ. Наконецъ, онъ явился на Шарантѣ съ довольно значительнымъ войскомъ, но былъ разбитъ. Однако Людовикъ, чувствуя угрызенія совѣсти по поводу захвата дѣдомъ англо-французскихъ провинцій, не воспользовался побѣдой и заключилъ пятилѣтній миръ, а черезъ нѣсколько лѣтъ онъ предпринялъ свой первый крестовый походъ, исторія котораго уже разсказана выше. Раны, нанесенныя имъ Франціи, Людовикъ исцѣлилъ, по возвращеніи, святостью жизни и непреложною справедливостью. Его простой домашній и придворный бытъ требовалъ такъ мало расходовъ, что истраченныя на крестовый походъ суммы были скоро пополнены. Впрочемъ, бережливость его вовсе не была скупостью: въ необходимомъ у него никогда не было недостатка, устранялось только излишнее. Государственное хозяйство также велось чрезвычайно разумно; домены приносили вдвое больше дохода, чѣмъ прежде, и благодаря этому, Людовику не приходилось такъ часто обращаться къ государственнымъ сословіямъ за утвержденіемъ налоговъ, какъ его сосѣду Генриху III. Но важнѣйшей заслугой его передъ народомъ была заботливость о правосудіи. Онъ первый въ Европѣ началъ обуздывать кулачное право и напомнилъ Франціи вещь, совершенно забытую тогда въ Германіи, что король справедливѣйшій судья и могущественнѣйшій защитникъ народа противъ наглаго притѣсненія богатыхъ и сильныхъ. Какъ умный и добросовѣстный человѣкъ, онъ ставилъ судьями людей свѣдущихъ и пользовавшихся довѣріемъ согражданъ; потому его суды были самыми справедливыми, умными и энергическими, а его собственная гражданская честность, неподкупавшаяся никакими политическими расчетами, до того признавалась всѣми, что самые могущественные вассалы избирали его

28*

посредникомъ въ распряхъ, и его правдивые приговоры, подкрѣпляемые силою королевской власти, не разъ предотвращали кровопролитіе. Все это давало ему возможность расширять кругъ дѣйствія королевскихъ судовъ, ограничивая судебныя права феодальныхъ владѣльцевъ и освобождая судопроизводство изъ подъ вліянія духовенства. Въ коронныхъ владѣніяхъ онъ совершенно отмѣнилъ судебный поединокъ, хотя вообще держался старыхъ обычаевъ. Особенно славились его Plaids de la porte, въ которыхъ дѣла разбирались не судьями, но честными людьми, по его назначенію; они происходили въ Венсеннѣ, подъ стариннымъ дубомъ и въ Парижѣ въ королевскомъ саду, гдѣ всякій имѣлъ къ нему доступъ. Для наукъ имъ сдѣлано чрезвычайно много. Благочестіе не мѣшало ему поощрять изученіе Аристотеля, противъ котораго сильно возставали папа и церковь; онъ даже послѣдовалъ примѣру мухаммеданскихъ государей, съ библіотеками которыхъ ознакомился въ своемъ первомъ крестовомъ походѣ, и положилъ основаніе библіотекѣ, которая должна была содержать не однѣ духовныя книги.

Разумѣется, и Людовикъ имѣлъ слабости; избытокъ и глубина чувствъ, соединенныя съ чрезмѣрною религіозностью, дѣлали его человѣкомъ весьма слабымъ. Это доказывала, между прочимъ, строгость, съ которою онъ наказывалъ даже за простыя слова, казня и истязая обвиненныхъ въ томъ, что считалось въ то время богохульствомъ; самъ папа, наконецъ, счелъ нужнымъ просить его быть снисходительнѣе къ подобнымъ проступкамъ. Слабость его характера обнаруживалась въ его пристрастіи къ доминиканцамъ и францисканцамъ, іезуитамъ того времени, вмѣшивавшимся рѣшительно во всѣ сферы жизни, распространявшимъ свое вліяніе и на церковныя и на мірскія дѣла, господствовавшимъ въ политическихъ кружкахъ и въ семьѣ и стремившимся подчинить себѣ даже науку. Придавая огромное значеніе внѣшности, онъ увлекался наружностью этихъ монаховъ, единственныхъ духовныхъ того времени, походившихъ видомъ на первыхъ проповѣдниковъ евангелія и отлично умѣвшихъ скрывать волчьи мысли подъ овечьими шкурами.

Наконецъ, его упрекали въ томъ, что онъ проводилъ слишкомъ много времени за молитвами и обѣднями, но въ этомъ онъ отлично оправдался, давъ однажды своимъ порицателямъ отвѣтъ, доказывающій глубокое знаніе человѣческаго сердца и ясное пониманіе обязанностей государя. „Меня никто не упрекнулъ бы, сказалъ онъ, если бы я тратилъ вдвое болѣе времени на игру въ кости, охоту и соколовъ.“ Онъ могъ бы также указать на характеръ и жизнь брата, Карла Анжуйскаго, котораго, конечно, нельзя было упрекнуть въ чрезмѣрной набожности. Вообще, онъ зналъ границу между побужденіями сердца и велѣніями разсудка и умѣлъ держаться ея, гдѣ было нужно. Это доказали два въ высшей степени важныя узаконенія, изданныя въ то самое время, какъ онъ готовился къ совершенно безполезному второму крестовому походу. Одно изъ нихъ, обнародованное въ 1269 г., знаменитая прагматическая санкція; ею уничтожались злоупотребленія при замѣщеніи духовныхъ должностей, ограничивались притязанія римскаго двора, запрещалась уплата папѣ какихъ бы то ни было повинностей безъ разрѣшенія короля, и вообще права французской церкви опредѣлялись такъ рѣшительно, что папа не смѣлъ и думать противиться имъ. Второе узаконеніе, вышедшее черезъ годъ, были такъ называемыя etablissements de St. Louis (установленія св. Людовика), извѣстное собраніе законовъ, давшее Франціи новое законодательство, основанное на древнихъ обычаяхъ и правахъ, но устранявшее всѣ неясности и смягчавшее прежнюю жестокость.

Таковы были важнѣйшія внутреннія распоряженія Людовика; если бы его преемники сколько нибудь подражали ему, неограниченная монархія водворилась бы во Франціи ранѣе Людовика XI и гораздо болѣе справедливымъ путемъ, чѣмъ при немъ. Во внѣшнихъ сношеніяхъ Людовикъ оставался вѣренъ своему благочестивому, благородному, честному характеру. Онъ облагодѣтельствовалъ страну, доставшуюся Франціи въ его дѣтство, по окончаніи альбигойской войны (т. VII. стр. 249), дѣйствовалъ честно, миро-

любиво и благоразумно во время раздора папы съ германскимъ императоромъ (т. VII. стр. 280) и послѣ того, когда римскій дворъ захватилъ гогенштауфенское наслѣдство (т. VII стр. 291), и примирился на снисходительныхъ условіяхъ съ сосѣдями, для того чтобъ общими силами противодѣйствовать врагамъ христіанства. Въ 1258 году онъ окончилъ давнишнюю войну Франціи съ арагонскимъ королемъ, а въ слѣдующемъ году, вопреки желанію французской аристократіи, заключилъ съ Генрихомъ III миръ, выгодный для обѣихъ сторонъ. По этому миру Англія удержала изъ своихъ прежнихъ французскихъ владѣній Лимузенъ, Перигоръ, Аженуа, Керси и часть Сентонжа, какъ лены французской короны. Своего алчнаго брата Карла, захватившаго во время распри Іоанна д'Авена съ братьями Дампьерръ (т. VII. стр. 377) почти весь Геннегау, Людовикъ принудилъ возвратить эту добычу.

Когда набожность заставила его предпринять второй крестовой походъ, большинство аристократіи и рыцарей рѣшительно отказалось слѣдовать за нимъ; но онъ склонилъ однихъ ласками и любовью, а другимъ далъ почувствовать, что позорно оставлять короля въ дѣлѣ чести и вѣры. До отъѣзда, онъ два года занимался исключительно внутренними дѣлами, желая, чтобъ и въ его отсутствіе управленіе продолжало итти въ его духѣ; своей женѣ, Маргаритѣ, дочери Раймунда Беренгара Прованскаго (т. VII. стр. 289), онъ не далъ никакого вліянія на дѣла, хотя, по обычаю, регентство должно было принадлежать ей, и, вообще, всю жизнь обращался съ нею строго и недовѣрчиво. Выше было уже разсказано, почему онъ отправился въ Тунисъ, и чѣмъ кончилось это несчастное предпріятіе (т. VII. стр. 301). Онъ самъ былъ въ числѣ жертвъ, погибшихъ отъ заразительной болѣзни, климата, недостатка въ водѣ и изнуренія, и умеръ 25 августа 1270 г.

Его сынъ и преемникъ, Филиппъ III Смѣлый, участвовавшій вмѣстѣ съ нимъ въ походѣ, не продолжалъ войны, настоящей цѣлью которой было завоеваніе святаго гроба и, заключивъ миръ съ владѣтелемъ Туниса, возвратился во Францію. Здѣсь

онъ вскорѣ наслѣдовалъ послѣ дяди Альфонса и его жены всѣ ихъ владѣнія, обнимавшія собой большую часть южной Франціи: Тулузу, Руэргъ, Ажену, Керси, Венессенъ, Они и часть Альбижуа, Пуату, Оверни и Сентонжа. Изъ нихъ онъ отдалъ (1279 г.) Ажену, на основаніи договора, заключеннаго отцомъ, англійскому королю Эдуарду I, а Венессенъ (1274 г.), лежавшій къ сѣверу отъ Дюрансы и къ востоку отъ Роны, папскому правительству, имѣвшему на него притязанія и удержавшему его до 1291 г. Хотя всѣ новыя пріобрѣтенія французскаго короля сохраняли до 1361 г. особое управленіе, но присоединеніе къ Франціи весьма чувствительно отозвалось на нихъ. Мѣстное населеніе издавна пользовалось свободой и обширными правами, а Альфонсъ и его жена значительно содѣйствовали развитію благосостоянія; все это измѣнилось при французскомъ управленіи, не смотря на то, что Филиппъ подтвердилъ прежнія права и привилегіи. Даже графъ де Фуа почувствовалъ новое сосѣдство: враждовавшій съ нимъ де Казобонъ (Casaubon) просилъ помощи у Филиппа, и побѣжденный де Фуа былъ посаженъ въ тюрьму.

Вскорѣ Филиппу представился случай расширить свои владѣнія на западъ. Въ 1234 г. французскій вассалъ графъ Тибо Шампанскій женился на наслѣдницѣ испанскаго королевства Наварры, вошедшаго съ тѣхъ поръ въ близкія сношенія съ Франціей. Внукъ Тибо, Генрихъ I, умирая (1274 г.), оставилъ единственную дочь Іоанну и завѣщалъ, чтобы ее воспитали подъ французской опекой и выдали за мужъ за французскаго принца. Противъ этого возстали наваррскія сословія, а арагонскій и кастильскій короли постарались воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ для расширенія своихъ владѣній. Однако Филиппъ помолвилъ Іоанну за своего наслѣдника, Филиппа IV, и послалъ въ Наварру войско. Евстафій де Бомарше, назначенный имъ правителемъ Наварры, подчинилъ ее, но, позволивъ себѣ нарушать старинные обычаи, которыхъ тамъ упорно держались, вызвалъ возстаніе. Тогда вновь явилось французское войско, взяло приступомъ главный городъ Памплуну, и

произведенными тамъ неистовствами заставило покориться прочіе города и вассаловъ. Подчинивъ Наварру, Филиппъ обратился противъ Кастиліи, гдѣ два сына его сестры, бывшей замужемъ за кастильскимъ принцемъ, спорили тогда о престолѣ со своими дѣдомъ и дядей. Но въ это дѣло вмѣшался папа, такъ что Филиппу пришлось оставить Кастилію въ покоѣ и начать переговоры, которые, однако, ничѣмъ не кончились. Вслѣдъ за тѣмъ, папа далъ ему новый поводъ начать войну съ Арагоніей, подаривъ ее его сыну Карлу де Валуа (т. VII. стр. 309). Успѣвъ только завоевать Хирону, Филиппъ черезъ нѣсколько недѣль умеръ (1285 г.). Ему наслѣдовалъ старшій сынъ его, Филиппъ IV Красивый.

5. Филиппъ IV и Эдуардъ I до начала вражды Филиппа съ папою Бонифаціемъ VIII.

Филиппъ IV не имѣлъ успѣха въ арагонской войнѣ и потому началъ мирные переговоры (т. VII. стр. 309). Посредникомъ былъ выбранъ англійскій король Эдуардъ I, незадолго до того принесшій Филиппу ленную присягу и заключившій съ нимъ мирный договоръ (1286 г.). Онъ дѣйствовалъ до того двусмысленно, что французы рѣшительно обвиняли его въ тайной сдѣлкѣ съ ихъ врагами, и дѣйствительно, онъ имѣлъ частыя и весьма подозрительныя сношенія съ Арагоніей и Кастиліей. Филиппъ рѣшился воспользоваться негодованіемъ своихъ подданныхъ на Эдуарда и англичанъ, чтобъ вытѣснить ихъ изъ Франціи. Найти поводъ къ войнѣ было не трудно, и въ 1293 г. французское войско вторглось въ англійскія провинціи. Обстоятельства благопріятствовали Филиппу: Эдуардъ совершенно запутался въ шотландскихъ дѣлахъ, жители Уэльса снова возстали, а шотландцы заключили союзъ съ Франціей. Все это заставило англійскаго короля вступить въ переговоры; онъ послалъ во Францію брата, Эдмунда, и въ 1294 г. заключенъ былъ трактатъ, доставившій Филиппу мир-

нымъ путемъ владѣнія, которыхъ онъ съ трудомъ добился бы оружіемъ, такъ какъ намѣстникъ англійскихъ провинцій на материкѣ хотѣлъ упорно сопротивляться. Эдуардъ согласился на весьма странное условіе, вѣроятно расчитывая, что оно упрочитъ его власть надъ безпокойными подданными тѣхъ провинцій: онъ обязался передать французскому королю, въ видѣ удовлетворенія, нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ Гіенни, съ тѣмъ что они потомъ будутъ возвращены ему. Съ его стороны это обязательство было честно выполнено, но Филиппъ, самый алчный и властолюбивый изъ королей, нарушилъ слово и не очистилъ занятой страны. Разумѣется, это вызвало новую войну. Эдуардъ немедленно объявилъ вѣроломному Филиппу о разрывѣ и прекращеніи ленныхъ отношеній. Въ этомъ ему содѣйствовали два доктора богословія, монахи доминиканскаго и францисканскаго орденовъ, — новое доказательство, что нищенствующая братія являлась тогда совѣтниками и въ кабинетахъ государей, какъ и въ крестьянскихъ хижинахъ.

Оба противника старались усилить себя союзниками, и Эдуардъ пріобрѣлъ ихъ совершенно новымъ способомъ: щедрыми субсидіями. Онъ склонилъ на свою сторону германскаго императора Адольфа Нассаускаго, употребившаго полученныя имъ деньги для собственныхъ цѣлей и заключилъ союзы съ голландцами, зеландцами и графами барскимъ, брабантскимъ и геннегаускимъ; графы савойскій и бургундскій также взяли деньги и ничего не сдѣлали; графъ фландрскій, Ги де Дампьерръ, вошелъ съ нимъ въ тайныя сношенія и хотѣлъ помолвить за него дочь, за что вмѣстѣ съ дочерью и былъ арестованъ Филиппомъ. Французскій король имѣлъ союзниками шотландскаго короля Іоанна Балліоля, Альбрехта Австрійскаго, Гумберта, графа Дофинэ, владѣтелей Лонгви и Шатильона, нѣсколько кастильскихъ городовъ и городскія общины Санъ-Себастіяна и Фонтарабіи. Деньги для войны Филиппъ взялъ съ народа, не обращая вниманія на ропотъ и неудовольствія. Также распорядился и Эдуардъ; онъ имѣлъ,

правда, на своей сторонѣ то преимущество, что англичане считали эту войну національнымъ дѣломъ; но, недовольствуясь пожертвованіями патріотовъ, онъ взималъ огромныя реквизиціи, не обращая вниманія на привилегіи и обобравъ, между прочимъ, всѣ монастыри. Его надежнѣйшимъ союзникомъ былъ графъ фландрскій. Филиппъ выпустилъ его, но задержалъ въ Парижѣ его дочь, чтобы отецъ не могъ выдать ее замужъ безъ согласія сюзерена. Ги счелъ это наглымъ нарушеніемъ ленныхъ отношеній, сложилъ съ себя вассальныя обязанности, заключилъ формальный союзъ съ Эдуардомъ и объявилъ Франціи войну. Это подвергало Фландрію сильной опасности, отъ которой ее могла избавить только энергическая помощь Эдуарда; но англійскій король, желая дѣйствовать противъ шотландцевъ, заключилъ въ томъ же году (1296 г.) и въ слѣдующемъ перемиріе, обращенное въ 1299 г. во временной, а въ 1303 г. въ вѣчный миръ, по которому онъ удержалъ Гіеннь, женился на сестрѣ Филиппа и пожертвовалъ ему графомъ фландрскимъ. По этому, въ то самое время, какъ Эдуардъ истреблялъ шотландцевъ, Филиппъ со всѣми своими силами двинулся на Фландрію.

Оба короля хотѣли окончательно завладѣть землями, въ которыя вторглись; но Филиппъ нашелъ во Фландріи цѣлую французскую партію, такъ называемую партію лиліи, тогда какъ Эдуардъ имѣлъ въ Шотландіи только нѣсколькихъ подкупленныхъ приверженцевъ. Французское войско, предводительствуемое самимъ королемъ и графомъ Робертомъ д'Артуа, вступило во Фландрію съ двухъ сторонъ (1297 г.). Графъ д'Артуа разбилъ фландрскія силы при Фюрнѣ (Furnes) и этимъ принудилъ къ сдачѣ Лилль, осажденный королемъ. Въ это самое время прибылъ во Фландрію Эдуардъ. Союзники, которыхъ онъ надѣялся встрѣтить—императоръ Адольфъ, графъ Генрихъ Барскій и другіе—не явились; важнѣйшіе фландрскіе города, Даммъ, Брюгге, Гентъ, самые значительные фабричные и торговые пункты тогдашней Европы,—конечно, не считая Италіи,—уже впустили къ себѣ французовъ; наконецъ, едва покоренные шотландцы снова возстали. Все это заставило Эдуарда

заключить двухлѣтнее перемиріе (1297 г.), которое распространялось и на графа фландрскаго, но Лилль, Брюгге и Дуэ остались за французами. По истеченіи перемирія (1299 г.), братъ Филиппа, король безъ земли, Карлъ де Валуа, вернулся въ Фландрію, взялъ нѣсколько городовъ и нанесъ рѣшительное пораженіе при Даммѣ сыну Ги, Роберту. Занятый въ Шотландіи, Эдуардъ не могъ помочь союзнику, къ тому же его вассалы, недовольные безпрерывными войнами и самовластіемъ короля и боявшіеся шотландскихъ вторженій, рѣшительно отказались ѣхать на континентъ. Послѣ побѣды Карла де Валуа, онъ заключилъ съ Франціей миръ, пожертвовавъ графомъ фландрскимъ. Тогда Ги согласился подчиниться на извѣстныхъ условіяхъ, сдать французамъ укрѣпленныя мѣста и явиться въ Парижъ къ своему сюзерену. Карлъ принялъ эти условія и Ги, полагаясь на его слово, отправился съ сыновьями въ Парижъ. Филиппъ поступилъ съ нимъ звѣрски: разлучивъ его съ сыновьями, онъ подвергнулъ всю семью заключенію, объявилъ Фландрію выморочнымъ леномъ и присоединилъ ее къ коронѣ, пославъ управлять ею своихъ чиновниковъ. Участь графа фландрскаго была одною изъ причинъ раздора Филиппа съ Бонифаціемъ VIII, къ которому Ги обратился послѣ перваго плѣна по дѣлу дочери. Этотъ раздоръ деспотическаго, алчнаго, несправедливаго короля съ совершенно подобнымъ ему папою значительно содѣйствовалъ позднѣйшему развитію церковной свободы во Франціи и могъ бы служить для всѣхъ европейскихъ государей примѣромъ, какъ надо дѣйствовать, чтобъ вырвать религію и церковь изъ рукъ кардиналовъ и папъ. По его тѣсной связи съ событіями слѣдующаго столѣтія, разсказъ о немъ долженъ быть отнесенъ къ тому времени.

Между тѣмъ Эдуардъ былъ занятъ покореніемъ Шотландіи. Въ 1295 г. Балліоль заключилъ тайный союзъ съ Франціей. Узнавъ объ этомъ и желая привести дѣло въ ясность, Эдуардъ потребовалъ отъ него прекращенія всякихъ сношеній съ Франціей и передачи англичанамъ, въ залогъ вѣрности, трехъ сильнѣйшихъ крѣпостей. Бал-

ліоль, давно уже понимавшій намѣренія англійскаго короля, не могъ исполнить этихъ требованій, и потому Эдуардъ отправился съ войскомъ въ Шотландію. Сначала онъ находился въ большомъ затрудненіи, потому что по древнимъ обычаямъ нельзя было воевать противъ вассала, не предваривъ его за нѣсколько времени и не предавъ его суду пэровъ. Шотландцы и Балліоль сами помогли ему. Шотландцы первые начали военныя дѣйствія, истребивъ одинъ англійскій отрядъ, а Балліоль письменно объявилъ о прекращеніи ленныхъ отношеній. Такимъ образомъ съ англичанъ была снята отвѣтственность за нарушеніе священнаго права. Война кончилась гораздо скорѣе, чѣмъ можно было предполагать: трусость и неискусство шотландскаго короля и апатія націи погубили страну. Бывшій соперникъ Балліоля, Робертъ Брюсъ, передался съ нѣсколькими приверженцами англичанамъ, народъ же, напротивъ, считая дѣло Балліоля своимъ собственнымъ, приставилъ къ королю опеку изъ двадцати бароновъ и четырехъ епископовъ. Но принятыя этой коммисіей оборонительныя мѣры были дурны, и въ сраженіи при Донбарѣ шотландцы испытали сильное пораженіе. Трусливый Балліоль сразу отчаялся въ спасеніи, добровольно отправился со всею знатью въ англійскій лагерь, сдался въ плѣнъ и отказался отъ королевства (1296 г.). Тогда вся страна, не исключая и горцевъ, покорилась Эдуарду и въ шесть, мѣсяцевъ онъ овладѣлъ всей Шотландіей. Эдуардъ освободилъ Балліоля, считая его, безъ сомнѣнія, совершенно ничтожнымъ, но тотъ, уже потерявъ охоту царствовать, отправился въ Нормандію, откуда происходилъ его родъ, имѣвшій тамъ большія помѣстья, и умеръ частнымъ человѣкомъ. Его потомство сохранилось въ Нормандіи до нашего времени. Эдуардъ уничтожилъ всѣ признаки шотландской независимости и даже увезъ изъ Скона древній королевскій камень, на которомъ короновались шотландскіе короли.

Послѣ неожиданно счастливаго и скораго окончанія шотландской войны, Эдуарду захотѣлось возвратить прежнія англо-французскія владѣнія. Но для новой войны нужны были деньги, получить которыя можно было только нарушивъ конституцію, а англичане

уже слишкомъ хорошо научились при Генрихѣ III понимать свои права, чтобы въ тогдашнемъ положеніи дѣлъ оставить ненаказанными произвольные поборы. Эдуардъ попробовалъ начать съ духовенства, и, получивъ отъ него отказъ объявилъ его внѣ королевской защиты, то есть отдалъ на грабежъ рыцарству. Это подѣйствовало; духовенство смирилось и заплатило пятую часть имущества; только архіепископъ кентерберійскій продолжалъ упорствовать и сдѣлался душой недовольныхъ, когда король конфисковалъ его имѣнія. Обобравъ духовенство, Эдуардъ принялся за горожанъ и получилъ отъ нихъ весьма значительныя суммы посредствомъ налога на главный англійскій продуктъ, шерсть. Послѣ того онъ думалъ принудить къ походу и сильныхъ вассаловъ, а когда это не удалось, приказалъ мелкимъ ленникамъ сопровождать его за жалованье. Тогда разразилась гроза, которую онъ могъ унять только цѣной огромныхъ пожертвованій (1297 г.). Передъ самымъ отъѣздомъ, бароны письменно изъявили ему свое неудовольствіе на нарушеніе конституціи, стали съ угрозами требовать подтвержденія привилегій, добытыхъ при Генрихѣ III, и порицали короля за походъ на континентъ въ то время, какъ Англіи грозили вторженія шотландцевъ. Эдуардъ уклонился отъ рѣшительнаго отвѣта подъ предлогомъ, что его совѣтники уже уѣхали во Фландрію, но обѣщалъ подтвердить привилегіи и разобрать жалобы. По его отъѣздѣ бароны соединились съ недовольными жителями Лондона и съ новою энергіей возобновили требованія. Это заставило Эдуарда торжественно подтвердить великую хартію и лѣсную грамату, данную Генрихомъ III, и обязаться не взимать налоговъ безъ разрѣшенія парламента (сентябрь 1297 г.).

Не найдя во Фландріи ожидаемыхъ союзниковъ и узнавъ объ общемъ возстаніи въ Шотландіи, Эдуардъ заключилъ перемиріе съ Филиппомъ IV, пожертвовавъ графомъ фландрскимъ, и поспѣшно вернулся въ Англію. Во главѣ шотландскаго возстанія сталъ Вильгельмъ Валласъ, молодой человѣкъ простаго происхож-

денія, котораго часто сравнивали съ лузитанцемъ Виріатомъ (т. III. стр. 446). Собравъ своихъ земляковъ, онъ выгналъ изъ Шотландіи англійскія войска и проникъ въ самое сердце Англіи, страшно опустошая ее. Но такъ какъ онъ не имѣлъ ни фамильныхъ связей, ни вассаловъ, а знать неохотно слѣдовала за нимъ, то нечего было и думать о какихъ бы то ни было общихъ и энергическихъ мѣрахъ сопротивленія. Эдуардъ, тотчасъ по возвращеніи въ королевство, двинулся противъ него со всѣми силами Англіи, вторгнулся въ предѣлы Шотландіи и разбилъ Валласа на голову при **Фолькиркѣ** (Falkirk). Говорятъ, что шотландцы потеряли до 20 т. человѣкъ, и этому можно повѣрить, потому что Эдуардъ дѣйствовалъ противъ полудикихъ массъ многочисленною, превосходною кавалеріей, а Валласъ не принялъ никакихъ мѣръ къ оборонѣ, кромѣ постройки передъ своимъ фронтомъ частокола. Однако Эдуарду не удалось вновь подчинить себѣ Шотландію, потому что противъ него выступили папа, архіепископъ кентербёрійскій и англійская аристократія. Пока онъ преслѣдовалъ шотландцевъ до самыхъ недоступныхъ мѣстъ ихъ родины, страшно опустошая ее, а они, съ своей стороны, отрѣзали ему всякое сообщеніе съ Англіей,—недовольные бароны собрались въ Лондонѣ (1299 г.). Въ тó же время мстительный архіепископъ кентербёрійскій, не обращая вниманія на опасности пути, поскакалъ къ королю, съ письмомъ Бонифація VIII, въ которомъ папа объявлялъ, что хочетъ быть судьею между Англіей и Шотландіей. Эта выходка Бонифація была тѣмъ страннѣе, что онъ, такъ же какъ и Филиппъ IV, предоставилъ Балліоля его собственной участи, хотя тотъ просилъ у него помощи послѣ первыхъ оскорбленій со стороны англійскаго короля. Эдуардъ, считая необходимымъ примириться прежде всего съ баронами, вторично подтвердилъ ихъ привилегіи, исключивъ даже первоначально вставленное выраженіе: „не нарушая правъ короны,“ и согласился на особыя мѣры, гарантировавшія неприкосновенность этихъ льготъ и ограждавшія ихъ отъ новыхъ притязаній короны. Папѣ онъ долго не отвѣчалъ, но наконецъ написалъ, что шотландскія дѣла подлежатъ вѣдѣнію англійскаго пар-

ламента; потомъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, онъ прекратилъ на время войну, распустилъ войско, успокоилъ бароновъ, жаловавшихся на новыя притѣсненія, и убѣдилъ ихъ дѣйствовать сообща противъ папы. Онъ достигъ цѣли: представители націи, собранны въ Линкольнѣ (1301 г.), весьма рѣзко объявили Бонифацію, что дѣла Англіи съ Шотландіей вовсе до него не касаются.

Окончивъ дѣла съ подданными и папою, женившись на сестрѣ Филиппа IV и обручивъ сына, Эдуарда II, съ его дочерью, король опять отправился въ Шотландію (1303 г.), гдѣ часть населенія перешла на его сторону, а Валласъ, стоя во главѣ другой половины, удачно воевалъ противъ англичанъ. Но даже и его партія готова была подчиниться, съ тѣмъ, чтобы Шотландія имѣла своего короля. Эдуардъ не согласился, и кровопролитіе возобновилось. Валласъ сталъ дѣйствовать тогда совершенно иначе. Принаравливаясь къ мѣстности и легкому вооруженію шотландцевъ, онъ избѣгалъ сраженія, отступалъ, бросался въ стороны, нападалъ на непріятелей врасплохъ, безпрерывно тревожилъ ихъ небольшими стычками и истребилъ у нихъ столько людей, что принудилъ еще разъ очистить страну. Въ этой борьбѣ въ самомъ яркомъ свѣтѣ обнаруживаются его таланты: онъ всегда умѣлъ ободрять падавшее мужество шотландцевъ, съ неутомимою энергіей вырывалъ у непріятелей плоды ихъ успѣховъ, создавалъ послѣ пораженія новыя войска и въ сущности всегда оставался побѣдителемъ. Но и Эдуардъ дѣйствовалъ настойчивѣе, чѣмъ прежде. Перенеся изъ Лондона въ Іоркъ королевскіе суды кингсбэнчъ (Kingsbench — королевской скамьи) и шахматной доски (Exchequer), онъ рѣшился скорѣе перемѣнить резиденцію, чѣмъ отказаться отъ завоеванія Шотландіи. На этотъ разъ ему подчинилось большинство шотландскихъ аристократическихъ фамилій и даже лордъ Коминъ, котораго вельможи сдѣлали регентомъ, чтобъ избавиться отъ униженія имѣть предводителемъ человѣка простаго происхожденія. Вскорѣ вся нація, за исключеніемъ небольшой горсти храбрецовъ, покорилась англійскому господству.

Самъ Валласъ попался въ руки непріятелей, но не по своей винѣ, а какъ нѣкогда Виріатъ, вслѣдствіе измѣны. Вѣроломные друзья предали англичанамъ спасавшагося героя. Эдуардъ запятналъ побѣду не только постыдными жестокостями и опустошеніями, повторявшимися при каждомъ его вторженіи, но и возмутительною несправедливостью противъ плѣннаго героя. Валласъ былъ посланъ скованнымъ въ Лондонъ, приговоренъ къ смерти англійскимъ судомъ, не имѣвшимъ, даже по англійскимъ законамъ, права судить преступленія шотландцевъ въ Шотландіи, и казненъ со страшною жестокостью: его четвертовали и повѣсили его разорванное тѣло на показъ народу въ четырехъ населеннѣйшихъ городахъ Англіи. Эта безполезная жестокость вызвала въ Шотландіи тѣ же явленія, какія она производитъ повсюду, гдѣ борются изъ внутреннихъ побужденій противъ внѣшняго насилія: она ожесточила побѣжденныхъ и сдѣлала ихъ непримиримыми врагами новыхъ властителей. Вскорѣ во главѣ шотландцевъ сталъ человѣкъ, съумѣвшій собрать обильную жатву изъ посѣяннаго Валласомъ.

Новый предводитель былъ молодой Робертъ Брюсъ, сынъ соперника Балліоля. Его отецъ нѣсколько лѣтъ сражался въ англійскомъ войскѣ противъ Валласа, но однажды, случайно встрѣтясь съ нимъ, былъ привлеченъ имъ къ народному дѣлу и вступилъ въ тайные переговоры съ соотечественниками; вскорѣ послѣ того онъ умеръ. Молодой Брюсъ продолжалъ переговоры, но былъ выданъ Коминомъ и едва спасся отъ темницы. Онъ бѣжалъ отъ Эдуарда въ Шотландію (1306 г.), собственноручно закололъ предателя Комина и короновался по старинному обычаю въ Сконѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ находился древній королевскій камень. Но ему была не подъ силу борьба съ Эдуардомъ, который, безъ сомнѣнія, одолѣлъ бы его, если бы своими жестокостями не довелъ народъ до отчаянія. Онъ, по обыкновенію, неистовствовалъ въ завоеванной странѣ, сажалъ въ темницы и казнилъ всѣхъ знатныхъ плѣнниковъ и мучилъ даже патріотическихъ женщинъ. Графиня Бокхнъ (Buchan), исполнившая при короновании Роберта Брюса наслѣдственную обязанность сво-

его отсутствующаго брата и надѣвшая на новаго короля корону, была посажена въ клѣтку и выставлена на показъ въ Бервикѣ. Историкъ, передающій это событіе, объясняетъ, что средневѣковая клѣтка была маленькая деревянная избушка, выставляемая на стѣнѣ. Между тѣмъ Робертъ послѣ нѣсколькихъ успѣховъ пріобрѣлъ довѣріе своихъ соотечественниковъ, и постоянно держась болотистыхъ мѣстъ, дѣлалъ оттуда безпрерывныя нападенія на англичанъ. Эдуарду нѣсколько разъ удавалось разбивать его, но послѣ каждаго пораженія къ нему снова сбирался народъ, а его участіемъ обусловливался исходъ борьбы, такъ какъ аристократія и зажиточная часть низшаго дворянства, разоренныя войною, утратили почти всякое значеніе. Однако Эдуардъ столь же неутомимо истреблялъ силы шотландцевъ, какъ Робертъ созидалъ ихъ. Вытѣсненный наконецъ Брюсомъ изъ Шотландіи, онъ созвалъ всеобщее ополченіе и рѣшился, не смотря на преклонныя лѣта и слабѣющее здоровье, предпринять новый грозный походъ. Почти все войско уже собралось къ шотландскимъ предѣламъ, но здѣсь король почувствовалъ приближеніе смерти, и, желая хотя умереть на шотландской землѣ, велѣлъ перенести себя черезъ границу. Его смерть (1307 г.) доставила Роберту Брюсу спокойное обладаніе престоломъ.

Конецъ 7-го тома.